

В
Н

ЛЕГЕНДЫ
ФАНТАСТИКИ

Вся
НОРТОН

ПЕРЕКРЕСТКИ
ВРЕМЕНИ

Вся

НОРТОН

ПЕРЕКРЕСТКИ
ВРЕМЕНИ

ЛЕГЕНДЫ ФАНТАСТИКИ
SCI-FI FOUNDATION

ЭКСМО

Вся
НОРТОН

Вся
НОРТОН

**ПЕРЕКРЕСТКИ ВРЕМЕНИ
ПОИСК НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ВРЕМЕН
ЗВЕЗДНЫЕ ВРАТА
ОПЕРАЦИЯ «ПОИСК ВО ВРЕМЕНИ»**

ПЕРЕКРЕСТКИ ФАНТАСТИКИ

ПЕРЕКРЕСТКИ ФАНТАСТИКИ

Андрэ
НОРТОН

**ПЕРЕКРЕСТКИ
ВРЕМЕНИ**

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
Н 82

Andre Norton
THE CROSSROADS OF TIME
Copyright © 1956 by Andre Norton

QUEST CROSSTIME
Copyright © 1965 by Andre Norton

STAR GATE
Copyright © 1958 by Andre Norton

OPERATION TIME SEARCH
Copyright © 1967 by Andre Norton

Публикуется с разрешения наследников автора
и Bill Fawcett & Associates (США) при участии агентства
Александра Корженевского (Россия)

Разработка серии *А.Саукова*
Иллюстрация на переплете *А.Дубовика*

Нортон, Андрэ.
Н 82 Перекрестки времени / Андрэ Нортон ; [пер. с англ. Д. Арсеньева]. — Москва : Эксмо, 2014. — 672 с. — (Отцы-основатели).

ISBN 978-5-699-74398-8

Андрэ Нортон прожила долгую жизнь и успела создать множество прекрасных произведений, которые давно вошли в золотой фонд мировой фантастики. Уже на протяжении более чем полувека она — одна из самых популярных авторов фантастики и фэнтези в мире. Не случайно творчество Нортон так высоко ценили братья Стругацкие. Один ее роман они перевели на русский язык, а другой — вдохновил Стругацких на создание книги «Полдень XXII век. Возвращение». Богатая фантазия и живой язык произведений Нортон получили признание миллионов читателей по всему миру. В данное издание, помимо заглавного романа, вошли также «Поиск на перекрестке времени», «Звездные врата» и «Операция «Поиск во времени».

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-699-74398-8

© Д. Арсеньев, перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2014

**ПЕРЕКРЕСТКИ
ВРЕМЕНИ**

Пролог

В кабинете не было обстановки, если не считать сиденья, выдвигающегося, как ящик, из неярко светящейся стены. Отчет огненными строчками горел на экране перед инспектором. А может, строчки только казались огненными — отдел безопасности не допустил бы возможности пожара. Очень давно, на третьем месяце своей службы — так много времени прошло с тех пор, что инспектору уже трудно припомнить, — он понял, что ни одна операция не может пройти гладко. По опыту он знал, что в самых спокойных местах скрываются самые опасные ловушки.

Инспектор откинулся в кресле, послушно изменившем форму, приспособливаясь к новому положению, которое заняло его уже стареющее тело. Выражение лица инспектора не изменилось, но он тревожно провел пальцем по краю экрана, на котором по-прежнему светился отчет. Он и так слишком много времени потратил на это, но...

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Первый отдел, дополнительная информация

ПРОЕКТ 4678

Суть преступления: попытка воздействовать на ход истории другого уровня.

Агенты: Командир группы Ком Варлт, МВ 69321

Команда: Горман Тили, МВ 69345

Фал Корф, АВ 70958

Пак Ло Сидж, АВ 70889

Изложение дела: Преступник — Кмоат Во Прандж. Его путь прослежен по уровням 415—426 включительно. Наиболее веро-

ятный базовый уровень — Е 641, в обозрении Кол 30, 51446 обозначен как «отсталый в культурном отношении, в критической фазе, высадка запрещена, кроме социологических исследований, ранг И-2». Но субъект может находиться на других уровнях этой группы или произвольно перемещаться с уровня на уровень.

Прикрытие: Полученные документы и необходимое прикрытие членов местного правоохранительного органа, государственного по своему статусу (Федеральное бюро расследований).

Тип культуры: Начало атомного периода — обитатели уровня как будто не обладают пси-способностями — чрезвычайно нестабильная цивилизация — именно того типа, что привлекают Пранджа.

Примечания:

Самое главное всегда заключается в примечаниях. Взгляд инспектора переместился на ровное мерцание противоположной стены. В последнее время в штабе слишком много подобных «примечаний». Когда он сам участвовал в полевых операциях... Инспектор покачал головой, и у него хватило здравого смысла рассмеяться нарождающемуся чувству собственной значительности. Самое главное вот в чем: только человек, участвующий в полевых операциях, знает истинную суть дела. Инспектор прочел последнюю фразу, на основании которой необходимо сделать заключение.

Примечания: Операцию следует классифицировать как «сомнительное решение» — требуются дополнительные силы, согласно статье 202.

Ком Варлт, МВ, командир группы.

Ком Варлт. Инспектор кончиком пальца нажал кнопку. Отчет исчез, на его месте появился ряд кодированных символов. Гм-м, у этого агента впечатляющий послужной список. Инспектор перестал колебаться. Он нажал другую кнопку и скептически улыбнулся. Варлт просил этого — пусть получит. Только «сомнительное решение» следует заменить на «удовлетворительное»! На экране появился новый отчет, и инспектор принялся обдумывать следующий случай.

Глава 1

В узком окне маленького номера отеля небо становилось серым. Со странным чувством Блейк Уокер смотрел на зарождение нового дня. Он шевельнулся — погасил сигарету в пепельнице, стоявшей рядом с кроватью. Потом взял со стола часы. Одна минута седьмого. И то, что он ждет уже целый час, должно быть совсем близко...

Он поднял с постели свои шесть футов плотных мышц и прочных костей и пошел в ванную, чтобы включить бритву. Из зеркала на него без всякого интереса смотрели его собственные глаза, темные, усталые. В искусственном свете густая грива волос казалась черной, как и брови и ресницы, но на солнечном свете волосы у него были темно-рыжие. Однако кожа не светлая, она гладкая, смуглая, чуть коричневатая, словно перед рождением он получил устойчивый загар.

Бритье не отвлекало от мыслей, Блейк действовал привычно, к тому же щетина у него мягкая и растет медленно. Его густые черные брови сошлись на переносице: в тысячный раз он подумал, нет ли в нем азиатской крови? Но кто слышал о рыжеволосом китайце или индусе? Он не мог проследить свое происхождение. Около двадцати лет назад сержант детектив Дэн Уокер, найдя в переулке ребенка, привлек для решения возникшей проблемы полицию всего города. Ребенка нашли патрульный Харви Блейк и сержант Дэн Уокер. Впоследствии Дэн усыновил его. Но Блейк всегда гадал, где он провел первые два года своей жизни.

Под влиянием воспоминаний губы Блейка мрачно сжались. Сержант — к тому времени уже инспектор — Дэн Уокер отправился в Первый Национальный банк за туристскими чеками для так давно намеченного путешествия и наткнулся на огра-

бление. Дэн был убит, и горе его жены Молли не облегчил тот факт, что он прихватил с собой своего убийцу. После этого они остались вдвоем — Молли и Блейк. И однажды Молли легла вечером спать, а утром не проснулась.

Так что теперь он снова один, исчезло привычное с детства ощущение безопасности. Блейк осторожно опустил бритву, словно это часть какого-то сложного и необходимого обряда. Он по-прежнему смотрел в зеркало, но не видел отражения, не видел, каким напряженным стало его внезапно постаревшее лицо. Приближается — теперь совсем близко!

В последний раз это чувство привело его в спальню Молли — к полному боли открытию. А теперь оно настойчиво выталкивало его в коридор. Он прислушался, по прошлому опыту зная, что ничего не услышит, что может только чувствовать. Потом неслышно подошел к двери, ведущей в коридор, не включая свет в номере.

С бесконечной осторожностью повернул ключ и приоткрыл дверь. Он понятия не имел, что может его ждать по ту сторону, знал только, что ему нужно действовать, что он не может не подчиниться этому принуждению, даже если захочет.

Мгновение он смотрел в коридор. Два человека, один за спиной другого. Высокий мужчина в свободном плаще, с блестящими от дождя волосами вставляет ключ в дверь на противоположной стороне коридора. А второй держит пистолет, направленный в спину первому.

Блейк, по-прежнему неслышно ступая по ковру, двинулся. Он сжал пальцами горло мужчины с пистолетом и, схватив за волосы, отогнул его голову назад. Тот мгновенно развернулся. Так, словно заранее знал, что произойдет, подумал Блейк. Кулак Блейка пришелся в точно избранное место на подбородке сопротивляющегося пленника. Блейк поддержал потерявшего сознание человека. Первый мужчина тут же перехватил тяжесть, знаком велел Блейку зайти в комнату, сам быстро прошел за ним, таща пленника. Внутри он без церемоний бросил свою ношу на пол и закрыл дверь.

Испытывая сильные сомнения, Блейк сел на край кровати. Почему все так тихо? И почему он пошел в эту комнату?

— Полиция?.. — Он подошел к телефону, стоявшему на столике у кровати.

Высокий мужчина повернулся. Достал бумажник и показал Блейку удостоверение. Блейк кивнул.

— Значит, полицию не вызывать?

Тот покачал головой.

— Пока не нужно. Простите, что вас в это втянули, мистер.

— Уокер.

— Мистер Уокер. Вы мне очень помогли. Но я вынужден попросить вас предоставить дальше действовать мне. Не буду вас долее беспокоить.

— Я закончу одеваться. — Блейк встал.

Федеральный агент присел на корточки у потерявшего сознание человека с пистолетом. Блейк завязывал галстук, когда его внимание привлекла отразившаяся в зеркале сцена. Человек, называвшийся, судя по удостоверению, Киттсоном, обыскивал не подходящего в себя пленника, и Блейка поразила необычность этого обыска.

Федеральный агент медленно провел пальцем по волосам пленника, явно ища что-то у того на черепе. Потом с помощью фонарика осмотрел уши и ноздри. Наконец заглянул в рот, вытащил зубную пластину. Он не издал ни звука, но Блейк ощутил его торжество, когда тот извлек из-под зубной пластины небольшой диск. Завернув его в носовой платок, агент осторожно спрятав диск во внутренний карман.

— Хотите умыться? — небрежно спросил Уокер.

Киттсон застыл. Он поднял голову и посмотрел прямо в глаза Блейку. Странные у него глаза — почти желтого цвета, немигающие, как у охотящейся кошки. Эти глаза продолжали впиваться в Блейка, пытались проникнуть внутрь, но Блейк только ответил взглядом на взгляд. Агент встал.

— И правда, я не прочь. — Голос его звучал обманчиво мягко. Блейк был уверен, что каким-то образом удивил этого человека, среагировал не так, как тот ожидал.

Когда Киттсон вытирал руки, послышался стук в дверь.

— Мои люди. — Агент был так в этом уверен, словно мог видеть сквозь стены. Блейк повернул ключ и открыл дверь.

Снаружи стояли двое. При других обстоятельствах Блейк, может быть, не бросил бы на них и второго взгляда, но теперь смотрел с удвоенным интересом.

Один почти такого же роста, как и Киттсон, его широкое костлявое веснушчатое лицо завершала копна рыжих волос, частично скрытых под шапкой. Другой, напротив, был просто миниатюрен, с тонкой костью, он казался хрупким. Проходя мимо Блейка, они рассматривали его, и он почувствовал себя так, словно его оценивают, измеряют и заносят в каталог.

— Все в порядке, шеф? — спросил рыжеволосый.

Киттсон отошел, открывая лежащего на полу человека.

— Он ваш, парни...

Они вместе привели нападавшего в чувство и вытащили из комнаты. Но Киттсон остался и, когда они вышли, закрыл за ними дверь на ключ.

Блейк с поднятыми бровями следил за его действиями.

— Заверяю вас, — спокойным тоном сказал он, — у меня нет ничего общего с тем, которого увели.

— Я уверен в этом. Однако...

— Это дело меня не касается, верно?

Впервые губы Киттсона сложились в легкую улыбку.

— Вот именно. Мы предпочли бы, чтобы никто не знал об этом маленьком происшествии.

— Мой приемный отец служил в полиции. Я не привык болтать.

— Вы не из этого города.

— Да. Я из Огайо. Мои приемные родители умерли. Я приехал, чтобы поступить в Хейверс. — Блейк говорил совершенную правду.

— Хейверс. Вы хотите изучать искусство?

— Я надеялся. — Блейк не захотел уходить от темы. — Но пятиминутная проверка подтвердит все, что я сказал.

Улыбка Киттсона стала шире.

— Не сомневаюсь в этом, молодой человек. Но скажите мне вот что: почему вы открыли дверь точно в нужный момент? Готов поклясться, что вы не слышали, что происходит в коридоре, здесь стены толстые и... — Он нахмурился и следил теперь за Блейком с внимательностью охотящейся кошки, словно моло-

дой человек представлял собой проблему, которую необходимо разрешить.

Блейк отчасти утратил свою уверенность. Как может он объяснить эти странные вспышки предчувствия, которые он испытывает всю жизнь, эти предупреждения о близкой опасности? Как объяснить этому человеку, почему он просидел последний час в темноте, уверенный, что впереди неприятности и что его участие необходимо?

Под действием этого немигающего, требовательного взгляда он проговорил:

— Я просто чувствовал, что что-то неправильно, что я должен открыть дверь.

Карие глаза удерживали его взгляд, они словно впивались ему в череп, проникали в мысли. Блейк почувствовал негодование от этого вторжения. Он оказался способен разорвать странные узы, преодолеть принуждение.

К его удивлению, Киттсон кивнул.

— Я вам верю, Уокер. Я верю в предчувствия. Мне повезло, что ваше... — Он смолк и застыл, сделав жест, призывающий Блейка к молчанию. Киттсон словно прислушался, но, сколько ни напрягал Блейк слух, он ничего не услышал.

Секунду спустя послышался негромкий стук в дверь. Блейк встал. Киттсон по-прежнему напоминал охотника, ожидающего, когда добыча подойдет на нужное расстояние. Он повернул голову к Блейку и, неслышно шевеля губами, но так, что молодой человек понял, произнес:

— Спросите кто.

Блейк подошел к двери, взялся за ручку, но не повернул ее и спросил:

— Кто там?

— Служба безопасности отеля. — Ответ быстрый и лишь слегка приглушенный преградой. На плечо Блейка легла рука с листочком. Блейк прочел: «Скажите: проверю у дежурного».

— Я только свяжусь с дежурным, — отозвался Блейк. Он прижался к двери. Ни возражения, ни ответа снаружи. Но Блейку показалось, что он услышал негромкие шаги, словно кто-то уходил. Он вернулся к кровати и сел.

Киттсон освободил единственный стул и смотрел на вентиляционную решетку, как будто увидел там что-то интересное.

— Значит, это был не детектив из отеля?

— Нет. И это ставит нас в затруднительное положение. — Киттсон достал портсигар, предложил его содержимое Блейку, потом зажег для обоих зажигалку. — Это была попытка установить, что здесь происходит. К несчастью, это означает, что вы теперь связаны с нами. А это ведет к дальнейшим осложнениям. Есть очень веские основания, почему мы не хотим привлекать к своим действиям внимание общественности. Нам придется просить вас сотрудничать с нами.

Блейк шевельнулся.

— Я всего лишь случайный свидетель. Я не хочу играть в полицейских и воров. И я даже не спрашиваю, во что оказался впутанным. Надеюсь, это указывает на сдержанность с моей стороны. — Киттсон снова слегка улыбнулся, и Блейк продолжал: — Я просто хочу заниматься своими делами...

Киттсон бросил шляпу на стол, откинул голову и выпустил идеальное кольцо дыма.

— И мы ничего другого не хотели бы. Но боюсь, что уже слишком поздно. Вам следовало подумать об этом, прежде чем открывать дверь. Вами заинтересовались, и это может оказаться в лучшем случае неприятным. А в худшем... — Глаза его сквозь дым блеснули, словно драгоценные камни, и Блейк ощутил странный озноб, почти такое же беспокойство, которое и вовлекло его в это происшествие. Киттсон на что-то намекал, и сама неопределенность этого намека усиливала впечатление.

— Я вижу, вы начинаете осознавать серьезность положения. Когда вы должны явиться в Хейверс?

— Семестр начинается в следующий понедельник.

— Неделя... Я попрошу вас провести ее с нами. Если нам повезет, дело к тому времени будет закончено, по крайней мере в той части, которая касается вас. В противном случае...

— В противном случае вы обо мне позаботитесь? — спросил Блейк. Но он узнал голос власти. Этот человек привык отдавать приказы, которые выполняются без вопросов. Если он скажет: «Уведите Блейка Уокера и убейте его!», он будет устранен с той же легкостью и скоростью, с какой вывели из комнаты нападав-

шего. Никто еще не выигрывал от того, что бился головой о каменную стену. Лучше следовать приказам... так он по крайней мере больше узнает.

— Хорошо. Что мне делать?

— Исчезнуть. Немедленно. Много ли у вас личных вещей?

Киттсон вскочил и направился к шкафу, прежде чем Блейк понял этот ответ на свой вопрос.

— Одна сумка. — Что-то — возможно, сила личности Киттсона — вовлекло Блейка в действия, которые он не считал бы возможными еще час назад. Он закрыл свой саквояж, достал из бумажника несколько банкнот и положил на стол.

— Я думаю, мы не станем оформлять свой уход. — Это был не вопрос, а утверждение, и Блейк не удивился, когда Киттсон согласно кивнул.

Серый свет за окном стал чуть ярче. Сейчас пять минут восьмого, но в номере потемнело, как вечером, когда агент выключил свет. Блейк надел пальто, взял шляпу и сумку и готов был последовать за Киттсоном в коридор.

Они не повернули к лифту, а направились к пожарной лестнице. Ступени, пять пролетов, тихие и пустые, как и коридор, затем Киттсон остановился перед другой дверью. Снова он как будто прислушался. Вниз уходил еще один пролет, более узкий, не так хорошо освещенный. Через кладовую они прошли к лестнице, ведущей вверх. И вышли на улицу под холодный дождь. Блейк был уверен, что его проводник не только точно знает, куда идти, но и что во время бегства их никто не видел. Его вера в эффективность действий организации агента еще укрепилась, когда из-за поворота показалась такси и остановилось у обочины одновременно с ними. Киттсон открыл дверцу, и Блейк подчинился невысказанному приказу. Но, к его удивлению, агент не последовал за ним. Дверца захлопнулась, и такси тут же двинулось.

На время Блейк удовлетворился тем, что просто исполнял приказ и ждал, куда попадет. Но теперь, когда поблизости не было Киттсона, не чувствовалось влияния его подавляющей личности, Блейк удивился собственной покорности, тому, что он соглашался с любыми предложениями, которые делал агент. Если это не наваждение, то что-то очень похожее. Несомненно,

самым разумным с его стороны было бы остановить такси и исчезнуть. Но у него было очень сильное подозрение, что рано или поздно Киттсон его отыщет и тогда их взаимоотношения будут гораздо менее приятными.

Такси двинулось по узким дорогам центрального парка; Блейк плохо знал город и потому вскоре потерял всякое представление о направлении. Они снова оказались на широких улицах. Утреннее движение было в полном разгаре, и такси обгоняло автобусы, пробиралось между грузовиками и частными машинами. Наконец оно свернуло в узкий переулок. По обе стороны тянулись сплошные стены зданий — возможно, складов. Проехав с три четверти этого переулка, шофер остановился.

— Приехали.

Блейк потянулся за бумажником. Но шофер, не оборачиваясь, сказал:

— Денег не надо. Иди в ту дверь, видишь? Там лифт. Нажми верхнюю кнопку. А теперь побыстрее, парень, тут нельзя парковаться.

Блейк нашел дверь лифта. Он нажал верхнюю кнопку и попытался сосчитать этажи во время движения. Однако не был уверен, сколько получилось: девять или десять.

Перед ним был короткий коридор, дальше единственная дверь без всяких надписей. Блейк постучал, и дверь открылась так быстро, словно его ждали.

— Входите, Уокер.

Блейк ожидал увидеть Киттсона. Но человек, встретивший его, был по меньшей мере на десять лет старше агента, ниже ростом и с седыми прядями в волосах. В толпе он остался бы незамеченным, но в его поведении чувствовалась спокойная уверенность. Он такая же сильная личность, как более агрессивный Киттсон.

— Меня зовут Джейсон Сакстон, — представился он. — А Марк Киттсон ждет. Оставьте свои вещи здесь.

Искусно освобожденный от пальто, шляпы и сумки, Блейк был препровожден во внутреннее помещение, где обнаружил не только Киттсона, но и рыжеволосого, который помогал убраться нападавшего в «Шелбурне».

Комната была пуста, если не считать полки с папками, стола и трех или четырех стульев. В серых стенах окна отсутствовали, стены того же цвета, что и ковер под ногами. И свет исходил из какого-то скрытого источника в потолке.

— Это Хойт, — резко представил рыжеволосого Киттсон. — Вижу, ваше путешествие прошло без неожиданностей.

Блейк хотел спросить, каких именно «неожиданностей» ожидал Киттсон, но решил, что сейчас разумнее просто слушать.

Хойт сел, вытянул длинные ноги, скрестил на плоском животу руки, поросшие коротким рыжим волосом.

— Джой знает свое дело, — лениво заметил он. — Стэн доложит, если кто-нибудь проявит интерес.

— Мне кажется, вы говорили, что ваш отец был полицейским. Где? В Огайо? — Киттсон не обратил внимания на слова своего товарища.

— Да, в Колумбусе. Но я сказал, что он был моим приемным отцом, — поправил Блейк. Он был настороже, понимая, что каждое его слово отмечается, оценивается тремя слушателями.

— А ваши настоящие родители?

Блейк как можно короче рассказал свою историю. Хойт, должно быть, задремал во время его рассказа, глаза его были закрыты. Сакстон вежливо слушал, как человек, принимающий на работу одного из многих претендентов. А Киттсон продолжал разглядывать Блейка своими жесткими янтарными глазами.

— Вот и все, — кончил Блейк.

Хойт встал одним гибким и удивительно грациозным движением. Блейк заметил, что у него глаза, теперь полностью открытые, зеленого цвета, такие же властные и повелительные, как и глаза Киттсона.

— Я вижу, Блейк остается? — спросил он, ни к кому непосредственно не обращаясь.

Блейк инстинктивно взглянул на Киттсона. Он был уверен, что окончательное решение принадлежит агенту. А на столе он теперь заметил кое-что новое. На журнале для записей лежал небольшой хрустальный шар. Какое-то движение агента, должно быть, нарушило его равновесие, потому что он покатился к Блейку. И почти достиг края стола, когда Блейк протянул руку и взял его.

Глава 2

Судя по весу, это был природный хрусталь. Но когда Блейк протянул руку, собираясь положить шар на стол, в нем произошли изменения. Он взял прозрачный шар, а теперь в нем возник какой-то сине-зеленый туман. Блейк продолжал держать шар в руках, и туман становился все более густым, плотным, цвет тоже стал ярче.

Эта перемена была невероятна. Блейк опустил шар, словно тот жег ему руку. Сине-зеленый туман тут же начал рассеиваться. Но Сакстон вскочил на ноги, вместе с Хойтом он уставился на шар, следя за этими превращениями. Киттсон накрыл шар рукой. Сине-зеленый туман исчез. Но не началось ли новое изменение? Агент положил шар в ящик стола. Однако Блейк успел заметить, что под прикосновением пальцев агента в шаре появилась оранжево-красная дымка. Но прежде чем он успел задать вопрос, послышался предупреждающий звон — с пластины в стене.

Последовал гул лифта, и Хойт впустил в комнату своего товарища маленького роста, того самого, с которым был раньше.

— Все в порядке? — спросил Киттсон.

— Да. — Голос был легкий, музыкальный. Этого человека можно принять за подростка, пока не увидишь его глаза и морщины у рта. — Был «хвост». Тот самый невысокий парень из «Хрустальной птицы». Можно было бы не так часто использовать одних и тех же людей.

— Должно быть, запасы ограничены, — предположил Сакстон.

— Мы должны быть благодарны за это, — подхватил Киттсон. — Если бы мы могли собрать за один рейд всех местных придурков, у нашего друга тут больше не было бы дел.

— Тогда он отправился бы в другое место. — В голосе Сакстона звучало предупреждение. — Лучше оставить его на этом уровне. — Он взглянул на Блейка и неожиданно замолчал.

Только что вошедший молодой человек снял пальто и повесил его на стул.

— Роско не очень умен. Я пустил его по холодному следу. Примерно с час о нем можно не беспокоиться. На это время Уокер чист.

Киттсон откинулся на стуле.

— Возможно. Но они пройдут по его следу назад, как только поймут, что он от них ускользнул. — Он повернулся к Блейку. — Вы говорили кому-нибудь в отеле, что собираетесь учиться в Хейверсе?

— Коридорному. Я спросил его, какой автобус туда идет. Но он привык к вопросам о транспорте: его об этом спрашивают сотни раз в день. И мой вопрос он наверняка не запомнит.

Остальные с ним не согласились.

— Люди обычно вспоминают то, про что вам хотелось бы, чтобы они забыли. Особенно если им дадут понять, что это важно, — заметил Киттсон. — Мы продержим вас здесь несколько дней, пока не определим, замечено ли ваше исчезновение и что они в связи с этим предприняли. Это единственный способ проверить, насколько они вами интересуются. Простите, Уокер. Можете не напоминать мне, что это незаконное вторжение в вашу частную жизнь. Я знаю это не хуже вас. Но иногда ситуация требует, чтобы невинные свидетели приносили жертвы ради важной цели. Мы поселим вас в удобной комнате, и вы останетесь с нами ради собственной безопасности и ради целей нашего расследования.

— Мне кажется, — Сакстон встал, — что первым жестом гостеприимства был бы завтрак.

И Блейк, с готовностью проглотивший эту приманку, прошел через вторую дверь комнаты в удивительную анфиладу. Мебель вся современная, серая, зеленая, туманно-голубая. Никаких картин на стенах, освещение всюду исходит из потолка. У стены телевизор, а на столах, грудями на полу, в пределах досягаемости от стульев, множество книг, газет, журналов.

— У нас тесновато, — сообщил ему хозяин. — Боюсь, вам придется спать в одной комнате со мной. Сюда... — Он открыл дверь, ведущую из короткого коридора в большую комнату с двумя кроватями. — А вот и завтрак.

Окон не было. Блейк, думая об этом, сел за стол, а Сакстон подошел к стене, отодвинул панель и достал поднос, который поставил перед гостем. Потом принес второй для себя.

Очень сытная еда, великолепно приготовленная, и Блейк наслаждался ею. Сакстон улыбнулся.

— Сегодня повар расщедрился. — Он отодвинул груду книг.

Книги все по истории, английские и американские издания, и все щетинились бумажными закладками, как будто их использовали в программе напряженных исследований. Сакстон указал на них:

— Это мое хобби, Уокер. А также некоторым образом предмет моей работы. Вы, наверное, тоже изучали историю?

Глотая кусок ветчины, Блейк задумался. Либо он излишне нервничает, либо Сакстон не зря завел этот разговор.

— Мой приемный отец собирал книги по истории криминалистики — знаменитые расследования, тому подобное. Я их читал... а также дневники, письма, свидетельства очевидцев.

Сакстон рассматривал свою кофейную чашку, словно она внезапно превратилась в драгоценный древний фарфор.

— Свидетельства очевидцев, именно так. Скажите, слышали ли вы когда-нибудь о теории «параллельных миров»?

— Читал кое-что из фантастики на эту тему. Вы имеете в виду идею о том, что миры расходятся после определенных исторических событий? Один мир, в котором Наполеон победил в битве при Ватерлоо, и наш собственный, в котором он проиграл?

— Да. В таком случае должно существовать множество миров, связанных с бесчисленными решениями. И не только очевидные результаты битв и политических перемен, но даже появление и использование некоторых изобретений. Увлекательное предположение.

Блейк кивнул. Несомненно, мысль интересная, и это явно конек Сакстона. Но сейчас его больше интересует положение некоего Блейка Уокера в его единственном из возможных миров.

— Есть пункты расхождения даже в последние годы, — продолжал человек за столом. — Представьте себе мир, в котором Гитлер победил в битве за Британию и захватил ее в 1941 году.

Предположим, великий руководитель родился слишком рано или слишком поздно.

Блейк почувствовал интерес.

— Я как-то читал об этом рассказ, — согласился он. — Как английский дипломат в начале 90-х годов восемнадцатого века встретился с французом, майором артиллерии в отставке. Тот умирал в небольшом французском городке. Это был Наполеон, родившийся слишком рано.

— Но предположим, — Сакстон поставил свою чашку, наклонился вперед, и глаза его загорелись, — предположим, такой человек, рожденный не в свое время и не в своем мире, получает возможность перейти с одной линии на другую, где он будет вдвойне опасен. Допустим, вы родились в эпоху, когда общество сдерживает ваши способности, не дает им, как вы считаете, должного применения. Вы захотите переместиться туда, где сможете применить их.

Это элементарно. Но Сакстон улыбался ему, словно Блейк — ученик, получивший пятерку за контрольную. Что-то за этим, несомненно, кроется... Но что? Предупреждение не звучит, но у Блейка появилось ощущение, что его старательно направляют на тропу, которую избрал для него Сакстон, и что это сделано намеренно.

— Неплохая мысль, — сказал Блейк.

Но на этот раз ответ оказался неверным.

— Для вас, — сказал Сакстон. — Но, возможно, не для мира, куда вы переместились. Это представляет другую сторону проблемы, не так ли? Ха! Эрскин. Заходи и присоединяйся к нам.

— Кофе остался? — Это был стройный невысокий человек. — Нет? Нажми кнопку, Джейс. Я тяжело прихожу в себя по утрам.

Садясь на стул рядом со старшим товарищем, он улыбнулся Блейку, и лицо его утратило скучающее выражение и стало теплым и оживленным.

— Мы здесь застряли, — заявил он. — Что ты делаешь с этими бумагами, Джейс? Я хочу посмотреть телевизор. Если мы здесь засели, будем отдыхать.

Он достал из-за панели свежую чашку кофе и добавил в нее две ложки сахара. Когда все вернулись в гостиную, Эрскин сел

к телевизору. Было что-то странное в его глубоком интересе к самым обычным программам, как будто телевидение для него — новая игрушка, совершенно его очаровавшая. Когда программа кончилась, он вздохнул.

— Поразительно интересно для такого примитивного уровня...

Блейк услышал его слова. Но шоу не было старой записью. Это живой эфир, и очень неплохого качества. Почему же оно тогда «примитивное»? Что-то в этом неправильное, несоответствующее. Подозрение, вызванное разговором с Сакстоном, пришло в голову Блейку, но тут же было отброшено здравым смыслом.

Остальную часть дня и весь вечер никто их не тревожил, хотя в комнате без окон трудно было сказать, день сейчас или ночь. Эрскин и Сакстон играли в карты, причем Блейк был уверен, что о такой игре он никогда не слышал. Ели вкусную пищу, которую доставали из-за панели, и Блейк погрузился в богатство материалов для чтения. Все книги оказались историческими и биографическими. И во всех множество закладок. Готовится ли Сакстон написать статью, посвященную своему хобби? Блейк продолжал размышлять над проблемами, которые они обсуждали утром.

Человек, рожденный не в свое время и не в своем мире, но способный переместиться туда, где его способности могут дать ему власть, к которой он стремится. Блейк обнаружил, что сам начинает сочинять фантазии, основанные на этом предположении.

Кто его спутники? Несколько часов спустя, по-прежнему думая об этом, он погрузился в сон.

Проснулся он в темноте. Со второй кровати не доносилось ни звука. Блейк выбрался из-под одеяла и направился на разведку. Простыни на второй постели измяты, но она пуста. Блейк подошел к двери и приоткрыл ее.

Киттсон, поддерживаемый Сакстоном, шел по коридору. На рубашке агента темнело пятно, он шел с трудом. Оба вошли в дверь в дальнем конце коридора и закрыли ее за собой. Но на ковре, как монеты, остались яркие пятна. Блейк коснулся одного: палец стал влажным и красным. Кровь!

Он все еще ждал возвращения Сакстона, когда снова уснул. А когда проснулся, горел свет и вторая постель была аккуратно заправлена. Блейк торопливо оделся. Киттсон был ранен, но почему такая таинственность?

Выйдя в коридор, он поискал пятна. Они исчезли, как он и ожидал. Но, проведя пальцами по ковру, он ощутил влагу. Кто-то старательно вычистил ковер, и совсем недавно. Блейк взглянул на часы — половина девятого. Утро вторника. И у него появились вопросы.

Джейсон Сакстон был в гостиной один, рядом с ним на столике лежала груда томов в плотных переплетах, на коленях он держал блокнот. Он взглянул с такой открытой улыбкой, что Блейк сдержал свое нетерпение.

— Надеюсь, я не побеспокоил вас сегодня утром, Уокер. У нас не хватает людей, и мне приходится присматривать за помещением. Так что сегодня вы предоставлены самому себе.

Блейк пробормотал что-то в знак согласия и пошел в столовую. Тут оказался Эрскин. Его гладкое лицо осунулось и казалось уставшим, а под глазами с тяжелыми веками видны были круги. Он хмыкнул что-то похожее на приветствие и махнул рукой в сторону панели. Блейк взял поднос и сел есть, предоставляя Эрскину возможность самому начать разговор. Но тот, очевидно, относился к людям, у которых по утрам дурное настроение. Выпив кофе, он встал.

— Веселитесь! — сардонически пожелал он Блейку.

— Попробую, — ответил тот. И тут же подумал, не выдал ли себя этим. Он был почти уверен, что Эрскин бросил на него подозрительный взгляд, прежде чем вышел из комнаты.

Блейк задержался за завтраком. Ему хотелось остаться одному. Убедившись, что дверь кабинета закрыта, он перешел к действиям.

Постоял в центре гостиной, прислушиваясь. Потом подошел к наружной двери и прижался к ней ухом. Слышался очень неясно гул голосов, шум от открываемых и закрываемых ящиков. Грохот — это, несомненно, лифт. Блейк осторожно потянул дверь и не удивился, обнаружив, что она закрыта.

Он вернулся в коридор, откуда был вход в спальню, и опустился на колени. На ковре не одно влажное пятно. И пятна ве-

дут к двери, через которую ночью провели Киттсона. Эта дверь тоже закрыта, и оттуда не слышится ни звука. Но следующая комната доступна для осмотра, она такая же, как та, что он делит с Сакстоном. Обе кровати аккуратно заправлены, ни следа багажа. Ящики шкафа открыты, в них пачки свежих сорочек и белья, носки и галстуки.

В шкафу необычно много костюмов, самых разных: от хорошо сшитых шерстяных и консервативных деловых до джинсов и полуформенной одежды, какой могут пользоваться люди, доставляющие заказы. Очевидно, обитатели снабжены костюмами на все случаи. Что ж, возможно, агентам ФБР это необходимо. Тем не менее Блейк не обнаружил ничего такого, что свидетельствовало бы, что Киттсон рассказал не все.

Но Блейк не удовлетворился. В ящике ночного столика он нашел небольшой пистолет. Это не то доказательство, что ему нужно. Предметы туалета относятся к широко распространенным, их можно купить в любой аптеке. Он заметил краску для волос, но это тоже легко объяснить.

Через десять минут он обыскал все легкодоступные места. Посмеет ли он искать дальше, надеясь не оставить следов своего обыска? Заметив аккуратность, с которой убраны постели, он понял, что не может на это рассчитывать. Но он опустошил все ящики и перевернул их, чтобы убедиться, что ничего не приклеено к дну или стенам. Хуже всего то, что он понятия не имел, что ищет. Ему только хотелось найти ответ на свои фантастические подозрения.

С той же тщательностью он обыскал половину комнаты, принадлежащей Сакстону, и ничего не нашел. После этого он не стал обыскивать гостиную, но проверил дверь в кабинет; она закрыта, и за ней очень тихо, как будто Сакстон тоже ушел.

За ленчем никто не присоединился к Блейку, и скука погнала его к книгам. Он не мог избавиться от мыслей о предполагаемом путешественнике во времени и придумывал воображаемые миры, которые могли бы привлечь такого, как он, путешественника. Каково это — оказаться на другом уровне? Неожиданно ему стало холодно, он испытал странное предчувствие. То, что казалось упражнением в воображении, приобрело зловещие очертания.

Легко поверить, что один-единственный человек, обладающий всепоглощающей верой в свое назначение и силой характера, может изменить целый мир — таких людей его собственный мир знает достаточно. Такими людьми всегда движет стремление к власти.

Это стремление присуще человеку. Добавьте к нему крайний эгоизм, который не переносит никаких возражений, и вы получите Наполеона, Александра, Цезаря, ханов, которые чуть не уничтожили Европу и Азию.

Представьте себе такого человека, не удовлетворенного собственным миром и способного переместиться в другой, созревший для его целей! Предположим, так уже происходило в прошлом. Блейк сдержал свое воображение и вынужденно рассмеялся. Смех его гулко прозвучал в тихой комнате. Неудивительно, что Сакстон так поглощен своей теорией.

Блейк отложил книгу и вытянулся на широком диване. Полдень миновал. Неужели его продержат здесь до пятницы? Настоящий шпионский триллер.

Тело и разум его напряглись. Он невидящими глазами смотрел в потолок. Что-то приближается. Предупреждение, которое он вчера ощутил в отеле, вернулось стократно усиленным. Появилось чувство преследования, приближающейся опасности.

Блейк сел, но не стал надевать обувь. Такого сильного ощущения он еще никогда не испытывал.

Он прошел по коридору к двери, за которой исчез Киттсон. В последний раз он испытал такое ощущение в связи с агентом. Дверь по-прежнему была закрыта. Блейк потрогал ручку, постучал. Тревога его усиливалась. Ответа изнутри не было.

Блейк вернулся в гостиную, и здесь ощущение опасности стало еще сильнее. Как флюгер под действием невидимого ветра, он повернулся в сторону двери кабинета, прижался к ней, уверенный, что опасность приближается в этом направлении.

Он не только услышал шум лифта, но и ощутил дрожь от его подъема. Пассажиры лифта теперь в коротком коридоре перед кабинетом. Ожидает ли их Сакстон?

В этот момент, не вполне понимая почему, Блейк встал на сторону четверых, чью квартиру он делил. Они мало что сказа-

ли ему, многое нуждалось в объяснении, но сейчас он с ними одно целое, а вновь прибывших можно определить только как врагов.

Ни шелканья замка, ни шума за дверью. Но тут Блейк уловил еле слышный скрежет: кто-то как будто пытался открыть замок. Это продолжалось одно мгновение. Незнакомец, должно быть, прислушивался так же напряженно, как и Блейк.

Но к тому, что последовало, Блейк был совершенно не готов. Неожиданно он ощутил чье-то неосоздаваемое присутствие, личность без тела и материи. Словно тот, другой прислушивающийся выпустил вперед собственную эманацию, проник с ее помощью за барьер, который иначе не мог преодолеть. Это вторжение, происходящее в полной тишине, вызывало страх.

Блейк попятился от двери, что-то в нем восставало против возможного контакта с этим... с этой тварью! Но секунду спустя он вернулся на свой пост: если этот другой войдет в кабинет, Блейк должен об этом знать.

Короткое время сохранялось ощущение этого невероятно-го вторжения. Но Блейк был уверен, что тот не подозревает о его присутствии. Он уже начал привыкать, чуть расслабился, и в этот момент на него обрушился удар.

Блейк схватился рукой за голову. Контакт был резким, словно физическим, от него смешались в голове мысли. Другой рукой Блейк держался за ручку двери; у него было странное ощущение, что этот обычный нормальный предмет защитит его от грязного вторжения.

Установив контакт, эта тварь... сила... личность... как бы ее ни называть... напала с яростным ожесточением. Словно копьё загоняли Блейку меж глаз, пытаясь проникнуть в мозг.

Он держался за ручку двери оцепеневшей рукой, от боли комната потемнела, тело сотрясала нервная дрожь. Никакая физическая боль, подумал он, не сравнится с этой пыткой. Он встретился с испытанием, таким же невероятным в его время и в его мире, как появление дьявола в Средневековье.

Давление прекратилось, но Блейк не мог поверить, что враг уходит. И справедливо усомнился: противник не отказался от боя. Нападение произошло вторично, новый удар обрушился на Блейка, мощный, стремящийся к легкой победе.

Глава 3

Блейк терпел. Пол под его ногами тошнотворно качался. Он не мог определить, сколько прошло времени. Только изо всех сил ума и здравого смысла держался за дверную ручку, ставшую мокрой от его пота.

Он смутно удивился, что может еще услышать звук, который неожиданно привел к концу злобное нападение. Предупреждающий звонок в кабинете. Зашумел лифт. Враг мгновенно отступил.

Возвращаются Эрскин или Сакстон? Если да, то они без всякого предупреждения столкнутся с врагом. А он ничего не может сделать, никак не может предотвратить эту встречу.

Лифт остановился, постоял и с шумом начал опускаться. И унес с собой то, что напало на Блейка. Шум стих, за ним последовала полная тишина. Враг ушел.

Блейк стоял на коленях, упираясь лбом в дверь, внутри у него все переворачивалось. Он пополз. Держась за ближайший стул, встал и, пошатываясь, как раз вовремя добрался до туалета. Ослабев от рвоты, он прислонился к стене. Самое худшее в этом нападении было то, что он чувствовал себя оскверненным, испачканным.

Когда уже был в силах стоять, он разделся и встал под душ. И только после того, как тело заныло от холодной воды, он почувствовал себя снова чистым. Одеваться было очень трудно. Он страшно устал и двигался так, словно только что встал после долгой опасной болезни.

Блейк прошел в гостиную и упал на диван. До сих пор он сосредоточивался на самом очевидном — на том, что его тошнит, на необходимости умыться и одеться. Мозг его отказывался заглядывать дальше этих непосредственно близких действий. Стоило ему подумать о нападении, как его снова начинало тошнить. Он начал наобум читать поэтические строчки, лозунги, все, что имеет ритм. Но, произнося эти слова, с трудом выдавливая их сквозь губы, он болезненно вспоминал необыкновенное нападение. Он теперь один — он может поклясться в этом. Но невидимая слизь, оставленная посетителем, пронизывает воздух, который он втягивает в легкие. Он почти ощущает ее гнилой запах.

Этот звук — снова лифт! Блейк попытался сесть. Стены шатались. Он вцепился в ткань дивана. И потерял сознание.

Пришел он в себя в постели, чувствуя голод и странное возбуждение. Откуда-то доносились голоса. Он встал. Двери в коридор были открыты, и он без всякого стыда начал подслушивать.

— ... опросили весь город, сверху, внизу и по сторонам. Он говорит правду. Приемный ребенок Уокеров. Найден в переулке двумя копами... Вся эта фантастическая история. О нем хорошо отзываются, но, по-видимому, близких друзей у него нет. — Это, несомненно, голос Хойта.

— Найден в переулке... — Голос Сакстона казался задумчивым. — Интересно. Да, очень интересно.

— Признаки подмены, стирания, наложения ложной памяти? — резко спросил Киттсон.

— Ни у кого из встреченных не заметил. Не вижу, как он может быть подставкой...

— Не подставкой, нет. — Это опять Сакстон. — Но чем-то еще. Мы всего не знаем. Нет близких друзей. Если то, что мы подозреваем, правда, это неизбежно. И данные селектора указывают на то же. Мы не можем занимать позицию «не знаю, кто там против меня». К тому же он помог Марку в «Шелбурне».

— Как ты его оцениваешь, Джейс? — спросил Эрскин.

— Латентный пси, конечно. Это его тревожит, что вполне естественно. Ум и еще что-то, для чего я не могу подобрать определения. Что ты с ним собираешься делать, Марк?

— Хотел бы я знать, что произошло здесь сегодня днем. — Это опять Эрскин. — Он был без сознания, когда мы его нашли. Нам вдвоем пришлось отнести его в постель.

— А что произойдет, если пси с таким типом преграды, которым от природы обладает этот парень, встретится с мозговым зондированием? — холодным сухим голосом спросил Киттсон.

— Но это значит!.. — В голосе Сакстона звучал резкий протест.

— Несомненно. И пора подумать о Прандже, который на это способен. Как только молодой человек придет в себя, я хочу задать ему несколько вопросов. Ему дали успокоительное?

— Третьей степени, — ответил Сакстон. — Я не уверен, какова реакция его расы. Я не уверен даже относительно его расы. — Последняя фраза прозвучала, словно мысль, произнесенная вслух.

Блейк вошел в комнату. Все четверо без удивления посмотрели на него.

— Что вы хотите у меня спросить? — обратился он к Киттсону.

— Что произошло сегодня днем?

Тщательно подбирая слова, стараясь подавить эмоции, Блейк рассказал о происшествии. Его слушали без недоверия. Его виновность слегка утихла. Неужели они привыкли к таким падениям? Но если так, кто они такие, эти четверо охотников?

— Мозговое зондирование. — Голос Киттсона звучал уверенно. — Вы уверены, что он физически не входил в кабинет?

— Насколько можно быть уверенным, не видя его.

— Ну, Стэн? — Внимание Киттсона переместилось к похожему на мальчишку Эрскину, который свернулся на диване.

Миниатюрный светловолосый человек кивнул.

— Я вам говорил, что Прандж посвященный. Он провел множество экспериментов, о которых Сотня и не подозревает. Поэтому он так опасен. Если бы Уокер не был пси, если бы не обладал барьером против пси, Прандж высосал бы его досуха! — Он щелкнул пальцами.

— Что такое пси? — вмешался Блейк, намеренный получить ответы относительно того, что касается его лично.

— Пси — парапсихологические способности — сверхчувственное проникновение в различные области. Эти способности человечество в целом еще не научилось использовать. — Сакстон снова превратился в школьного учителя. — Телепатия — коммуникация между одним мозгом и другим без помощи устной речи. Телекинез — перемещение материальных объектов силой воли. Ясновидение — знание происшествий, происходящих на большом удалении! Предвидение — предсказание будущих событий. Левитация — способность передвигаться в воздухе. Все эти феномены отчасти известны. Такие способности могут быть латентными у индивида. Если только обстоятельства

не принуждают его ими воспользоваться, он может даже не подозревать о наличии у себя пси-способностей.

— Почему вы открыли дверь своего номера в понедельник, Уокер? — прервал лекцию Киттсон. — Как раз в нужный для меня момент?

Блейк ответил правду:

— Потому что подумал, что должен...

— Это принуждение возникло неожиданно? — спросил Сакстон.

Блейк покачал головой.

— Нет. Я чувствовал... беспокойство примерно с час. Так всегда бывает.

— Значит, так бывало с вами и раньше? Вы всегда ощущаете приближение опасности?

— Да. Но не опасности для меня. Вернее, не всегда для меня.

— А потом я не смог овладеть им из-за его природного барьера, — обратился Киттсон к Сакстону.

— Не вижу, чему тут удивляться, — впервые вступил в разговор Хойт. — Поскольку мы все происходим из одного источника, мы все время будем обнаруживать латентных пси. Нам повезло, что до сих пор мы не наткнулись на человека с подлинной силой...

— Вы хотите сказать, что все обладаете такими способностями и можете использовать их по своему желанию? — спросил Блейк, тщательно подбирая слова.

Все долго молчали, остальные трое смотрели на Киттсона, словно ожидая его решения. Он пожал плечами.

— Он знает слишком много; придется брать его с собой на все время. Если сейчас его возьмут люди Пранджа... А держать его в неведении все время мы не можем, тем более что операция, кажется, затягивается. — Он протянул руку, и пачка сигарет, лежавшая у колена Эрскина, легко взлетела, преодолела несколько футов по воздуху и опустилась на его ладонь.

— Да, мы контролируем определенные пси-способности. Степень владения зависит от человека и его подготовки. У некоторых лучше получается телепатия, чем телекинез. У нас есть несколько телепортов — это люди, способные перемещаться из

одного места в другое. Предвидение обычно у нас всех до определенной степени...

— И вы не агенты ФБР! — добавил Блейк.

— Да, мы не агенты ФБР. Мы работники другой организации, гораздо более важной для самого существования мира. Мы Стражники. Джейс говорил вам о возможных мирах, но только это не его хобби и не своеобразная гипотеза. Это факт. Существуют последовательности, уровни миров — называй как хочешь. Этот мир был бесчисленное количество раз воспроизведен историческими событиями. Моя раса не старше вашей, но по какой-то случайности мы создали сложную машинную цивилизацию несколько тысяч лет назад.

К несчастью, мы обладали общей для человечества чертой — воинственностью, результатом чего была ужасная атомная война. Мы никогда не узнаем, почему не уничтожили сами себя, как это происходило на многих уровнях и происходит и сейчас. Но в результате вместо полного уничтожения для горсти уцелевших в различных местах началась новая жизнь. Вероятно, второе поколение после мировой войны мутировало, но мы научились использовать пси-способности.

Война была объявлена вне закона. Мы обратили свою энергию на завоевание космоса и обнаружили, что планеты в нашей системе непригодны для жизни человека. Отправились экспедиции к звездам, но ни одна из них не вернулась. И тогда один из наших ученых историков обнаружил «последовательные миры», как мы их называем. Обычным стало путешествие во времени, но не назад или вперед, а поперек времени. И поскольку мы оставались людьми, начались и неприятности. Необходимо было держать под контролем безответственных путешественников, мешать преступникам вторгаться в миры других уровней, где их способности давали им преимущество. Так возникла организация, которую мы представляем.

Мы поддерживаем порядок среди путешественников, но никоим образом не вмешиваемся в жизнь на других уровнях. Прежде чем начать дело, мы изучаем язык, историю, обычаи уровня, на котором нам предстоит действовать. Некоторые уровни запретны для всех, кроме официальных наблюдателей. На другие никто и так не посмеет вступить: цивилизации — или их от-

существование — приняли там такое развитие, что находиться там небезопасно.

Существуют мертвые радиоактивные миры, миры, зараженные сотворенными человеком болезнями, миры в подчинении таких чудовищных правителей, что сами их обитатели перестают быть людьми. Есть миры, где цивилизация качается на самом краю пропасти и само присутствие чужака может нарушить равновесие.

И это возвращает нас к теперешнему случаю. Мы преследуем... по стандартам нашей культуры, он преступник. Кмоат Во Прандж — крайний эготист, стремящийся к власти, как наркоман стремится к зелью. В нашем мире больше нет деления на национальности, но барьеры, созданные атомной войной в прошлом, сохраняются в виде расовых различий. Сакстон и я представляем группу потомков военного соединения, которое было на несколько сотен лет отрезано на крайнем севере континента. Предки Хойта жили в подземных убежищах на острове, известном у вас под названием Великобритания; у них развилась собственная своеобразная культура. А Эрскин, как и тот человек, которого мы ищем, представляет третью группу, в которой меньше миллиона. Они происходят от нескольких ученых, выживших в тесной общине в южноамериканских горах. Именно они начали работать над использованием пси-способностей.

— Вдобавок, — голос Эрскина звучал бесцветно и отчужденно, — изредка у нас рождаются индивиды, у которых проявляются неприятные особенности наших предков. Прандж стремится захватить мир. Не будучи в состоянии удовлетворить свои амбиции на нашем уровне — теперь, когда установлена его сущность, его должны подвергнуть корректирующему лечению, — он ищет выхода для своей энергии на других уровнях. Он так хорошо играл роль нормального человека, что сумел поступить к нам на службу и овладел необходимой подготовкой, чтобы без присмотра перемещаться с одного уровня на другой.

— Теперь он ищет уровень, где цивилизация готова его принять. Отчасти его неуравновешенность связана с крайней самоуверенностью. У него совершенно отсутствуют сомнения, угрызания совести или нечто подобное. Наша цель — не только захватить его, но и исправить ущерб, который он уже причинил.

— Вы думаете, он здесь? — Блейк решил пока не вдумываться, принимает ли он эту невероятную историю; он просто слушал.

— Вы встретились с ним сегодня днем почти лицом к лицу, — последовал негромкий и спокойный ответ Эрскина.

Киттсон извлек небольшой куб из какого-то прозрачного материала. Мгновение куб лежал у него на ладони, потом поднялся, поплыл в воздухе и опустился на неохотно вытянутую руку Блейка. Сквозь прозрачную поверхность Блейк увидел крошечную фигурку, ярко окрашенную, словно в кубе находился живой карлик. У крошечного человека были такие же выступающие скулы, тонкие губы и светлые волосы, как у Эрскина. Но были и некоторые отличия, и чем дольше смотрел Блейк на эту фигуру, тем отличия становились заметнее. Эрскин всегда держался отчужденно, это была его врожденная особенность, но в ней не чувствовалось зла или сознания своего превосходства. А маленький человек был безжалостен. В углах его рта лежала тень, в глазах тоже. Жестокое лицо, высокомерное и очень властное.

— Это Прандж. Вернее, таким он был до исчезновения, — объяснил Киттсон. — Мы не знаем, под какой личиной он скрывается сейчас. Нам нужно его найти, несмотря на его макировку.

— Он действует один?

Хойт покачал головой.

— Одного из его приспешников вы встретили в «Шелбурне». У него немало сторонников, ни один из которых, как мы считаем, не знает всей правды. Он дает им приспособления, которые осложняют нашу задачу.

— Любой из нас, — вмешался Киттсон, — может овладеть умом тех, кого привлекает к себе Прандж, если они не защищены. Убийца в отеле имел щит, который предохранял его от меня.

— Диск, который вы нашли у него во рту?

— Вот именно. К счастью, такие щиты можно получить только на нашем уровне. И у Пранджа их немного осталось.

— Вернемся к сегодняшнему происшествию, — сказал Эрскин. — Я считаю, мы можем быть уверены, что именно Прандж навещал нас. Кто-то прозондировал Уокера. Мы этого не делали. Значит, Прандж. Согласны?

Сакстон вздохнул.

— Нужно уходить. Какая жалость!

— Но нам и здесь повезло. — Эрскин еще не закончил. — Что, если бы он пришел, когда никого из нас не было бы? Мы не узнали бы, что он засек это место, пока не стало бы слишком поздно. Так что, Марк, переезжаем?

— Да. Я уверен, что его главная цель — мир этого уровня. Если он переместился ради безопасности, то вернется. Но не сможет добиться своего, пока не устранил нас, а мы постараемся как можно больше затруднить ему эту задачу. А теперь, — он повернулся к Блейку, — вам решать. Откровенно говоря, вы слишком много знаете для нашего спокойствия. Вам придется идти с нами.

Блейк смотрел на ковер. Великодушно с их стороны предложить мне выбирать, недовольно подумал он. Он не сомневался, что, если скажет «нет», с ним очень эффективно справятся. Но обнаружил, что после сегодняшнего происшествия не хочет отвечать отрицательно.

— Согласен.

Его согласие было принято без комментариев и благодарности. Он словно сказал, что вечер сегодня приятный. И тут же о нем забыли. Киттсон начал отдавать приказы:

— Мы переместимся завтра утром, после того как Джейс проверит второй номер. Хойт, ты пойдешь патрульным маршрутом у «Хрустальной птицы». Нет никакой надежды застать его там, но постарайся установить, сколько его наемных бандитов носят щиты. Эрскин...

Светловолосый покачал головой.

— У меня есть работа. Мне сегодня показалось, что я увидел шейное ожерелье Минг-Хауна в одном из антикварных магазинов у парка. Магазин был закрыт, и мне придется первым делом заняться этим утром.

— Минг-Хаун! — Голос Сакстона звучал недоверчиво.

Киттсон разглядывал кольцо дыма.

— Возможно. Если Пранджу нужна наличность, пара таких вещичек, проданных в разных местах, ему ее даст.

— Но всякий специалист, увидев такую вещь, начнет задавать вопросы! А он хочет обнаружения не больше нас! — возразил Сакстон.

— Насчет обнаружения не уверен. Не все изделия Минг-Хауна настолько отличны, что бросается в глаза их чуждое происхождение. Ты абсолютно уверен, Стэн?

— Почти. Мне нужно подержать в руках. Но дело стоит расследовать. Допустим, я возьму с собой Уокера.

На какое-то мгновение Блейк испугался, что Киттсон откажет. Но, хоть и неохотно, агент все-таки согласился.

Проснувшись наутро, после ночи, полной беспокойных сновидений, Блейк ощутил возбуждение, но не предупреждение.

Вместе с Эрскином он спустился в подвал здания и попал в грязный ломбард. Владелец даже не поднял головы, когда они вышли через его дверь. Они дошли до угла как раз вовремя, чтобы сесть в автобус. И через пять кварталов оказались в другом районе города, с широкими улицами и богатыми магазинами. После оживленного перекрестка Эрскин сделал знак, что пора выходить.

— Второй от угла.

Магазин, на который указал Эрскин, был раскрашен золотой и черной красками. Нижнюю часть витрин закрывали кованые решетки; они защищали витрины от доступа, но не от взглядов. Эрскин указал на предмет, лежавший у стекла.

Это была подвеска из серебристого металла, с черными дисками, на поверхности которых виднелись сложные рисунки. Было в этом украшении что-то отдаленно восточное, однако Блейк не сумел отнести его ни к одной известной ему культуре.

— Несомненно, Минг-Хаун. Надо узнать, как это попало сюда.

Эрскин вошел в магазин и обратился к человеку, который встал навстречу им из-за прилавка.

— Да. Чем могу быть полезен, джентльмены?

— Мне сказали, что вы не только продаете, но и покупаете редкости, мистер Бенерис.

Человек покачал головой:

— Не с улицы, сэр. Иногда меня просят оценить предметы, которые продаются для обстановки домов. Но в других случаях — нет.

— Но вы тем не менее можете оценить предмет искусства? — настаивал Эрскин.

— Может быть...

— Например, вот этот? — Эрскин протянул хрустальный шар, который Блейк держал два дня назад.

— Горный хрусталь. — Бенерис поворачивал его в руках. Но, к удивлению Блейка, на этот раз цвет шара не менялся. Шар оставался прозрачным и незатуманенным.

Потом, ни слова не говоря, Бенерис положил шар, подошел к окну и взял подвеску. Протянув ее Эрскину, он быстро заговорил, словно повторял текст наизусть:

— Этот предмет два дня назад принес мне вместе с другими древностями адвокат Джефффри Лейк. Я не раз в прошлом имел с ним дело. Он не сказал мне, откуда получил его, но мне кажется, его попросили сделать это без шума. Лейк человек с хорошей репутацией, его контора размещается в Паркер Билдинг, комната номер 140. Я заплатил ему двести пятьдесят долларов.

Эрскин раскрыл бумажник и достал оттуда несколько банкнот. Бенерис автоматическим движением принял деньги, а Эрскин положил подвеску в бумажник. Потом взял хрустальный шар. Бенерис вернулся за прилавок, больше не обращая на них внимания, словно они стали невидимыми.

Глава 4

— Должно существовать какое-то простое объяснение удивительной готовности мистера Бенериса помогать нам, — заметил Блейк, когда они вышли.

Эрскин рассмеялся.

— Очень простое. Шар не только свидетельствовал, что он не обладает никакими пси-способностями, но позволил мне овладеть им и заставить рассказать все, что он знает. Бенерис не вспомнит о нас. У него будет смутное воспоминание о том, что он продал изделие Минг-Хауна, но, если Лейк его спросит,

никаких подробностей продажи он рассказать не сможет. Так что мы продвинулись в игре на один шаг и получили ниточку к Лейку.

— Но что такое Минг-Хаун?

— Не что, а кто. Минг-Хаун — художник по эмали, своеобразной форме искусства, распространенной в его мире последовательности. Свои лучшие произведения он создал в конце XVIII века. Он жил в мире последовательности, который возник в результате монгольского завоевания всей Европы в XIII столетии. Беглецы от этого вторжения: норманны, бретонцы, норвежцы, саксы — бежали на запад и на кораблях достигли колонии викингов в Винланде. Их потомки смешались с индейцами из расширяющейся местной империи на юге и образовали государство Иксанилия, которое на том уровне по-прежнему существует. Современная цивилизация там непривлекательна, но предоставляет возможности, которые могут заинтересовать Пранджа. Однако сейчас нам нужен Лейк.

Эрскин зашел в аптеку и направился к телефонной будке. Он взял один справочник, а другой отдал Блейку.

— Проверьте, не указан ли его домашний телефон.

Блейк все еще искал, когда Эрскин уже начал звонить. Он вышел из будки, нахмурившись.

— Лейк болен — лежит в больнице. Живет в Нельсон Армс.

— Его номера в справочнике нет, — сказал Блейк.

— Гм-м. — Эрскин достал еще один десятицентовик, и на этот раз его голос слабо доносился до Блейка из будки. — Джеффри Лейк, адвокат, Нельсон Армс. Нам нужен обычный отчет, и как можно скорее. Да. — Он повесил трубку. — Назад в убежище. День сегодня напряженный.

— Кто-то проверит Лейка?

— Мы за такие дела платим детективному агентству. Если Лейк не замешан, одно дело; если да, он, возможно, участвует в деле Пранджа. Тогда придется действовать осторожнее.

Они возвращались не через ломбард в подвале, а обошли во круг квартала. Эрскин улыбнулся Блейку.

— В лисьей норе несколько выходов. Вам придется узнать их все.

— У вас серьезная база. Не трудно было ее готовить?

— Не очень. В мирах, которые мы часто посещаем — для торговли или изучения, — у нас есть постоянные базы, на которых работают наши люди под надежным прикрытием. Это временное помещение, но оно совпадает в пространстве с одной из наших баз; так как тут размещался склад, нам легко было сделать внутренние изменения.

Эрскин провел Блейка в грязный вестибюль небольшого общественного здания. Седовласый человек, сидевший на стуле перед открытой дверью лифта, отложил газету и улыбнулся Эрскину.

— Здравствуйте, мистер Уотерс. Хорошо съездили?

— Неплохо, папаша. Босс ждет торговых отчетов. Как спина?

— Как обычно. На самый верх?

— На самый верх. У босса кровь голубя, он любит высоту.

Он улыбнулся лифтеру, и они встали на скрипучий пол лифта.

— Кончаете, как всегда, в четыре, папаша?

Старик кивнул.

— Если до того времени не кончите, спускаться будете пешком, — предупредил он. — Но вы ведь никогда не кончаете раньше, мистер Уотерс.

— Конечно. Ведь босс следит. Но спускаться легче, чем подниматься. Берегите себя, папаша.

В коридор выходили две двери, и на одной стеклянная табличка с надписью. Но, когда лифт ушел вниз, Эрскин открыл другую дверь, металлическую, ведущую на крышу. Они поднялись по лестнице и вышли на открытый воздух. Перед ними возникла пропасть между зданиями. Эрскин достал доску, поднес к парапету и положил так, что второй ее конец лег на крышу склада.

— Если боитесь высоты, — сказал он Блейку, — не смотрите вниз.

Пройдя по доске на соседнюю крышу, они спустились по лестнице в пыльный коридор. Здесь Эрскин остановился, прижал обе ладони к стене, и под его давлением сдвинулась панель, пропустив их в одну из спален тайного убежища.

— Добыл? — В дверях стоял Хойт.

— Да — и еще нить. Бенерис, владелец, купил подвеску у Джеффри Лейка, адвоката по делам, связанным с недвижимостью. Я напустил на него Джи Си.

— Что за адвокат? — слышался изнутри голос Киттсона.

Эрскин доложил.

— А если он действительно болен? Или это уловка? — спросил Хойт.

— Прандж знает, что мы здесь. Но я склонен думать, что изделие Минг-Хауна он продал до того, как узнал об этом. Должно быть, ему очень нужны наличные. Поэтому я хочу побольше узнать об этом Лейке — особенно о контактах Лейка, о всех, кто навещал его в больнице. — Киттсон откинулся в кресле и посмотрел в потолок. — Мистер Лейк болен. Пора друзьям мистера Лейка о нем позаботиться.

Хойт встал.

— Фрукты, цветы, все такое?

— Цветы приносят женщине. Фрукты — как раз то, что нужно. Среднего размера передача, и можно положить в нее карточку мистера Бенериса.

— А что слышно насчет переселения? Переезжаем? — спросил Эрскин, когда Хойт вышел.

— Рано или поздно. Подождем, пока Джейс проверит второе место. Нет смысла переселяться туда, чтобы обнаружить, что за ним наблюдают. У нас есть некоторые преимущества, включая неограниченные средства. А те приспешники, которых набирает Прандж, требуют платы. Если он продает добычу с других уровней, значит, Сотня сумела перекрыть его ресурсы дома.

Зазвонил телефон. Киттсон послушал.

— Хорошо. Вам будет отправлена обычная плата. — Он повесил трубку.

— Джи Си о Лейке. Средних лет, его семья владеет этой юридической фирмой уже четыре поколения, консервативен, основные дела связаны с недвижимостью и трестами, холостяк, ближайший родственник — сестра в Майами, две недели назад подвергся операции, никаких прямых контактов с людьми Пранджа.

— Кмоат может быть очень убедителен, — заметил Эрскин.

— Ну, пусть Хойт узнает, что сможет, в больнице. Я хочу знать, есть ли у Лейка щит. И у меня такое ощущение, что действовать нужно быстро.

Его прервал сигнал. Вошел Сакстон. Сняв шляпу и хорошо сшитое пальто, он сел.

— Все готово для переселения. Но наш переулок здесь находится под наблюдением. Пришлось пробираться по крыше.

— А кто в переулке? — спросил Эрскин.

— Мускулистый парень, которого мы видели в «Хрустальной птице». Там он поддерживает стену плечами. Один из головорезов Пранджа. Знаете ли, — Сакстон достал из кармана коробку с сигарами и сделал тщательный выбор из ее содержимого, — самое разумное, что может сейчас сделать Прандж, это спровоцировать какой-нибудь инцидент, который привлек бы к нам внимание местных представителей закона. Это дало бы ему больше времени и заставило бы нас временно уйти с этого уровня.

К своему удивлению, Блейк обнаружил, что все трое смотрят на него. Киттсон заговорил первым:

— Какое обвинение вы выбрали бы, чтобы устроить нам неприятности с вашей полицией?

— Учитывая ваше тайное пребывание здесь, — медленно ответил Блейк, — я бы выбрал азартные игры или наркотики. И в том и в другом случае вас ждет обыск. И еще намек синдикату, что вы завели новое дело на его территории. Это напустит на вас и гангстеров.

Сакстон поджал губы.

— Иными словами, теперь, когда он нас обнаружил, он может причинить нам массу неприятностей. Я за немедленное переселение!

Киттсон кивнул.

— Хорошо. — Он достал из шкафа маленькую карту. — «Хрустальная птица» размещается в подвале бывшего богатого жилого дома. Вверху есть квартиры?

— Три. Две заняты работниками клуба, — ответил Эрскин.

— На крыше есть телеантенны?

— По меньшей мере одна.

— Тогда мы будем ее чинить.

— Когда? — спросил Сакстон.

— Немедленно. Нужно послать сообщение, чтобы очистили это место.

— А нельзя ли сначала поесть? — Голос Сакстона звучал жалобно, и после недолгого колебания Киттсон согласился. Они сидели за столом, когда вернулся Хойт.

— Приятель в переулке, другой следит за крышей, — объявил он, — или это уже устаревшие новости?

— Как Лейк?

— Ну, щита у него нет. Но я адвоката не видел. На четырехчасовом самолете прилетает его сестра из Майами.

Киттсон взглянул на Эрскина.

— Приятная встреча двух леди в аэропорту может привести к большим последствиям, — задумчиво сказал он.

Эрскин молча допил кофе.

— Чего я только не делаю ради Службы! За это дело потребую нашивки с крестом и звездами.

Улыбка Киттсона была иронической.

— Всегда необходимо, — он явно цитировал, — подбирать агента, соответствующего заданию, а не задание, подходящее для агента.

— Прекрасный способ перекалывания ответственности, — заметил Эрскин. — После соответствующих рассуждений найду подходящий ответ. А сегодня нужны не слова, а дела. Надеюсь только, что то, что я узнаю от этой летающей женщины, стоит того, чтобы облачиться в юбки.

Час спустя модно одетая женщина в сшитом на заказ костюме и норковой накидке покинула дом в сопровождении Сакстона. А через двадцать минут после их ухода настала очередь остальных, в том числе Блейка. Ни Киттсон, ни остальные ничего не упаковывали, и, по-видимому, Блейку тоже полагалось оставить свои вещи. Такое пренебрежение к экономии обеспокоило его.

В комбинезонах ремонтников все трое на лифте спустились в подвал. Густые волосы Хойта стали каштановыми, линия его челюсти странно изменилась, стала более квадратной, под верхней губой выпятились два зуба.

При помощи тех же загадочных средств черты лица Киттсона стали грубее. Толще и краснее ястребиный нос. Глаза казались расположенными ближе друг к другу, и ходил он прихрамывая.

Они не пошли через ломбард, а двинулись в противоположном направлении, прошли по вентиляционному колодцу и через еще одну дверь на стоянку. Тут стоял грузовик с надписью на борту «Братья Рендел, ремонт радио и телевизоров».

— Умеете вести машину? — спросил Киттсон у Блейка.

— Да.

— Садитесь за руль, Хойт будет показывать. — С гибкостью угря высокий мужчина поместился в ограниченном пространстве сзади.

— Прямо по улице и направо.

Блейк осторожно повел машину по узкому пути.

— Этот выход они не обнаружили, — заметил Хойт, когда они влились в уличное движение.

Но ему ответил голос из фургона:

— Мозг с защитой в полуквартале за нами...

Хойт попытался оглянуться.

— Ну, на всякий случай двинемся кружным путем. Они идут за нами, Марк?

— Да. Но не могу засечь их машину: слишком большое движение.

Блейк удивился, почему не испытывает тревоги. Либо его предчувствие отказывает на этот раз, либо им нечего опасаться.

— Зеленый доставочный грузовик, но он свернул квартал назад, — добавил Киттсон.

Внимание Хойта переместилось на Блейка.

— Что говорит предчувствие? Нас ждут неприятности?

— Нет, насколько я могу судить.

— Этот грузовик мог доставить смену наблюдателей — смотреть за пустой мышинной норой, — размышлял Хойт. — Но на всякий случай запутаем след. На следующем углу сверните налево, Уокер, потом прямо пять кварталов до паррома.

— Уже почти три, — предупредил Киттсон.

— Парому требуется на переправу пять минут. Срежем через грузовой двор и выйдем на хайвей у Пирса и Валната. Вернемся

в город по мосту Франклина. Затратим минут сорок, и, если это не собьет их со следа, значит, ничто не собьет.

— Хорошо, — недовольно согласился Киттсон.

На пароме сменили водителя, и своим вдохновенным мастерством у руля и умелым выбором маршрута Хойт привел их назад в город с другого направления на пять минут раньше обещанных сорока.

Из многолюдного делового района они проехали в жилой, который был очень фешенебельным и богатым лет пятьдесят назад. Вокруг парка с кованой железной решеткой стояли дома. Но теперь многие из них обветшали, в нижних окнах видны были таблички «Сдается», а некоторые помещения были преобразованы в магазины. Хойт остановился в конце квартала. Крутые ступени, ведущие в полуподвал, были накрыты навесом, сверкала неоновая надпись, извещающая, что это «Хрустальная птица».

Уже сгустился зимний сумрак, падали крупные хлопья снега, предвещающая ухудшение погоды. Насколько мог видеть Блейк, помимо их грузовика, на улице не было ни машин, ни пешеходов. Но, выключив мотор, Хойт не стал выходить; он оставался на месте, словно прислушиваясь. А заговорил еле слышным шепотом:

— Два щита в клубе. Но мне кажется, дом чист.

— Да, — согласился невидимый Киттсон. Он выбрался из машины, пока Хойт отдавал приказ Блейку:

— Если мы прибежим, будьте готовы немедленно отъехать.

Блейк сел за руль и через ветровое стекло увидел, как двое подходят к двери. Их впустила женщина в одежде неярких тонов.

Постепенно загоралось больше огней: тусклые в квартирах, более яркие в магазинах. На улицах появились люди. Мужчина, несмотря на снег, с непокрытой головой, торопливо спустился по лестнице к входу в клуб, словно опаздывал на встречу. Блейк думал, как должно быть трудно читать мысли прохожих.

Но вдруг появилось нечто такое, что он понимал. Опасность! На него навалилось удушающее ощущение опасности. Он словно на вкус ощутил его! Никогда раньше, до встречи с невидимым присутствием, не был Блейк так потрясен. Сжимая пальцами руль, он заставил себя осмотреться и обнаружить источник предупреждения.

В доме, в котором располагалась «Хрустальная птица», он ничего не увидел. Сверкала неоновая вывеска, в окнах выше видны были огни. Взгляд Блейка медленно перемещался вдоль квартала, оценивая каждый дом. Ни людей, ни машин. Внимание! На противоположной стороне у одного из магазинов остановился доставочный зеленый грузовик.

Хойт приказал ему оставаться на посту. Но он уверен, что это источник опасности. Если он выйдет и пройдет один-два фута...

Но растущее напряжение удержало его на месте водителя. Блейк, подчиняясь порыву, включил двигатель. Оглянулся на клуб. Высокая тень появилась за углом и направилась к нему; рядом с ней другая. Тот, кто шел вторым, задержался у мусорной урны, поднял крышку и порылся в содержимом; в это время первый уже подошел к грузовику и забрался сзади. Блейк двинул машину. Вторым, пряча что-то на груди, догнал в несколько прыжков. Блейк тут же предупредил Хойта:

— Зеленый грузовик — справа!..

Когда они проезжали мимо, Хойт высунулся из кабины.

— «Дениз, одежда», — прочел он вслух. — Прандж, переодевшийся в три ярда шелка и пояс с пряжкой. Возможно...

Но внимание Блейка разделялось между необходимостью вести машину и подавляющим ощущением опасности.

— Направо! — рывкнул Хойт.

Еще одна улица со старыми домами. Свет от фонарей странно дрожал в вихрях снега.

— Тут налево...

Блейк автоматически выполнял указания Хойта. Сзади, от Киттсона, не доносилось ни звука. Серия поворотов вывела их на широкое авеню, идущее вдоль парка, который разделял город почти на две части.

— Заезжайте в парк и уступите мне руль.

Блейк пробился через усилившееся движение и привел грузовик под укрытие деревьев, которые заслонили огни города, здесь он поменялся местами с Хойтом.

Они двинулись дальше, с широких дорог на узкие, пока не оказались на посыпанной золой стоянке рядом с белым летним театром-рестораном, закрытым в это время года.

— Всем выйти!

Блейк спрыгнул на землю, увидев, что Киттсон захлопнул заднюю дверцу.

— Пошли! — Агент повернулся.

— Куда?

— Мы выйдем из парка на 114-й улице. Пересечете здесь авеню и на противоположном углу подождете 58-й автобус. Садитесь в него и поезжайте до Маунт Юнион. Это примерно сорок минут езды в верхний город. Пройдете по Маунт Юнион до первой улицы — Патрун Плейс. Зайдите через служебный вход в третье здание — у него двор обнесен стеной. Постучите дважды. Понятно?

— Да.

Идя по парку, они не разговаривали. Снаружи двое, не попрощавшись, оставили Блейка и сразу затерялись в толпе прохожих.

Блейк пересек улицу и присоединился к ожидающим на остановке. Он обнаружил, что 58-й автобус не очень вместителен, в него пришлось втискиваться. Большие дома даунтауна сменились частными домиками в глубине дворов.

На углу Маунт Юнион большая ярко освещенная аптека — настоящий супермаркет своего рода. Но квартал, по которому он пошел, пуст, фонари далеко друг от друга. Один квартал вниз — и Патрун Плейс. Блейк считал дома.

В третьем доме ряд освещенных окон. Ворота подъездного пути открыты, на снегу видны свежие следы шин. Доносятся приглушенные звуки. Блейк прошел через сугроб у входа, и снежный вихрь ударил ему в лицо. Он постучал, как было сказано. Дверь открылась, и Эрскин впустил его в свет и тепло.

Глава 5

Согревшись и переодевшись в собственную одежду, которая загадочным образом оказалась в спальне наверху, Блейк вышел в небольшую комнату, уставленную тяжелой мебелью начала столетия. В одном из массивных кресел разлегся Хойт.

Он с любовью следил за маленьким черным котенком, который деловито поедал нарезанное сырое мясо. Увидев Блейка, Хойт указал на котенка.

— Познакомься с Миссус. Неплохой аппетит, а?

Кончик хвоста котенка дернулся, как бы в подтверждение знакомства, в остальном же продолжалась увлеченная охота за кусочками говядины.

— Это ее вы взяли из мусорной урны?

Улыбка Хойта исчезла.

— Ее завязали в мешке и оставили замерзать.

Котенок с раздувшимся животом принялся умываться. Прервав свое занятие, посмотрел на Хойта детскими голубыми глазами. Прыжком приземлился у него на коленях, вцепившись в брюки коготками, свернулся и довольно вздохнул.

— Она нам поможет. — Хойт провел пальцем по пушистой головке, почесал за ушами и под челюстью. — На этом уровне не понимают возможности природных ресурсов. Если постараться, можно установить мысленный контакт с кошками, собаками и некоторыми птицами. Да, Миссус нам поможет. Тем более что Прандж, — улыбка Хойта больше не была приятной, — ненавидит кошек. Я не удивился бы, если Миссус сегодня оставили на смерть по его приказу.

Кошка уснула, и сонное ощущение довольства заполнило комнату.

Проснувшись утром, Блейк услышал шелест снега об оконное стекло. Сугробы снаружи поднялись высоко. Четверг. Блейк пересчитал дни, прошедшие с начала этого дикого приключения. Кажется, что прошло очень много времени.

Гараж был открыт. Из дома вышли две низкорослые фигуры — Эрскин и Сакстон, — прошли по прочищенной в снегу дорожке, сели в машину и уехали.

Блейк не торопился. Спускаясь по лестнице, он думал, кто хозяева этого дома. В нем оказались двое слуг, повариха и уборщица; все они держались обособленно. Кто принял здесь агентов и почему?

Киттсон был один в небольшой столовой, он смотрел в окно на снежные вихри. На подоконнике сидела кошка, трогая стекло лапой; она была так же поглощена, как и человек. Работало радио, диктор объявил, что уровень снега поднимается, город пытается расчистить главные улицы. Последовало зловещее срав-

нение с большой снежной бурей пять лет назад, когда на два дня отказали все городские службы.

— Становится хуже, — заметил Блейк.

Киттсон только хмыкнул, и Блейк понял, что агент очень сосредоточен. Неужели все эти незнакомцы настроены на одну волну и только они могут общаться мысленно друг с другом?

Вошел Хойт, плечи его были покрыты снегом.

— Так плохо, словно идешь по клею, — сообщил он, беря на руки котенка. — От расчистки боковых улиц уже отказались.

— Если нас удерживает непогода, — Киттсон беспокойно отошел от окна и снова вернулся, — то Пранджа тоже.

Хойт пожал плечами и сел, занявшись котенком. Если бы Блейк своими глазами не видел дальнейшего, он не поверил бы. Он слышал, что кошки не поддаются обучению, что внутренняя независимость не дает им повиноваться чужим приказам. Но каким-то образом рослый человек установил контакт с комком черной шерсти. Круглыми глазами кошка смотрела в глаза Хойту, и ее крошечное тело повиновалось, поднималось, бегало, челюсти сжимали листки бумаги, пронесли по всей комнате и опускали в протянутую руку. Но котенок быстро устал, и вскоре Хойт дал своей ученице возможность отдохнуть.

Была середина дня, когда Блейк решил выйти. Оба его товарища находились в состоянии транса — возможно, поддерживали контакт с кем-то снаружи. Он не только волновался, но и негодовал, чувствуя, что его отстранили от действий.

У задней двери его встретила повариха.

— Не заглянете ли в аптеку? — неожиданно спросила она. — У Агнес болит голова, и если она не получит свои капли, до конца дня ни на что не будет годна. Глупая девчонка слишком долго не обращалась за рецептом. — В руке она держала листок бумаги.

— С удовольствием, — ответил Блейк и шагнул в наметенный снегом сугроб.

В магазине чувствовалось настроение выходного дня. Рабочие с хайвея пили кофе, обменивались хорошими и дурными новостями с немногими посетителями. Ожидая, пока изготовят лекарство, Блейк прислушивался к разговорам. Это реальная

жизнь. А фантастический мир, в котором он обитает последние три дня, превратился в сон.

Как можно поверить в миры других уровней, в преступников, перескакивающих с одного уровня на другой и способных у вас на глазах вывернуть жизнь наизнанку? Если у него есть хоть капля здравого смысла, он просто уйдет отсюда — подальше от дома на Патрун Плейс, подальше от Киттсона. Он мог бы это сделать, но Блейка преследовала мысль, что ничего хорошего это ему не даст, побег от этих сил невозможен. Что бы это ни было: реальный мир или сон, — он в нем застрял.

Но Блейк по-прежнему, с самого утра, испытывал возмущение. Он подозревал, что является для них таким же орудием, как котенок, которого обучает Хойт. Они используют его или отбросят, когда сочтут нужным. Это взаимоотношения взрослых с ребенком, и они вызывают негодование.

Возможно, его возмущение уловили и сознательно поддерживают? Может, сознательно к чему-то готовят? Впоследствии Блейк не раз думал, что его просто готовили к убийству.

Снаружи серость сгустилась в ранний вечер. Блейк на ходу увязал в сугробах. Но тут он увидел впереди какую-то фигуру. Он подумал, что невозможно ошибиться. Стройная фигура, быстрая походка — Эрскин!

По расчищенной дороге медленно шла машина. И тут Блейк ощутил удар предчувствия. Опасность — опасность для Эрскина. Блейк крикнул и побежал. Но тот, сгибаясь на ветру, не видел и не слышал.

Машина остановилась рядом, оттуда выскочили двое и схватили Эрскина. Блейк поскользнулся на льду. Он пытался сохранить равновесие, но в этот момент в голове вспыхнула оглушительная боль, и он потерял сознание.

Голова болит, в ней стучит пульс. Блейк попытался вспомнить, что произошло. Рот у него заткнут, забит какой-то тряпкой, губы заклеены липкой лентой. Темно, руки и ноги связаны. Дернув путы, он понял, что люди, которые это сделали, знают свое дело. Он попытался перевернуться и обнаружил, что находится в тесном помещении, колени его прижаты к груди.

Эрскин! Неужели его тоже захватили в плен? Несмотря на всю свою силу, люди с пси-способностями тоже имеют ограни-

чения. Киттсон не смог уйти от головореза с защитой в «Шелбурне». Блейк хотел бы обладать способностями одного из агентов. Если бы он только смог установить связь с Эрскином! Он по-прежнему ощущал предупреждение своей личной сигнальной системы, но в последнее время испытывал его так часто, что привык.

Если его не убили, значит, похитителям он для чего-то нужен. Как они сумели так быстро выйти на след? Или они охотились за Эрскином и Блейк для них — лишь дополнительная добыча? Сколько времени пройдет, прежде чем Киттсон и Хойт обнаружат их отсутствие и явятся на выручку? (То, что они могут о нем забыть, не приходило Блейку в голову.) Может, это загадочное «прислушивание» предупредило их о катастрофе?

Нет смысла задавать себе вопросы, на которые нет ответа. Необходимо сосредоточиться на том, что он может сделать... Пока ничего.

Блейк не мог сказать, долго ли продолжалась поездка, но почувствовал толчок. Машина остановилась. Послышались негромкие голоса. Ящик, в котором он находился, понесли и уронили. Блейк больно ударился.

Тепло и слышно больше голосов. И что-то еще. Он уловил запах духов. С толчком ящик окончательно поставили на пол, слышались удаляющиеся шаги. Тепло. Духи. Блейк пытался сопоставить эти факты. Зеленый фургон... магазин одежды напротив «Хрустальной птицы»?

Его тело онемело, он мог только поворачивать голову. Видна светлая шелка, и время от времени слышны приглушенные голоса.

Когда его извлекут отсюда, он не сможет сопротивляться. Но — Прандж обладает пси. А тот, кто вырос в среде, где пси норма, сознательно или бессознательно будет опираться на эти способности, а тех, кто ими не обладает, считать существами низшего сорта.

Блейк чувствовал оттенок такого отношения и у агентов, хотя те привыкли жить среди обычных людей, в мирах, не обладающих пси. В процессе обучения они утрачивают ощущение своего превосходства. Но у Пранджа нет причины скрывать свои способности. Возможно, его зависимость от этих способностей ос-

лепит его, приведет к недооценке противников, кроме тех, кто из его собственного мира?

Несмотря на боль в голове, Блейк заставил себя спокойно обдумать положение. Чем он располагает? Латентной психоспособностью предчувствовать опасность и мощной мозговой защитой. Не очень много против невидимого арсенала Пранджа. Но защита выдержала при первой встрече с преступником. Предположим, на него будет новое нападение. Нельзя ли создать барьер из ложных воспоминаний, которые прочтет враг?

Тело Блейка оставалось неподвижным, но мозг напряженно работал, исследуя новые возможности. Если бы только он знал больше! Нельзя ли заставить Пранджа поверить, что он всего лишь случайный свидетель? Он может сообщить правду с некоторыми изменениями, и она выдержит любую проверку.

Что, если он по-прежнему верит, что они агенты ФБР, следят за обычными преступниками этого мира? Рассказ будет соответствовать его действиям и может удовлетворить Пранджа, заставит поверить, что он, Блейк, относительно неопасен.

И вот, обдумав эту не очень ясную мысль, Блейк принялся за работу. Он вспоминал подробности своей жизни дома. Он приехал, чтобы поступить в Хейверс. Это правда, это легко проверить. В своем номере в отеле он услышал какой-то звук. Он заставил себя вспомнить этот звук. Помог Киттсону спастись от бандита. Киттсон показал ему свое удостоверение. Агенты ФБР заставили его присоединиться к ним. Он старательно пытался подавить истинные воспоминания. Посещение Бенериса, нападение во вторник, то, что рассказали ему агенты, — все это он должен забыть. Ведя эту внутреннюю битву, Блейк поражался. Словно его усилия, пусть неумелые, пробуждали новые умения, новые и обостренные способности.

Снаружи потух свет. На мгновение сосредоточенность Блейка была нарушена страхом. Неужели его оставят здесь? Стало трудно дышать, теснота подавляла. Может ли он выдержать часы такого заключения?

Начинающаяся паника испугала, но другая часть его мозга, та часть, что наблюдает и оценивает, подсказала, как использовать эту истерию с выгодой для себя. Страх — это правильная

реакция. Страх телепатичен, враг может уловить его. Страх усилит его маскировку.

Блейк прошел большой путь с тех пор, как его взяли в плен, прошел по тропе, о существовании которой даже не подозревал. Шок стимулировал рост, и больше он не тот Блейк Уокер, которого захватили на заснеженной улице. И никогда не будет прежним.

Снова загорелся свет, послышались тяжелые шаги. Сняли крышку, и Блейк замигал от яркого света. Он беспомощно лежал на полу. Его пинком перевернули, и он увидел двух человек. Ни один из них, даже замаскированный, не мог быть Пранджем. Блейк быстро изобразил замешательство и страх.

— Да, это один из них. Он пришел в себя.

— Я тебе говорил. — Человек меньшего роста сплюнул табак. — Что ты собираешься с ним делать?

— Отведу к боссу. Перережь ему веревки на ногах. Неохота его тащить.

Меньший извлек складной нож и перерезал веревки на лодыжках Блейка. Увидев, что пленник смотрит на него, он обнажил в улыбке гнилые зубы и угрожающе взмахнул ножом. Блейк позволил себе отшатнуться; оба засмеялись.

— Веди себя хорошо, сынок, иначе Кратц перережет не только веревки.

— Конечно, — подтвердил второй. — Я хорошо работаю ножом. Могу тебя разрезать аккуратно и не очень. Не напрашивайся!

Блейка поставили на ноги, прислонили к стене и продолжали прочно держать. Оцепенелость в ногах сменилась покалыванием возобновляющегося кровообращения. В это время появился третий. У него из-под губы торчали кончики верхних клыков.

— Отведите его нижним путем. — Он бегло взглянул на Блейка.

— Конечно, Скаппа.

Двое повели Блейка вслед за Скаппой по темному коридору и пролету лестницы. Показался люк в полу, Скаппа спустился в него, за ним последовал Кратц. Блейка подняли и небрежно уронили. От силы толчка он едва снова не потерял сознание, но

ему не позволили спокойно лежать. Спустился большой, поднял его и понес.

Через отверстие в стене они прошли во второй подвал. Блейка посадили на стул, вернее — бросили с такой силой, что у него вырвался сдавленный крик боли. Большой обвязал его веревкой, прочно прикрепив к стулу.

Скаппа пальцем ткнул в своих подчиненных.

— Убирайтесь!

Блейку показалось, что эти двое с радостью поднялись по деревянной лестнице и исчезли в люке. Как только они ушли, Скаппа расстелил на ступеньке носовой платок, сел и закурил сигарету. У него было выражение человека, ожидающего начала интересного представления.

Когда началось нападение, оно не было ударом мысленного зонда, которое испытал Блейк раньше. Нет, на этот раз на него обрушилось медленное безжалостное давление. Сила его показала Блейку, что на этот раз противник намерен одержать победу.

Блейк придерживался подготовленных мыслей и воспоминаний. Легко было примешать и жалость к самому себе. Зачем ему участвовать в этом бою? Медленно, под действием зонда, он мысленно рассказывал о своей встрече с Киттсоном и о последующих событиях.

Он больше не видел ни подвал, ни сидящего на лестнице Скаппу. Каким-то странным образом взгляд его обратился внутрь. Даже страх нужно строго контролировать, он не должен стать слишком сильным и пробить стену отшлифованных воспоминаний. Враг не должен подозревать, что эта стена существует!

Блейк не мог знать, выдерживает он испытание или проигрывает. Удары становились сильнее, глубже, словно посылающий их мозг испытывал нетерпение. Блейк устало придерживался своей истории, и странный допрос продолжался в полной тишине.

Но вот ищущий зонд отступил. Блейк содрогнулся. Снова испытал он ощущение грязи, осквернения. Но одновременно вспыхнула и надежда. Нападение произошло не с такой силой, какой он опасался. Неужели Прандж поверил в его невиновность, в то, что он только ничего не подозревающее орудие

агентов из другого мира? Его привела в себя пощечина, от которой качнулась голова. Садистское лицо Скаппы выступало из красного тумана.

— Вставай и заberi этого ублюдка!

Рослый человек спустился по ступенькам, Кратц шел за ним.

— Что нам с ним делать? — спросил он.

— А как ты думаешь? Поместим вместе с хулиганом. И забудем о нем.

— Конечно. — Большой занялся веревкой. — Босс получил, что хотел?

Улыбка Скаппы поблекла.

— Ты слишком много болтаешь. Убирай его отсюда!

— Конечно, конечно! — сразу согласился рослый.

Он втащил Блейка в отверстие в стене. На полпути в коридоре он остановился, и Кранц осветил фонариком металлическую дверь. Отвернул болты, слегка приоткрыл дверь и втокнул в нее Блейка.

— Попроси хулигана развязать тебя, ублюдок!

Блейк споткнулся и упал, лицо его от царапин уберегла только липкая лента на губах. Когда он смог повернуть голову, дверь уже закрылась.

На него единой тяжестью обрушились темнота и тишина. Может, он сумеет доползти до стены и прислониться к ней. Но сейчас он слишком устал, чтобы попытаться. Холод от каменного пола охватил вспотевшее тело.

«Вместе с хулиганом». Он в каком-то частном склепе. Ноги ему не завязали снова, но руки оставались связаны. Надо двигаться! Но он так устал, все тело ноет от усталости.

Блейк застыл. В темноте послышался звук. Вот он снова доносится с другой стороны невидимого помещения. Хулиган. Блейк пытался успокоиться. Что-то движется.

— Кто... кто здесь?

Блейк пожевал кляп, который мешал ему ответить на этот вопрос.

— Почему... почему ты мне не отвечаешь? — В голосе звучал страх. — Отвечай мне! Отвечай!..

Снова движение — в его направлении.

Эрскин? Блейк сразу отказался от этой мысли. Каким бы ни было испытание, невозможно представить себе, чтобы в голосе Эрскина звучали такие ноты. Он услышал шаги, прерываемые паузами. Потом нога споткнулась о его колено. С криком человек упал на Блейка, от удара у Блейка весь воздух вырвался из легких. Мелькнул свет, вслед за ним восклицание. Пальцы ощутили его лицо, потянули ленту.

Человек с резкостью, рожденной страхом, сорвал ленту. Тряпка вылетела изо рта, и Блейк смог пошевелить языком. Больше всего в жизни ему теперь нужна вода.

— Кто ты? — раздраженно спросил его товарищ по заключению. — Почему они поместили тебя сюда?

— Чтобы избавиться от меня, — хрипло ответил Блейк. — Можешь развязать мне руки?

Его бесцеремонно повернули лицом вниз. Что-то навалилось на него сзади, и он, в свою очередь, спросил:

— Давно ты здесь?

— Не знаю. — Истерические нотки звучали сильнее. — Меня ударили... я пришел в себя здесь. Но... — Пальцы впились в плечи Блейка, подняли его. — Возможно, тут есть другой выход. Они что-то такое говорили...

С его помощью Блейк встал.

— Мы двинемся вдоль стены, — сообщил ему заключенный. — У меня осталось только пять спичек. Посредине стены большое отверстие.

И Блейк вынужден был пуститься в странное путешествие.

— Ты сказал «другой выход», — напомнил он.

— Так они сказали, раньше, до того как бросили меня сюда. Что-то странное... они рассмеялись... Неприятно. Но все лучше этого! Осторожнее, — сказал он секунду спустя.

Блейк не мог сказать, как долго продвигались они дюйм за дюймом. Но он был уверен, что помещение очень велико. И тут с ноткой возбуждения заговорил его спутник:

— Вот что я нашел перед тем, как втащили тебя. Становись!

Нога Блейка ударилось обо что-то на фут выше пола. Он опустился на колено и на ощупь обследовал эту поверхность. Гладкая, словно смазанная. Металл? Он ступил на эту поверхность.

— Тут в конце что-то торчит. Похоже на лом. Если сможем его вытащить, попробуем пробить стену. Тут есть свободные камни. Но ты должен мне помочь с этим рычагом.

Блейк напрягся. В каждом нерве, в каждой мышце его тела прозвучало предупреждение.

— Не нужно!..

Он успел выкрикнуть только это, как его сбило с ног и поверхность под ним задрожала. Вспыхнуло слабое зеленоватое свечение, и Блейк увидел, что находится на небольшой платформе. Второй человек на ней сжимал в руках выступающий стержень.

Глава 6

Свечение сопровождалось необычным ощущением. Внутри Блейка все дергалось, мялось, рвалось и металось. Дергалось и все вокруг. Казалось, единственным островком безопасности в мире, внезапно сошедшем с ума, остался лишь прямоугольник платформы.

Теперь, когда его зрение приспособилось к тусклому освещению, Блейк разглядел стены — если это стены. Они вздымались волнующимися клубами тумана. Зеленое свечение со всех сторон охватило людей, а за ним — невероятный хаос.

Мелькают ослепительные огни, сменяются полосками тьмы, еще более черной по контрасту. Один раз сверху на них опустился конус холодного голубого смертоносного света. Блейк видел очертания каких-то существ, но не мог поверить в их реальность. Мимо мелькали странные машины, несколько раз платформа оказывалась на открытой местности. На одной такой местности шла война, если судить по непрерывным вспышкам и разрывам, от которых платформа закачалась, а двое, сидящие на ней, были оглушены.

Спутник Блейка завопил от страха, закрыл голову руками, но не выпустил рычаг. Наверное, этот рычаг управлял невозможным путешествием. Если они хотят остановиться, его спутник должен его выпустить. Под Блейком платформа жила собственной жизнью, а за пределами причудливого зеленого колпака раз-

вертывались и исчезали все новые сцены. Блейк подполз к своему спутнику, схватил его за руку. Но испуганный человек так крепко зажал рычаг, что Блейк не смог оторвать его руку. Наконец он стал один за другим отгибать его пальцы.

Когда удалось оторвать руку, рычаг выпрямился. Все завертелось, тошнотворно закачалось. Блейк споткнулся и ударился головой о тень, которая за пределами зеленого свечения неожиданно приобрела материальность.

— Проснись! Проснись! — Ладони били Блейка по исцарапанному лицу.

— Что?..

Настоящий свет, устойчивый, мягче привычного электрического. Блейк смог рассмотреть нагнувшегося к нему человека. Маленького роста, худой, едва ли не изможденный, с растрепанными темно-каштановыми волосами, нависающими на широко раскрытые испуганные глаза. Руки дергали Блейка, пытались его поднять.

— Проснись, черт тебя побери! — В углах рта человека показалась белая пена. — Где мы? Скажи, где мы? — Его резкий голос перешел в крик.

Блейк приподнялся и огляделся. Они по-прежнему на металлической платформе, но, очевидно, больше не в подземной тюрьме, куда его поместил Скаппа. Большое помещение, пол вымощен ржаво-красными плитами, того же цвета отделка стен. Источников света не видно, освещение рассеянное и исходит от потолка. С трех сторон длинные столы со скамьями, на столах множество предметов, которые в представлении Блейка ассоциируются с лабораторией.

Если не считать их двоих на платформе, комната пуста, но из нее куда-то ведет лестничный пролет. Блейк передвинулся к краю платформы, увернувшись от руки спутника.

— Не ходи!

— Послушай, — повернулся к нему Блейк, — пока ты не тронешь этот рычаг, мы останемся здесь. Но я хочу знать, где мы.

Единственное разумное объяснение, которое пришло ему в голову, — путешествие по уровням. И когда его спутник взглянул на рычаг как на ствол огнемёта, Блейк решил, что тот больше его не тронет.

Он спрыгнул на пол странной лаборатории. Почти ожидая, что это его движение разрушит иллюзию, что все исчезнет и он вернется к реальности, Блейк встал и сделал шаг. Ничего не произошло. Под ногами такая же прочная поверхность, как на улице, по которой он недавно прошел. Негромкие звуки исходили от капель, падающих из трубы в бассейн.

Вода! Блейк покачнулся, ухватился за стол, чтобы сохранить равновесие, и протянул руку к трубе. Жидкость пробежала по его грязной ладони, протекла между пальцами. На стене над трубой ряд кнопок. Жажда заставила Блейка потерять осторожность. Он нажал крайнюю правую кнопку. Из трубы полился теплый поток.

На краю бассейна стояла небольшая чашка, чистая и сухая. Блейк наполнил ее до краев и проглотил тепловатую воду. Утолив жажду, он смыл грязь с распухших рук, позволил воде течь по бороздам, оставшимся после веревки на запястьях, потом плеснул воды в лицо: царапины у рта и на щеках жгло.

— Где мы?

Блейк осмотрелся. Его спутник передвинулся к краю платформы и тоже оглядывался, любопытство в нем боролось со страхом. Он был моложе, чем показалось Блейку на первый взгляд, и одежда у него соответствующая — рваный пуловер и грязные вельветовые брюки. Волосы нуждаются в стрижке, а худые руки не останавливаются ни на минуту: все время то трогают одежду, то отбрасывают прядь волос с глаз, то потирают подбородок.

— Я знаю столько же, сколько и ты, — ответил Блейк.

Молодой человек не выглядел опасным, но вряд ли в других обстоятельствах Блейк захотел бы с ним знакомиться. Однако они вместе проделали это необыкновенное путешествие и теперь связаны прочными невидимыми нитями.

— Меня зовут Лефти Коннерс, — неожиданно представился тот. — Я работаю на Большого Джона Тарторфу. — Он внимательно посмотрел на Блейка, словно проверяя, какое впечатление произвели на него эти слова.

— Блейк Уокер. Меня похитил Скаппа.

Лефти вздрогнул.

— Меня тоже. Сказал, что я работаю на его территории. Этот его огромный головорез отключил меня, а очнулся я в погребу. А ты на кого работаешь?

— Ни на кого. Я был с людьми из ФБР и думаю, Скаппа захотел узнать, что мне о них известно.

— ФБР! Да что ты говоришь! — Интерес Лефти был явно окрашен страхом. — Фэбээровцы за Скаппой! Большой Джон хорошо заплатит за эту новость. Но... — он оглянулся и вспомнил, — сначала нужно выбраться отсюда. Но где мы?

— Мы оказались здесь, потому что ты потянул за рычаг. — Блейк указал на платформу.

— Я ничего не сделал! — сердито возразил Лефти. — Говорю тебе: я обошел вокруг всего места, где мы застряли, вокруг всего. И ничего этого там не было.

— А как ты тогда это объяснишь? — заставил его замолчать Блейк. Собственную версию происшедшего он не собирался оглашать. Он был в руках бандитов Пранджа, а это, вне всякого сомнения, средство Пранджа для перемещения с уровня на уровень. Похоже, их поместили в месте «контакта» с этим миром, и Лефти своим неосторожным обращением перенес их через целую серию миров последовательности. Это объясняет странные зрелища, которые видел Блейк.

Но насколько он может довериться своему товарищу по несчастью? Допустим, благодаря какому-то чуду они сумеют вернуться в свой мир. Тогда все, что он расскажет Лефти, будет противоречить его утверждениям о том, что он ничего не знает. Он решил пока помолчать.

— А как отверстие в полу, о котором ты говорил?

Лефти, явно удивленный, посмотрел на потолок.

— Мы спустились в каком-то лифте?

Слабое объяснение, однако придется его поддержать.

— Ты знаешь столько же, сколько я. Но по крайней мере мы не в подвале.

Лефти повеселел.

— Это точно. И никого из бандитов нет поблизости. Что скажешь, если мы посмотрим на лестницу? Вот здорово! Мне бы только выбраться отсюда, и Большой Джон много заплатит за мой рассказ! Как ты думаешь, что у них здесь? — Его страх бы-

стро рассеивался, уступая место любопытству к новому окружению.

— Я бы сказал, что это лаборатория.

— Как та, в каких делают атомные бомбы? Здорово! Поэтому ФБР идет за Скаппой? Может, нам лучше побыстрее убраться отсюда?

Блейк хотел осмотреться получше, но согласился с Лефти. Однако можно ли покинуть платформу — единственную их связь со своим миром? Он колебался. Тем временем Лефти, уверенность которого возрастала с каждым шагом, направился к лестнице.

— Давай шевелись! — слышался его нетерпеливый шепот, и Блейк неохотно пошел за ним.

Он поднялся в короткий коридор, из которого вела новая лестница. За ней находилась полуоткрытая дверь. Лефти присел возле нее, заглядывая внутрь.

— Какая-то кладовая. — Но голос его звучал не очень уверенно.

Полки вдоль стен, на них множество ящичков и кувшинов. Свет неяркий и освещает не все помещение. Блейк вошел.

Еще полки, их нет только там, где дверь в стене. Прилавка тоже нет, зато есть множество маленьких столиков и стульев; они заполняют большую часть помещения. Возможно, это ресторан или кафе.

Блейк на цыпочках прошел вперед. Еще одна дверь, шире; возможно, выходит на улицу. Он положил на нее руку и ощутил дрожь. Отодвинулась небольшая панель. Да, снаружи улица!

Грязными неровными полосами лежит снег, он голубоватый от света странных фонарей, расположенных неравномерно на стенах соседних зданий. Высоких строений не видно, и улица узкая. Это явно незнакомый ему город.

— Не суйся! — Лефти схватил его за плечо. — Хочешь, чтобы нас увидел коп? Нас засудят за кражу со взломом!

Блейк закрыл панель. Лефти прав: ему совсем не хочется привлечь к себе внимание. Но нужно узнать, где они. Однако надо действовать осторожно и постепенно, чтобы Лефти как можно дольше ничего не понял.

Если бы найти газету или ее эквивалент — какой-нибудь ключ, намек. Блейк повернулся к ближайшей полке, взял один кувшин и поискал ярлычок. Кувшин глиняный, прекрасно изготовленный, сверху сужается и заканчивается крышкой. Крышка сделана в виде головы. Блейк поднес ее к свету.

Действительно голова, но ничего подобного он не видел и даже представить себе не мог — отвратительная голова улыбающегося дьявола. Что-то вроде горгульи с маской вуду вдобавок. Он отставил кувшин и взял следующий.

На кувшинах нет никаких этикеток, и все они плотно запечатаны. Но головы разные. Может, они и указывают покупателю на содержимое. За рогатой улыбающейся головой следовало еще десять таких же. Но дальше кувшины с головами клыкастых волкоподобных существ, еще дальше дюжина сосудов, в которых он с облегчением узнал сов, причем очень реалистично изображенных. Быстрый осмотр показал демонов разных видов, а также несколько зверей и птиц.

— Что в них? — Лефти не стал трогать кувшины, но ходил мимо полок, разглядывая их.

— Не могу сказать.

Почему Лефти не удивляется всем этим вещам, самому зданию? Он не настолько глуп, чтобы не видеть, насколько тут все необычно.

— Слушай! — Лефти остановился. — Знаешь, я думаю, это один из шикарных парфюмерных магазинов. Тут богатые девчонки получают все прямо из Парижа.

— Возможно. — Но Блейк сомневался, чтобы какая-нибудь женщина взяла кувшинчик с головами таких чудовищ, которые он видел.

— Ну что ж... — Лефти подошел к двери. — Тут нам не выйти. Только положим руку на дверь, и поднимется тревога, половина окрестных парней сбежит прямо на наши головы. В таких шикарных местах всегда есть сигнализация. Давай посмотрим, что здесь еще есть.

Он вернулся в коридор и двинулся по второму лестничному пролету. Блейк предпочел бы вернуться к платформе. Она принесла их сюда, и если им суждено вернуться, то на ней же. Не пора ли сказать Лефти правду? Но что-то внутри призывало Блейка к осторожности.

Лестница привела в другой коридор, длиннее того, что внизу. В стене пять дверей, но ни одна не открыта, и нет никаких ручек и замков. Это ясно видно в слабом свете, исходящем от голубой линии вдоль лепнины на потолке. Лефти с явным удивлением осмотрел первую дверь.

— А где же ручка? — спросил он.

— Должно быть, дверь сдвигается в сторону. — Но Блейк не торопился проверять свое предположение. Меньше всего ему хотелось оказаться в жилой квартире аборигена другого мира и пытаться объяснить не только кто он, но и что делает здесь среди ночи. С легкой дрожью он представил себе, что произошло бы с ним в подобной ситуации в его собственном мире — путешественник во времени, вынужденный оправдываться перед негодующими жильцами и полицией.

Но Лефти такие страхи не тревожили. Он нажал на ближайшую дверь, а когда она не поддавалась его усилиям, перешел к следующей и к еще одной.

— Какого!.. — Он протянул руку к последней двери, но она не дождалась его прикосновения и гладко откатилась в стену.

Ловушка? Похоже. Лефти не стал входить в темное пространство за дверью. Может, их ждут? Блейку хотелось вернуться к ненадежной безопасности платформы. Но Лефти задержался в двери. Любопытство боролось в нем с осторожностью.

Наконец он переступил порог и испустил испуганный вопль. Вспыхнули огни. Фотоэлементы? Блейк не очень в этом разбирался, но возможно. Он заглянул через плечо Лефти и увидел, без сомнения, гостиную. Кресла, ковры, стол, рисунок на стенах. То, что все слегка отличается от привычного, больше его не беспокоило. Главное, комната пуста, и совершенный порядок свидетельствует о том, что ею давно не пользовались. Подбодренный этим, Блейк отодвинул пораженного товарища.

Ковер под ногами очень мягкий, такой мягкий, что ближе скорее к меху, чем к ткани. Кресла в форме бочонков, сделаны из светло-серого дерева, на каждом подушечка из шелковистого меха. Никаких ламп, свет исходит от тонкой трубки, которая тянется с четырех сторон в месте соединения стен с потолком. Непрозрачные прямоугольники в стенах, вероятно, скрывают окна.

Между ними, как картины, развешаны маски. Чрезвычайно реалистичные, хотя Блейк не поверил, что это могут быть портреты. Глаза преувеличены, сделаны из блестящих камней, взгляд у них плоский, почти угрожающий. Блейк после первого взгляда предпочел не всматриваться в них. Если это портреты, встречаться с оригиналами он не имеет намерения. Рты жестоко изогнуты, в глазах обещание необычного злого знания.

Вдоль одной стены во всю длину шкаф с книгами. Переплеты у книг из того же серого дерева, что и мебель. Слева еще две двери, обе открытые.

Лефти, видя, что Блейк невредим, тоже вошел в комнату. Странность этого места произвела на него впечатление.

— Вот это да! — сказал он. — Классная хата!

Он провел пальцем по обивке ближайшего кресла.

— Знаешь, что это? Мех! А к чему все эти лица на стене? Парень, который тут живет, должно быть, охотник за головами! — Он засмеялся, радуясь собственному полету воображения, но вторично взглянул на маски, и смех его замер.

— Да, квартирка того... Мне не нравится.

Из других комнат не доносилось ни звука. Если бы квартира была населена, они бы уже разбудили кого-нибудь. Но чувство, что комнаты пусты, сохранялось, а собственная система предупреждения об опасности не подавала Блейку никаких сигналов.

Он прошел в следующую комнату. Снова, как только он пересек порог, вспыхнул свет, и он увидел спальню. Кровать низкая и широкая, встроенная в угол, как койка. Мягкие ковры — на этот раз белые — покрывают пол. Кровать заправлена вышитым покрывалом, сверкающим цветами, искрами драгоценных камней, образующих узор. У стены сундук черного дерева с инкрустацией из красных и золотых листьев, над ним висит серебряное зеркало.

Увидев в зеркале свое грязное мрачное лицо, Блейк порадовался, что не столкнулся с хозяином. Но комната пуста, и у него такое ощущение, что пустует она уже много дней.

— Вот это класс! — внес свой вклад Лефти. — У девчонки Большого Джона не так. Настоящий класс!

Художник в Блейке жаждал осмотреть вышитое драгоценностями покрывало, другие сокровища, но времени не было. Задерживаться здесь глупо. Они должны вернуться в лабораторию и попытаться привести в действие платформу, даже если это означает возвращение в подвал, куда посадил их Скаппа. В самом воздухе здесь что-то говорит, что, как ни плох Скаппа, встреча с ним предпочтительнее. Блейк был потрясен больше, чем хотел признаваться себе.

— Нам лучше вернуться... — начал он.

— Куда вернуться? — спросил Лефти. — Конечно. Я знаю: отсюда нужно уходить.

Блейк так и не узнал, сумел бы он уговорить его вернуться к платформе, потому что в этот момент прозвенел приглушенный звонок — первый услышанный ими звук.

На стене в коридоре круглая пластинка, напоминающая корабельный иллюминатор. Но она больше не тускло-серая. Вспышки на ней привлекли их внимание. Лефти с криком, близким к воплю, просто повернулся и побежал, когда на пластинке начало появляться изображение.

Блейк остался на месте. Линии букв, совершенно незнакомых. Но ему казалось, что он где-то видел похожие крючки. Он оторвался от зрелища только тогда, когда увидел, что коридорная дверь закрывается, оставляя его внутри, а Лефти снаружи. Блейк прыгнул к ней, но она уже с резким щелчком закрылась, и как он ни толкал дверь, открыть ее не смог.

Он осмелился поколотить по ее поверхности, просил Лефти открыть ее, встав перед дверью. Но если маленький человек еще был в коридоре, он не двигался, и дверь продолжала сопротивляться усилиям Блейка.

К тому времени, как он смирился с тем, что опять стал пленником, плита снова потускнела. И он был уверен, что не может рассчитывать на помощь Лефти при освобождении. Он поступил неправильно, не рассказав Лефти о подлинном смысле их путешествия. Лефти хочет выбраться из здания. Допустим, это ему удастся. Он вызовет подозрение у первого же встречного аборигена. И чем дальше Лефти от лаборатории, тем вернее их плен.

Глава 7

Блейк подумал, что уже утро. У него, наверное, осталось совсем мало времени, прежде чем кто-то придет в магазин внизу или в лабораторию. Ему нужно освободиться!

Он обнаружил вторую дверь, ведущую из спальни в коридор, но она не поддавалась его усилиям. Третья комната оказалась кухней. Вид кухонных приспособлений, хоть и странно выглядящих, вызвал у него приступ голода. На мгновение он задумался, не поискать ли пищи, но здравый смысл остановил его.

Есть только один возможный выход — окно. Сломав ногти на двух пальцах, он сумел отодвинуть панель, прикрывавшую окно. Но между ним и свободой прозрачная поверхность. Стекло? Нет. При его прикосновении оно прогнулось. Он с трудом отодвинул это второе препятствие и вдохнул воздух с обычными городскими и еще какими-то экзотическими запахами.

Блейку продолжало везти. В пяти футах внизу проходил карниз, ведущий к крыше одноэтажной пристройки. Если он сможет пробраться в окно...

Отверстие тесное, и ему пришлось снять куртку, чтобы пролезть. И вот он стоит дрожа на карнизе, прежде чем перепрыгнуть на пристройку. Голубые уличные фонари далеко, но он кое-что видит. Никаких небоскребов, знакомых по его городу. Некоторые здания достигают четырех и пяти этажей.

Он всмотрелся в темное пятно — двор, передний или задний. Оказавшись там, он будет еще дальше от платформы.

Пока Блейк стоял в нерешительности, он увидел два оранжево-красных шара, величественно пролетающих над городом. Какое-то воздушное судно? Он повернулся им вслед и увидел, что в здании, которое он только что покинул, загорелся свет.

Дальнее окно превратилось в яркий прямоугольник в темноте. Оно такое яркое, что Блейк решил: его открыли. Если он сможет пролезть в него...

Он снова подтянулся на карниз и двинулся в сторону света. Неужели Лефти сумел войти в другую комнату? Тогда он сможет помочь Блейку; на этот раз придется сказать ему всю правду, и они вернуться к платформе.

Но внутренняя настороженность заставила приближаться к окну незаметно. И, бросив в него взгляд, Блейк застыл.

Да, это Лефти. Но изменившийся Лефти, абсолютно в ладу с окружением, Лефти, в котором осталось только легкое сходство с тем испуганным юнцом, который вместе с Блейком сбежал из подвала.

Исчезла нервозность, не дергались больше губы, лицо застыло и выражало спокойную силу. Волосы гладко зачесаны назад, обнажая высокий лоб. Странная улыбка играет на губах. Он сидит в одном из кресел-бочонков и вертит в пальцах коричневую сигарету. Лефти ждет — чего? Лефти дома? Здесь?

Но только — догадка потрясла Блейка — это не Лефти, не испуганное существо, с которым он бежал из тюрьмы несколько часов назад. Он знал, что только Прандж может управлять платформой. Это значит, что хилый маленький человек, совсем не похожий на изображение, которое ему показывали, — это и есть Прандж! Прандж, настолько умело маскирующийся, что Блейк ничего не заподозрил.

Значит, они оказались в этом мире не случайно. Этот уровень Прандж знает, у него здесь контакты и база для операций. В этом мире он может легко избавиться от Блейка, после того как извлечет из него все, что тот знает. И теперь преступник считает, что жертва ждет, ничего не подозревая.

Блейк сжал руки в кулаки. Возможно, он не может сравниться в пси-способностях с этим преступником. Но если только он доберется до платформы, если он сумеет сделать это, прежде чем Прандж поймет, что он не заперт в квартире...

Звук с улицы заставил Блейка сделать несколько шагов и всмотреться. Остановился экипаж яйцеобразной формы. Из люка на его верху вышли три человека и направились к двери. Блейк заторопился назад к окну.

На стене перед Пранджем вспыхнула пластина. Он встал и нажал кнопку в ее раме. Минуту спустя вошли трое.

Блейк разглядывал их. Все высокие, одежда подчеркивает мускулистость тел. Облегающие брюки с мягкими сапогами со шнуровкой до колен, куртка на пряжках от горла до пояса. Двое блестят золотом и серебром, а пряжки на их одежде — в драго-

ценных камнях, так же как рукояти и ножны кинжалов. Третий, в коротком алом плаще, судя по всему слуга, остался у двери.

Все темнокожие, волосы на головах побриты, только две узкие полоски ведут от лба к затылку, оставляя широкие полосы у ушей. В том, как эти двое сели, чувствовалось высокомерие, уверенность людей, которым не возражали с рождения. Если это представители местной знати, то их каста мужественная и господствующая.

Поскольку они сели, словно собирались посовещаться, Прандж скорее всего пока не будет интересоваться Блейком. Пора двигаться.

Но он ничего не выиграет, вернувшись в закрытую квартиру; остается ведущая на улицу дверь, через которую вошли посетители. Блейк спрыгнул на крышу пристройки, побежал по ней. Улица кажется пустой; во всяком случае, это его единственная возможность.

Он спрыгнул на землю и приземлился с толчком, невольно вскрикнув. Надо надеяться, что эти трое — единственные пассажиры странной формы машины. Никто не окликнул его, когда он направился к двери.

Она закрыта, но под давлением начала уходить в стену. С трудом веря в свою удачу, Блейк вошел, и дверь тут же захлопнулась, зажав край его куртки. Он безрезультатно попытался вырвать куртку: она была зажата прочно. Вторично пришлось ему выбирать из нее, но на этот раз она осталась в двери — явный знак того, что он здесь проходил.

Этот след сокращает его шансы на успех. Блейк прошел к подножию лестницы и прислушался. Сверху не доносилось ни звука. Приободрившись, он начал спускаться по другой лестнице. Лаборатория выглядела так же, как и раньше; в центре ее — платформа. Блейк вспомнил, что у него нет оружия. Если он сумеет вернуться в свое время, его там будет ждать Скаппа. Значит, нужно оружие.

Он быстро осмотрел столы. Что-нибудь вроде дубинки, если не попадется ничего лучше. Он уже протянул руку к небольшому молотку, когда увидел другой предмет — кинжал, такой же, как у местной знати. Десятидюймовое лезвие острое, как бритва, с заостренным концом. Блейк сунул кинжал за пояс, потом выбрал

еще один предмет — небольшой кувшин с головой демона. Его он сунул в карман фланелевой рубашки. Если когда-нибудь он снова встретится с агентами, этот кувшин поможет определить, на каком уровне находится база Пранджа.

Блейк поднялся на платформу и протянул руку к рычагу управления. При свете он смог не только нащупать, но и увидеть ряд небольших зарубок на стержне. С помощью большого пальца убедился, что стержень поднят до самой последней такой зарубки. Одна из остальных зарубок, должно быть, означает мир, из которого бежал Прандж, — мир агентов. Неплохо бы добраться туда. Обитатели того уровня не потребуют объяснений и сочувственно отнесутся к его поиску. Нужно будет только связаться с агентами. Он снова пересчитал зарубки: пять, шесть... Наверное, последняя с противоположного конца.

Услышав крик, он вздрогнул. И потянул рычаг: пусть будет первая зарубка. Но ручка не поддавалась. Блейк тянул за нее; на лестнице послышался топот. Второй крик с ноткой торжества. Должно быть, нашли его куртку!

Блейк лихорадочно дергал стержень, потом наклонился, осматривая углубление, из которого он торчал. Здесь защелка. Именно она не дает стержню двигаться.

Топот на лестнице. Блейк концом кинжала отодвинул защелку. По-видимому, он задел пружину. Защелка подалась. Держа стержень обеими руками, он поднял голову. Они растянулись цепочкой по лестнице: впереди люди в красных плащах, Прандж сзади, как командир, руководящий действиями из тыла. Но Блейк видел только искаженное яростью, изменившееся лицо «Лефти».

Человек в красном плаще поднял трубку и прицелился словно из ружья. У Блейка не оставалось времени для выбора. Он просто дернул стержень вперед, но в ту же секунду ощутил удар в плечо, и его левая рука бессильно повисла.

Снова гул, зеленоватый светящийся купол окружил платформу. Блейк видел Пранджа и остальных: они смотрели изумленно, раскрыв рты, Прандж — в холодном смертоносном гнев, как человек, недооценивший противника и потому потерпевший поражение. Может, теперь Прандж навсегда останется в этом мире? Блейк испытал ощущение торжества.

Лаборатория исчезла, и началось новое рвущее нервы путешествие сквозь свет и тьму. Блейк лег, опираясь на здоровую руку, вытянув левую, онемевшую, вдоль тела. Он отдыхал, предоставляя действовать машине. Все равно он не понимает, как она работает.

Свет. Тьма, свет. Синий туман. Свет. Тьма. Платформа под ним больше не дрожала. Путешествие закончено, и он в темноте. Но усталость победила, и Блейк уснул.

Проснулся он замерзшим и оцепеневшим. Открыл глаза и ничего не понял. Неяркий свет, слабый солнечный луч падал на руку. Солнце!

Чувствуя, как болит каждая мышца, Блейк приподнялся на правом локте. Малейшее движение левого плеча вызывало острую боль в спине и груди, и он слегка вскрикнул. Когда голова прояснилась, он с ужасом осмотрелся. Он считал, что вырвался на свободу!

Но это не подвал, который он покинул накануне ночью (неужели это было только вчера?). Время потеряло смысл. Он сидел, положив левую руку на колени, и тупо осматривался.

Каменные стены, сложенные из грубо обработанных блоков, но так плотно пригнанных друг к другу, что не осталось щелей, уходят вверх. Первая мысль — платформа на дне высохшего колодца.

Но выше, в шести футах, в стене пролом, через него светит солнце. Это возможность выбраться. Блейк встал, голова у него слегка кружилась. Платформа не очень устойчива; когда он перемещается, она под ним покачивается. Она лежит на груде почерневшего мусора, из которого торчит обожженный и потрескавшийся конец балки. Теперь Блейк увидел, что на стенах тоже видны следы пожара. Огонь, должно быть, уничтожил сердцевину этого сооружения. Наверное, это было очень давно, потому что, когда Блейк пнул балку, она рассыпалась в порошок.

Это, несомненно, не подвал Скаппы. Он уверен, что это и не мир, из которого бежал Прандж. Разве что преступник действовал из развалин вдали от жилых мест.

Движимый этой слабой надеждой, Блейк обошел окружность стены. Ноги его почти по лодыжку погружались в обго-

ревшие остатки, но, насколько он мог судить, выхода на уровне поверхности не было. Должно быть, выход находился выше. Блейк взглянул на щель: она достаточно широка, чтобы он смог выбраться. Другое дело, сможет ли он добраться до нее с помощью одной руки?

Блейк снова сел на платформу. Теперь он испытывал сильный голод. Он провел сухим языком по еще более сухим губам. Ему нужна еда и вода. Может, опять довериться случайности и пустить в ход платформу, надеясь попасть на свой уровень или уровень агентов? Или продолжать осматриваться?

Если Прандж устроил базы вдоль всей линии, на которую настроена платформа, где бы Блейк ни высадился, его могут поджидать неприятности. Он помнил предупреждение агентов: существуют уровни, на которые не решаются вступить даже подготовленные исследователи, — радиоактивные миры или такие, где человечество в попытке выжить вступило на другой, отчаянный путь.

Здесь тихо. Развалины свидетельствуют, что, возможно, место это покинуто и относительно безопасно. Он может отдохнуть, собраться с мыслями, обдумать план. Но прежде всего — еда, тепло. Он вздрогнул на ветерке, проходящем через разбитую стену.

Блейк подошел к стене. С трудом удалось ему подняться. Но какое-то время спустя, дрожа от слабости, он стоял на земле, ошеломленно глядя по сторонам.

Под ногами у него мостовая; местами, где ветер смел снег, она была видна. Снег сугробами намело у основания башен, у стволов голых, лишенных листвы деревьев. Но это не улица. Вокруг башни плиты, а между ними пучки высохшей коричневой травы. Очевидно, здесь очень давно никто не ходил.

Блейк опустил на колено, набрал снега и облизал его с онемевших пальцев. Но глаза его продолжали переходить от башни к башне, от деревьев к кустам. На снегу нет следов — ни людей, ни животных. И ни звука, если не считать свиста ветра в разбитых башнях.

Блейк с трудом нарвал травы с промерзшей почвы, собрал несколько ветвей, полусгнивших палок. Надо развести костер. У него в кармане коробок спичек. Он поднес огонек к высохшей

траве. Похоже, с легкой улыбкой подумал Блейк, он не так уж беспомощен в этом обличье Робинзона Крузо.

Трава загорелась, полузамерзшее тело и посиневшие руки с радостью ощутили тепло. Блейк обнаружил, что возвращается чувствительность к левой руке. Но, когда он попытался пошевелить ею, сильно заболело плечо. Однако никакой раны или крови он не видел.

Он неуклюже снял рубашку, потом белье, пытаясь отыскать рану. Под ключицей красное пятно, похожее на ожог. Ну, сейчас он с этим ничего не может сделать.

Он снова оделся. Внимательнее оглядел окружающее. Разрушенные башни — он насчитал их десять вблизи — не расположены в привычном порядке, как на улицах города. И никаких других зданий, кроме этих башен, не видно. В башни можно попасть только сверху, ни одного окна в них нет. Это свидетельствует о необходимости обороняться, причем от очень серьезно-го противника. Но башня, из которой он только что выбрался, все же была захвачена — захвачена и сожжена.

Народ, живший в состоянии постоянной осады. Народ, павший жертвой своего врага давным-давно.

Но где же враг? Может, захватчики или осаждавшие, одержав победу, ушли, удовлетворившись полным уничтожением побежденных? Он не видел никаких признаков восстановления развалин.

Блейк полизал еще снега. Нужно что-то поесть. Это место погрузилось в дикость. Кролики, птицы должны жить повсюду. Он никогда не охотился, а теперь даже не мог представить себе, что может сделать с одной здоровой рукой. Но у него есть огонь и нож. И если человек давно ушел из этих развалин, тут должно быть много мелких животных, и они не должны бояться, их легко убить. Он пнул груды замерзших камней и выбрал несколько удобных для броска. Человек, умеющий играть в бейсбол, сумеет попасть и в кролика.

Блейк подбросил в костер несколько больших веток, чтобы они горели подольше, и пошел к дальней башне, разбитая вершина которой напоминала два зуба, торчащих в утреннем небе. Она послужит ориентиром. Блейк шел, оглядываясь в поисках дичи.

Смущало дикое пение ветра. Иногда оно поднималось до крика, словно кричали пустые глотки башен и щели, сквозь которые падают камни. Дважды Блейк прятался: звуки так напоминали крик человека. Но ничего не видел.

Его подбодрили следы голубя на снегу, а потом, у основания башни, след какого-то маленького зверька. Но Блейк со своей неопытностью не смог определить, кому принадлежит этот след. Однако сейчас любое животное означает пищу, и он пошел по следу.

След привел к другой башне, у которой обвалилась часть стены. Блейк уловил запах логова. Но его больше заинтересовало другое.

Внутри следы недавнего падения камней. И это падение обнажило древнее хранилище. Блейка оглушил шум крыльев голубей и других птиц. В каменном ящике зерно. На такое он и не рассчитывал. Блейк был уверен, что птицы скоро вернуться. Набрав горсть зерна, он присел у стены, жевал зерно и ждал.

Он прав: первыми вернулись голуби, жадные до еды. Блейк завязал в углы платка небольшие камни. На зерно села толстая белая птица...

Час спустя Блейк умылся снегом. Мясо без соли, пусть и чуть прожаренное, не самая аппетитная еда в мире. А во рту по-прежнему пыльный вкус зерна. Но он больше не голоден. И к тому же Блейк испытывал глубокое внутреннее удовлетворение. Агенты использовали его в своей игре против Пранджа. Преступник обманул его.

Но он ушел от Пранджа! И здесь, без оружия, без знаний, сумел раздобыть еду и тепло. Благодаря только себе самому. К нему вернулась некоторая уверенность.

Что покончило с этим городом? Конечно, война. Но какая война? Кто с кем воевал? Может, жители башен были того же вида, что и он сам, их победили дикари, которые не захотели воспользоваться завоеванным? Может, последний оплот цивилизации в этом мире?

Блейк испытывал любопытство. Ему хотелось исследовать, узнать. Автоматически протянул он руку за новой веткой и остановился. К чему костер? Он должен вернуться к платформе и снова попробовать...

Он застыл, настолько пораженный, что забыл о кинжале у себя на поясе. Вверху яростно кричал ветер. Но Блейк ничего не слышал, ничего не видел, кроме существа, которое вползло в щель. В глазах существа отражался огонь костра.

Глава 8

Он увидел дракона из немецкого фольклора, само олицетворение кошмара. Около семи футов длиной, суставчатый, раздутая голова составляла примерно треть длины многоногого тела. Огонь отражался в блестящих глазах — единственной черте этой безносой и безротой морды, если ее можно назвать мордой.

Блейк шаг за шагом отступал, а тварь осторожно продвигалась вперед. Он не мог сказать, привлек ли дракона костер или приманкой послужил он сам. Дракон двигался хоть и медленно, но гибкими движениями, которые свидетельствовали о том, что его нападение отразить будет нелегко.

Плечи Блейка прижались к каменной стене башни, в раненой руке и спине вспыхнула боль. И эта боль разорвала оцепенение. Блейк выхватил кинжал. Существо застыло перед костром, глядя на пламя.

Блейк набрал полную грудь воздуха. Каждый сегмент серебристо-серого тела был покрыт броней, как жук панцирем; существо двигалось и поворачивалось с легкостью червя. Пока оно не проявило никакого интереса к нему, и Блейк не мог сказать, представляло ли оно опасность. Если оно останется здесь, привлеченное огнем, он сможет убежать к платформе — к безопасности.

Круглая голова существа повернулась; оно словно внимательно прислушивалось. Но Блейк ничего не слышал, кроме постоянного свиста ветра. И тут он снова ощутил предчувствие, предупреждающее об опасности. Когда показался червь, оно молчало, но сейчас...

Слишком поздно с его искалеченной рукой пытаться взобраться на стену: червь может стащить его. А существо начало огибать костер. Под его ногами катились камни. Когда дра-

кон задел крупный блок, послышался звон металла о камень. Металл!

Дракон проскочил мимо камня, как будто эта небольшая задержка его рассердила, и скорчился перед Блейком; голова его была поднята, круглые красные глаза смотрели безжизненно и без выражения. Они походили на стеклянные шары...

Стекло...

Блейк был так занят драконом, что не замечал фигуры, бесшумно приближавшейся с той же стороны, пока не почувствовал зловония, окутывавшего эту фигуру как плащом. Он резко поднял голову. Дракон-червь, а теперь — людоед! Пришлось вернуться к детским сказкам, чтобы найти подходящее слово.

Ключки грязных волос покрывали его тело. Кожа, может быть, белее, чем у Блейка, но сейчас она покрыта грязью и стала тускло-серой. Но это не вполне животное. Блейк хотел бы считать его таким. Не совсем животное. На поясе нечто вроде юбочки из необработанной шкуры, которая держится на веревке. Существо движется согнувшись, и ключья волос скрывают его лицо. Но хуже всего то, что это явно самка!

Червь застыл, он никак не реагировал на появление нового существа. Оставался в одной позе, словно удерживая Блейка на месте по приказу.

«Старуха» тоже застыла, она неподвижно сидела у костра. Но вдруг подняла косматую голову и посмотрела прямо на Блейка. Глаза у нее оказались не пустыми, как у червя, но свирепыми, в них голод хищника. Обвисшие губы раздвинулись, обнажив клыки. Не человеческие зубы, а клыки волка или горного льва.

Мышцы, как веревки, двинулись под чешуйчатой бородавчатой кожей, карга почти лениво подняла руки, заканчивающиеся твердыми, острыми, как у зверя, когтями.

— Нет! — Блейк не сознавал, что крикнул это вслух, пока эхо крика не отразилось от стен башни.

И как будто этот звук разорвал сдерживающие чары, карга раскрыла слюнявую пасть и испустила крик. Впервые выпрямилась она во весь рост, и ее жилистая фигура создавала впечатление такой силы и такого голода, что Блейк напрягся, готовый встретить нападение.

Но червь двинулся быстрее. Гибко развернувшись, его члены устремились вперед и вверх. Откуда-то из живота выскочили щупальца, схватили Блейка и со страшной силой прижали к камню стены. Прикосновение этих щупалец обжигало! Существо явно металлическое! Ошибиться в этом было невозможно. И красные шары, которые теперь были на уровне его головы, совсем не природные органы зрения.

Блейк был так же беспомощен, как тогда, когда лежал связаный, с заткнутым ртом, перед бандитами Скаппы. Червь — тварь — машина не пыталась раздавить его. Она застыла неподвижно, ожидая приказа «старухи».

Снова существо испустило резкий крик. Может, призывает других? Блейк содрогнулся. Он тщетно пытался вырваться. В результате только ужасно заболело плечо. Все его существо содрогалось при мысли о физическом контакте со «старухой», но она уже двинулась мимо костра к нему.

Послышался резкий щелчок. словно прут, лопнувший под неосторожной ногой. Но это не прут.

Из спутанных волос на груди «старухи» торчала ярко-синяя стрела. Карга с криком несколько раз подпрыгнула, на губах ее выступила кровавая пена, потом она упала, царапая в агонии землю руками и ногами.

Червь не ослабил хватки, даже не повернул головы, чтобы взглянуть на предсмертные муки хозяйки — если таковы были их взаимоотношения. Он остался стоять неподвижно, прижимая Блейка к камню своим холодным металлическим телом.

Из того же кустарника, из которого появился червь, показалась еще одна фигура. Двигалась она уверенной походкой хозяйина положения, которому нечего опасаться в этом мире.

Эскимос? Вначале Блейк обратил внимание на меховую одежду, похожую на парку. Но капюшон парки был откинут, и Блейк сразу понял, что у эскимоса черты лица жителя островов Тихого океана. Лицо покрывала темно-синяя татуировка, ее спирали и точки заменяли отсутствующую бороду.

Одетый в меха полинезиец остановился возле карги. Он с явным любопытством разглядывал Блейка, не обращая внимания на червя. Потом наклонился, выбрал камень и обошел костер. Червь по-прежнему не шевелился, не проявил никакого

интереса к вновь прибывшему. Он словно превратился в часть башни.

Одетый в меха охотник небрежно ударил камнем по красному шару в голове червя. С головокружительной скоростью ударил по второму шару. Послышался звон разбиваемого стекла, но червь не двигался, не пытался защититься.

Охотник обеими руками дернул одно щупальце, удерживающее Блейка. Вначале оно не поддавалось, потом отпустило, и дракон свалился на землю. Он явно вышел из строя. Охотник рассмеялся и пнул его носком мехового сапога, потом поднял свое оружие — нечто вроде самострела. Упираясь им в землю между ногами, он повернулся и принялся разглядывать Блейка. Пустые руки он поднял в универсальном знаке мира.

Блейк потрясенно повторил его жест. Прозвучал вопрос, заданный высоким музыкальным голосом. Блейк с сожалением покачал головой.

— Не понимаю, — медленно ответил он.

Тот внимательно выслушал, на его подвижном лице отразилось удивление, как будто он совершенно не ожидал услышать другой язык. Но он не проявлял беспокойства. Напротив, указал на костер и преувеличенно изобразил дрожь. Блейк отошел от стены и постарался как можно искреннее жестом пригласить незнакомца к костру.

Приглашение было принято, незнакомец присел и протянул руки к огню. Блейк, по-прежнему удивленный, тоже сел на камень. Эскимос, или гаваец, или кто еще там, по-видимому, был настроен дружески. Но сохранится ли такое отношение, если Блейк попытается добраться до платформы? А прижимаясь к стене, поднимаясь к щели, он будет представлять собой прекрасную цель.

Человек у костра занялся своим оружием, он растирал тетиву большим и указательным пальцами. Улыбнулся Блейку и заговорил, словно тот мог его понять. Потом одним гибким грациозным движением встал.

Прежде чем Блейк смог возразить, незнакомец принялся гасить костер, заваливая его снегом. Когда Блейк покачал головой, охотник рассмеялся и указал на червя. Он явно говорил, что огонь привлечет еще таких.

Червь — машина. Теперь Блейк был в этом уверен. Но цивилизация, которая может произвести такого сложного робота и потом связать его с этой «старухой»... Он не мог никак объяснить этой связи. И никак червь не соответствует цивилизации, соорудившей эти башни. Так, во всяком случае, кажется при поверхностном взгляде. И, конечно, никак не вяжется с охотником, иначе он не уничтожил бы его так быстро. Совершенно запутавшись, Блейк хотел только одного — вернуться к платформе.

Когда исчезла последняя спираль дыма, охотник подошел к карге и выполнил такую жестокую церемонию, что Блейк с дрожью снова отступил к стене, стараясь найти способ сбежать, пока тот был занят своей мясницкой работой. Охотник разрубил ей голову, отделил челюсти и извлек из них звериные клыки. Протер их с деловитым видом, вытер их дочиста в снегу и упрятал трофей в сумку, висевшую на кожаном поясе парки.

С улыбкой, которая больше не казалась Блейку дружелюбной, он повернулся и поманил его. Блейк решительно покачал головой. Он не сомневался, что кинжал не защитит его от самострела. Но он не собирался покорно уходить от платформы в мир, в котором все для него опасно.

Улыбка исчезла с татуированного лица. Глаза сузились. Добродушное выражение сменилось жесткой маской бойца, который в своем мире всегда выходил победителем. Охотник поднял самострел и нацелил его в грудь Блейку.

Блейк не мог забыть синюю стрелу, торчащую из груди карги, и то, как легко и привычно охотник избавился от червя. Словно эти действия для него повседневность. Теперь Блейк представлял собой отличную цель. Снова охотник повелительно качнул головой, уверенно держа в руках оружие.

Ветер, который выл над их головами, теперь нес с собой снег — маленькие жесткие снежинки забивались под одежду Блейка. Он дрожал. Теперь, когда костер погас, когда охотник хочет уходить, а возможности поговорить с ним нет, сопротивляться бессмысленно. Если он настроит охотника против себя, его положение станет только хуже.

Он обошел угасший костер, стараясь не приближаться к телу карги. Охотник шел за ним, неся самострел в руке. Блейк не

сомневался, что он пустит его в ход, если встретится с сопротивлением.

Они по тропе прошли через кусты. Снегопад усилился. Блейк пытался запомнить дорогу, расположение башен, отметить любой ориентир, который сможет привести его назад к платформе, когда ему удастся избавиться от охотника. Если удастся избавиться... У него больше не было никакого желания исследовать этот мир. Бегство — даже к Скаппе, в мир, где он по крайней мере может предвидеть опасность, — все лучше, чем это.

По другую сторону кустарника они вышли на хорошо протоптанную тропу, но такую узкую, что идти приходилось один за другим. Охотник жестом велел Блейку повернуть на север, дождался, пока тот ступит на тропу, и пошел следом.

Тропа извивалась; насколько мог судить Блейк, делалось это сознательно; она проходила у основания нескольких башен, постепенно поднимаясь. Здесь деревья заслоняли от ветра. От тропы отделилась боковая тропинка, ведущая к башне, превратившейся в груды развалин. Блейк поморщился, ощутив зловоние из черной дыры.

Охотник издал негромкое восклицание и плюнул в это отверстие, на его лице отразилось явное отвращение. Он остановился, порылся в сумке и достал оттуда небольшую шкатулку. Отдал ее Блейку с приказом, который тот не смог понять. Но, поскольку приказ был явно связан со шкатулкой, Блейк открыл ее.

Внутри шкатулка была выложена почерневшей и затвердевшей глиной, а в середине тлел красный уголек. Блейк посмотрел на своего спутника, тот сделал вид, что собирает сухую траву. Очевидно, Блейк должен развести другой костер, прямо здесь. Причины он понять не мог, но по виду охотника было ясно, что это очень важно.

На открытой площадке недалеко от входа в логово он развел огонь. Охотник не приближался к теплу. Он внимательно следил за входом в логово. Очевидно, пламя должно послужить приманкой — для чего? Еще один червь, еще нечеловеческая карга?

Ветер стих, и они оказались в полосе странного спокойствия. В тишине послышалось щелканье, звон металла о камень. Червь!

Блейк оглянулся в поисках камней. Теперь, когда охотник показал, как можно справиться с этим существом, Блейк подготовится к бою.

Но к приманке устремилось не семифутовое металлическое чудовище. Из темной пещеры выскочило маленькое металлическое существо, за ним еще и еще!

Блейк, приготовившийся встретиться с драконом, увидел многоножек в несколько дюймов длиной. Детеныши! Но металлическое чудовище было явно изготовлено. Робот, он в этом уверен. Он не может размножаться.

Охотник прошел вперед и растоптал одно из блестящих существ. Он знаком пригласил Блейка присоединиться к нему в этом акте праведного уничтожения. Блейк ударил камнем и подобрал разбитое тело. От удара оно раскололось. Он прав: внутри металлические детали, слишком сложные, чтобы изучить их сейчас. Это робот. Еще одна загадка добавилась к тем, что предложил этот уровень.

Его одетый в меха спутник шарил у края костра, переворачивал камни, искал затаившиеся существа. Но если не считать четырех разбитых тел, все было пусто. Наконец охотник принялся гасить костер.

С удовлетворенным видом человека, выполнившего свой долг, он снова поманил Блейка. Теперь тропа уводила от башен, она больше не прерывалась, больше не было берлог металлических чудовищ и их получеловеческих хозяев.

Они вышли на плоскогорье, и Блейк увидел впереди море. В сером зимнем наряде, со льдом у берега внизу. Теперь тропа превратилась в ряд уступов, опор для рук и ног. Как лестница, она вела к берегу. Блейк с трудом спускался, охотник не давал ему возможности выбора. Теперь Блейк смог пользоваться левой рукой, но вызванная этим боль заставила его прикусить нижнюю губу. На лбу у него выступил пот.

На берегу, у самой стены утеса, был лагерь охотника. Необычного вида лодка с тупым носом, из шкур, плотно обтянувших раму из легкого металла и смазанных каким-то густым скользким веществом, была вытянута на песок подальше от воды. Небольшое углубление, слишком мелкое, чтобы его можно было назвать пещерой, превращено в убежище крышей и стена-

ми из веток. Получился шалаш, достаточно просторный для одного человека, но тесный для двоих.

На стену были натянуты шкуры, на груду упругих сосновых ветвей наброшено плетенное из шкур одеяло. Пахло свежими шкурами, древесным дымом, но не было того отвратительного зловония, что доносилось из логова в башне.

Теперь, когда Блейк оказался в его лагере, охотник стал менее настороженным, он отложил самострел и принялся разводить огонь и готовить еду. Оборудование лагеря представляло собой странную смесь цивилизованного и примитивного. меховое одеяло, хотя и сложного плетения, могло принадлежать живущему в лесу варвару. А вот сосуды из какого-то материала, напоминающего тонкий фарфор, — их можно ставить на горячие угли, и они не плавятся и не трескаются, — были не похожи ни на что в мире Блейка.

Охотник сбросил парку, доказывая при этом, что и сам он тоже пример противоречий. Потому что под толстым мехом оказалась рубашка из какого-то шелковистого материала, который облегал мускулистую грудь и плечи, как кожа. Материал яркого цвета, со множеством точек и кругов, напоминающих татуировку на лице охотника.

От чашки на огне поднялся ароматный пар, и Блейк невольно глотнул. Заплесневелое зерно и полуобожженные, полусырые куски голубя давно превратились в воспоминание.

Хозяин разлил варево в маленькие чашки, потом извлек рог, резной и украшенный инкрустацией. Открыв крышку, он налил в чашку без ручки небольшое количество жидкости и с церемонным видом протянул Блейку.

Руки Блейка так дрожали, что ему пришлось подносить чашку к губам обеими руками. Он глотнул жидкости. Она ласкала язык, потом стало тепло в горле, и наконец вспыхнул огонь в желудке — огонь, от которого теплота растеклась по всему телу.

Охотник взял чашку, налил до того же уровня, произнес какую-то фразу и выпил одним глотком. Потом достал нож и принялся вытаскивать из варева куски мяса и какие-то овощи. Блейк извлек свой кинжал и последовал его примеру.

Удовлетворив голод, он расслабился в тепле небольшого убежища и снова задумался над парадоксами этого уровня. Есть ли

здесь база Пранджа? Или случай — случай и выстрел, поразивший его руку, привели его в неизвестный и неисследованный мир? И какое историческое событие в далеком прошлом породило эти рухнувшие башни, человекоподобную каргу и механических змей? А также этого одетого в мех островитянина?

Чтобы объяснить все это, нужны самые дикие предположения. Блейку хотелось показать этот уровень Сакстону и спросить логичного объяснения. Веки его налились свинцом. Он прислонился к постели. Охотник взял одну из шкур и принялся обрабатывать ее. Несмотря на усилия Блейка, глаза его закрылись, и он уснул.

Глава 9

Вместо лодки на берегу сугроб; снег высоко намело у входа в убежище. Блейк натянул выше капюшон парки, которую на него набросили, когда он спал, и подумал, не время ли бежать к платформе, пока не вернулся его хозяин-стражник. Охотник ушел несколько минут назад; Блейк из-под полузакрытых век следил за его уходом, пытаясь изображать крепко спящего человека.

Но выходить из убежища в бурю не хотелось. Он говорил себе, что в этой метели потеряет ориентиры, заблудится и не сможет найти дорогу к башне, где осталась платформа.

За последние несколько часов Блейк пытался установить, посещал ли Прандж этот уровень. Хоть он не решил загадок этого мира и, вероятно, никогда их не решит, он в ограниченных пределах научился общаться с охотником. Охотника звали Пакахини; его дом находился к западу, за морским заливом, который здесь вдается в сушу; он пришел сюда за шкурами различных зверей, которые здесь водятся в изобилии; эти шкуры высоко ценятся в его общине. С гордостью он продемонстрировал свою добычу — желто-белые шкуры животных, которых Блейк не смог узнать. Пакахини уже почти закончил охоту и сейчас забирал добычу из ловушек, готовясь к возвращению домой.

Блейк с трудом сформулировал вопросы о карге и ее собаках-червях; охотник в ответ только пожал плечами. Блейк не знал,

то ли он не понял вопроса, то ли отказывался обсуждать эту тему. Скорее последнее.

К его удивлению, у охотника было собственное объяснение появления Блейка, с которым он с готовностью согласился. По мнению охотника, он жертва кораблекрушения. С усмешкой Блейк подумал, что можно и так описать его прибытие на платформе. Чуждая речь и одежда для Пакахини означают, что он появился из-за моря. По-видимому, охотник встречался с людьми с востока или слышал о них и потому с легкостью воспринял эту идею.

Но Блейк, в свою очередь, не собирался так легко принимать планы Пакахини. По длинной речи, произнесенной охотником утром, он понял, что им вдвоем предстоит отправиться на лодке в поселок Пакахини. Одежду Блейка одобрительно прощупали, осмотрели его пожитки. Ясно, что он из высокоразвитой цивилизации и Пакахини хочет продемонстрировать его своему племени.

Блейк заключил, что культура самого Пакахини находится на подъеме. Его народ жаждет новых знаний и умений, чтобы ускорить свое развитие. Не его народ построил башни. Пакахини сумел передать впечатление, что башни давно были древними руинами, когда первые племена его расы проникли в эту местность. И его народ не работает с камнем.

Но все это, сказал себе Блейк, не решает его проблем. Если он останется в лагере, вернется Пакахини. И, по-видимому, Блейку придется плыть в лодке на север в качестве трофея, который охотник продемонстрирует в своей деревне. А оказавшись на острове, американец, возможно, никогда не сумеет вернуться. Он должен уходить — и немедленно!

Блейк как мог высоко поднял левую руку, напрягая мышцы, сгибая пальцы, несмотря на вызванную этими движениями боль. Оцепенение прошло, но по-прежнему он не решался сильно напрягать руку. Подъем на тропу вверху — сумеет ли он совершить его? Можно пойти вдоль берега в надежде найти менее крутой подъем. Но при этом существует опасность слишком далеко уйти от тропы.

В конце концов он решил идти вдоль берега. Если сейчас переутомит руку, как будет забираться в башню? Он может добраться до цели и остановиться в нескольких футах от нее.

Шел снег, и Блейк натянул парку на голову. Он шел так близко к утесу, используя его в качестве путевода в бурю, что снова и снова задевал за него плечом. Одно хорошо в этом снеге — он быстро скрывает след. Если Пакахини будет отсутствовать достаточно долго, он не сможет отыскать беглеца.

Лагерь охотника уже скрылся за поворотом утеса. Блейк шагнул, радуясь тому, что ветер дует в спину. У него не было возможности отмерять время и расстояние, но в конце концов он нашел то, что искал, — разрыв в стене, каменную лестницу из плоских плит, уходящую в воду залива. Вероятно, тоже реликт строителей башен.

Разбитые и растрескавшиеся ступени покрывал лед от застывшей на морозе пены. Блейк задумчиво разглядывал их, потом решил проблему, сев на ступень и проехав по ней к следующей. Он вел себя, как ребенок, играющий на знакомой лестнице. Конечно, странный способ подъема, но самый безопасный, к тому же плечо не напрягалось.

Дважды он начинал скользить и останавливался на самом краю, удержавшись от падения вниз. И облегченно вздохнул, добравшись до верха. Если бы день был ясный или у него было бы больше следопытского опыта, он мог бы пойти прямо к цели. Но буря не прекращалась, и он на такой поход не решился. Нужно вернуться вдоль утеса, пока он не найдет тропу, по которой они шли.

Но теперь приходилось идти навстречу ветру, от которого перехватывало дыхание. Блейк остановился, слегка испуганный. Такой ветер вполне может сбросить его с утеса. Он не сможет идти по открытой местности.

Если остров такой же, как в его собственном мире, где он расположен в центре гигантского города, то он не очень широк. Но полквартала в такой буре могут полностью сбить с толку. Нужно найти башню, в которой можно переждать бурю. Пакахини может подумать, что он заблудился. Он не станет искать его и уплывет, как и собирался. Чем больше Блейк обдумывал эту мысль, тем более разумной она ему казалась. Теперь нужно найти башню...

Он может пойти по широкой дороге от лестницы, ведущей в глубь острова. Рано или поздно она приведет к башням.

В отличие от разбросанных беспорядочно башен, дорога с математической точностью вела к центру острова. Блейк прошел совсем немного, и сквозь вихри снега показались первые башни. Но все нетронутые, без проломов, в их круглых основаниях не было заметно никаких берлог и убежищ. К тому же они больше других. Блейк пошел дальше, сгибаясь от ветра.

Холодно. Сквозь брюки и ботинки, которые могли защитить от бури, пробирало морозом. Руки в митенках — перчатках без пальцев, которые оказались соединены с паркой, — он сунул под мышки, сгорбился, с трудом пробираясь от одной башни к другой в поисках отверстия. Но не находил его.

Ветер теперь оглушал. Он мог скрыть приближение целого войска металлических червей и их чудовищных хозяек. Каждые несколько шагов Блейк останавливался и осматривался. Но на белом одеяле, поднявшемся теперь ему до лодыжек, не было видно никаких следов.

Он увидел еще один лестничный пролет, очень широкий. Пролет вел к широкой площадке, с которой ветром смело весь снег. Блейк не решился подниматься туда и обошел это сооружение. Дорога кончилась, больше нечем руководствоваться в поисках нужного направления.

Блейк прислонился к одной из нетронутых башен. Руины, в которых он впервые оказался в этом мире, находились где-то слева от него — в какой-то степени ощущение направления у него сохранилось. Может, идти прямо туда, надеясь найти убежище, в котором можно будет переждать бурю? Не будет же она продолжаться вечно!

Вблизи расположена еще одна башня. Он может дойти до нее, и у него сохранится возможность вернуться. Блейк так и сделал, потом прошел к следующей и увидел стену из колючего кустарника, полускрытую снежным сугробом. Придется обходить эту преграду.

Он тяжело дышал, у него начинала кружиться голова, когда он наткнулся (и сильно ударился) на башню, в которой оказалось убежище. Большая черная дыра в основании. Блейк не потерял осторожности, он остановился у входа, опасаясь, что перед ним еще одно логово. Но зловония не ощущалось, и он с трудом вошел, пробираясь через обожженные обломки — сви-

детели поражения крепости. Снег был выпачкан черной сажой. Блейк сел на выступ в стене и тупо смотрел на бурю.

Но когда холод охватил все тело, он осознал новую опасность. Нужно либо двигаться, либо развести костер. Его план отсидеться во время бури глуп. Нужно было проявить больше терпения и уговорить Пакахини вернуться к платформе. Теперь он заблудился, у него нет огня, и он отрезан бурей.

И он еще не вполне осознал глупость своего поступка. Блейк заставил себя ходить вдоль круглой стены. Время от времени сверху падал снег, но стена по крайней мере защищала от ветра.

Время потеряло всякий смысл, но неожиданно Блейк понял, что ветер больше не оглушает. Подняв голову, он заметил, что снег прекратился. Затишье — или конец бури? В любом случае это сигнал — возможность предпринять последнюю попытку добраться до платформы.

Блейк был уверен, что двигался в нужном направлении, когда наткнулся на эту башню. Или просто уверял себя в этом?

Снег доходил до колен, и идти по сугробам было очень утомительно. Блейку приходилось изменять направление, петлять, идти там, где под защитой башен или деревьев сугробы не такие большие.

Время от времени он останавливался, и не только для отдыха. Он осматривался в поисках башни с клыками вверху, расположенной вблизи его цели. Теперь, когда снег больше не ухудшал видимости, поблизости оказалось множество башен, но ни у одной не было нужных очертаний.

Блейк пробирался через очередной сугроб к открытой площадке между двумя башнями, когда голова его поневоле дернулась. Он прислушался. Этот яростный вопль — не порождение бури. Он слышал его раньше — это крик охотящейся карги!

Он оглянулся. Звук искажен эхом. А что, если идут по его следу? Или какая-то карга загнала другую добычу? Пакахини?

Охотник так мало опасался карги и ее червя, так легко справился с ними, что Блейк не мог поверить, что он подвергнется нападению. Но что, если он упал? Здесь легко сломать ногу, вывихнуть лодыжку на льду, в снегу или на неустойчивых камнях. А неспособный двигаться, он станет легкой добычей червя и его хозяйки.

Пакахини? Блейк переступил с ноги на ногу. Он обязан охотнику жизнью. И если их положение изменилось и охотник нуждается в его помощи... Но он не может знать точно. Возможно, червь охотится как раз на него самого! И невозможно определить, с какой стороны донесся крик.

Разум советовал идти вперед. Но Блейк повернул назад, чуть правее. Там, где позволяла поверхность, он переходил на бег. Дыхание с шумом вырывалось изо рта, он прислушивался, надеясь сквозь биение сердца расслышать второй крик.

Здесь башни стояли реже, и густые заросли заставляли все больше и больше отклоняться от маршрута. Но вот Блейк остановился, всмотрелся, потер перчаткой глаза. Он прав! Вот башня с клыками вверх. Случай привел его именно в то место, которое он ищет!

И тут же снова послышался вопль, который привлек его сюда. Блейк пошел медленнее, потому что получил и предупреждение от своего внутреннего чувства. Впереди опасность!

Третий крик, сразу вслед за вторым. Настолько быстро, что не мог исходить из той же глотки. Толпа чудовищ собралась к легкой добыче?

Блейк снял перчатку с правой руки и потянулся к кинжалу, потом взял лезвие в зубы и огляделся в поисках подходящего камня. Осторожно двинулся вперед, переходя от тени рощицы к укрытию за грудой обломков, пока не обогнул башню с клыками.

Отсюда до башни, которая ему нужна, вела открытая площадка, лишь чуть поросшая искривленными, лишенными листвы кустарниками. Но Блейк забыл обо всем, увидев открывшуюся перед ним картину.

Одетая в меха фигура прижата к земле металлическим червем. А над ней сражаются клыками и когтями две карги, рвут друг друга в борьбе за добычу. Почти рефлекторно Блейк отвел назад руку, найденный им камень устремился в воздух и с ужасным глухим звуком ударился о череп одного из чудовищ. Карга обвисла, а вторая воспользовалась этим и впиалась противнице в горло.

Блейк выскочил на поляну. Возможно, жертва еще жива. Впервые в жизни он воспользовался ножом для убийства, испытав странный шок, когда лезвие погрузилось в живую плоть. Карга подняла окровавленную пасть, смотрела на него дикими глазами.

Он отпрыгнул в сторону: червь шевельнулся и попытался вцепиться ему в ноги. Но тут дикарка словно съежилась и упала. А червь застыл в своем прыжке к Блейку: воля, двигавшая им, умерла.

Методично, как делал Пакахини в их первую встречу, Блейк разбил глаза робота; металлическое существо с грохотом упало на камни. Потом Блейк повернулся к охотнику, лежащему на земле. Одного взгляда было достаточно. Пакахини можно было узнать только по порванной и окровавленной парке. Даже причина его пленения и смерти останется тайной: Блейк не мог заставить себя притронуться к изувеченному телу. Неужели он искал Блейка и сам оказался в западне? Возможно. Но теперь Блейк не хотел больше иметь ничего общего с этим миром.

Он взобрался на стену башни, спрыгнул в темноту внутри. У платформы намело снегу. Блейк механически стряхнул его и сел, скрестив ноги, перед рычагом управления. Он понятия не имел, как перенестись в мир, где ему помогут или где он хотя бы сумеет выжить. Он мог действовать только наугад.

Блейк положил руку на рычаг. Вторая зарубка — слепой выбор, но если и на этот раз он окажется неудачным, Блейк не отойдет от платформы. Он высвободил рычаг и потянул.

Свет, звуки, тьма. Блейк закрыл глаза, чтобы преодолеть головокружение. Дрожь прекратилась, но Блейк еще долго сидел, не снимая руки с рычага. Но тут почувствовал, что соскальзывает с платформы. И открыл глаза.

Он не в башне — это точно. Но платформа наклонилась, потому что стоит на груде кирпичных обломков, из которой торчат ржавые металлические прутья. Над головой дырявая крыша, в дыры светит солнце. Светит, но не греет.

Обломки местами покрыты снегом. Зашуршал песчаный гравий, и Блейк повернулся, сжимая в руке кинжал. За грудой обломков крыса, огромная, наглая, совершенно не испугавшаяся, смотрела на него.

Развалины и опустошение. Блейк с трудом встал и обошел груды обломков. Пища. Вода. Казалось, он ел в последний раз — вместе с Пакахини — очень давно. Воспоминание об охотнике вызвало дрожь. Блейк пошатывался, у него кружилась голова, он чувствовал, что силы его на исходе. Посмеет ли он двинуться дальше на платформе и, может быть, попасть в ловушку Пранджа?

Платформа остановилась в конце большого помещения, загроможденного обломками, упавшими сверху. Пробираясь меж груд, Блейк уловил запах — древесный дым. Где-то здесь огонь!

От него остались только угли — сгоревшие дрова в кольце из кирпичей. Блейк расшевелил угли, подбросил дров из груды — в ней беспорядочно смешивались обломки мебели и доски упаковочных ящиков. Ему попалась изящная ножка старинного кресла, и он тупо разглядывал ее, поворачивая в руках. Такое кресло он видел в антикварном магазине своего мира. Его присутствие здесь свидетельствует о какой-то большой катастрофе. Но Блейк замерз, устал, ослабел, его все еще тошнит от последней сцены в мире Пакахини.

Несколько обломков бетона должны служить сиденьями у костра. А в углу куча рваных одеял и полос разорванных тканей, она может служить постелью.

— ... конечно, — послышался снаружи резкий голос, — он только один, Мэнни. Мы его видели здесь, когда охотились за лайми. Рас застрелил лайми. Это тот самый, что грабил наши кладовые...

Блейк в приступе паники, с которой не мог совладать, бросился к платформе. Он присел за грудой обломков, наблюдая за появлением новых лиц. Но то, что они говорят по-английски, подбодрило его.

Послышался топот ног о камень, и в отверстии, служившем дверью, показалась маленькая фигурка. Блейк замигал, увидев, кто вступил в полосу солнечного света.

Глава 10

Подросток, скорее мальчишка, в разносортной рваной одежде. Ружье на сгибе руки мальчика медленно поворачивается, он внимательно разглядывает помещение.

— Пусто! — крикнул он. — Как мы и думали, Мэнни. Он действовал в одиночку. Мы так и говорили. — В его голосе звучали обвинительные нотки.

— Да? — В ответе слышалось сомнение. — Ну, Сарж говорил по-другому, парень. И тебе стоит пользоваться своими мозгами. Рас, покарауль снаружи, а мы посмотрим, нельзя ли выкурить еще одну птичку.

Появилась вторая фигура. Это был не мальчик, а очень худой мужчина небольшого роста с серыми волосами и подозрительными глазами, осматривающими все детали помещения. В руке у него тоже ружье, а на поясе не один, а целых два ножа.

— Как давно, по-твоему, эта крыса убрала парня? — спросил мужчина, по-прежнему внимательно оглядываясь.

Мальчик, прищурившись, посмотрел на пятно солнечного света, словно это измеритель времени.

— Два, может, три часа назад, Мэнни. Парень подошел с канистрой для воды, и тот, что прятался, аккуратно снял его. Мы были на дежурстве, как раз направлялись сюда. Рас — он воспользовался тем трюком с рикошетом, которому ты нас научил, — убрал лайми. Я пробрался сюда и увидел, что оба мертвы. Парню досталось в голову, а лайми — в живот. Но оба получили достаточно.

— Почему же тогда костер так горит? — спросил Мэнни.

Мальчишка повернулся и посмотрел на огонь.

— Откуда мне знать? Мы два дня проходили мимо, и тут никого не было, кроме того парня, — никого! Я пробирался сюда, когда он вчера уходил. Тут пусто. Не знаю, что Лонг наговорил Саржу. Тут был только один парень после нашего ухода! Спроси Раса, если мне не веришь!

Мэнни почесал пальцем густую щетину.

— Ну хорошо, вы с Расом поищите склад, а я покараулю снаружи.

Он вышел, и несколько минут спустя вошел второй мальчишка, не старше первого. Тоже вооруженный. Войдя, он остановился и посмотрел на костер.

— Откуда это?.. — начал он, когда первый повернулся к нему.

— Ну, не начинай, как Мэнни. Он считает, что у парня есть приятель.

— Но мы здесь никого не видели! — возразил Рас. Волосы и кожа у него были темные, и он явно другой национальности, даже расы, чем его товарищ с веснушчатым лицом и гривой светло-каштановых волос.

— Конечно. Но костер сам себе не подкладывает дров. Давай поищем припасы и поскорее уберемся отсюда. Мне не нравятся такие сюрпризы.

Они принялись обыскивать помещение с тщательностью и привычкой, которая свидетельствовала о том, что им не впервой заниматься этим делом. Отбросив груды тряпок в углу, они обнаружили то, что искали, — камень, за которым оказалось углубление, полное консервных банок. Рас облегченно вздохнул.

— Вот оно. Но смотри: тут больше, чем мы думали.

— Значит, он не один наш склад ограбил! — выпалил другой. — Мы ведь не станем плакать из-за того, что нашли больше?

Он уже принялся вытаскивать банки из укрытия и набросал большую кучу. Потом выпрямился, нахмурившись.

— Иди скажи Мэнни, — приказал он. — Мы не сможем утащить все это в лагерь. Нам ведь еще нужно следить за грабителями.

Сероволосый человек вошел, чтобы осмотреть находку.

— Хорошая добыча. Много своего вернули и еще кое-что сверх того. Неудивительно, что лайми убил из-за этого. Неплохая добыча для грабителя, — был его комментарий.

— Мы не сможем все это утащить, — сказал мальчик. — Даже спрятать в большой дыре без помощи не сможем.

— Конечно, конечно. Спокойнее, Билл. Никто не превращает тебя во вьючную лошадь. Вы с Расом понесете, сколько сможете. Я тут покараулю. Если у этого шутника был приятель, мы ведь не хотим, чтобы он вернулся и перепрятал добычу. Давай, Билл.

Билл достал мешок, который у него был заткнут за пояс, и наполнил его консервами. Потом он вышел. Появился Рас и повторил те же действия. Когда Рас вышел, Мэнни принялся беспокойно расхаживать по расчищенному месту. Время от времени он останавливался и прислушивался. Пнул ногой груды банок, одна из них покатилась к убежищу Блейка.

— Приманка, — рассуждал вслух Мэнни. — Приманка приведет его назад — если у парня был приятель. — И он занял позицию у двери.

Жестянки манили к себе Блейка. Пища? Если бы только ему повезло первым наткнуться на эти консервы! Мэнни один, но у него ружье и два ножа, и все его поведение свидетельствует о том, что он умеет обращаться с оружием.

Блейк облизал губы и поморщился. Пища в нескольких дюймах от него. Ему хотелось обладать способностями, которые продемонстрировал Киттсон несколько дней — и миров — назад, когда пачка сигарет поплыла по воздуху к нему в руку. Он не может проделать это и не может навязать свою волю Мэнни, как Эрскин проделал с Бенерисом. Или может?

Рядом с его рукой нечто вроде оружия. Блейк подобрал кирпич. Если бы Мэнни передвинулся всего на фут. Час назад Блейк искусно воспользовался камнем. Он отмахнулся от этого воспоминания и сосредоточился на необходимых действиях.

Сконцентрировав взгляд и мысль на страже, попытался заставить его отойти от двери, передвинуться немного влево, всего на шаг-два... Он должен!

Блейк не мог сказать, было это случайностью или столкновение с Пранджем обострило его слабые пси-способности, но Мэнни казался чем-то встревоженным. Он продолжал смотреть на костер, в котором теперь дрова снова прогорели до углей.

— Приманка, — беззвучно произносили его губы. Но Блейк мог прочесть это слово. — Приманка...

Но Мэнни не поворачивался спиной к двери. Только сместился влево. И в этот момент Блейк бросил кирпич. Камень попал Мэнни в голову. Тот изумленно вскрикнул, прислонился к стене и сполз по ней на пол.

Блейк бросился на открытое место. Оттащить мужчину он не смог, но смог его обезоружить. Потом, схватив одну из банок, подбросил дров в костер и сел по другую его сторону.

В его руках были продукты из армейского полевого рациона. Блейк с трудом проткнул крышку и набил рот. Жуя, он заметил, что Мэнни открыл глаза и смотрит на него. Почему-то он не казался удивленным.

— Ты тех?

Не зная, как лучше ответить: согласиться или нет, — Блейк отпил из фляжки Мэнни и ждал.

— Должно быть. Меховая одежда и все остальное. У нас здесь такого нет. И ты не грабитель, слишком открыто действуешь. Тебя снял бы первый же наш патруль.

Блейк взглянул на парку — наследство мира Пакахини. мех ослепительно белый и черный, а внизу ярко-алая ткань, вышитая точками и спиралями узоров племени охотника. Да, в такой одежде трудно остаться незамеченным. У Мэнни вся одежда тульская, она сливается с окружением. Даже волосы цвета соли с перцем участвуют в этой маскировке.

— Настоящий живой тех! Но как ты сюда попал? Жил с парнем, которого снял лайми? Лонг говорил, что тут не один скрывается. Но если бы наши ребята тебя видели, они бы рассказали. — Глаза Мэнни загорелись, он занял более удобную позу. — А у вас есть самолеты? Такие, которые могут садиться в любом месте? Вертолеты? Лысый сообщил, что видел большой вертолет, но мы решили, что это нейсти, и два-три дня скрывались, пока не убедились, что бомбежки не будет.

Блейк решил, что это подходящее объяснение его появления.

— Да, я прилетел в вертолете. Но он разбился. А где я?

Мэнни продвинулся вперед.

— Ты не нейсти, — убежденно сказал он. — Я никогда не верил в рассказы о нейсти, которые бродят поблизости, где-то на севере. У них здесь был только небольшой плацдарм, а в последнем сообщении по радио говорилось, что помощь из-за моря к ним не придет. Они нас должны избегать. Ты, должно быть, видел их, когда пролетал. Но сюда мы их не пустили. Это... — И он назвал город.

Блейк перестал есть. Конечно, в глубине души он знал, что это правда, знал с тех пор, как услышал знакомую речь в устах Мэнни и его товарищей. Тот же город — но явно на другом уровне, хотя и не таком далеком от его собственного. Город в развалинах. Что здесь произошло?

— Откуда ты? Я слышал, что в горах и других местах были укрытия для техников. Сарж пытался связаться с ними, говорил, что, когда очистим это место от грабителей и будем жить мирно, сможем переселиться к ним. Ты разведчик техов?

Блейк решил ответить кивком.

— Что здесь произошло? — решился он спросить, пытаясь определить, насколько этот уровень отделен от его собственного. Событие, от которого произошел этот уровень, должно быть недалеко в прошлом. Мэнни использует знакомые обороты ре-

чи, ружье его тоже знакомо. Это не чуждый мир, в который его перенес Прандж или как тот, в котором Пакахини охотился за мечами и разбивал стеклянные глаза червей.

— О, мы попали под большой налет. Управляемые ракеты и прочее по всему городу. Но потом они вдруг перестали прилетать. Наверное, наши ребята и тем дали как следует. — Мэнни сухо рассмеялся. — Я служил в городской национальной гвардии. Можешь мне не верить, но я водил по этим улицам лошадь. Забавно сейчас это вспоминать — словно кошмарный сон. Некоторых улиц вообще больше нет. Там, где взорвалась подземка, теперь Большая Дыра. В ней полно воды.

Я был в национальной гвардии, когда появились парашютисты нейсти. С нами был отряд вольных британцев. Крепкие ребята эти лайми. Боже, они знали, как приложить нейсти! Мы сражались за каждое здание. Не могу сейчас вспомнить, сколько это продолжалось, с тех пор многое произошло. В таких условиях перестаешь думать и только дерешься, потом прячешься и ждешь новой возможности сразиться. Так что время ничего не значит, просто живешь от одной минуты до другой.

Я оказался с группой Саржа. Сарж свое дело знает. Если будешь с ним, получишь еду и сможешь выжить. Он был сержантом регулярной армии, лежал в госпитале, когда началась схватка, и возглавил группу. Там у нас все смешались: вольные британцы и регулярная армия, городская гвардия, парни из флота, которые успели до бомбардировки убраться из порта, и женщины, которые не хуже парней управляются с винтовкой. Мы окопались в парке и там и остались. А нейсти — мы от них очистили город. Потребовалось время, конечно...

Теперь мы уничтожаем грабителей, ребят, которые только за себя и подстреливают всякого, кто заходит на их территорию. Когда покончим с ними, сможем расшириться и поищем возможности начать все сначала. Сарж этого хочет — начать сначала. — В голосе Мэнни звучала гордость. — Прошлым летом мы даже вырастили в парке зерно и овощи. И мы заботимся об оленях из зоопарка. Со временем будем использовать их как коров — на мясо. Но в основном живем тем, что находим. — Он указал на банки. — А как у вас дела?

— Немного получше. — Блейк надеялся, что это верный ответ. И подумал, можно ли открыть еще одну жестянку.

— Что за... — Мэнни удивленно смотрел куда-то за Блейка. Его восклицание заставило Блейка повернуться.

Мэнни смотрел на груду обломков, за которой стояла платформа. С недоверчивым криком Блейк вскочил на ноги. Забыв о Мэнни, он бросился вперед, перебрался через кирпичи, успев увидеть картину катастрофы.

Платформа была еще видна, но вокруг нее уже собрался зеленоватый туман. Этого не может быть — у рычага никого нет. Но платформа исчезала на глазах.

И рычаг двигался. Никакая рука его не держала, но он поднимался из прорези. Зеленый туман быстро сгушался в сплошную стену. Блейк с колотящимся сердцем смотрел, как он мерцает и постепенно рассеивается. Пол помещения оказался пуст, платформа исчезла!

— Так вот твой разбившийся вертолет? А теперь повернись, но медленно и осторожно, приятель. И держи руки на виду!

Эти слова донеслись до Блейка сквозь изумление и отчаяние. Платформа исчезла; он застрял на этом уровне! Медленно, ошеломленно он подчинился приказу. Повернулся лицом к Мэнни — преобразившемуся Мэнни с ружьем в руках, к Мэнни, смотрящему на него суженными угрожающими глазами.

— Вы, техи, не очень сообразительны, хотя и владеете такими штуками, как эта, которая исчезла. Никогда не отводи глаз от противника. А теперь сними эту штуку для шекотания крыс с пояса и брось сюда. И не пытайся еще раз что-нибудь вытворить, как с кирпичом, иначе получишь пулю меж глаз!

Блейк бросил свой испачканный кинжал на пол. Мэнни прижал его ногой, но не стал наклоняться, чтобы поднять. Блейк по-прежнему был ошеломлен тем, что застрял здесь; для него это было важнее, чем тот факт, что контроль перешел к Мэнни.

— Можешь сесть, — сообщил ему Мэнни. — Похоже, тебе это нужно, не то упадешь. Садись на тот камень и держи лапы так, чтобы я мог их видеть. Что с твоей левой?

— Плечо ранено, — тупо ответил Блейк.

— Да? Грабитель добрался до тебя — или что-то случилось там, откуда ты явился? Мне кажется, тебе пришлось быстро смаываться откуда-то на твоей странной машине.

Блейк не ответил. Нет смысла пытаться объяснить невероятные происшествия нескольких последних дней. Ему казалось, что Мэнни все равно не поверит, даже если он расскажет всю правду. Бывший конюх снова занял позицию у двери, откуда не только мог присматривать за пленником, но и видеть, что делается снаружи.

— Интересно, откуда ты явился? — Мэнни оказался разговорчив. — В такой одежде ты не можешь быть грабителем. Разве что нашел какой-то новый склад. Но глупо с твоей стороны соваться сюда в этом наряде. Ты просто сидячая утка для любого снайпера. Так что ты, должно быть, действительно тех. Ну, Сарж все у тебя вытянет. Когда он приказывает говорить, нужно говорить, и говорить быстро. Давно ты здесь?

Блейк смотрел на огонь, испытывая тупое недоумение. Во время всех этих приключений, даже в кошмарном мире Пакаhini, его поддерживало сознание, что он в какой-то степени контролирует ситуацию, что у него есть средство спасения. Но теперь его изгнание может оказаться бессрочным. Он был уверен, что Прандж сумел каким-то образом определить, на каком уровне находится средство перемещения, и призвать его к себе.

— Я спросил, приятель, давно ли ты здесь! — Голос Мэнни прозвучал ударом хлыста.

— Что? О, недолго. Не знаю, — с отсутствующим видом ответил Блейк.

— А что это за штука, которая исчезла сама по себе?

— Новый способ передвижения.

— Но она не должна была уходить без тебя, — пронизательно заметил Мэнни. — Как это вышло? Она должна вернуться сама, если ты задерживаешься? Теперь ты здесь застрял. Ну, Сарж будет рад, что мы тебя прихватили. Мы могли бы использовать такую исчезающую машину, еще как могли бы!

Его прервал резкий свист, повторившийся трижды. Поджав губы, он ответил таким же пронзительным свистом. Чуть погодя в двери показались четверо его товарищей. Двое — те мальчиш-

ки, что и раньше были с Мэнни, и еще высокий светловолосый мужчина, слишком худой для своего роста, и китаец.

— Вот это да! — воскликнул Билл. — Значит, у него действительно был приятель!

Мэнни покачал головой.

— Это какой-то тех. Он прибыл на машине. Но она улетела и оставила его здесь с нами, крысами развалин.

Все четверо смотрели на Блейка так, словно у него прямо у них на глазах неожиданно выросли рога и зеленая шкура.

— Тех! — выдохнул Рас. — Откуда? Никаких техов здесь нет.

— Ты осматривал весь город? — спросил Мэнни. — В нашем распоряжении примерно три квадратные мили, а что дальше, мы не знаем. Ну ладно. Вы, Сэм и Альф, берите груз банок и помогите мне доставить этого парня к Саржу. Он будет рад получить настоящего живого теха!

Китаец и высокий мужчина наложили полные мешки консервов и подошли к Блейку.

— У него рана в плече и левая рука никуда не годится, — сообщил им Мэнни. — Я отобрал у него нож. Эй, ты, стой спокойно. Альф посмотрит, нет ли у тебя чего под шкурой.

Блейк устало встал и позволил обыскать себя. При этом был обнаружен только запечатанный кувшин, который Блейк прихватил в лаборатории. Увидев демона на его крышке, Мэнни приказал, чтобы кувшин тоже доставили Саржу.

— Ну ладно, приятель, — впервые подал голос светловолосый Альф, — ты пойдешь с нами. — Блейк не мог определить его акцент, но он подозревал, что медлительность этого человека кажущаяся.

— Никаких выдумок насчет кирпичей, — предупредил Мэнни. — Сэм снайпер, а Альф... Я видел, как он голыми руками ломает шею — легко, словно спичку.

Один из мальчиков пошел вперед, приготовив ружье. Дальше шел Мэнни, следом Альф приказал идти Блейку.

Выходное отверстие располагалось ниже уровня земли, но ряд ступенек вывел их на свет холодного зимнего дня. Кое-где снег подтаял под прямыми лучами солнца, хотя у развалин он лежал сугробами. Однако эти сугробы не могли скрыть картины полного разрушения, открывшейся глазам Блейка. До того как

на него обрушился удар судьбы, этот город, должно быть, был копией города из времени Блейка. Еще одно доказательство того, что событие, приведшее к расхождению двух миров, произошло недавно.

Если бы он не так устал и не был бы так ошеломлен, Блейк мог бы задавать вопросы. Но теперь он только тупо подчинился приказу и пошел по тропе, выющейся между руинами.

Глава 11

Они разделились, как армейский патруль на опасной территории, — мальчишки разведчиками шли впереди. Иногда останавливались, один или двое уходили в стороны, остальные укрывались и не двигались, пока не слышали свист. Блейк понял, что группа Саржа не вполне контролирует этот район города и должна постоянно проявлять бдительность.

Целые кварталы зданий было сровнены с поверхностью земли. В других местах зияли огромные дыры, они глубоко уходили в землю, по их краям рос тростник, а в центре виднелись замерзшие пруды. Такое состояние явно сохранялось уже несколько лет.

Блейк решил, что они двигаются в верхнюю часть города, но трудно измерять расстояние, когда делаешь столько обходов. Иногда они шли по хорошо протоптаным в развалинах тропам, в других случаях приходилось перебираться через завалы из песка и камня.

— Ну и мешанина. — Сэм поддержал пленника, когда они перебирались через такое препятствие.

— Это уж точно. — Блейк устало улыбнулся.

— В твоём месте не так?

— Нет. — Единственное, что сумел ответить Блейк.

— У нас тоже будет лучше. Мы наладим жизнь. Сарж своего добьётся.

Они вышли на открытую площадку между двумя горами разбитого камня. Впереди появилось несколько деревьев, их голые ветви четко виднелись на фоне голубого неба. Блейк сделал поразительное открытие: он бывал в этом месте при совершенно

других обстоятельствах. Это парк! И они вошли в него вблизи того пункта, где въезжал грузовик с надписью «Ремонт телевизоров».

Он прав, это знакомый ему город. Но он не может находиться на его уровне. Невозможно уйти вперед или назад во времени — только поперек в миры последовательности. Агенты были убеждены в этом. Однако, просто потому что он узнал это место, Блейк почувствовал слабую надежду. Если бы он только мог установить, какое историческое событие привело к разделению!

Отряд миновал баррикаду, сооруженную поперек главного входа в парк. Часовые обменивались новостями с вернувшимися из вылазки. Блейк старался разглядеть ориентиры. Если бы он лучше изучил город до того, как его захватили люди Скаппы!

Продолжают ли агенты преследовать Пранджа по полосам миров? Есть ли у них информация, какие уровни предпочитает преступник, или они ищут наугад? И появятся ли когда-нибудь на этом уровне?

Сакстон сказал, что некоторые вероятностные миры определенно привлекают Пранджа, и именно те, где положение подталкивает к диктатуре. Ну, судя по тем ограниченным сведениям, которые получил Блейк, этот мир вполне готов к такому правлению. Достаточно ли, чтобы привлечь Пранджа и агентов? Возможно, он не так уж безнадежно застрял, как опасался.

Блейка провели по плохой дороге в центр парка. Он не удивился, увидев, что направляется к тому же летнему театру-ресторану, который посетил в своем мире. Он взглянул на стоянку. В углу два проржавевших джипа; несколько больших грузовиков по ступицу ушли в пепел. Но ни следа фургона телеремонтников.

По другую сторону здания виднелся ряд грубых хижин, одноэтажных убежищ из камней и кирпича, из которых торчали трубы. Из труб поднимался синий древесный дым. Воздух был пропитан дымом, а также испарениями не очень чистых людей, живущих вместе в тесном помещении. Но хижины размещены строго по линии, около каждой одинаковое пустое пространство, и во всем видно единообразие, какой-то военный порядок, резко контрастирующий с хаосом в остальной части города.

На центральном здании шест, с него свисает флаг: красное, белое, синее. Правильно! Но в том, как сочетаются эти цвета, есть нечто необычное. Блейк уверен, что это не тот звездно-полосатый флаг, который знаком ему с детства. Ниже другой флаг, меньшего размера, квадратный. Сэм указал на него пальцем, когда они проходили мимо:

— Флаг десятой кавалерийской бригады. Сарж служил в ней.

Они поднялись по ступеням и вошли в вестибюль ресторана. Большую часть помещения занимали побитые столы, расставленные с армейской аккуратностью. Но заняты из них только два. За одним сидел мужчина с седыми волосами и квадратными плечами, выдающими воинскую выправку. За другим девушка. Она оторвалась от изорванной карты и удивленно посмотрела на Блейка.

— Передай Саржу, — Мэнни встал впереди своего разрозненного отряда, — что мы привели теха!

Мужчина поднял голову, он с явным удивлением разглядывал одежду Блейка. Девушка встала и исчезла в зале, но тут же вернулась.

— Введите его.

В зал Блейка сопровождали только Мэнни и Альф. Большинство сидений было убрано, нетронутыми остались только четыре ряда, ближайšie к сцене. Проходя по открытому пространству, Блейк понял, что стал центром внимания, и это заставило его прийти в себя. На сцене стояло еще три стола, средний чуть впереди. За ним сидел человек, который и был, должно быть, правителем этого поселения — тем, кого Мэнни называл Саржем.

Он производил настолько сильное впечатление, что рядом с ним люди за другими столами просто терялись. Блейк встречал немало уверенных в себе людей с тех пор, как начались эти дикие приключения: Киттсона и его товарищей, вельмож, навещавших Пранджа в чуждом мире, самого Пранджа, Пакахини. Но они не принадлежали к миру Блейка. Всегда существовало отличие, которое он ощущал.

Сарж не высокомерный вельможа, не пси-человек, уверенный в своих возможностях, не охотник из племени, занимающего господствующее положение в своем мире. Человек,

привыкший распоряжаться, когда дело доходит до действий, Сарж — природенный лидер для обычных людей, таких, как сам Блейк; он, несомненно, человек, которого время и случай поставили на свое место.

В его уверенности ни следа высокомерия, ни тени сознания превосходства. Он готов встретить любое испытание, какое пошлет судьба. Он взглянул на Блейка, и в улыбке, обнажившей крепкие белые зубы, контрастирующие с загорелой кожей, было что-то мягкое.

— Похоже, ты издалека пришел, мистер. — Голос у него ровный и негромкий.

Блейк успокоился. Мэнни и его люди не внушали ему доверия. Но Сарж — совсем иное дело. Он мог бы быть Киттсоном.

— Очень, — ответил он.

Темные глаза внимательно разглядывали его одежду, не пропуская ни одной подробности — парка, брюки, башмаки. Мэнни положил на стол перед командиром кинжал с драгоценными камнями и закрытый кувшин. Но Сарж бросил на них только беглый взгляд.

— Что, теи теперь грабят музеи? — усмехнулся он. — Откуда ты, мистер? Из Канады? Мне кажется, я такие меха, как твой, там видел. Смотришь, как живут крысы в развалинах?

— У него была какая-то машина. Но она исчезла и оставила его, — с важным видом доложил Мэнни.

Сарж сидел неподвижно, переводя взор с бывшего конюха на Блейка и обратно.

— Самолет? Вертолет?

Мэнни покачал головой.

— Что-то новое. Плоская платформа, и я не видел никакого двигателя. В том самом погребе, в котором мы выследили грабителя. Этот тех там прятался. Ударил меня, прежде чем я его увидел. Ел консервы так, словно умирал с голоду. Но тут я увидел зеленый свет в углу. Он тоже посмотрел туда, закричал и побежал. В середине этого света была странная машина. Свет погас, и машина исчезла вместе с ним, просто погасла как свеча.

— А ты в этот момент взял верх, Мэнни?

— Конечно, Сарж. Он новичок. Оставил ружье лежать на полу рядом со мной.

— А теперь ты расскажешь нам, как твоя машина попала в погреб. — Голос Саржа по-прежнему звучал бархатисто, мягко, как мурлыканье. Но в нем слышалась сталь. — Нам такая штука пригодилась бы.

Блейк не нашел что ответить, кроме истинной правды:

— Я не знаю, как она действует.

Сарж продолжал улыбаться.

— Это плохо, мистер. Похоже, вы, техи, и большие парни, которые укрылись до катастрофы, решили списать нас в своих планах на будущее. Но мы еще здесь, и у нас есть что сказать. Ну, мистер, тебе придется побыть с нами, пока мы решим, что с тобой делать. Мэнни, закрой его.

— У него плечо ранено, Сарж. Может, док взглянет?

— Да? Может, вы, техи, теперь воюете друг с другом? — Сарж рассмеялся, как будто эта мысль позабавила его. — Отведи его к доку, и пусть тот запрет. — Его взгляд переместился на грудку бумаг на столе. Блейк и его сопровождающие как будто перестали существовать для него.

— Сюда, тех.

Они не стали возвращаться в вестибюль, но прошли через боковую дверь в помещение, которое когда-то было рестораном. Тут большой зал был разделен перегородками на множество клетушек, освещенных свечами и масляными лампами; перегородки не доходили до высокого потолка.

— Где док? — спросил Мэнни у девушки, которую они встретили за дверью.

— У себя.

Узкий коридор кончился дверью, которая представляла собой просто холщовую занавеску. Мэнни остановился.

— Ты здесь, док?

— Входи.

Экс-конюх отвел занавеску и пропустил Блейка.

— Что у нас? — Седовласый человек за столом не отрывал взгляда от микроскопа. — Ты или кто-то из твоих мальчишек напоролся на пулю грабителя, Мэнни?

— Нет. Мы привели пленника, которого нужно залатать.

— Пленника? — Теперь врач обратил на них внимание. — С каких это пор Сарж берет пленных? — Он взглянул на Блейка

и явно удивился. — Тех! — прошептал он. — Клянусь всеми святыми, тех! Значит, они наконец-то с нами связались!

— Может, да, а может, нет. — Мэнни погасил его энтузиазм холодной водой. — Мы нашли этого, а он в бегах от своих. Все на это указывает. Сарж велел подлатать его и запереть.

Блейк с помощью врача разделся по пояс, обнажив красное пятно на плече.

— Это не пуля, — заметил Мэнни, наблюдавший с интересом.

— Ожог, — поставил диагноз врач. — Похоже на результат облучения.

Блейк вздрогнул. В его мире это слово имело зловещее значение, связанное с худшими видами катастроф.

— Как ты его получил? — продолжал врач.

— Новый вид оружия, — объяснил Блейк. — Но я получил неполный заряд.

Врач рассматривал ряд своих банок.

— Это хорошо. Думаю, полный заряд проделал бы в тебе дыру. Ожог, конечно... и будем лечить от ожога. У нас нет таких средств, какие были до удара, — голос его звучал горько, — но попробуем. Послушай, Мэнни, мне не нравится вид раны. Оставь его у нас. Я уложу его в одной из внутренних комнат. Оттуда он не сбежит. И буду присматривать за ним.

Когда Мэнни заколебался, доктор нетерпеливо добавил:

— Поставь охрану у входа, если это сделает вас с Саржем счастливыми. Насколько я могу судить, он сейчас не в лучшей форме для побега.

Мэнни пожал плечами.

— Ладно, док. Он твой. Скажу Саржу. Пока.

Блейк посмотрел ему вслед. Он чувствовал тупую боль в плече. Доктор дал ему новый повод для беспокойства.

— Насколько плохо на самом деле, доктор?

— Достаточно, чтобы удержать у меня теха, которому я хотел бы задать несколько вопросов, — ответил тот. — Судя по твоему виду, тебе нелегко пришлось в последнее время. Что скажешь о горячей ванне, плотной еде и небольшой беседе? Лучше, чем оказаться в камере, а?

Блейк повеселел.

— Определенно лучше!

Ванну пришлось принимать в корыте, куда воду наливали ведрами, но она была достаточно горячей, чтобы изгнать холод из костей. Одевшись в чистую, хотя и порванную одежду, Блейк вместе с врачом сел за стол. Плечо у него было перевязано, и он впервые за последние несколько дней почувствовал себя удобно.

— Где штаб техов? Где-нибудь на севере, судя по твоему роскошному наряду...

Блейк испытывал сильное искушение рассказать правду. Но осторожность победила, и он ответил уклончиво:

— Откровенно говоря, не знаю. Я уходил в спешке и приземлился здесь. Не могу сказать, как и почему.

Врач проницательно смотрел на него.

— Почти похоже на правду. Говоришь, уходил в спешке? Значит, Мэнни прав? Ты преступник? У тебя рана от неизвестного оружия. Неужели техи воюют друг с другом или ожили нейсти и набросились на вас?

— Ни то, ни другое, насколько мне известно. Я имел дело с... ну, вы бы назвали его изменником, — медленно начал Блейк, пытаясь составить рассказ, в который можно было бы поверить. — Он пытался стать диктатором.

— Миниатюрный Гитлер? — Врач не казался удивленным. — У нас их было немало с тех пор, как настоящий перестал орать из Лондона. Они приходят и уходят — обычно лишь небольшая помеха...

— Из Лондона? — Блейк ухватился за поразительную новость. — Гитлер в Лондоне? Когда?

— Разве у вас не поймали последнюю передачу перед ударом? — спросил врач. Когда Блейк покачал головой, он продолжал: — Да, я помню, тогда уже все смешалось, и норы техов были отрезаны от мира. Я был на дежурстве в четвертом районе — тогда в четвертой зоне обороны. Мы слышали, как он вопит свой вздор. Но его речь прервалась прямо посреди слова. И мы поняли, что наши парни стерли с лица земли Лондон. С тех пор оттуда не было ни звука. Когда-нибудь, может, через пять-десять лет, если Сарж и такие, как он, снова поставят нас на ноги, мы поднимем в воздух самолет или пошлем корабль и посмотрим, что случилось с Адольфом и его друзьями.

Историческое событие — Блейк сосредоточился на этом. Что-то имеющее отношение к Второй мировой войне; пока он установил это. Но какое именно отношение? Он торопливо вспоминал критические моменты конфликта, происходившего больше десяти лет назад. И ему показалось, что он нашел.

— Значит, Гитлер выиграл битву за Британию? — прошептал он, забыв о враче.

Август и сентябрь 1940 года. Этот мир пошел по одному пути после развилки, его мир — по другому.

Позже, когда у него появилась возможность подумать, Блейк спокойно лежал на койке и смотрел на потрескавшийся почерневший потолок. Звуки в больничной части здания приглушенные, ему тепло, он сыт и мог бы задремать, если бы не мысли.

Непонятные упоминания и названия легли на свои места, как части гигантской головоломки. «Нейсти» — это исчезнувшие наци его собственного мира. «Лайми» — прозвище англичан. «Вольные британцы», передача Гитлера из Лондона — все объяснилось. Он знал историю разрушенного города. Но у него появилось подозрение, что его странное невежество могло отчасти его и выдать.

— Конечно, Гитлер выиграл битву за Британию. Даже работники экспериментальных станций должны это знать! — ответил врач на импульсивный вопрос Блейка. — Ты хорошо питался, у тебя хорошая одежда, если не считать нескольких случайных разрывов. Мы такой давно не видели. Ты появился неожиданно и не знаешь самых важных исторических событий. Ты представляешь собой интересную загадку, молодой человек.

Блейк поморщился.

— Не могу объяснить.

— Твое «не могу» очень напоминает «не хочу», — выпалил врач. — Но не буду давить на тебя. И приму твой рассказ об изменнике-технике, причинившем неприятности. Главным образом потому, что он совпадает с недавно распространившимися слухами. Но готов поклясться своей репутацией, что сам ты не тех. Не из таких техов, которых я знал раньше. Ты словно из другого мира.

Вероятно, это всего лишь образный оборот речи. Но Блейк опасался, что врач начинал догадываться. Что именно знает этот человек с умным взглядом? Что подозревает?

— Хотел бы я... — начал он.

Но врач продолжал:

— Будем считать, что ты участвуешь в каком-то тайном проекте, одном из тех, что так засекретили, скрыли от всего мира. Могу себе представить, что человек, только что вышедший из этого кокона, должен многому удивиться. Что ты хотел бы узнать прежде всего?

Блейк принял это предложение — или зашел в ловушку. Теперь он и сам не знал, что именно. Врач не поверил, что он техник, но по каким-то своим соображениям согласился сориентировать его в этом мире. Возможно, Блейку придется остаться здесь на всю жизнь, и чем больше он узнает, тем лучше.

— Что, если я не знаю историю... — он искал пункт, который мог бы быть общим для обоих миров... — с Дюнкерка?

— Дюнкерк — конец мая — начало июня 1940 года, последние вздохи Британии, — сказал врач. — В начале августа начался штурм, круглосуточные бомбардировки всей территории Британских островов. К концу сентября нейсти уничтожили большинство аэродромов. Англичане пытались морем эвакуироваться в Канаду. Мы тогда не участвовали в войне, — горько рассмеялся он. — Силы берегли. Лайми сумели вывезти часть солдат и гражданского населения. В октябре мы послали корабли им на помощь. Но 10 октября началась битва за Ла-Манш, а вместе с ней воздушный десант на острова. А 15-го на западе ударили японцы.

— Перл-Харбор! — подсказал Блейк, но врач покачал головой.

— Он тут ни при чем. Множество бомбардировщиков, базирующихся на авианосцах, обрушилось на наше западное побережье. Послышались вопли, что необходимо отозвать наш флот из умирающей Англии. Но Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Сиэтл — все они погибли. Япы объявились по всему Тихому океану. Не знаю, что произошло в Австралии; тогда еще шли отчаянные арьергардные бои вдоль границы соленых пустынь. Больше мы об этом не слышали. Нейсти вторглись в Аляску и Южную

Калифорнию. Мы сбросили их в море, но в это время начались налеты германских рейдеров на востоке. А вместе с ними саботаж в широчайшем масштабе и кое-что еще.

Теперь, вспоминая каждое слово этого рассказа, Блейк спокойно ерзал на койке. Множество дурных новостей, и все очень близко к тому, что могло произойти на самом деле. Кошмары его мира, вышедшие на дневной свет. Но это не сон — этот мир реален!

Глава 12

— ... Бактериологическая война, — продолжал врач. — Хотя сейчас уже нельзя быть уверенным. На второй год появился вирус какой-то инфекции. Выздоровливал один из пяти. Возможно, его сознательно распространили. Как раз тогда нейсти сровняли с землей Вашингтон и произвели две высадки десанта: одну здесь, другую на юге. Мы держались кончиками ногтей, и вирус тогда нас подкосил.

Потом что-то произошло. Никто не знает, что именно. Может, когда-нибудь узнаем. Мы выслали множество смертников — множество тяжелых бомбардировщиков, все, что способно только долететь до Лондона. Мы узнали, что там собираются Гитлер и все его приспешники для празднования победы. Может, нам удалось тогда уничтожить их верхушку, нарушить управление. А может, они начали новую войну. Мы всегда думали, что их любовная связь с русскими должна рано или поздно кончиться.

Мы не знаем, что произошло. Только нападения нейсти прекратились. Их корабли исчезли с наших берегов, их войска здесь были брошены. Но и у нас к тому времени все смешалось. Это было... дай-ка подумать... пять, нет, шесть лет назад. Когда ведешь такую жизнь, утрачиваешь представление о времени. Мы оказались орешком крепче, чем они думали, несмотря на вирус и на все, что они бросали нам на головы. Но невозможно заставить работать фабрики, которые совершенно уничтожены бомбами. У нас ведь была очень сложная машинная цивилизация. Возьми город такого размера, перекрой подачу бензина, элек-

тричества, воды, других припасов, добавь эпидемию и через неделю получишь полный хаос — без всякой необходимости в нападениях с воздуха.

Работа одной фабрики зависит от поставки сырья с одного направления и сложных инструментов — с другого. Поставки по железной дороге. Уничтожь дороги или источники поставки, и фабрика не сможет работать. Легко вывести из строя сложную механизированную цивилизацию.

Исчезли линии связи. Когда стало невозможно доставать или производить запчасти, вышло из строя радио. Да и не осталось специалистов, чтобы приводить его в порядок. У нас есть здесь радист-самоучка. Он слушает по десять часов в день, но за последние два года не услышал ни одной передачи.

— Тем временем в городе, в том районе, о котором я могу говорить с уверенностью, у нас было два случая распространения вируса. Я могу тебе показать в верхней части города почерневшие кварталы. Там мы хоронили трупы — не сотнями, а тысячами. Эти дни всегда стоят у меня кошмарным адом перед глазами! И в то же время приходилось бороться с парашютистами. Но мы выжили, так как сумели чуть быстрее других нажать на курок.

— А кто эти другие? — спросил Блейк.

— Дезертиры, уцелевшие нейсти, преступники, которые перешли к открытым действиям, когда не стало законов. Они прячутся, охотятся на нас, на наши припасы. Из этого района города мы их изгнали, хотя они совершают набеги на наши кладовые. Сарж надеется организовать большую экспедицию, которая положит им конец. На прошлой неделе он связался с группой вольных британцев. Они занимают правительственный остров в заливе, и у них есть два пригодных к ходу катера. И они согласны поддержать нас с моря. Мы должны быть благодарны звездам за Саржа!

— А кто он такой?

— Сержант регулярной армии, настоящей старой армии в традиционном стиле. Когда-нибудь слышал о Десятой кавалерийской бригаде?

Блейк не слышал.

— Это был отряд со славными традициями. Не менее известен, чем Седьмая бригада Кастера. И она пострадала не очень

сильно, потому что ею командовал выдающийся генерал. Когда-то она воевала с индейцами. У нее список побед, от которого волосы встают дыбом. Индейцы называли этих кавалеристов «солдатами буффало» — быками — и старались с ними не связываться. Это был один из первых кавалерийских отрядов, состоящий из негров.

Дед Саржа вступил в бригаду сразу после гражданской войны, а отец — как только достаточно подрос для этого. Поэтому Сарж никогда о другой карьере для себя не думал, он родился в бригаде, как в свое время римские легионеры. Десятая бригада погибла, но Сарж с нами — иначе нас бы тоже здесь не было!

Под управлением Саржа жизнь поселка в парке в определенной степени стала безопасной. Обитатели пользовались содержимым магазинов и складов продовольствия и одежды. Они цеплялись за остатки цивилизации, какие могли сохранить, и появилось уже второе поколение, которое иной жизни и не знало. Блейк узнал от врача, что, несмотря на отсутствие того, что еще несколько лет назад казалось совершенно необходимым для жизни, поселение не только процветало, но и строило планы на будущее. Общество возвращалось к цивилизации под действием воли и гения одного человека.

Предвидя неизбежность выхода из строя ружей, когда кончатся боеприпасы, они изготовили хорошие луки. В парке посеяли зерно и другие семена, найденные в магазинах. Кормили оленей из зоопарка и лошадей из Академии верховой езды.

Блейк, увлеченный рассказом доктора, понимал преимущества жизни в такой общине, достоинства положения члена команды Саржа. Если не будет возможности вернуться на собственный уровень, он может считать, что ему повезло, если сумеет остаться здесь.

Тем временем, казалось, все забыли о нем, кроме врача. Блейк спал, ел, снова спал. Но к следующему утру он ощутил беспокойство. Плечо почти перестало болеть, он мог пользоваться левой рукой. Одевшись — ему принесли одежду тусклых цветов, — он сидел на краю койки, когда в дверях показался Мэнни.

— Тебя хочет видеть Сарж, — сказал он без всяких церемоний.

Блейк охотно пошел за ним. На этот раз великий человек изучал карту, на которой было рассыпано множество красных точек. Он сверял положение точек с записями на листочках, грудой лежавших на столе. Листочки были грязные, со следами пальцев. Но когда Блейк и его конвоир вошли, Сарж отодвинул карту.

— Так что ты там говорил доку об изменнике-техе? — спросил он.

— Это он виноват в том, что я очутился здесь, — ответил Блейк. — Он меня похитил, я сбежал и приземлился в этом городе.

— А машина? Ты не знаешь, как она работает? Может, она принадлежит тому теху?

— Да. Как она работает, я не могу сказать. Я смог уйти на ней, но это все.

— Как зовут теха? — Вопросы вылетали, как пули.

— Насколько я знаю, у него несколько имен: Лефти Коннерс, Прандж... — Имена эти как будто ничего не сказали Саржу.

— Слышал когда-нибудь о парне, которого называют Арес? Блейк вспомнил параграф школьного учебника.

— Это был греческий бог войны...

— Ну, этот не бог. — Сарж мрачно улыбнулся. — Но в войне участвует! Уже четыре месяца. — Он откинулся на стуле, сцепил пальцы за головой. — До нас доходят сведения об этом Аресе. Он связывается с грабителями, пытается организовать их. И мне говорили — если это правда, то дело плохо, — что он пообещал им новое оружие. И вот появляешься ты и рассказываешь о техе, который причиняет беды. Кажется, этот твой тех и наш Арес имеют нечто общее, верно? Ты говоришь, у этого человека новое транспортное средство и новое оружие, которым он тебя подстрелил? Да, все совпадает. А где нора этого Пранджа или Коннерса?

— Хотел бы я знать. Вероятно, не в этом городе.

Сарж нахмурился.

— Но он может здесь появиться?

Блейк сам хотел бы получить ответ на этот вопрос. Он мало разбирался в путешествиях по уровням. Если платформа привязана к одному месту, Прандж может появиться в подвале,

где был заключен сам Блейк. А у Блейка было впечатление, что платформа остается на месте, пока в невероятном полете вокруг нее возникают и исчезают миры. Так что если платформа материализуется на этом уровне, то именно в том месте. Появится ли здесь Прандж? На самом ли деле он «Арес»? Придет ли, зная, что тут оказался Блейк? Может, присутствие Блейка окажется для него дополнительной приманкой? Так много «если», а Блейк понимал, что не может судить о реакциях Пранджа по своим собственным. Прандж пси, к тому же преступник.

У него есть только один шанс со временем захватить Пранджа. Ему об этом шансе напомнила карта на столе Саржа. Агенты. Блейк не знал, где находится их платформа и движутся ли они по уровням в поисках Пранджа. Но то, что преступник обнаружил их убежище, заставило агентов переместиться на Патрун Плейс. Допустим, там и находится их средство для перемещения по уровням. Опять... если... и... может быть. По крайней мере у Блейка появилась цель.

— Он может появиться только в том месте, где меня нашли, — сказал он.

— Из-за того, что ты там приземлился? — Сарж соображал быстро. — На машине есть маяк?

— Я же сказал: не знаю!

— Но можешь догадаться? Это единственное, что тебе приходит в голову? — Голос Саржа звучал лениво, но глаза впились в Блейка так же пристально, как взгляд Киттсона.

— Ну, Прандж в бегах. Его преследуют.

— Вот как? — Веки Саржа опустились, прикрыв глаза. — И ты хотел бы встретиться с преследователями? Они твои друзья? И где нам их искать?

— Мне нужно взглянуть на карту, — ответил Блейк. — И я не уверен, что они здесь покажутся.

— Осторожничаешь? — Сарж отодвинул стул от стола и поманил Блейка. — Иди взгляни. Это наша лучшая карта.

Измятая бумага порвана и склеена, она в пятнах. Но Блейк смог проследить маршрут, который проделал в автобусе. Надпись Маунт Юнион почти исчезла под черным пятном, однако он нашел ее и сосредоточился на Патрун Плейс. Если бы он мог рассказать всю правду, искать, вероятно, было бы легче. Но ему

все равно не поверят. Им придется верить ему на слово. Если ему удастся выбраться из поселения, добраться до того места придется самостоятельно.

Сарж смотрел на карту.

— Здесь прячутся твои друзья?

— Надеюсь, — поправил Блейк. — Но они могут и не быть здесь. На это один шанс, может, из тысячи.

— Вот как? — Сарж оперился квадратным подбородком на кулак. — Ты немного рассказываешь, а? Впрочем, мы привыкли к таким шансам. Пожалуй, взглянем на это место в даунтауне первыми. Мы этот район знаем. — Он указал пальцем на Патрун Плейс. — Это новое место. А потом ты перебрался сюда.

— Когда машина используется, появляется зеленое свечение.

— Точно, — впервые вмешался Мэнни. — Освещает все, Сарж. Я сам видел.

— Даже днем? У твоих друзей тоже есть такая штука?

Блейк предполагал, что все платформы одинаковы.

— Да.

— Значит, надо два пункта. — Сарж заговорил деловито. — Один в даунтауне, другой вверху. Ты, — обратился он к Блейку, — пойдешь с группой в верхнюю часть. Ты знаешь своих друзей. А мы позаботимся об Аресе, если он подвернется. Ты сбережешь нам немало времени и сил.

— Если Арес — Прандж, он... — начал Блейк.

— Если он и есть твой изменник-тех, он может причинить большие неприятности. Парень, — рассмеялся Сарж, — нас предупреждать не нужно. Мы встречались в последнее время с очень крепкими ребятами.

Но не с такими, как этот преступник из другого мира, хотел сказать Блейк. Этот человек может превратить противника в послушного робота. Он надеялся только добраться до агентов раньше, чем люди Саржа встретятся с Пранджем.

И вот, не в состоянии более основательно выразить свое предупреждение, Блейк оказался в группе, направленной в верхнюю часть города. Но ему не дали оружия, даже не вернули отобранный Мэнни кинжал с драгоценными украшениями.

По пути на запад они держались разросшихся кустов в парке. Проходя мимо пустых клеток зоопарка, Блейк спросил, что слу-

чилось с другими животными, кроме оленей. Ему ответили, что птиц выпустили на свободу. Тех, что пережили зиму. Медведей и больших кошек пристрелили.

— Но не волков, — заметил один из людей. — У нас несколько их шкур. Остальные пристали к собачьим стаям и охотятся вместе. Зимой они хуже снайперов.

Большие районы парка, который первоначально представлял собой длинную полосу зелени, проходящую через две трети города, превратились в спутанные джунгли, а некогда хорошо содержавшиеся дороги — в узкие тропы между непроходимыми стенами кустарников.

Группа обогнула замерзший конец озера, вызвав панику у водяных птиц, обменялась грубоватыми приветствиями с отрядом, набравшим воду в баки. Даже по таким домашним делам жители поселка отправлялись вооруженными луками или ружьями. Блейк узнал, что ружья даются только метким стрелкам, а все менее искусные «бойцы» (в эту категорию входили все мужчины с двенадцатилетнего возраста и многие женщины) должны были удовлетворяться луками. Впрочем, младшее поколение даже предпочитало это древнее оружие огнестрельному. Для них ружья превратились только в дело престижа. Когда будет истрачена последняя пуля, переход на новое оружие пройдет для молодого поколения безболезненно.

Целью экспедиции была не только проверка идеи Блейка насчет базы агентов, но и регулярное занятие жителей поселка — очистка магазинов. Мэнни рассказал, что с помощью старых указателей и карты Саржа поселок сумел отыскать склады, которые снабжают всем необходимым. Часто поиски приводили их в полностью сгоревший район или в безнадежные груды развалин. Но план последовательного прочесывания города вполне оправдался за последние годы. Каждая экспедиция превращалась в поиски сокровищ.

— Лекарства для дока, материалы, одежда, если не слишком сгнила, консервы — все, что мы можем использовать. Если бы могли свободнее передвигаться по улицам, пустить грузовик, имели бы больше, — заметил Мэнни. — Но если каждые три фута останавливаешься и ломаешь спину, убирая с пути камни, а еще через три фута натыкаешься на новые, де-

ло того не стоит. Так что нам приходится доставлять добычу на себе.

— На углу Маунт Юнион была аптека, — сказал Блейк.

Три-четыре дня назад он был в этой аптеке, наслаждался теплом и светом, защищенный от бури. Но сколько лет прошло в этом мире с тех пор, как здание могло дать убежище?

— Да? Что ж, может, наш поход оправдается. Джек, — он толкнул в плечо мальчишку, который спорил со своим спутником, еще меньшим негритенком, — ты захватил список дока?

Мальчик сунул руку под куртку.

— Да. Приколел. А что, Мэнни?

— Там, куда мы идем, была аптека. Сходите с Бобом и посмотрите, не осталось ли чего. Ищите только то, что просил док, это самое главное.

— Хорошо, — согласился мальчик и снова принялся дружелюбно спорить о возможности выследить собачью стаю, след которой попался в парке. В поселке высоко ценились волчьи и собачьи шкуры.

— Джек быстро схватывает. Может, со временем выучится ремеслу дока, когда станет постарше, — сообщил Мэнни. — Сарж у нас сортирует молодежь. У некоторых особые способности к письму и чтению, хотя учатся этому все. И арифметике тоже. В прошлом месяце велел нам принести книги из библиотеки. Даже дал несколько лошадей для груза. Значит, считает это дело важным. Сарж говорит, что мальчишкам придется сражаться всю жизнь, но им не обязательно становиться дикарями. Когда мальчишка проявляет талант к чему-то, Сарж приказывает ему учиться. Когда-нибудь, — глаза Мэнни вспыхнули, — когда мы очистим город от грабителей и сможем жить, не сражаясь все время, мы расширим поселок. Выберемся из этой крысиной норы и посмотрим, что произошло с остальной частью страны. Мы снова поднимемся, будем наверху, вот увидишь!

Что-то внутри Блейка отозвалось на эти слова. Дай им свободу и относительно устойчивое будущее, и эти люди снова построят, может, даже нечто лучше того, что было взорвано. Но каким устойчивым может быть будущее, если здесь появится Прандж? Что, если слухи, о которых говорил Сарж, справедливы и преступник пси раздает здесь новое оружие, например лу-

чевые ружья из мира лаборатории, снабжает им местные банды? Эти грабители, которые сопротивляются возвращению к цивилизации, вооруженные Пранджем, могут стереть с лица земли зародыши нового мира, и Прандж будет здесь повелителем.

И в этот момент борьба Блейка с Пранджем перестала быть только его личным делом. Больше это не состязание между ними двумя, в котором он чувствует себя более слабым, но война против всего, что представляет преступник пси. Людям Саржа нельзя мешать в их борьбе за свою судьбу. Блейк понял, какова истинная суть миссии агентов и той защитной сети, которую они набрасывают на миры последовательности, понял причину их настойчивой погони за Пранджем. Каждый должен быть предоставлен сам себе, должен подниматься или падать в результате собственных действий. Нельзя допускать порабощения чужаком.

Блейк решил, что, если не сможет вернуться в свой мир, он расскажет Саржу правду. Пусть знает, что им грозит. Но если возможно связаться с агентами, это нужно сделать быстро, прежде чем Прандж сможет нанести удар.

Они вышли из парка и свернули на улицу, которая казалась нетронутой. В нескольких окнах были даже неразбитые пыльные стекла, в них отражалось зимнее солнце.

— Знаешь, где мы? — спросил Мэнни.

Блейк остановился. Он был здесь только вечером, но уверен, что это то самое место.

— Эй, Мэнни, здесь точно аптека! — закричал впереди Джек.

— Есть название улицы? — спросил Блейк.

— Подожди... — Джек замолчал. — Да, тут написано «Юнион». Это что-то значит?

Блейк перевел дыхание.

— Это оно и есть, — сказал он скорее себе, чем Мэнни.

Глава 13

Странно было заходить на Патрун Плейс. Мир лаборатории, мир башен — оба были далеки от того, к чему привык Блейк, что он хорошо знал, и потому он их мог принять. Но здесь, где он бывал раньше (или ему так казалось), совсем другое дело. Тот же дом,

та же улица — и опустошение, давно покинутые руины. Разбитые стекла, сломанные оконные рамы, расколотые двери повсюду.

Мэнни ткнул пальцем в одну дверь.

— Разграблено, — заметил он. — Богачам в первые дни пришлось натерпеться от грабителей. Какой дом тебе нужен?

Блейк остановился на подъездном пути и взглянул на дом справа — точную копию того, в котором оставил агентов на своем уровне. Внешне, если не считать следов насилия и разрухи, дом тот же самый. У Блейка появилось ощущение, что он попал в кошмарный сон. Возникла настойчивая мысль, что это и есть тот самый дом, просто он переместился назад или вперед во времени. Блейк вздрогнул и подошел к дому.

Входная дверь исчезла, в стене отверстие.

— Пули, — спокойно заметил Мэнни. — Парень здесь, должно быть, не сдавался.

Внутри они увидели баррикаду из разбитой мебели. Мэнни откуда-то извлек измятый фонарик, и круг света упал на груды белых костей в углу. Какое-то тошнотворное мгновение Блейк пытался угадать, кто это... Но это не его мир, нужно постоянно напоминать себе об этом.

— Что мы ищем? — спросил Мэнни.

— Это должно быть в подвале, — уклончиво ответил Блейк. Поскольку платформа должна быть спрятана, скорее всего она находится в подвале. Как у Пранджа.

Мэнни переходил из комнаты в комнату, открывая двери. В них кости и следы схватки, происходившей несколько лет назад. Один раз бывший конюх направил свет на пол, и Блейк увидел цепочку следов животного.

— Волк... или собака. Они рыщут по всему городу.

— А чем они живут?

— Нами — когда могут добраться, — спокойно ответил Мэнни. — Загоняют оленей и лошадей. Вот почему мы зимой не выходим поодиночке и стараемся вообще не выходить по ночам, только в случае необходимости. Часто находим останки грабителей, глупых или невезучих. Четыре-пять недель назад Кол оттащил тушу пони в дальний угол парка как приманку. И до захода солнца убил пять собак и волка. Они злобные, коварные и умные и становятся все умнее. А вот и подвал...

Он открыл последнюю дверь, выходящую на лестницу, и они спустились в густую тьму. Винный погреб с разбитыми бочками и пролитым содержимым — результат первых налетов. Дальше полки с рядами пустых кувшинов. Миновали прачечную и котельную и подошли к самой последней двери. Мэнни про себя считал шаги, теперь он сказал:

— Этот подвал больше дома. Я бы сказал, он расположен под передним двором, может, даже под улицей.

Настроение Блейка улучшилось. Эта необходимость в дополнительном пространстве обнадеживает. Пространство для чего? База для платформы?

Мэнни потянул дверь, но она не поддавалась, как остальные.

— Закрыто!

Блейк присоединился к нему. Но дверь действительно была закрыта, и тяжелая деревянная плита не поддавалась. Блейк провел пальцами по дверной петле, пальцы оказались вымазаны чем-то скользким. Есть только одна причина, зачем станут смазывать маслом дверь в давно покинутом доме. Его догадка верна: это и есть место высадки агентов. Ему стоит только покараулить здесь, и рано или поздно он с ними встретится, сможет вернуться в собственный мир. Но это значит, что придется сидеть, как кошке у мышеловки. А позволят ли Сарж и его люди?

— Смазано? Твои друзья, тех?

— Надеюсь. Но не знаю, когда они вернутся.

— Оставим здесь пост, — решил Мэнни. — Если они покажутся, мы будем знать. Но почему в подвале? — Этот последний вопрос он задал, словно рассуждая вслух, и Блейк и не пытался ответить.

Когда они поднимались из подвала по лестнице, послышался резкий свист — сигнал призыва сил Саржа. Во дворе ждал отряд. Джек и его младший товарищ вернулись с мешками на спинах. Молчаливый Горхэм осматривал гараж.

— Слушай, Мэнни, — встретил его Джек, — аптека почти не тронута. Там много добра для дока и консервы тоже. Стоит поехать с лошадей. Скажи об этом Саржу.

Мэнни взглянул на небо. Судя по положению бледного солнца, полдень давно миновал.

— Возьмем, что сможем, — решил он, — потом Боб и Горхэм вернутся в лагерь и расскажут Саржу. Может, он пошлет лошадь. Здесь нужно оставить пост. Скажите Саржу и об этом. Потом, Джек, разберешь еду в аптеке. Кое-что оставим на посту, чтобы не тащить сюда припасы. Нужно провести разведку. Как, Горхэм, грабителей не видел?

Горхэм покачал косматой головой.

— Это место было разграблено, конечно, но в самые первые дни. Много разбито, мало взято. Я сказал бы, что с тех пор никого не было.

— Тогда нам повезло. — Мэнни сел на ступеньки. — Поедим.

Они поели принесенных с собой продуктов и запили прокипяченной озерной водой из своих фляжек. В прозрачном воздухе лениво пролетали хлопья снега. Горхэм взглянул на сгущающиеся тучи.

— К ночи будет буря, — предупредил он. — Посмотрите, как темно на востоке!

Там собрались густые темные тучи, превращаясь в зловещую стену. Блейк подумал, что приближается настоящая буря. Если отряд будет застигнут здесь, пост и не понадобится. Наверное, Мэнни подумал о том же, потому что беспокойно заерзал и торопливо покончил с едой.

— Горхэм, тебе с Бобом пора отправляться, — сказал он. — Если получите лошадь, возвращайтесь побыстрее и очищайте аптеку. Совсем не нужно, чтобы нас застигла буря. Джек, отправляйся в аптеку и готовь добро к перевозке. Я немного осмотрюсь. Ты, — он словно впервые вспомнил о Блейке, — пойдешь с Джеком.

Это звучало как приказ. Блейк предпочел бы остаться на месте: в любой момент могли появиться агенты. Но он не вооружен и хоть все утро провел свободным, тем не менее ясно, что он пленник. Он тянул, сколько мог, глядя вслед уходящим Горхэму и Бобу, смотрел, как исчезает Мэнни во дворе соседнего дома. Джек проявлял нетерпение, и у него ружье.

— Пошли!

Блейк развернулся. Ощущение близкой опасности ударило его словно пулей. Мгновение он смотрел на тихий дом, на двор.

Что-то неправильно, ужасно неправильно! Опасность усиливается, она где-то за ним!

С бессловным криком он прыгнул к Джеку, схватил мальчишку за плечо, отбросил от дома. Джек рванулся, пытаясь высвободиться. Но Блейк, теряя равновесие, потащил его за собой, оба упали в гараж, и это спасло им жизнь.

Громовой рев, вспышка пламени, мир словно раскололся. Блейк услышал полуиспуганный, полуболезненный крик, потом, оглушенный, почти потеряв сознание, лежал и ждал конца.

Пыль забила глаза и нос, ослепила, душила. Он сел и вытер руками лицо, из горящих глаз катились слезы. В голове тупо гудело, но он сумел услышать стон.

Джек лежал лицом вниз, ноги его были прижаты балкой, на бедре красная полоска. Блейк медленно повернул голову. На месте дома ничего, кроме неровной ямы в земле.

Он подполз к мальчику и принялся за работу. Балку удалось стащить, но под ней оказалась рана, здесь металл глубоко разрезал плоть. Блейк пытался остановить кровотечение. Он был почти убежден, что кость не тронута и все ограничивается рваной раной.

— Что... что случилось?.. — Голос Джека звучал слабо, руками он пытался стряхнуть пыль. — Мое ружье, где мое ружье?

Оружия не было видно. А Блейк был не в настроении отыскивать его в тот момент. Но минуту спустя его настроение резко изменилось: тишину, воцарившуюся вслед за взрывом, нарушил ружейный выстрел.

— Два... три... — считал он вслух выстрелы, доносившиеся сквозь занавес падающего снега. Либо Мэнни, либо Горхэм нарывались на неприятности.

— Ружье... — Джек потянул его за рукав. — Граби-тели...

Блейк лихорадочно осмотрел развалины. Теперь ему тоже захотелось найти ружье. Но одновременно он приказал:

— Лежи! Если снова пойдет кровь, мы застрянем!

Помогло знакомство Джека с профессией дока: он тут же послушно лег и только поворачивал голову, следя за тем, как Блейк ищет оружие. Наконец обнаружилось и ружье, невредимое, насколько мог судить Блейк. Взяв его в руки, он почувствовал себя увереннее. Теперь он готов к встрече с тем, что скрывается в

сгущающихся сумерках снежной бури. После взрыва предупреждение об опасности исчезло, и Блейк считал, что пока им ничего не грозит.

— Что случилось? — снова спросил Джек более уверенным голосом.

— Я бы сказал, что взорвалась бомба.

Джек воспринял это спокойно.

— Если бомба с замедленным действием. Нам повезло. — Он поднял голову и осмотрелся. — Слушай, дома нет!

— Да. — Но Блейка больше занимало настоящее, чем недавнее прошлое. Оставить Джека он не может, а снег идет все сильнее. Хоть гараж спас им жизнь во время взрыва, от бури он защищает плохо. Выстрелы могут означать, что остальная часть их отряда погибла; сейчас грабители принимают их за следы. Он посмотрел вдоль улицы.

Соседние дома тоже пострадали от взрыва. Если они отрезаны от поселка в парке, им нужно более надежное убежище. Понадобятся еда, тепло, лекарства. Это все можно найти только в одном месте. Блейк одинок в этом чужом мире, к тому же на нем ответственность за Джека.

— Послушай. — Он повернулся к мальчику. Джек живет в этом мире, он знает все его опасности, может не моргнув глазом смотреть в темное будущее. Если он выжил до сих пор, то окажется достаточно крепок, чтобы выжить и в дальнейшем. — Сможешь с моей помощью добраться до аптеки?

Он видел, как мальчик провел языком по губам. Джек ответил не сразу. А когда заговорил, то задал встречный вопрос:

— Ты думаешь, Мэнни погиб?

— Откуда нам знать? Но буря усиливается, и мы не можем провести ночь здесь.

Снег покрыл разбитый тротуар, у углов начали вырастать сугробы.

— Хорошо. Аптека не разрушена, — согласился Джек. — Конечно, смогу. Делаешь то, что нужно сделать. — Он повторил последние слова, как аксиому, которая стала для него законом.

Но если бы Джек знал заранее, чего будет стоить этот путь, он бы, наверное, не решился его начать. Двигались они, как

улитки, часто останавливались, чтобы осмотреть повязку Джека, убедиться, что кровотечение не началось снова. Принимая на себя тяжесть тела мальчика, Блейк пошатывался от усталости, когда они добрались до аптеки. Но он затащил Джека в кладовку в задней части аптеки, усадил его, потом сел сам, повесив голову. Каждый вдох резкой болью отдавался в теле.

Снаружи снег пошел еще гуще, затянув разбитые витрины, набиваясь на пол в передней части длинного зала. Но там, где укрылись беглецы, крыша, стены и два маленьких задних окна были в хорошем состоянии.

— Даже если их не застрелили, — неожиданно сказал Джек, — обратно добраться сейчас будет нелегко.

Блейк понял, что его товарищ все еще надеется на выручку. Но ему нужно было спросить о другом.

— Разве эта буря не загонит грабителей в убежища?

— Должна, — ответил Джек. — Легко забрести в яму или в такие места, где взорвались бензохранилища. В бурю мы остаемся в укрытиях.

Блейк восстановил дыхание. И начал осматривать припасы, благословляя обычай, согласно которому в американских аптеках продаются не только лекарства. В одном ящике оказалась груда розовых мохнатых детских одеял, он постелил их на полу и, снова перевязав ногу Джека найденными бинтами, устроил своего пациента относительно удобно.

Когда он заговорил о необходимости развести костер, Джек возразил. Свет привлечет внимание, которого они должны избегать. Но Блейк заметил, что аптека длинная, они далеко от улицы, а густой снегопад скроет огонь. Им нужно тепло.

Мраморная плита на стойке была разбита на куски еще во время первых набегов несколько лет назад. Блейк смог высвободить один кусок и оттащить его в заднее помещение. Вместо очага. Доски от упаковочных ящиков он нагромоздил грудой.

Тем временем Джек сидя разбирал припасы, приготовленные раньше, откладывал то, что можно использовать немедленно. Блейк взял из разбитой витрины зажигалку и попытался зажечь ее. К его удивлению, появился язычок пламени. Разведя костер, Блейк набрал снега, использовал высокие стаканы для содовой, кастрюли — все, в чем можно держать воду.

В кастрюлю с плиты для приготовления ленча, полную талой воды, он всыпал порошок какао, с удовольствием вдыхая его запах. Джек лежал под одеялами, на которых были изображены скачущие медведи панда, и на его осунувшемся лице светилась улыбка.

— Нам все время везет, — заметил он. — Лучшего лагеря и быть не может. — Он шевельнулся, и на его лице появилась гримаса боли.

— Опять нога болит?

— Только когда я забываю о ней и поворачиваюсь. А я не собираюсь это делать. Братец, если бы только здесь были Мэнни и Боб — вообще первый класс! А что здесь?

Блейк прочел этикетку на жестянке, которую взял в руки:

— Бобовый суп. Хорошо. Подожди, пока согреется.

Он вылил содержимое банки в другую кастрюлю, добавил немного воды и поставил греться. Потом налил какао в кружку и дал ее Джеку. Тепло огня и напитка оживило их. Но мгновение спустя ощущение благополучия исчезло.

Вой, низкий и печальный, донесся даже сквозь приглушающую завесу снега из ночи. Джек пролил какао из чашки. На первый вой ответил другой. Рука мальчика потянулась к ружью, лежавшему возле постели.

— Стая!

Блейка встревожила только озабоченность Джека, хотя от воя холодок пробежал по спине. Древняя реакция человека на охотничий крик, ведь ему самому слишком часто приходилось быть добычей. Блейк должен знать, что их ждет.

— Они нападут на нас?

— Огонь — они не любят огонь, — признал Джек. — И не могут к нам добраться другим путем. Но... — Закусив нижнюю губу, он добавил: — У меня осталось только десять зарядов.

Блейк встал. Если их главная защита — костер, он должен поддерживать его. Он вышел и начал собирать все способное гореть, что мог найти в аптеке, подносить дрова, а Джек подбрасывал их лежа. Во время поисков Блейк нашел еще одну кладовку, забитую картонными ящиками с продуктами; он торопливо разрывал ящики, выбрасывая содержимое на пол, потом перетаскивал ящики к костру. Здесь есть дверь, но она за-

перта на засов. Он не стал проверять, но был уверен, что она выходит в переулок. Отсюда производилась доставка товаров. Одной из его лучших находок стал молоток, которым открывали ящики, с необычно длинным изогнутым концом. Блейк сунул его за пояс. В схватке на близком расстоянии это страшное оружие.

Он пересекал главный зал, сгибаясь под тяжестью дров, когда заметил движение у выходящей на улицу двери. Пробежав последние два шага, он сбросил ношу и повернулся. Темная тень скрылась в снегу. Собака... или?..

Снаружи свистел ветер, гнал снег. Блейк следил за дверью, пытаясь всмотреться в тьму на улице. Пахло греющимся супом; может, этот запах привлекает тени? Но беглецам нужно есть, а Джек нуждается в теплой пище, иначе он погибнет в неподвижности на холоде.

Где-то недалеко послышался треск. Блейк отошел к костру.

— Ветер срывает обломки с развалин. — Джек говорил ровным голосом, словно продолжалась обычная жизнь. — Так всегда бывает в бурю.

Блейк взглянул на крышу у них над головой. Никаких трещин не видно. А он знает, что аптека далеко от высоких зданий. По крайней мере здесь их не завалит заживо, какими бы другими опасностями ни грозили ночь и буря.

Блейк тревожился, он не мог долго усидеть на месте. Натаскав дров, он занялся тем, что стал подносить консервы и кувшины, пока не набралось достаточно продовольствия, чтобы выдержать осаду. Джек заснул беспокойным сном, и Блейк взял ружье. Он был уверен в реальности теней, скрывающихся за дверью. Только огонь сдерживает их. И потому он боролся с сонливостью, поддерживал костер, все время испытывая смутное беспокойство. Не острое предупреждение о непосредственной опасности, но все же уверенность, что впереди неприятности, более серьезные, чем просто стая на улице.

В задней стене аптеки только два маленьких окна вблизи потолка. Блейк подтащил к ближайшему несколько ящиков, соорудив наблюдательный пункт. Взгромоздился и скорчился, прижавшись носом к морозному стеклу, прикрывая гла-

за руками от света. Но за стеклом только тьма и шелестящий снег. Блейк попытался вспомнить, расположена ли аптека так, чтобы сзади было видно Патрун Плейс. Ему казалось, что да.

Ветер постепенно стихал, а вместе с ним и снегопад. Джек проснулся с криком; он словно не понимал, где находится, и Блейк вернулся к нему.

— Волки! — Глаза у мальчика слишком яркие, они не фокусируются на лице Блейка.

— Здесь их нет, — поторопился успокоить его Блейк.

Лицо Джека покраснело, и Блек, приложив пальцы, почувствовал жар. Он принялся разглядывать лекарства. Антибиотики... Но есть ли на этом уровне чудодейственные средства? На склянках нет знакомых этикеток.

Он еще осматривал лекарства, когда вдруг вздрогнул.

Неужели это дрожь воздуха, которую может ощутить только тот, кто уже испытал ее? Это странное ощущение слабости, потеря ориентировки, чувство, словно тебя уносит... Блейк вскочил, бросился к груде ящиков. Вскарabкался и всмотрелся в темноту. Неужели он на мгновение уловил отдаленный гул платформы, совершающей переход из одного мира в другой?

Глава 14

Если бы Блейк был один, он бросился бы в ночь, назад к Патрун Плейс. Он слетел с груды ящиков, перевернув несколько из них, но, увидев Джека, остановился.

Он ничем не обязан Джеку — вообще этому миру. Но даже если бы был уверен, что уход отсюда вернет его в свое время и в свой мир, он не смог бы выйти.

Глаза Джека были открыты, он пришел в себя.

— Стая... ушла. Мэнни... Мэнни идет!

Неужели это только сон, который Джек продолжает видеть, проснувшись? Прежде чем Блейк смог остановить его, мальчик издал свист, который служил сигналом для людей Саржа. В наружном помещении послышался негромкий шум.

Волк? Или человек? Блейк подхватил ружье, посмотрел мимо матраца Джека во мглу. Может, это агенты? Цепляясь за эту слабую надежду, Блейк вышел в главный зал аптеки.

Черная фигура выскользнула на улицу, за ней другая. Блейк подобрал банку и швырнул им вслед. Послышался испуганный лай, и третий мародер убежал в ночь, отбрасывая снег. Стая уходит. Почему? Из-за его движений или потому, что появилась какая-то новая угроза?

Блейк был встревожен, хотя его личный предупреждающий сигнал молчал. Он еще на какое-то время задержался в наружном помещении, но стая не возвращалась, и наконец холод погнал его назад к костру. Никто не ответил на свист Джека. Однако это совсем не значило, что какой-нибудь грабитель не заметил их и как раз сейчас с ловкостью, выработавшейся за годы охоты, не подкрадывался к их убежищу.

Ночь тянулась бесконечно. Блейк поддерживал костер и караулил. Когда одолевал сон, он вставал и проходил в наружное помещение. К утру беспокойный лихорадочный сон Джека сменился нормальным, кожа у мальчика больше не была горячей. Блейк испытал облегчение, когда небо посерело и в загроможденной комнате стало светло.

Растопив снег, он приготовил горячий завтрак: суп, овощи с мясом — самое питательное, что смог найти среди консервов. Судя по количеству припасов, они вдвоем продержатся неделю. А за это время Сарж пошлет спасательный отряд, даже если Боб и Горхэм не доберутся до поселка.

— Хорошо пахнет! — Джек голодными глазами смотрел на еду.

Блейк вымыл мальчику руки и лицо. Это мало что дало, но Джек со вздохом облегчения подчинился ему.

— Стая еще здесь?

Блейк покачал головой.

— Ушла ночью. Не знаю почему.

Джек нахмурился.

— Это необычно.

Но Блейк отказывался сейчас беспокоиться из-за стаи.

— Если сможешь немного побыть один, я выйду через заднюю дверь и осмотрюсь.

Джек взглянул на ружье, которое Блейк прислонил к груди ящиков. Блейк улыбнулся.

— Оставлю его тебе. У меня есть это. — Он показал молоток.

— Может, сумеешь найти Мэнни. Обо мне не беспокойся, у меня есть огонь и ружье. Все будет в порядке...

Блейк не мог сдержать зевка, держа в руках чашку с горячим супом.

— Может, тебе поспать немного? — спросил Джек. — Ты ведь совсем не спал ночью.

— Не спал.

Джек прав: ему нужно отдохнуть. Час или два сна необходимы. Если придется удерживать эту крепость еще ночь, он должен быть готов бодрствовать до утра.

Порывшись еще раз в кладовых, он отыскал пляжный матрац и смог устроить вторую постель. И свернулся на ней, строго приказав Джеку будить его при первых же признаках тревоги.

Но спал он только урывками. Как будто предчувствие ушло на подсознательный уровень. Наконец он отказался от попыток уснуть, подогрел обоим еды и решил воспользоваться преимуществами дневного света и осмотреться. К тому же до ночи он должен набрать побольше дров.

Последний раз обойдя кладовые, он собрал все остатки пригодных для горения материалов. А количество следов на снегу у входа свидетельствовало об угрозе, которой нельзя пренебрегать. Блейк не следопыт, чтобы определить точное количество животных в стае или отличить один след от другого. Но истоптанное пространство, которое оставили звери, действовало отрезвляюще. Еще один день голода доведет зверей до того, что даже страх перед огнем не удержит их от нападения.

Блейк открыл заднюю дверь; Джек, с ружьем на коленях, сидел, прислонившись спиной к ящику. Костер находился достаточно близко от него, чтобы он мог подкладывать дрова, еда и питье тоже рядом. Мальчик торопил Блейка. Он был уверен, что Мэнни попал в тяжелое положение и что Блейк должен его найти и помочь. Чтобы его успокоить, Блейк согласился, но сам думал, что если Мэнни не пришел накануне, то никогда не вернется. Об этом свидетельствовали слышанные ими выстрелы.

Вначале он не отходил далеко от аптеки, разыскивал дрова и складывал их грудой, беззаботно окликал Джека и слышал его такой же делано беззаботный ответ. Но все это время он сдерживал нетерпение — побыстрее уйти, добраться до Патрун Плейс, проверить, нет ли следов пребывания агентов там сегодня ночью.

— Я иду к дому, — сказал он наконец Джеку.

— Искать Мэнни? Здорово! У меня все в порядке. Есть ружье и огонь, а ты скоро вернешься.

Отходя от аптеки, Блейк внимательно наблюдал за домами и улицами. Он держался в укрытиях. Следы животных на снегу лежали не имеющими смысла линиями. Но никаких признаков того, что после бури по снегу проходили люди. Небо ясное, воздух чистый и очень холодный. Руки Блейка, прикрытые только грубыми митенками, оцепенели; на ходу он хлопал ими по бокам, чтобы согреться.

Вот и дом, вернее, воронка на том месте, где вчера стоял дом. Блейк перешел на рысцу, пробираясь через сугробы.

И тут же остановился, глядя на снег. Это не следы лап. Люди — они выходили из подвала или входили в него. Блейк тупо смотрел на это доказательство, отказываясь поверить, что опоздал.

Следы анонимны. Он не может быть уверен, что один из них принадлежит Сакстону, Киттсону, Хойту или Эрскину. Но они привели его прямо к краю подвала, и он заглянул в месиво обломков. Здесь снег примят, раздвинут проходившими людьми. И здесь Блейк увидел окончательное подтверждение. Другие следы — маленькие, отчетливые, следы котенка. Они резко обрываются — в этом месте хозяин взял котенка на руки.

Мрачное уныние овладело Блейком. Они были здесь прошлой ночью! Он был так близок, так близок, а сейчас... Он пнул кирпич, отбросив его в яму. Они не стали задерживаться. Ушли. По-видимому, не видели причин искать здесь. Значит, они не вернутся. Он упустил свой единственный шанс!

Уныние сменилось гневом. Но Блейк тут же забыл о нем, услышав треск ружейных выстрелов. Он повернулся, зная, что не он цель этих выстрелов. Хотя выстрелы звучат громко, стреляют не совсем рядом. Аптека!

Блейк побежал по улице, скользя по снегу, держа молоток наготове. Джек один. Еще один выстрел сообщил, что конец

еще не наступил. Блейк свернул в переулок, в который выходит задняя дверь. Никого. Дверь такая же, как он оставил. Должно быть, нападают спереди. Блейк открыл дверь, обогнул груды дров и направился в главный зал.

— Только один... мальчишка... раненый. — Голос гулко звучал в пустом пространстве.

— Подберись к нему.

На полу, прямо у уличной двери, лежал человек лицом вниз, и из-под него вытекала струйка крови. Но еще двое были на ногах, прижавшись к стенам, вне линии огня Джека. У одного в руке был пистолет, у другого нож.

Глаза Блейка сузились. Человек с ножом по другую сторону комнаты. Но тот, что с пистолетом, совсем близко. Слабый шанс, но, вероятно, единственный. Присев, как кошка, Блейк прыгнул, чтобы нанести удар молотком — единственный, что позволяет время.

Что-то заставило человека повернуться, и удар пришелся вскользь, острый конец молота вырвал клочок кожи над ухом противника.

Тот с криком отшатнулся, подняв руку к голове. Но пистолет не выронил, и выстрел ожег Блейку подбородок. С другой стороны комнаты послышался хриплый крик. Блейк отбросил осторожность и попытался ударить вторично.

Его противник опустился на пол, как кукла, из которой высыпались опилки. Блейк развернулся, но на него не нападали. Тот, что с ножом, вовремя сообразил: чтобы помочь товарищу, ему нужно пересечь линию огня Джека. И он показал, что с уважением относится к меткости мальчика.

На какое-то время наступило равновесие. Но тут Блейк увидел пистолет, который выронил его первый противник. Овладев им, он будет хозяином положения. Однако человек в другом конце комнаты тоже знал это. Он оскалил зубы на бородатом лице, глаза его метались из стороны в сторону. Когда Блейк двинулся, противник тоже перешел к действиям. Пригнувшись, скрылся за прилавком.

— Осторожнее! — крикнул Джек. — Их несколько!

Блейк присел за укрытием и с беспокойством взглянул на уличный выход.

— Сколько? — спросил он, оценивая возможность пробраться к Джеку. Или лучше остаться на месте, чтобы встретить врагов?

— Не знаю, — ответил Джек.

Но если врагов больше, почему они до сих пор не появились? Ушла ли остальная часть банды или занята чем-то другим? Если они ушли за пределы слышимости выстрела, человеку с ножом нельзя дать уйти.

Противник перескочил от одного прилавка к другому. Блейк изменил направление движения. Он выстрелил, но опоздал: пуля только вырвала щепку из пола.

Прилавки заканчивались довольно далеко от выхода. Если тот собирается бежать, ему придется пересечь несколько футов открытого пространства. Предстоит испытание терпения. Если только не появятся другие, о которых предупреждал Джек, Блейк будет ждать.

Из-за прилавка, за которым скрывался противник, послышался звон разбитого стекла. Направляется ли он к выходу? Блейк для устойчивости положил пистолет на руку. Но прячущийся не сделал рывка к двери. Слыша негромкий скрежет, звон, шорох, Блейк знал, что противник перемещается. И так как движется он не к выходу — значит, назад. Вероятно, ищет позицию, из которой можно напасть на Блейка.

Какое-то время Блейк колебался. Двинуться навстречу или остаться на месте, отрезая выход? Любой выбор мог оказаться неверным. Но отчаяние, которое он испытывал с тех пор, как обнаружил следы агентов, подталкивало к действиям. Он пополз к концу длинного зала.

— Осторожнее! — Предупреждение Джека заставило Блейка застыть.

Он едва успел вскочить и прижаться плечами к стене, как хозяин ножа обрушился на него. Нож скользнул мимо плеча, но его рукоять ударила об ожог. И боль помешала Блейку среагировать: противник успел перехватить запястье его руки с пистолетом.

Они покатались по усеянному мусором полу, резко ударившись об остатки стола. Блейк пнул противника, тот негромко

вскрикнул от боли. Но продолжал сжимать руку Блейка с пистолетом. Нож! Вторая рука у него пуста: он выронил нож!

С новыми силами Блейк пытался вырвать руку, но враг резко поднял колено и ударил Блейка в низ живота. Дыхание вырвалось у Блейка из легких. Он лежал, парализованный болью, и смотрел, как противник поднимает пистолет и с садистской улыбкой прицеливается для последнего выстрела. Из чистого удовольствия он оттягивает убийство, как понял Блейк каким-то участком оцепеневшего сознания.

Но это преувеличенное внимание к беспомощной добыче подвело его. Первым послышался ружейный выстрел. Нелепое выражение удивления появилось на лице у человека. Он кашлянул, и кровь брызнула на Блейка. Но противник не потерял сознания и ненависти. Он поднес ствол пистолета ко лбу Блейка, держа палец на спуске. Блейк собрал последние остатки сил и рванулся. Гул выстрела оглушил его, комната потемнела и заветелась.

— Пожалуйста... пожалуйста...

От этих слов, доносящихся из тумана, болела голова. Блейк открыл глаза. Увидел высоко над собой потрескавшуюся штукатурку. Нахмурившись, попытался вспомнить. Где он? Как он сюда попал?..

— Пожалуйста... — Монотонная мольба заставила его двигаться.

В теле резкая боль, но он попробовал сесть. Поперек его ног лежало тело, прижимающее к полу. На груди скользко от крови. Он ранен!

С трудом он высвободился из-под тяжелого трупа и услышал звуки волочащегося тела. Подтягиваясь на руках, толкая перед собой ружье, Джек полз из кладовой. Он снова и снова, как молитву, произносил «пожалуйста» и с ужасом смотрел на Блейка. Но когда тот сел, Джек тоже остановился и дрожа заплакал.

Дышать по-прежнему было больно, но Блейк осмотрел себя в поисках раны. Кровь не его. Однако он не может пошевелить раненым плечом, и от ожога оцепенение распространяется на

всю руку. Двигаться невероятно трудно, но время дорого! Джек сказал, что этих шакалов больше. По крайней мере эти мертвы.

— Они... они захватили Мэнни. — Слова вырывались вместе с всхлипываниями. Джек с откровенной мольбой смотрел на Блейка.

— Откуда ты знаешь? — Блейк отполз от тела, поморщился, напоровшись на осколок стекла. Он опасался вставать: стены по-прежнему покачивались, когда он распрямлялся.

— Они проходили мимо двери... вели пленника... — Джек овладел собой. — Увидели костер... трое остались. Первого я застрелил в двери. Тогда они разделились, чтобы я их не видел...

— Ты уверен, что это был Мэнни? — настаивал Блейк. Он здоровой рукой обнял мальчика за плечи, поддерживая его.

— А кто еще это может быть?

Но Блейк продолжал сомневаться.

— Ты видел его лицо?

— Нет. Снег приглушал их шаги, и я увидел слишком поздно. Они уже почти прошли мимо.

— И ты уверен, что их много в банде?

— Не знаю, может, еще трое или четверо. Они вернутся! — Он конвульсивно сжал руку Блейка.

— В таком случае они об этом пожалеют. На этот раз мы будем готовы. — Блейк осторожно поднес руку к животу и тут же пожалел об этом. — Слушай, Джек, у тебя опять открылась рана на ноге...

Повязка покраснела от крови.

— Сначала займемся ею.

Каким-то образом ему удалось проташить мальчика назад к постели и заново перевязать ему рану. Велев Джеку лежать, Блейк обыскал тела в наружном помещении. Отвратительное занятие, и неделю назад он от него отшатнулся бы. Но в этом мире быстро черствеешь.

Человек у выхода был вооружен ножом и дробовиком. Блейк гадал, почему он с самого начала не застрелил Джека. Пистолет, торчавший теперь из-за пояса Блейка, по-видимому, был единственным оружием того, которого он уложил молотком. Но когда Блейк обнаружил нож своего последнего противника, он присвистнул: у ножа ручка в драгоценных камнях. В них отража-

ется огонь. И у Блейка был в руках когда-то такой же нож. Он из мира лаборатории. Хромая, Блейк осмотрел лица мертвецов. Их спутанные бороды были подлинны. Похоже, они эквиваленты Скаппы и его бандитов в этом мире. У Пранджа сторонники на каждом уровне, и все они относятся к одному типу. Может быть, высокомерные и роскошно одетые вельможи с уровня лаборатории — тоже Скаппы своего мира.

Блейк вернулся к Джеку.

— Когда-нибудь видел этих людей раньше?

Мальчик удивился.

— Они всего лишь грабители. Все одинаковые.

Блейк показал ему кинжал.

— Он был у одного из них. Видел когда-нибудь такие?

Джек провел пальцем по рукояти.

— Из музея? — с сомнением спросил он. — У Саржа такой был, наш разведчик принес из музея. Но слишком старый, лезвие сломалось, когда Сарж пытался им воспользоваться.

— Я считаю его доказательством связи этих людей с изменником-техом.

— Но грабители, работающие на него, в даунтауне.

— Есть причина, которая могла привести их сюда. — Блейк рассуждал вслух. — Они ищут базу агентов!

— Неважно, почему они пришли, — нетерпеливо сказал Джек, занятый своими проблемами, — у них Мэнни. Он даже не ранен, потому что шел самостоятельно. Нужно отбить его у них. Ты не знаешь, как они с нами поступают, если захватывают живыми. А Мэнни... он им не поддастся, будет держаться до конца! — Лицо Джека посерело. — На своей перебитой ноге я не могу идти туда. Но ты можешь. Ты должен освободить Мэнни!

Блейк взглянул на дробовик. Как объяснить Джеку невозможность того, о чем он просит? Трое или четверо вооруженных людей, которые знают город и его порядки гораздо лучше Блейка, могут везде укрыться и подстрелят его еще до того, как он обнаружит их след. С рукой, снова вышедшей из строя, он даже выйти не решится. Не говоря уже о том, что глупо оставлять Джека одного и беспомощного.

— Ты идешь за Мэнни?

Блейк поднял голову.

— Не вижу, как... — начал он и тут же замолчал, услышав звук, который заставил его подумать, не уснул ли он.

Из наружного помещения донесся этот звук, негромкий, требовательный. Блейк подошел к двери и выглянул. Он прав, слух его не подводит.

Осторожно пробираясь среди обломков, прямо к нему идет ухоженный черный котенок!

Глава 15

Блейк протянул руку, котенок подошел и понюхал его пальцы. Но, только коснувшись мягкой теплой шкурки, Блейк поверил собственным глазам. Он живо повернулся к Джеку.

— Ты видел человека, которого приняли за Мэнни? Какого цвета у него волосы?

Джек, глядя на котенка так, словно это четырехлапая бомба, ответил:

— Конечно, это Мэнни. Я тебе говорил, они прошли быстро, и его волос я не заметил.

— Какого он роста? — настаивал Блейк. — Высокий или низкий?

— Мэнни низкий, ты знаешь это. — Голос Джека звучал раздраженно.

Но у Блейка появилась новая надежда. Джек не уверен: он признал, что плохо разглядел пленника. А с тем живым доказательством, что сейчас трется о его ноги, Блейк склонен был считать, что пленником был один из агентов. Но если это так, то он должен быть добровольным пленником. Блейку никогда не забыть, как легко Эрскин завладел Бенерисом. Разве только грабителем снабжены защитным устройством Пранджа. Блейк нахмурился.

Если бы Джек не был беспомощен, Блейк пошел бы за отрядом. Он понимает, что не должен вмешиваться в дела агентов. Но, с другой стороны, его вмешательство уже однажды помогло им — в «Шелбурне», в самом начале этого безумного приключения. Однако оставить Джека он не может.

Котенок забрался по руке Блейка и уселся у него на плече. Начал тереться головой о подбородок и замурлыкал. Блейк вспомнил, как Хойт тренировал котенка. У агента с ним установилась связь. Может, Хойт сознательно отправил зверька в качестве вестника? Котенок хорошо накормлен, чист и гладок, он не испуган. Судя по этим признакам, он не брошен в развалинах.

— Я должен узнать. — Блейк обращался скорее к самому себе, чем к Джеку. Но мальчик приподнялся на матрасе, глаза его блеснули.

— Ты пойдешь за Мэнни?

Блейк уклонился от прямого ответа.

— Осмотрюсь.

Перед уходом он оставил возле Джека ружье и дробовик, подбросил дров в костер, а у двери нагромоздил баррикаду по пояс высотой. С автоматом и двумя ножами в качестве собственного оружия он был готов к выходу. Но когда он попытался оставить котенка с Джеком, тот запищал и вцепился в Блейка когтями.

— Удачи! — помахал ему Джек. Блейк еще колебался.

— Я скоро вернусь...

— Уходи хоть на весь день, если это поможет Мэнни! — ответил мальчик.

Но, выйдя на улицу, Блейк не повернул в ту сторону, куда ушли грабители с пленником. Напротив, он искал взглядом нужный след. Аккуратная и прямая цепочка кошачьих следов вела к верхней части города. Блейк прошел с полквартила, и тут след свернул направо между двумя домами.

Пройдя по замусоренному заднему двору, след вывел на другую улицу и направился к покинутой заправке.

— Сколько же ты прошел? — спросил Блейк у комка шерсти, голова которого высывалась у него из куртки.

Котенок посмотрел на него круглыми глазами и вежливо мяукнул. Блейк посматривал вверх и вниз по улице. Он не видел никаких других следов, кроме собачьих и отпечатков лап котенка. Грабители пришли не с этой стороны. А он не смеет очень далеко уходить от Джека.

Кошачьи следы на снегу привлекали его, давали надежду, которую он лелеял. Можно пройти еще немного, он все равно услышит, если на аптеку нападут.

След котенка ведет в разбитую дверь автозаправочной станции. Оттуда показалась высокая фигура. Небрежное приветствие, словно расстались они всего пять минут назад.

— Привет, Уокер.

Хойт! А за ним Киттсон. Блейк обнаружил, что здоровой рукой держит раненую.

— Побывал на войне, — кто-то сказал ему.

— Входи, сынок, — сказал Киттсон, — и рассказывай.

Но Блейк уже овладел собой. Руки и голос у него уже не дрожали.

— Там мальчик... он ранен, — сказал он. — Я не могу его оставить...

Киттсон свел брови.

— Местный?

Блейк кивнул. Хойт посадил котенка себе за куртку, тот довольно замурлыкал, прикрыв глаза.

— Идти может?

— Нет.

Киттсон пожал плечами.

— Сделаем, что сможем.

Блейк почувствовал огромное облегчение: с его плеч свалилась тяжесть. Хойт вынес из помещения два мощных ружья, и втроем они направились назад к аптеке.

Когда Блейк попытался пересказать события последних двух дней, Киттсон остановил его.

— Это позже, — сказал он. — Сначала займемся мальчиком...

Видя их сосредоточенные лица, Блейк замолчал. Они на расстоянии воздействуют на Джека, как действовал Эрскин на Бернса? Из-за своего щита он этого не чувствует.

Не обращая внимания на три тела в переднем помещении, они сразу направились туда, где на матрасе лежал Джек. Глаза его были открыты, но он как будто не видел агентов и не проявлял беспокойства, когда Киттсон склонился к нему. Быстрыми искусными движениями агент разбинтовал рану и осмотрел ее.

— Ну? — спросил Хойт, когда Киттсон снова ее перевязал.

— Да, ему нужна помощь. Отвезем на базу для лечения и вернем с ложными воспоминаниями. При степени его восприимчивости это нетрудно.

Хойт с облегченным вздохом согласился.

— Я возьму его. Это даст Уокеру возможность ввести тебя в курс дела. Вернусь примерно через час, — добавил он, взглянув на часы. — Согласен?

— Найдешь нас здесь.

Хойт поднял Джека, как маленького ребенка, и легко вынес из аптеки.

— Хойт отвезет его на наш уровень. Наша медицина располагает средствами, заимствованными из множества миров. Мальчика вылечат и вернут назад с ложными воспоминаниями о непосредственном прошлом. Он так никогда и не узнает, что побывал в чужом мире. А теперь расскажи, что произошло с тобой?

Блейк рассказал, пытаясь рассортировать сведения, словно докладывал старшему офицеру. Киттсон не делал никаких замечаний, но спокойная уверенность агента подействовала на Блейка. Киттсон осмотрел кинжал, взятый у убитого грабителя. Блейк был уверен, что он из мира лаборатории.

— Минг Хаун, — было первое замечание агента. — Значит, он останавливается в Иксанилии. А вот мир с башнями — это совершенно новый уровень; насколько я могу судить, в наших записях о нем нет никаких сведений. Расследуем позже. — Он глубоко вонзил кинжал в кусок дерева. — Тебе невероятно повезло, Уокер. Возможно, это был опасный уровень, но уверяю тебя, относительно спокойная Иксанилия гораздо опаснее для неосторожного чужака. Там правит наследственное дворянство, которое любит некоторые весьма неприятные развлечения... — Агент не стал уточнять. — В такой культуре Прандж как у себя дома, и мы давно подозревали, что он туда направился. Но ввоз оружия... Ты говоришь, здесь среди аборигенов прошел такой слух?

— Да, сэр.

— Гм-м. Ну, Эрскин дал себя захватить одной из групп грабителей, которых мы считаем людьми Пранджа. Мы бы предпочли не устанавливать контакт с Саржем, если это возможно. Ты сам достаточно грамотно объяснил свое появление этим людям. Даже удивительно... — Но Киттсон не стал договаривать. Напротив, сменил тему: — Как ты думаешь, сумеешь найти дорогу назад к тому подвалу, где сошел с платформы?

— Могу попробовать. — Но Блейк сомневался. — Я знаю только общее направление.

— Если Эрскина ведут туда, нам не нужно будет искать.

Блейк предположил, что Киттсон поддерживает мысленную связь с агентом, играющим роль пленника.

— А у этих грабителей, которые захватили Эрскина, есть защита?

Киттсон мрачно улыбнулся.

— Нет. Мы надеемся, что это свидетельствует о том, что запасы Пранджа истощаются.

Блейк подбросил дров в огонь и увидел консервные банки. Неожиданно он ощутил голод. Он поставил на огонь кастрюлю с водой и потянулся за консервным ножом, а Киттсон принялся читать этикетки.

— Однообразное меню, — заметил он.

— В основном суп, — согласился Блейк. Он насыпал в кипящую воду шоколадного порошка и открыл еще одну банку. Поставив еду на огонь, он сам задал вопрос: — Вы попали сюда через Патрун Плейс? А как вы выбрались после взрыва?

— Ответ на твой первый вопрос — да. А что касается взрыва, мы считаем, что его устроили друзья Пранджа. Но случайно ваша группа подошла первой и привела в действие взрыватель. Так что мы от взрыва не пострадали, как должны были. А те, что захватили Эрскина, поверят — после того как он поработает с их памятью, — что мы, все остальные, погибли во время взрыва. Вкусно пахнет!

Он принял у Блейка чашку супа и принялся неторопливо пить. Потом начал тщательно расспрашивать, что Блейк узнал у врача и других членов отряда Саржа.

— Я бы хотел, чтобы вы помогли Саржу, — вырвалось у Блейка. — Дали бы чудодейственных лекарств доку. Здесь они так и не придуманы. Очистили бы город и помогли его восстановить...

На лице Киттсона ясно читался отказ.

— Главное правило нашей службы — не вмешиваться. Мы преследуем Пранджа именно потому, что он это делает. Если и сами будем поступать так же, пусть и с хорошими намерениями, за что же арестовывать его?

— Но он хочет захватить мир и править им, — возразил Блейк. — А вы поможете людям, дадите им лучший шанс на будущее.

— Всегда можно найти достаточно причин для вмешательства, — ответил Киттсон. — Мы не смеем вмешиваться ни с хорошими, ни с плохими намерениями. Что мы знаем о том, какое воздействие на будущее произведет даже наше доброе дело? Допустим, мы поможем временно небольшой группе. В этом мире такое действие все равно что камень, брошенный в пруд: волны от него будут расходиться все дальше и дальше. Мы можем спасти одну-единственную жизнь и тем самым уничтожить в будущем тысячи. Можем предотвратить войну, которая в противном случае привела бы к полному истощению и тем самым установила бы вечный мир на этом уровне. Не нам судить о последствиях наших действий. Мы даем в этом клятву, поступая на службу. Мы только наблюдатели, и к этому нас готовят. На различных уровнях происходит множество самых разных событий, но мы в них не вмешиваемся.

Даже то дело, которым мы сейчас занимаемся, — устранение человека, вмешивающегося в жизнь других уровней, — даже оно опасно близко к границам, за которые мы не решаемся переходить — и ради других, и ради самих себя. Да, мы могли бы дать Саржу лучшее оружие, лекарства, припасы, помощь более развитой цивилизации. Но тем самым мы бы уничтожили его мечту. То, что он и его сторонники создают в муках и страшных усилиях, продержится гораздо дольше, чем все, чего он мог бы достичь с нашей помощью. Мы не должны поставлять костыли и плодить калек. Если ты сумеешь принять такую точку зрения... — Снова Киттсон замолчал, как будто опасаясь, что сказал слишком много. Он допил суп. — Лучше загаси костер. Нам пора идти.

Блейк послушался, не удивившись появлению спустя несколько мгновений Хойта. Он привык к телепатическому общению агентов. Жалел только, что не может в нем участвовать.

— Все под контролем, — объявил Хойт. — С мальчиком будет все в порядке. Хакал продержит его во сне, пока мы не сможем привезти его назад. Пойдем?

Блейк колебался в выборе между ружьем и дробовиком. В конце концов, не доверяя своей меткости, выбрал дробовик.

— Контакт?

Хойт кивнул в ответ на этот краткий вопрос своего начальника.

— Держатся подальше от парка. Передал Сакстон. Стэн обнаружил только один щит. Остальные послушны.

Блейк решил добавить:

— Джек говорит, что на ночь все прячутся. Уже поздно.

Они вышли на улицу, и Киттсон посмотрел на ясное зимнее небо.

— Тогда лучше пойдем, пока еще светло.

Агенты тоже не стали приближаться к парку. Они пошли в даунтаун по параллельной улице в квартале от границ парка. Над ними с криками пролетали птицы, раз или два слышался глухой грохот рушащихся развалин. Тут и там на снегу виднелись следы животных — не только собак, но и других пушистых обитателей руин.

Было странно, необычно идти здесь, когда всего несколько дней назад он проходил по этому же городу — или его двойнику, — полному жизни и деятельности.

Пришлось далеко обходить воронку от бомбы, потом другую, где раньше была подземка. Киттсон свернул направо и пошел быстрее. Тени сгущались. Блейк думал, сколько еще они сумеют пройти, прежде чем путешествие в темноте станет слишком опасным. И вздрогнул, когда белое пятно отделилось от ближайшего сугроба и двинулось им навстречу.

Поверх неуклюжего белого покрова на них смотрело невозмутимое, как всегда, лицо Сакстона, хотя в остальном он ничем не напоминал уважаемого бизнесмена с уровня Блейка.

— Какая встреча! — улыбнулся он Блейку. — Мы направляемся на собрание.

Киттсон хмыкнул, и Хойт спросил:

— Они собираются что-то начать?

— Не только они. — Сакстон стряхнул снег со своей белой одежды. — Я бы сказал, затевается небольшая война. К нашей банде пятнадцать минут назад присоединилась вторая — с другим пленником, они направляются прямо на встречу с третьей в

развалинах к востоку. Но мы не одни выслеживаем их. Я насчитал по меньшей мере еще три группы наблюдателей.

— Это Сарж! — воскликнул Блейк. — Я слышал, он собирается провести крупную операцию против грабителей.

— Осложнения, — заметил Хойт.

Киттсон ничего не сказал, но пошел дальше, по тропе, которая по какой-то случайности оставалась незаваленной. В ее конце широкий бульвар у парка перегораживал барьер. Дойдя до него, агенты не делали попытки двинуться дальше. Киттсон даже оттащил Блейка в тень.

По другую сторону широкой улицы заходящее солнце сверкнуло на металле. Группа людей Саржа?

— Десять. — Губы Хойта неслышно произнесли это слово.

Пальцы Киттсона в перчатке перебирали обломки кирпича. Блейку показалось, что старший агент раздражен этой задержкой.

— Мы должны добраться туда первыми, — сказал Киттсон, вставая.

Они ползли, взбирались, иногда перебежали через открытые участки. Но по большей части держались в укрытиях, постоянно углубляясь в тот район, который некогда был сердцем города. Большинство небоскребов исчезло, груды развалин завалили улицы до уровня второго этажа. Но в этих каменных джунглях всегда можно было найти проходы, и агенты находили их безошибочно.

Блейк заметил, что, в какую бы сторону ни уводили их препятствия, они неизбежно возвращались на прежний курс — направлялись к разбитой башне, напоминающей о Средневековье. Церковь. Он удивился такому выбору ориентира, но остальные шли уверенно.

Становилось все темнее. Они остановились в пещере, которая раньше была витриной большого магазина. Блейк принюхался. В воздухе ощущался слабый запах, еле слышный нечистый запах, источник которого он не мог определить. Три его спутника застыли в напряженной позе «слушающих». Они телепатически обыскивали окрестности.

— В церкви, — сказал Сакстон. — Вокруг часовые. — Его шепот поглотила пустота развалин.

Блейк ничего не слышал. Если поблизости есть какие-то люди, они скрываются так умело, что он не может их обнаружить.

— Позаботься о тех двоих, что на севере, — приказал Киттсон. — Но вначале перехвати их сознание.

— А я возьму того, что в трех кварталах отсюда, — сказал Хойт.

Сакстон натянул капюшон своей белой одежды. И стал невидим на фоне снега.

— Мой одноглазый. — Он произнес это спокойно.

Киттсон вслух ничего не ответил, но оба агента исчезли в темноте, словно унесенные ветром. Старший агент продолжал «слушать». Блейк замерз. Заплатанная одежда, которую ему дали обитатели парка, не спасала от ветра. Он поднес одну руку ко рту, потом другую, согревая их дыханием.

Наконец Киттсон пошевелился. Он молчал, но жестом велел Блейку идти за ним. Они пробрались вдоль края здания, стараясь, когда это возможно, оставаться в тени. Агент остановился у груды обломков размером с небольшой холм. Наверх они поднимались по-пластунски, ползли от одного выступа к другому, пока не взобрались и не смогли взглянуть на окружающую территорию.

По какой-то случайности единственное здание стояло в центре обширного плоского опустошенного пространства. Невозможно было не узнать готические очертания — это церковь, скорее кафедральный собор. В его стенах виднелись неяркие пятна света — это изнутри освещались витражные окна.

Готовясь к долгому холодному дежурству на вершине холма, наблюдатели увидели, как из развалин по другую сторону площади появилась группа людей и уверенно, словно по знакомой территории, двинулась к входу в церковь. Блейк спросил:

— Это штаб Пранджа? Разве он не там, где платформа?

— Да, это штаб. — Киттсон достал что-то вроде бинокля и принялся разглядывать церковную дверь.

Глава 16

Недавняя снежная буря покрыла площадь свежим снегом, на котором четко выделялись следы всех проходящих. Трудно, если не невозможно, напасть на церковь неожиданно.

Киттсон продолжал сосредоточенно разглядывать вход в церковь, но Блейк дрожал на холоде и жалел, что они не выбрали

более защищенное место для наблюдения. Он вздрогнул, когда от земли отделилась белая фигура и направилась к ним. Но Киттсон даже не повернул головы.

— Нам нужно действовать быстро. — Сакстон по-прежнему говорил четко. — Группа из парка окружает весь район. С одним-двумя взводами мы бы справились, но, чтобы сдержать всех, нужен настоящий парапсихолог.

Киттсон ответил нетерпеливым восклицанием на языке, который Блейк не понял, хотя можно было догадаться, что это ругательство.

— Стэна обнаружил? — спросил Киттсон чуть погодя.

— Он в шести кварталах. — Это ответил Хойт. — А здесь что происходит?

— Нечто вроде собрания. Но оно еще не началось.

— Может, мы пришли как раз вовремя, — предположил Сакстон. — Может, он собрал их здесь, чтобы раздать оружие?

— Я знаю не больше твоего. Насколько я уловил, они сами не знают, зачем их собрали. Ходят слухи, что готовится крупное дело. — Киттсон убрал бинокль в футляр.

— Может, обойдем и перехватим главную звезду, прежде чем она выйдет на сцену? — спросил Сакстон, но голос его был заглушен.

Блейк вначале не понял, что слышит. Объяснение настолько ужасно, что мозг отказывался его воспринимать. Вой карги в мире башен был ужасен своей чуждой звероподобностью, но крик, который донесся из церкви, еще страшнее. Его может испустить только человек, испытывающий невероятную боль.

— Эрскин! — Блейк встал на колени, сжимая дробовик онемевшими руками. Но тут его снова стащила вниз стальная рука.

Услышав второй крик, Блейк попытался вырваться. Они не могут оставаться на месте, слушать это и знать, что их друг...

— Это не Эрскин. — Слова пробивались к нему сквозь красную дымку в голове. — Какой-то местный, с которым они развлекаются. — Киттсон говорил ледяным голосом. Этот голос намекал на существование такой глубины страсти, которую Блейк не мог постигнуть.

— Мы должны!.. — Но он не мог вырваться из рук, прижавших его к вершине.

— Мы ничего не сделаем, — резко сказал Киттсон. — Не успеем сделать и двух шагов, как погибнем. Часовые у дверей защищены.

— Марк!

Но Киттсон повернул голову еще до предупреждения Сакстона. Он «слушал», и дыхание его со свистом вырывалось сквозь зубы.

— Хорошо, — прошептал он, — они очищают район.

— А если это отпугнет Пранджа?

Киттсон рассмеялся, но смех его прозвучал невесело.

— Пусть люди Сарджа воспользуются неожиданностью. Они подходят с юга. Ты прав, Джейсон. Мы займемся Пранджем. Его здесь нет, помешаем ему прийти.

Блейк перевел взгляд с одного на другого. Тьма еще не совсем сгустилась, и он видел их лица. Лица непохожие, но выражение одинаковое. Охотники, наблюдающие за тем, как опасный зверь приближается к ловушке. Теперь он слышал звуки в ночи. Скрип неосторожного шага, приглушенный кашель.

— Что?.. — прошептал он.

Объяснил Сакстон, а не Киттсон:

— Люди из парка готовятся к нападению. Мы ради своих целей сняли часовых, и они смогли подобраться незаметно. У них с собой полевое оружие, они устанавливают его так, чтобы разнести церковь на куски. Похоже на настоящий бой. Загнали врага в угол и хотят покончить одним ударом.

— Это вы организовали? — Блейку показалось, что он понял.

Он услышал смешок Сакстона, такой по-человечески теплый, в отличие от смеха Киттсона.

— Некоторым образом. Мы на самом деле не вмешиваемся, ты ведь знаешь, но мы можем вложить одну-две мысли им в голову, и они будут считать их своими. Если удержим Пранджа от соединения с грабителями, пока не начнется бой, сможем вообще изгнать его с этого уровня. Тогда аборигены сами будут искать свою судьбу.

Блейку показалось, что он слышит движение в парке. Как бы хотелось ему обладать способностью агентов невидимо следить за происходящим!

— Пора идти, — объявил Киттсон. — Ты с нами, Уокер. Держись за пояс Сакстона, он тебя поведет.

Они ползли, перебегали, прятались, задыхаясь, в темноте пропуская мимо людей. Агенты использовали свои способности до предела, чтобы их группка не была замечена собирающейся армией. И все время упорно приближались к церкви. Сакстон хорошо знал дорогу, и они переходили от одного пятна тени к другому, избегая открытых заснеженных площадок, на которых были заметны все, кроме проводника в белом.

Блейк не был готов к неожиданной остановке и столкнулся с Сакстоном. Все три агента остановились.

— Сонический барьер! — сказал Киттсон.

— Включен десять минут назад, — отозвался Хойт. — Прандж там. Он сделал по меньшей мере три вылазки за грузом, согласно отчету Эрскина, прежде чем нас отрезало. Стена держат, дожидаясь, пока Прандж покончит с ним позже.

— Надо было предвидеть это, — виновато сказал Киттсон.

— Даже если бы мы знали, что он сумел прихватить соник, — возразил Сакстон, — мы ничего не могли бы сделать. Такой барьер пробить нельзя.

Голос Сакстона звучал подавленно, но Киттсон не сдавался.

— Сомневаюсь. — Он повернулся к Хойту. — Где барьер?

— В конце этой улицы.

Киттсон обратился к Блейку:

— Попробуй пройти до конца этой улицы и пересечь ее. Если сможешь, немедленно возвращайся.

Не понимая, Блейк подчинился приказу. Насколько он мог видеть, впереди не было никакой преграды. Груды обломков не выше, чем другие, через которые они сегодня уже перебирались, а ночь тихая.

Он ступил на растрескавшийся побитый тротуар поперечной улицы. На мгновение его голову пронзил резкий вскрик, шум, который ощущался почти как боль. Но при следующем шаге это ощущение исчезло, и Блейк без колебаний перешел на другую сторону, постоял немного и вернулся назад, к трем ожидавшим его в нескольких шагах от того места, где он услышал шум.

Когда он подошел, Киттсон обратился к остальным:

— Вот ваш ответ. Не думаю, чтобы Прандж переключил на низшие уровни. Иначе он не сможет поддерживать связь с грабителями.

— А он с ними связывается, — подхватил Хойт. — Эрскин докладывает о том, что подносят ящики с оружием. Там пять иксанилиан: трое вельмож и двое слуг в красных плащах.

— Что мне нужно сделать? — спросил Блейк.

— Прандж установил барьер, непроходимый для телепатов. А у тебя были какие-нибудь затруднения? — спросил Киттсон.

— Просто шум. От него заболела голова.

— Он что-то ощутил, — вмешался Сакстон. — У него достаточно пси-способностей, чтобы барьер его беспокоил.

— Но он может пересечь его. — Киттсон нетерпеливо вернулся к главному: — Кто-то должен выключить соник, иначе мы не пройдем.

Блейк устал. Не только его тело, но и мозг оцепенели от усталости. Ему совсем не хотелось идти вперед, ступать в радиус действия силы Пранджа. Но Киттсон ждал от него этого, как будто он был один из его агентов.

— У тебя есть щит, — продолжал Киттсон. — Тот самый, который ты использовал, когда он пытался до тебя добраться. Можешь воспользоваться им еще раз? Думай о себе, как об испуганном беженце, заблудившемся в чужом мире. Он знает, что ты застрял здесь. Может, он даже ждет твоего появления.

— Думает, я приду в надежде найти платформу?

— Вот именно! — воскликнул Хойт с энтузиазмом, которого сам Блейк не испытывал.

— Ну хорошо, — устало согласился он. — На что похож этот соник и как его отключить?

Объяснил Сакстон:

— Это черный металлический ящик примерно в кубический фут. На крышке небольшая кристаллическая выпуклость. Тебе проще всего разбить ее. Как только ты это сделаешь, мы сможем появиться.

Хойт расстегнул куртку и достал котенка.

— Прандж боится кошек, у него это что-то вроде мании. Котенок поступит так, как я его научил. У тебя не может быть оружия, но Миссус поможет.

Блейк отложил дробовик, ножи и пистолет и посадил котенка за пазуху. Чувствуя себя беззащитным и голым, он двинулся туда, куда указывал Хойт. И уже вторично преодолел барьер, когда увидел впереди слабое зеленоватое свечение и услышал негромкое гудение. Недалеко используют платформу.

Он заставил себя не думать об этом, напротив, все мысли сосредоточил на том, что заблудился, что он испуган и одинок, очень одинок. Он пытался нарисовать картину последних двух дней, которая удовлетворила бы Пранджа — пусть всего на одно-два мгновения, необходимые, чтобы дать возможность агентам выступить на сцену.

Блейк обогнул груды мусора и увидел перед собой отверстие, ведущее в подвал. Именно через это отверстие он выбрался в этот мир. Из отверстия лился свет и слышался гул голосов. Блейк перевел дыхание. Потом пошатнулся, проверяя, насколько можно шататься, не теряя равновесия.

Голод, холод, одиночество, страх — он пытался ощущать только это, ни о чем другом не думать, испытывать только эти чувства. И, спотыкаясь, двинулся к отверстию, из которого исходил чуждый голубоватый свет.

Иксанилиане не обладали пси-способностями, они не были готовы к появлению оборванной фигуры, которая почти упала через порог. Блейк замигал в свете переносных ламп. Ослепленный, он с трудом различал смотревших на него в изумлении людей. Это смуглые высокомерные иксанилиане, которых он последний раз видел в здании лаборатории, и двое их слуг в красных плащах. А у столба со связанными руками стоит Эрскин, из его разбитого рта течет кровь, лицо почернело от синяков.

Один из слуг привычным движением схватил Блейка за руки и завел их за спину. Вельможи посовещались гортанными головами, речь их была непонятна пленнику. Блейк попытался использовать прием, которому когда-то давно обучил его Дэн Уокер. Он напряг запястья, когда ему их связывали. И был почти уверен, что с некоторыми усилиями сумеет освободиться от пут. Презрительный толчок бросил его на колени лицом к Эрскину. Один из слуг стоял поблизости, но не обращал на пленников особого внимания. Было очевидно, что иксанилиане не ждут от них неприятностей.

Блейк посмотрел на Эрскина. Светлые глаза того на мгновение поймали его взгляд и повелительно указали куда-то за плечо. Блейк позволил себе упасть. Слуга подошел, посмотрел ему в лицо и ударил ногой по ребрам, на что пленник ответил криком боли. Но Блейк нашел то, что хотел. На краю груды мусора, загораживающей платформу, рядом с ящиками, которые деловито открывал второй слуга, стоял описанный Сакстоном прибор.

Теперь нужно придумать, как к нему подобраться. Котенок зашевелился на груди у Блейка. Крошечные коготки впились в кожу сквозь одежду.

Слуга-иксанилианин доставал из ящиков ружья — непривычно выглядящие, тупые, похожие на огнеметы из мира Блейка. Вооружившись ими, грабители легко сотрут с лица земли поселок в парке.

Блейк испытал прочность пут. Поворачивая запястья, он почувствовал, как руки освобождаются. Так и объяснял ему Дэн. Котенок начинал беспокоиться, и Блейк опасался, что кто-нибудь заметит движение у него под курткой.

Иксанилиане разговаривали друг с другом. Один из дворян передал другим длинные коричневые сигареты, и в помещении с низким потолком запахло едким дымом. Но чужаки, несмотря на внешнюю беззаботность, оставались настороженными.

Блейк пытался расслабиться. Но тут предупреждение ножом ударило его сознание. Прандж, должно быть, приближается!

Зеленое свечение за грудой... гул... Как только свечение исчезло, двое в красных плащах принялись действовать. Блейк воспользовался их занятостью, чтобы освободить руки. И тут в подвале показался Прандж в одежде иксанилианского дворянина.

Маска Лефти Коннерса исчезла. Теперь это был тот самый человек, изображение которого агенты показывали Блейку. Он излучал силу и самоуверенность. Прандж слегка улыбался, словно его забавляла необходимость действовать, сдерживая свои силы.

Иксанилиане обратили его внимание на Блейка. Прандж упруго подошел к американцу и остановился над ним. Блейк содрогнулся, и не только физически, но и умственно, от наце-

ленного удара мысли. Но у него было время подготовиться. Одинок... испуган... голоден... одинок...

Он отгородился от всяких мыслей, только чувствовал. Страх... страх перед этим человеком, перед изменившимся Лефти... страх... одиночество...

Прандж рассмеялся. Если бы Блейк слышал только этот смех, он мог бы даже счесть его добродушным. Но он видел и жестокую улыбку — скорее в глазах, чем на губах.

— Назад прямо в сеть.

Вслух ли произнесены эти слова? Холод... голод... страх... Чувствовать. Не думать, только чувствовать...

— Займись тобой позже.

Прандж отвернулся, и Блейк огромным усилием сдержал ощущение торжества. Руки у него свободны. Теперь нужно улучшить момент и воспользоваться им — всего один момент!

Возбужденные голоса иксанилиан не заглушали шума, с которым слуги в красных плащах тащили ящики. Прандж привез много груза.

И тут произошло то, о чем молил Блейк, — отвлечение. Отдаленный гул — тупой, зловещий. Все в подвале смолкли. Дворяне и слуги столпились у дверей, выглядывая наружу. Блейк распахнул куртку.

Второй удар прозвучал гораздо громче. Блейк, держа в руках бьющегося котенка, подобрал под себя ноги, готовясь к прыжку в сторону соника.

Прандж развернулся. И в тот же момент Блейк прыгнул. Он выпустил котенка перед преступником и отпрыгнул влево.

Послышался крик, но Блейк видел только соник. Он споткнулся, но вытянул руку, падая, и задел пальцами за край куба. Толчок, хоть и не сильный, отодвинул прибор за груды приоткрытых оружейных ящиков, и на него сверху упало ружье. Блейк пытался дотянуться, но тут что-то сильно ударило его в спину, и он погрузился в темноту.

Волны звуков сливались в неразборчивый гул. Блейк слышал какие-то крики. Кто-то споткнулся о него и упал, Блейк застонал. И тут человек, который придавил его, дернулся, закричал, и Блейк почувствовал вонь горящей плоти и ткани.

Он замер, понимая, что в подвале развернулся бой, не смея пошевеливаться: движения только усиливали боль. В поле его зрения лежал один из иксанилиан-дворян, другой — в дверях. Через его тело перешагнул Хойт.

Итак, у него получилось. Ружье, упавшее на прибор, разбило кристалл.

Выстрел из полевой пушки сопровождался ружейным треском. Блейку хотелось вдавиться в каменный пол. Но мертвое тело продолжало придавливать его, и он не мог выбраться.

Показался Прандж. Он держал перед собой вытянутую руку, и на его ладони лежал ярко-голубой овоид. Зубы Пранджа были оскалены в выражении безумного гнева. Искаженное лицо более не принадлежало нормальному человеку. Преступник стал вдвойне опасен.

Руку, на которой лежал овоид, он поддерживал другой, словно этот предмет был таким хрупким и драгоценным, что его нельзя тряссти. В подвале стало тихо. Как будто все в нем тоже думали о безопасности голубого шара, как и тот, кто его нес.

Прандж продолжал пятиться к платформе. Хойт так же молча двигался за ним, а еще дальше — Киттсон. У них в руках было оружие, но стволы смотрели в пол.

Преступник безумно расхохотался. Потом подбросил овоид в воздух и прыгнул к платформе. Хойт устремился за ним с криком голодного хищника, нападающего на добычу. Но Киттсон остался на месте, взгляд его не отрывался от голубого шара. Шар направился к нему и остановился в воздухе, словно удерживаемый невидимой сетью. По щеке, обращенной к Блейку, текла струйка пота, но агент продолжал пристально смотреть на шар. Он словно держал его одной своей силой воли.

Зеленое свечение и гул платформы не нарушили сосредоточенности Киттсона. Показался Эрскин и попытался к выходу. Одной рукой он гладил испуганного котенка. И тут с Блейка стасшили тяжесть, его самого схватили под мышки, вызвав у него сдавленный крик боли, и потянули наружу. Тасшил его Сакстон, у дверей ему помог Эрскин, хотя и сам страшно устал. Иксанилиане лежали неподвижно. Киттсон стоял под овоидом.

— Я перехватываю, — сказал Сакстон. — Давай!

Киттсон отпрыгнул, шар дрогнул, опустился на дюйм и снова застыл неподвижно. Киттсон, как ребенка, поднял американца и вышел с ним наружу двумя большими шагами. Здесь ждал Эрскин. Показался и Сакстон. Он пятился, не отрывая взгляда от точки в потолке подвала.

Вместе с Блейком Киттсон скрылся за соседней стеной, к ним присоединился Эрскин. И в тот момент, когда рядом показался Сакстон, мир раскололся с ужасающим грохотом и блеском.

Глава 17

Отдаленные выстрелы полевой пушки слышались теперь регулярно в сопровождении ружейного огня. Блейк лежал лицом вниз на неустойчивом основании, оно под ним раскачивалось и наклонялось. Он не понимал, что происходит, но удовлетворялся простым ожиданием.

— Звуки полномасштабной войны. — Слова доносились откуда-то сверху.

— Это отвлечет внимание всех — по крайней мере на время, — ответное замечание.

— Д-бомба запечатала его выход.

— Будем надеяться! — В этих словах звучала неуверенность. — Нам нужно поскорее добраться до Иксанилии.

Блейк находился в полубессознательном состоянии. Время от времени он приходил в себя, видел впереди тропу, по которой его несли в импровизированных носилках. Продвигались через развалины со скоростью, которую он счел бы немислимой. Но прежде чем они достигли цели, небо посерело. Когда носилки наконец опустили и те, кто их нес, отодвинулись, Блейк с трудом сел.

— Снова с нами? — Это спросил Эрскин откуда-то из-за пределов поля зрения.

— Где мы? Что случилось? — Блейк задал два самых главных вопроса, и Эрскин ответил вначале на второй:

— Прандж взорвал собственную станцию. Мы отправляемся за ним.

У Блейка от боли в спине перехватило дыхание. Он держался за стены руками, дожидаясь, пока они перестанут качаться. Хотя над головой было открытое небо, с которого шел мелкий снег, перед ним был металлический куб размером с небольшую комнату. В тот момент, как Блейк справился с головокружением и пристальнее посмотрел на куб, в его стене открылась дверь и оттуда показался Киттсон. На лице старшего агента было нетерпеливое выражение.

— Есть сообщения от Хойта? — спросил Эрскин.

— Он в Иксанилии.

— Время...

Киттсон кивнул.

— Да, теперь вопрос времени. Если бы Хойт не был с ним, было бы еще хуже. Ну, у нас нет выбора. Нужно идти за ним.

Он наклонился к Блейку, словно американец — какой-то ценный багаж, который нельзя бросать. Протянул руку, но Блейк уже встал. Когда Эрскин направился к кубу, Блейк, против желания поддерживаемый Киттсоном, пошел туда же. Внутри куба он почти не обнаружил сходства с платформой Пранджа. Контрольный щит, мягкие сиденья, шкафы для припасов.

Блейк упал на ближайшее сиденье и пригнулся, чтобы не касаться спиной поверхности. Гул знакомый, но зеленого свечения нет. Киттсон занял место перед щитом, хмуро и внимательно глядя на шкалу.

Эрскин, чье лицо еще было покрыто кровоподтеками, сидел в другом кресле, словно ему было все равно, куда они направляются. Но Сакстон был напряжен, он держал в руках оружие, похожее на лучевые ружья иксанилиан.

— Площадки на всем пути свободны? — спросил он.

— Должны быть, — ответил Киттсон. — Алон проверил их во время испытательного рейса еще до того, как нам поручили это дело.

— Нам бы не повезло, если бы площадка у иксанилиан оказалась занятой, — ядовито сказал Эрскин. — Не хотел бы я материализоваться в середине бетонного блока. Сейчас половина пятого утра. У нас не больше получаса, чтобы появиться незамеченными.

Блейк не мог заглянуть за стены куба, он снова испытал странное ощущение отделенности от времени и пространства. И понял, что они перемещаются между уровнями. Киттсон нажал кнопку, и это ощущение исчезло. Они снова в нормальном времени.

— Все чисто, — объявил старший агент. Он подобрал такое же, как у Сакстона, лучевое ружье, прежде чем открыть дверь куба. — Склад, — сообщил он остальным. Сакстон был уже готов к выходу. Но Эрскин поднимался медленнее.

Киттсон вернулся к Блейку. Долго разглядывал американца. Блейк с усилием распрямылся и постарался ответить уверенным взглядом. Потом Киттсон помог ему встать и пересадил его, не спрашивая, к приборам. Устроив там молодого человека, агент достал из кармана тубик и вытряхнул оттуда капсулу.

— Подержи под языком, — приказал он. — Пусть растворяется медленно.

Блейк взял капсулу в рот. Но Киттсон еще не кончил с ним. Он взял правую руку Блейка и положил ее на приборы под кнопкой, в которой горел внутренний огонек.

— Если получишь приказ, — сказал он, — нажмешь на нее. Понятно?

Блейк, рот которого был занят капсулой, кивнул, и Киттсон, казалось, удовлетворился. Трое агентов вышли, и Блейк остался один.

Странно, но постепенно в голове у него прояснялось, боль в спине исчезла, и он смог изменить позу. Он попытался вспомнить, что же произошло, но большая часть воспоминаний о ночи смешивалась. Он устал сидеть, смотреть на кнопку, ждать. Устал и проголодался. Он хочет только, чтобы ему позволили уснуть... уснуть...

Куб под ним покачнулся. Блейк одной рукой схватился за стул, а другой — за контрольный щит. Землетрясение! Такой удар можно объяснить только землетрясением! Может, он по какой-то ужасной ошибке нажал кнопку и отправил куб в путь? Нет, пальцы его по-прежнему в добрых трех дюймах от кнопки.

Грохот заставил его оглянуться. Эрскин ввалился в дверь, за ним ворвался Сакстон, остановился, помогая встать Эрскину, и бросил его в одно из кресел. Отдуваясь, он крикнул Блейку:

— Приготовься!

Но это впечатляющее появление уже послужило достаточным предупреждением. Пальцы Блейка лежали на кнопке, когда показался Киттсон и начал закрывать дверь. Он дал долгожданный приказ:

— Ну хорошо. Отправляемся!

Снова гул, вихрь, слабая тошнота.

— Два выхода запечатаны, — сказал Эрскин, восстанавливая дыхание. — Теперь номер три?

— Мы заставили его побегать, — согласился Сакстон.

— Ты хочешь сказать, Хойт заставил, — ответил Эрскин. И в голосе его звучала тревога.

Чувствуя себя с каждой минутой лучше, Блейк хотел задать несколько вопросов, но первый же взгляд сказал ему, что трое агентов находятся в состоянии неслышимой связи. Может, они связываются с Хойтом? А куда направляются теперь? На свой собственный уровень?

Блейк не замечал, что они добрались до цели, пока Киттсон не встал. Но потом смог самостоятельно вслед за другими выйти во вполне обычный подвал. Старший агент взглянул на свои часы.

— Восемь тридцать. «Хрустальная птица» закрыта. Но есть еще магазин, который снимает Лейк. Он через площадь.

Эрскин устало прислонился к стене.

— Он считает все это законным. Прандж держит его под контролем.

Киттсон обратился к Блейку:

— Когда тебя схватили, ввели ли в магазин одежды напротив?

Блейк мигнул. Встреча с бандой Скаппы была так далеко в прошлом, что ему потребовались усилия, чтобы вспомнить подробности.

— Наверное, да. Но меня туда отвезли в каком-то ящике. Так что ручаться не могу.

— Эти магазины обычно открываются в десять. — Киттсон снова посмотрел на часы и вышел. Остальные за ним.

Они вышли из подвала на первый этаж дома на Патрун Плейс. Кухня была пуста, ни следа поварахи или уборщицы.

Все здание производило впечатление покинутого. Окна затянуты занавесками, отчего внутри полутемно. Агенты и не подумали включать свет.

Видны приготовленные к отправке ящики. Все прошли мимо них в главный коридор впереди здания. Эрскин зажег свет в нем и в маленькой ванной. Увидев в зеркале свое избитое лицо, он присвистнул.

— Работа мясника, — пробормотал он и начал раздеваться, положив спящего котенка в мягкое кресло.

Киттсон достал сумку первой помощи, а Сакстон удивительно осторожными движениями помог раздеться Блейку. Блейка уложили на диван лицом вниз, и старший агент занялся его спиной. Действие капсулы продолжалось, и Блейк почти не ощущал прикосновений. Наконец, наложив на ожог толстый слой мази, Киттсон позволил Блейку отдохнуть.

— Его задело краем, — заметил Эрскин.

— К счастью. Теперь продержится, пока его не осмотрит Клавен, — ответил Киттсон.

— Клавен? — В голосе Эрскина звучало удивление.

— А ты можешь предложить другой выход? — нетерпеливо спросил старший агент. Но не получил ответа.

— Завтрак. — Вошел Сакстон с полным подносом.

Блейк сел. Большая часть усталости прошла, и он теперь был скорее голоден, чем устал. Пища незнакомая. Он предположил, что это рацион с уровня агентов. Но кофе было с его собственного мира, и он с благодарностью принял за обжигающий напиток.

Освеженный, он переоделся в одежду, которую дал ему Киттсон: брюки, фланелевая рубашка, куртка, достаточно свободная, чтобы не натирать спину. Лицо Эрскина стало похоже на нормальное, хотя один глаз заплыл и губа сильно распухла.

Они быстро поели, и Киттсон снова посмотрел на часы. Прежде чем они смогли проглотить последний кусок, он уже встал и пошел в гараж.

Задом вывел фургон, все сели в него. Блейк решил, что им предстоит вторжение на базу Пранджа. Но никакого предупреждения об опасности не чувствовал. Может, лекарство, которое ему дали, лишило его этой способности?

Киттсон повернул машину в парк, и Блейк на какое-то мгновение подумал, что они обгонят силы Саржа. Трудно было двигаться по этой дороге и помнить, что это не тот мир, что это всего лишь полоса искусственно созданного дикого леса.

Кварталы, в которых расположены «Хрустальная птица» и магазин одежды, в эти утренние часы тихи. Один или два человека стояли на автобусной остановке, но ни в клубе, ни в магазине не видно ни следа жизни. Киттсон остановил машину у обочины рядом с магазином.

— Все чисто, — вслух доложил Эрскин. — Внутри никого.

Старший агент поднялся по небольшой лестнице к главному входу. На секунду прикрыл замок рукой и уверенно открыл дверь. Перед ними оказался длинный коридор, уходящий к задней стене дома. Не обращая внимания на двери по обеим сторонам, они прошли до лестницы и спустились туда, где раньше находились кухня и служебные помещения. Тут обнаружили вторую лестницу и по ней прошли в подвал. Сакстон направил на пол луч фонарика, осветив отверстие, похожее на колодец.

Киттсон наклонился и провел рукой по краям крышки, потом медленно поднял руку, и крышка со щелчком открылась. Один за другим они спрыгнули вниз. Здесь коридор между грубых кирпичных стен уходил прямо вперед. Они прошли две трети его, когда Блейк понял, что способность его не исчезла. Он схватил Эрскина за руку.

— Здесь Прандж.

Никто ему не ответил, даже не замедлил хода. Но когда они свернули за угол, впереди показался свет, и Блейк увидел отверстие, ведущее туда, где Прандж прятал свою платформу.

— Двое — с защитой — идут, — предупредил Эрскин.

Киттсон прошел в помещение, Сакстон за ним. Блейк колебался. Он один безоружный. Эрскин был за ним, он прислонился к стене с лучевым ружьем наготове. Блейк не видел возможности самому остаться часовым и потому прошел за остальными.

И увидел платформу. На ней скорчился Прандж, оскалив зубы, с красноватым огнем в глазах. На коленях у него лежало лучевое ружье, он нацелил его на Хойта. Лицо рыжеволосого агента осунулось и похудело. У него был вид человека, находящегося на пределе сил. Но взгляд его не отрывался от преступника.

Блейк начал понимать. Пси-сила одного держала другого невидимыми путами. И пока она сохраняется, противник не может двинуться. И ни одна из этих застывших фигур не обратила внимания на вошедших.

Последовала битва, такая необычная, такая невероятная, что и вообразить себе невозможно даже в кошмарном сне. Агенты не пытались победить Пранджа физически, они даже не приближались к платформе. Но Блейк чувствовал, что схватываются невидимые силы.

Один раз ружье выскользнуло из рук Сакстона, повисло в воздухе и повернулось стволом к хозяину, но тут же со стуком упало на пол. Сакстон не сделал попытки подобрать его. Оранжево-красный огненный шар материализовался в центре комнаты, пролетел над головой Киттсона и взорвался в фонтане тут же погасших искр. В комнате потемнело, стало совсем темно, затем снова осветлело.

Потом из-под платформы выползла тварь — отвратительная помесь ящерицы и змеи, с когтями на лапах, с раздвоенным языком между острыми клыками. Приближаясь, она становилась все более материальной и страшной. И вот ее язык коснулся ноги Хойта. Но тот не обращал внимания. Тварь с шипением прыгнула на него — и исчезла!

Блейк прижался к стене. Он был уверен, что это иллюзии, необычное оружие. Но с какой целью они создаются? Чтобы отвлечь бойцов?

Прандж по-прежнему сидел на платформе, улыбаясь крысиным оскалом. Он не был побежден, по-прежнему выдерживал натиск агентов. Нападение произошло из коридора. Выстрел, еще один — крик. Никто из трех агентов в комнате не шевельнулся.

Эрскин! Неужели Эрскин?..

Но для преступника происходящее о чем-то свидетельствовало. Он повернулся к двери, крича:

— Сюда, Скаппа!

Но словно наткнулся на невидимую стену, ударился с силой и от удара упал на пол. Агенты, выйдя из состояния транса, быстро принялись за работу. Хойт завел руки Пранджа за спину и связал полоской металла, которую держал наготове Киттсон.

Потом старший агент набросил на голову пленника серебристый капюшон.

В дверях показался Эрскин.

— Закончили?

— Сколько там было? — спросил Киттсон.

— Трое. Мне кажется, больше ни у кого нет защиты.

— Ну, если останется, отловим позже, — решил командир. —

Когда Прандж будет на Вруме, можно послать вспомогательный отряд.

Сакстон надел ремень ружья на плечо. Вместе с Хойтом он перенес обвисшее тело преступника на платформу. Когда все трое оказались на платформе, Сакстон небрежно махнул рукой и взялся за приборы. Вспыхнуло зеленоватое сияние, и все они исчезли из виду.

Эрскин потянулся.

— Можно уходить?

Киттсон кивнул. Они вышли в коридор, в котором лежали три тела. Агенты не посмотрели на мертвых приспешников Пранджа, как не смотрели на иксанилианских дворян. Киттсон повернулся лицом к помещению, в котором скрывалась платформа. Он поднял руку и провел по краям стальной двери. Она закрылась, преградив доступ в коридор. Дверь словно приварили, и Блейк сомневался, чтобы ее можно было снова открыть.

Они вернулись в подвал магазина. И снова Киттсон прочно закрыл вход. Сверху слышались шаги, гул голосов, но никто из агентов не проявлял беспокойства. Блейк снова ощутил усталость и с трудом тащился за остальными. Они поднялись на следующий этаж.

По коридору, ведущему на улицу, шла женщина. Она смотрела прямо сквозь них троих и свернула в боковую комнату без следа тревоги. Снаружи ждал фургон, все сели в него.

— Чистое «удовлетворительное решение», — заметил Эрскин.

— Не совсем, — поправил командир.

Блейк наклонился вперед, поставив локти на колени, положив подбородок на руки. Ему хотелось спать, глаза слипались. С того момента, как исчезли Прандж и его сопровождающие, он чувствовал все более сильное оцепенение — и не только в теле,

но и в сознании. Его больше ничего не интересовало, кроме отдыха.

Когда они вернулись на Патрун Плейс, он на время вышел из оцепенения и впервые подумал, а что будет с ним. По пальцам сосчитал дни недели. Приключение началось только в прошлый понедельник. Сколько он испытал с тех пор! И почему-то был уверен, что никогда не вернется к прежней жизни, какой жил до того, как открыл дверь своего номера.

Внутри Киттсон сразу направился в подвал, остальные за ним. И только когда они достигли средства для перемещения между уровнями, старший агент заговорил с Блейком:

— Мы не можем оставить тебя здесь.

Он не стал ждать ответа.

— С открытым мозгом, как у Джека, мы можем справиться. Его вернут в его мир, и он будет помнить, что ты погиб при взрыве дома. Но барьер в твоём сознании не даёт нам сделать то же с тобой. А с тем, что ты знаешь, тебя оставлять нельзя. Поэтому, — он заколебался — впервые с тех пор, как Блейк с ним познакомился, — поэтому нам придётся нарушить наше первое правило и взять тебя с собой.

Он подождал, словно ожидал услышать возражения. Но Блейк, испытывая усталость и странное ощущение, что другого выхода у него нет, ничего не сказал. Они вошли в куб. За миром, который знал Блейк, закрылась дверь. Но он даже не повернул головы.

Эпилог

Инспектор внимательно изучал текст на экране. Дело закрыто. И только из чистого любопытства он вызвал его сегодня утром. У него слабость — он любит знать, чем все кончилось.

Дело 4678 — увидев запись «решение удовлетворительное», он захотел прочесть остальное. И, прочитав документ, беззвучно свистнул. Действительно уникальный случай! Нужно проследить, чтобы этот достойный сожаления прецедент не повторялся.

«... как уже сообщалось Совету — отчеты с девятого по двенадцатый, подписанные агентами группы, — у нас не было другого выхода, кроме как увезти этого индивида с мира Е 641 на Врум. В своем отчете (см. приложение) старший парапсихолог Аван То Кимал подтверждает, что субъект обладает способностями к предвидению и природным защитным барьером 10-й степени — барьер такой силы до сих пор ни разу не наблюдался. Есть основания подозревать, что субъект происходит с неисследованного уровня ЕХ508, который был уничтожен цепной реакцией около двадцати лет назад. Обстоятельства появления объекта в мире Е 641 подозрительны, а ЕХ508 находился на краю открытия путешествий между уровнями, когда разгорелась последняя уничтожительная война. В настоящий момент ст. парапсихолог Кимал расследует этот случай.

Будучи не в состоянии оставить субъекта с ложными воспоминаниями на Е 641, мы взяли его с собой на Врум. Субъект, хоть и молодого возраста, скрытен и сохранял нашу тайну не хуже любого рекрута. Он обнаружил уровень Нео14, еще не исследованный. Вдобавок он обладает хорошими приспособительными способностями и другими ценными качествами.

Согласно мнению всех членов группы, субъект обладает задатками агента, хотя и не происходит из нашего времени и от нашей расы. Мы все рекомендуем его для дальнейшей подготовки и зачисления на службу».

Ну и конец! Инспектор постарался запомнить — Блейк Уокер. Интересно будет проследить за его дальнейшей судьбой.

Он нажал кнопку, и экран очистился. «Удовлетворительное решение» — оно всегда устраивает службу. Чем больше таких дел можно представить Совету, тем лучше. Инспектор зевнул и приготовился закрыть кабинет. Блейк Уокер — посмотрим это имя, скажем, через три-четыре года...

**ПОИСК
НА ПЕРЕКРЕСТКЕ
ВРЕМЕН**

*Ричарду Беню,
который первым изобразил
«стерильные» миры.*

Глава 1

Окружающая местность вызывала отвращение. Не из-за недавних разрушений: напротив, скалистая пустыня была заглажена ветром, бурями и водой за прошедшие столетия. Но серые, красно-коричневые и известняково-белые слои были всего лишь голым камнем. И цвета у них неяркие, смешанные. Даже морские волны, которые с силой обрушивались на основание утеса, были сегодня, под нависающими тучами очередной бури, стального цвета. Эта планета совершенно чужда жизни, которая сосредоточилась в нескольких зеленых полусферах в речной долине внизу; планета, не населенная людьми, животными, птицами, рептилиями, даже простейшими формами клеточной жизни, которые могут плавать в воде. Планета, на которую никогда не попадали споры жизни; она оставалась стерильной скалой, пока человек с его вечным стремлением к переменам не решил потревожить ее аскетизм.

Приближается сильная буря. Марфи Роган посмотрела на клубящиеся тучи, оценила принесенные ими растущие сумерки. Глупо здесь задерживаться. И все же...

Она не встала. Напротив, наклонилась вперед в своей расщелине, положила голову на руку, прижалась плечом к жесткой поверхности скалы. Тело ее напряглось от усилий, которые она вложила в свой поиск. То, что началось как легкое беспокойство, давно разгорелось в пламя страха.

— Марва! — Губы ее беззвучно шевелились, когда она посылала призыв — призыв не речевой, другой, — посылала в обширную пустыню этого безжизненного мира последовательности. Рев моря заглушил бы звук, но не мог заглушить ее мысленного посыла — от мозга к мозгу. Однако ответа не было.

И это молчание противоречит тому, на чем основан ее страх. Потому что наряду с другим оборудованием, прикрепленным к ее рабочему поясу, есть и небольшой прибор. Он продолжает безмятежно подавать сигналы, сообщая, что все в порядке, что Марва, на которую он настроен, как обычно, занимается своим делом. На которую он был настроен...

Всякое изменение в этой персональной настройке означает преднамеренное вмешательство. И какова может быть причина такого безумного поступка? Естественно, ушедшие в полевую экспедицию укроются при приближении бури и не будут пытаться вернуться в Центр. Но расстояние не преграда для связи сестер — разумное расстояние. А коптер не имеет горючего и другого оборудования для длительного перелета над бесконечной скальной пустыней.

Личный диск Марвы сообщает, что все в порядке, но мозг Марфи и ее внутреннее чувство яростно противостоят этому. А она больше полагается на свои чувства. Однако диск говорит иное.

Если бы внизу в лагере распоряжался кто-то другой, а не Исин Кутур, Марфи еще час назад поделилась бы своей тревогой. Но он так ясно показал, что недоволен их прилетом, что немедленно и с удовольствием ухватится за любой предлог, который позволит посадить их в межуровневый шаттл и избавиться от них, что она не пошла вниз. И поступила трусливо. Потому что если ее подозрения оправдаются...

Марфи подняла голову. Ветер спутал тонкие светлые волосы, на лице нет обычного яркого узора на щеках и на лбу. Она закрыла глаза, чтобы лучше «видеть» то, что составляет иное, внутреннее чувство, занятое лихорадочным поиском. Тонкие черты лица, кожа цвета слоновой кости, только тесно сжатые губы выделяются цветным пятном, лицо — результат сотен лет и многих поколений тщательного ухода и заботы. В своем скальном окружении девушка кажется фантастическим цветком, выросшим на камне.

— Марва! — Беззвучный призыв звучит воплем. Ответа нет.

Ищущие пальцы ветра тянут ее. Марфи раскрыла глаза в тот момент, когда капли дождя со все увеличивающейся силой начали падать на камни. Сейчас она все равно не может спустить-

ся в лагерь: не решится спорить с силой бури, с этим грозящим затопить потоком. В своем стремлении уйти от наблюдения в лагере она поступила одновременно разумно и неразумно: неразумно, потому что теперь снизу ее не видят и вообще потеряли с ней связь; разумно, потому что глубокая ниша дает неплохую защиту от бури.

И вот, забившись в глубокую расселину, она не видит взволнованного моря, не видит ничего, кроме серого неба, озаряемого ослепительными вспышками молний. Судя по прошлому опыту таких бурь, ей предстоит провести в укрытии не меньше часа.

— Марва! — Она в последний раз отправляет призыв и ждет с утасоющей надеждой.

Марва вопреки сигналу прибора «все в порядке» не вступает в связь. Но диск продолжает утверждать, что она здесь, недалеко, и у нее все хорошо. Следовательно, диск лжет. А это в соответствии со всем, чему учили Марфи, невозможно!

Перед тем как они пересекли миры и прибыли в этот Проект, их подготовили самым тщательным образом, познакомили со всеми защитными приборами и приспособлениями. А Марва, хоть и склонная к авантюрам и не терпящая контроля над собой, совсем не безрассудна. Да и не начала бы сестра новое приключение без Марфи: во всех важных делах они всегда действовали вместе.

К тому же нет никаких причин, для того чтобы на этой планете — и на мириадах других планет, открытых для них, — нет никаких причин вмешиваться в их действия и выводить из строя приборы личной безопасности. Как ни негодует из-за их приезда Кутур, в его собственных интересах проследить, чтобы с ними обращались, как положено с людьми Сотни. Они ведь дочери Эрка Рогана, прибыли с его официального разрешения и по тщательно рассчитанному пересечению миров, прибыли в поисках знаний.

Если только... Голова Марфи дернулась от внезапной мысли. Если только ограничители... Она слизала капли дождя с губ. Марва часто обвиняла ее в излишней подозрительности. Они близнецы, у них многое совпадает, но есть и фундаментальные отличия в эмоциях, духе, интеллекте; они индивидуумы,

а не две половинки расколотого целого. Ограничители — это партия, основным требованием которой является строжайшее ограничение путешествий с пересечением времени. А контроль должен осуществлять комитет, созданный по предложению То`Кекропса. А это все равно что сам То`Кекропс и верные ему люди. И если случится инцидент, который станет известен общественности, инцидент, доказывающий опасность исследований на пересечении времен, необходимость строгого контроля; инцидент с членом Сотни или с членами семьи кого-то из Сотни... Марфи затаила дыхание, застыла. Но То`Кекропс не посмеет! И как он может вмешаться?

Нет возможности попасть на эту планету последовательно, как только через лагерь. И нет средств связи, кроме правительственных шаттлов. К тому же персонал Проекта не любит ограничителей. При новом режиме их эксперимент будет закрыт в числе первых.

Марва...

Буря яростно бушевала вокруг и над маленьким убежищем Марфи. В библиотеке Штаб-квартиры пересечений времени она видела ленты с записями таких бурь. Прошло четыре столетия — нет, пять, — с тех пор, как ее народ раскрыл ворота времени Врума и двинулся — не назад и не вперед, а поперек ткани лет, чтобы посетить другие миры последовательности, чья история ответвляется от истории Врума и уходит от него все дальше и дальше. Потому что от решений, принимаемых людьми, иногда от смерти одного человека, миры разделяются, отделяются, делятся и делятся снова, получается поразительная паутина дорог во времени, и среди них есть такие, что те, кто по ним идет, перестают быть людьми в том смысле, какой Марфи и ее народ вкладывают в понятие «человек».

А это один из самых странных альтернативных миров, такой, в котором даже не возникали первые клетки жизни: здесь лишь вода, камень, почва, ветер, дождь, солнце. Но ничего живого или растущего. И вот создан Проект, который должен засеять жизнь при контролируемых условиях. Этот эксперимент — гордость большой группы лучших ученых, куда входят двадцать из правящей Сотни. Нет, персонал Проекта не сделает ничего та-

кого, что могло бы поставить под угрозу то, что предпринимается здесь.

Марва в последние дни была беспокойной. Ей нравятся люди. И хочется побывать на других уровнях, где есть что-то помимо безжизненной пустыни. Сестры уже совершили две таких поездки, дав клятву подчиняться приказам, и оба раза Марва была разочарована ограничениями и ничтожными возможностями, которые им предоставляли. Здесь им позволили большую свободу, потому что тут нет аборигенов, которым они могли бы невольно открыться.

Итак... Но времени для размышлений нет, хотя воображение подсказывает Марфи все новые возможные объяснения, каждое последующее чуть экзотичней предыдущего. Она приняла решение: как только буря кончится, пойдет напрямик к Кутуру. И потребует то, чего требовать не собиралась, узнав, что согласие Кутура на просьбу Эрка Рогана об их приезде было вынужденным; потребует права на немедленную связь и обратится с просьбой... к кому?

Эрк Роган где-то на уровнях, осматривает терминалы миров последовательности, проверяет, нет ли поводов для ограничителей снова поднять свой вопрос на следующей конференции. Она может поймать его на любой из полусотни станций. Но пришлось бы оставить сообщения на каждой станции, а она не осмеливается занимать линии связи без крайней необходимости. Сами эти сообщения вызовут комментарии и тревогу во всей системе пересечения времени.

Тогда к кому? Может быть, к Кому Варлту? Она знает Кома с того времени, когда он еще был помощником патрульного и только что закончил обучение. Им с Марвой тогда было шесть лет, и их отвезли на Лесной уровень для знакомства с животными. Семейство Кома Варлта занимало не менее важное положение, чем семья Роганов; в недавнем прошлом эти семейства дважды вступали в родственную связь. А в этом месяце Варлт дома. Да, связаться с Варлтом, хотя это тоже вызовет разговоры. Если только Марва... Марфи покачала головой в ответ на свои мысли, пытаясь отогнать тревожное чувство, которое может затопить ее, если она будет думать о сестре и о том, что та не отвечает на зов. Она подождет здесь конца бури: пока есть время

подумать о формулировке обращения к Варлту. А когда ветер и дождь стихнут, она вернется в лагерь, встретится с Кутуром и потребует права на связь.

... Шаттл был маленький, но удобный. Конечно, никакой роскоши, но для обычных поездок вполне пригоден. Блейк Уокер осмотрел небольшую каюту. Перед контрольной доской два мягких сиденья с защитой; за ними запасы на случай неожиданностей, записывающее оборудование, инструменты. Самый безопасный метод пересечения времени, какой только смогли создать специалисты — а они настоящие специалисты. Хорошие результаты, полученные по завершении курса, позволили Блейку совершить этот перелет в одиночестве.

За сиденьем упаковано то, что внешне послужило причиной поездки: специальное исследовательское оборудование для Проекта засева жизни на стерильном мире. Истинный приказ он получил устно от старшего патрульного Кома Варлта: проследить за сестрами Роган.

Недавно, до того, как зашумели ограничители — интересно, почему так усилилась эта реакционная партия, почему быстро растут ее ряды? — в полетах поперек времени участвовали для отдыха группы состоятельных людей, это были полевые экспедиции студентов и обычное занятие торговцев. Но когда началось движение ограничителей, последовало сокращение разрешений на поездки. Больше никаких поездок для развлечений, кроме как на «пустые» лесные миры, ничего такого, что может вызвать столкновения и неприятности. Но это оказалось не очень хорошим решением, потому что сыграло на руку То`Кекропсу. Он теперь вопрошал: почему, если путешествия действительно безопасны, почему введены такие ограничения? Роган боролся с этими ограничениями, утверждал, что они только на пользу То`Кекропсу, и, чтобы доказать это, сознательно нарушил запрет, отправив своих дочерей по студенческому разрешению на Проект. Ему пришлось отвечать за это, но он оставался верен своим взглядам и пытался восстановить нормальный ход дел.

Блейк поерзал на сиденье. Он ввел собственный код и проверил его. Теперь нужно продолжать обычные операции. Даже ветераны — старшие патрульные — не торопятся при введении

кодов, и требование тройной проверки ни у кого из пилотов не вызывает недовольства. Отклонение на долю дюйма в любую сторону может не только привести к посадке не на том уровне, но и означать смерть, потому что шаттл материализуется в пространстве, уже занятом каким-нибудь массивным материальным объектом.

Поэтому Блейк трижды проверил код, прежде чем вручную пустить его в действие. Последовал толчок, тошнотворное ощущение выхода из стабильного времени уровня Врума и пересечения миров с альтернативной судьбой.

Закрытый в кабине, Блейк не видел этих миров, не видел даже теней, хотя, когда он в первый раз путешествовал поперек времени в тайном шаттле преступника, перескакивающего с уровня на уровень, он видел, как за краем платформы, на которой он скорчился, собираются, преобразуются, меняются тени. Он сам происходит из одного такого мира, и не по своей воле, а из-за пси-способностей оказался связанным с группой охотников за людьми Кома Варлта. Они тогда сильно рисковали, и у группы не оставалось другого выхода, кроме как отвезти Блейка на Врум, потому что его врожденный мысленный блок не позволял имплантировать ложные воспоминания.

Чужак в своем собственном мире, где он был найден ребенком в переулке и усыновлен родителями, которые умерли еще до того, как он стал взрослым, Блейк принял дружбу Варлта и его предложение стать патрульным. И знал, что Ком Варлт считает, хотя это не было доказано, что Блейк происходит с уровня, близкого к Вруму; на этом уровне едва не открыли самостоятельно пересечение времени, но цепная атомная реакция полностью уничтожила его. Был ли он единственным уцелевшим на своем уровне? Может, ребенок одного из экспериментаторов, который, спасая его, втолкнул в еще не испытанную «дверь»? Может быть. Но для Блейка его возможное происхождение больше не имело значения. Он доволен тем, что предлагает ему Врум, а в глубине души удовлетворен поводом, давшим ему возможность лететь в одиночку.

Запущенный код срабатывает независимо от пилота шаттла. У Блейка чуть больше часа, если можно в таких обстоятельствах

говорить о времени. Но размышления и по этому поводу не тревожили его.

Патрульные на Вруме надевают форму только в торжественных случаях. Можно получить короткий темно-бордовый пиджак, облегающие брюки, башмаки, отделанные металлом, и за все время службы надевать это три-четыре раза. Худое, ростом в шесть футов, тело Блейка было одето в такой же тусклый комбинезон, в каком будут все техники Проекта, которые встретят его, когда шаттл достигнет пункта назначения. На фоне этого комбинезона кожа, гладкая и коричневая, не от загара, а от естественного пигмента, кажется еще темнее. И в ярко освещенной кабине шаттла по контрасту еще более выделяются темно-рыжие волосы пилота. На нем инструментальный пояс исследователя, с многочисленными орудиями и приспособлениями для выживания. А на шее опознавательная бирка корпуса, она прохладно касается кожи, когда Блейк движется.

Закончив курс обучения, он совершил три перелета, все как самый незначительный член экипажа самых обычных рейсов. И он еще ни разу не входил в контактные группы, которые работают на любом населенном уровне. Иногда участие в них требует пластической операции и такой подготовки, которая разительно меняет членов группы; им приходится проходить обратный процесс преобразований, когда работа заканчивается. Но для участия в таких группах нужно быть по меньшей мере на два ранга выше и пройти тщательную проверку. К тому же нужно обладать хотя бы одним даром. Легендарные пси-способности его родного уровня доступны патрульным, некоторые из них обладают одновременно двумя и даже тремя «дарами». Левитация, телепатия, телекинез, ясновидение — все это Блейк видел на испытаниях и в действии. Но в сравнении с теми, кто одновременно с ним проходил подготовку, у него было природное хоть и скромное, но преимущество.

Два его дара, если можно их так назвать, состояли, во-первых, в умении предчувствовать опасность — эта способность служила ему всю жизнь, — а во-вторых, в способности, о которой он и не подозревал, пока не встретился с патрульными, преследовавшими сбежавшего преступника. И в этом втором «даре» Блейк не только сравнился со своими новыми спутни-

ками, но и далеко превзошел их. Без специальной подготовки, даже без сознательного приказа он создавал мозговой блок такой мощности, какой ему не приходилось встречать, а в процессе обучения он работал с лучшими специалистами, офицерами, обладающими этим даром в высокой степени. Блейк был в состоянии помешать любому проникнуть в свои мысли или воздействовать на свой мозг. В телепатическом обществе он обладал природной защитой, превосходящей возможности любых приборов.

Блейк пытался развить другие дары, надеялся, что они у него есть в латентном состоянии. Но самые напряженные попытки приводили к неудачам. И, возможно, отсутствие таких способностей мешает ему, когда дойдет дело до отбора для регулярных полетов поперек времени. И эта мысль, как боль старой постоянно ноющей раны, всегда присутствовала в сознании Блейка.

Однако в этом полете никакие дары ему не понадобятся. Он доставит оборудование, ознакомится с ситуацией, насколько она касается дочерей Рогана, и через несколько часов направится обратно. Скучное задание. Следующий полет — на Лесной уровень, и это гораздо лучше. Планета без людей, где животные свободны и не боятся. Лесной уровень стал излюбленным местом семейного и детского отдыха. Трое патрульных обычно сопровождают каждый такой тур, и все защитные «волны» бывают задействованы. Пока по этому поводу ограничители не поднимали шума. Лесной мир слишком популярен. Партия То Кекропса рискует вызвать враждебную реакцию, если затронет в своих требованиях и этот уровень.

На доске загорелся огонек. Рука Блейка повисла над ключом; он досчитал до десяти, потом еще столько же, чтобы убедиться в прибытии. И открыл замок люка. Шаттл перестал дрожать, сдвинулась часть стены, и Блейк увидел знакомое голубоватое освещение терминала уровня.

И заморгал, узнав человека, который встречает его. Турша Сцилиас, второй по значению человек во всем Проекте. Должно быть, его груз гораздо важнее, чем ему сообщили. Блейк достал пакет из контейнера, действуя с осторожностью, какой тот заслуживает.

Но Сцилиас принял его с отсутствующим видом, продолжая смотреть в глаза Блейку.

— Ты новичок. — Не вопрос, а утверждение.

— На этом маршруте да, — ответил Блейк, отказываясь подтверждать, что он и вообще новичок. Потому что во рту у него появился металлический привкус, а кожа между плечами начала зудеть. Опасность! Здесь — и очень близко! Его предупреждает дар, и мгновенно, почти бессознательно, сработал защитный блок. На занятиях он научился покрывать его поверхностным слоем мыслей, маскировать. А во времена стрессов появляется и второй, более глубокий маскировочный слой, и даже опытный специалист не сразу определит, что подлинные мысли Блейка скрыты.

Он вышел из люка, стуча подошвами по голому камню пола сооружения. Жаль, что он не обладает телепатическими способностями. Хорошо бы понять, в чем суть тревоги Сцилиаса.

— Отчеты. — Помощник руководителя Проекта передал ему две ленты записей. Он не пытался преградить Блейку путь, но было видно, что он изо всех сил сдерживается, чтобы не попросить патрульного тут же вернуться в машину. Однако, видимо, сам понял странность своего поведения, потому что не возражал, когда Блейк уложил отчеты в кабину и снова повернулся к встречающему.

— Все в порядке? — задал он требуемый правилами вопрос.

— Да, — ответил Сцилиас и торопливо добавил: — Поешь с нами? Сейчас время обеда.

— Хорошо. Спасибо. Только проверю станцию связи...

Сцилиас шевельнулся, словно хотел помешать Блейку выйти из терминала, направить его во внутренние помещения.

— Снаружи буря. — Голос его звучал спокойно. — Ты не сможешь добраться до стержней, пока она не кончится.

Тревога... тревога... Теперь пульс Блейка ускорился. Не буря, нет, но, может, стержни... Однако почему? И Сцилиас, и любой другой участник Проекта сам разберется со стержнями! Быть отрезанным без всякой надежды передать сообщение! Они не могут хотеть этого. Но что тогда со Сцилиасом? Он явно еле сдерживается. И тут опасность, серьезная опасность... в том направлении, куда идет Блейк.

Глава 2

Может быть, оттого, что растительность не препятствует ветру, буря здесь кажется более яростной, чем на нормальной планете. Блейк смотрел в иллюминатор на наклонный от ветра дождь, бьющий по стенам сооружений лагеря. Лагерь размещается в долине, в единственном разрыве скальной стены на большом протяжении. Блейку достаточно повернуть голову, чтобы увидеть на изгибающейся стене карту Проекта. Долина отрезана от моря рекой с удивительно медленным течением; река образует при впадении в море небольшую илистую дельту. А само море ограждено стеной рифов, о которые разбиваются волны, и поэтому устье реки превращается в частично защищенный залив.

Вдоль ближайшего берега реки расположены танки с растительностью, в них водоросли и другие примитивные растительные организмы, выращенные в лабораториях Врума. Это лишь начало Проекта, но Блейк знал, какое фантастическое количество труда и средств уже в него вложено.

Путешествия поперек времени осуществляются главным образом ради торговли, и эта торговля составляет основу экономики Врума. Товары с одного мира последовательно в другой, природные ресурсы со слаборазвитых и примитивных уровней, предметы роскоши более сложных цивилизаций — но всегда в таком объеме, чтобы не вызвать интереса или расследования аборигенов. И если удастся засеять такие бесполезные уровни, как этот, Врум получит не только знания, добытые в ходе эксперимента, но станет богаче, надежнее обеспечен в будущем.

За иллюминатором дождь образует такую сплошную завесу, что Блейку видны только смутные очертания соседнего строения. Он с некоторым интересом повернулся к карте, а потом принялся разглядывать ряд изображений в цвете: везде только скалы, или моря, или реки и озера в каменных берегах. Цвет скал разный, иногда ярче и привлекательнее, но нигде ни следа зелени. Блейк разглядывал ландшафты, а тревога, которая не оставляла его с момента появления здесь, становилась все сильнее. Внешне он с интересом разглядывал помещение, куда его привел Сцилиас, но на самом деле прислушивался к малейшим звукам.

Пока Блейк никого другого из персонала Проекта не видел. Он пытался вспомнить, что знает о работниках Проекта. Возглавляет его Исин Кутур. У него репутация упертого человека, который упрямо идет к цели, теряя по дороге друзей, вернее, знакомых. Его репутация у Сотни очень высока. Дважды его выручали из трудного положения, когда дорогостоящие проекты заканчивались неудачей. Блейк видел по телевизору этого плотного, с мощными плечами, с преждевременной сединой человека, тот нетерпеливо отвечал на вопросы интервьюера.

Исин Кутур, Сцилиас — Блейк порылся в памяти и обнаружил, что больше никого из Проекта не знает. Конечно, за исключением сестер Роган, но и тех знает только по описанию Варлта. Дочери человека, чье семейство уже четыре поколения входит в Сотню. Варлт показал ему их фотографию, и Блейк никак не мог сопоставить аскетизм обстановки с этими девушками.

— Патрульный? — На пороге стояла женщина. Но это не одна из сестер Роган. Она по меньшей мере на двадцать лет старше, и на ее лице с резкими чертами между бровями морщина от постоянного хмурого выражения. — Мы собираемся обедать. Пойдемте. — Она явно встревожена.

Блейк вслед за ней прошел в другую половину здания, откуда доносился запах пищи, в основном синтетической, того типа, что входит в рацион. Но собравшиеся с энтузиазмом встретили спартанскую еду. Кутур сидел, опираясь локтем на доску для письма. Время от времени он что-то быстро записывал — архаическим способом, вручную; никакого внимания на окружающих он не обращал.

За столом, кроме него, сидели пятеро: женщина, приведшая Блейка; Сцилиас; и еще три человека, среди них еще одна женщина. Но сестер Роган не было видно. И так как никто из присутствующих не стремился начать разговор, патрульный не решался нарушить молчание. Кутур даже не взглянул на него. Он не отрывался от своего письма. Блейк прихлебнул горячего напитка и принялся ждать.

Продолжал звенеть внутренний сигнал тревоги. Но в этом-то и несовершенство его дара: он не может определить опасность

или указать ее источник. В том, что она близка, он уверен. А пока он может только сдерживать свое беспокойство и сидеть за столом, пробуя неаппетитную еду и ожидая разъяснений.

Кутур отодвинул доску в сторону, поднял голову и осмотрелся. Внимание его устремилось к одному краю стола, к другому. Увидев Блейка, он коротко кивнул: возможно, приветствие или просто признание молодого человека в качестве части общей картины.

— Где девушка? — Не такой голос ожидаешь услышать из этой бычьей груди и мощного горла. Вместо рева или хрипа вопрос прозвучал негромко, почти мелодично. Блейку приходилось слышать актеров и ораторов, которые говорят гораздо менее выразительно и мелодично.

— Марфи? — Проводница Блейка взглянула налево, словно ожидала увидеть там кого-то. Морщина между ее бровями углубилась, рот дернулся. Она опустила вафлю, которую подносила к губам, быстро сняла с пояса небольшой диск, поднесла к уху и ответила Кутуру: — Пошла в скалы перед самой бурей, шеф. Но связь в порядке. Мы все слышали сигнал отзыва. Она тоже.

Кутур снова осмотрел всех, начиная со Сцилиаса и идя вдоль линии. Он даже Блейка наградил внимательным взглядом.

— Очевидно, не слышала или решила не обращать на него внимания. Здесь не место для таких глупостей. Повторяю снова и достаточно громко, чтобы поняли все глупцы: на пересечении времени не место глупостям! Нам некогда искать заблудившихся. — Он поднес палец к собственному поясу и извлек двойник того прибора в форме монеты, которым пользовалась женщина. Постучал по нему пальцем, потом поднес к уху.

— Опасность ей не грозит, — отметил он. — Может, мокрая одежда и небольшое неудобство заставят подумать в следующий раз. Мы не можем следить за детьми, которые не подчиняются простейшим и самым очевидным правилам. Так и передайте начальству, Турша. Больше никаких посетителей, сколько бы официальных карточек у них ни было!

Итак, одна из сестер Роган ушла в бурю, заключил Блейк. Но, очевидно, персонал каким-то образом следит за ней, в чем уверен Кутур, хотя и не знает ее точного местоположения. А где же вторая сестра? Никто о ней не упоминал.

Все сидят за длинным столом; за ним еще много свободного места. Блейк пытался определить, кто еще отсутствует, кроме двух девушек. Можно ли задать вопрос?

Случай как будто помогал ему, потому что Кутур снова заговорил:

— Я думаю, коптер в безопасности? Больше не было никаких докладов о глупостях?

Сцилиас кивнул:

— Да, они приземлились при появлении первых туч. Каргос сказал, что они сели под навесом, который дает хорошее укрытие.

Кутур хмыкнул:

— За любое проявление разума со стороны подчиненных нужно быть благодарным, так мне сейчас кажется. Вам, патрульный, передавали для меня какие-нибудь приказы? У меня будет послание, личное послание сотнику Рогану. — Он, как копье, вонзил свое перо в поверхность доски для письма. — Я не позволю, чтобы меня тревожили школьницы. Это решение я принимаю сейчас и навсегда!

И снова по очереди оглядел всех собравшихся, словно ожидал возражений на свой ультиматум. Но никто не возразил.

Откашлявшись, один из сидящих мужчин привлек к себе всеобщее внимание:

— Буря стихает.

Блейк подумал, как он может знать об этом, находясь в помещении без окон. Но тут же понял, что низкие звуки дождя, к которым он уже привык за время пребывания в Центре, стихают. Кутур вскочил на ноги, он был готов к действиям.

— Улад, Кайогл, вниз, на равнины, со мной! Нам повезет, если вода не уничтожила результаты двадцатидневной работы.

— А как же Марфи? — спросила женщина.

Кутур сердито посмотрел на нее. Повернул голову, разглядывая собравшихся. Потом указал пальцем на Блейка:

— Вы! Ваша обязанность следить за приехавшими, верно? Идите отыщите эту глупую девчонку, приведите ее сюда, даже если понадобится тащить силой! — Двумя шагами он добрался до выхода и оставил Блейка с женщиной. По-своему он прав: первейшая задача патрульных — защищать граждан

Врума на пересечении альтернативных миров. Но с чего же начать? Опасность ждет где-то в темном углу. Касается ли она Марфи Роган?

— Она... она очень глупо вела себя, знаете ли, — говорила женщина. — Здешние бури сильны, и мы всегда отзываем всех перед их началом. У каждого из нас есть такой прибор, настроенный на него лично. — Она указала на диск у себя на поясе. — Если попадаем в беду, диск зовет на помощь, и принимают его сигнал все остальные диски. Это лучшая защита от несчастных случаев. Марфи не грозит опасность. И у диска есть локатор, который приведет вас к ней. Подождите, я возьму для вас такой в кабинете Кутура.

Она вышла, и Блейк пошел за ней. Но она закрыла дверь у него перед носом и вернулась несколько секунд спустя, держа чуть больший диск, снабженный колеблющейся иглой.

— Я настроила его. Не думаю, чтобы шеф Кутур возражал. Он сам приказал бы дать его вам, будь у него время. Но этот дождь... Если река поднимется, она, как сказал Кутур, уничтожит нашу работу. У нас уже третий дождь за неделю, никогда столько не было. Проблема излишка воды становится все острее. Марфи выбрала самое неподходящее время, чтобы беспокоить шефа Кутура. Ведь ему приходится одновременно решать столько проблем! Видите, игла указывает. Идите по ее указаниям и найдете девушку. О, возьмите еще это! — Она распахнула дверцу шкафа и достала два плаща с капюшонами.

Сунув их Блейку, она пошла прочь, на ходу надевая рукава третьего плаща и прилаживая капюшон. Одевшись, держа в одной руке второй плащ, в другой — диск, Блейк направился за ней.

Сила бури немного уменьшилась, но по-прежнему шел проливной дождь, он бил в скалы и потоком стекал по их наклонной поверхности. Капюшон ограничивал поле зрения. Игла прибора указывала в сторону от убежищ у реки, прямо на скалы справа.

Сапоги застревали в грязи, и Блейк брел с мрачной решительностью, подбирая не очень ласковые слова для объекта своего поиска. Если это пример поведения сестер Роган в поле, он не удивляется возмущению Кутура. Но внутренний сигнал тревоги продолжал звучать.

На западе тучи разошлись, солнечный свет начал свою борьбу с сумерками. Блейк отбросил капюшон. Несмотря на солнце и проясняющееся небо, голая природа вокруг действовала угнетающе. Растительность становится незаметной, пока она рядом. Одно-единственное растение оживило бы этот мрачный пейзаж. Если Проект удастся, в этой речной долине будет не одно растение, но этот триумф человека над упрямой природой еще в будущем.

В долине слышались возгласы, шум моторов. Блейк оглянулся. Из укрытия выходили машины, направляясь к разбухшей реке и обнесенным стеной танкам: стены эти почти скрылись под водой. Похоже, Кутуру и его людям предстоит тяжелая работа.

Перед Блейком появилось что-то вроде тропы или лестницы, поднимающейся вверх. Но прежде чем он ступил на нее, вверху что-то шевельнулось. Блейк увидел стройную фигуру в тусклом полевом комбинезоне, с темными полосами на месте соединения рукавов. Девушка двигалась в направлении Блейка, шла, по его мнению, слишком рискованно.

— Эй! — Голос тонкий, искаженный слабым эхом. Девушка машет рукой, чтобы он оставался на месте.

Идет она уверенно, грациозно и умело, спускаясь по опасной мокрой тропе. Она была еще далеко от него, когда он увидел, как удивленно расширились ее глаза. Последнюю ступеньку она преодолела с ловкостью человека, хорошо знакомого с тропой.

И так эта мокрая, подгоняемая ветром фигура отличалась от той фотографии, что показал Блейку Вартл, что в других обстоятельствах он бы ее не узнал. Волосы девушки были расчесаны и прижаты к голове: на щеках и на лбу нет сложного узора по последней моде Врума. И несмотря на все это, она выглядит старше, чем он ожидал.

— Ты... ты не из Проекта! — Она остановилась, схватившись левой рукой за каменный выступ. И подозрительно смотрела на него.

— Уокер, помощник патрульного, W-7105, — официально представился он.

— Уокер, — повторила она, как будто это по-иностранному звучащее имя лишь усилило ее подозрения. — Уокер! — И тут же узнавание, которого он не ожидал. — Блейк Уокер! Клянусь зу-

бами Фарсиса! Тебя послал Ком Варлт? Откуда он знал... Отец! Что-то случилось с отцом? — Она выпустила свою скальную опору, скользнула к грязной тропе и ухватила руку Блейка с такой силой, что он чуть не потерял равновесие.

— Нет, у меня обычный маршрут, — ответил Блейк. — Тебя не было в лагере, и меня попросили отыскать тебя. Смотри, похоже, опять начнется дождь. Лучше надень это. — Он протянул ей запасной плащ, набросил на ее уже мокрые плечи.

Но его слова ее не успокоили. Держа ее за руку, Блейк чувствовал, как девушка напряглась.

— В чем дело? — спросил он в свою очередь. Она невредима, но он понял, что у Марфи Роган неприятности гораздо серьезнее, чем буря и дождь.

— Марва! Она сегодня утром отправилась на коптере в полевой маршрут. И пропала!

Блейк вспомнил разговор за столом.

— Было сообщение. Коптер укрылся на время бури, он в безопасности... — начал Блейк, но девушка решительно покачала головой:

— Она не в безопасности. Ее здесь нет.

— Но эти штуки... — Блейк коснулся диска у нее на поясе... — Разве они этого не знают?

Марфи сняла прибор с крючка, поднесла к уху.

— Слушай! — Она говорила яростно, не признавая возражений. — Скажи мне, что ты слышишь!

Удары, равномерные, как стук его собственного сердца.

— Устойчивый ритм. — Он ответил совершенную правду.

— Да. Это означает, что все в порядке, что Марва где-то там, — девушка сделала широкий жест, — сидит под скалой, может, ест рацион вместе с Нагеном Карглосом, ожидает конца бури, чтобы они успели к ужину. Но это неправда, даже не тень правды!

Это так, подтвердил внутренний сигнал: вот что означает его тревога. Зная это, Блейк был готов слушать. Но что она может сказать, какие у нее есть конкретные факты?

— Откуда ты знаешь?

Марфи Роган, нахмурившись, взглянула на него. В ее выражении было что-то от самоуверенности и высокомерия Кутура.

— Мы близнецы и можем мысленно общаться. Мы здесь уже делали это. Я находилась сегодня утром в лагере и поддерживала контакт с Марвой. И вдруг — ничего! — Она щелкнула пальцами. — Вот так. Совсем ничего! Такого никогда раньше не случилось и... ну, какое-то время мне казалось, что я под щитом. У Кутура много экспериментальных установок, другие проекты присылают ему приборы для испытания в атмосфере на этом уровне. Поэтому, когда меня отрезало, я ушла из лагеря, туда вверх. — Она махнула рукой в сторону утесов. — Над уровнем волны. Но и это не помогло, даже когда я послала направленный луч...

Сам Блейк не может посылать направленный луч, но в прошлом принимал такие послания и знал их силу. Между близнецами такая связь должна быть еще мощней.

— А это, — Марфи потрясла у него перед глазами диском, — продолжает утверждать, что все в порядке, синее небо и открытая местность. Эта штука лжет и продолжает лгать! И что-то случилось с Марвой!

— Может, сломался? — Блейк коснулся пальцем диска. — Или у нее?

— Не понимаю как. Считается, что они не могут выйти из строя. Подожди! — Она схватила локатор, который привел его из лагеря. — Сейчас посмотрим. — Повернула прибор в руке, зажала в ладони и надавила на кнопку на ободке. Сделав это, снова повернула прибор, чтобы они оба могли видеть шкалу.

Игла, которая твердо указывала на скалы, покачнулась, остановилась, снова повернулась, когда Марфи встряхнула прибор.

— Марва! — В голосе ее звучал страх.

— Что это значит? — Блейк схватил девушку за плечо, несильно потряс, а она продолжала как зачарованная смотреть на шкалу.

— Она... ее нигде нет... здесь нет! — Марфи снова лихорадочно потрясла прибор, посмотрела, как бессмысленно мечется стрелка. — Но она не могла...

— Не могла что?

— Уйти на другой уровень! Я ведь была там, в соседнем помещении с путевой станцией, когда утратила с ней контакт.

Один шаттл на Вруме. Она не могла покинуть уровень, да и не стала бы это делать, не сказав мне...

Возможны и другие объяснения. Блейк это знал, но не стал говорить вслух. Возможно, где-то в каменной пустыне лежит мертвая девушка. Но этот ритм, который он слышал... Марфи сказала, что так ведет себя диск, если человеку не грозит опасность. В любом случае это тревога, и он должен узнать ее причины.

— Сообщение... — Марфи сунула локатор в карман плаща. — Я хочу отправить сообщение Кому Варлту. С Марвой что-то случилось.

Она побежала по склону в долину по направлению к лагерю, и Блейк пошел за ней.

Глава 3

Но следующего шага он не сделал. Скользя вниз по склону в направлении лагеря, Блейк неожиданно остановился. На этом временном уровне нет необходимости скрываться от аборигенов, все установки размещены открыто. Энергетические стержни, средство связи Проекта с Врумом, напоминают маяк по высоте. Вернее, напоминали. Теперь один наклонился под острым углом, а второго, в дальней стороне лагеря, вообще не видно!

Но как... Стержни настолько важны для обитателей лагеря, что те должны были предусмотреть все неожиданности и катастрофы. Однако произошло невероятное.

Блейк вброд по мутному потоку добрался до наклонившегося стержня. Установлен он в скале правильно, но теперь под ним зияла полость, уходя под основание стержня. Блейк нахмурился. Он не специалист, но участники экспедиции не глупы и не беззаботны. Выбрать основание для стержня с внутренней полостью — на них это совершенно не похоже. После доклада будет произведено расследование. И придется докладывать ему лично.

— Стержень... — Марфи Роган, хлюпая по воде, присоединилась к нему.

— Бесполезен. А второго я не вижу; вероятно, он вообще упал. Но как они могли допустить такую ошибку?

— Спроси, — напряженно ответила она, — и, может быть, узнаешь, почему не работают правильно и диски!

Натужный звук двигателя заставил Блейка оглянуться. Один из бульдозеров, который он раньше видел у танков, теперь громыхал в их направлении, человек с сиденья водителя знаком просил их уйти с дороги. Блейк оттащил Марфи, а машина принялась нагребать землю, пытаясь удержать стержень.

Но даже если удастся выпрямить этот стержень и заново поставить второй, потребуются долгие часы тонкой настройки, прежде чем они смогут быть синхронизированы с основным каналом. А Блейк сомневался, чтобы в Проекте нашелся специалист, способный сделать такую работу. Нет, ему придется лично доложить и, может быть, вернуться с теми, кто займется этим делом. И чем скорее он это сделает, тем лучше. Держа Марфи за руку, он повернулся к помещению Центра.

— Ты возвращаешься? — спросила она. — Я с тобой.

— Это решит шеф. — Даже временные посетители подчиняются распоряжениям шефа. Они дают такое обещание, прежде чем получают разрешение. Только патрульный может прилетать и улетать без разрешения местного руководителя, он подчиняется только приказам своих офицеров.

Впервые Блейк заметил на лице девушки улыбку, очень белую.

— Не думаю, чтобы Исин Кутур возражал. Он будет откровенно рад избавиться от меня. Если только... — Она замолчала.

— Если только?

— Если только не захочет, чтобы не услышали мой рассказ о Марве.

— Но почему?.. — начал Блейк.

Она повернулась к нему, бросила холодный взгляд, презирая его глупость.

— Ограничители! Именно такая история им нужна. Марва затерялась во времени...

— Но как ты можешь быть уверена в этом? — Блейку казалось, что она слишком поторопилась со своим заключением. Оно имеет не более прочное основание, чем стержни в лагере.

— Ее нет в этом мире! Нет нигде!

— Но ты ведь сама сказала, что она не могла воспользоваться шаттлом из лагеря.

— Это просто означает, что где-то почему-то оказался другой шаттл. — Марфи ответила быстро и уверенно, как человек, принявший решение и намеренный придерживаться его. — О, так ты считаешь это невозможным? — Она бросила этот вопрос Блейку, очевидно, увидев его недоверчивое выражение. — Так уже бывало, ты знаешь!

Да, бывало: незаконные маршруты с одного уровня на другой, как тот шаттл, который увез его в кошмарное путешествие по мирам последовательности, когда он впервые познакомился с полетами поперек времени. Но с тех пор введены такие строгости, что Блейк считал невозможными действия преступников или неосторожных неразумных исследователей.

— Я хочу отправиться к Кому Варлту. — Марфи потащила Блейка. — Он будет знать, что делать, как связаться с отцом.

— Но кто?.. — Не закончив вопроса, Блейк сам смог дать ответы: сами ограничители, чтобы спровоцировать инцидент; незаконные торговцы, хотя что им нужно на этом пустынном мире, совершенно непонятно; незарегистрированные исследователи. Допустим, Марва и пилот коптера увидели нечто такое, чего не должны были видеть. Соответственно, им решили помешать сообщить об увиденном.

Конечно, это противоречит докладу пилота коптера, что он нашел безопасное убежище от бури. Доклад не подтверждает такое подозрение.

Но нельзя отбросить отчаяние Марфи от утраты мысленного контакта. Этого не подделаешь, а доклады машин можно изменить. По словам Марфи, связь прекратилась до бури, до общения пилота. И его собственное предчувствие... он может на него рассчитывать, хотя это только общее предупреждение. Если бы он мог его сузить, сфокусировать, насколько было бы проще!

— Кто? — повторила Марфи. Она вытянула руку, выпрямила пальцы, показав серую полоску грязи под ногтями. — Не задумываясь, могу дать тебе несколько имен. Но я хочу начать поиски Марвы. — Голос ее звучал напряженно.

— Хорошо. Вернемся и...

— Патрульный! — Кутур спрыгнул с сиденья другой машины и тяжело затопал навстречу им к входу в Центр. Приземистый шеф был выпачкан с ног до головы; когда он отбросил капюшон, стали видны брызги грязи и на лице. — Вы видели, что произошло со стержнями. Некомпетентность! Полная некомпетентность! Я доложу об этом! Возьмете с собой мою ленту. Меня заверили в полной поддержке, и что я имею? Некомпетентность тех, от кого зависит наша безопасность! — Он резко повернулся к Марфи, словно только что ее увидел. — И безрассудное неповиновение приказам со стороны молодых особ, которым здесь вообще не место! Разрешение или нет, девушка, вы возвращаетесь на Врум!

— А Марва? — Марфи прервала его пронзительным голосом.

— Марва тоже. Как только Карглос вернется в лагерь, она отправится за вами следом. Я больше не хочу иметь дело с глупостями!

— Когда вернутся Карглос и Марва, — настаивала Марфи. — А когда это произойдет, шеф Кутур, и откуда они вернутся?

Он смотрел на нее так, словно она несет вздор.

— Вернутся с полевого маршрута и очень скоро, если Карглос выполнит приказ, что он раньше всегда делал. А откуда? Из сектора Точка Один, как вы отлично знаете, девушка.

Марфи покачала головой:

— Марва ушла с этого уровня еще до начала бури, полную единицу времени назад.

Кутур медленно покачал головой, не отвечая ей, словно этот простой жест развеет какой-то туман в голове.

— Что вы говорите, девушка? Полный вздор. Вы сами видели, как ваша сестра улетела в коптере. Ушла с уровня, а? Глупый вздор! — Он постучал по диску у себя на поясе. — Это говорит, что у нее все в порядке. Зачем вам такие дикие предположения?

— Мне наплевать, что говорит диск! — ответила Марфи. — Я утратила мысленный контакт с нею, и в это я верю. Марва ушла с уровня, и, если ваши приборы утверждают другое, значит, они лгут!

Лицо Кутура покраснело, плечи напряглись, он поднял руки, шевеля пальцами.

— Вы! — взорвался он, обращаясь к Блейку. — Уберите ее, уберите отсюда! Два танка полностью погибли, стержни упали, а теперь еще этот сумасшедший бред. Человек не в силах столько выдержать! Заберите ее с собой. Я не прошу об этом, я приказываю! И слушать больше ничего не хочу. А когда вернется ее сестра, она тоже отправится на Врум.

— Когда вы ожидаете возвращения коптера? — спросил Блейк. — Шаттл невелик, но, если идти без остановок, я мог бы захватить их обеих.

— Ждать? — Губы Кутура разошлись, выпуская одновременно воздух и слова. — Вы не будете ждать, когда я приказываю улетать! Мне нужны специалисты, нужно поднять стержни, неизвестно, сколько еще бурь нас ждет. Возможно, нам все придется начать заново. Нужно спасти все, что пока можно. Отправляйтесь немедленно!

— Шеф. — В проходе стоял Сцилиас. — Форкус докладывает, что не получил часового сигнала подтверждения с коптера. Он испробовал и короткие, и растянутые волны.

Секунду-две казалось, что Кутур не слышит своего помощника, и Блейк внимательно смотрел на него. Но если Кутур и ожидал чего-нибудь подобного, по его реакции этого нельзя было определить. Потому что он тут же начал действовать.

Под непрерывный поток приказов был подготовлен к полету второй летательный аппарат Проекта. Блейк сбросил неудобный плащ и вслед за пилотом вошел в кабину коптера. А пилотом был сам Кутур. Шеф сердито взглянул на патрульного.

— Какого?..

Блейк оборвал его, уверенный в своих правах в данном случае.

— Я отвечаю за... — начал он.

Кутур фыркнул.

— Входите, входите, не тратьте время на перечисление своих прав и обязанностей. Если еще задержите меня, патрульный, будете отвечать так, что мало не покажется!

Они поднялись в воздух еще до того, как Блейк захлопнул дверцу. Кутур резко поднял небольшой коптер, чуть не сбросив Блейка с сиденья. И они на максимальной скорости начали удаляться от лагеря в долине.

Кутур как будто знал, куда лететь; они покинули долину, и неровная скалистая местность внизу начала быстро уходить назад. Видны были следы вулканической активности в прошлом, и Блейк подумал, что прочесать эту территорию по поверхности почти невозможно. Но на коптере это сделать легче.

Внизу показалась еще одна река в глубоком скальном каньоне. Вода в ней вздулась и с пеной разбивалась о скалы. Коптер летел над плато, на востоке виднелись горы. Кутур уменьшил скорость, на этот раз не резко.

— Куда теперь? — спросил Блейк, когда коптер повис в воздухе.

— Вон там! — указал Кутур. — Они должны быть под тем навесом.

Он прав: впереди нависающая скала, под которой могут укрыться два таких коптера, как у них. Но если коптер был там, теперь его нет. Скала голая, как вся эта дикая местность.

— Это... не могу поверить! Смотрите! — Кутур вытянул руку. Между большим и указательным пальцем он зажал персональный диск с пояса. — Диск утверждает, что у них все в порядке, они в безопасности. Локатор привел нас по их лучу. Но тут ничего нет!

— Может, они возвращаются в лагерь, — предположил Блейк.

— Нет. — Кутур ударил кулаком по колену. — Они должны были бы лететь прямо в лагерь, и мы бы их увидели. И они ответили бы на вызов. Не говорите мне, что они провалились под скалу. В это я не поверю!

— Ну, может, авария в той местности, над которой мы пролетели... — заставил себя сказать Блейк.

— Автоматического сигнала тревоги не было. — Кутур покачал головой. — Он не может лгать. — Он погладил свой диск. — За все время моего участия в Проекте, во многих проектах, когда опасность шла за нами по пятам, эти приборы оберегали нас. Но сейчас он говорит одно, а наши глаза — совершенно другое. Не понимаю, ничего не понимаю. — Его недоумение было ясно: он утратил всю самоуверенность и высокомерие.

Сам не зная, чего он ищет, Блейк вышел из коптера и медленно пошел в тень скалы. После бури на камне остались лужи,

и горячее солнце уже начало испарять их. Блейка не оставляли сомнения. Несмотря на убежденность Кутура, он не был уверен, что исчезнувшие побывали здесь.

Царапина на камне, все, что угодно... Предположим, Марфи права и тут использовался незаконный шаттл. Для него не нужен такой терминал, как в лагере. Если у его пилота был код и была уверенность в том, что место посадки свободно, он мог приземлиться где угодно.

Пространство под навесом оказалось больше, чем казалось с коптера. Пилоту нетрудно даже в бурю привести сюда машину. Блейк опустил на колени, потер пальцем камень. Это не обычная природная царапина, и она свежая. Итак... можно предположить, что коптер действительно побывал здесь. Но в таком случае где же он сейчас? Незаконный шаттл — мысли Блейка снова вернулись к прежнему — не может быть такого размера, чтобы взять на борт летательный аппарат. Воображение разыгралось. Может, тут был незаконный торговый шаттл, предназначенный для перевоза грузов? Может, он пришел даже не с самого Врума, а с одного из миров последовательности?

— В чем дело? — Кутур подошел и стал осматривать царапину, а Блейк в это время разглядывал остальное пространство.

— Знак, что они могли побывать здесь, но больше ничего.

— Да, вижу. Я это знаю! Но куда они исчезли? Объясните мне. Карглос не мальчишка, он в игры не играет. Не говорит, что сделает одно, полетит в одном направлении, а потом передумывает. На Карглоса можно положиться. Я его знаю. Он много лет работает со мной. Так почему же его нет? И почему прибор лжет, утверждает, что все в порядке?

Кутур снова схватил свой персональный диск и яростно потряс его.

— Но это нам ничего не даст. — Он овладел собой. — Здесь мы ничего не можем сделать. Ногтями ответы не выцарапаешь из камня.

— У вас ведь есть детекторы, персональные лучи, — вмешался Блейк. — Используйте их для поиска с воздуха.

Кутур кивнул:

— Больше ничего не придумаешь. По-видимому, полагаться на эти приборы больше нельзя. Придется включить общую систему тревоги. Но у нас нет достаточно мощных детекторов. Их нужно привезти из штаб-квартиры патрульных. А без стержней...

— Кто-то должен лично отвезти сообщение, — закончил за него Блейк. — Хорошо, отвезите меня в лагерь, и я сразу отправлюсь.

На обратном пути Кутур погрузился в размышления, очень мрачные, судя по выражению его лица. Снова он заговорил, только когда они вышли из флаера.

— Мы сделаем временные детекторы и попробуем сами. Но действуйте быстро, патрульный. Вы видели местность — это мертвый мир. Вода есть, пить ее можно; она на какое-то время поддержит жизнь. Но больше нет ничего, что поддержало бы человека. У них очень мало шансов.

Никакого намека, что Кутур подозревает незаконный перелет. Теперь он явно готов поверить в катастрофу в дикой местности, которую сам недавно отвергал. Но Блейку это казалось маловероятным. Сообщение Карглоса, что его машина и, по-видимому, пассажирка в убежище. Оно пришло какое-то время спустя после разрыва связи Марфи с сестрой... и после внутреннего предупреждения самого Блейка. Он должен немедленно связаться с Комом Варлтом!

— Вы их не нашли. — Не вопрос, а утверждение. Марфи ждала у входа в Центр.

Кутур покачал головой. Миновал Марфи и сказал:

— Улад, сними детектор с краулера и помести на коптер...

Марфи схватила Блейка за руку.

— Детектор? — она говорила шепотом. — Неужели они разбились?..

Блейк не мог скрывать того, о чем она догадалась по приказу Кутура.

— Возможно...

Но она покачала головой:

— Я знаю, что Марва не на этом уровне. Знала это, как только ее не стало. Но не так. Смерть или рана — я бы почувствова-

ла! — Она по-прежнему говорила тихо, словно обращаясь только к Блейку. — Ты... ты не нашел следов?

— Шаттла? — тоже тихо отозвался Блейк. — Нет, но для незаконного перехода между уровнями не нужна такая база.

Чем больше думал Блейк, тем больше смысла находил в предположении Марфи об исчезновении ее сестры. Мысленная связь кончается только со смертью, и спутать ее с чем-нибудь невозможно. У него самого не было опыта в таком телепатическом единстве, однако он знал, что на основе близкого родства и эмоциональной близости такая связь бывает очень прочной. Если бы Марва погибла, Марфи по-своему тоже испытала бы смерть и мгновенно узнала бы правду.

— Ком Варлт. — Марфи потянула его за рукав. — Если она на другом уровне, чем быстрее он узнает, тем лучше!

Блейк был согласен с этим. Кутур занялся наведением порядка, все забежали и засуетились. Стержни не действуют, и долг Блейка — доложить лично. Марфи торопила его, тащила за руку.

— Идем! — нетерпеливо требовала она.

Не привлекая внимания остальных, они направились к шаттлу. Обратный курс устанавливается автоматически еще до того, как машина покидает Врум. Иногда возвращение бывает срочное, его вызывают нападение, несчастный случай. Иногда патрульный не владеет своим телом или рассудком. Но Блейк все-таки следовал процедуре, проверил код, пока Марфи привязывалась во втором сиденье.

Как он и ожидал, курс установлен верно. Блейк нажал рычаг отправления. Их охватил водоворот смещенного времени, на мгновение оба потеряли ориентировку.

— Сколько? — спросила Марфи, когда Блейк повернул голову и посмотрел на нее.

— Чуть больше часа.

Но тут же в глазах снова помутилось, снова потеря ориентировки. Разворот прижал к сиденью. Но... путь еще не может закончиться!

Каюта наклонилась, сдвинулась. Если бы не ремни, их сбросило бы на пол. Шаттл, как сани, заскользил налево.

Глава 4

Когда шаттл остановился, кабина оставалась наклоненной под острым углом. Она зловеще задрожала, стоило Блейку пошевелиться. Прежде всего он взглянул на контрольную панель. Огонек утверждал, что они не в полете, а на одном из миров последовательности. Ясно виден код Врума.

— Что... что случилось?

— Не шевелись! — приказал Блейк. Шаттл под ними кренился, словно находился на краю пропасти.

С бесконечной осторожностью Блейк расстегнул ремень безопасности. Потом медленно протянул руку и нажал кнопку, включающую экран срочного обзора, так, чтобы увидеть, что находится за стенами потерявшей устойчивость кабины.

Зелень! Сплошная зеленая стена, такая яркая, что потребовалось время, чтобы увидеть отдельные листья и ветви. Блейк понятия не имел, что случилось и где они оказались. Но ясно, что они не в терминале Проекта и не в расположении патрульных.

Блейк ударил ладонью по лживому указателю курса. Но на нем продолжали гореть все те же цифры. А шаттл продолжал дрожать.

— Мы... мы скользим вниз!

Марфи права. Кабина дрогнула и снова поползла. Движение ускорило, и Блейк ухватился за сиденье.

— Голову! — сказал он спутнице. — Опусти голову. Мы можем удариться!

Сам он, как мог, свернулся клубком на мягком сиденье. Девушка последовала его примеру, и он на мгновение испытал облегчение оттого, что она не впала в истерику. Он был уверен только в одном: это не обычная остановка.

Удар оказался не таким сильным, как опасался Блейк. Наклон кабины уменьшился, она подпрыгивала, словно застряла на каком-то эластичном основании, которое смягчило толчок. Блейк снова взглянул на экран.

Опять зелень, но на этот раз и участок голубого неба размером с ладонь. Блейк перевел дыхание и взглянул на Марфи Роган. Она отвела руки от головы и смотрела на него.

— Мы... мы ведь не в терминале? Не в настоящем? — Голос ее звучал спокойно, она как будто пыталась справиться с бурными эмоциями. Лицо, все еще со следами грязи и брызг, застыло.

— В этом можно быть уверенным. — Блейк осторожно пошевелился. Кабина в ответ не вздрогнула; их положение стабилизировалось.

— Как... — снова начала она.

Блейк нетерпеливо покачал головой:

— Понятия не имею. Курс по-прежнему... — он снова постучал по указателю... — на Врум.

Он встал, делая каждый шаг очень осторожно. Нажал две кнопки, панель сдвинулась, и Блейк смог заглянуть под нее.

И застыл: под панелью скрывалась катастрофа. Сплавленные провода, масса разбитых деталей. Все так смешано, что только первоклассный специалист, возможно, разберется в случившемся. Кто-то сознательно вывел из строя самую важную часть шаттла — указатель направления, установку курса.

— Ты... ты сможешь исправить? — Это не вопрос, а мольба.

— Нет. — Блейк не мог ответить иначе. — Не думаю, чтобы это было возможно не в мастерской.

— Значит, мы погибли. — Марфи села прямо, положила руки на подлокотники кресла. Сжала их так, что пальцы побелели.

— У нас есть чрезвычайный вызов. — Блейк отвернулся от изувеченного прибора. Если, конечно, и он не выведен из строя, подумал патрульный. Конечно, у вызова невелика дальность. Но, возможно, удастся связаться с Проектом. Впрочем, это ничего не даст: стержни не действуют, а второго шаттла там нет. К тому же они могли высадиться на неисследованном уровне, у которого и кода нет. С этого направления ждать помощи нечего. Если очень повезет, какой-нибудь находящийся поблизости патрульный может поймать сигнал. Конечно, если аппаратура в порядке.

Блейк направился прямо к панели за сигналом. Пришлось немного повозиться, но он ее снял. На глаз все в порядке, никакого видимого ущерба нет. Несколько успокоившись, он привел в действие сигнал вызова.

— Если этот уровень не закодирован... — Голос Марфи по-прежнему звучал напряженно.

— В таком случае мы передадим указания, — ответил Блейк.

Они близко к уровню Проекта; об этом свидетельствует кратковременность прерванного маршрута. По эту сторону пересечения времени существует последовательность миров, почти не изученных. Она тянется до самого Лесного уровня. Но, может, это в их пользу; в том направлении сильное движение, и они достаточно близко. Их сигнал могут уловить.

Но это будет лишь первым шагом. Если они не смогут указать свой код — а с распотрошенным указателем это невозможно, — им придется сообщать данные, с помощью которых специалисты в центре смогли бы определить их нынешнее положение. А на все это требуется время, много времени.

Конечно, когда Блейк не вернется со своего маршрута, следует проверка. Когда с ним не смогут связаться, будет объявлена общая тревога. Начнутся поиски. Но, чтобы найти их, нужны данные.

— Как... как им указать? — Мысли Марфи шли по тому же пути.

— Тип растительности, ориентиры, все, что позволит специалисту «привязать» уровень, — ответил Блейк. Это означает, что ему придется выйти из безопасной кабины. Сфотографировать все, что может послужить опознавательным знаком, и передать изображения, когда — и если — им ответят. А пока у Марфи будет чем заняться: ей придется следить за тонкой ниточкой связи, которая сейчас их единственная надежда.

Блейк набрал сигнал тревоги и послал его на самой широкой частоте, потом объяснил Марфи, что нужно делать.

— Значит, ты выйдешь?

— Нам нужно иметь снимки наготове, когда ты поймаешь ответ. Они помогут в установлении кода.

Если их сигнал услышат, если он сумеет найти какие-нибудь отличительные особенности — если, если, если! Блейк подошел к ящику для оборудования и достал сумку исследователя.

В ней тонкий костюм с капюшоном. Он надевается поверх комбинезона и предохраняет от укусов насекомых, от отравления и не очень высокого уровня радиации. Аппарат для съемки Блейк повесил на грудь, потом добавил к своему снаряжению игольник — пистолет, стреляющий наркотическими иглами; он

остановит нападающего и в то же время не причинит ему заметного вреда.

Марфи молча следила за ним. Но когда он уже положил руку на замок люка, она заговорила:

— А что, если с тобой что-нибудь там случится?

Блейк похлопал по диску коммутатора в капюшоне своего костюма:

— Я все время буду говорить. Как только поймашь сигнал, мои сообщения будут переданы. Ты меня будешь слышать. А с этим, — он показал на игольник, — мне нечего опасаться. Теперь...

Она подняла руку:

— Удачи!

Блейк улыбнулся в ответ.

— Пока нам везет. Приземление сложное, на скалы, но мы остались целы. И везение может продолжиться. Без меня продолжай вызывать.

На всякий случай он воспользовался двойным люком. Закрыв внутренний и повернулся к внешнему. Помещение очень тесное, но на некоторых уровнях, где атмосфера ядовитая или возможна радиация, это спасает, а патрульные не рискуют.

За наружной дверью Блейк увидел борозду, прорезанную в красной почве и ограниченную сломанной и порванной растительностью. Борозда идет сверху, со склона, она обозначает путь шаттла. Блейк рассмотрел ее и, как мог точно, принялся диктовать данные о расстоянии. Разница между их нынешним положением и тем, которое они занимали на уровне последовательности, очень важна для кода. Это первое, что нужно определить.

Погружаясь ногами и руками в рыхлую почву, Блейк поднялся наверх, туда, где они впервые появились на этом уровне. Судя по следам, они материализовались на самом краю склона, потеряли равновесие и сползли в небольшое ущелье. Густая растительность смягчила приземление.

Если Проект размещался в безжизненных скалах, здесь все было покрыто зеленью. Влажно, жарко и полно жизни. Летают крупные насекомые, жужжат над раздавленным шаттлом мхом. Среди них бабочки с ослепительно яркими шести- и восьми-

дюймовыми крыльями. Другие насекомые с тонким телом и крыльями, которые двигались так быстро, что сливались в пятно. Блейк нажал кнопку записывающего аппарата и при этом вслух принялся описывать местность и местную жизнь. Растительность в основном напоминает папоротники, некоторые размером с деревья. Что-то алое мелькнуло на уровне пояса Блейка, перелетая из одного куста в другой. Двигалось оно так быстро, что у Блейка только сложилось впечатление, что оно движется на двух конечностях. Существо скрылось на самом крутом склоне, и Блейк воздержался от его поисков.

За вершиной, с которой они сползли, находилась относительно ровная местность, сплошь поросшая лесом, потом снова утесы, не очень отличающиеся от тех, что замыкают долину Проекта. В сущности, если убрать растительность, местность очень похожа на ту, что осталась в стерильном мире. Ущелье, в которое соскользнул шаттл, соответствует речной долине. Но звуков моря не слышно; посмотрев на запад, Блейк не увидел беспокойный океан. Правда, желтая полоска на самом горизонте может обозначать песчаный берег.

Краем глаза Блейк снова уловил быстрое движение, повернулся и посмотрел туда, где скрылось алое существо. Ни один лист там не дрогнул. Но ощущение опасности усилилось, и Блейк, словно ему сообщили об этом, был уверен, что сейчас что-то начнется. За ним крадутся? Но почему? И кто?

Если подняться на самую вершину, можно лучше разглядеть окружающую местность. Но для этого нужно пробраться через густую растительность, а Блейк был уверен, что она полна жизни. Он внимательно разглядывал чащу перед собой, пытаясь найти тропу.

Продолжая говорить, время от времени делая снимки, он начал пробираться в поросли, доходившей ему до пояса. Он энергично размахивал еще одним орудием исследователя — острым ножом с широким лезвием, — прорубая проход и отбрасывая ветки в одну сторону, чтобы видеть расчищаемую поверхность. И все время чувствовал, что за ним наблюдают, что в этом миниатюрном папоротниковом лесу скрываются существа, которые мгновенно исчезают, когда он пытается их увидеть, но не отстают от него.

Блейк не думал, что животные способны на такие действия. Это упорное и искусное наблюдение заставляло его волноваться. Дважды он включал наушники капюшона, пытаясь уловить звуки тайного преследования. Жужжание насекомых, резкие крики откуда-то издалека, регулярные удары мачете, шорох отбрасываемых листьев — вот и все, что он услышал.

Ему показалось, что он движется уже очень долго. И хотя не приходилось прилагать больших физических усилий, Блейк вспотел, когда приблизился к подножию утеса. Стена крутая, и в ней нет тех углублений, на которые можно опираться в той стене, что в мире Проекта. Блейк прошел вдоль ее основания на запад, ища возможность подняться, и действительно нашел более подходящее место.

Вывернув наизнанку входящие в комплект перчатки, он начал подъем. А когда поднялся, обнаружил все те же папоротники. Топча листву, Блейк повернулся, достал бинокль. Шаттл серебряной монетой, чуть наклонившись, лежал внизу в ущелье. А в глубине ущелья видна вода. Блейк увидел извилистый ручей. Относительно океана его догадка также оказалась верной: в бинокль видны береговые дюны на западе.

Повернувшись на юг, он увидел со своего наблюдательного пункта еще одну долину, по которой протекает река, такая же широкая, как та, на берегу которой стоят загоны Кутура. По ее берегам тянутся полосы ила. А на этих полосках... Блейк застыл. Никакой каприз природы не может создать эти линии разделения, низкие каменные стены. Нет, стены созданы сознательно, и за этим скрывается разум. Насколько позволяет видеть бинокль, стены тянутся во всех направлениях на обоих берегах реки.

И еще кое-что необычное. Изгороди с трех сторон участков, а с четвертой, выходящей к реке, стены нет. И со стороны реки на этих полях — если, конечно, участки можно назвать полями, — камень, большой и одинокий. На стороне, обращенной к реке, камень покрыт какими-то линиями. На каждом камне особые линии, отличающиеся от соседних камней. Блейк сфотографировал их при увеличении.

Поля, камни с надписями, река. Больше ничего не видно. На участках ни следа зелени. Если стены ограждают поля, то либо

сейчас не сезон, либо фермы покинуты, больше не используются.

На двух ближайших полях, вблизи реки, видны возвышения из камней и земли с ровной поверхностью. И от них к реке ведет утрамбованный спуск.

Блейк разглядывал один из таких спусков в бинокль и увидел, как что-то показалось в медленно текущей воде, сначала двигалось по течению, потом с достоинством, неторопливо повернуло к берегу. Поднялась большая голова, огромный панцирь, освещенный заходящим солнцем.

Черепаша не менее пяти футов в диаметре, оценил Блейк. Панцирь покрыт сложным рисунком из завитков. Цвет темно-коричневый, но на чешуйчатых лапах и на голове ярко-желтые и красные полосы. Самое странное у черепахи — голова. Слишком большая, чтобы скрываться под панцирем, но, как у всех черепах, она снабжена щитком, напоминающим по форме наконечник копья, острием к носу, остальная часть быстро расширяется и скрывается под панцирем.

Выбравшись на спуск, существо неторопливо поднялось на платформу и повернулось к утесу, на котором стоял Блейк. Но поле зрения черепахи было ограничено щитом, и Блейк не стал скрываться, продолжал наблюдать.

И чем больше наблюдал, тем все заметней становилась разница между этой черепахой и черепахами с его собственного уровня. Его удивляли и движения существа. Оно поднесло к пасти сначала одну лапу, вооруженную мощными когтями, затем другую. Прodelав это дважды, замерло.

Но недолго оно оставалось в одиночестве. От подножия утеса, на котором находился Блейк, к платформе устремились алые полосы. Животные не поднимались на платформу, они собрались у ее основания; подняв увенчанные гребнями головы, широко раскрыв челюсти, они смотрели на черепаху.

Ярко-алые ящерицы, только не в чешуе, а просто покрытые голой кожей. Ряды заостренных выростов напоминают мундиры. И... Блейк шелкнул языком... Его словам могут не поверить, но у него есть подтверждающие снимки: у каждого алого воина в лапах отполированное копые с зазубренным наконечником!

Собираются напасть на черепаху? Нет, продолжают сидеть перед платформой. А черепаха похожа на генерала, осматривающего войска, хотя ящерицы не маршируют перед ней. Вообще, насколько видно Блейку, они ничего не делают, просто сидят и смотрят на платформу.

Но вот что-то изменилось. Одна из ящериц метнулась и исчезла с поразительной скоростью. Помчалась вдоль стен вверх по течению реки. Должно быть, послана за подкреплениями. Но остальные не делали попыток подняться на платформу или окружить ее, чтобы не дать черепахе спуститься.

Еще одна стремительная алая полоска, на этот раз к подножию утеса Блейка. Несколько секунд спустя за ней последовала целая группа, а черепаха продолжала неподвижно и равнодушно сидеть на платформе.

Внутреннее чувство предупредило Блейка. Он спрятал бинокль, развернулся как раз в тот момент, когда в воздухе мелькнуло маленькое копьё и отскочило от его костюма. На него обрушился дождь копий, падавших к ногам. Пока он наблюдал за ящерицами у реки, другая группа напала на него с тыла.

И хотя костюм отражал копьё, Блейку не нравилась мысль о спуске в долину под огнем. Ответить он не может, потому что нападающие появляются на мгновение, бросают оружие и исчезают с такой скоростью, что он не успевает даже увидеть их. Он не так медлителен, как черепаха, но и не так быстр, как эти ящерицы.

— Блейк! — Марфи впервые нарушила молчание. — Блейк! Шаттл движется!

Он бросился к краю утеса. Неужели машина ожила, пока он отсутствовал... Сломанный указатель курса может отбросить ее в другой мир — это возможно! После того, что случилось с этой установкой, считающейся защищенной от любых случайностей, он готов поверить во что угодно.

— Переход на другой уровень? — спросил он, начиная спуск.

— Нет, он движется здесь, по поверхности, — слышался ответ. Блейк чуть успокоился. Он остановился и огляделся.

Марфи права. Шаттл движется, медленно, рывками, но движется — на запад, в общем направлении далекого морского берега. Копьё пролетело рядом с правой рукой, близко, слыш-

ком близко. Блейк увеличил скорость, стремясь побыстрее добраться до дна долины. Теперь он слышал шорох в кустах. Нападающие продолжали свою атаку, пока не причинившую ему вреда.

Глава 5

Блейк побежал по прорубленной им тропе. И с трудом избежал ловушки, перегородившей дорогу и готовой охватить его ноги. Перепрыгнул, снова встретившись с дождем копий, застывших по защитному костюму. Теперь ему стало слышно гневное шипение, боевой клич врагов.

Патрульный выскочил из густых зарослей в борозду, проделанную шаттлом. Серебристый овал машины медленно двигался на запад, и сверху Блейк не видел причины его движения. Как будто двинулась сама земля под машиной. Но перед корпусом шаттла ветви сгибались, трещали, дорога расчищалась.

— Блейк! — прозвучал в наушниках голос Марфи.

— Я здесь, сразу над тобой...

— Блейк, они телепаты!

— Кто? — спросил он, продолжая спуск, чтобы оказаться перед странной процессией невидимых носильщиков, которые тащат шаттл.

— Я не понимаю, у них слишком низкая частота. Но они считают нас врагами, которых ожидали. Страх и ненависть — вот что от них исходит.

Но если самое эффективное оружие обитателей этого мира — копыя, им с Марфи нечего опасаться. Опасно только то, что они могут слишком далеко оттащить шаттл на этом уровне. Блейк подобрался ближе к корме ползущей машины, заглянул вниз. Одно-два мгновения ему казалось, что верно его первое впечатление, что сама земля катится под шаттлом, вырывая кусты, оказавшиеся на дороге. Но потом он понял правду.

Черепахи двигались сосредоточенно и целеустремленно, раздвигая и давя растительность. Их по меньшей мере шесть, массивные существа в панцирях, но меньше гиганта, которого он видел на реке, и отличаются от него и в других отношениях.

Панцири у них не такие сморщенные, ноги и головы желто-коричневые, без ярких полос.

Шаттл продвинулся еще на фут, и Блейк заметил высунувшуюся из-под него роговую ногу. И догадался, что машина движется на спинах многих черепах, которые перемещают ее.

Такие эффективные групповые действия свидетельствуют об одном из двух: о хорошей дрессировке или о разуме. Курс обучения патрульного подготовил Блейка к восприятию самых неожиданных явлений на мирах последовательности. В тысячах альтернативных времен у человека появлялись слуги, инструменты, друзья, живые и относящиеся к самым разным видам. Неужели трудно поверить, что так же можно использовать ящериц и черепах? Однако...

Ящерицы вооружены, а Марфи установила телепатический контакт с ними, и никакой щит ей не помешал.

Блейк присел, глядя на шаттл, который выполз на относительно открытое место. Он прав! Машина лежит на спинах множества черепах. Одна из них выползла, и ее место заняла другая, из тех, что расчищали дорогу. Целенаправленные усилия.

Копье ударило Блейка в плечо и упало на землю. Нападение его эскорта из ящериц продолжалось. Теперь, чтобы добраться до него, им пришлось выйти из укрытия. Блейк выстрелил иглой в одно стройное существо, замахнувшееся для броска. Ему повезло: игла ударилась в поднятую конечность ящерицы. Та конвульсивно подпрыгнула в воздух, зашипела и упала на землю. Блейк поднял ящерицу.

Тут же на него обрушился град копий. Но он, не обращая на это внимания, выстрелил в ноги черепахе. Сделал два выстрела, прежде чем шаттл остановился; ноги, в которые он целился, ушли под защитный панцирь. Но, как и речная черепаха, эти тоже не могли убрать слишком большие головы. И Блейк целился в горло и шею. Он не знал, сколько черепах участвует в этом перемещении. Но продолжал стрелять, пока все не стихло. Прихватив с собой ящерицу — конечно, ему хотелось бы взять и черепаху, но для этого не было ни сил, ни подъемного оборудования, — Блейк забрался в кабину.

Вместе с Марфи он осмотрел стройное тело. Стоя на задних конечностях — по-видимому, именно так они предпочитают пе-

редвигаться, — ящерица достигала высоты в четыре фута. И покрыта она не чешуей, а мягкой грубоватой кожей. И не вся поверхность тела алая: на коже виден сложный рисунок из темных пятен. Неровный гребень твердый, словно под ним кость. Судя по отсутствию зубов — в пасти только костные утолщения, — ящерицы не хищники.

— Смотри! — Марфи коснулась того, что висело на шее у ящерицы. Нить, возможно из травы или кожи, и на ней овальная кость. А на ней линии, похожие на те, что Блейк видел у реки на камнях. В остальном пленника вполне можно было принять за дикое животное.

— Черепахи! — повторила Марфи, услышав, каким способом передвигался шаттл к неизвестной цели.

— Черепахи и вооруженные ящерицы. А что за ними, можно только догадываться, — заметил Блейк. — Что с сигналом тревоги?

— О, он настроен на самую широкую полосу. Но, Блейк, понимаешь ли ты, что мы нарушили первый закон?

Первый закон пересечения времени: не открывать свое присутствие аборигенам на любом уровне, если нельзя снабдить их ложной памятью.

— Ну, это происходит не впервые, — ответил Блейк. — И у нас не было выбора. Ты не можешь установить с ними контакт? Попробуй.

Марфи закрыла глаза, чтобы лучше сосредоточиться. Если удастся установить связь с высшим разумом этого уровня, есть возможность получить помощь или по крайней мере добиться того, чтобы их не пытались оттащить от места появления.

Блейк наблюдал за девушкой. Лицо ее оставалось неподвижным, но он чувствовал, какие усилия она прилагает. Вот она открыла глаза.

— Ничего, совсем ничего!

— Они закрылись от твоего восприятия?

— Нет, вначале я воспринимала их на пределе чувствительности. Ничего разобрать не могла. Но теперь абсолютная тишина. Они... или кто-то... вообще прекратили посыл.

Блейк повернулся к иллюминатору. На склоне видно алое пятно, там собираются ящерицы. У него на глазах они приня-

лись метать в шаттл копыя. Машина оставалась неподвижной: черепахи спят и будут спать еще несколько часов. Черепахи — может, они и есть те разумные существа, мысли которых воспринимала Марфи? Разумные черепахи? Он вслух возразил против этого.

Но Марфи не удивилась.

— А почему бы и нет? На этом уровне человечество, вероятно, вообще не возникло. Миров множество, и мы еще не начали их исследовать. Что может помешать другому виду развить разум и стать здесь царем природы? Черепахи — долгоживущие существа. А у этих ненормально большие головы, может, мозг больше, чем у других черепах на знакомых человеку уровнях. И это очень древний вид, они жили вместе с гигантскими ящерами задолго до появления человека. Блейк, это удивительное открытие, оно станет широко известно!

Если у них будет возможность сообщить о нем, подумал Блейк. И, увидев, как изменилось выражение ее лица, понял, что она подумала о том же.

— Ты говоришь, черепахи приняли нас за врагов?

— Форма шаттла. Может, она напоминает их гигантских противников, и они решили захватить его в плен, — предположила она.

— А эти? — Блейк указал на неподвижную ящерицу. Кожа не холодная, как можно ожидать у рептилии, она теплая и бархатистая.

— Медлительные животные могут вступить в отношения партнерства с другими, обладающими быстрой реакцией. Это может быть домашнее животное, слуга или товарищ по оружию. Что мы с ним сделаем?

— Снимем данные, потом вернем. Что еще? — Блейк положил тело на выдвижную полку и сосредоточил на нем приборы. Конечно, отчет будет не таким полным, как в лаборатории, но его достаточно, чтобы получить довольно полное представление об обитателях неизвестного мира. Закончив, он вынес ящерицу и положил на груды растений, сорванных черепахами. Задержавшись, осмотрел спящих черепах. Насколько можно судить, они не просыпаются. Блейк надеялся, что они проспят еще долго.

Вернувшись, он обнаружил, что Марфи извлекла пакеты с рационом и открыла их. Но Блейк взял один из открытых пакетов и снова закрыл.

— Прости... — начал он, но она тут же кивнула:

— Знаю, нужно экономить. Может, я действительно глупа, как утверждает шеф Кутур. Питье? — Она открыла крышку контейнера с саморазогревающимся стимулирующим напитком. По знаку Блейка сделала несколько глотков и передала контейнер ему.

— Я все думаю... — начала она, откусывая кусочек малоаппетитного, но высококалорийного концентрата.

— О черепахах? — подбодрил он ее, когда она заколебалась. Про себя Блейк был поражен силой духа Марфи. Он мало знаком с женщинами ее класса на Вруме, но те, кого он видел, окружены роскошью и всегда тщательно оберегаются мужчинами. На Вруме после атомной катастрофы, почти уничтожившей население этого мира последовательности, мужчин оказалось гораздо больше женщин. Уцелели те, кто находился при военной технике или в небольших смешанных группах в подземных убежищах.

Последующие малочисленные поколения страдали от мутаций, вызванных радиацией. Многие не выжили. У выживших развились пси-способности, которые направили жителей Врума на новые пути исследований, физические и мысленные. После открытия возможности пересечения времени исследования поддерживались прежде всего необходимостью добыть больше женщин. Какое-то время мужчины Врума добывали себе жен на других уровнях. Но потом это было объявлено преступлением, наказание за которое — полное стирание памяти.

Женщин на Вруме высоко ценили и лелеяли. Они редко участвовали в пересечениях времени, разве что на семейные каникулы или в составе исследовательских групп, как в Проекте, который они только что покинули. Блейк не знал случаев, чтобы женщины посещали другие уровни в маскировке, как делают патрульные или торговцы. И потому был удивлен тем, как быстро и легко приспособилась Марфи к их положению.

— Я все думаю... — начала она снова. — Думаю о Марве. Как она ушла с уровня? На незаконном шаттле? Может, они с Кар-

гласом стали свидетелями чего-то? На таком безжизненном мире вполне можно организовать базу.

Он думал о том же.

— Коптер ведь тоже исчез, — сказал Блейк.

— А может, это только видимость, — подхватила она. — Пассажиров похитили, а флаер где-нибудь утопили в реке. А потом... — Она словно колебалась, говорить ли дальше... — Марву могли убедить принять участие в... в авантюре.

— Как это?

— Тебе хорошо, Блейк Уокер. — Она смотрела на него сверкающими глазами, сине-зелеными, цвета океана, который он видел на своей родной планете. — Перед тобой нет закрытых дверей, тебе не приходится слушать рассказы о чудесах пересечения времени, не имея возможности увидеть их самому. Всю жизнь я слушала записи, видела на экранах миры последовательности, слышала рассказы таких людей, как Ком Варлт и мой отец. Но позволили мне самой рассказать или увидеть? Нет!

— Но ведь сейчас ты это делаешь, — сухо возразил Блейк, — и в таких обстоятельствах, в какие обычно не попадает и тренированный патрульный.

— Да. Я знаю, чем вызваны эти правила. Понимаю, что они разумны. Мне о них твердят годами. Но если я не хочу оставаться дома в качестве благополучной дочери семейства из Сотни? Если хочу сама пересекать время, хочу так сильно, что становится больно? Это правда. И Марва испытывает то же самое. И правила и приказы она любит еще меньше меня. Много раз я отговаривала ее от нарушения этих правил. Предположим, ей предложили возможность сделать это, когда меня не было поблизости?

— Ты считаешь, что она могла добровольно уйти с уровня, если представился шанс участвовать в приключениях?

Марфи молчала, лицо ее было выразительно, и Блейк задумался. Если ей предложили короткую поездку, которая сохранится в тайне, Марва могла согласиться и, возможно, оказалась в плену у своих спутников на другом мире последовательности. Но тогда еще вероятнее, что она в руках преступников. Если бы женщина вышла на любом терминале, где есть законный отряд патрульных, ее бы немедленно обнаружили и задержали.

А выслеживать преступников на пересечениях времен... Блейк покачал головой. Ему приходилось принимать участие в таком преследовании. И он знал, сколько энергии, времени и удачи требует такая операция. И вообще поиск может не начаться, если им самим не повезет.

— Если бы я хотела заставить Марву забыть о благоразумии, — Марфи смотрела в пространство мимо Блейка, — я бы упомянула мир E 625.

Блейк покачал головой. Ни один патрульный не помнит все миры последовательности. Перед вылетом он изучает мир своего назначения. Блейк помнил миры, на которых побывал сам. На всю жизнь запомнил три уровня, на которые его привозил преступник Прандж. Но за сведениями об остальных мирах ему пришлось бы обратиться к файлам Центра.

— В прошлом году мы видели отчет коммерческой группы. Марва потом месяцами говорила о нем. Уровень E 625. Я бы сразу узнала, там ли она.

— Ты?

Марфи резко кивнула:

— Да. Невозможно просто пойти и найти кого-то, особенно если человек скрывается. Но как только я окажусь на том же мире последовательности, что и Марва, я сразу узнаю о ней. Ни одна машина этого не может. Поэтому мне придется принимать участие в поиске.

Блейк не пытался с ней спорить. Если она хочет строить фантастические планы на будущее, он не собирается ей мешать. Ее как будто совсем не беспокоит, что у них может не быть возможности осуществить эти или любые другие планы. Блейку это совершенно ясно.

Он отошел к устройству вызова, которое посылало регулярные пульсации, призывало на помощь. Впрочем, он не знает, насколько искажено их положение скольжением шаттла и переноской его черепахами. В иллюминатор виден склон. Алое пятно исчезло. Либо ящерицы отказались от нападения на шаттл, либо вышли за пределы поля зрения. Ничего, абсолютно ничего нельзя сделать, остается только ждать. Наступает вечер, это видно по тому, что стемнело, и по удлинившимся теням.

Блейк откинул спинку кресла. Марфи легла в другое, но приподнялась, когда Блейк выключил освещение кабины.

— Зачем?

— Не нужно привлекать внимание в темноте, — объяснил он. — Свет из окна может послужить приманкой.

— Но если помощь придет, как нас увидят?..

— Мы заранее о них узнаем. Тогда сможем включить свет. — Блейк сосредоточил свое внимание на сигнале тревоги. Время уходит, шансы их уменьшаются. Конечно, прежде всего отправятся к Проекту.

И тогда его шаттл объявят пропавшим — конечно, если не пострадает от саботажа и второй патрульный.

Что заставило кого-то из группы Проекта пойти на такой фантастический шаг? Может, причина в девушках Роган?

Блейк мог продолжать рассуждать так бесконечно, выдвигая все новые и все более маловероятные предположения, и никогда не наткнуться на правильное. Но кабина неожиданно снова вздрогнула. Вскрикнула Марфи.

— Черепахи?

Можно ли выйти и выстрелить из игольника при свете фонаря? Блейк выбрался из кресла и объяснил, что должен попробовать. Из люка — в сумерки. Вокруг неподвижных спящих черепах собралось много новых. Блейк посветил фонариком. В его луче заблестели глаза, челюсти ухватили его за ногу. Хоть и беззубые, они с сокрушительной силой сжали его икру. Блейк выстрелил и увидел, что игла застряла в желтой губе. Он вздрогнул, нога болела очень сильно. Неужели сломана кость?

Ему удалось каким-то образом вернуться в люк, закрыть за собой дверь и вползти в кабину.

— Блейк! Сигнал! Помощь идет!

Он ухватился за спинку кресла и с его помощью встал.

— Включи свет, — прохрипел он.

Когда вспыхнул свет, Блейк помигал, потом устремился к контрольной панели. Нажать эту кнопку... потянуть за этот рычаг... включить коммутатор...

— Х4—67 вызывает Х4—39. Вы меня слышите? Вы меня слышите? — Голос металлический. Он может исходить из машины, а не из человеческого горла, но посылает его все-таки человек.

Блейк пытался стряхнуть туман, затянувший мозг от боли в ноге. Ему удалось прохрипеть:

— Говорит Х4—39... мы слышим. Незарегистрированный уровень... незарегистрированный уровень... повреждение... не можем передвигаться...

— Х4—39, связь установлена. Посылайте сигнал на полном напряжении. Мы выйдем по нему.

— Сложная посадка. — Блейк пытался сформулировать предупреждение. — Мы соскользнули с холма. И подверглись нападению аборигенов. Берегитесь черепах...

— Черепах? — Он услышал недоверчивую нотку и переключил сигнал на автоматический посыл.

— Блейк! — Марфи стояла рядом с ним, разглядывая порванный костюм. — Ты ранен!

Он увидел рану на ноге. Кто сказал, что для укуса обязательно нужны зубы?

— Наши друзья снаружи не хотели угомониться. — Он пытался скрыть боль в ноге, которую чувствовал при малейшем прикосновении. — Ну, худшее позади.

Или это только начало, пришла новая мысль с волной боли.

Глава 6

Блейк был прав, предполагая, что быть затерянным на незарегистрированном уровне — еще не самое худшее. Он лежал на узкой койке, нога перевязана, а мысли самые мрачные. И аскетическая обстановка госпиталя патрульных соответствовала его настроению. Прием, который ожидал его на Вруме — то, что он об этом помнил, конечно, — не обнадеживал. Он всегда знал, что оправдания не принимаются в корпусе, и теперь думал о том, в чем его могут обвинить.

Список обвинений возглавит, вероятно, перевозка пассажира без соответствующего разрешения. Им повезло, очень повезло, что их отыскали на планете черепах. В противном случае он нес бы полную ответственность за то, что могло случиться с Марфи. И не имеет значения, что выход из строя стержней помешал ему запросить разрешение на провоз пассажира, что его

шаттл был выведен из строя. Благоразумный патрульный отказался бы взять ее, хотя бы предстоял и благополучный возврат. Вдобавок он не проверил тщательно шаттл, принимая пассажира, вступил во враждебный контакт с аборигенами на ранее не исследованном уровне. Да, все это серьезные нарушения, и Блейку повезет, если его вообще оставят в корпусе.

Послышался стук в дверь, вошел Ком Варлт, держа в руке аппарат для записи. Его странного желтого цвета глаза были мрачны, выражение лица отчужденное. Он сел на единственный стул похожей на камеру палаты и положил готовую к работе машину на маленький столик у постели Блейка.

— Докладывайте. — Это единственное слово прозвучало приказом. Старший патрульный включил машину.

Блейк облизал губы и начал в официально требуемой манере отчет, далеко не обычный, хотя и сформулированный стандартными оборотами.

— Обычный отчет...

Варлт тут же вмешался.

— Закрытый отчет, — резко поправил он.

Блейк переварил это. Вот как, значит...

— Закрытый отчет, — поправился он. — Рейс на Проект 6471. Агент — Блейк Уокер, помощник патрульного, 7105, шаттл Х4—39, приказ...

Он медленно продолжал, вспоминая любые подробности, которые могут иметь значение для тех, кто потом будет изучать его отчет. И обнаружил, что, говоря, как бы видит все это перед собой. Отчет длился долго. Дважды Варлт выключал запись, и Блейк принимал лекарства, которые появлялись в углублении стола, но старший патрульный не задавал никаких вопросов, по мере того как Блейк продолжал описывать факты.

Он подошел к концу, описал, как с кружащейся от боли головой ждал с Марфи появления спасателей, и закончил официальной фразой:

— Клянусь в истинности сказанного, Блейк Уокер, помощник патрульного, 7105.

Варлт нажал кнопку, прерывая запись. Теперь прослушать ее можно только на одном-единственном аппарате. Выражение ли-

ца старшего патрульного не изменилось, оставалось мрачным и замкнутым.

— Вы без разрешения приняли на борт пассажира. — Говорил он резко и нетерпеливо.

— Да.

— Вы вступили в контакт с разумной жизнью другого уровня и подверглись нападению.

— Да.

— Эти два обвинения будут занесены в ваше досье. — Фраза официальная. Но Варлт не вставал, чтобы уйти. — Вы не защищаетесь?

Блейк пожал бы плечами, если бы поза и повязки не делали этот жест невозможным.

— Никаких оправданий, сэ. — Он дал требуемый ответ.

— Техники обнаружили, что Х4—39 подвергся искусственному саботажу. При рассмотрении вашего случая это будет принято во внимание.

И тут отчужденное выражение покинуло его лицо, Ком Варлт ожил.

— Этот отчет, — он постучал по аппарату, — он полный, очень полный, и в нем одни только факты. А теперь выкладываете предположения, а не только факты.

Блейк попытался поднять голову, и Варлт наклонился и поправил его подушку.

— Либо заговор ограничителей, либо действия преступника, незаконно перебирающегося с уровня на уровень.

— И саботаж? Вы полагаете, что между Проектом и преступником существует связь?

— Вероятнее, ограничители. Но при чем тут Проект? Если прикажут его закрыть, что им до этого?

— Да. Это первоклассная головоломка. Мотивы одной части никак не совпадают с мотивами другой. Части не совмещаются. Мы должны основываться на факте: Марва Роган исчезла, а Х4—39 не должен был достигнуть Врума. Вы понимаете, как вам повезло, что вас нашли? У вас был ничтожный шанс, мой юный друг!

— Знаю. И думаю, почему не вывели из строя и сигнал тревоги.

— Была попытка сделать и это. Техники обнаружили следы на крышке. Но либо не хватило времени, во что я склонен поверить, либо не было нужного инструмента, чтобы открыть внутреннюю панель. Мы знаем теперь: среди участников Проекта есть кто-то, пытавшийся сделать невозможным ваше возвращение. А почему? Потому что с вами на борту была Марфи Роган? Или просто чтобы обеспечить отсутствие связи Проекта с Врумом на время? Или и то и другое? Может быть, узнаем, когда специалисты займутся стержнями.

— Стержнями?

Варлт кивнул:

— Да. Почему и они вышли из строя? Мы проверили диаграмму их установки. Сами по себе они не могли выйти из строя...

— Может, их сознательно установили неправильно, — устало сказал Блейк.

Нога тупо болела, на глаза что-то давило. Ему неожиданно стало все равно, что происходило с Блейком Уокером несколько часов назад на одном из миров последовательности или что происходит здесь. Он закрыл глаза, потом открыл их с усилием и заметил, что Варлт наблюдает за ним.

Старший патрульный встал и взял аппарат для записи.

— Вам нужен сон, а не разгадка головоломок, — заметил он. — Забудьте об этом на время.

Блейк лег. Тяжесть в голове перешла в боль. Он проглотил таблетку, оставленную врачом. И когда она растворилась на языке, закрыл глаза, запретив себе видеть скальный навес, предательскую царапину в тени, алых ящериц с нацеленными копытами и черепах, уносящих шаттл. Сон поглотил его, и он действительно ничего не увидел.

Последующие два дня Блейк либо спал, либо лежал в полусне, ни о чем не думая. Но на третье утро он проснулся с ясной головой, полный энергии. Врач заверил его, что он выздоравливает и должен упражнять ногу. Поэтому Блейк с помощью костылей добрался до фойе, сел там в кресло и стал смотреть в окно на фантастический сад, какие порождает пересечение времен. Имея возможность выбирать из множества миров, Врум

стал представлять собой смесь необычной архитектуры, растительности, украшений, волшебное место для глаза, уха, носа. Растения, здания, статуи — целые города на Вруме созданы по образцам, заимствованным на мирах последовательности и известным их обитателям. Сад за окном Блейка не был исключением.

Он видел древесные папоротники, похожие на те, что растут на планете черепах; они образовывали задний план для фонтана, изображающего крылатого человека, который наливает воду из рога, а вокруг восьмиугольного бассейна росли розы и яркие ароматные цветы, которые Блейк не сумел бы назвать. Недалеко летний павильон, словно из замороженных хрустальных кружев.

Врум живет за счет пересечения времен. И если ограничители добьются своего, жизнь станет трудной. Большая часть Врума пострадала в древней атомной катастрофе, и теперь обитаемые участки представляют собой только цепь оазисов. Что движет ограничителями? Что могут они предложить взамен постоянного притока припасов и товаров, которые шаттлы доставляют с миров последовательности? Строгий контроль за такими контактами уже действует; перерезать девять десятых этих контактов, чего добиваются ограничители, означало бы задушить Врум.

— Блейк!

Оторвавшись от своих размышлений, он оглянулся через плечо.

Марфи Роган, не в тусклом комбинезоне Проекта, но в сверкающих шелках, с вуалью на голове, с косметикой на лице и с дорогими украшениями, шла к нему. За ней — высокий мужчина, светловолосый, с сине-зелеными глазами, с лицом, которое представляло собой мужской вариант лица Марфи.

На мужчине был короткий плащ, небрежно отброшенный назад, но Блейку не нужно видеть значок Сотни у него на плече. Он потянулся за костылями, чтобы встать, но Марфи отобрала их.

— Сиди, — приказала она, и Блейк заметил, что надменность, еле заметная в ее голосе при первой встрече, теперь слышна вполне ясно. — Отец, это Блейк Уокер.

Эрк Роган приветствовал его, по обыкновению вытянув руки ладонями вниз, скрестив запястья, потом подтянул два стула, один для дочери.

В корпусе нет ни одного человека, кто бы никогда не видел Эрка Рогана. Одни знали его по участию в экспедициях, другие как чиновника, осуществляющего связь между патрульными и Сотней. Всем знакомы его нервные движения, короткие незаконченные предложения, впечатление, что он здесь на мгновение, в перерыве между приступами лихорадочной деятельности.

И сейчас он не просто сел на стул, а взгромоздился на его край, словно в его распоряжении только секунды. И заговорил резко и нетерпеливо:

— Я получил полный отчет о ваших приключениях...

Пауза была очень короткой. Блейк не ответил, потому что видел, что его ответ не нужен. Эрк Роган уже продолжал:

— Марфи рассказала, как она все это видит.

Что видит? — удивился Блейк. Намек на различия в отчетах. Он посмотрел на девушку. По контрасту с отцом она сидела совершенно спокойно. На губах ее была легкая улыбка, словно она находит ситуацию забавной.

— Я удовлетворен вашим участием в деле, Уокер. — Роган потянул за край форменной шляпы, словно хотел совсем от нее избавиться. — И потому попросил, чтобы вас назначили в следующее. Мне сообщили, что у вас нет полного пси. Но в команде полные дары не всегда необходимы. Если согласны принять предложение...

— Эрк Роган! — отчетливо сказала Марфи. — Ты не объяснил сути предложения.

Отец на мгновение нахмурился. Потом улыбнулся.

— Как обычно, я забегаю вперед, молодой человек. Хорошо, объясняю. Вы разговаривали с Комом; знаете, что головоломку нужно решить. Моя дочь пропала. Я считаю, что она на одном из уровней. Возможно, она приняла участие в этом деле вначале добровольно, но сейчас это не так. Слишком много прошло времени. Не знаю почему. Может быть несколько ответов, и все логичные. Однако совершенно... — он колебался и потом использовал слово, которое могло бы показаться

невыразительным, если бы не его тон, — совершенно необходимо отыскать ее. Но мы оказываемся в положении человека, который бросил песчинку в груды песка и снова хочет отыскать ее. Перед нами тысячи миров последовательности, с которыми мы установили контакт — от постоянных терминалов до нерегулярных посещений. Мы можем быть уверены, что Марва не проходила ни через одну законную станцию. У нас есть только одна нить, да и та тонка, как паутинка. Марфи знает, что ее сестру очень интересовал Е 625. Есть вероятность, хотя я бы не стал возлагать на нее большие надежды, что она улетела туда, якобы на время...

— Но они, кем бы ни были эти «они», могли предложить ей эту цель, а остановиться в любом другом месте, — возразил Блейк.

— Совершенно верно. — Эрк Роган дернул головой, и шляпа соскользнула с нее. — Но это все, что у нас есть. И поэтому нужно исследовать сначала эту возможность.

— А как же саботаж Проекта?

— Там сейчас группа патрульных собирает свидетельства. Но если Марва в руках незаконного посетителя уровней — не знаю, почему я на это надеюсь, но надеюсь, — мы должны это проверить. Если Марва на Е 625, Марфи сразу будет это знать. А когда проверим, сможем переходить к другим возможностям.

— Правда, Марфи? — Блейк посмотрел на девушку.

Она наклонила голову:

— Я буду знать, если Марва там. Поэтому я должна быть участником группы, Блейк Уокер. Вопреки всем правилам. На этот раз они будут нарушены.

— И этот вопрос не подлежит обсуждению, — прервал Роган дочь. — Марфи незаменима. Мы не можем обыскивать каждый уровень, а она за несколько часов сообщит нам, здесь ли ее сестра. Поэтому мы нарушаем одно из основных правил и включаем ее в состав поисковой группы. Меня призовут к ответу за это, и я готов отвечать — после вашего отправления. Я не стану рисковать дочерью из-за каких-то правил. Марфи всю жизнь имела дело с отчетами патрульных и совершила все пересечения, допустимые для ее пола. Она хорошо знает все процедуры. Но до вашего отлета об этом никому нельзя говорить!

— Обещаю. — Блейк чувствовал, что его втягивают в сомнительное дело, но совсем не хотел отказываться от участия. Роган должен знать, в чем его обвиняют. И еще один полет может изменить приговор, а может определить и всю его будущую карьеру.

Роган уже вскочил, потащив за собой плащ.

— Марфи, — сказал он по пути к выходу, — я заказал ознакомительные ленты. Просмотри их с Уокером. Врач заверил, что вы сможете действовать через три дня. Нам потребуется не менее шести, чтобы завершить подготовку. Но начинать...

Марфи помахала ему рукой:

— Мы уже начинаем, отец. Не волнуйся.

Блейк не был уверен, что Роган ее слышал. Он исчез за дверью до того, как она кончила говорить.

— Итак, ты получила, что хотела! — Блейк не вполне был уверен в собственном отношении: раздражение, легкое удивление ее невозмутимостью, подозрение, что она находит это удивительно интересным приключением, не очень заботясь о его причине.

— Я получила, что хотела? — Повторив его слова, она заставила их звучать вопросительно. — Не быть телепатом, Блейк Уокер, значит иногда так же хромать мыслью, как ты сейчас физически. Ты требуешь объяснений там, где другим слова не нужны. Но и ты для меня — сплошная стена, и я должна опираться на твои слова и по ним и по тону голоса догадываться о твоих мыслях и чувствах. И теперь мне кажется, ты искренне веришь, что Марфи Роган смотрит на это скорее как на приключение, чем на возможность освободить Марву.

Блейк покраснел. Возможно, мысли его и защищены, но она тем не менее понимает его так, словно он открыт перед нею.

— Ты нас не знаешь — Марву и меня, поэтому я на тебя не очень сержусь. — Голос ее звучал холодно, она по-прежнему слегка улыбалась. — Но без Марвы я становлюсь калекой. Не в моем характере жаловаться и действовать неразумно. Возможно, в первые часы, когда я не смогла с ней связаться, страх отравил меня. Но если не подкармливать его воображением, со страхом можно справиться, он даже будет побуждать к действиям.

Если бы я осталась здесь, не принимала участия в действиях, вот тогда бы я действительно узнала хлыст страха. И под его ударами могла сломиться. Но теперь я могу помочь в спасении Марвы, и на это направлена вся моя энергия. Не думаю, чтобы в отряде меня сочли слабым местом. А теперь, может, начнем?

Из пояса Марва достала проигрыватель размером с ладонь, маленькую и дорогую игрушку. Блейк узнал в нем один из лучших аппаратов новейшего производства. Она придвинула к нему свой стул и поставила аппарат себе на колено, потом извлекла два набора наушников и развернула их. Один протянула Блейку, другой приладила под своей замысловатой прической. Когда Блейк кивнул, она коснулась кнопки, и лента начала свой рассказ, слышимый только им одним.

Позже они смогут разглядывать изображения и получают подробные инструкции, большей частью под гипнозом. А сейчас просто бегло знакомились с миром последовательности.

Раньше Е 625 был един с миром, который Блейк называет своей родиной. Потом два критических расхождения в событиях определили его совершенно отличное будущее.

Первая развилка произошла в 1485 году. Генри Тюдор не начал править в Англии. Храбрая атака Ричарда Третьего на врага во время битвы при Босворте привела к успеху претендента Ланкастеров, и Ричард собственной рукой навсегда покончил с Красной Розой.

Сев на трон, Ричард проявил свой потенциал, который историки мира Блейка приписывали ему, сожалея, что в их собственном прошлом он так и не сумел доказать, что был самым способным из Плантагенетов. Через два года после Босворта он женился на шотландской принцессе, что дало ему одновременно наследника и мирную северную границу. Плантагенеты правили Англией еще сто пятьдесят лет. Расцвет Англии, который в мире Блейка пришелся на правление Елизаветы Тюдор, на Е 625 начался раньше, при Ричарде и его ближайших преемниках.

Понимая важность торговли, Ричард поддерживал английских купцов, искавших новые рынки. Одна из торговых экспедиций, достигнув Исландии, отправила на неведомый запад, о котором ходили предания у норвежцев, два корабля, и в 1505 го-

ду на Американском континенте была основана первая фактория для закупок меха.

Второе отличие от хода истории, известной Блейку, произошло 7 июля 1520 года. Кортес, изгнанный из Мехико разгневанными ацтеками, дал последнюю битву у деревни Отумба. Но упрямого и решительного предводителя испанцев поразила стрела, а его деморализованные люди, численность которых и так сильно уменьшилась при отступлении, закончили жизнь на кровавых алтарях чужих богов. Императором Мексики остался Каутемок.

На севере вслед за купцами появились английские рыбаки, они пользовались огромными рыбными богатствами этих морей; позже колонисты расселились по Атлантическому побережью, основав государство Новая Британия, которое теперь является лишь номинальной колонией.

Испания, не получив золота Мексики и Перу, владела только небольшой территорией в Вест-Индии, пока король, занятый на континенте борьбой за власть, не перестал оказывать поддержку своим заморским подданным, и Испанская империя в этом альтернативном мире превратилась в сновидение, так и не осуществившись в действительности.

На Е 625 ацтеки победили испанских завоевателей, но столкнулись с большими трудностями дома. Исключительно кровавая религия, которая требовала бесконечных жертв богам, привела к тому, что все завоеванные племена объединились и выступили против завоевателей. И ацтеки были побеждены в ряде межплеменных войн. Выжившие бежали на север, в южную часть того, что в мире Блейка стало Соединенными Штатами. Тут оказались также испанцы с островов, авантюристы из-за океана, рыбаки с соседней Новой Британии. Заключались и распадались союзы, шла борьба за господство.

Но в 1560 году ситуация резко изменилась. В Центральной Америке появился один из предводителей, которые иногда возникают во времена смут. Он оживил древнюю легенду о «белом боге». Происхождение его так и осталось неизвестным, но он правил так решительно и удачно, что два его сына и их преемники объединили множество племен, создав империю, которая и не снилась ацтекам. При их правлении купцы майя устремились

на север, колонии беженцев на юго-западе были подчинены и вся территория к западу от Миссисипи постепенно стала частью новой Империи.

Новая Британия и Империя дважды воевали, причем победить не удалось никому. Потом наступил мирный период, точнее период вооруженного нейтралитета, который продолжается уже пятьдесят лет. У Империи трудности на северной границе и проблемы с русскими колонистами на западе. Река Миссисипи служит естественной границей двух государств и очень разных культур...

Всего лишь краткий обзор. Блейк знал, что придется усвоить очень многое, прежде чем он сам окажется на этом уровне.

Глава 7

— Вильям Кемпден, родился в Новом Сассексе в поместье Гилденторп, подмастерье Гайлза Кофорта, аккредитованного купца в Акроне. Мой отец — землевладелец в Бредбери, я его третий сын. Мой брат Руфус — офицер британского флота; мой брат Кедуолдер — купец в Китае; мой брат Ричард — наследник и действует как заместитель отца...

Блейку не было необходимости повторять все это вслух; память его перенасыщена необычными сведениями; словно на прежнюю личность Блейка Уокера наложилась другая, новая, и он испытывал странное ощущение, словно эти две личности не очень хорошо знают друг друга.

Вся деятельность штаб-квартиры патрульных теперь сосредоточилась на нем и его спутниках. Блейк с трудом подчинялся гипнозу, но с ним работали терпеливо и долго, пока этот наложенный на него «Вильям Кемпден» и его прошлое не пришли в соответствие со строгими стандартами Врума. А вместе с Вильямом пришли знания и привычки, дающие Блейку нужное место в обществе, которое без колебаний примет его.

— В нашу пользу то обстоятельство, — говорил Варлт, — что холодная война между Тольтекской Империей и Новой Британией не мешает свободному проникновению граждан на обе территории. В прошлом ацтеки использовали своих купцов как

агентов-provokatorov, отправляли их в страну, предназначенную для захвата, с приказом создавать волнения, чтобы у военных был предлог для вмешательства. В сущности социальное положение поктека — купцов — определялось тем, что они на самом деле были замаскированными солдатами. С другой стороны, государства майя жили не войной, а торговлей, и купцы были там аристократами, заботившимися о торговых правах своего города или государства. После Объединительных войн Кукулкан Второй покровительствовал торговым сословиям обоих государств. Его политика лишила власти военных предводителей, которых он подозревал в соперничестве, и отчасти подорвала влияние жречества. Целый ряд «чудес», организованных Кукулканом в начале царствования, также отрицательно сказался на власти жрецов.

Вслед за последней войной между этими двумя государствами Новая Британия, понимавшая свою слабость, заключила торговый договор с тольтеками. С тех пор по обе стороны границы началась гонка вооружений, но одновременно стала развиваться и связь между государствами. У тольтеков свои неприятности на севере и с русскими в Калифорнии. Во время длительного несовершеннолетия нынешнего императора Маятзина усилились трения между купцами и остатками военной аристократии, которая обретает влияние только во времена войн. Ходят также слухи, что возобновилось тайное поклонение Вицлипуцци, древнему ацтекскому божеству. Таким образом, мы попадаем в сложное положение и должны быть уверены в себе.

Группа готова была высадиться на Е 625, чтобы проверить предположение, что там находится то, что нужно найти. Блейк взглянул на то, что лежит перед ним на столе. Такая красота способна привлечь внимание любого. Даже в его собственном мире до того, как Хуан Испанский приказал переплавить эти украшения для военных нужд, люди поражались мастерству златокузнецов Мексики. Здесь работа их потомков, первоначальный рисунок усовершенствован, изменен, очищен. Это ожерелье и серьги, найденные в потайном отделении шкатулки для драгоценностей Марвы Роган.

Даже Марфи никогда раньше не видела эти украшения, пока не отыскала их в вещах сестры. Они, несомненно, тольтекского

происхождения. Эрк Роган тщательно проверял все контакты своей дочери за последние несколько месяцев, пытаясь найти связь между Е 625 и собственным домом, а Марфи тем временем стала молчаливой и замкнутой. Ее, по-видимому, глубоко поразило, что связь ее с сестрой на самом деле была не такой полной.

Поступил ошеломляющий отчет со стерильного мира Проекта. Нашли обломки потерянного коптера, они находились в речных порогах. Роган и его дочь внешне согласились, что поиски на этом заканчиваются. Но они не верили, что Марва погибла там.

Блейк нетерпеливо дернул за воротник своей куртки. Граждане Новой Британии не утратили любви к ярким цветам, как жители его собственного мира, усвоившие унылое единообразие викторианской эпохи. На Блейке сейчас были надеты облегающие темно-зеленые брюки, темно-красная рубашка, украшенная кружевами и оборками, а поверх нее свободная куртка с узкими полосами меха и с золотой пряжкой на горле.

Но хоть одевались они экзотически, граждане Новой Британии были практичными и суровыми деловыми людьми. И достаточно «современными» по образу жизни. Транспортировка осуществлялось главным образом машинами на электроэнергии. Использовались и конные экипажи, но в основном как символ высокого положения. Воздушное сообщение ограничено, действует почти исключительно в военных целях, летают низко на особых «крыльях». Двадцать лет назад было создано изобретение — сонические установки, — которое теперь не давало возможности пересечь границу по воздуху.

Как купец, Вильям Кемпден не вооружен, хотя его братья в соответствующих случаях могут носить короткие церемониальные мечи. На широком поясе Блейка нет ничего, кроме пряжки с гербом, удостоверяющей его положение и происхождение. Он прошел интенсивный курс геральдики и теперь может распознать герб на пряжке и не ошибиться в полагающемся приветствии.

— Уокер? — На Варлте такая же одежда, только он выбрал синий и желтый цвет, его меховой воротник шире, вышивка нарядней, а на поясе меч старшего торговца и пряжка с гербом,

свидетельствующим о его принадлежности к известному дому. — Мы готовы.

По-своему группа восстанавливала прежнее товарищество по оружию. В группу входит Пак Ло Сидж, которого некогда Блейк знал как Сана Эрскина из отряда, прочесывавшего миры последовательности в поисках людей. Волосы Ло Сиджа чуть посветлели; он казался очень хрупким в тяжелом плаще купца.

Чуть в стороне Марфи. В короткой юбке, едва достигающей колен, в облегающих черных брюках с серебряной нитью. Платье серебристо-серое, без всяких украшений, кроме пряжки на поясе. Поверх длинный плащ без рукавов, того же серого цвета чуть более темного оттенка. Общее впечатление: монотонное однообразие вверху, яркая окраска внизу. Волосами она пожертвовала ради маскировки, теперь они подрезаны коротко, как у мужчин. Концы их окрашены в красно-коричневый цвет, отчего голова кажется пятнистой. Такова мода в Новой Британии.

С ней Эрк Роган, он держит дочь за руку в эти последние минуты, как будто готов передумать и не разрешить ей участвовать в опасной экспедиции. Но он ничего не говорит, когда группа забирается в тесную кабину шаттла.

Врум содержит терминал на E 625, и никаких «случайностей» на этом маршруте не будет: шаттл перед стартом тщательно проверили. Но когда его охватило знакомое тошнотворное ощущение, Блейк не мог не напрячься. Невольно он ждал катастрофы. Потом осознал свой страх и рассердился. Неужели теперь он всегда будет так относиться к пересечениям времени?

В кабине не было разговоров. Все, подобно Блейку, пытались освоиться со своими новыми личностями — личностями Вильяма Кемпдена, Джеффри Варнстеда, его племянницы Энн Варнстед и Мэттью Лайтфута.

Сигнал, предупреждающий о прибытии, заставил всех стать собраннее; операция началась. Они оказались в закрытой части склада. Штаб так рассчитал, чтобы они прибыли ночью, и лишь слабый свет помог им пробраться между рядами корзин и тюков. Над дверью горел огонек. Варлт знаком велел остановиться и осторожно открыл дверь.

Снаружи оказался двор, окруженный стенами, вымощенный каменными блоками. Во дворе грузовик с товарами. Варлт и Блейк сели в кабину, Марфи и Ло Сидж — в закрытый фургон. Варлт, словно всю жизнь водил такие грузовики и в голове его была карта, включил двигатель, провел машину в ворота и двинулся по лабиринту узких улиц, освещенных стержнями, расположенными на равных интервалах на столбах. У окружающих зданий первые четыре-пять этажей каменные или бетонные, но над ними деревянные надстройки. Никаких реклам и вывесок, но причудливые разукрашенные фонари у входов обозначали, чем занимаются в этом доме.

— Здесь. — Варлт остановил грузовик в другом дворе, так же плохо освещенном, как и у склада. Все вместе они вошли в здание. Еще проезжая по улицам, они обратили внимание, что очень мало прохожих, и — исключительно мужчины. В этом пограничном городе строго выдерживается комендантский час, и женщины редко живут здесь самостоятельно.

Их ждал плотный человек в костюме старшего торговца. У него властная внешность, что подчеркивает и заостренная борodka серо-стального цвета. Роджер Аршалм, английский купец из Лондона, конечно, не был ни английским купцом, ни лондонцем, но весь Акрон считал его таковым.

Произнеся несколько ворчливых слов — признание, но никак не приветствие, — он провел их в деревянные верхние этажи, где жил сам, его семья и весь штат.

В ярко освещенной, нарядной, с панелями, комнате Аршалм сбросил плащ и знаком пригласил к столу, на котором стояли вино в прекрасных кубках и металлические, с драгоценными украшениями тарелки, а на них фруктовые пирожные, хлеб с различными пастами, которых Блейк не узнал, но которые очень аппетитно пахли.

— Это безумие, — сразу заявил Аршалм. — Вы, леди, — он взглянул на Марфи, — подвергаетесь здесь большому риску. В городе так мало женщин, что все они хорошо известны, и у каждой история уходит в прошлое на несколько поколений. Если вас увидят, начнутся разговоры, которые могут раскрыть весь наш терминал. Ваше присутствие, — он повернулся к остальным, — я могу оправдать. На реке беспокойно. Вас выслали из

Империи по капризу какого-нибудь лорда, заставили уехать, оставив все добро...

— Такое случается? — прервал Варлт. — Назревают неприятности?

— Случается, да. А неприятности здесь назревают всегда. Но сейчас, по-моему, здесь просто кипящий котел.

— Есть для этого какие-то особые причины?

Аршалм развел руками:

— Причины? Купцы хотят мира, военные лорды, видя, что их влияние уменьшается, — войны. Ходят слухи о жертвоприношениях на границе и в изолированных поселках. Вспоминают пророчество о возвращении Хитзилопоцли. Когда правитель долго остается ребенком, в государстве всегда возникают проблемы. Не один лорд спит и видит себя в императорской короне.

— Но ведь так продолжается уже годы...

— И все время напряжение усиливается. Время идет, и лорды смелеют. Они никогда не были так решительно настроены, со времени подавленного восстания в 1912-м. Вспоминают древние забытые законы, применяют их, когда могут. Последний из таких законов — ограничения иностранных разрешенных торговцев. Им разрешается выходить из дома только по специальному пропуску и под охраной — для их собственного блага, разумеется. Население не любит иноземцев — формально такова была причина нескольких контролируемых бунтов. Еще несколько таких тщательно организованных инцидентов, и у них появится предлог для высылки всех разрешенных...

— И Новая Британия это терпит?

— С нынешним-то правительством? — Аршалм пожал плечами. — В ближайшее время никаких перемен не ожидается. Но если удастся изменить общественное мнение, умеренные могут быть отстранены от власти и править будет королевская партия. Вице-король с трудом поддерживает равновесие и мир. И ведь он может только советовать, не приказывать. Договор 1810 года о Расхождении не допускает этого.

Итак, если вы не найдете то, что ищете, в Новой Британии... — продолжал Аршалм, и в этот момент Марфи сделала неожиданный неконтролируемый жест, уронив кубок и залив вином платье.

Но даже не взглянула на желтые брызги. Повернула голову, но словно не по своей воле, а как будто ее притягивал мощный магнит.

Повернув голову, она встала. Все смотрели на нее. Марфи медленно описала полный оборот и с широко раскрытыми глазами пошла к занавесу, висящему на стене. Руки ее коснулись краев занавеса, развели его, под ним оказалось окно. Пальцы девушки ухватились за раму, принялись открывать засов.

Варлт первым пришел в себя, он несколькими широкими шагами преодолел разделявшее их расстояние, отвел руки Марфи и сам открыл окно. Ворвался холодный ночной воздух, а с ним звуки воды, влага. Вспышки света означали фонари. Варлт мягко положил руки на плечи Марфи, одновременно поддерживая и защищая ее.

— Марфи, — сказал он негромко, успокоительно.

Она покачнулась под его прикосновением, но не повернула голову; по-прежнему продолжала смотреть в ночь. Потом Блейк увидел, как дрожь пробежала по ее телу, словно она прыгнула в ледяную воду и пришла в себя. Повернулась к Варлту, ухватилась за его одежду; лицо у нее стало измученным и напряженным.

— Я была права. — Говорила она негромко, низко, но все в комнате ее услышали. — Марва здесь!

— Можешь сказать точнее? — по-прежнему мягко спросил Варлт.

— А где Ксоматл? — спросила она в свою очередь.

Аршамл сделал такой же неконтролируемый жест, как тот, что опрокинул кубок Марфи. Варлт поверх головы Марфи взглянул на управляющего терминалом.

— Это территория Империи, к югу, один из племенных центров. Если она говорит правду... — Он покачал головой.

— У Новой Британии есть там контакты? — спросил Варлт.

— Каждый второй месяц туда под охраной направляется караван разрешенных торговцев. Вернее, так было в прошлом. А что теперь будет, никому не угадать. Однако подделывать удостоверения таких торговцев невозможно. Одни и те же семейства поколениями ведут здесь торговлю. Даже если бы такая экспедиция была, поместить в нее кого-нибудь нельзя.

Варлт поглядел на Марфи.

— Ты уверена?

— Да. Она... ее держат под присмотром, но не называют пленницей. Если бы я могла использовать всю мощностъ посла, может быть...

Варлт проявил решительность:

— Ты должна это сделать. Аршалм, найдется у вас нужное помещение? Марфи, возбуждающее тебе нужно?

— Вначале попробую без него. Мы никогда в прошлом не использовали вспомогательные средства и всегда связывались.

Она вышла в сопровождении Варлта и Аршалма. Блейк знал, какое испытание ей предстоит, хотя сам никогда через него не проходил. Связь от мозга к мозгу на высочайшем уровне вызывает у участников состояние, подобное трансу. Они должны находиться в одиночестве и иметь возможность отдыхать. Никаких звуков или других помех. Все это Марфи тут предоставят, но будут ли подходящие условия у ее сестры? Пока они использовали ничтожную вероятность. Догадка Марфи о местонахождении сестры подтвердилась. Но куда они двинутся теперь? И как?

Ло Сидж допил вино. Улыбнулся Блейку и пожал плечами, словно прочел мысли младшего товарища.

— Гадаешь о нашем следующем ходе? Не трать мысленной энергии. Мы ничего не предпримем, пока не будем уверены. Аршалм кричит «невозможно», но уже ищет возможности опровергнуть свое заключение. Нужно просто немного потерпеть. Меня, например, сейчас больше всего интересует постель.

И Блейк, лежа в кровати с четырьмя столбиками, с пологом и тонкими, пахнущими лавандой чистыми и прохладными простынями, действительно расслабился. Все в комнате покрыто патиной древности; чувствуется, что время здесь проходит медленнее, что приметы иного, более величественного века задержались здесь и создают ощущение безопасности и единства с предками, которого ему так не хватало на родной планете.

Ложась, он раскрыл окно, и комнату заполнили речные звуки. Одно хорошо в Акроне: нет по ночам шума уличного движения.

Река, а за ней — вражеская территория. Где-то там, на юго-западе, другой город, еще более чуждый, чем этот, а в нем по

причинам, которые он даже представить себе не может, находится Марва. Когда подлинно невероятное становится невозможным? Они на одном с Марвой уровне, а шансы на это были так малы, что казались невероятными. Будет ли продолжаться их везение?

Речной шум успокаивал, и Блейк погрузился в полудремоту. Но потом очнулся. Где-то далеко, как тень на краю тени, его ждет опасность. Его дар чуть проснулся, и сам он теперь не спит. Не естественная тревога, какую можно ожидать в подобных обстоятельствах, а настоящее предупреждение об ожидающей опасности. Но опасность пока далеко, всего лишь тень тени. На юго-западе?

Глава 8

— Безумие! — Аршалм только что поднялся из торгового помещения вниз. Ходил взад и вперед, возбужденно размахивая полами плаща, и это придавало ему сходство с птицей, которая парит в зловещем предзнаменовании. — Сообщение пришло только что. Ждут торговцев из Тоносала и Манао.

— Но ведь караван пойдет в Ксоматл, верно? — Варлт, сидя на стуле, изучал карту, расстеленную на столе и прижатую различными предметами столовой утвари. — Города, которые ты упомянул, на севере. Есть ли особая причина, почему тольтеки делают это именно сейчас?

— Это старые пограничные территории, — с отсутствующим видом ответил Аршалм.

— Торговцев здесь всегда подозревали, — заметил Ло Сидж. — Местные племена воинственны — их окончательно покорили только два поколения назад. Именно их восстание повернуло ход войны и помогло предотвратить покорение Новой Британии. Они никогда не мирились с правлением императора и всегда готовы стать орудием интриги, нужно только их нацелить.

Аршалм задержался у стола.

— Это совершенно верно. И все признаки указывают, что вулкан готов взорваться. И если новобританец окажется за гра-

ницей, когда это случится, помоги ему бог! Ничто другое здесь ему не поможет. Фанатики по-прежнему ждут кровавых пиров в соответствии со старым обычаем, а всегда существовало правило: первым бог пробует кровь чужаков.

— Марва здесь. — В наступившей вслед за взрывом торговца тишине резко прозвучали эти два слова Марфи. Под глазами у нее появились тени; она словно только что оправилась от серьезной болезни.

— Но, кроме этого, вы ничего не знаете, — резко напомнил Аршалм.

— Я... не смогла... узнать больше. Не знаю почему.

Попытка Марфи связаться с сестрой не привела к более надежному контакту. И это беспокоило всех, а у самой Марфи вызвало шок, от которого она еще не вполне оправилась.

— Мозговой блок? — Ло Сидж перевел взгляд с девушки на Варлта, потом на Аршалма.

— Возможно, — первым ответил Варлт.

— Никто на этом уровне на него не способен, — возразил Аршалм.

— Никогда нельзя недооценивать местных жрецов, — заметил Ло Сидж и потом добавил: — Она ведь прилетела сюда не одна, и доставили ее с определенной целью. Мы все с этим согласны. Те, кто привез ее, должны были принять предосторожности.

— Мы должны найти ее! — В голосе Марфи звучала истерическая нотка. — Что, если... если ее привезли... как подарок?

Совесть самого Врума не очень чиста в этом отношении. Слишком многие врумские семьи добывали себе силой невест, похищали их на мирах последовательности. В истории самих Роганов была не одна такая женщина, история которой известна потомкам. Догадка Марфи звучит логично.

Варлт покачал головой:

— Нет, дело не в похищении жен. Если бы было так, ее снабдили бы ложной памятью, а не отправили бы пленницей на другой уровень. Больше того, такие подарки у тольтеков невозможны. Такая, как ты, Марфи, не представляет никакого интереса для придворного или дворянина. — Он неожиданно замолчал; рот его превратился в тонкую линию. — Если только...

Марфи вскрикнула, полувстала из-за стола, в ужасе прижала руки ко рту, как будто хотела помешать себе сказать нечто такое страшное, что нельзя произносить вслух. Не впервые Блейк пожалел об отсутствии у себя телепатических способностей. Какая мысль возникла в сознании Варлта и привела в ужас Марфи и Ло Сиджа тоже, судя по выражению его лица? Лишь Аршалм выглядел удивленным. Блейк решил, что пси-дары торговца лежат в каком-то другом направлении.

— Итак... — Ло Сидж постучал пальцами по столу, — похоже, становится необходимым действовать быстро.

Его прервал Варлт, заговоривший с Аршалмом:

— Это совершенно необходимо! Мы должны быть с этим караваном, когда он выйдет спустя два дня. Как это сделать?

Аршалм ударил кулаком по столу:

— Я уже сказал: это невозможно! Три новобританских семейства владеют наследственным правом торговать в Ксоматле: Веллфорды, Фронтнамы и Трелонли. Все они лично известны страже и купцам Ксоматла. Никого подменить нельзя: подмена будет немедленно обнаружена.

Ло Сидж лениво улыбнулся.

— Неразрешимых проблем не бывает, — сказал он с обманчивой мягкостью. — У вас есть список и снимки всех, кто отправляется?

Аршалм достал из внутреннего кармана пакет и бросил его на стол:

— Шесть человек. Каждый известен страже на реке, словно это их родные братья.

Ло Сидж раскрыл пакет, вставил ленту в небольшой аппарат и направил его на стену. Картинка была не такой ясной, как на настоящем экране, но достаточно отчетливой. Шесть человек, от совсем молодого до средних лет, старейший по возрасту — старший торговец Джеймс Фронтнам, два его помощника, подмастерье и двое рабочих, честолюбивые молодые люди, которые хотят обучиться искусству торговли.

— Все они Фронтнамы, Веллфорды или Трелонли, даже рабочие! — объявил Аршалм. — Мы не можем добавить ни одного новичка.

— В таком случае придется заменить всех, — мягко сказал Ло Сидж.

Блейк ожидал, что Аршалм тут же примется возражать. Но торговец не взорвался. Он сел и по очереди осмотрел всех.

— Вы понимаете, — сказал он наконец спокойным, сдержанным тоном, — это не просто неразумно. Это настоящее безумие. О, — он махнул рукой, отбрасывая возражения, — конечно, мы можем превратить вас в копии этих людей. Можем познакомиться вас с их историей. Но все это не выдержит, как только вы окажетесь за рекой, среди подозрительных людей, которые близко знают разрешенных торговцев много лет и на всех иноземцев смотрят как на потенциальных шпионов. Они знают этих людей, — он ткнул пальцем в пакет, — вероятно, лучше, чем самих себя.

— Согласен, — сказал Варлт.

— Следовательно, вы признаете, что это невозможно?

— Нет, нужно попробовать. — Варлт хмуро смотрел на аппарат. — Придется, если мое подозрение справедливо. Придется!

Марфи по-прежнему сидела, прижав руки ко рту. Глаза у нее были огромные и блестящие, как у испуганного животного. Блейк по-прежнему не догадывался, чего они опасаются, но понимал, что опасение серьезное, если Варлт забывает об осторожности.

— А почему это так важно? — почти жалобно спросил Аршалм.

— Древние обычаи, — неохотно ответил Варлт. — Очень древние. Сами подумайте, зачем за рекой нужен чужеземец, особенно девушка.

Аршалм прекратил нервно поглаживать ткань плаща на колене. Пристально взглянул из-под седых бровей на Варлта. И резко выдохнул:

— Нет! — Он энергично возражал собственным мыслям, но было очевидно, что и его заразило опасение Варлта.

Теперь и Блейк понял. Страшное воспоминание всплыло в его сознании, заставив конвульсивно глотнуть. В прошлом человечества случалось такое, от чего желудок выворачивает наизнанку.

Ацтеки древности, бродившие в поисках земель, заключили временный союз с королем города в плодородной долине сво-

их снов. Они помогли королю в войне, которая была выиграна благодаря превосходству ацтекских воинов. Ацтеки предложили укрепить союз, сделав дочь короля женой их вождя. И король, на которого произвели впечатление доблесть и воинское мастерство этих дикарей с севера, согласился. Но когда он со своим двором явился на свадебный пир, то увидел жреца, танцующего перед свирепым чужим богом, а на плечах жреца лежала содранная живьем кожа принцессы! Разгневанный король и его приближенные обрушились на своих недавних союзников и изгнали их назад в пустыню, причем ацтеки так и не поняли почему, так как в их глазах они оказали великую честь одновременно и принцессе, и своему богу.

Да, в прошлом немало тьмы и крови. А что, если вернулись времена этого ужаса...

— Но ведь это было шестьсот лет назад! — выпалил Блейк. — Никто не может сейчас это сделать!

— Старая вера умирает с трудом и может быть оживлена отчаянными людьми. Если людей объединить общей виной, ими легче руководить. В Империи всегда тлели огни древней религии. В глухих местах сохраняется власть жрецов. Они изгнали в древности одного из величайших вождей — Кецалькоатла, потому что он отказался от кровавых жертв. Со времени хаоса гражданской войны и воцарения в 1624 году Кукулкана Второго, когда было низвергнуто жречество, старая религия постоянно возрождалась. Старые боги никогда не бывали забыты совсем. О, я знаю, императоры больше не совершают жертвоприношений Хитцилопоцли, Ксипе и другим богам. Но кровавые церемонии способны возбуждать и объединять. Одна значительная и относительно открытая церемония может вызвать во всей Империи новое восстание, в котором стремящиеся к власти будут ее добиваться.

— Вы правы, — Аршалам говорил с трудом, вынужденный согласиться. — К тому же дата...

— Пятидесятидвухлетний цикл, древний обычай зажигания нового огня...

Варлт взглянул на Ло Сиджа, и этот взгляд превратил бы Блейка в камень, если бы был обращен на него. Ло Сидж молча кивнул, словно принял приказ.

Предварительное изучение материала помогло Блейку понять значение замечания Ло Сиджа. Древние царства солнца управлялись с применением астрономии, и их арифметическая система была основана на пятидесятидвухлетнем цикле. В конце этого промежутка наступал период Нового года. Все долги прощались, вражда кончалась, прекращалось действие соглашений и договоров. Домохозяйки выбрасывали всю посуду и мебель и заменяли их новыми. И на груди священной жертвы зажигали огонь, обозначающий начало новой эры.

— Конец старого, начало нового, — сказала Марфи. — Нам нужно рисковать... О, Ком!

Старший патрульный не взял ее за руку, не кивнул. Но девушка, должно быть, получила от него заряд уверенности, потому что явно успокоилась и расслабилась.

— Вы можете собрать всех участников каравана? — резко спросил Варлт у Аршалма.

— Да. Я могу пригласить их на банкет. Обычай позволяет устраивать прощальные развлечения для тех, кто пускается в торговую экспедицию. При этом их убеждают прихватить и товары хозяина банкета. Так как я англичанин, они поверят в такое мое желание. Но... у нас только два дня.

— Будем признательны и за них! — ответил Варлт.

Полдень, сумерки, рассвет. Потом первый час нового дня. Блейк вглядывался в зеркало. Он больше не Блейк Уокер и не Вильям Кемпден; он теперь Руфус Трелонли. На нем нет плаща торговца, нет знаков, обозначающих ранг, только на поясе геральдическая пряжка. На нем брюки цвета ржавчины, тускло-зеленая рубашка, а поверх тесная куртка без рукавов, которая дает больше свободы для тяжелой физической работы. Теперь он рабочий в караване.

Варлт стал Джоржем Фронтнамом; Ло Сидж — Ричардом Веллфордом; а Марфи — Денисом Фронтнамом. К ним присоединились в качестве рабочих еще двое патрульных. Это добровольцы из Центра, а не из штата Аршалма, так как отсутствие его людей было бы замечено.

Новобританцы, которых они заменили — вначале в искусственном сне, потом под мозговым контролем, — перемещены на Врум. Перед возвращением их снабдят ложной памятью, что-

бы прикрыть период отсутствия. На это, во всяком случае, надеялись Блейк и его товарищи.

— Вот она. — Немного времени спустя Блейк посмотрел на гавань в направлении, указанном товарищем, который толкал тачку рядом с ним. Их ждет речное судно, предназначенное для перевоза грузов. Экипаж составляют темнокожие подданные Империи, и на палубе видны солдаты с алыми значками. Большая часть тяжелого груза уже на борту. А на тачках, за которые отвечают Блейк и его спутник, самое главное, что предлагает караван, — экзотические роскошные товары для знати, для двора, в том числе «подарки».

Выдержат ли они свои роли? Инструктирование было таким кратким, что лишь задело поверхность, и Блейк не знал, долго ли они останутся не замеченными подозрительным противником.

— Живее, вы! — Варлт с должным раздражением оглянулся, помахал грузчикам. Так Блейк и его спутники первыми оказались на палубе.

По форме судно представляло собой тупоугольный треугольник с самой широкой частью в районе кормы. Видимых средств продвижения не было; энергия, приводившая корабль в движение, оставалась скрытой. А торговцам не разрешили осматривать судно.

Как только они поднялись на борт, их отправили на корму, закрыли за ними тяжелую решетку и предоставили самим себе в достаточно эффективной тюрьме. Питались они своими продуктами. И их не только закрыли, но и приставили за решеткой пару часовых, которые сменялись каждые четыре часа. Но все это вполне соответствовало обычной практике.

— Мы в пути, — заметил Ло Сидж. — Каков будет наш следующий шаг?

— Если все пройдет хорошо, — объяснил Варлт, — мы, как всегда, высадимся на Восточном причале Ксоматла. Но не останемся поблизости. Нас отведут под охраной в южный район города, в Дом Иноземцев — скорее тюрьму, чем дом! Потом мы отдадим дары начальнику порта, главе торговой гильдии, местному тоналполкви, который сделает предсказание и назовет нам благоприятный для торговли день. Все это обычная процедура.

Если наши дары будут приняты, нам назначат день торговли и поктека Флаток, глава гильдии, придет, чтобы осмотреть наши товары. Между прибытием и началом торговли может пройти три дня или даже больше. Может, мы еще продлим немного этот период, затягивая вручение даров, но нельзя вызывать подозрений...

— За нами будут постоянно следить, — прервал его один из новых членов группы.

— Будут, — согласился Варлт.

Насколько мог судить Блейк, у них никаких возможностей не будет. Но он верил в Варлта и его опыт. Где-нибудь старший патрульный заметил слабое место, хотя не торопится рассказывать о нем.

Личное предупреждение Блейка не становилось сильнее, оставалось тенью лежать в сознании, и время от времени холодонок пробегал у него по спине. Закончив укладывать груз, чтобы он не вызывал подозрений у охраны, Блейк вышел на отведенную для них часть палубы. В этом месте река очень широка, и они плыли по диагонали к имперскому берегу; теперь их отделяет от Новой Британии широкий разлив. Насколько мог судить Блейк, на дикие берега, которые скользят мимо, никогда не ступала нога человека.

Дважды до темноты в зеленой стене показывались разрывы, а в них небольшие причалы. Но корабль не приставал к ним, да и на них Блейк не видел никаких признаков жизни. Он отправился в каюту на ужин. Присутствовали все, кроме Ло Сиджа.

Чуть позже появился и он и сказал:

— На борту офицер корпуса ягуаров!

— Ты уверен? — спросил Варлт.

— Он только что стоял на верхней палубе и смотрел на нас. И ошибиться в его значке я не мог. Вы знаете обычай: никто не имеет права носить этот знак, кроме человека, получившего его на обязательной церемонии.

— Офицер корпуса ягуаров... — Варлт задумался.

Империя унаследовала от прежнего ацтекского царства два элитных корпуса: ягуаров и орлов. В них зачислялись воины, получившие множество почестей и наград. И хотя уже в течение целого поколения Империя официально не воевала, погранич-

ные стычки давали честолюбивым военным возможности для продвижения. Мало кому из купцов удавалось увидеть у своих сыновей значок с рычащей звериной мордой или с распростертыми орлиными крыльями. Такое отличие обычно выпадало на долю представителей старинных благородных родов.

— Возможно, он инспектирует границу, на корабль попал случайно, и ему стало любопытно...

— Я в такие совпадения не верю, — возразил Варлт.

Марфи рано ушла в свою каюту, но Варлт, Ло Сидж и старший из добровольцев оставались за столом. Создавалось впечатление, что младшим стоит держаться подальше, и Блейк ушел на палубу. Регулярно слышался топот часовых. Оба были вооружены, и не только длинными поясными ножами, но и здешним эквивалентом ружья, стреляющим не пулями, а лучами.

Блейк остановился у поручня со стороны берега. Тут тоже решетка высотой в шесть футов давала понять, что пассажирам следует оставаться за ней. Да и берег нисколько не прельщал. Всякий оказавшийся на берегу станет добычей тренированных войсковых собак и не менее свирепых людей, если попытается пройти по джунглям.

— Тейауалоуниме! — послышалось из темноты верхней палубы, словно змеиное шипение. Что-то негромко ударилось о палубу. Блейк протянул руку и обнаружил конец веревочной лестницы.

— Поднимайся! — приказал голос сверху. Там раньше горел огонь, но теперь было совершенно темно. Блейк разглядел только какую-то неясную фигуру у верха лестницы. — Поднимайся! — послышалось снова, на этот раз категоричней.

Кто-то обратился к нему, назвав его старинным словом, которое обозначает торговца-шпиона на службе Империи, а теперь ему приказывают подняться, словно для отчета. Если он откажется, вполне может вызвать гибель всей группы. Но кто? И почему?

Блейк поднялся на палубу, отведенную для офицеров и охраны судна.

— День девятый. Кто бежит по улицам с зачерненным лицом? — Произнесено на новобританском варианте английского, но со свистящим акцентом. И Блейк, для которого эта галима-

тъя, явно имевшая значение и для говорящего, и для истинного Трелонли, оставалась бессмысленной, не решился отвечать.

— День девятый... — снова начал тот. И тут Блейк услышал топот тяжелых сапог по палубе.

И в тот же момент ощущение опасности перестало быть тенью; оно потребовало немедленных действий. Блейк отпрыгнул подальше от поручня, к которому привязана лестница. Но его собеседник, по-прежнему как тень, устремился за ним, то ли нападая, то ли пытаясь увести Блейка в укрытие. Патрульный ударился бедром о поручень, схватился за него. Нет — тот не собирается помогать Блейку. Он схватил Блейка за ноги, дернул вверх, и Блейк полетел вниз, в воду реки...

Глава 9

Блейк лежал лицом вниз в липкой грязи, запах разлагающейся растительности заполнял ноздри, все его тело было покрыто слизью берега, который много раз затопляется половодьем. Он сам не понимал, как добрался сюда в темноте. Какой-то инстинкт самосохранения уберег его, когда по воде хлестали огненные лучи рядом с его бьющими по воде руками. Он пытался держаться под водой. Должно быть, на корабле решили, что прикончили его, а может, это их не очень беспокоило. Понадеялись на береговые патрули.

Он на четвереньках отполз подальше от воды в тростники. Потом сел и попытался понять, что произошло на судне. Его явно вызвали на тайную встречу, назвали пароль, на который у него не было отзыва. Потом кто-то, по-видимому не знающий об этой тайне, появился на палубе, и его еле видимый собеседник применил решительные меры, чтобы избавиться от возможного предателя, перебросив Блейка за борт. Объяснение вполне разумное.

Теперь он на берегу и может стать добычей любого заметившего его местного жителя. У него две возможности: попытаться пересечь реку и вернуться в Новую Британию или пуститься вниз по течению и догнать торговый корабль. И Блейку казалось, что ни то ни другое невозможно. Потому что залп лучей

не оставил его нетронутым. Между плечами и на локте левой руки полосы обожженной кожи в три пальца шириной, и любое движение вызывает волну тошнотворной боли. Плыть с такими ранами, здесь, где река так широка, с быстрым течением, — нет.

С другой стороны, вдоль берега много плавника. В его собственном мире последовательности эта река известна своими резкими переменами направления и разливами. То же самое должно быть справедливо и здесь. Если удастся соорудить плот, он может пуститься по реке и догнать корабль. Конечно, его тут же могут застрелить.

Но могут и поднять на борт те, кто хотел бы услышать о его встрече с незнакомцем на верхней палубе. Блейк был уверен, что разговаривал с армейским офицером. Но какая связь может существовать между офицером и иноземным торговцем, одним из тех, кого считают проклятыми и давними врагами?

Блейк неуверенно встал на ноги. В зарослях тростника он не может идти, ноги глубоко погружаются в грязь. Лучше выбрать-ся повыше. Но ночь безлунная, и Блейк в темноте столкнулся с откосом берега. Каким-то образом ему удалось подняться. Здесь он лег, перевернулся на спину и лежал, отдуваясь от усилий, положив раненую руку на грудь.

Под темным пологом кустов плясали маленькие огоньки — светлячки. Лежа неподвижно, Блейк прислушался к звукам ночи: крик совы, всплеск какого-то ночного животного в воде, потом — лай, от которого по телу прошла дрожь. Собаки патруля?

Идти вслепую в темноте бессмысленно. Но чем дольше он остается на месте, тем дальше уплывет корабль и тем вероятнее, что его поймает патруль. Надо идти. Надо идти!

Блейк встал. Здесь река поворачивает на юго-запад. Вокруг деревья и кустарники, но их недостаточно для укрытия. Он пошел, спотыкаясь. Еще два раза слышался отдаленный лай. А однажды темное пятно фыркнуло и с шумом затопало сквозь кусты, уходя с дороги. Блейк начал считать — пятьсот, потом отдых до ста, снова пятьсот, отдых. Ночь слишком темна, чтобы разыскивать под откосом плавник, но, как только рассветет, нужно будет спуститься к воде и отыскать то, что ему необходимо.

Блейк вспомнил, что Новая Британия держит на своей стороне реки патрульные корабли. Набрать плавника, соорудить

плот и переплыть реку, подальше от опасного и негостеприимного берега. Если его задержат представители властей Британии, он заявит, что бежал через реку, спасаясь от враждебности имперских лордов. Блейк гордился этим своим планом. Слишком жарко, а рука, которую он сунул для поддержки за пазуху, при каждом толчке начинает болеть, и боль распространяется по плечу и груди. Становилось трудно дышать, и ему приходилось останавливаться и восстанавливать дыхание, тратя на это время.

Ночь тянулась бесконечно, словно время, доступное измерению, перестало существовать и он обречен вечно брести в темноте по берегу, спотыкаясь о корни или цепляясь за ветви. Блейк теперь шел в оцепенении. Внутреннее предупреждение об опасности стало общим сигналом тревоги, как в шаттле, когда он приближался к Проекту. Шаттл... Варлт... Марфи... корабль. Недавнее прошлое вспоминалось с трудом, как будто не имеет к нему отношения. Важен следующий шаг, потом еще один, еще — если он сможет идти.

Блейк снова упал, на этот раз на раненую руку. И не смог сдержать крик, не смог спастись от тьмы темнее ночи. И лежал на месте, пока небо не посветлело.

Его привел в себя дождь, промочивший одежду. Открыв глаза, Блейк тупо замигал и попытался понять, где он. Дождь... ветви... он под открытым небом. Как? Почему? Крупные капли, падающие на лицо, помогли вернуться памяти. Корабль... река... он плыл по реке. А теперь день, он ясно различает окружающую растительность. Плавник... речной берег... он должен уходить отсюда!

Он пытался подняться, держась за ветки куста, когда низкое рычание заставило его застыть. И одновременно внутренний сигнал опасности. Блейк медленно повернулся, чтобы увидеть источник звука. На него с расчетливым охотничьим интересом смотрели раскосые зеленые глаза. Уши прижались к круглому кошачьему черепу, сквозь белые клыки с шипением вырывалось дыхание. Пума? Нет, это ягуар, пятнистый повелитель джунглей с юга, далеко от своей привычной территории, но тем не менее хозяин ситуации.

Животное сделало шаг вперед, прижимаясь брюхом к земле. На нем ошейник, усаженный зелеными камнями. Снова пред-

упреждающее рычание. Блейк пытался определить свои возможности. За ним, не очень далеко, край берегового откоса. Может ли он спуститься до того, как кошка прыгнет? Сомнительно.

Ягуар остановился, поднял голову. Потом испустил вопль, похожий на крик, и в ответ послышалось рычание откуда-то между Блейком и откосом. Он в западне! Глядя на зверя перед собой, словно его можно удержать взглядом, Блейк чуть попятился, чтобы видеть, что происходит в другом направлении. Устойчиво звучал внутренний сигнал тревоги, как будто не в кошках главная опасность.

Показалась еще одна пушистая голова. Вторую кошку разглядеть в подлеске труднее, она черная, и отчетливо выделяются только белые клыки. Второй зверь не выходил на открытое место. С него капала вода; он рычал, яростно трясая головой. Полосатая кошка легла и тоже зарычала. Животные как будто не собирались нападать, но не давали ему уйти.

Охотничьи кошки! Его предупредили о собаках речных патрулей, злобных, известных своим умением выслеживать и приканчивать беглецов. Но эти кошки — другое дело: на инструктаже о них не говорилось. Охотничьи животные какого-то местного лорда? Ягуар — священное животное, император восседает на троне с ножками в форме лап ягуара; так называется элитная военная каста.

Долго рассуждать не пришлось. Внутренний сигнал прозвучал с новой силой. Блейк перевел взгляд с одного животного на другое. Они не двигались, не готовились к прыжку. Но откуда-то донесся гулкий удар, повторившийся трижды. Черная кошка исчезла в кустах, отвечая на призыв. Снова звуки ударов в барабан. Опасность... близко... опасность...

Блейк шевельнулся и тут же услышал рычание. Пятнистая кошка присела, готовая прыгнуть. Блейк застыл. Поблизости послышался кошачий вопль, ему ответили крики. Хозяева кошек приближались.

На берегу показалась смешанная группа. Впереди шли люди в кожаных брюках и свободных хлопчатобумажных зеленых пятнистых рубашках без рукавов, едва прикрывающих мускулистые грудь и плечи. Волосы убраны назад и перевязаны у шеи, лбы раскрашены. Слуги какого-то лорда, загонщики и рейндже-

ры, они держали в руках простые духовые ружья, и у каждого на груди герб.

Пятнистая кошка встала и отошла на один-два шага. Охотники не разговаривали с ней, но расступились, как перед высококороченным лордом. Ягуар сел и принялся лизать переднюю лапу.

Тем временем предводитель группы шелкнул пальцами, и двое из его людей приблизились к Блейку, снимая что-то с поясов. Раненую руку ему грубо завели назад, перевязали запястья с привычным умением людей, перевозящих добычу. Толчок в плечо заставил его идти. И он пошел, сопровождаемый всей группой и кошками.

Блейк так часто спотыкался, что наконец предводитель с раздраженным видом приказал одному из своих людей идти рядом с пленником и поддерживать его. Блейк знал, что, даже будучи не раненным и не связанным, он не смог бы соперничать с этими людьми. Это америндейцы из северных племен, жители равнин, которые несколько поколений назад, после многочисленных стычек и партизанской войны, влились в состав Империи. Теперь они охраняют границу и охотятся. Все высокие, с мощными фигурами, похожие на шайенов, сиу и черноногих, которые в его собственном мире последовательности в течение полустолетия успешно сопротивлялись европейцам, пока паровоз цивилизации, не признающий их достоинств и талантов, не раздавил их. А здесь Империя не погубила их, а ассимилировала.

Они опора реакционных лордов, которые, по слухам, готовы подняться против механизированной цивилизации юга. И у них нет причин хорошо относиться к пленнику из Новой Британии. Все они всегда готовы принять участие в набеге через границу.

— Сюда. Иди. — Сопровождающий произнес это по-английски презрительно и подтолкнул пленника влево.

Они вышли на узкую дорогу и увидели впечатлительную картину. В нескольких ярдах стоял большой фургон, похожий на те, что движутся по улицам Акрона. Но этот фургон используется как укрепление и охотничий лагерь. На его крыше смонтированы три пулемета незнакомого Блейку типа. Сбоку открывается дверь, и в нее видно удобное жилое помещение. А на стуле перед дверью сидит человек, вероятно командир всей группы.

Крупный нос, плоский лоб, продолговатый череп — все это свидетельствует, что он представитель одного из старинных дворянских семейств. Но здесь, в дикой местности, на нем дубленые кожаные брюки, сапоги и простая рубашка, как и у его людей, хотя на груди золотой значок. У его охотников духовые ружья, а у предводителя ручной лазер; двое стоящих рядом в мундирах личной охраны. И у них не только лазеры, но и ружья. У ног господина лежит черный ягуар в золотом с рубинами ошейнике.

Навес, отходящий от фургона, оберегает знатного охотника от дождя. Пятнистая кошка прошла на сухое место, прижалась головой к ногам человека. Он почесал ее за ухом, не обращая никакого внимания на пленника.

Стражники, несомненно, с юга; Блейк не понял слов, которыми они обменялись. Только когда кошкам дали поесть, вельможа повернулся к Блейку, окинул патрульного взглядом, не пропустившим ни речной грязи, ни синяков.

Он поманил Блейка согнутым пальцем, сохраняя презрительное и высокомерное выражение. На мгновение Блейк подумал, как встретились бы этот имперский лорд и Кутур; они очень похожи, хотя происходят из разных цивилизаций, временных потоков и уровней.

— Откуда ты? — Тольтек говорил небрежно, словно его мало интересует происхождение Блейка. Одна из кошек подняла голову и зашипела.

— Из порта Акрона, текутли. — Блейк использовал почти-тельное обращение к представителю древнего рода. По эту сторону реки он не может скрывать, откуда он. Держаться как можно ближе к правде — вот самый разумный курс. Но кто знает, какие средства могут использовать, чтобы вырвать у пленника всю правду?.. Блейк не хотел думать об этом.

— Да? Но это по ту сторону реки и далеко на севере. Что ты делаешь здесь?

— Я был на корабле, который идет в Ксоматл. Произошел несчастный случай, и я упал за борт. Добравшись до берега, я не знал, где оказался...

Стоявший рядом стражник сделал неожиданное движение, к которому Блейк не был готов. Его развернули и показали допрашивающему ожог.

— Несчастный случай? По тебе стреляли, белокожий. Говорят, правда вам не свойственна, вы говорите лживым языком, который искажает слова, а не шлет их прямо, как подобает честному человеку. Но мы умеем извлекать правду, даже если приходится отдавать сердце Хитцилопоцли.

И он сделал знак, который повторили все окружающие.

— Что ты из реки — в это я могу поверить: от тебя воняет ею. Назови свое имя, чтобы мы могли сообщить вниз по реке, если тебя разыскивают.

— Руфус Трелонли, разрешенный торговец, направляющийся в Ксоматл.

Дворянин заговорил с одним из своих людей.

— Ты слышал о таком? — спросил он по-английски, словно хотел, чтобы Блейк понял.

— Слышал, а куч кабоб.

«Советник, титул майя. Что из этого следует? — думал Блейк. — Майя — прежде всего торговцы, торговцы и исследователи. Может, сохранились их потомки, и тогда моя предполагаемая профессия будет более приемлема, чем для ацтекского военного лорда».

Стражник прошел в переднюю часть лагеря на колесах, и Блейк подумал, что он отправился передавать сообщение.

— Итак, ты один из разрешенных торговцев из Ксоматла, где, несомненно, имел дела с якабеком, поктекой Флатоком? — Теперь тольтек пользовался ацтекскими терминами.

— Мой хозяин действительно договаривался с поктекой Флатоком. Я не текуненкве. Имя главы торговой гильдии Нпалтцин.

А куч кабоб пожал плечами. Отдал какой-то приказ на местном языке, и Блейка повели к другим машинам, стоявшим на некотором удалении. В них размещались рядовые охотники.

Несколько фургонов были оборудованы клетками, и две из них оказались уже заняты. В одной находился медведь, в другой волк такого размера, что Блейк решил: он справится и с ягуаром. Блейка посадили в третью клетку. Внутри пахло прежними обитателями. Патрульный лег на грязный пол, стараясь удержаться, когда заработал мотор и грузовик пошел назад, разворачиваясь.

Проехали мимо лагерного фургона. Дворянин чесал одну из кошек за ухом, голова животного лежала у него на колене. Он с улыбкой, похожей на гримасу своего любимца, взглянул на клетку с Блейком.

Узкая лесная тропа сменилась дорогой, вымощенной камнем, а она, в свою очередь, вышла к широкому шоссе из каменных блоков. Мимо проходили другие машины с различными грузами, но пассажирского транспорта Блейк не видел.

Его не кормили и не поили, хотя двое, сидевшие в кабине, меняясь местами — они вели грузовик по очереди, — ели лепешки с какой-то темной пастой и пили из бутылки. Упираясь ногами в противоположные стороны клетки, Блейк мог сидеть. Но постепенно ему стало трудно выносить постоянное напряжение мышц, и он лег, все тело болело, и он только старался уберечь от тряски раненую руку.

Проехали по единственной улице небольшой деревушки. Блейк заметил реку и причал. Они движутся на юг, но это все, что он смог понять. А скоро его вообще перестала интересовать цель их пути, он только надеялся, что доберется туда в сознании.

Стемнело. Блейк сражался с приступами головокружения, которые становились все чаще и сильнее. Он увидел огни и понял, что шоссе превратилось в улицу, застроенную зданиями, соперничающими со строениями Акрона. Здания украшены причудливой резьбой. Движение довольно напряженное, и его шум, шорох колес, голоса, звуки большого города — все это кружило Блейку голову.

Он погрузился в темноту, потом снова появился свет, на этот раз приглушенный. И городские звуки стали меньше слышны. Грузовик остановился; те, что сидели в кабине, вышли. Один потянулся, другой что-то крикнул.

Новые голоса, более яркий свет. Потом скрежет двери клетки. Ее открыли. Руки ухватили Блейка, вытащили его. Несмотря на желание встретить врагов стоя, патрульный опустился на землю. Его ударили сапогом в обожженное место, и он потерял сознание.

Холод... влага... он беспомощно плывет в реке... утонет, если не будет бороться. Надо плыть... двигать руками и ногами... но он не может. Его несет по течению...

Вода заполнила рот, горячий пересохший рот. Вода — вот что ему нужно. Река — это хорошо. Она загасит в нем огонь! Блейк шире раскрыл рот, но жидкость полилась ему на лицо, а не между губами.

Блейк открыл глаза. Над ним лица. Три... четыре... он никого из них не знает. Он попытался попросить воды, но смог лишь захрипеть. Его схватили, рывком подняли на ноги. Мир закружился. Блейк снова закрыл глаза, потому что от зрелища кружащихся огней, лиц и стен его затошнило.

Он не мог идти, и его потащили, ноги его бессильно волочились по земле. С ним говорили, но он не понимал ни слова. Потом его толкнули вперед и позволили упасть на твердую поверхность. Он лежал, тяжело дыша, пока его сапогом не перевернули на спину.

Глава 10

Блейку было очень трудно открыть глаза и сосредоточиться на окружающем. Яркий свет обжигал, не давал разглядеть лица. Кто-то придвинулся к нему, его внимательно разглядывали темные глаза. Рука протянулась к нему, сорвала с пояса значок с гербом. Послышались резкие слова, должно быть, ряд приказов.

Патрульного снова подняли и понесли, но на этот раз осторожнее. И опустили на матрацы. Старческое лицо, покрытое морщинами, выплыло из окружившего его тумана. Ожог страшно болел, но руки свободны, они лежат по бокам. Ему приподняли голову и плечи, прижали к губам чашку и заставили пить. От горечи этого напитка он едва не подавился, но все-таки проглотил. Потом его положили на маты, и он уснул.

Проснувшись, Блейк не мог вспомнить, что ему снилось. Теперь он осознавал не только свой мозг и тело, но и окружение. И испытал предчувствие в высокой степени. С ним такое происходило только раз или два в жизни, и каждый раз он черпал в этом своем обострившемся даре внутренние силы. Он еще немного полежал с закрытыми глазами, не показывая, что пришел в себя. Кто-то пытался проникнуть в его мысли — не так, как это делают на Вруме, а поверхностно касаясь мозга. Тот,

кто пытается прочесть его мысли, явно не очень хорошо владеет даром.

Блейк открыл ложные воспоминания — воспоминания о жизни Руфуса Трелонли. Ему было легко отобрать их и предъяснить ищущему, слишком легко. С каждым ударом сердца усиливались подозрения. Но он во все время испытания оставался Руфусом Трелонли, пока неопытный искатель не отвел свою мысль и Блейк не остался один. Любой телепат с Врума, чьи способности совершенствовались и усиливались много поколений, настолько же превосходит этого неопытного искателя, как лазер превосходит деревянные копья с каменными наконечниками, которыми некогда воевали люди Империи. Но у народа, который вообще не владеет телепатией, всякий, кто может прочесть даже поверхностные мысли, считается чудотворцем. И сегодня жители Империи зависят от тоналполкви, тех, кто занимается предсказаниями, по-прежнему уважают и боятся жрецов, особенно среди низших классов. При рождении, при первых вздохах ребенка для него составляют гороскоп. А если тоналполква обладает еще и пси-способностями, его авторитет должен быть особенно велик.

Блейк прислушался. Как будто в помещении никого нет. Он открыл глаза, но не пошевелился. Над ним белая поверхность, на которую падает солнечный луч. Где-то недалеко готовят еду, до Блейка донесся острый аппетитный запах. Эти мирные наблюдения противоречат сигналу тревоги.

Он повернул голову налево и увидел стену, с росписью из сплетенных листьев и цветов неярких тонов; в стене три незавешенных окна. Окна непрозрачные, они пропускают свет, но не позволяют увидеть, что за ними.

У стены стол, низкий, его поверхность недалеко от пола. Те, кто им пользуется, должны сидеть на полу, на матах, скрестив ноги. Эти маты лежат тут же грудой. Блейк заключил, что он не в доме знатного человека, но там, где придерживаются старых обычаев, которые теперь встречаются только у крестьян.

Левая рука его перевязана и тяжело лежит на боку. Правой рукой Блейк ощупал постель, на которой лежит. Еще одна груда матов. Повернув голову направо, он увидел в футе от себя

еще одну стену, а в ней дверь. Его рваная грязная одежда исчезла. Его укрывает грубая простыня и тканое одеяло со сложным цветным рисунком.

О нем позаботились, он явно не в тюрьме. Это хорошо. А что касается остального — сигнал тревоги продолжает звучать.

Сквозь пол Блейк ощутил дрожь. Кто-то идет. Он сел и ухватился рукой за стену, потому что комната покачнулась. Когда в голове прояснилось, он посмотрел на дверь. С той стороны повернули ключ в замке, Блейк услышал скрежет металла о металл. Этого человека нужно опасаться.

Тяжелая дверь открылась внутрь, и Блейк посмотрел на вошедшего. Высокий человек с резкими орлиными чертами лица, характерными для представителей древних ацтекских родов. Просторные брюки из материала, перевитого цветными нитями, красными и синими. Рубашка с широкими рукавами желтая, на плечах вышитые украшения. А края плаща оторочены яркими перьями. На ногах мягкие сапоги с бирюзовыми пряжками, тоже свидетельствующие о высоком происхождении. Но не этот великолепно одетый посетитель открыл дверь. У этого в руках только букетик цветов и трав в специальном драгоценном держателе, к которым он время от времени принохивается.

Ключ держит человек в мундире частного стражника, это явно простолюдин, похожий на охотников из той группы, что захватила Блейка. Под рукой у него сверток, он бросил его в направлении постели из матов. В воздухе сверток развязался, и на Блейка упала одежда жителя Новой Британии.

— Вставай! — Стражник указал на одежду: — Одевайся. Тебя ждет суд.

Блейк не притронулся к рубашке, лежащей рядом с ним. Храбрость может стать оружием, когда имеешь дело с народом воинов.

— Ты говоришь о суде. — Он постарался говорить на самом официальном языке Новой Британии. — Но суд нужен для преступников. В чем меня обвиняют? — Он говорил нетерпеливо и повторил: — В чем меня обвиняют, текутли? — Обратился не к стражнику, а к его господину. И не упустил заметить, что ноздри его выдающегося ацтекского носа слегка раздулись.

Дворянин, кем бы он ни был, не ожидал таких слов. Но чем быстрее он поймет, что Блейк не обязан ему «ни водой, ни деревом», тем лучше. Принадлежащие к древней крови всегда отличались фаталистическим принятием судьбы; отказ признать приговор приводит их в замешательство. Люди, перед глазами предков которых с утра до вечера покорно проходили сотни и тысячи человеческих жертв, послушно ждали, пока их живьем вскроют на алтаре во славу множества богов, такие люди даже и поколения спустя не привыкли к открытому вызову и непослушанию.

— Вставай! — Офицер повторил приказ стражника. — Текут-ли ждет! — Он свистнул, и за ним показались еще два солдата. — Иди, или тебя поведут.

Блейк протянул руку к одежде. Вдобавок к тому, что она испытала в пути, кто-то с ней обошелся очень нелюбезно. Обыскали каждый шов, распоролы все части, в которых могло что-то скрываться. Но что они искали? Одежду торопливо залатали, длинными стежками. Блейк надеялся, что они выдержат, иначе его достоинство на суде может пострадать. Как можно медленнее он оделся.

Один из солдат, увидев, что его помощь не нужна, исчез. Вернулся он с чашкой и миской, которые поставил на стол.

Офицер сделал жест:

— Ешь. Пей.

В чашке находился обычный напиток тольтеков — шоколад, не приправленный ванилью. Но горячий и, Блейк знал это, очень питательный. В миске кукурузные лепешки, намазанные тонким слоем пасты, которая слегка смягчала их сухость. Блейк съел и выпил все до последней крошки и капли. Он продолжал размышлять, хотя здравый смысл говорил ему, что в незнакомом городе, с его цветом кожи и волос, в одежде, которая явно указывает на его иноземное происхождение, словно он несет в руке вымпел с надписью «сбежавший пленник», — со всем этим сбежать невозможно.

Убедившись, что он оделся и поел, дворянин вышел, держа букет как знак своей власти. Офицер вышел за ним, а сзади между двумя солдатами шел Блейк. Они оказались в узком проходе между стен, с низкой крышей над головой. В воротах Блейк уви-

дел сад, сверкающий множеством цветов. Но его внимание привлек человек, ждущий в конце прохода; дальше находился двор, и на нем несколько экипажей.

Это... это и есть тот, кто пытался проникнуть в его мозг. Как собака сразу чувствует врага в большой кошке, так и внутренний сигнал Блейка тотчас предупредил его. Этот человек старше дворянина, у него такие же ацтекские черты лица, только рот более напряжен, а глаза ввалились в череп. Волосы с сединой длинные, спутанные, похоже, что их не расчесывали годами. В отличие от остальных он в черном, а плащ такой длинный, что напоминает рясу. Человек опирается на полированный посох с выступами и углублениями, как будто когда-то он был резным, но резьба за долгие столетия стерлась.

Дворянин быстро подошел к старику, демонстрируя такое же почтение, какое солдаты проявляли к нему самому. А офицер прижался к стене и знаком велел Блейку встать перед стариком. И патрульный, заглянув в глубоко посаженные глаза, увидел в них огонек безумия. Внутренняя тревога усилилась отвращением, неконтролируемым стремлением отшатнуться.

Врум и его жители чужды миру, в котором Блейк провел свое детство. На других уровнях он встречал «людей», далеких от его рода; там жизнь уклонилась в сторону от той дороги, по которой пошел он и его соплеменники, и ушла так далеко, что оставалось мало общего. Ему встречалось зло, с которым его племя никогда не сталкивалось. Но здесь было нечто совершенно другое: фанатизм многих поколений. Это не человек, как сам Блейк и другие люди, это воплощение темных целей, сосуд, содержащий нечеловеческие силы, желания и волю.

Этот человек владеет силой, темной силой. И в его устремленном на Блейка взгляде голод, голод, давно не знавший насыщения. Внутренний сигнал тревоги превратился в стремление бежать, такое сильное, что Блейку показалось, что он с ним не справится. Молодому человеку казалось, что они бесконечно долго стоят и смотрят друг на друга. Но вот посох в руке старика двинулся, сглаженным от времени концом уперся в грудь Блейка. Легчайшее прикосновение, но патрульный почувствовал, словно дерево заклеямило его.

Ни слова не говоря, человек в черном повернулся, прошел по двору и сел в одну из машин. Это использование механического транспорта казалось несоответствующим, не совпадающим с его образом. И этот факт сам по себе разрушил чары, охватившие Блейка. Но и его стражники подталкивали к небольшому фургону.

В фургоне есть окна, но они забраны решетками, и Блейку лишь урывками видны были улицы, по которым они проезжали. Но фургон предназначен для перевозки людей, в нем удивительно удобные мягкие сиденья. Блейк сидел на одном из них, и по обе стороны от него сидели стражники. Они молчали.

Империя обладает сложной системой судопроизводства; Блейк узнал это во время подготовки. С самого далекого прошлого суды считаются неподкупными: наказание за пристрастность со стороны судьи — смерть. Но Блейк не понимал, зачем его ведут в такой суд. Его легко объявить шпионом и передать армии для краткого судебного разбирательства; здесь «слушание» — это по существу допрос, во время которого пленник может умереть и тем избавить своих захватчиков от всяких хлопот. Но, по-видимому, его везут на законный суд. А почему?

Чтобы предотвратить «инцидент», который может вызвать осложнения в отношениях с Новой Британией? Блейк сомневался в этом. Оба государства уже многие годы придерживаются правила, что их граждане, оказавшись за границей, делают это на свой страх и риск и не должны ожидать никакой помощи из дому, если попадут в ловушку.

Машина свернула за угол и остановилась, заднюю дверцу с грохотом открыли. Блейк, мигая, вышел на яркий свет. Он стоял на мощеной площадке в начале внушительной лестницы, которая поднималась тремя пролетами к зданию на пирамидальном основании. Монументальные руины, те, что находят в джунглях его собственного мира последовательности, руины, приводящие в благоговейное восхищение ученых и путешественников через несколько столетий после того, как они перестали обозначать живые города, — эти руины — предшественники официального здания, перед которым оказался Блейк. Крылатые змеи, ягуары, головы богов с течением времени превратились в символические изображения. Но оставалась прежней тонкая работа по камню.

Блейк смотрел на здание и на яркую толпу, собравшуюся вокруг него, а толпа в свою очередь смотрела на него. Приказы офицера расчистили путь. Патрульный мог быть членом императорского двора, судя по скорости, с какой проделали эту операцию. Даже знатные люди расступались, пропуская его и стражников.

Ступени длинные, но узкие. Стражники шли рядом с Блейком, то ли для поддержки, то ли чтобы помешать возможной попытке к бегству. И вот они через вход со столбами прошли внутрь здания.

Внутри тоже толпа. В Империи нет суда присяжных; приговор произносят судьи. Они сидят на платформе по старому обычаю, на матах, скрестив ноги. За ними еще одно возвышение, отведенное для императора. В центре его трон на ножках в форме лап ягуара; ручки заканчиваются оскаленными пастями; на троне подушка из переплетенных орлиных перьев. Трон всегда ждет императора, если ему вздумается посетить суд.

Расчистили дорогу к судейскому помосту, вдоль нее выстроились солдаты в мундирах. Блейка поставили прямо перед платформой, стражники отступили на несколько шагов, и он остался в одиночестве. Судейский чиновник начал монотонную речь, время от времени заглядывая в свиток. Иногда один из судей кивал во время паузы или делал замечание. Когда говоривший смолк, все посмотрели на Блейка, словно ожидали, что он скажет. Ну, он по крайней мере может попросить объяснений. Кто-нибудь тут понимает по-английски, хотя и не показывает этого.

— Если угодно суду... — ему пришло в голову, что такое начало будет правильным... — я не знаю, какие обвинения выдвинуты против меня. Не знаю, за какое преступление меня судят.

Наступило молчание, потом один из судей заговорил по-английски с едва заметным акцентом:

— Ты предстал перед правосудием Великого, носящего орлиные перья. — Судья склонил голову. — Ты обвиняешься перед этим судом и тронем Великого в...

Но его прервал какой-то шум в зале за Блейком. Что-то изменилось! Его предупредил дар предвидения. Приближается перемена. Он пытался определить смысл предупреждения, но не оглядывался. Слева толпу еще плотнее прижали к стене. В ли-

нию выстроилось больше солдат. Эти солдаты были одеты в алые плащи и с масками ягуаров, обозначающими принадлежность к элитарному корпусу. Один из военных, судя по шлему с высоким гребнем офицер, прыгнул на отведенное для императора возвышение и набросил черно-белый плащ на подушку из орлиных перьев.

Это знак куакоатла, вице-императора, которого на всей территории тольтеков превосходит только один человек — мальчик-император. Но тот, кто сел на трон, покрытый черно-белым плащом, совсем не мальчик. Ему лет тридцать, и он не воин, как те, кто с почтением окружает его. У него странная раскачивающаяся походка, вызванная тем, что левая нога короче правой, а левая рука скрыта в складках плаща. Лицо его напоминает хрустальные черепа, которые с таким мастерством и точностью вытачивают ювелиры Империи.

Это Тлакаккел, старший брат покойного императора, не ставший императором из-за своего физического уродства. Его умственные способности произвели такое впечатление на ближайших советников, что они вынуждены были назначить его вице-императором, хотя им очень этого не хотелось. Сев на трон, он кивнул офицеру, который со стуком опустил конец церемониального копья «присутствия».

Блейку показалось, что дрожь прошла по телу судьи, сидевшего непосредственно перед этим императорским орлом-калейкой. Но никак внешне не реагируя на присутствие куакоатла, судья вторично начал перечислять обвинения.

— Тебя привели сюда, незнакомец, так как ты пытался проникнуть в тайны императорского дома, хотел вызвать смятение...

Куакоатл смотрел на Блейка. И когда судья сделал паузу, резко заговорил:

— Как объяснил этот из-за реки свое присутствие здесь?

Все судьи зашевелились. Хоть он и куакоатл, живое воплощение императора, такое нарушение процедуры запрещено.

Тлакаккел снова сделал жест, и снова удар концом копья потребовал тишины и внимания. Теперь вице-император концом острого ногтя указал непосредственно на Блейка:

— Говори. Как ты объясняешь.

Правда, насколько можно, быстро решил Блейк. Он опирался на свое чувство, предупреждающее о перемене, но не об опасности.

— Я разрешенный торговец из группы, которая по закону направлялась в Ксоматл, Великий... — Он постарался сделать свой рассказ кратким, хотя говорил медленно. Падение за борт превратилось в несчастный случай, но в остальном он придерживался фактов. Он не знал, насколько понимают его слушатели, хотя большинство дворян и все торговцы знают английский.

Говоря, Блейк напряженно думал. Он вспомнил один из многих ставших ему известными на Вруме фактов. Закончив, он коснулся пальцем пола, потом губ и посмотрел в лицо вице-императору:

— Клянусь в этом Хитцилопоцли!

Пятьсот лет назад человек, сделавший такое заявление, больше не допрашивался. Он говорил правду. Тлакаккел несколько секунд внимательно смотрел на него, потом сказал:

— Бог-Бабочка давно не подтверждает истинность клятвы жизнью и смертью в этой земле, чужеземец. Ты дал странную клятву. Но мне кажется, слова эти сохраняют свою силу. Может ли кто-нибудь здесь высказаться в твою защиту, подтвердить, что ты говоришь правду, что тебя следует вернуть на родину, так как ты не причинил вреда этой земле и тем, кто живет в ней? Кто поручится за него в присутствии судей?

Действительно ли этот вопрос адресован Блейку? Куакоатл больше не смотрел на пленника, его внимание переместилось на толпу, которую ограждали ряды стражников.

— Я поручусь.

В передний ряд толпы выдвинулся офицер. У него не было значка ягуара, мундир его казался тусклым среди этого разнообразия цветов. И Блейк не узнавал герб на его нагрудном значке.

— Да будет записано, что достойный куаухуахуаткве Тотзин с границы высказался за пленника, зная, что тот говорит правду, и вина отныне на них обоих поровну.

Куакоатл произнес это быстро, и снова судьи зашевелились. Тотзин подошел к нижней платформе, сделал какое-то формальное заявление, ему что-то ответили, и он направился прямо к Блейку. Стражники отступили, хотя и с явной неохотой.

— Пошли быстрее!

Блейка не нужно было подгонять. Он не знал, что скрывается за этим, но положение изменилось к лучшему, и он готов следовать за своей удачей. Во всяком случае, сюда его привели под охраной, а уходит он свободно.

Глава 11

Только когда показалась пристань, Блейк понял, что они направляются к реке. Тотзин ничего не объяснил, и патрульный считал неразумным расспрашивать, пока не разберется в обстановке. Машину вел шофер в таком же простом мундире, что и у офицера, а сзади на сиденье были еще два солдата.

У пристани стоял небольшой катер, у руля человек, другой готов отдать концы. Тотзин вторично приказал:

— Пошли быстрее!

Он подтолкнул Блейка перед собой на палубу, оглянувшись при этом, словно опасался преследования. И только когда они уже плыли посреди реки со скоростью, намного превосходящей обычную скорость речных судов, офицер успокоился.

Он коснулся руки патрульного, показал на рубку, сам сменил рулевого, взяв в руки руль. Когда они остались наедине, он слегка улыбнулся Блейку.

— Тебя поистине направил в путь сам Великий Змей, или ты родился под благоприятным знаком, тейауалоуниме. Нас еще могут догнать стрелы, если те, кто хотят твоей встречи с Ксипи или Хитцилопошли по старому обычаю, захотят осуществить свое желание. Только Великий мог так противоречить воле Тлалогге. Клянусь Девятью, какой злой ветер принес тебя в их руки?

Осторожно нащупывая дорогу, предупредил себя Блейк. Очевидно, его приняли за человека, который имеет право на помощь от подданных императора. Но кто же такой истинный Руфус Трелонли?

— Все, как я сказал судьям, — ответил он. — Я упал за борт...

— И от этого получил ожог лучом? — На этот раз на него бросили предупреждающий взгляд.

— Это произошло, когда я уже был в воде, — сказал Блейк. — Не знаю, кто стрелял в меня и почему.

Ответ хороший. Офицер кивнул.

— Да, возможно. Видя тебя в реке, стражники должны были исполнить приказ, а Кукум не мог возразить им, не вызывая подозрений. У Нактитла на всех кораблях есть глаза и уши, открытые и тайные. Скажи мне, как идут переговоры? Ты принес хорошие новости?

Блейк взглянул на быстрое течение, по которому прокладывал курс нос катера.

— Я слышал, что переговоры идут гладко. Мой... мой руководитель знает больше. — Двусмысленно, но, очевидно, спрашивавшего он удовлетворил.

— День... — Тотзин оторвал руку от руля, поднял ее, сжав кулак. — День, когда мы снова сможем поднять знамена, прогреметь в трубы! — Он замолчал и бросил на Блейка смущенный взгляд. — Это просто древний оборот речи — мы теперь не воюем, как наши предки.

— Мужество воинов Империи хорошо известно, известно искусство ее солдат и их таланты, — согласился Блейк.

— И скоро мы все это продемонстрируем! Этот новый закон, который нам навязали, невозможность защищаться, открытая граница. Торговля, вечно торговля...

Блейк гадал, что тот имеет в виду. В Акроне говорили об усилении строгостей на границах, о росте враждебности между двумя государствами. Но здесь как будто речь идет о более либеральной политике.

— Скажи мне, — продолжал Тотзин, — почему вы, англичане, хотите падения Новой Британии, пытаетесь сделать ее добычей Империи?

Хороший вопрос. Попробуй ответь! Блейк каким-то образом нашел нужные слова.

— Разве никогда раньше не бывали разные мнения? Я всего лишь рядовой солдат; на такой вопрос может ответить только мой начальник.

Но Тотзина уже интересовало другое.

— Скажи мне, видел ли ты собственными глазами новое оружие, которое превращает каменную стену в щебень, заставляет людей бежать из любой крепости безоружными? И если человек вдохнет воздух, голова его пустеет и он стоит, когда враг проходит через ворота, которые ему поручено охранять? Ты видел такое?

Блейк ухватился за поручень. Он был поражен, словно получил удар лазера максимальной мощности, только этот удар холодный и смертоносный, а не обжигающий жаром.

— Да... — сказал он шепотом. Потом заставил себя говорить громче. — Да, я видел такое оружие! — Он смотрел на воду, но не видел ее, не видел ни катера, ни Тотзина. Он видел картины, которые показывали ему при инструктировании на Вруме.

У мира была своя темная и кровавая история. На всех уровнях последовательности, кроме тех, на которых не появился человек, войны, слухи о войнах, битвы и поражения стали образом жизни. Гораздо раньше, чем его собственный мир последовательности, Врум развил механическую цивилизацию на всей планете. Вначале механическую, потом атомную, потом... последняя испепеляющая ужасная волна отбросила остатки человечества в варварство, за исключением небольших изолированных участков, где собрались уцелевшие. В результате мир на три четверти умер, и спасло его только пересечение времени. В последние лихорадочные дни умирающей цивилизации были изобретены страшные виды оружия, некоторые из них так и остались неиспользованными. Но они известны, результаты их применения производят неизгладимое впечатление на всех потомков тех, кто был настолько безумен, что создал это оружие. Врум теперь мирный уровень, но по-прежнему ведется строгое наблюдение, чтобы никакая извращенная личность не могла нарушить этот мир. И вот здесь, на другом уровне, человек свободно говорит о таких запрещенных видах ору-

жия! Ни у одного уровня нет пересечения времени, а уровень, на котором они теперь находятся, вообще не имеет технологии для этого.

— Ты действительно считаешь такое оружие страшным, тейауалоуниме?

— Это оружие дьявола! — взорвался Блейк и тут же понял, что выдал себя.

— Дьявола?

— Сил зла.

— Может быть. Но иногда приходится принимать помощь тэтизимиме, древних чудовищ тьмы, и это приносит добро. Что станет с нашим образом жизни, если эти текунененкве, которые больше думают о сокровищах, чем о чести и Великом Змее, отберут у нас оружие и превратят в рабов? К тому же нам совсем не нужно пользоваться этим оружием, нужно только показать, что оно у нас есть. Ну, может, раз использовать. И тогда те, кто отравляет нашу воду, будут бегать с лаем, как псы, и не найдут куда спрятаться. Если у человека в руке острый меч и он умеет им пользоваться, он становится высок, и меньшие обходят его стороной.

Насколько это правда, размышлял Блейк, а насколько сахарная приманка поверх пилули?

— Мы не дадим такое оружие в руки экстремистам.

— Экстремистам?

Тотзин улыбнулся.

— Теперь ты сам можешь утверждать, что разговаривал с ними. Лорд Чаксиб, который привел тебя на суд, дает убежище Иуитималу. Он внимательно его слушает. В прежние времена Иуитимал был бы каукаукиултином, почтенным Древним, посвященным Хитцилопоцли. Я слышал его речи, выражающие желания его сердца. Когда-то те, кто выполняет опасные задания на границе, получали титул куаухуахуаткве. Это значит — жрец-воин первого ранга. Может, вы в Англии недостаточно изучаете нашу историю, чтобы понять значение...

— Я ее знаю немного, — сказал Блейк, когда офицер сделал паузу.

— Тогда ты должен знать, что некогда наш образ жизни был самым кровавым, как вы говорите. Все воины обязаны были не убивать, а пленять врагов, чтобы можно было приносить жертвы богам. У нас было много богов, и все они требовали жизни людей. Только захватив в плен много врагов, воин мог заслужить почести, и дорога эта была открыта и для простых, а не только для сыновей знатных отцов.

Всегда были такие, кто поворачивался к старым богам и их обычаям, кто негодовал, когда Кецалкоатл впервые предложил заменить человеческие сердца на жертвенных камнях зерном, птицами и цветами. И когда то же самое стал делать Кукуклан Второй, нашлись такие, кто до конца противились ему, втайне совершая прежние обряды.

И вот теперь такие люди снова стали выходить из тени тайны, они поддерживают партию Возвращения. И так как каждый человек означает дополнительную поддержку, их там приветствуют. Но когда борьба кончится, экстремисты обнаружат, что их мечта о кровавых алтарях не осуществляется. А пока с ними стараются не спорить. Если бы тебя приговорили...

Офицер замолчал и искоса взглянул на Блейка. Он молчал так долго, что патрульный поторопил его:

— Что тогда могло бы случиться?

— Тебя могли бы передать лорду Чаксибу, на земле которого ты был захвачен, чтобы он осуществил приговор. А это привело бы тебя в руки Иуитимала и его последователей. А те принесли бы тебя в жертву богу.

Опасение Варлта за Марву! Если Тотзин может серьезно предполагать это, тем больше у Варлта оснований для страхов. Патрульный старался оставаться невозмутимым, он лишь заинтересованно спросил:

— Такое случается?

— Случается. — На лице Тотзина появилось выражение отвращения. — Говорят, мы должны привлечь к себе экстремистов, потому что их слушаются крестьяне и дикари. Честь воина — это хорошо, она кровь Империи, но нельзя вернуть прошлое. Мы не должны тревожить сон старых богов. А когда у нас будет новое оружие, никто — ни жрец, ни торговец — не посмеет выступить против нас.

Мы причалим в Ксоматле на рассвете, — добавил он чуть позже. — Когда вернешься к своим, скажи твоему начальнику, что нельзя терять время. Девушка в безопасности, но долго ли это будет продолжаться, невозможно сказать. Как ни залепляй щели в женских помещениях, остановить сплетни и слухи — все равно что остановить текущую воду, а такой слух будут повторять много раз на день. Поэтому вы должны действовать быстро, иначе вам не из-за кого будет торговаться и винить вы должны будете только себя.

— Скажу.

Марва! Должно быть, она и есть «девушка». Но кто... кто начальник Руфуса Трелонли? Торговец, роль которого сейчас играет в Ксоматле Варлт? Если бы разрешенные торговцы были связаны с преступниками, пересекающими время, Аршалм знал бы об этом или по крайней мере подозревал. Если только он сам не часть этого целого. Дело расширяется, как круги от камня, брошенного в пруд. Может быть, группа патрульных набрела на нечто такое значительное, с чем не сможет справиться.

Тотзин позвал рулевого, и они спустились вниз, чтобы поест. Еда оказалась лучшей из того, что пробовал Блейк на этой стороне реки. Потом имперский офицер лег на накрытую матами койку и знаком пригласил Блейка занять противоположную. Устраиваясь на койке, патрульный услышал ровное дыхание своего спутника. Но сам спал беспокойно, часто просыпался, вспоминая и тревожась.

Рано утром туман покрывал берега реки. Приближаясь к городу, катер резко уменьшил скорость. Здания, если не считать нескольких огоньков, были еще темными. На пристани никого не было. Катер причалил с точностью, которая свидетельствовала, что он сделал не один тайный рейс к этому порту.

Если на пристани и были часовые, их не видно. Блейк шел, стараясь не отставать от Тотзина. Они прошли по причалу и потом по береговой улице к большому складу. Тусклый огонек освещал боковой вход, которым воспользовался Тотзин.

Внутри оказались грузы в ящиках и корзинах. Через одинаковые интервалы с высокого потолка свисали фонари. В их

свете Блейк увидел, что имперский офицер пошел по проходу между двумя стенами товаров. Дойдя почти до конца, Тотзин остановился и начал считать ряд корзин. Когда палец его коснулся одной из корзин, он принялся снова считать, на этот раз с противоположного конца, как будто хотел дважды проверить свой выбор. Потом снял с корзины крышку.

— Забирайся, — прошептал он. — Жди. Ни звука, если хочешь попасть к друзьям.

На дне корзины лежала сложенная ткань. Тотзин взял ее и, когда Блейк лег, свернувшись, обхватив руками колени, укрыл патрульного этой тканью. Секунду спустя закрылась крышка, и для связи с внешним миром у Блейка осталось несколько щелей. Слышно было, как Тотзин снова завязывает крышку.

После этого ничего, кроме тишины и все сильнее затекающих рук и ног. Должно быть, Блейк задремал, упираясь лбом в колени, потому что разбудил его звук: разговоры, какие-то крики, шум механизмов.

Рядом с его корзиной разговаривали на тольтекском языке. Потом, без всякого предупреждения, корзину подняли, пронесли и поставили снова. То, на что ее поставили, двинулось. Блейк не мог ничего увидеть в щели, но был уверен, что теперь он не на складе. После переноса корзину снова поставили в другое место. Неожиданно свет исчез, послышался звук мотора, корзина задрожала.

По звукам Блейк мало что мог понять. Корзина покачивалась, словно фургон идет по неровной дороге. Потом они остановились. В третий раз корзину грубо схватили, перенесли и поставили с такой силой, что Блейк никак не мог убежать от ушибов.

— Это последняя в партии. — Слова на английском. И голос патрульного, которого в последнюю минуту включили в группу. Но один ли он? Может ли Блейк привлечь его внимание?

— Можно открывать...

Ло Сидж! Это Ло Сидж!

Помня о маскировке, Блейк окликнул:

— Ричард! Ричард Веллфорд!

Его пересохший от пыли голос показался ему самому не слишком громким. Но снаружи наступила тишина. Потом крышку его развязали, подняли. Блейк попытался ухватиться руками за края. Корзина покачнулась, и патрульный наповину вывалился из нее на каменный пол.

Его схватили за плечи, подняли, хотя ему казалось, что онемевшие ноги не выдержат его веса. Ло Сидж, да и второй патрульный, который помогал Блейку упаковывать груз, — сколько же дней назад?

— Ну и доставка. — Как всегда, первым нарушил молчание Ло Сидж. — Груз слегка поврежден, но в целом не тронут, я бы сказал. Насколько поврежден — и насколько не тронут?

Что он имел в виду, Блейк не мог понять. Он опустил руку, которой схватился за Ло Сиджа, стыдясь чувства облегчения. С Ло Сиджем нужно быть осторожным в проявлении чувств. Тот всегда держится отчужденно, он лишен подобных слабостей, и потому они становятся особенно заметны, если их проявляет товарищ.

Блейк пытался подражать самообладанию Ло Сиджа.

— Повреждение — лазерный ожог, в остальном не тронут. Где мастер Фронтнам? — По крайней мере он помнил, что нельзя называть Варлта подлинным именем.

— Наверху. — Ло Сидж выглядел задумавшимся. — Но у нас тут есть глаза и уши императора. Как тебя незаметно вывести — это проблема. А, хороший трюк можно использовать дважды. Послушай, Генри, — обратился он ко второму патрульному, — мы обнаружили серьезное повреждение груза, возможно, умышленное. Груз полностью должен осмотреть сам мастер. Возвращайся в корзину, Руфус. Потом проверим, насколько нам удастся уберечь новую доставку.

Не решившись возражать, Блейк вернулся в свою тесную тюрьму. Потом несколько перемещений, болезненный контакт с бортами. Но вот корзину поставили, и Блейк услышал высокий голос Ло Сиджа:

— Как я сказал, мастер Фронтнам, серьезное повреждение, несомненно, умышленное. Нам должны заплатить компенсацию. Я уверен, что страховка покроет убыток, но у нас должно быть доказательство.

— Посмотрим. — Варлт говорил уверенно, как настоящий хозяин. Он никому не позволяет воздействовать на его решения или принимать их самостоятельно. Крышку снова подняли, и Блейк неуклюже выбрался.

— Необычный поворот, — замечание Варлта напоминало слова Ло Сиджа. — По-видимому, наши знания могут расширяться. Садись, парень. Ричард?

— Здесь. — Ло Сидж материализовался рядом с Блейком, подвел к скамье, сунул ему в руку чашку с ароматным напитком, знакомым Блейку по Вруму. Это стимулятор, способствующий быстрому восстановлению сил.

— А теперь, — Варлт подождал, пока половина напитка не исчезла в глотке Блейка, — послушаем, что случилось с тобой, после того как пять ночей назад ты исчез с корабля.

Блейк подробно доложил. Записывающего устройства, как на Вруме, не было, но он знал, что оба слушателя повторят его сообщение в своих отчетах чуть ли не дословно. Он постарался говорить коротко, но не хотел упустить никаких важных подробностей. Слушатели молчали, даже когда он останавливался, чтобы приклебнуть стимулятор.

— Лабиринт внутри лабиринта внутри лабиринта, — заметил Ло Сидж, когда Блейк закончил.

Варлт потянул себя за заостренную бороду — отличительную примету мастера Фронтнама.

— Итак, они поверили, что ты осуществляешь контакт с торговцами оружием. — Он говорил так, словно рассуждал вслух. — Но в наших сведениях об этих торговцах и в их воспоминаниях нет никаких объяснений, никаких намеков на что-нибудь, кроме законной торговли. И ни один из них не имел защиты.

— Ты не сумел ответить на пароль... и попал поэтому в реку... — сказал Ло Сидж. — Значит, кто-то ожидал встречи с тобой на корабле. И не стал бы рисковать. Значит, ожидали если не настоящего Руфуса Трелонли, то его двойника. И это объясняет попытку быстро избавиться от тебя. Я готов биться об заклад, что мы не единственные, кто практикует тут подмену. Мы просто успели первыми!

— И они не думают, что мы будем подозревать тебя, если ты снова окажешься у нас. — Варлт смотрел в пространство. — Нужно подумать. Как ты сказал, Ричард, дело все больше запутывается. Я вижу множество нитей, но ни у одной нет конца. Руфус, пусть Ворсли осмотрит твою руку, потом отдыхай.

Это был приказ, и Блейк не осмелился возражать. Он был рад, что теперь не обязан принимать решения. Варлт, за которым годы опыта, выберет лучший способ действий.

Глава 12

— Марва здесь, насколько мы сумели установить — в поместье некоего Оторонго, занимающего уникальное положение. Лишь последние сто лет императором становятся по праву первородства. В старину императору обычно наследовали его братья или племянники, а не сыновья. И монархия по существу была выборной, а не передавалась по божественному праву или в наследство. Этот Оторонго — потомок одного из древних императоров. Права здесь определены настолько неточно, что любой потомок императора имеет право претендовать на корону. Оторонго всегда считали дилетантом, интересующимся политикой, он покровитель златокузнецов, меценат, раз в год устраивает известные всей провинции представления. Теперь, готовясь к завершению пятидесятидвухлетнего цикла, он собирается организовать целый ряд частных и общественных развлечений.

— Никаких связей с военной партией? — спросил Ло Сидж, когда Варлт кончил.

Варлт, как резинкой, провел концом пальца по лежащей на столе карте города.

— Когда в поисках информации опираешься на слухи и разговоры, нельзя ни в чем быть уверенным. Внешне все так, как я сказал. Но что под этим внешним покровом, кто может догадаться?

— Марва здесь. — Марфи смотрела на карту. — А мы здесь. — Она коснулась пальцем почти того же места, на которое указал

Варлт. Но расстояние в самом городе довольно значительное. — Мы должны забрать ее оттуда!

Варлт не стал перечислять трудностей такого решения, его взгляд не отрывался от карты, которую он продолжал разглаживать.

— Послезавтра начало цикла. Со всей провинции в город собираются люди, чтобы присутствовать на обрядах и участвовать в праздновании после зажигания. В такое время легко оставаться незамеченными. Оторонго сможет использовать праздник как прикрытие для встреч, если захочет.

Блейк пошевелился.

— Тотзин и те, кто стоит за ним, поверили, что я их контакт с продавцами оружия с других уровней. Может, воспользуемся этим, чтобы добраться до Марвы?

Варлт долго оценивающе смотрел на молодого патрульного.

— Могли бы, если бы он указал тебе контакт в Ксоматле или если бы ты знал, где его найти. Но...

— Но... но... и опять но! — взорвалась Марфи. — Говорю вам, я знаю, где Марва. Могу найти ее за час. А когда она будет в безопасности...

— Здесь, в помещениях разрешенных торговцев? — Варлт поднял брови, голос его звучал холодно. — Здесь искать ее будут в первую очередь, а у нас нет путей отступления. Есть только одна возможность. Мы должны прикрыть свои действия праздничным возбуждением. Уходить по суше — значит, провоцировать преследование. Мы должны уйти по реке, в катере или на барже. И лишь когда будем готовы к уходу, начнем действовать неожиданно и быстро.

Блейк встал и отошел к дальней стене, на которой висело зеркало. В нем отражались собравшиеся за столом. Но Блейк изучал собственное отражение.

Радикальные косметические процедуры специалистов Врума сделали его кожу светлее, и она будет такой и оставаться, пока он применяет нужные кремы. Но после прибытия в Ксоматл он этого не делал, а в дни плена начался процесс возврата к обычному состоянию. Он видел лордов, приходивших осматривать товары на нижней палубе; у них кожа того же цвета, что и у него. Конечно, резкие черты лица свидетельствуют об их проис-

хождении от ацтеков и майя, но Блейк был уверен, что техника патрульных позволит ему на короткое время приобрести такие же черты.

Взгляд Варлта встретился с его взглядом в зеркале. Блейк подумал, что старший патрульный понимает если не его мысли, то намерения.

— Среди посетителей города может оказаться охотник с севера? — Блейк произнес это вопросительно.

— Зачем? — резко спросил Варлт.

— Чтобы попытаться отыскать Тотзина.

— Или Марву! — Марфи вскочила. — Правильно... забрать ее оттуда... может, спрятать у реки, чтобы мы потом могли ее подобрать...

— Тотзин, — задумчиво повторил Варлт, не обращая внимания на девушку. — А если ты его найдешь, что тогда? К тому же ты не готов к роли охотника с севера. Можешь выдать себя в первые же пять минут пятьюдесятью различными способами.

— Улицы полны, приезжих много. Выберем для меня далекую местность. — Блейк не испытывал возбуждения, но бесцельное ожидание утомило его. И после того, как ему пришла эта идея, предчувствие не предупреждало его. Так что по крайней мере сейчас это не опасно.

— Допустим, ты его найдешь. — Ло Сидж играл роль адвоката дьявола. — Что будешь делать?

— Приглашу сюда для встречи со своим начальником.

Варлт больше не тер пальцем карту. Он сгибал и разгибал палец, словно подзывал кого-то невидимого.

— Ты считаешь, что у Тотзина доступ не только к быстроходным катерам на реке, но и к информации, которую нам стоит получить?

— Примерно так.

— Тотзин, — размышлял Варлт. — Хотел бы я больше знать о нем. Окончание «зин» — почетное, а само имя означает «ястреб». Его ранг — куаухуахуаткве, то есть воин-жрец. Старый титул применен к новым обязанностям, с совершенно новым значением. И где же ты начнешь искать этого ястреба высоко-го полета?

— Там, где видел его в последний раз. На пристани. Если катер еще там...

Ло Сидж рассмеялся.

— Мы должны быть предельно осторожны, оставаться незамеченными и все прочее. А сейчас как будто начинаем рискованнейшее дело. О, не смотри на меня так! Ничего лучше я тоже не могу предложить.

В послеполуденный час Блейк вслед за группой посетителей переходил из одного помещения в другое на первом этаже дома разрешенных торговцев, где выставлены товары. У входа стояла стража, но она не останавливала богатых купцов и дворян, пришедших взглянуть на импортные товары. И к выходящим стражники не присматривались. Очевидно, у всех уже праздничное настроение. Группа из Новой Британии, разумеется, сама не могла торговать. Действовать можно только при посредничестве городской гильдии.

Выйдя на улицу, Блейк остановился, запоминая ориентиры. Ему предстоит преодолеть добрую четверть города, прежде чем он доберется до пристани. Можно нанять машину. Но лучше сначала отойти подальше.

Мимо прошел человек и что-то сунул ему в руку. Блейк удержался от того, чтобы посмотреть сразу, пока не поднял руку, будто бы поправляя широкополую охотничью шляпу. Перо в темных и светлых полосах. Снова перед ним дилемма. Он не может понять то, что, совершенно очевидно, является сообщением. Но он по крайней мере не потерял из виду посыльного, и, так как тот уходил в нужном Блейку направлении, патрульный двинулся за ним.

Похоже, посыльный ждал, что за ним пойдут. Он выбирал открытые пространства на оживленных улицах и как будто заботился, чтобы Блейк не потерял его из виду. Они продолжали идти в общем направлении к пристани.

Наемные машины не попадались. Блейк следил за красным тюрбаном посыльного. Его головной убор напоминал те, что носят слуги в доме, только на алой ткани не было герба. Яркий цвет, который заметен далеко, не исключение в этом городе. Здесь ослепительные оттенки скорее правило. На глазах у Блейка человек отошел от основного потока пешеходов и свернул в

узкий проход между двумя зданиями. Добравшись до поворота, Блейк заколебался. Внутреннее предупреждение молчит. Благо-разумие подсказывает, что нужно идти на пристань. У него только перо в руке и подозрение, что его ведут сознательно. Пожалуй, этого достаточно, чтобы рискнуть. Блейк пошел в переулочок.

Стены без окон отбрасывали тень в этот солнечный день. Ни следа красного тюбана. Но в переулочке две двери, одна в конце, другая на полпути справа от Блейка. Посыльный мог воспользоваться любой, а Блейк не собирался стучать, чтобы проверить это.

Он уже хотел повернуть назад, когда заметил движение в тени у одной из дверей. Дверь приоткрылась в молчаливом приглашении. Блейк ждал внутреннего предупреждения, но оно не сообщало о близкой опасности. Он осторожно подошел к полуоткрытой двери.

Войдя, он увидел человека, у которого на катере Тотзин принимал руль.

— Куаухуахуаткве. — Этот человек, хоть и в штатском, явно военный. Прижавшись к стене, он указал влево по узкому коридору, в котором они стояли. Блейк пошел туда, слыша за собой звуки закрываемой двери. Если он попал в ловушку, теперь она захлопнулась, но внутренний сигнал молчит, и Блейк не оборачивался.

Он вошел в кладовую, полную незнакомыми запахами пищи. Запахи доносились из другой двери. За ней слышался гул голосов.

— Сюда.

Слабый свет не помешал Блейку увидеть поднявшегося с ящика человека. Действительно Тотзин, но не такой, каким его видел Блейк в последний раз. Нарядный мундир сменился формой рядового солдата с севера. На лице краска, какую наносят многие пограничные племена; она помогает скрывать черты лица. Вместо офицерского лазера на бедре длинный нож в нарядных ножнах. Несколько мгновений Тотзин смотрел на Блейка, потом кивнул.

— Разумно, если не натолкнешься не на того человека. В твоей маскировке сейчас можно ходить по улицам Ксоматла. Да, хорошая маскировка.

— Для чего? — спросил Блейк и сразу подумал, что задал неудачный вопрос.

— У нас неприятности, — сразу ответил Тотзин. — Глаза и уши на корабле. О твоём появлении доложили, но сообщили, что ты утонул в реке. А после твоего возвращения — не сомневайся, о нём тоже уже известно — начнутся расспросы. Однако время против них, хотя и нам не мешает поторопиться. Эта лягушка с раздвоенным языком — Оторонго — снова квакает. Он играл со Священным Дымом! Со Священным Дымом! — Тотзин выплюнул эти слова. — Мы больше не невежды, верящие каждому слову жрецов. Человек, пользующийся этим Дымом, видит не то, что посылают боги. Боги эти давно умерли, когда в них перестали верить. Он видит то, что подсказывает его собственный мозг. А потом, когда рассказывает об этом жрецам, они толкуют эти видения, как им вздумается. И когда человек погрузился в эти туманные «тайны», он поверит всему, что нашептывают жрецы ему на ухо. Оторонго всегда искал новых ощущений — или старых, еще не испытанных. А с тех пор как стал пить дым, его влечет к тому, о чем лучше бы забыть. Ему нельзя доверять.

— И что же? — поторопил Блейк, когда Тотзин смолк.

— Ему нельзя больше позволять держать у себя девушку.

— Ты ее забереешь?

Тотзин покачал головой:

— Нет. Забереешь ты.

— Почему? И как?

— Почему? Потому что она принадлежит тем, кто ведет с нами переговоры. Так они нам сказали, когда впервые привезли ее сюда. И так как ты говоришь от их имени, то должен понять, что ею нельзя рисковать, пока она нам остается полезной. А как? Это ты сам должен решить. Сегодня Оторонго впускает в свой сад жителей города. Сейчас конец ксиулолпили, и он намерен сделать широкий жест и поразить всех. Позволит опустошить свой сад для удовольствий — внешний, чтобы потом построить новый. И все в городе приглашаются забирать растущие там сокровища. Ты будешь там за два часа до заката. Переберись через стену до того, как откроют ворота. Оказавшись за стеной, проберись к стене внутреннего сада удовольствий — для женщин дома. А что касается остального, — Тотзин мрач-

но улыбнулся, — решишь на месте. Те, кто сторожит женщин, получают напиток с особыми травами, это все, что я могу пообещать тебе.

Блейк едва мог поверить в такую удачу. Ему казалось, что все получается слишком легко. Однако...

— Еще одно. — Он внимательно следил за Тотзином. — Нам нужен путь для отступления. Дом торговцев вызовет подозрения...

— Оторонго никого не сможет обвинить, не запачкав собственный щит.

— Ты думаешь, он примет исчезновение без борьбы?

Тотзин улыбнулся:

— Зависит от его настроения. А чего ты хочешь?

— Лодку. Скажем, как твой катер. Чтобы уйти...

— Куда? — Улыбка исчезла. Под своей краской Тотзин снова стал мрачен.

— Назови сам пункт назначения, пошли своих солдат, если хочешь, — предложил Блейк. Он не сомневался, что патрульные сумеют воспользоваться возможностью.

— Теперь мне нужно посоветоваться со своими начальниками.

— Что ты задумал? — спросил Блейк и добавил: — Страже Оторонго легко будет справиться с нами обоими. С пленницей, которую он больше не может держать у себя, и чужеземцем, который хотел похитить ее.

— Неплохо придумано! — Тотзин заплодировал. — Но ты забываешь, что девушка необходима для наших планов. Не настолько необходима, чтобы мой начальник рисковал раскрыться и освободить ее своими силами, но все же он не хочет оставлять ее на произвол Оторонго. Снаружи тебя будут ждать и помогут благополучно уйти из поместья Оторонго.

— К реке?

— Я ничего не обещаю, — твердо ответил Тотзин. — Обсуди это со своими начальниками. Если согласен, через час отдашь перо ястреба, которое у тебя в руке, стражнику у входа на склад.

— Хорошо, — сразу ответил Блейк.

Он пошел назад по заполненным людьми улицам, подождал, пока в дом направилась очередная группа, и вошел с нею. Ло

Сидж демонстрировал товары, Блейк поймал его взгляд, уходя вверх, туда, где помещались жилые помещения.

Там, в одежде торговца, сидела Марфи, старательно записывая с помощью новобританской ручной машинки данные, которые диктовал Варлт.

— Что случилось? — спросила она, увидев Блейка.

Блейк кратко, опустив упоминание об опасности, грозящей ее сестре, рассказал, что узнал от Тотзина.

— Мы легко заберем ее! — Марфи вскочила с места, лицо ее посветлело. — Я ее позову, и она придет. Тебе даже не нужно будет входить в тот район дворца. О, это будет совсем легко, Ком!

— Ты можешь связаться с ней, дать ей знать, что я иду...

— Что мы идем, — резко поправила его Марфи.

— Это невозможно! Женщины не ходят свободно, а разрешенным торговцам можно покинуть этот дом только для возвращения на пристань... — начал Блейк.

— Поэтому я тоже буду охотником, как ты. Говорю тебе, Блейк Уокер, только я могу вывести Марву. Но... о! Он ведь не знает... — Она взглянула на Варлта.

— Пока она не смогла связаться с сестрой, — объяснил старший патрульный. — Мы считаем, что Марву держат под контролем при помощи наркотиков.

— Тогда какой толк от тебя в имени Оторонго? — спросил Блейк.

— Чем я к ней ближе, тем больше у меня шансов установить контакт. А если я не смогу вызвать ее к нам, то могу провести нас к ней. Ты хочешь обыскивать все женские помещения?

К отчаянию Блейка, Варлт согласно кивнул. Прежде чем Блейк смог возразить, старший патрульный сказал:

— С тобой пойдет Ло Сидж. За вами под укрытием Крагон и Лаффи. Вы будете вооружены этим.

Он подошел к дорожному сундуку, поднял тяжелую крышку и порылся внутри. Дно откинулось, и Блейк увидел в углублении ручное оружие. По форме похоже на обычный игольник, но гораздо меньше. Обернув руку тканью, Варлт вынул один пистолет из углубления и протянул Блейку.

— Новый тип оружия, стреляет не иглой, а лучом. Но может иметь только шесть зарядов. Возьми в руку и сожми пальцы.

Взяв в руки пистолет, Блейк обнаружил, что его прохладная поверхность сразу потеплела.

Выпустив оружие, патрульный увидел, что его серебристый блеск исчез. Теперь пистолет с трудом можно было разглядеть в руке.

— Он настроен на тебя. Если его возьмет кто-нибудь другой, пистолет взорвется. Но помни: у тебя только шесть зарядов, и снова зарядить его нельзя.

— Откуда... — Блейк удивился: он не подозревал о существовании такого оружия.

— Это экспериментальные образцы, пока других нет. Ими нас снабдил Роган — вопреки правилам, должен добавить. И каждый из них стоит целое состояние...

Рука протянулась мимо Варлта, ухватила другой пистолет. Ладонь Марфи недостаточно велика, чтобы накрыть весь пистолет, но Блейк увидел, как изменился цвет оружия. Теперь оно настроено на нее, и только на нее. Варлт повернулся к ней, но исправить было уже нельзя.

— Я вам сказала, — заявила Марфи, — что без меня вы Марву не освободите.

— К несчастью, ты, вероятно, права, — холодно заметил Варлт. — Твоя мысленная связь может помочь. Но помни, девушка: во время операции распоряжается Уокер. Ты выполняешь распоряжения его и Ло Сиджа. Я хочу, чтобы ты дала слово.

Марфи перевела взгляд со старшего патрульного на Блейка, потом назад.

— Опасно связывать человека, идущего на такое дело, Ком Варлт.

— Отныне ты подчиняешься дисциплине патрульных, Марфи. И Уокер — твой командир. Его ждут, поэтому он должен там появиться. Если бы было возможно, я бы занял его место. Ло Сидж сумеет укрыться, если его заподозрят те, кто пропустит Блейка. Таким образом, Уокер ведет, а ты ему подчиняешься. Понятно?

Она кивнула в знак согласия, хотя Блейк думал, что у нее по-прежнему есть возражения. Ему самому совсем не нравилось ее общество в условиях опасности.

Ястребиное перо ушло за дверь. Блейк вздохнул с облегчением, когда они в маскировке вышли на улицы. Крагон и Лаффи будут пользоваться своими возможностями, следуя за ними.

Снаружи толпа стала гуще, и трое держались рядом. Транспорт нанять не удалось, общественный транспорт переполнен. Поэтому к поместью Оторонго пошли пешком.

Нашли место, укрытое кустарниками, и Ло Сидж прижался спиной к стене. Блейк встал ему на плечи и поднялся на верх стены. Там он присел и заглянул в рай цветов, деревьев и тщательно подготовленных ландшафтов. Потом схватил Марфи за руки, подтащил к себе сначала ее, за ней Ло Сиджа. И все трое скользнули в путаницу цветущих растений.

Глава 13

— Но почему он хочет уничтожить все это? — удивилась Марфи, когда они укрылись в цветущих кустах, странных скальных формациях и других украшениях сада, тщательно выполненного произведения искусства.

— Вопрос престижа, — ответил Ло Сидж. — Оторонго в празднике конца цикла позволяет себе широкий жест. Ему, вероятно, нравится всеобщее восхищение. Что...

Блейк застыл. Рукой сделал остальным предупреждающий знак, прислушиваясь, хотя больше опирался на внутреннее чувство. Он отпрыгнул, полуобернувшись налево. У него было время выстрелить в пушистую стрелу, устремившуюся к нему из куста на подпорках. Рычащая ярость ударилась о него и свалила, но не вцепилась когтями. Когда упали на землю, ягуар повис на Блейке мертвой тяжестью. Блейк выбрался из-под него. Один из шести зарядов истрачен, это нужно запомнить.

Марфи вздрогнула, глядя на неподвижного зверя, потом со страхом посмотрела на многочисленные укрытия, где могут скрываться такие же сюрпризы. Ло Сидж помог Блейку встать.

— Интересно, сколько таких кошек здесь бегает. Конечно, у нас нет времени для подсчетов...

— Слушайте! — Но они не нуждались в этом напоминании. Из дворца донеслись удары барабана.

Ло Сидж прошел вперед. Они должны по-прежнему держаться укрытий, но при этом убедиться, что в укрытиях нет пятнистых охотников. Впереди показалась еще одна стена из белого камня с резьбой; верх стены изображает огромную чешуйчатую змею.

— Вот она. Теперь нужно найти ворота. — Блейк приложил ладони к стене. Направо или налево? Марфи присоединилась к нему, тоже провела руками по камню. Резко повернула направо. Ло Сидж посмотрел на нее и знаком велел Блейку идти за ней.

Они оказались в узком проходе между стеной, ставшей их проводником, и другим каменным возвышением, украшенным сложной резьбой и служившим ширмой между стеной и садом. Сквозь отверстия в резьбе видны были листья и цветы. Прошли несколько ярдов и увидели дверь в стене. Круглая, глубоко уходящая в стену, закрытая, и снаружи не видно никаких замков.

Марфи повернулась и остановилась, прижав ладони к закрытой двери. Глаза ее были закрыты. Блейк хотел отодвинуть ее, чтобы попробовать открыть дверь, но Ло Сидж схватил его за руку и остановил. Он выразительно покачал головой, как будто нарушить сосредоточенность Марфи было бы серьезной ошибкой.

Блейк показал на стену, хотел, чтобы его подсадили и он заглянул за нее. Второй патрульный подставил плечи, как раньше, и Блейк с такой поддержкой ухватился за резные чешуйки и подтянулся на верх стены. Если за ними следят из дома, его темное тело на фоне белого камня представляет прекрасную цель.

За стеной второй сад, такой же роскошный, как и первый. Сетка из тонкой проволоки окружает значительное пространство с несколькими деревьями. А за сеткой прыгает и порхает огромное количество ярких птиц. Но внимание Блейка привлекла дверь внизу. Судя по ее виду, это не настоящая дверь, а закрытый и неиспользуемый выход. Больше того, с внутренней стороны сада к этому выходу приставлена скамья, место отдыха для прогуливающихся.

Негромкий звук заставил Блейка взглянуть на Ло Сиджа. Тот указал на Марфи. Она больше не прижималась к двери, а шаг за шагом пятилась от нее. Правую руку она прижала к голове, пальцами держалась за лоб. Глаза ее по-прежнему были закрыты, на лице выражение глубокой сосредоточенности. А левая рука двигалась в неторопливых, почти ленивых жестах, направленных в сторону закрытой двери.

Блейк посмотрел во второй сад. Между клетками с птицами вилась тропа. Только здесь, у стены, еще можно укрыться. Оторонго может открыть свой главный сад и позволить разграбить его, но при этом строго будет охранять внутренние помещения своего дворца.

Держась за каменную резьбу, Блейк нагнулся и спрыгнул. У них совсем мало времени до появления толпы. Она послужит укрытием, но до этого нужно найти Марву и вывести ее из второго сада.

Птичья тропа уходит направо и налево, дворец возвышается слева. Опять — опасность!

Блейк присел, держа станнер наготове. Шорох... Еще один ягуар подбирается? Прижимаясь спиной к стене, Блейк разглядывал все тени, все возможные укрытия. Но теперь к нему приближаются не мягкие когтистые лапы. Движение у самой земли, так низко ни одна большая кошка не сможет прижаться. Блейк увидел бусинки безжалостных змеиных глаз, приподнятую лопатообразную голову. И выстрелил, движимый отвращением к змеям.

Голова наклонилась, тело изогнулось и застыло. Блейк подождал, прежде чем решился ближе взглянуть на свою жертву. Змея, да, и, вероятно, ядовитая. Но ниже головы на подобном хлысту теле металлическое кольцо, а на нем камни, такие же холодные, как глаза существа. Змея не дикое животное, но признанный обитатель этого места.

Снова негромкий звук. Блейк поднял голову. Ло Сидж лежал на верху стены, прижимаясь животом. Он указал на дворец, и губы его отчетливо произнесли, так что Блейк смог понять:

— Жди... наблюдай...

Если не принимать во внимание порхающих птиц, сад кажется пустынным. Блейк видел террасу перед зданием, вернее,

часть террасы, видную из-за деревьев. У дверей нет ни охраны, ни слуг; дворец словно необитаем.

Блейк услышал шум в воздухе, какой-то отдаленный гул. Птицы, должно быть, услышали его раньше, потому что закричали, а некоторые стали летать, словно чем-то испуганные. За внешней стеной собралась толпа, готовая очистить сад Оторонго от его растущих соковищ.

— Смотри! — снова неслышно произнес Ло Сидж.

Движение на террасе. Кто-то бежит по террасе, по тропе, бежит и всхлипывает.

Блейк ждал у скамьи, которая загораживает закрытую дверь. На открытое место выбежала девушка. Глаза ее были широко раскрыты, но она словно бы ничего не видит. Если бы он не подхватил ее, она бы ударилась прямо о дверь. Она пыталась вырваться, но не так, будто понимает, что ее держат. Просто рвалась на свободу, к двери.

Все равно что пытаться удержать большую кошку. Блейк напрягал силы, а она повернулась к нему и начала царапать в ярости, на которую не способен человек. Ло Сидж спрыгнул, перехватил ее плащ и окутал им руки девушки, прижал их к ее телу. Все это время ее глаза оставались открытыми, но ничего не видели, из них текли слезы, и тело девушки сотрясалось от рыданий.

Вместе им удалось поднять ее на стену, хотя Блейк думал, что в любой момент ее яростное сопротивление может привлечь внимание какого-нибудь находящегося поблизости стражника Оторонго. Но когда девушку спустили с противоположной стороны стены, она неожиданно стихла. Марфи, вытянув руки, подбежала к ней, обняла. Секунду спустя отстранилась и посмотрела на сестру, которая молча опустилась на землю. В глазах Марфи появилось загнанное, испуганное выражение.

— Она... она...

Ло Сидж схватил Марфи за плечо, оттащил от сестры.

— Наркотики или какой-то внушенный блок, — резко сказал он. — Сними с нее юбку!

На Марве надета длинная юбка с богатой вышивкой. Плащ ее был более скромного цвета, темно-фиолетовый, с единствен-

ным украшением — сине-золотой лентой из перьев. Ло Сидж ухватил вьюнок, цепляющийся за каменную резную ширму. Сорвал его. Его цветы издавали тяжелый аромат. Ло Сидж растер их.

— Подожди! — Блейк догадался о его плане. Он обогнул преграду в поисках таких же растений. Безжалостно срывал длинные стебли, выбирая такие, на которых больше цветов, и бросал их через преграду. Им пригодится любовь аборигенов к растениям, особенно к ароматным цветам.

Снова выйдя из-за камня, Блейк принялся помогать Ло Сиджу. Марва, укутанная в фиолетовый плащ, лежала, не обращая на них внимания. Глаза ее закрылись, она словно уснула. Ло Сидж заворачивал ее в массу цветущих стеблей, а Марфи рвала цветы и подносила их.

В конце концов у них получилась связка растений, в основном цветов, преимущественно редких разновидностей. Внутри просунули ствол деревца, и мужчины подняли груз на плечи. Крики и пение в саду приближались. Патрульные ждали за каменной преградой, пока не показались первые охотники за цветами. Мужчины и женщины, в основном крестьяне, с корзинами, горшками и мисками. Они собирались брать не только цветы, но и корни. Несколько мужчин, действующих совместно, были более честолюбивы: они принесли лопаты и принялись выкапывать небольшие деревья и высокие кусты. Нет, в таком обществе чужаков не заметят.

Марфи вывернула юбку сестры наизнанку, скрыв богатые украшения. Она сунула в нее несколько цветков, получился мешок, который Марфи перебросила через плечо. Спину она согнула под тяжестью, тем самым скрывая лицо.

— Пора уходить!

Блейку не нужно было предостережение Ло Сиджа. Он уже двинулся. Вокруг все были слишком заняты, чтобы обращать на них внимание. Один или два человека посмотрели на них и вернулись к своим занятиям.

Не торопиться... Они должны идти медленно, как ни хочется им бегом устремиться к воротам. Если тут окажется стражник, он не должен удивиться, как они сумели за такое короткое время нарвать столько растений.

Они часто останавливались и опускали груз на землю. Раз или два их расспрашивали другие охотники за добычей, но Ло Сидж отвечал неразборчиво, как будто они полупьяны, и спрашивающие пожимали плечами и смеялись.

— У ворот! — Марфи поравнялась с Ло Сиджем и негромко произнесла предупреждение.

Действительно, у ворот! Похоже, Оторонго решил полностью насладиться этим зрелищем. Он не только наблюдал за разграблением своего знаменитого сада наслаждений, но и пригласил гостей или большинство своих домашних присоединиться к нему в качестве зрителей. У главных ворот, через которые впускали грабителей, соорудили высокую платформу, над ней повесили полог, установили сиденья. На платформе ярко-алые мундиры и ослепительные цвета гражданского платья. Слуги подавали еду и напитки, а кое-кто из гостей Оторонго, по-видимому, заключал пари. Все наблюдали за уходящими, иногда кричали им, приказывали показать добычу.

— Мы не можем... — начала Марфи.

— Должны! — ответил Ло Сидж. — Изображайте подвыпивших, но не очень пьяных. А ты, — обратился он к Марфи, — пойдешь перед нами. Если начнутся неприятности, убегай.

Блейк взглядом отыскал человека, которого принял за Оторонго. Высокий и худой, в очень сложном и дорогом костюме, наполовину скрытом под плащом из перьев. Сапоги отделаны благородной бирюзой, а головной убор из перьев того же цвета. Он настолько старомоден, что носит тяжелые серьги, которые оттягивают мочки и искажают форму ушей.

На его жестком ацтекском лице выражение презрительной скуки; иногда оно оживляется, когда сосед слева делает какое-то замечание. Этот сосед в темном плаще, который, как знал Блейк, одежда жрецов. Но у этого человека не всклокоченные волосы и нет выражения дикого фанатизма, как у жреца в речном поместье.

— Пошли, — негромко сказал Ло Сидж.

Блейк ожидал внутреннего сигнала. Непосредственной опасности нет. Может, им все-таки удастся этот безрассудный план. И он вслед за Ло Сиджем двинулся к воротам. Сидящие на плат-

форме занялись выбором блюд и пирожных с подносов. Слуги заполняли опустевшие кубки.

— Ай-йи-йи-йи, — запел Ло Сидж. У него было выражение человека, сны которого сбылись наяву.

Блейк не осмеливался петь, но призвал все свое умение, чтобы повторить выражение лица товарища. А Марфи — Марфи смеялась, хлопала по своему импровизированному мешку с цветами и корнями.

Они уже благополучно миновали платформу... они уже почти прошли...

— Хо! — Призыв властный, слова, которые последовали за ним, Блейк не понял.

— Уокер, — негромко сказал Ло Сидж, — отвлеки их. Быстрой!

Блейк посмотрел вверх. Один из армейских офицеров перегнулся через перила и повелительно призывал их. За ним стоял Оторонго, глядя на них.

Отвлечь их? Блейк поправил древко на плече, удерживая его левой рукой. Правую поднял в приветствии, какое видел у представителей низших классов города. И выстрелил из станнера. В это время Оторонго отвернулся, отвечая на какой-то вопрос жреца. Он покачнулся и ударился о перила платформы. Офицер, удивленный, повернулся и успел подхватить его.

— Вперед!

Они оказались за воротами, прежде чем Блейк успел о чем-нибудь подумать. Протиснулись сквозь толпу. Желающих разграбить сад пропускали партиями, и вторая группа собиралась входить.

Впереди уходили уже набравшие растений, и Ло Сидж и Блейк пошли быстрее, чтобы присоединиться к ним. Тотзин обещал помощь за стеной. Неожиданно, несмотря на недоверие к офицеру Империи, Блейку захотелось увидеть его. Они продолжали идти за другими посетителями сада, прислушиваясь, нет ли за ними преследования. Сообразительный человек на платформе может сопоставить неожиданное падение Оторонго с их уходом, и их везение кончится.

На боковой улице стоял небольшой фургон, один из тех закрытых экипажей, которые, как знал Блейк, перевозят женщин

из благородных семейств. Но на этом не было герба, вид у него потрепанный, экипаж нуждается в покраске и покрыт грязью и пылью. Задняя дверца открылась, и оттуда поманил солдат-посыльный Тотзина.

Несколько мгновений они колебались. Принять помощь другой стороны, возможно, означает только оттянуть катастрофу. Но идти по улицам с такой подозрительной ношей — значит напрашиваться на неприятности и повышенное внимание. Вместе с Марфи они сложили свой груз в фургон.

— Куда мы поедем? — спросил Блейк.

— Куда хочешь, — ответил солдат. — Но забирайтесь. Мы не можем ждать. Слишком многие видели, и кое-кто запомнит. Нужно оставить ложный след.

Через плечо Блейк видел, как Ло Сидж кивнул. Патрульный уже подсаживал Марфи. Блейк вскочил, дверца хлопнулась с громким щелчком, а когда Блейк сел спиной к двери, то обнаружил, что она закрыта снаружи.

— Кроган был снаружи. — Ло Сидж взял Блейка за руку, говорил он еле слышным шепотом. — За нами будут следить, если они попытаются что-то сделать. И он прав: нас слишком многие видели. Если они могут сбить со следа стаю псов, стоит ли нам возражать? Давай освободим девушку.

В тесном фургоне запах цветов одурманивал. Они сорвали цветы и стебли, извлекли Марву из ее ароматного кокона и усадили недалеко от щели, в которую пробивался свежий воздух. Марфи села рядом с ней, поддерживая сестру. Голова Марвы покачивалась на плече сестры, словно девушка сама получила заряд станнера.

— Как она? — спросил Ло Сидж.

Марфи покачала головой:

— Я смогла связаться с ней и привести ее к стене. Но теперь... она как будто ушла. Что с ней сделали?

— Тотзин обещал напоить тех, кто ее охраняет, — предположил Блейк. — Может, и она получила дозу?

— Продолжай звать ее, — сказал Ло Сидж Марфи. — Нам нужно, чтобы она пришла в себя. Может случиться так, что ей самой придется заботиться о себе.

— А я что делаю? — ответила Мафри. — Куда нас везут?

Ло Сидж придвинулся к сиденью и наклонился, стараясь увидеть что-нибудь в узкий разрез окна. Окна были почти закрыты, и он ничего не увидел. Двигались они медленно: скорость на оживленной улице города поневоле замедляется. Дважды повернули, потом увеличили скорость. И дорога стала не такой ровной, как раньше.

— Мы не возвращаемся в город. — Блейк был настолько уверен, что решил высказать свое сомнение вслух.

Ло Сидж прошел в переднюю часть фургона. В перегородке между пассажирским отделением и шофером есть щель, в которую пассажиры отдают приказания. Патрульный попытался открыть ее, но она не поддавалась.

Стон привлек их внимание к Марве. Вернулись всхлипывания, которые раньше сотрясали ее тело. Девушка тяжело дышала. Ло Сидж быстро подошел, повернул ее голову к щели в стене.

— Марва! — Марфи крепче ухватила сестру. Посмотрела на патрульных. — Она считает, что видит сон.

— Ты можешь удержать ее под контролем?

— Попытаюсь.

Блейк порывлся в корнях и стеблях на полу и отыскал прочный корень. Он силой отвел крышку с одного из узких окон, потом передал импровизированное оружие Ло Сиджу, который то же самое проделал с другой стороны.

Зелень, сплошная зелень леса мелькает мимо с такой скоростью, что ограниченное поле зрения не дает возможности ничего разглядеть. Блейк не мог поверить, что совсем рядом с городом существует такой густой лес. Они словно оказались в дикой местности.

Глава 14

— Охотничий заповедник, — высказал предположение Ло Сидж.

— Что это? — спросил Блейк.

— Полоска нетронутой местности, которая сохраняется для церемониальной охоты. Она отмечена на карте города. Но если мы едем туда, то это в противоположном направлении от реки.

— А куда? — спросила Марфи.

— Это нам еще предстоит выяснить, — с отсутствующим видом ответил Ло Сидж.

По подпрыгиваниям и раскачиваниям машины они поняли, что дорога в плохом состоянии. Зелень настолько потеснила ее, что стало слышно, как ветви задевают за фургон. По необходимости продвижение замедлялось. Блейк тронул Ло Сиджа за плечо.

— Я выстрелю из станнера в шофера и в того, кто с ним. Завхватим фургон... вернемся в город...

— Пожалуй... — согласился патрульный.

— Аааааааааа! — Марва вырвалась из рук сестры и упала на переднее сиденье. Сестра ее с таким же криком боли прижала руки к голове. Ло Сидж пошатнулся, как человек, которого ударили сзади. Блейк тоже ощутил мысленный удар. Не неумелое неопытное использование мысли, какое к нему применили, когда он был пленником в поместье речного лорда. Посыл уверенный, предназначенный для овладения мозгом, подготовка и талант на уровне Врума.

Ло Сидж дергался, лицо его превратилось в маску ужаса и боли, он оскалил зубы в мучительном зверином рычании. Только глаза его устремились к Блейку. Защита младшего патрульного, как всегда, выдержала. Но сама эта защита предупредит того, кто нацеливает мысленные снаряды, что у него есть не поддающийся контролю противник.

Дюйм за дюймом, не способный сопротивляться, Ло Сидж приближался к задней дверце фургона. За ним двигалась Марва, со стонами ползла на четвереньках. А дальше Марфи, пошатываясь, с трудом держась на ногах.

Блейк прыгнул влево. Он слышал, как кто-то возится с замком двери. Но тот, кто находится с той стороны, не готов к встрече с ним. Конечно, если не знает о защите Блейка. Предупреждение — да, оно звучит, но немедленной опасности все же нет.

Дверца фургона открылась, и Ло Сидж вывалился в нее, двигался он рывками, словно чужая воля руководила его конечностями. Марва скорее выкатилась, чем вышла наружу, за ней следовала Марфи. Блейк пнул массу растительности, лежавшую на

полу. Показалась чья-то рука. Человек собирался схватить лежащего. Блейк выстрелил из станнера и отскочил к противоположной стене фургона, чтобы расширить поле зрения.

Человек, в которого он выстрелил, отшатнулся, споткнулся о лежащего и упал. Блейк выстрелил во второго, который еще стоял. Один заряд, всего один! Марфи вооружена, Ло Сидж тоже, но только они могут воспользоваться своим оружием.

Когда его вторая жертва упала, Блейк увидел, что Ло Сидж и Марфи наклонились, по-прежнему дергаясь рывками, по чужой воле, и подняли Марву. И, спотыкаясь, втроем начали уходить от фургона. Блейк осторожно двинулся вперед. Два человека: посланник Тотзина и другой — лежали неподвижно. Деревья и кусты стеной окружали машину и дорогу, всю в рытвинах. Трое, находившиеся под действием чужой воли, уже обогнули фургон и вот-вот скроются в чаще.

Одного Блейк мог бы удержать, но всех троих остановить физической силой он не сможет. Очевидно, мысленный контроль ведет их к какой-то определенной цели. И цель эта близка: такой контроль на большом расстоянии не действует. Значит, тот, кто его осуществляет, находится поблизости. И так как такими способностями обладают только жители Врума, вероятно, это и есть подлинный враг. Кем бы он ни оказался, как бы он ни был подготовлен, Блейк сумеет использовать свой последний заряд. И он пошел за спотыкающейся троицей, прислушиваясь к каждому звуку и к своему личному предупреждению.

До сих пор они двигались по дороге. Но теперь она превратилась в тропу, скорее всего просто звериную. Недавно была сделана попытка расширить ее, по обе стороны срезана растительность. Быстро темнело, и Блейку трудно было разглядеть, что находится впереди. Наконец они вышли к небольшому ручью, пересохшему летом. Посреди гравийного русла текла тонкая струйка воды. Трое из Врума двинулись вверх по течению.

Блейк последовал за ними. Оказавшись на открытом месте, он подражал неуверенным движениям остальных. Ручей повернул, впереди вечерние сумерки прорезал свет. Не яркий честный огонь костра, не свет ламп, какие используются на этом уровне. Очень слабый голубоватый свет, который не только говорил о

чуждости своего происхождения, но и вызывал злоешие предчувствия.

Теперь — Блейк знал! Впереди паук, соткавший всю эту сеть. Во всяком случае, это самая серьезная опасность из всех на этом уровне. Чувствовалось удовлетворение, торжество. Блейк ощущал его так ясно, словно враг кричит о нем. Ожидающий не сомневается в своей полной победе. Но почему он не чувствует, что встретился с защищенным мозгом? Может, считает, что, победив троих, может не беспокоиться о четвертом? Значит, у него есть и другие средства, чтобы справиться с потенциальным противником.

Они приближались к искусно замаскированному зданию. Если бы не освещенные окна, Блейк его бы не заметил. Грубые каменные стены вполне могли быть природным образованием на берегу ручья, на низкой крыше растительность, усиливающая впечатление естественности.

Трое контролируемых пленников двинулись прямо к открытой двери. Блейк спрятался за обточенной водой скалой. Он ничего не мог сделать, чтобы помешать им идти прямо в западню. У него лишь одно преимущество — возможность использовать последний оставшийся в станнере заряд. Если бы хоть на мгновение отвлечь или разорвать этот мысленный контроль, ему помог бы Ло Сидж.

Враг в доме очень уверен в себе. Не впервые Блейк пожалел, что не обладает такими способностями, как другие жители Врума. Он знал, что любой другой патрульный уже определил бы число находящихся в доме и был готов к действиям. Но если бы Блейк обладал такими способностями, он тоже подчинился бы контролю и так же, как остальные трое, слепо шел бы прямо к двери.

Голубой свет больше скрывал, чем открывал. Трое на его фоне видны силуэтами. Вот они исчезли внутри. Должно быть, прошли сквозь какой-то занавес. Блейк ждал. Если враг ожидает четверых, он должен что-то сделать, чтобы отыскать недостающего.

И тут то, чего он ждал, пришло: необыкновенно сильный удар, который должен ослепить, оглушить, совершенно лишить

человека воли. Блейк тут же принял решение: пусть думают, что его победили.

Он, шатаясь, вышел из-за скалы, пошел к дому, надеясь, что действует достаточно реалистично и обманет противника на те секунды, которые ему нужны, чтобы оказаться на дальности выстрела. Он подошел к двери, голубой свет клубился вокруг него, словно часть этой подавляющей силы.

Свет как туман, сквозь который он улавливал только смутные очертания предметов: три тени, одна стоит, две лежат на полу. Это Ло Сидж и девушки. Но больше никого не видно.

— Вперед! — Приказ ударил по всем.

Ло Сидж наклонился, с огромным трудом поднял одну из девушек. Вторая поползла на четвереньках. Блейк, пытаясь что-нибудь разглядеть сквозь туман, пошел за ними.

Здесь! Предупреждение обрушилось сильно, как в саду. Прямо здесь! Но Блейк никакой цели не видел. Ло Сидж заслонял этот невидимый источник силы.

Стена — в ней еще одна дверь.

Предупреждение сейчас было настолько сильным, что Блейк бросился вперед и, выйдя из голубого тумана, оказался в естественном освещении. Он сумел не зацепиться за лежащее тело, сохранил равновесие и увидел человека в мягком кресле. Человек смотрел на него с недоуменным выражением. В то же мгновение Блейк выстрелил прямо ему в лицо, чтобы удар луча станера пришелся в мозг.

Он услышал звон металла о металл и был сбит с ног. Пол под ним задрожал. Приподнявшись, он снова увидел незнакомца; тот падал, держа одну руку на инструментальной панели. А панель... она показалась Блейку знакомой.

Блейк чувствовал муки смещения времени. Они в шаттле. И он не представляет себе, куда они направляются, есть ли у них вообще цель. Рука, бессильно лежащая на приборах, могла забросить их куда угодно.

— Что...

Блейк двинулся к управлению, хотя не знал, сможет ли он прервать полет или посадить шаттл на каком-нибудь уровне. Инстинкт заставил его попытаться сделать что-нибудь... что угодно. Услышав голос, он оглянулся.

Во время старта Ло Сидж, должно быть, упал. Теперь он опирался на руки и оглядывался, как человек, медленно приходящий в себя от кошмарного сна.

Блейк оттащил от управления лишившегося сознания пилота. В шаттле мало удобств, которым снабжены машины патрульных. Вернувшись к приборам, Блейк принялся изучать их. И обнаружил один ценный факт: они на заранее установленном курсе, а не просто летят наобум. Но что это за курс, где они сядут, знает только человек, получивший заряд станнера.

— Летим? — Подошел, шатаясь, Ло Сидж. Тоже осмотрел приборы. — Летим, — повторил он и покачал головой — не в знак отрицания, а в попытке прояснить затуманенную голову.

Марфи села со стоном, прижала руки к голове. Ее начало сухо рвать. Она дрожала. Но когда осмотрелась, в глазах ее было сознание.

Блейк осмотрел кабину. Обычного оборудования в ней нет, но он надеялся найти сумку первой помощи со стимуляторами, в которых все нуждаются. И нашел ее в одном из углов. Без нее никто не решится отправиться по уровням.

Одну таблетку проглотил сам, остальные передал Ло Сиджу, который последовал его примеру. Марфи получила третью, но, когда она захотела положить таблетку в рот Марвы, Ло Сидж покачал головой:

— Мы не знаем, какие наркотики ей давали. Пусть лежит. Она придет в себя естественным путем. — Он опустился на колени возле незнакомца, посмотрел в его расслабленное лицо. — Я его не знаю...

— А я знаю! — Марфи присоединилась к нему. — Это Карглос!

— Пилот коптера с Проекта? — Блейку пришлось напрячь память: все это казалось далеким прошлым. Начало приключений уже заслонилось тем, что произошло позже.

— Способности десятикратной силы: он сумел захватить и удерживать нас троих, — заметил Ло Сидж. — Но почему он действовал как пилот Проекта? — И тут же ответил на собственный вопрос. — Вероятно, просто маскировка. Но почему? Что ж, ответит на это сам.

— Когда он придет в себя, — спросил Блейк, — ты сможешь защититься?

— Только с помощью, которой у нас сейчас нет. Если придет в себя, нужно будет сразу снова выстрелить в него.

— Я истратил все заряды, — объявил Блейк.

Ло Сидж сунул руку в разрез пояса, вначале уверенно, потом принялся искать, пальцы его быстро двигались между тканью и телом. Он поднял голову с таким удивленным видом, какого Блейк у него никогда не замечал.

— Нет!

— А твой? — спросил Блейк у Марфи.

Она порылась в широком рукаве.

— Нет!

— Но как?

— Элементарно. — Ло Сидж мрачно взглянул на Каргло-са. — Несомненно, он приказал нам самим выбросить оружие по дороге сюда, и мы послушались. У нас только одна возможность, если, конечно, не удастся лишить его сознания сразу, как очнется. Нужно будет уйти из шаттла, когда сядем на уровне. Не знаю, какова дальность его контроля. Мы далеко ушли от фургона?

— Я не мог измерять. Мне показалось, довольно далеко, — ответил Блейк.

— Рисковать нельзя. И как-то надо захватить его с собой!

Ло Сидж слишком оптимистичен, подумал Блейк, хотя не сказал ничего. Нет никаких причин считать, что у них будет преимущество, когда закончится этот безумный прыжок поперек времени. Если они направляются на Врум, можно не сомневаться, что там они окажутся в еще более сложном положении.

— Мы летим на Врум? — Марфи, в свою очередь, разглядывала приборы.

— Не думаю. — Ло Сидж, скрестив ноги, сел на пол кабины. — Он привел нас сюда к себе. Курс был установлен заранее, все было готово к старту вместе с нами. Но не думаю, чтобы шаттл был нацелен на Врум. Прежде всего ваш отец, подозревая существование незаконного шаттла, привел в действие все детекторы. Они следят за всеми регулярными рейсами с наше-

го уровня, но засекут и другие. Я считаю, что мы летим в другое укрытие. Тот, кто стоит за всем этим, стремится сохранить свои действия в тайне.

— Пустой мир, — сказал Блейк.

— Почему ты так считаешь?

— Это безопасней всего. Нет туземного населения, поэтому и подозрений меньше.

— Правдоподобно и вероятно. Но пустых уровней много. А тем временем... — Ло Сидж встал и принялся обыскивать Карглоса. — Оружия нет. Он был уверен, очень уверен в себе. Ничего, что подсказало бы пункт назначения. Марфи, есть возможность связаться с сестрой? Уловить хоть какое-то впечатление? У нее может быть ответ или хоть часть его. Ведь она прилетела в Новую Британию с Карглосом.

— Нет. Все равно что пытаться собрать вещь, разбитую на мелкие осколки. Неужели... неужели она теперь всегда будет такой? — Марфи вопросительно взглянула на Ло Сиджа.

Патрульный не ответил. Если и хотел сказать что-то утешительное, не смог. Марфи сразу бы узнала, что это обман. Он молчал, а она смотрела на голую стену шаттла.

Немного погодя Ло Сидж заговорил:

— Ее нынешнее состояние может быть вызвано наркотиками и воздействием Карглоса. Возможно, она сама придет в себя, словно проснется от лихорадочного сна. Или на Вруме ее смогут вылечить. Но можно ли привести ее в себя, если понадобится? Можно ли держать ее под контролем?

— Попробую. — В голосе Марфи не было надежды. Она словно замкнулась, думала о себе и своем страхе за сестру.

Предупредительный сигнал на панели. Блейк уложил Марфи на пол и сам лег между нею и ее сестрой, удерживая девушек вместо ремней безопасности. И тут же понял, что в такой позе переносить головокружение выхода на уровень гораздо труднее, чем в обычном кресле.

Но по крайней мере теперь они знают, что выходят не на Вруме: не тот интервал между стартом и посадкой. Ло Сидж сидел в кресле пилота и смотрел на панель. Блейку пришлось закрыть глаза и бороться с болезненными ощущениями.

Последовал толчок, каюта задрожала. Ясно, что они не на терминале. И никакого движения, как в шаттле на уровне черпаках. Блейк глотнул и сел, Ло Сидж включил экран.

Они увидели ночь, прорезанную лучами луны. На фоне звездного неба виднелись вершины голых скал. На экране больше ничего не было видно.

Марфи зашевелилась, отбросила спутанные волосы с глаз.

— Похоже на мир Проекта, — медленно сказала она.

— Может быть. — Ло Сидж встал со своего места и принялся орудовать с замком выхода. — Судя по приборам, скафандры не нужны. Здесь можно жить. Попробуем немного разведать. — Ты, — он взглянул на Блейка, — следи за ним. Не знаю, сколько он еще пролежит без сознания. Не хочется возвращаться под его контролем.

Вопреки своему желанию Блейк признал его слова разумными. Он посмотрел, как патрульный выбирается из люка. Потом снял свой пояс и разорвал его на полосы. Возможно, ему не удастся связать мозг экс-пилота — именно это им сейчас нужно, — но он обезопасит себя и товарищей по-другому. Положив Карглоса на сиденье, Блейк связал его, тщательно затянул узлы.

Марфи продолжала смотреть на экран. В углу появилась тень Ло Сиджа и снова исчезла. Девушка первой нарушила молчание:

— Карглос должен был быть очень уверенным в своей безопасности. Он считал, что тут ему никто не помешает.

— Сколько бы он смог удерживать вас под контролем? — спросил Уокер.

— Не знаю. С Марвой, в ее состоянии, у него не было бы трудностей. Но Ло Сидж и я — нас удерживать одновременно не так легко.

— То есть он здесь ожидал помощи. Кто-то связанный с Проектом? — Или, про себя добавил он, собственная группа, скрывающаяся тут в пустыне. Ло Сидж, несмотря на весь свой опыт и изобретательность, возможно, сейчас идет прямо в руки врага. Блейка успокаивало только отсутствие внутреннего предупреждения.

Он обнаружил, что ему трудно сидеть спокойно; принялся бродить по маленькой кабине, каждые несколько секунд проверяя состояние Карглоса. Внешне их пленник по-прежнему под воздействием станнера. Что-то стукнуло у наружного люка? Ло Сидж возвращается — или кто-то другой? Блейк прижался ухом к стене...

Опасность! Потом мозговой удар, на этот раз нацеленный прямо на него. Удар такой силы, что Блейк пошатнулся. Кто-то схватил его за ноги и потащил вниз. Блейк увидел лицо Марвы, ее лишенный сознания взгляд. Тело на кресле ожило. Карглос ударил. Марфи тоже прыгнула на Уокера, рыча от ярости, и своим весом увлекла его на пол.

Глава 15

Девушки боролись с Блейком на полу, пытаясь удержать его. Карглос еще не открыл глаза, но мощь его удара нарастала. Экс-пилот не сможет долго воздействовать на него и одновременно не отпускать из-под своего контроля девушек. Не время для полумер. Блейк постарался высвободить руку. Он должен вывести из строя Марфи, и быстро. Она продолжала яростно царапать его, и ему приходилось защищать глаза от ее ногтей. Марва лежала у него на ногах, прижимая их.

Звук открывающегося люка, к нему устремляется Ло Сидж, но лицо патрульного лишено разума. Блейк увидел нацеленный кулак, почувствовал резкую боль — потом ничего.

Он лежит на снежном сугробе, и холод пронизывает все тело, от него немеют руки и ноги. Нет, это не снег, и он не чувствует холода. Он лежит на еще не остывших угольях, и они испепеляют его своим жаром. Перед ним в диком танце кружатся Марва и Марфи, с ними Ло Сидж, а Варлт бьет в огромный барабан. Закончив танец, они извлекают его сердце и отдадут гигантской черепахе, которая лежит на камне над огненной постелью Блейка.

Удар, удар, вечный гром барабана и вертящиеся фигуры танцоров. Снег... пепел... снег... Перелет во времени, поперек времени, один мир за другим, и нигде нет для него места. Закончив

этот поворот, он вывалится из времени и навсегда затеряется в бесконечной тьме. Поворот... удар... поворот... удар...

Блейку казалось, что он кричит, но никакого ответа на его нечленораздельный призыв о помощи нет. Черепаха повернула голову, и на него уставились огромные желтые нечеловеческие безжалостные глаза. Поворот... удар...

Жар внутри его, не снаружи. Снег... если бы он мог зачерпнуть его и поднести ко рту. Уокер попытался пошевелить руками, схватить влажный холодный снег. Снег... пепел... Но руки его коснулись жесткой неподдающейся поверхности.

Барабанный бой прекратился. Он больше ничего не видит, кроме темноты. Но медленно начинает осознавать, что темнота под его веками. Жар продолжает быть его частью, и он делает слабые движения, ищет облегчения. Не удары барабана, нет — звуки, длительные звуки и вместе с ними какая-то настоятельная потребность, которой он не понимает, но которая его тревожит. Блейк заставляет себя открыть глаза.

Он увидел какое-то серое пространство — не открытое небо, потому что у пространства есть углы такого же цвета. Поворот головы стоил ему огромных усилий, но он сделал его и обнаружил, что он не один. Трое, плясавшие перед ним, лежат тут же, лежат неподвижно, словно танец лишил их жизни. Но вот Марфи слабо пошевелилась, повернула голову. Увидела его.

— Блейк?

Его имя произнесено еле слышным голосом, но он его услышал, и, как ни странно, это придало ему сил. Напрягая руки и ноги, он оттолкнулся от камня, на котором лежал, и сел.

Стон. Звук доносится от Марвы и Ло Сиджа.

— Блейк... воды... — Шепот Марфи чуть громче и требовательней.

Он осмотрел помещение, в котором они лежат. Вместо пола сглаженный камень. Но эти стены он видел. Или похожие. В лагере Проекта.

Лагерь... припасы... вода... Он думал медленно и вяло, но все же Блейку удалось связать эти слова и понять смысл. Дверь... наружу... вода... Поворот головы потребовал напряжения всех сил. Дверь есть. Или ее очертания. Он не может встать на ноги, но ползти может...

— Блейк? — Шепот перешел в вопль.

Он остановился, повернул голову, стараясь не поддаваться тошноте, которую вызвало это движение. Рот кажется наполненным пеплом из его бредового сна. Но ему удалось прохрипеть в ответ:

— Вода... иду за водой...

— Вода? — Марфи с трудом встала на четвереньки.

Уокер пополз дальше. Прижался плечом к двери и вложил все силы в толчок. Дверь не поддавалась. Он попытался снова, потом заколотил кулаками.

Они закрыты здесь. Выхода нет! А мысль о воде стократно усилила жажду. Вода... ему нужна вода!

— Нет... нет... — Марфи присоединилась к нему. Ухватила его за руку, ее слабые пальцы вцепились в его кулак. — Сюда. — Они прижала его руку к неподдающейся поверхности и надавила — но не наружу, а направо. На этот раз дверь послушалась, скользнула в стену.

Они выползли в коридор. Должно быть, это база Проекта, но... Блейк остановился и прислушался. Ни звука, даже гула механизмов не слышно. Дальше по коридору еще одна дверь, открытая, а на пороге ее лежит...

— Ох! — Марфи прижалась к Уокеру, впила пальцами ему в плечо. Он высвободил руку и отодвинул девушку к стене.

— Оставайся здесь. — Он видел смерть во многих обличьях и теперь не сомневается, когда встречает ее.

Долгий переход по коридору к телу. Голова повернута от него, лежит на протянутой руке. Блейку пришлось повернуть ее, чтобы увидеть лицо. Лицо знакомое. Сарфиниан! Блейк был помощником этого патрульного в одном из маршрутов. Сарфиниан отвечал за техническое состояние связи на шаттлах и за оборудование терминала.

Блейк заглянул в помещение, на пороге которого лежало тело. Оборудование в основном для связи, но теперь все разбито, разбито сознательно. Проводка сплавилась, хрупкие приборы уничтожены. Кто-то позаботился, чтобы отсюда невозможно было отправить сообщение!

Блейк, упираясь в стену, встал. Тяжело прислонившись к стене, он побрел туда, где лежала Марфи.

— Кто это? — спросила она, когда он нагнулся и поднял девушку.

— Патрульный. Специалист по связи. Как ты думаешь, это Проект?

— Да! — Она смотрела мимо него на тело.

— Где... припасы? — Стоять на ногах и поддерживать девушку так трудно. У Блейка не оставалось сил для слов.

Марфи медленно повернула голову, посмотрела вверх по коридору, вниз.

— Там, — указала она на противоположный конец, — я думаю... там...

— Оставайся на месте. — Блейк вторично отдал этот приказ. Он должен идти один; поддерживать ее при этом не сможет. Но когда он двинулся вдоль стены, девушка пошла за ним, и он не стал тратить силы на возражения.

Каким-то образом ему удалось добраться до конца коридора. Там оказалось помещение большего размера. Он узнал его. Именно здесь он обедал с Кутуром. На столе тарелки, поблизости чашка с какой-то жидкостью.

Никогда не приходилось ему пробовать чего-нибудь вкуснее этого холодного горького напитка. Он глотком выпил половину, остальное допивал медленнее. Громче стали звуки приближения Марфи. Блейк повернулся, держась за стол, и увидел вползающую в помещение девушку. Протянул ей чашку. Она села на пол, прижимаясь спиной к стене. Взяла чашку дрожащими руками и поднесла ко рту.

— Еще? Для Марвы... Ло Сиджа... еще?

Блейк принялся осторожно обходить стол, заглядывая в чашки. В двух осадок на дне, их он не тронул. На тарелках засохшие остатки пищи. Но где-то здесь должна быть кухня, а в ней припасы. Блейк отнес вторую чашку Марфи.

— Где кладовая с припасами?

— Там кухня. — Девушка прижимала чашку, пытаясь остановить дрожь рук.

Блейк пошел, куда она показала. Кухонная установка действует очень просто и эффективно. Вкладываешь в нужные прорези продукты, и они в готовом к употреблению виде по-

являются уже на тарелках и в чашках. Но шкаф над установкой раскрыт, полки пусты; нет никаких припасов.

С остальным то же самое, думал он мрачно какое-то время спустя. Вода — да, вода у них есть. Снаружи целая река. И тот, кто оставил их здесь, не видел причины лишать их воды. Но еда — еды нет никакой. Как нет и способа связаться, нет шаттла, нет никаких следов недавних обитателей, кроме мертвого тела, охраняющего обломки.

Ло Сидж теперь занимал сиденье Кутура. Марва, у которой дрожало все тело, временами теряла сознание, но в целом как будто пришла в себя. Марфи и Блейк сидели за столом, на котором не было ничего, способного утолить голод.

— Это все. — Старший патрульный смотрел на три небольших пакета. Не пища, но поддерживающие таблетки. Все, что они нашли, обыскав помещения со следами торопливой эвакуации. Поддерживающие таблетки не еда. Энергия, которой они снабжают, ложная; это сгорают ткани организма, и ничто не восстанавливает утрату.

— Связь? — Марва была в сознании. — Мы можем связаться?

— Ты видела, что сделали с установкой, — мягко напомнила ей Марфи.

— Но мы не можем просто сидеть и...

— Нет. В нашей крови — продолжать бороться, — сказал Ло Сидж. — Но коммуникатор бесполезен.

Уокер поднял голову.

— У тебя есть идея? — Вопрос прозвучал почти как обвинение.

Патрульный пожал плечами:

— Такая ничтожная вероятность, что не стоит особенно на нее надеяться.

— Но это вероятность, — подхватила Марфи. — Что-то мы ведь можем сделать?

— Например? — Блейк пытался вернуть ее к жестокой действительности.

— Возможно, это только предположение, но... — Ло Сидж помолчал, потом добавил: — Не думаю, чтобы нас стали искать. После того что тут проделали, ответственные за это постараются

вообще уничтожить базу. Но хоть коммуникатор они уничтожили, терминал шаттлов остался.

— А что это нам даст без шаттлов? — спросил Блейк.

— Ты имеешь в виду... тонкую стену времени? — Марфи смотрела на Ло Сиджа. — Но... но это только суеверие. Разве не так? — В ее вопросе звучала мольба, ей хотелось услышать отрицание.

— Так всегда считалось, — согласился Ло Сидж. — Но сейчас нужно серьезно отнестись даже к суевериям.

«Тонкая стена времени»? Блейк где-то слышал это выражение... или похожее. Спор... когда... где... с кем? Он не может сейчас вспомнить. Мозг по-прежнему работает вяло. Но смутно он кое-что припоминает. Нет, не факты — догадки и гипотезы.

Терминалы маршрутов поперек времени установлены на многих уровнях, и движение к ним осуществляется уже несколько поколений. И кое-кто предполагал, что использование таких терминалов делает барьер времени тоньше, постоянные перемещения с уровня на уровень создают слабые места. Пока это только предположение. Эксперименты для его подтверждения опасны, они могут повредить всей системе.

— Но этот Проект существует недавно, — возразил Блейк. — Чтобы стена стала тоньше, движение должно осуществляться долго.

— Это еще одно предположение, — ответил Ло Сидж. — Возможно, вообще все это фантазии. Проект основан здесь восемнадцать месяцев назад. И движение было напряженное: проверки, доставка и вывоз персонала, доставка припасов и оборудования. Конечно, не такое напряженное движение, как на Аргосе или Калабрии, но все же сильное.

— Что же нам делать? — Блейк догадывался о цели Ло Сиджа. Пусть девушки о чем-то думают, пусть сохраняют надежду, чтобы не пришли в отчаяние. Сколько можно прожить без пищи? Дольше, чем без воды, это он знает.

— Поищем в рубке связи материалы для усилителя. — Ло Сидж раскрыл пакет с поддерживающими таблетками. — По одной на каждого. — И высыпал маленькие таблетки.

— Усилитель чего? — Блейк готов поддержать этот вымысел. Но все же не задать вопросы не может.

— Усилитель для нашего сигнала. Мы все вместе, с помощью усилителя... — Ло Сидж взглянул на сестер.

— Ты... ты на самом деле считаешь, что получится? — спросила Марфи.

— Ну, попытаться стоит, верно? — Ло Сидж проглотил свою таблетку. — У вас есть сильный принимающий пункт — Эрк Роган. Его мозг настроен на ваши: должно быть, он вас ищет. И будет как раз в нужном для приема состоянии.

— Вы думаете добраться до него мыслью? — В голосе Блейка звучало недоверие. Это безумие! Ло Сидж не может говорить серьезно. И если сестры серьезно воспринимают это предложение, значит, только Блейк остается в здравом рассудке. Испытания под контролем Карглоса? Неужели они могут сказаться и на таком патрульном, как Ло Сидж? Если бы Уокера попросили назвать, кто из патрульных устоит под любым напряжением, он бы первым назвал Ло Сиджа. Ну, наверно, это только доказывает, что он плохо разбирается в людях. Он ведь не может судить, как сильно воздействует мозговой удар; у него есть природная защита.

— Можно сказать и так, — ответил Ло Сидж. — Приблизительно. — Он слегка улыбался. — С усилителем мы могли бы добраться до человека, настроенного на нас...

— Отец! — вмешалась Марва. На ее лице снова появились признаки сознания.

— Но если шаттл может пройти только несколько уровней... — начал Блейк и замолчал. Если это игра ради спокойствия девушек, к чему ей мешать? Пусть верят, пока возможно. — Ну, вы об этом знаете больше меня. — Он пытался говорить искренне, как будто сам серьезно воспринял это сумасшествие. — В этой области я глух и нем, помните?

Марфи улыбнулась ему:

— Не нужно себя недооценивать.

— Не собираюсь, — ответил он, глотая таблетку.

Они отнесли тело связиста в помещение Кугура и закрыли дверь. Потом занялись оборудованием связи. По указаниям Ло Сиджа Блейк развинчивал, снимал, сортировал, а старший па-

трульный пытался разобраться в добыче. Марфи помогала то одному, то другому. Марва большую часть времени лежала в коридоре на матах, снятых с коек. Они все старались держаться вместе, как будто что-то злое прячется где-то в опустевших помещениях Проекта, и его можно удержать, только не разъединяясь.

Дважды Блейк ходил на реку за водой. На танках Проекта видны следы бури, которая бушевала во время предыдущего посещения Блейка. Только один танк восстановлен, брошенные механизмы стоят под открытым небом.

Часто приходилось отдыхать. Энергию поставляли только таблетки. Тупая боль, голод, постоянно трясущиеся руки, слабость — непрерывное предупреждение, что работать долго они не смогут.

День снова сменился ночью. Они выползли в коридор, свернулись на матах, отдыхали. Блейк не помнил, спал ли он. Ему казалось, что он временами теряет сознание. Однажды, проснувшись, он обнаружил, что сидит на полу в рубке связи и пытается высвободить сплавившуюся массу проводов.

Снова день, может быть, следующий или еще позже. Ло Сидж привел спотыкающуюся процессию в помещение, которое служило терминалом шаттлов. Уокер присел у стены, как в тумане, следя за действиями другого патрульного. Тот с бесконечной осторожностью, очень медленно опустил сложное сооружение, над которым они так долго работали, несколько раз проверил его положение.

Ло Сидж намерен довести этот фарс до конца, тупо подумал Блейк. Они останутся здесь, будут постепенно слабеть, потом погрузятся в беспамятство — и конец. Наверно, их никогда не найдут. Никто ведь не знает, что произошло на перекрестках времени. И никогда не узнает, какова истинная причина происшедшего.

— Готово? — Глаза Марфи стали огромными. Краска, которой она пользовалась при маскировке, стерлась, и лицо казалось очень худым и измученным.

Ло Сидж закончил последнюю проверку, лежа перед установкой.

— Насколько я могу судить.

— Попробуем? — задала она вопрос в одно слово.

Ло Сидж достал из кармана оставшиеся таблетки, выложил их на ладонь. Марфи пересекла комнату и вернулась, поддерживая сестру.

— Отец, — отчетливо сказала она, обращаясь к Марве. — Думай об отце. Представляй его себе мысленно. Зови...

Сестра кивнула:

— Да, знаю.

Ло Сидж протянул девушкам по таблетке, еще одну отдал Блейку.

Тот покачал головой.

— Тебе она больше нужна. — Он не может поверить, что их действия к чему-то приведут. И готов ждать конца без стимуляторов.

Трое сели у машины, взялись за руки. Может, эта вера приносит им утешение. Они что-то делают, пытаются выжить. Блейк слишком устал, чтобы тревожиться. Он даже не завидовал их способности надеяться.

Наверно, он задремал. Время потеряло всякий смысл. Уокер видел, открывая глаза, что они по-прежнему здесь, головы их опущены на грудь. Постепенно он начал понимать, что они умерли, что здесь только их тела.

Снова пошел дождь. По крыше застучали тяжелые капли. Сколько потребуется бурям, чтобы разрушить лагерь, похоронить пять тел? Вода...

Что-то блестит в центре помещения — должно быть, крыша уже протекает. Какая-то искра в глубине Блейка пытается привести его в сознание, предупредить остальных. Но это не имеет значения, они ведь уже умерли...

Блеск?

Нет!

От света болят глаза. Приходится их закрыть. Потом — он снова открыл их — прочная блестящая поверхность там, где только что ничего не было. Это галлюцинация, повторял он, даже видя открывающийся люк.

Глава 16

Блейк держал дрожащими руками контейнер. Во рту пересоло. Галлюцинация? Он продолжал цепляться за это объяснение. Но он и не думал, что иллюзия может быть такой реальной. Он сидит в шаттле, стандартной двухместной модели.

— Все, сэр. По приказу с Врума все терминалы закрыты. — Блейк слышал над головой голос пилота. — Всем передан сигнал прекращения работ.

— Прекращения? — Голос Ло Сиджа, слабый и истощенный, доносится с другой стороны кабины. — Что это значит?

— То`Кекропс! — В ответе звучит гнев. — Он поставил вопрос на Совете и добился большинства в два голоса. Эрка Рогана на Совете не было, не было и многих других. Говорят, их просто не уведомили вовремя.

— Но как могли они так быстро принять решение? — Ло Сидж был удивлен.

— О, очевидно, это все давно планировалось. Сразу на всех терминалах появились группы временно назначенных патрульных и захватили контроль. По меньшей мере в двух случаях они столкнулись с сопротивлением, в остальных у работников не было никакой возможности. У нас ведь на линии нигде не было значительных сил. Пригрозили, что оставят всех сопротивляющихся, точно как они обошлись с вашей группой. Мне кажется, так происходило повсюду. Но точных данных у нас нет, только слухи. Все линии связи в их руках, и по ним передается только приказ немедленно возвращаться и не оказывать сопротивления.

— Значит, вы направляетесь на Врум?

Блейк, покончив с едой, теперь слушал внимательней. Человек в пилотском кресле ему незнаком. У него резкие черты лица и шрам от ожога на виске. На нем зеленый комбинезон — одежда исследователей уровней. Заметив это, Блейк не удивился, услышав неуверенный ответ:

— Я могу вас отвезти на Врум, если вы этого хотите.

— Но вы туда не направлялись?

— Каждый шаттл, который добирается до Врума, там и остается. Эта информация дошла до нас по линии. наших людей сразу арестовывают. Нет, я не собирался на Врум.

— Значит, в укрытие?

Незнакомец худой рукой потер подбородок.

— Я из исследовательской службы, сэр. Остаться без всякой связи на мире последовательности — одно дело; возвращаться на базу — совсем другое.

— Значит, вы не одиноки в своей реакции?

Незнакомец повернул голову и посмотрел на Уокера. Тот прямо встретил его взгляд. Потом пилот взглянул на девушек, лежащих на полу и, по-видимому, спящих.

— Да, я не один. Есть и другие.

— И среди них, может быть, Эрк Роган?

— Да. Но сейчас он не в состоянии вернуться, даже если бы захотел. Он находился на терминале в Саракозисе; терминал попытались захватить силой. Мы уверены, что нападавшие получили приказ прикончить Рогана. Его задели лучом, но он сумел уйти на другой уровень. Они пользуются максимальным мозговым контролем, и Роган опасается, что превратится в марионетку То`Кекропса.

— Значит, мы направляемся не на Врум. Возьмете нас в свое убежище?

— А как они? — Пилот указал на девушек. — Им нужна медицинская помощь. У нас ее нет.

— Это дочери Рогана; их тоже могут использовать. Они сами не захотели бы попасть в руки ограничителей.

— Хорошо, попробуем. Нас предупредили, что теперь на шаттлы посылают приказ возвращаться автоматически. Может, это только угроза...

— Автоматический возврат? Значит, им все равно, что произойдет с экипажем. — В голосе Ло Сиджа слышалась ярость. — Вам следует отсоединить часть детектора кодов.

Пилот пожал плечами:

— Конечно, можно попасть куда угодно. Но я готов рискнуть. Никто из нас не хочет застрять на уровне; но возможно и худшее.

— А что у вас за убежище? Оно, конечно, имеет свой код?

Рослый мужчина улыбнулся.

— Как раз нет! Я был в одиночном маршруте пять лет назад; ранг позволял мне делать выбор уровней. И если станут искать в

архивах, под именем Февора Теборуна найдут только письменную расписку, что я понимаю риск и получаю право на свободный поиск. У меня есть незарегистрированная база в середине Второго Радиационного пояса.

Второй Радиационный пояс — последовательность миров (сколько именно, никто не определял), которые атомная катастрофа вычеркнула из временной линии; на них нет человечества. Для исследований здесь нужны смелость и безрассудство, а безрассудство истинным патрульным не присуще.

Теборун продолжал улыбаться.

— Уровень не закодирован, место совершенно дикое. Есть радиация, конечно, но планета не совсем выгорела. Похоже на Врум. Много странных мутаций, но на людей даже отдаленно не похожи. Я по крайней мере не видел. Это место, где нас вряд ли будут искать. Я сделал два отчета об уровне, оба адресованы непосредственно Эрку Рогану и не записаны на лентах архива. Согласно официальным данным я в это время находился далеко отсюда, торговал на Гренландско-Винландском уровне.

— Сколько человек туда добралось?

— Не знаю. Роган высадился там с четырьмя и послал направленные сигналы. Один — в Новую Британию и еще несколько. Звал своих людей, прежде чем они будут захвачены. Когда мы получили ваше сообщение и я отправился, там было чуть больше десяти человек. Кстати, как вам удалось это сделать? Связь мертва, начиная с уровня E 1045.

— Мы воспользовались другим методом. — Ло Сидж не стал вдаваться в подробности. — Кое-что новое.

— Можно использовать, чтобы вызвать остальных парней? — настаивал Теборун. — Нельзя, чтобы хорошие люди сами шли в руки к ограничителям или отдавали им то, что предназначено Рогану.

— Это был эксперимент. Не знаю, получится ли он снова.

К удивлению Блейка, Теборун больше не допытывался. Вскоре прозвучал сигнал прибытия. Уокер лег на пол рядом с девушками, машину сотрясла вибрация.

В люк шаттла они увидели действительно незнакомое место, центр того, что могло когда-то быть гигантским каменным ша-

ром. Высоко вверху в стене был пролом, и сквозь него виднелась голубизна обычного неба.

Стены гладкие, дугой уходящие вверх; они как будто очень давно обработаны руками человека, но во всем чувствуется что-то чужое. Не люди создали этот шар.

Блейк выбрался из люка и оказался в небольшой группе встречающих; некоторые в комбинезонах патрульных, другие в самых разнообразных нарядах, словно их носителей спешно собрали с разных уровней. У стены шара, довольно далеко от того места, которое сейчас занимает шаттл, стоят еще четыре-пять машин. Место встречи беглецов и изгнанников.

— Где Роган? — спросил Ло Сидж. — С нами его дочери.

Как и Блейка, его встретили нацеленным оружием и замкнутыми враждебными лицами. Только когда из люка показался Теборун, враждебность смягчилась.

— В чем дело? — спросил пилот.

Его оттолкнул в сторону вооруженный человек. Он заглянул в шаттл и сказал через плечо:

— На этот раз правда. С ними женщины.

Теборун схватил его за руку и прижал к стенке шаттла.

— Ну ладно, а теперь, может, найдется кто-то в своем уме? Ты знаешь, почему я улетел. Меня попросил Эрк Роган. А теперь я вернулся с его девочками и несколькими нашими людьми, которые застряли все вместе. Почему у вас станнеры? Где Роган? И вообще что тут происходит?

Послышался гул ответов. И прибывшие услышали тревожную историю. Незадолго до них появился другой шаттл. Пилот из люка позвал Рогана, говоря, что его дочери на борту, но они тяжело ранены. То, что не показался Теборун, кое у кого вызвало подозрения. Два человека, несмотря на протесты пилота, забрались в люк. Изнутри послышались звуки борьбы, и шаттл улетел. Ловушка не сработала, но это была ловушка.

А то, что враг знает, где они находятся, заставляло всех нервничать. События развивались так быстро, что беглецы не успевали приспособливаться к зыбучим пескам под собой. Вместо постоянной базы, которую они знали всю жизнь, вместо надежной защиты корпуса патрульных их окружает хаос. Их преследу-

ют, возможно, они навсегда затеряны на чужом уровне. Понимание этого мешало людям ясно мыслить.

Путешествия поперек времени всегда были связаны с риском, и эти люди к нему привыкли. Это был знакомый риск, не созданный другими людьми. Теперь, если они хотят сохранить свободу, им нельзя возвращаться на свою базу; они не могут рассчитывать на помощь других, особенно властей. И даже на свои шаттлы они не могут больше рассчитывать, если будет включен сигнал автоматического возврата.

Блейк и Ло Сидж сидели на стульях у койки Рогана. У Рогана перевязана нога, а на лице выражение напряжения и боли. Он выглядит намного старше того человека, который включил Блейка в отряд для поисков Марвы. Его дочери сейчас в соседней пещере, одной из тех, что ведут к шару, избранному Теборуном в качестве терминала. Марфи пришла в себя настолько, что смогла поговорить с отцом, но Марва находилась в глубоком ступоре.

— Ограничители знают о нашем уровне. — Роган, как всегда, говорил торопливо. — Они обязательно вернуться, не сомневайтесь в этом. И что нам даст оружие против их мозгового контроля?

— Как все это произошло, сэр? — спросил Ло Сидж. — О, мы знаем, что ограничители давно пытались создавать неприятности. Но это — все так неожиданно!

Губы Рогана скривились.

— Мы допустили непростительную ошибку: недооценили То`Кекропса! В большей части необходимых для жизни материалов Врум зависит от путешествий поперек времени. Мы привозим с миров последовательности сырье, продукты, предметы роскоши. Сотни лет мы устанавливали терминалы, расширяли свою сеть, использовали энергию родственных миров. После Великой Войны у нас осталась горстка мутантов в мире, который на три четверти был непригоден для жизни. Только пересечение времени спасло нас тогда от гибели.

Таким образом, человек, контролирующий пересечения времени, контролирует весь Врум так же надежно, как мы заперты здесь. — Роган поднял руку ладонью вверх и медленно сжал пальцы. — Мы считали, что приняли все необходимые предо-

сторожности против диктатуры. Сотню избирают с величайшей осмотрительностью, так же тщательно отбирают и в корпус. Но когда хорошие времена длятся слишком долго, люди забываются. Если нет видимых врагов, не звучит тревога, мечи ржавеют, а щиты в темных углах покрываются паутиной. Я могу утверждать — и в этом прав, — что большинство жителей Врума, кроме тех немногих, кто непосредственно этим занимается, даже и не подозревают, насколько они зависят от миров последовательности, о существовании которых и не слышали. Среди нас всегда были фанатики. В прошлом ими не интересовались окружающие, и они оставались безвредными. Просто люди, боящиеся контактов с другими уровнями. Ходили слухи об эпидемиях, о возможном ввозе смертоносного оружия — как будто где-то есть оружие хуже того, что мы сами против себя обратили.

Когда люди толстеют и становятся ленивыми, такие разговоры добавляют остроту жизни. Их повторяют как пустые сплетни, но постепенно начинают им верить. Катастрофа, затронувшая нескольких человек с Врума, подхватывается, расписывается, преувеличивается опытными пропагандистами. И вот за последние годы постепенно укоренилось мнение, что пересечения времени вообще опасны.

Отчеты патрульных закрыты для общественного мнения. Семья с Врума может навестить Лесной уровень или несколько других отведенных для отпускников. А в остальном люди опираются на слухи. А в худшее всегда верят легче и быстрее, чем в лучшее.

Прекращение деятельности корпуса само по себе выгодно для То`Кекропса по двум причинам. Во-первых, оно подкрепит веру, что полеты поперек времени опасны, так что даже специально подготовленные люди больше не рискуют. Во-вторых, начнется упадок экономики, который почувствуют все, в том числе и те, у кого нет определенного мнения относительно полетов. Придется формировать второй корпус. А он, естественно, будет целиком под влиянием ограничителей.

Начнется откровенный грабеж уровней. Богатства, которые при этом пойдут на Врум, привлекут к То`Кекропсу новых сторонников, особенно среди тех, на ком отразился упадок. Наши люди под мозговым контролем будут повторять — возможно,

они уже делают это, — все, что он скажет. Этот переворот начали несколько человек, находящихся под его влиянием и, может быть, мозговым контролем, но теперь яд распространяется быстро, тем более что исходит из рядов самого корпуса.

— Но ситуация не может быть такой безнадежной. — Ло Сидж прислонился к стене. — Невозможно, чтобы то, что сокружалось сотни лет, рухнуло за одну ночь.

— Деорганизация в центре может вызвать хаос, — ответил Роган. — Возьмем город... допустим, на вашем родном уровне, Уокер. Что произойдет, если откажет система энергоснабжения, а вместе с ней подача воды, отопление, связь? Все рухнет за день или даже за часть дня. Каким будет результат?

— Убийство, всеобщее убийство! — ответил Блейк. — Город умрет. — Он вспомнил город на другом уровне, близком к своему. Этот город не был готов к сопротивлению и встретил смерть. — Но потом... кое-кто уцелеет. Найдется один человек или несколько, они поведут за собой выживших и попытаются начать все снова. Но, конечно, того, что было раньше, у них не будет, и им потребуются годы, чтобы навести относительный порядок.

— Годы, которых у нас нет! — выпалил Ло Сидж.

— Да, у нас их нет, — согласился Роган. — Однако у нас только один враг — паук, засевший в центре паутины. Стоит убрать То`Кекропса, пока он еще не укрепился, и весь его план рухнет. Он не из тех, кто передает другим власть и полномочия, такие, как он, этого никогда не делают. Нам нужно добраться до него.

— А он на Вруме и защищен лучшей со времен Великой Войны охраной, — сухо заметил Ло Сидж.

— Совершенно верно, — заметил Роган. — У нас нет средств для ведения войны поперек времени. Мало людей, практически нет запасов. Мы можем оставаться здесь и, возможно, спасем свою шкуру. Или можем попытаться добраться до То`Кекропса.

— Всякий, кто вступит на Врум, сразу окажется под его мозговым контролем. У вас есть защита против него, сэр? — спросил Блейк.

— У меня очень мощный блок. Я держу его с самых первых сообщений о беспорядках. Поэтому он и не смог меня захватить.

— Одного человека можно поразить станнером или просто захватить физически, — сказал Ло Сидж.

— Нет, я ему слишком нужен, чтобы он сразу меня убил, — просто сказал Роган. — Я много стоил бы, если бы стал под мозговым контролем выступать на его стороне. Да, он хочет взять меня живым. Тогда, лишив меня блока... — И он беспомощно развел руки.

Блейк видел, что Роган к чему-то клонит, и начинал догадываться, к чему. Единственный человек в убежище, кому не нужно полагаться на механический блок, кто не поддастся находящимся под контролем штурмовикам ограничителей, — это Блейк Уокер. Но и ограничители об этом знают, если получили сообщение Карглоса. А он, конечно, доложил.

— Тебя видели только в маскировке Новой Британии. — Ло Сидж как будто прочел его мысли. — На Вруме ты практически никому не известен. О, То`Кекропс о тебе слышал в связи с Марфи Роган. Но знает ли он больше...

— Должен знать, если он так умен, как вы думаете, — ответил Блейк.

Во время их разговора Роган как будто думал о чем-то своем и не слушал. Но теперь он вмешался:

— Я единственный, кто может послужить приманкой. Только я могу добраться до То`Кекропса.

— И у вас никаких шансов добраться до него не под контролем, — уверенно заявил Ло Сидж.

— Но они есть у меня! — «Что заставило меня сказать это? Что за дикая мысль», — думал Блейк.

Оба собеседника со странным напряжением смотрели на него, как будто заставляли дать необходимый им ответ.

— Вы говорите, он знает, что я был с Марфи. Должно быть, знает и то, что мы покинуты на уровне Проекта. Может быть, он потому и решился захватить вас, сэр, что не знает о нашем спасении? Он его не предвидел.

— Но теперь у него есть двое наших. Он их допросит, — сказал Роган.

— Да, но они захвачены до нашего появления. Они знают, что вы послали за своими дочерьми, но о нашем прилете не знают. Вы сами тогда не знали, где мы и в каком состоянии.

— Верно. И никто не понимает, как я узнал, куда за вами посылать. — Роган, сидя на постели, наклонил голову.

— Что ты задумал, Уокер? — спросил патрульный.

— Я думаю, что, когда они узнали о моем полете в шаттле с Марфи, ограничители мной заинтересовались.

Оба слушателя согласно кивнули.

— В таком случае То`Кекропс знает, что я не уроженец Врума. Следовательно, я представляю фактор, в котором у него нет уверенности. Не подумает ли он, что я то, что у меня на родине называют «солдатом удачи», наемник, готовый ради выгоды сменить сторону? Я могу сказать, что меня заставили идти в корпус, потому что не могли стереть мою память. Кстати, отчасти это верно. Если я приду к нему и предложу сделку...

— Вы согласны попытаться? — Роган внимательно наблюдал за ним.

— Вероятно, припасы тут ограничены? — ответил вопросом на вопрос Блейк. — Сколько еще мы сможем тут продержаться? К тому же у них теперь есть код этого мира. Можно, конечно, рассредоточиться и скрыться, но постепенно все преимущество перейдет к ним. Наше единственное преимущество — действовать первыми.

— Если они уверены, что преимущество переходит к ним, зачем То`Кекропсу договариваться с тобой? — вмешался Ло Сидж.

— Я думаю, ему нужны быстрые результаты. Может ли он прочесать весь этот уровень, если вы уйдете в укрытие? И у вас есть шаттлы. Что может вам помешать уйти на другие уровни? Теборун — опытный исследователь; он даже может найти другой незакодированный уровень.

— Хорошие аргументы. Но То`Кекропс не дурак.

— Вы хотите сказать, что я ему не ровня? Я и не претендую. Но если он будет судить о моих мотивах по...

— По собственным? — Роган кивнул. — Да, он может вам поверить. И к тому же не может прочесть ваши мысли и разоблачить.

— Добраться до То`Кекропса — это только начало, — сказал Ло Сидж. — Что дальше?

— Достаточно ли он ненавидит вас, сэр, чтобы считать это личным поединком? — спросил Блейк.

Роган одеялом прикрыл ноги.

— Ну... в этом я не уверен.

— Но он ведь пошлет за вами отряд, со мной в качестве проводника? А вы можете ждать здесь в засаде. Решать будете сами.

Ло Сидж слегка улыбнулся.

— Мы рассчитываем на ничтожные шансы. Но будем надеяться, что судьба отныне нам благоприятствует.

Глава 17

Избавившись от двойной маскировки — торговца из Новой Британии и охотника с пограничных территорий Империи, — снова одетый в комбинезон патрульного, Блейк один сидел за управлением маленького шаттла. Он сам не понимал, что заставило его сделать безрассудное предложение, которое привело его сюда. Но знал, что он не единственный, кто с нетерпением ждет действий, схватки. В прошлом ожидание всегда давалось ему тяжелее всего. Теперь его оружием является не станнер, настроенный только на него, а вся информация о противнике, которую смог предоставить Роган, список тех, кто может помочь, и хранящийся в памяти план штаб-квартиры корпуса.

Как только он вылетит на Врум, все беглецы рассеются по поверхности мира этого уровня, скрываясь от возможного нападения. А Ло Сидж начнет создавать ловушку, куда должен завести Блейк силы ограничителей, если ему повезет.

Теборун закодировал для него возвращение на Врум; Блейк может не опасаться за благополучный возврат. А в терминале корпуса придется импровизировать. Он не герой; он просто единственный человек, подготовленный природой к такой роли.

Возвращение проходило нормально. Когда приборы показали, что он прибыл на Врум, Блейк немного посидел, глядя на панель. Он не сомневался в том, что То`Кекропс им заинтересуется; нужно только усилить этот интерес и добиться личного свидания. А потом воспользоваться враждебностью предводителя ограничителей к Рогану и говорить убедительней, чем ког-

да-либо в жизни. А если убедить не удастся, возможно, придется самому заняться То`Кекропсом. Такая мысль была у него с самого начала. Ограничителей нужно остановить! Ведь они могут заняться пиратством, какого не знали миры последовательности: напасть, убить, исчезнуть, уйти туда, где бессильны законы этого уровня.

Блейк встал. Лучше выйти, или у приемного комитета появятся подозрения. Он открыл люк, вышел в терминал. Увидел ряды шаттлов, больше, чем когда-либо приходилось здесь видеть. И не только маленькие патрульные шаттлы, как тот, в котором прилетел он, но и большие тяжелые торговые машины, предназначенные для перевозки грузов.

Со стороны поспешно припаркованных шаттлов приближались три человека. Двое в полевых комбинезонах патрульных, они Блейку незнакомы. Третий в штатской одежде, с широкой белой полосой на правой руке.

Именно он нацелил на Блейка мысленный удар.

— Ну, этим вы немного добьетесь, — с рассчитанной оскорбительностью ответил Блейк. — Я не мясо для твоего котла, друг.

Сосредоточенный взгляд противника дрогнул, но потом обрушился новый удар, и Блейк ощутил боль. И снова его защита выдержала.

Теперь двинулись двое патрульных, стоявших по бокам штатского; у них в руках был один из разрешенных на Вруме видов оружия — станнеры. Блейку совсем не хотелось подвергаться их действию, пусть и кратковременному.

— Я пришел по своей воле. Никакого вреда не причиню, — сказал он. — Спросите у То`Кекропса, хочет ли он увидеться с Блейком Уокером. Я думаю, вы поймете, что не стоит мне мешать.

Патрульный слева держал Блейка под прицелом станнера. Он выстрелил в тот момент, как Блейк уловил растущую неуверенность штатского. Но было уже поздно. Что-то сжало Блейку горло, сразу над воротником. Он упал вперед; против такого нападения защиты у него нет.

Он пришел в себя от ударов по лицу. Двое держали его, а третий бил — жестокий, но эффективный способ вернуть сознание.

Своих прежних противников он не увидел. И находился он в кабинете одного из командиров секторов.

— Заставьте его идти. — Приказ отдан раздраженно откуда-то сзади. Те, кто держал Блейка, развернули его и повели к столу. За ним сидел командор То`Франг, один из известных офицеров корпуса. На несколько мгновений Блейк удивился этому. Неужели ограничители потерпели поражение? Он в руках сторонников прежнего режима? Может, победа То`Кекропса была не такой полной, как считали люди в укрытии?

Но Блейк воспринимал не только действия окружающих, но и собственное внутреннее предупреждение. А ему он доверяет больше. Опасность! Он почти ощущает в комнате ее запах.

— Что... — Надо дать им знать, что он пришел в себя. Но собственный голос звучит странно, он тонкий и далекий.

Человек в комбинезоне патрульного, который уже занес руку для нового удара, изменил свое намерение, схватил Блейка за волосы и дернул его голову вверх.

— Он пришел в себя, — доложил он То`Франгу.

— Вовремя. Приведите его сюда.

Блейка подтащили к столу. На приборной панели ни одного огонька, возвещающего прибытие шаттлов. Только ряды тусклых зеленых лампочек — сигналы припаркованных машин. Такого Блейк никогда раньше не видел.

Но То`Франг задал неожиданный вопрос:

— Где Ком Варлт?

— Варлт? — повторил Блейк. Придя в себя от воздействия станнера, трудно соображать. Какое отношение к этому имеет Ком Варлт?

— Варлт! — Руки То`Франга лежали на приборах управления, но теперь он их поднял, согнул пальцы, как когти, словно хотел вырвать ответ у Блейка.

— Вы вылетели вместе с Варлтом в незарегистрированный спецрейс. Где теперь Варлт?

— Не знаю. — Блейк ответил чистую правду. В последний раз он видел старшего патрульного в доме торговцев в Ксоматле. Возможно, он застрял на этом мире последовательности.

— Вы не понимаете. — То`Франг сдержал свое нетерпение и раздражение. — Нам нужен Варлт. Мы не можем организо-

вать эффективное сопротивление этому безумцу без таких людей, как Варлт.

— Я не знаю, где Варлт, — начал Блейк, и тут раздражение командора То`Франга вырвалось наружу. Он вскочил, наклонился над столом, схватил Блейка за воротник комбинезона и яростно затряс.

— Мы вас вырвали из рук людей То`Кекропса. Можем вернуть им, Уокер! Вы нас интересуете только по одной причине: вы можете привести нас к Варлту. Мы держимся здесь из последних сил. Большинство старших офицеров под контролем, они по первому сигналу выкрикивают лозунги ограничителей. Мы пытаемся связаться с теми, кто еще в поле. Если соберем их, у нас будет хоть какая-то возможность. Где Варлт?

— Не знаю, — в третий раз сказал Блейк. — Мы расстались в поле. Я ушел на другой уровень. И не знаю, что произошло с ним после этого.

То`Франг выпустил Блейка и сел. Может быть, каждое слово командора — правда. Но внутренний сигнал побуждал Блейка к осторожности, к предельной осторожности. И ему нужно совсем не сюда. Сейчас он уже вполне пришел в себя от залпа станнера. Если То`Франг и все остальные, кто с ним, не сотрудничают с ограничителями, почему он сидит в собственном кабинете командора, за его собственным столом? Дела идут как обычно? Когда все пересечения времени прекращены, а в терминале ждут люди То`Кекропса? Вряд ли!

Командор кивнул, как будто последний ответ Блейка имеет смысл.

— Умно, Блейк. Вы хорошо играете. Только... — У него было выражение человека, решившего говорить искренне. — Только время против нас. Мы уже несколько часов играем в этом здании в прятки. Мне нужно было пробраться сюда. — Он ласково провел ладонью по столу. — Иначе мне не удалось бы связаться со своими людьми. Ограничители верят, что они их оставили беспомощными. — Он поморщился. — Но пока не все линии в их руках. Еще нет. И если я смогу вернуть таких людей, как Варлт, у нас появится шанс, пусть очень ненадежный. Нам нужен этот шанс, Уокер. Где вы оставили Варлта?

— Далеко от местного терминала. — Это Блейк готов сообщить. — И думаю, что он не смог добраться до него до прекращения полетов.

— Я бы не стал применять к Кому Варлту слово «невозможно». — То`Франг слегка улыбнулся. — Вы отправились в Новую Британию. Этот уровень оставлен. Там ожидали прибытия обычного трехдневного шаттла, но он не был отправлен. Однако мы можем его отправить.

— Но если ограничители захватили терминал и берут под контроль всех, кто там появляется, как...

— Как мы собираемся отправить своих людей? Мы работаем над этим сейчас, Уокер. Кстати, с какого именно уровня вы сейчас прилетели?

— С Проекта Кутура.

— Но... — Командор удивился. — Но установлено, что Кутур — сторонник То`Кекропса. Как он...

— Позволил мне уйти? Я добрался туда до его отлета. Были некоторые неполадки. Коммуникатор уничтожен, и я не смог получить ответ на срочный запрос... поэтому решил сразу лететь.

Поверит ли командор?

— А что у вас такого важного, что должен услышать сам То`Кекропс? — То`Франг играет с ним, как кошка с добычей, которая в пределах досягаемости ее когтей. Блейку не пришлось разыгрывать удивление, и командор негромко рассмеялся.

— У нас есть свои глаза и уши в терминале. Мы слышали ваши слова встречающим. И вы расскажете мне, что собирались сказать в другом месте!

Если То`Франг играет на стороне ограничителей, это отличный шанс добраться до То`Кекропса. Но если командор говорит правду, если он предводитель сопротивления, тогда... Блейк идет очень опасной дорогой между этими «если».

— Ограничители не могут взять меня под контроль. Как вы сказали, есть очень серьезные люди, оставшиеся в поле. Если отряд отсюда смог бы отыскать их...

— На каком-нибудь незарегистрированном мире последовательности? — То`Франг оживился. — Не думаю, чтобы получилось, Уокер. Но понимаю, что люди в отчаянном положении могут хватиться и за это. Однако ваша приманка должна быть

очень хорошей, Уокер. То`Кекропсу незачем охотиться за людьми на других уровнях. Ему достаточно перекрыть сообщение. А что у вас за приманка?

— Эрк Роган! — Блейка загнали в угол, и теперь приходится говорить правду. Хотя и не всю правду.

— Роган? Но Роган мертв. — То`Франг говорил так уверенно, что, не зная Блейк точно, что это неправда, он поверил бы.

— А если нет?

— Да. — То`Франг снова погладил поверхность стола, провел пальцами вдоль зеленой линии. — Да, если Роган жив, приманка заинтересует То`Кекропса, заставит послать отряд на охоту. Но Роган мертв!

— У вас есть доказательства?

Длинные пальцы застыли. То`Франг поднял голову, встретился взглядом с Блейком.

— Был отчет. Его поразили лучом. Человек, который потерял голову и сделал это, был казнен два дня назад.

— А тело?

— Тела не было. — Голова То`Франга дернулась. На лице отразился живой интерес. — Роган... Роган уцелел?

— Будем считать, что это возможное объяснение отсутствия тела, — уклончиво ответил Уокер. — Если Роган выбрался из шаттла, если он не убит, а только ранен, если ему удалось добраться до другого уровня...

— Вы это знаете... — То`Франг снова вскочил на ноги; остальные, те, что привели Блейка в себя, столпились вокруг него, все ждали, что он скажет. Заинтересовались, потому что это дает им новую надежду, или они предатели, готовые и дальше предавать патруль? Но по крайней мере Блейк овладел их вниманием.

— Вот что я вам скажу: Роган жив. — Блейк сделал решающий ход в игре вслепую.

— Где он? — Рука То`Франга повисла над приборами, словно он мог ими вызвать утерянного в кабинет.

— В безопасности — на незакодированном уровне.

— Незакодированном? Но код есть, он должен быть! Вы его знаете?

— А что он вам даст, если придется обыскивать весь уровень? — Блейк сделал еще один ход: — Будьте уверены, я могу сообщить То`Кекропсу и код, и еще кое-что. Если увижу его лично.

— Роган! — То`Франг тяжело дышал, словно после долгого бега. — С этим вы можете добраться до То`Кекропса, определенно можете. Великий человек, вероятно, лично займется поиском. Да, конечно, да! Это наш лучший шанс! Идите к То`Кекропсу! Вы пройдете к нему с этим сообщением, Уокер! Лессан! — Человек, хлопавший Блейка по лицу, сделал шаг вперед. — Лессан, проверь, что там происходит, на верхних этажах.

Патрульный достал из кармана широкую белую ленту, повязал на правую руку и вышел в коридор. То`Франг кивнул остальным. Один сел на стул у стены, другой направился к распределителю пищи, набрал заказ и принес подносы с едой. Блейк заметил, что машины работают по-прежнему вопреки дезорганизации среди людей. Он с аппетитом поел — насколько он помнит, это первая нормальная еда с того последнего утра в Ксоматле. К тому же Блейк не знал, когда удастся поесть снова. Он ожидал новых вопросов от командора. Но То`Франг не разговаривал, он проводил пальцами по рядам приборов на столе; время от времени губы его шевелились, как будто он говорит про себя. Можно подумать, что он решает какую-то проблему пересечения времени — и не обычными методами.

Блейк методично жевал и глотал. Если поверить То`Франгу, возможно, ему удастся привести Рогану новых верных сторонников. Но если командор просто игрушка в руках То`Кекропса, чем скорее он это установит, тем лучше. Одно замечание командора показалось Блейку подозрительным: он не верил, что предводитель ограничителей сам займется охотой. Но вот то, что он пошлет отряд на поиски члена Сотни, своего главного врага и самого вероятного руководителя сопротивления, — это да. И именно на этом основан план Блейка. То`Кекропс считает, что ему достаточно послать отряд. Нет, победить его нужно здесь, на Вруме, а Блейк пока не видит, как это можно сделать. Очень рискованная игра.

Конечно, если ему повезет и в руках его окажется станнер, если у него будет возможность справиться с предводителем огра-

ничителей, если можно будет вернуться к шаттлу... Но каждое из этих условий фантастичней предыдущего.

Тот самый патрульный, что принес пищу, собрал пустые подносы и сунул их в щель. И словно это послужило сигналом, То`Франг поднял голову.

— Лессан задерживается, — заметил он.

— Пойдем вверх? — спросил молчавший до этого стражник.

— Наверно, это разумно, — согласился командор. Он пошел к двери, осторожно открыл ее и быстро посмотрел в оба конца коридора. Кивком отдал приказ, Блейк встал и пошел вслед за То`Франгом, между двумя стражниками.

Кабинеты в штаб-квартире звуконепроницаемые, а коридоры нет. Раньше в них Блейк слышал шум, приглушенные голоса, звуки механизмов. Сейчас все тихо. Большинство дверей кабинетов прочно закрыты, а То`Франг шел быстро. Он не повернул к антигравитационным лифтам, а направился к редко используемой лестнице для чрезвычайных случаев, скрытой за панелями входов.

Они поднялись на два этажа и приблизились к кабинету командующего корпусом на самом верху здания. Теснились на узкой площадке, ожидая, пока То`Франг попытается открыть дверь. Он нажал, но она подалась лишь немного. Тогда нажал и один из стражников. Они увидели небольшое помещение, со стенами, уставленными стеллажами. На стеллажах ленты и аппараты для просмотра. Но то, что мешало открыть дверь, лежало на полу.

Лессан прикрывал рукой с белой повязкой грудь, словно пытался остановить смерть. Он убит лучом, как техник, которого Блейк нашел в Проекте. Командор взглянул на тело; он искренне удивился. Так искренне, что Блейк убедился в справедливости своих подозрений. Командора не должна была так удивить смерть одного из его людей от руки врага.

— Лессан! — Стоявший слева от Блейка протиснулся в комнату, опустился на колени. — Но почему?

— Он следит за мной! — прошептал То`Франг. — Следит за каждым шагом!

Теперь Блейк был уверен, хотя и постарался скрыть это. Итак, командор — сторонник ограничителей! Наверно, он ведет такую двойную игру давно. Но То`Кекропс никому не дове-

ряет. И потому прослушивает кабинет своего сторонника, знает все, что там происходит. И Блейку показалось, что возможный новый правитель Врума готов списать То`Франга.

— Его оставили здесь, — То`Франг продолжал смотреть на тело, — чтобы мы знали. — Первоначальный шок от этого открытия проходил. Командор взглянул на Блейка. И тот сразу понял, что игра закончилась, командор больше не считает нужным маскироваться. И верит, что благодаря Уокеру может восстановить свое положение.

— Возьмите его! — приказал он.

Стражник, склонившийся к Лессану, только поднял голову. Потом пожал плечами и снова посмотрел на тело. Второй попятился к выходу на лестницу. Но в руке То`Франга блеснул лазер.

— Дураки! — крикнул он стражникам. — Они уже получили приказ сразу стрелять в вас. За вами следят по всему зданию. Мы пойдем туда, где нас не ждут, а этот пойдет перед нами. Тогда у нас появится шанс. Неужели То`Кекропс подумает, что мы ведем двойную игру? Мы приведем ему этого. Он ему нужен. Он должен был уже слышать о Рогане, а этот приведет его прямо к Рогану.

Человек, стоявший на коленях, взглянул на другого, у двери. Тот пожал плечами.

— Наверно, за нами следят прямо сейчас, — сказал он. — А если доставим этого Уокера, кто знает?

— Ну, ладно, — согласился его товарищ.

То`Франг сделал жест рукой с лазером.

Блейку с тремя не справиться. Но похоже, он все-таки доберется до цели.

Глава 18

На Вруме все знают То`Кекропса: в последние годы он часто появлялся на экране телевизора. Но Блейк никогда не встречался с предводителем ограничителей лично. Однако то, чего он ожидал, не вполне совпадало с увиденным. Человек, выпрямившись, сидел в дальнем конце зала, в котором проходили совещания представителей Сотни с командующим корпусом. Все

сиденья, кроме того, которое занимает То`Кекропс, вынесли, оставив центр комнаты пустым. Очевидно, сделано специально, чтобы внушить посетителям страх перед новым главой закона и власти.

Мозговой удар — гораздо мощнее того, что встретил его в терминале. Но Блейк был готов к этому. То`Франг и остальные застыли, как деревянные. Но Блейк продолжал идти.

— Они были правы! Тебя нельзя контролировать. — То`Кекропс разглядывал Блейка не как человек другого человека, но как исследователь, изучающий новую эксцентричную форму жизни, встреченную на другом уровне.

— Турзор!

Голубая молния, неся с собой смертельную угрозу, встала стеной между ними. На Вруме такого оружия нет. Но человек, стоявший в тени у стены, искусно им владеет. Блейк остановился, получив это предупреждение.

— Мне доложили, что у тебя есть для меня информация. — То`Кекропс сразу перешел к делу. — Ты сказал этим глупцам, что знаешь код уровня, на котором прячется Роган. Ты хочешь использовать это как приманку для меня. Неужели я, по-твоему, такой слабоумный, Блейк Уокер?

В помещении два стражника: один с огненным оружием, другой за сиденьем главы ограничителей; возможно, второй применяет мозговой контроль. У Блейка нет оружия, нет возможности добраться до врага. Рассчитывать нужно только на свой ум. Но в этот момент Блейк чувствовал себя совершенно бессильным.

— Если вы подслушали это, сэр, — начал он, — то знаете только то, что я сказал приведшим меня сюда. Но это не вся правда.

То`Кекропс улыбнулся.

— Итак, нам предстоит обсуждение проблемы, что есть истина? Боюсь, у меня нет времени для философских тонкостей, Уокер.

— Вам нужен Роган, — смело сказал Блейк.

— Это верно. Мне нужен Эрк Роган, предпочтительно живой. Он отлично послужит нашему делу. Но, если другой возможности нет, мертвый Роган. Да, мне нужен Роган.

— Живой и способный перемещаться по уровням?

— Живой, да. Способный перемещаться? Это другой вопрос. Сейчас мы знаем, где его укрытие. А если он отправится в шаттле, мы можем остановить его. Мы уже предприняли для этого меры.

— Но если вам придется обыскивать целый мир? А Роган тем временем будет собирать силы. — Блейк чувствовал, что его переигрывают. Он может рассчитывать только на ненависть То`Кекропса.

— Помеха. — Вождь ограничителей улыбнулся. — Небольшая помеха, только и всего. Я уже признал, что в моих руках он представлял бы некоторую ценность. Но что ты предлагаешь? И почему?

— Если вы знаете мое имя, то должны знать и прошлое.

— Что ты не с Врума? Да.

— Меня привезли сюда вопреки моим желаниям, потому что ваши люди не смогли снабдить меня ложной памятью. Это не означает, что перемена мне понравилась.

— Значит, ты затаил зло? Возможно... возможно...

Блейк знал, что То`Кекропс играет с ним. Один шаг, и огненное оружие прикончит его, как Лессана. Внутреннее предупреждение пока не очень сильно: вождь ограничителей не намерен расправиться с ним, во всяком случае не сейчас. Это может означать, что ему нужно предлагаемое Блейком.

— Ходят слухи, — осторожно продолжал Блейк, — что, когда положение стабилизируется, вы начнете преобразовывать корпус и по-другому будете обходиться с мирами последовательности.

Улыбка То`Кекропса стала шире, теперь она напоминала смертельный оскал.

— Слухи, слухи! Нам от них никогда не освободиться! Но не позволяй мне прерывать себя. Какое же ошеломляющее предложение ты хочешь сделать?

— На моем уровне у человека, пользующегося поддержкой, немало возможностей...

— Мир, подверженный сумятице, — сказал То`Кекропс, — удобен для того, кто умеет ловить рыбу в мутной воде. Согласен. Человек, обладающий поддержкой, может достигнуть в нем высот. Твои аргументы имеют прочное основание, Уокер. Но что ты, со своей стороны, нам скажешь об Эрке Рогане?

- Он на незакодированном мире...
- Код которого нам теперь известен!
- У вас есть время обыскивать всю планету? Я знаю, где...
- У нас есть способы узнать это от тебя. — Улыбка не дрогнула.

— Я заблокирован. Если человека сломать, он будет нести вздор. Но не обязательно правду.

— Итак, мы вернулись к вопросу, что есть истина. Что же ты предлагаешь сделать, чтобы помочь решить проблему Рогана?

— Я проведу группу под контролем. Вы легко возьмете его.

— А почему ты, Уокер? Ты нам не нужен.

— Потому что Роган заблокирован. Ваш контроль на него не распространяется. И вы его живым не возьмете. — Блейк лихорадочно импровизировал. Есть небольшая вероятность, что предводитель ограничителей заинтересуется этим и сделает ошибку. Одну маленькую ошибку!

— А почему Роган поверит тебе?

— Я привез ему дочерей. И вызвался добровольцем прийти сюда, чтобы установить контакт с теми, кто может ему помочь.

— Турзор! — Человек с огненным оружием вышел на середину комнаты. — Яргарли! — Вперед вышел тот, что стоял за стулом То`Кекропса.

— Достаточная сила, как ты считаешь? — спросил вождь ограничителей.

Блейк перевел взгляд с одного на другого.

— Да, — коротко ответил он.

То`Кекропс кивнул:

— Ты прав. Яргарли может держать под контролем полтора десятка умов, а может, и больше: ему еще предстоит обнаружить пределы своих возможностей. А умение Турзора обращаться с этим добытым на пересечении времени оружием ты уже проверил. У нас есть и более эффективное, конечно, но пока его производство ограничено и мы пользуемся относительно примитивным. Ты говоришь, что можешь дать нам Рогана. Хорошо. Докажи это!

Блейк покачал головой:

— Договор не может быть односторонним. Что помешает Турзору доказать на мне свое мастерство, когда Роган будет захвачен?

— Конечно, ничего. Кроме одного — тонкой нити, на которой висит твоя жизнь! Ты заметил, что у тебя есть определенные возможности на твоём собственном мире...

— Очень тонкая нить, сэр! Я такой не доверяю.

Вот оно! Либо они придут сейчас к соглашению, либо Блейк проиграет все. Но принять первое предложение То`Кекропса — это явное поражение.

— Хорошо. Я дам тебе шанс. Вот. — Должно быть, он нажал кнопку вызова на ручке кресла, потому что в дверях показался еще один стражник.

То`Кекропс сказал:

— Принеси мне один из тех станнеров.

Тот исчез и спустя короткое время вернулся с коробкой, в которой лежало оружие, такое же, как то, что Варлт дал Блейку в Ксоматле.

— Это одно из наших новых изобретений, — объяснил вождь ограничителей. — У него несколько необычных особенностей. Первая: им может пользоваться только человек, который первым взял его в руки. Вторая: он стреляет парализующим лучом, это значительное усовершенствование обычных станнеров. Есть у него и недостаток, который изобретатель пока не устранил: его нельзя перезарядить, и у него только шесть зарядов. Возьми его.

Блейк послушался, снова испытав необычное ощущение, когда оружие настраивалось на него.

— Теперь повернись. Не забудь, что ты под прицелом оружия Турзора. Выстрели пять раз в стену. Стреляй!

Выхода не было, оставалось подчиниться. Блейк пять раз нажал курок; стражник, который принес станнер, внимательно следил за ним. После кивка этого человека То`Кекропс снова заговорил:

— Теперь у тебя есть защита от Турзора, а природа снабдила тебя защитой от Яргарли. Ты удовлетворен?

— Насколько можно рассчитывать, сэр.

— Разумное отношение к действительности. А теперь приведи ко мне Рогана, и мы поговорим еще. Обязательно поговорим!

План Блейка по-прежнему очень зависит от удачи. Но он уже начал осуществляться. Они вернулись в терминал, к шаттлу, в котором прилетел Блейк. Под внимательным наблюдением обоих стражников Блейк набрал код, проверил его, нажал кнопку курсоуказателя. В кабине стало тесно. Яргарли сел рядом с Блейком, Турзор — сзади.

Все молчали. Кабина задрожала, снова стала неподвижной. Блейк напряженно размышлял, зная, что спутники не могут прочесть его мысли. Подготовился ли Ло Сидж к приему? Сможет ли он справиться с контролем Яргарли?

Когда загорелись огни прибытия, он сказал Турзору:

— Приготовься.

Яргарли усмехнулся:

— Снаружи нас ждут трое. Они уже у меня под контролем. И будут исполнять мои приказы.

Турзор с оружием в руке следил за патрульным, ждал малейшего враждебного движения.

— Ты первый, — приказал он хрипло.

Блейк покачал головой:

— Нет, первым пусть идет Яргарли, если захочет, потом ты. Там трое у него под контролем, а у меня только один заряд. Чего ты боишься?

Турзор как будто не собирался соглашаться. Но его товарищ кивнул:

— По моему слову они его схватят. Напасть на нас невозможно.

Теперь все зависит от способности Блейка действовать быстро. Если промахнется своим единственным выстрелом — все потеряет. Возможно, позже представился бы лучший шанс, но он не может на него рассчитывать.

Люк открылся; Яргарли спрыгнул на камень внутри шара. Блейк, рассчитав все до доли секунды, бросился на пол кабины. Турзор полуобернулся и принял заряд станнера в горло. Он приглушенно крикнул; синее пламя ударило в стену кабины, но тут же исчезло, когда палец Турзора соскользнул с кнопки. Блейк перехватил его оружие.

В люк забрался Теборун с ничего не выражающим лицом. Он явно находился под контролем. Бросился к Блейку. Пока он в

сознании, остановить его невозможно. Блейк увернулся. Подставил ногу, Теборун споткнулся, ударился о сиденье; мозговой контроль делал его неуклюжим в тесной кабине. Блейк нанес удар ребром ладони, один из тех боевых ударов, которым его так хорошо обучили. Теборун упал. Блейк перевернул оружие и рукоятью ударил разведчика по голове. Один ушел из-под контроля Яргарли.

Но что, если у оставшихся есть станнер? Преимущество по-прежнему на стороне Яргарли, и ограничитель может привлечь к схватке любого другого беглеца, оказавшегося в пределах досягаемости его мозга. Если они не рассыпались, как планировалось... Но Ло Сидж должен был об этом позаботиться.

Блейк повернулся к Турзору. Тот тяжел, его почти невозможно тащить, но он дает защиту. Патрульный тащил тяжелое тело, поставил его, поддерживая плечом, и двинулся к двери.

Насколько он помнит, укрыться здесь можно только у стоящих шаттлов. Если, конечно, Яргарли не успел добраться до одного из туннелей, ведущих к шару. Хотя в лабиринте он заблудится. Ему придется звать на помощь проводника.

Блейк заглянул за плечо Турзора. Услышал негромкий свист стрелы, увидел, как она впилась в вялую руку патрульного. Итак, ему противостоит по меньшей мере один станнер. Но он увидел и Яргарли, который отступал к другим шаттлам. Конечно, теперь он будет держаться подальше и направлять в бой своих марионеток. Но не сможет это делать, если уйдет совсем.

Установив огненное оружие на плече Турзора, Блейк выстрелил. Синий луч пролетел в дюймах над головой Яргарли, разрезав корпус машины, за которой хотел укрыться патрульный. Ограничитель нырнул, и Блейк выстрелил вторично.

Запахло озоном и раскаленным металлом. Эту машину Яргарли не сможет использовать как укрытие. А следующая далеко слева. Справа к люку бросилась фигура. Блейк толкнул Турзора прямо на нападающего. Они вместе упали на камень.

— Стой! — приказал Блейк, подкрепляя свой приказ еще одним выстрелом. Луч прошел так близко, что Яргарли закричал — наверно, его обожгло.

— Следующий попадет в тебя, — предупредил Блейк.

Яргарли застыл, полуприсев. Он перестал ухмыляться, зарычал, как загнанное в угол животное. Он не сдался.

Уокер упал, послушавшись внутреннего сигнала. Услышал, как стрела ударилась обо что-то в кабине. Яргарли продолжает управлять своими куклами.

Блейк нацелил луч в камень. Яргарли, уклоняясь, отшатнулся. Справа, слева, справа — Блейк загонял его в обломки шаттла. И тут произошло то, на что рассчитывал Блейк. Опасность ослабила контроль Яргарли над его пешками.

Слева от Блейка послышался удивленный возглас. Яргарли повернул голову в том направлении. На мгновение он восстановил контроль. Потом отскочил от луча, потерял равновесие и упал.

— Стреляйте в него! — крикнул Блейк. Он вывалился из люка, вскочил и побежал зигзагами, потому что опасался, что Яргарли сохранил над кем-нибудь контроль. Но выстрела, которого он опасался, не было. Блейк добежал до упавшего ограничителя. Яргарли не двигался. Вероятно, он уже был без сознания, но Блейк на всякий случай ударил его по голове рукоятью.

— Не знаю, сможете ли вы это сделать. — Блейк оглядел их: Эрк Роган, Марфи, Марва, по-прежнему бледная, с измученным лицом, но с ясным взглядом, какого он у нее не видел; Ло Сидж; четверо других беглецов, включая Теборуна, который все еще держался руками за большую голову. — Но если сможете, это наш ключ к Вруму и То`Кекропсу.

Роган не ответил прямо. Он перевел взгляд с дочерей на Ло Сиджа, потом на остальных, словно ожидая их соображений. Первым заговорил Ло Сидж:

— Послав свой сигнал с уровня, мы сделали то, что почти все считали невозможным. Мы сделали это, объединив усилия. Почему такое единство не может стать оружием? Да, То`Кекропс действует через контролируемых, и большинство из нас уязвимо перед ним. Но ведь это обоюдоострое оружие: они тоже могут оказаться под воздействием.

— Вы смогли послать призыв, потому что Марфи, Марва и я тесно связаны. — Роган как будто размышлял вслух. — Тут у нас есть экземпляр для проверки.

Блейк не мог дальше следить за обсуждением: оно совершалось без слов. И его не включили в окончательный состав группы, подобранный после многих испытаний. В конце концов их оружие совершенно особое. Ло Сидж образует центр необычного нападения, Марфи и Марва поддерживают его; Роган на одном фланге; на другом — патрульный, фантастически одетый торговец с уровня, о котором Блейк не слышал. Только эти пятеро могут создать и пустить в ход наступательное и оборонительное оружие, какого не знали пересечения времени.

Двое разбирали контрольные панели шаттлов, целого и частично разрушенного; из частей они создавали для Блейка необычный панцирь из проводов и пластин. Он не часть «оружия», но будет участником битвы, будет защищать остальных огненным пистолетом и своим иммунитетом к мозговому контролю. Оказавшись на Вруме, они надеялись вывести из строя приближенных То'Кекропса, с помощью которых он командовал остальными.

Теборун и еще один разведчик заняли четвертую машину; они получили приказ пересечь как можно больше уровней и собрать всех, кто там застрял. Перевезти их в терминал Врума.

Свое приспособление они испытали на Яргарли и убедились, что оно действует. И теперь были готовы к отправлению.

В кабине шаттла было очень тесно, но именно эту машину ждут на Вруме, и они решили не рисковать. Когда начался поворот, все, кроме Блейка, закрыли глаза. Он почувствовал поле, образующееся вокруг. Голова болела, ему казалось, что его несет по бурной реке. Но даже под таким давлением защита Уокера выдержала.

— Терминал, — сказал он вслух, прерывая транс своих спутников.

— Пора! — Услышал ли это Блейк ушами или мозгом? Он не знал, но на него услышанное произвело впечатление крика. Держа оружие наготове, он раскрыл люк и выпрыгнул.

Конечно, их ждали. Но ожидавшие поторопились. Блейк подготовился к приему. Свистнули иглы станнеров, но он уже упал на четвереньки. Следовало опасаться только этих первых нескольких секунд.

Люди, ожидавшие их прилета, — явное доказательство предательства То`Кекропса — отшатнулись от ударившей в них волны силы. Оружие выпало, они зажимали руками головы, катались по земле. Блейк бросился вперед, схватил станнеры, начал стрелять, стрелял даже в катающихся по земле.

— Готово! — крикнул он в кабину.

Все вышли, шли как в трансе, не обращая внимания на лежащих. Блейк понял, что его задача усложнилась. Эти пятеро так сосредоточены, что только от него зависит физическая защита группы.

В дверях оказались трое. Один закричал, увидев лежащих. Блейк выстрелил. Двое упали, присоединившись к предыдущим жертвам. Третий скрылся в двери. Он может поднять тревогу.

Но копые из пяти объединившихся умов двигалось дальше. Блейк пытался одновременно разведывать дорогу и прикрывать тыл. Но потом решил, что это невозможно. Он дважды выстрелил в показавшихся впереди людей, одного свалил. И вот они в туннеле гравитационного лифта. Ло Сидж набрал координаты пункта назначения. Они взлетели вверх с цепящей нервы скоростью, миновали все этажи штаб-квартиры.

— Он здесь, ждет, — сказал Роган. — Думает сбежать...

— Не должен. Не выпускай его! — воскликнула Марфи. Глаза ее снова закрылись; одной рукой она держалась за сестру, другой слепо схватила Блейка за рукав и удержала с неожиданной силой.

Они стояли так несколько мгновений. Блейк был убежден, что их объединенная воля остановила То`Кекропса, заставила ждать их приближения.

Лифт остановился, двери его раскрылись.

— Нет! — Блейк прыгнул вперед и помешал Ло Сиджу выйти. — Нет!

Он едва успел. Яркая вспышка, такая может исходить только от огненного оружия, закрыла сетью выход, но не задела их. Потом лучи устремились вверх. В воздух полетело оружие, по-прежнему изрыгающее пламя. Оружие приземлилось, его подняли, теперь направили в противоположном направлении; оно словно жило своей жизнью, искало тех, кто начал его применять. Раздались крики ужаса, каких Блейку не приходилось слы-

шать. Но внутренний сигнал-предупреждение стих: дорога свободна.

Ему приходилось видеть схватку галлюцинаций и эспер-сил. Тогда Ло Сидж охотился на многих уровнях за преступником. Но сейчас было гораздо хуже. Коридор задрожал. Они словно шли от одного мира последовательности к другому, миры сменялись в яркой фантастической и ужасной цепи. Блейк покачнулся, споткнулся. Марфи продолжала держать его за руку. И он почувствовал, что кошмары, которые он видит, для нее не существуют. Но не посмел закрыть глаза. Ждал, пока покажется подлинный враг.

Он не понял, как они вошли в зал совещаний. Даже не сознавал, что они уже в нем, потому что стены все время меняли форму и размер, помещение заполнялось фигурами, которые он только смутно различал. У него было лишь одно желание — не видеть их.

Впоследствии Блейк никогда не мог связно рассказать об этой битве. Он воспринимал только край невероятных искажений природы, ее форм и сущности, какими он их знает. Его ослепила чуждость пространства, в котором происходила битва. Сомнительно, чтобы смертный мог следить за этой схваткой с открытыми глазами.

Когда он снова смог отчетливо видеть, под ногами был прочный пол, стены больше не качались, как столбы дыма. Блейк скорчился, в руках его не было оружия: что может дать металлическое, сделанное людьми оружие в битве галлюцинаций?

Кресло, в котором сидел То`Кекропс. На нем существо, машущее лапами и испускающее тонкий пронзительный вопль; на этот вопль отзываются другие существа, бесцельно ползающие по полу на четвереньках. Руки их слабо дергаются в воздухе.

А в центре зала, который ограничитель приказал сделать пустым, чтобы подчеркнуть свое могущество, стоят пятеро. Но вот они дрогнули, вцепились друг в друга, а лица у них как у очнувшихся от кошмара.

— Сделано. — Губы Рогана шевельнулись, но говорил он мертвенным голосом, совсем не так, как обычно.

Блейк смотрел на То`Кекропса. Он не понимал, что произошло с ним и с теми, кого он призвал на помощь в этой послед-

ней обороне. Если это последние враги, дело действительно сделано. Сделано! Но что они сделали с таким напряжением? Он не был частью этого копья, но его мысль помогла сковать его, он привел к его использованию. Что они сделали, чего при этом лишились?

— Что теперь делать? — Он удивленно произнес это вслух. Сознания... мысли... страшные существа... оружие...

— Делать? — Ло Сидж повернул голову. В глазах старшего патрульного появилось сознание. Он словно выбрался из зыбучих песков, радуется спасению, но не уверен в его окончательности. — Делать? — повторил он. — Будем собирать кусочки.

— Кусочки? — подхватил Роган. Руки его легли на плечи дочерей; он привлек их к себе. — Подбирать кусочки. Да, много кусочков.

Блейк встал. На мгновение вспомнил, каким чуждым только что был этот зал. Но воспоминание тут же исчезло. Да, много кусочков, и некоторые еще могут доставить неприятности. Он осмотрелся в поисках своего оружия. День — или ночь: неизвестно, какой сейчас час на Вруме, — день предстоит долгий.

ЗВЕЗДНЫЕ ВРАТА

Пролог

История — не просто собрание фактов; это сложнейшая паутина «если бы». Если бы Наполеон не проиграл битву при Ватерлоо, если бы революция американских колонистов потерпела поражение, если бы гражданскую войну выиграл Юг, а не Север... Таких «если бы» бесконечное количество, они возбуждают воображение и вызывают многочисленные размышления. Иногда важнейший поворотный момент может быть сведен к единичному действию: смерти одного человека, внешне самому обычному явлению.

Не только история народов и планет зависит от набора этих «если бы», но и жизнь каждого из нас. Если мы опоздаем на пять минут или придем на десять минут раньше на встречу, если мы пропустим один автобус и сядем в другой, вся наша жизнь может совершенно измениться.

Существует фантастическая теория о том, что история мира расщепляется в каждом таком случае. Следовательно, существуют ряды параллельных миров, возникших в результате такого исторического выбора. И если бы было можно изобрести какое-нибудь транспортное средство, человек мог бы перемещаться не вперед и назад во времени, а поперек времени, попадая, например, в современный мир, возникший в результате успешной колонизации викингами Северной Америки, или такой, в котором Вильгельм Завоеватель никогда не правил Англией.

И если такое возможно на Земле, то почему бы подобному не быть на других планетах Галактики, когда люди отправятся к ним?

Представьте себе планету, на которую сел земной космический корабль или целый флот таких кораблей. Уставшие кос-

мические путешественники, подвергшиеся в долгом пути мутациям, с благодарностью ощутили под ногами твердую почву. На планете существует туземное население, находящееся на уровне варварства. Земляне многое могут дать ему. И вот, не сознавая своего преступления, земляне вмешиваются в дела аборигенов. Но по мере того как сменяются поколения, пришельцы начинают понимать, что каждый народ должен сам сражаться за цивилизацию, что слишком легко приобретенные дары приносят вред, что право каждого мира — самому определять свою судьбу.

И вот «боги» со звезд начинают понимать, что причинили зло, хотя хотели добра. И чтобы спасти то, что спасти еще можно, они должны удалиться. Однако есть еще полукровки, результаты скрещения землян с аборигенами. Есть и такие земляне, которые не хотят улетать к звездам ради бесконечных поисков гостеприимной планеты, на которой не было бы местной разумной жизни.

И вот снова вступает в действие причудливая идея параллельных миров, мечта о том, что в результате какого-то каприза истории на этой самой планете не возникла туземная жизнь, пустой мир, но знакомый и любимый, к которому они привязаны множеством уз.

Далее последуют поиски перехода в эти миры «если бы», поиски врат, открытых перед исследователями. Возможно множество миров, в том числе и такие, в которых собственные дела и поступки исследователей приобрели мрачный и зловещий смысл, миры, на которых они даже могут встретить самих себя такими, какими стали бы, идя по другой исторической тропе и обладая другим историческим прошлым.

Эти земляне, опередившие нас на много столетий, вооруженные знаниями и технологией, которые мы можем представлять себе только в воображении, пройдут поперек времени и попадут на чуждый мир, на котором может развернуться следующая далее хроника происшествий за звездными вратами...

Глава 1

НАСЛЕДСТВО

Стояло необычное «холодное» время года. Ни снега, даже на вершинах хребтов, ни наносов на горных перевалах; над полями, покрытыми колкой стерней, дули теплые ветры, хотя они же сорвали с деревьев большую часть серебристо-зеленой листвы. Вместо снега растительность лесов и пастбищ убивала сухость. И погода — лишь часть необычного на Горте. По крайней мере в тех частях Горта, которые после отлета звездных повелителей все еще населяют люди.

Звездные повелители силой своего могущества возвысили гортиан над дикими животными, защитили их, как владелец крепости дает уверенность в жизни объявленному вне закона или бежавшему с поля битвы. Но теперь звездные повелители ушли — что будет с гортианами?

Кинкар с`Руд, стоя под развевающимся на ветру вымпелом из шкуры морда, флагом крепости Стир, долгим задумчивым взглядом окинул линию холмов. Плащ, искусно сшитый из полосок мягкого меха суардов, добытых Кинкаром в его одиноких охотничьих вылазках в горах, силой необычно теплого ветра прижимается к телу. Кинкар стоял на верху сторожевой башни, готовый заметить любое движение на синеватых полях владения. Кинкар не гигант, он не может соперничать ростом со звездными повелителями, но для своих лет силен и в искусстве боя мечами превосходит своих учителей-воинов. Он крепко сжал шестипалой рукой каменный парапет, а над его головой продолжал шелкать на ветру вымпел.

Он сам вызвался на этот одинокий пост, чтобы уйти подальше от коварных подстрекательств Джорда. Тот считает, что уход звездных повелителей открывает перед гортианами

новый и ясный день. Какой день? Глаза Кинкара, голубовато-зеленые, посаженные раскосо на юном лице, сузились при этой тревожной мысли и стоящих за ней смутных подозрениях.

Он, Кинкар с`Руд, сын Дочери Владения, и, следовательно, по праву крови будет править крепостью, когда Вурд с`Джастар уйдет в Общество Трoих. Но если его во владении не будет, хозяином здесь станет Джорд. С тех пор как его из города привезли в эту далекую горную крепость, Кинкар слышал и узнал многое и теперь понимает, с чем столкнется, когда Вурд удалится в мир теней.

У Джорда свои приспешники, которых он собрал во время торговых поездок, они преданы лично ему, а не клану. А Джорд никогда не упустит преимущества или выгодной возможности. Иначе зачем бы он проделал такой долгий путь и явился сюда два дня назад во главе пестрого каравана? Внешне — чтобы сообщить последние новости об отлете звездных повелителей. Но по странному совпадению именно сейчас Вурд слег, и, возможно, это его последняя схватка с тяжелой раной, которая истощала его силы много лет.

Посмеет ли Джорд оспаривать право Кинкара на владение? Его уклончивые замечания позволяли подозревать это. Но стать причиной поединка, когда Джорд — прямой наследник вслед за Кинкаром, означало бы напрашиваться на объявление себя преступником, и Джорд это хорошо знает. И он слишком умен, чтобы только ради устранения Кинкара отказаться от всего своего будущего. Что-то еще скрывается за интересом Джорда к улетевшим звездным повелителям, за его замечаниями о предстоящих событиях. Кинкар беспокоился. Джорд никогда не действует, если твердо не уверен в своем преимуществе. А теперь он не скрывает торжества.

Кинкар плохо помнил свою мать — какое-то неясное воспоминание: тусклые расцветки, аромат цветов и негромкие звуки плача в ночи. Все это носит имя Анора, Дочь Владения с`Стир. И никогда он не мог смириться с мыслью о том, что Анора и Джорд — сестра и брат. К тому же Джорд часто давал ему понять, что все отношения между ними основаны на ненависти.

Кинкар родился в Терране, городе звездных повелителей, но его привезли в крепость таким маленьким, что он не пом-

нил этого путешествия. И никогда не возвращался на равнины за горами. Теперь он этого и не хочет. Да и кто сейчас, после ухода звездных повелителей, захочет бродить по опустевшему городу, смотреть на следы, оставленные звездными кораблями? Все равно что тревожить сон давно умерших. А они этого не любят.

Он не понимал, почему звездные повелители улетели. Чужаки так много сделали для Горта, зачем им понадобилось снова погружаться в свои корабли? О, он слышал богохульные рассуждения приспешников Джорда. О том, что звездные повелители отказались передать жителям Горта свои главные тайны — вечную жизнь, которой они благословлены, и знания о могучем оружии. Он слышал также разговоры о спорах среди самих повелителей: одни считали, что нужно передать эти тайны гортианам, другие не соглашались. И будто бы те, кто хотел отдать, собрали последователей среди гортиан и подняли восстание. Но теперь, после отлета повелителей, против кого восставать? Против пустого неба? Может быть, в час своего отлета повелители прокляли этот мятежный мир?

Хоть ветер оставался теплым, Кинкар вздрогнул. Среди его соплеменников есть такие, кто может наслать болезнь своими действиями и волей. Насколько больше должны быть знания и могущество звездных повелителей! Настолько больше, что они сумели наложить заклятие на целый мир, лишить его холодного времени года? А наступит ли после этого время роста? Кинкар снова вздрогнул.

— Сын Дочери!

Кинкар так глубоко погрузился в размышления, что рука его автоматически легла на рукоять меча, когда он повернулся на зов. И увидел голову Регена в шлеме, торчащую из люка башни. Стражник Вурда не стал подниматься дальше.

— Сын Дочери, Стир будет говорить с тобой...

— Стир... он?... — Но ему не нужно было заканчивать вопрос: он прочел ответ в глазах Регена.

Хотя Вурд уже несколько дней не встает, Кинкар не верил, что конец так близок. Старый вождь болел и раньше, он бывал так близок к Великому Лесу, что слышал пение ветра в его вет-

вах, но каждый раз возвращался и прочно держал Стир в своих худых руках. Невозможно представить себе владение без Вурда.

Кинкар задержался у дверей хозяина крепости, чтобы снять шлем и плащ. Держа меч за лезвие, чтобы протянуть его рукоятью, он вошел.

Несмотря на теплую погоду, в очаге пылал огонь. Жар его согревал кровать, на которой лежала груда меховых одеял. В них, как в коконе, полусидела скрюченная фигура. На фоне темного меха лицо Вурда казалось сине-белым, но глаза смотрели пристально, и он смог поднести высохший палец к рукояти меча в знак приветствия.

— Сын Дочери. — Голос его звучит слабым шепотом, он не такой живой, как глаза. Наступило молчание. Вурд словно собирался с силами, чтобы пропустить новые слова в бескровные губы. Но вот он снова поднял палец-коготь и поманил Регена. Стражник поднял крышку ящичка, который был придвинут к самой кровати.

На глазах у Вурда Реген достал три свертка, развернул их и обнажил рубашку с короткими рукавами из металлических колец, сверкавших радужно, как шкура ящерицы; меч в ножнах; тканую верхнюю одежду с вышитым на груди гербом, незнакомым Кинкару. Ему казалось, что он знаком с оружием Вурда. Ведь еще мальчиком много времени проводил, полируя его. Но ничего из этих предметов он раньше не видел. Они сделаны великолепным мастером, и Кинкар подумал, что мастерство их изготовления присуще только вещам звездных повелителей.

Кольчуга, меч и плащ легли в ногах кровати, и Вурд посмотрел на них.

— Сын Дочери... — снова указующий палец-коготь. — Прими свое наследство.

Кинкар протянул руку к удивительной кольчуге. Но, возбужденный подарком, он оставался настороже. Что-то в этом подарке его тревожило.

— Благодарю тебя, Стир, — начал он слегка неуверенно, но тот нетерпеливо махнул рукой, заставив его замолчать.

— Сын Дочери... прими... *все* свое наследство... — Слова произносились с болезненными паузами.

Рука Кинкара застыла на кольчуге. Не может быть! По всем законам Горга он, сын Дочери Владения, обладает большим наследством, чем кольчуга, меч и плащ, как бы хороши они ни были!

Реген взял плащ, расправил его так, чтобы ясно был виден герб на груди.

Кинкар смотрел в изумлении на молнии с звездой между ними. Облизал неожиданно пересохшие губы. Этот герб... это...

Сморщенный рот Вурда скривился в слабой улыбке.

— Сын Дочери, — прошептал вождь, — сын звездного повелителя... твое наследство!

Кольчуга выскользнула из руки Кинкара и со звоном упала на пол. Потрясенный, он повернулся к Регену, надеясь на его помощь. Но стражник кивнул:

— Это правда, сын Дочери. В тебе кровь и кость звездного повелителя. И ты должен присоединиться к своему клану. К нам пришло известие, что восставшие будут разыскивать таких, как ты, и приносить им злой конец...

— Изгнание?... — Кинкар не мог поверить в услышанное.

Реген покачал головой:

— Не изгнание, сын Дочери. Но здесь, в стенах самого Стира, есть тот, кто поступит с тобой хуже восставших. Ты должен исчезнуть до ухода Стира, быть вне досягаемости Джорда, когда он станет Стиром...

— Но я сын Дочери!

— Все в этих стенах знают правду о твоей крови, — медленно продолжал Реген. — Многие пойдут за тобой, если ты поднимешь вымпел из шкуры морда. Но есть и такие, кто не хочет звездной крови в стенах крепости. Брат пойдет против брата, отец против сына, если ты потребуешь права стать Стиром.

Словно изо всей силы налетаешь на стену во время бега. Кинкар в поисках поддержки взглянул на Вурда, но по-прежнему яркие глаза старого вождя смотрели на него безжалостно и спокойно.

— Но куда мне идти? — просто спросил Кинкар. — Звездные повелители улетели.

— Не совсем... — слышался шепот Вурда. — Улетели корабли... но кое-кто остался. Ты присоединишься к ним. Реген... — Он поманил стражника пальцем и закрыл глаза.

Тот быстро начал действовать. И прежде чем Кинкар сообщил, что происходит, с него сняли кольчугу и рубашку под ней. Надели другую кольчугу, а поверх нее плащ с предательским символом. Потом Реген надел на Кинкара новый меч.

— Твой плащ, сын Дочери. Теперь вниз по внутренней лестнице. Сим ждет тебя во дворе.

Вурд заговорил в последний раз, хотя и не открывал глаз, а слова его прозвучали еле слышным шепотом:

— Карта... и да будет с тобой покровительство Трои... сын Дочери! Ты был бы хорошим Стиром... какая жалость!... Иди, пока я еще жив!

И прежде чем Кинкар смог возразить или попроситься по обычаю, Реген вытолкнул его из комнаты и провел по потайной лестнице во двор. Во дворе ждало верховое животное, которое Кинкар сам отобрал из осеннего приплода два года назад. Он знал, что это хороший ходок, способный на тяжелую работу или долгое бегство, на длительные переходы со скудным питанием. Сим стоял уже под седлом, и на его широкой спине были укреплены дорожные сумки.

Сим не самый красивый ларнг, не из нервных породистых животных с шелковистой кожей. Узкая голова высоко поднята, так что все четыре глаза на верху черепа смотрят на Кинкара с обычным задумчивым и оценивающим выражением. Шерсть холодного времени года растет на длинной шее и плечах клочьями, она бело-желтая, а местами рыжая, как и кожа под ней. Нет, Сим не красавец, и у него неровный характер, но для Кинкара это лучшее верховое животное во всей крепости.

Однако Сим не единственное, что он может в крепости Стир считать своим. Сев в широкое седло и собрав ушные поводья, Кинкар свистнул — на единой льющей ноте. И услышал ответ из помещения для птиц наверху малой башни. На ребристых кожистых крыльях, поддерживающих тело в воздухе — это тело на треть составляет голова с мощными зубастыми челюстями и огромными умными красными глазами, — к нему слетел морд, малая копия злобных охотников горных вершин,

ни в чем не уступающий им по свирепости. Он покружил над головой хозяина и отлетел. Теперь Воркен весь остальной день будет парить неподалеку, занимаясь своими делами, но готовая явиться по первому зову.

— Дорога на север... — торопливо заговорил Реген, буквально выталкивая Кинкара со двора. — Карта в левом мешке, сын Дочери. Иди к перевалу Коготь Морда. Нас благословили Трое: бури его еще не закрыли. Но у тебя совсем мало времени...

— Реген! — Наконец Кинкару удалось преодолеть странное ощущение этих последних минут, что он во сне. — Клянешься ли ты Правом Клана, что это правильный поступок?

Стражник взглянул на него искренне — искренне и с тревогой, которую не пытался скрыть.

— Сын Дочери, Правом Клана говорю тебе, что это единственный путь, если не хочешь уйти в Лес, уведя за собой половину твоих людей, в крови. Джорд намерен получить Стир. Если бы ты был просто сыном Дочери, не полукровкой, никто за ним не пошел бы. Но это не так. Есть здесь и такие, кто по твоему призыву обнажит меч, а есть и те, кто смотрит на Джорда. Вдвоем вы расколете крепость Стир, как гнилой фрукт, и до нового прихода зелени нас сожрут разбойники. Иди за большим наследием, чем Стир, сын Дочери. Это твое право.

В последний раз он отдал Кинкару полное приветствие, и тот, понимая, что стражник говорит правду, дернул ушные поводья и пустил Сима рысью. Но ему было больно, и он ни разу не оглядывался и не смотрел на приземистую полукрепость-полузамок с теснящимися у ее стен домами крестьян.

Ветер дул ему в спину. Он повернул на северную дорогу, которая должна привести к перевалу Коготь Морда и дальше, к внутренним равнинам. Насколько он знает, впереди — дикая местность, где обитают только преступники. А лучшее, на что он может надеяться в будущем, — это служба воином у какого-нибудь лорда, которому нужны мечи для участия в очередном набеге.

Неужели слова Вурда об оставшихся звездных кораблях, о его соединении со звездными повелителями — правда? Во время отъезда он почти не обратил внимания на эти слова стари-

ка. Кинкар порылся в левом седельном мешке и достал свиток писчей коры. Его научили читать, потому что одной из его обязанностей в Стире было вести записи. Но чтение — нелегкая задача, и он предоставил Симу идти по дороге, а сам начал трудиться над двумя строчками, сопровождающими небольшой чертеж.

Да... он понимает! Призываются все полукровки, которые хотели бы присоединиться к звездным повелителям. И карта ему знакома: год назад он изучал эту местность. Тогда Вурд еще способен был править и учил будущего наследника, брал с собой в поездки и показывал места, где собираются разбойники и откуда предусмотрительный хозяин крепости может ждать неприятностей. На карте как раз один из таких районов, местность, полная дурных предзнаменований. Говорят, здесь живут Древние, чьи полные зла тени, звездные повелители, появившись на Горте, загнали обитателей равнин в грязные укрытия.

Звездные повелители! Рука Кинкара устремилась к гербу на груди. Ему захотелось взглянуть на свое лицо в зеркале. Может, новое знание позволит ему заметить какую-нибудь особенность в себе?

На собственный взгляд, внешне он физически ничем не отличается от остальной молодежи Стира. А ведь по всем свидетельствам звездные повелители были гигантами, а кожа у них не матово-белая, как у него, а густого коричневого цвета, словно вырезанная из какого-то редкого дерева. Если новость верна, у него ни на лице, ни в теле нет ничего от отца. Под шлемом волосы плотно прижимаются к черепу сине-серыми завитками. Со временем они почернеют, как у всех стариков. Но говорят, у звездных повелителей и на теле растут волосы, а у него кожа гладкая. Вдали от Стира никто не обнаружит его чуждое происхождение. Он избавится от плаща, станет свободным воином. Может, со временем соберет последователей и в битве завоюет собственное владение.

Обдумывая и отбрасывая полдюжину таких планов, Кинкар продолжал двигаться по тропе, которая приведет его на перевал Коготь Морда и дальше в пустыни, показанные на карте. Он не мог сказать почему, но что-то внутри отказывалось принять такое наследие. Он почитал звездных повелителей, горя-

чо протестовал против насмешек Джорда, но самому оказать чужой крови — совсем другое дело. И ему это не нравилось.

Он покинул Стир в середине дня. И не останавливался на отдых, зная, что Реген должен был хорошо накормить Сима. Когда дорога превратилась в узкую тропу, Кинкар увидел Воркен, сидящую на открытом месте. Сидя на еще теплом теле маленького лесного суарда, Воркен хлопала крыльями. Впереди местность, где дичи мало, а у лесного суарда нежное мясо. Кинкар спешился, охотничьим ножом освежевал зверя, отдал Воркен отходы и повесил тушу за седлом. Пойдет на ужин.

Дорога извивалась. Это караванная тропа, ею пользуются, когда западные дороги становятся опасными. И Кинкар был уверен, что здесь в это время года еще никто не проходил: дальше пустыни, у которых нет даже названия.

Когда подъем стал слишком крутым, он спешился, повел Сима по тропе, где тот мог держаться когтями. А сам пробирался кустами, которые цеплялись за плащ или за гребень из шкуры морда на шлеме. Кинкар знал, что ему еще повезло: сейчас необычно тепло, и ему не нужно прокладывать путь через снег, хотя здесь ветер стал гораздо холоднее. Воркен теперь держалась поближе, время от времени она показывалась на скале перед медленно пробирающимися путниками, кричала жалобно и получала в ответ успокоительный призыв Кинкара. Морд, которого приучили, который подружился с человеком, всегда стремится быть с ним рядом, поэтому его легко отыскать даже в дикой местности, где на крыльях он свободно уйдет от любого охотника.

Уже близок был закат, когда растительность, высохшая и безжизненная, осталась позади и они оказались среди скал перевала. Впервые Кинкар оглянулся. В чистом воздухе легко, слишком легко разглядеть крепость Стир. Но... у него перехватило дыхание, когда он увидел, что на сторожевой башне нет знамени! Вурд оказался прав: на следующий день владение крепостью перейдет в новые руки. Вурд с`Джастард больше не Стир. И для Кинкара с`Руда возврата нет. Владыкой стал Джорд, теперь Стир — Джорд с`Вурд!

Глава 2**БИТВА В ПУСТЫНЕ**

На ночь Кинкар укрылся под нависающей скалой. До наступления темноты он миновал высшую точку перехода Коготь Морда и немного спустился до начала линии леса. Но ему не хотелось в темноте углубляться в дикую местность. Хотя горы отчасти защищают от ветра, здесь гораздо холоднее, чем в долине крепости, поэтому Кинкар развел небольшой путевой костер в расселине, а Воркен сидела на седле, снятом с Сима, наблюдала за хозяином и время от времени тревожно расправляла крылья, прислушиваясь к звукам в деревьях и кустах.

К его услугам острый слух Воркен и способность Сима издалека учуять зверей, и поэтому Кинкару не нужно было сторожить. Его друзья не покинут костер и оба сумеют вовремя предупредить об опасности. Конечно, главная опасность исходит от бродячих разбойников, а не от зверей или летающих существ. Гигантские са-морды высот не охотятся по ночам, а суард, достаточно крупный, чтобы представлять угрозу, побоится приблизиться к огню.

Кинкар нарезал добычу Воркен, насадил куски на заостренный прут, чтобы поджарить их. В седельном мешке он нашел жесткие путевые лепешки, которые способны продержат человека много дней на ногах в лишенной пищи пустыне. Реген — опытный воин, и теперь, когда у Кинкара появилось время проверить содержимое сумок, он оценил предусмотрительность и опыт, с которыми их упаковали. Пища в наиболее концентрированной форме, какая известна охотникам, рыболовная леска с крючками, одеяло из шкуры брага, его водоотталкивающая поверхность способна предохранить от сырости даже в худшую бурю, небольшой набор инструментов для починки упряжи и оружия и, наконец, — маленький, заботливо перевязанный сверток из прочной кожи. Кинкар с любопытством ощупал его. Судя по тщательности, с какой его завернули, там должно быть что-то очень ценное. Но, развернув сверток, Кинкар удивился. Он уверен, что раньше такого никогда не видел. Овальный камень, тускло-зеленый, гладкий, слов-

но стал таким под воздействием бесчисленных лет в воде, а не отшлифован руками человека. Но в узком конце отверстия, а сквозь него пропущена металлическая цепочка. Очевидно, камень нужно носить на шее.

Кинкар осторожно высвободил камень из обертки и взял в руку. И тут же чуть не выронил: коснувшись его кожи, камень слабо засветился и стал ощутимо теплым, как будто обладал собственной жизнью. Кинкар затаил дыхание, зажав камень в кулак.

— Лор, Лой, Лис, — прошептал он почтительно, и ему показалось, что от одного произношения этих Имен камень еще больше потеплел.

Но как Реген... или это наследство Вурда? Никто в крепости Стир и не подозревал, что в ее стенах находится Связь. Кинкара поразило это последнее проявление веры в него Вурда. Джорд может получить Стир, но не станет хранителем Связи. Это долг Кинкара! Доверие... и, может быть, однажды... Он ошеломленно смотрел на огонь. Однажды... если он окажется достоин... если докажет, что не зря Вурд понадеялся на него... когда-нибудь он использует власть Связи! По-детски удивленными глазами Кинкар разглядывал камень, стараясь представить себе, на какие чудеса тот способен. Ни один человек не может им воспользоваться, пока его не тронет сама живущая в камне сила. Но сейчас Кинкару было достаточно того, что он — хранитель Связи.

Дрожащими пальцами он надел цепочку на шею, спрятал камень на груди под грубой кожей куртки, кольчуги и плаща. И ему казалось, что в руке сохранилось тепло камня. Подняв пальцы, чтобы посмотреть на них, он ощутил тонкий острый запах. Воркен испустила резкий крик, повернула большую голову и обнюхала его пальцы; Сим тоже поднял голову, как будто и ларнга привлекло излучение камня.

Великая честь — быть хранителем, но и большая опасность. Связь обладает двумя типами волшебства: одно в пользу человека, другое против него. И немало есть таких, кто готов пронзить Кинкара мечом, чтобы завладеть сокровищем — если только заподозрит о его существовании. В одном небольшом камне Реген передал ему и помощь, и опасность, но Кинкар принял это с радостью.

Не беспокоясь, зная, что на предупреждение Воркен можно полагаться, он лег на плащ, укрылся одеялом, чтобы проспать часы темноты. И проснулся после тревожного сна от шелканья. Теплым комком на груди лежала Воркен. На фоне гаснущих углей костра он видел, как ее темная голова поворачивается из стороны в сторону. Когда он пошевелился и Воркен поняла, что он проснулся, она с помощью когтей взобралась на скалу, готовая прыгнуть с высоты и устремиться в бой. Ее способ обороны — всегда нападение, нацеленное на голову и глаза врага.

Когда она заняла место наверху скалы, Кинкар нащупал рукоять меча. Сима не слышно. Значит, острый слух Воркен дает ему достаточно времени для подготовки. То, о чем она предупреждает, должно быть, еще далеко внизу. Огонь почти погас, и Кинкар не пытался снова разжечь его. Чувства, натренированные в долгих путешествиях по пустыне, говорили ему, что рассвет близок.

Он не выходил из расселины, в которой провел ночь. Воркен со своего поста продолжала посылать негромкое предупреждение. Но так как она не поднялась в воздух, Кинкар был уверен, что тот, кто ее встревожил, не приближается. Воркен отлично видит ночью, и теперь противник ей тоже виден. Небо посерело. Кинкар различал окружающие скалы. Он оседлал Сима, прикрепил седельные сумки, но, выбираясь из расселины, не стал садиться верхом. Воркен поднялась в воздух. Когти Сима цеплялись за камень, но через несколько футов началась тропа, и они двигались дальше по толстому слою пыли. Кинкар принялся жевать дорожную лепешку, отдав большую часть Симу. Этим ограничится их завтрак, пока они не окажутся в безопасности.

После крутого спуска тропа вывела к краю еще более крутого откоса. Кинкар не стал спускаться дальше. Присев, он резко дернул вниз голову Сима, надеясь, что их не заметила группа внизу.

Первая мысль — что он наткнулся на торговый караван — тут же исчезла, когда он оглядел лагерь. Шесть ларнгов, все верховые, ни одного вьючного. И шесть всадников на берегу небольшого ручья с обледеневшими краинами. Ларнги истощены

долгим переходом, бока у них худые, сквозь кожу торчат кости, шерсть холодного времени года висит клочьями, словно животным приходилось пробираться сквозь колючий кустарник.

Но Кинкара удивили всадники. Из шести всадников — три женщины, причем одна совсем еще девочка. Женщины в пустыне! Конечно, разбойники грабят владения и уводят женщин в свои лагеря. Но это явно не пленницы, а их дорожные плащи из тонкой шерсти тити, такие носят Дочери Владения. Они в хороших отношениях с мужчинами, разговаривают высокими голосами спокойно, как с братьями по клану.

Что здесь делает эта группа? Они не на дневной охоте: на каждом ларнге дорожные сумки, набитые так, что вот-вот лопнут по швам. Кинкару хотелось увидеть их лица, но у каждой на лице обычная дорожная маска под тюрбаном с вуалью. На мгновение у него появилось нелепое предположение... В этой пустыне звездные повелители приказали собраться своим людям. Но невозможно не заметить белой кожи ближайшего воина. Он гортианин, а не существо из космоса.

И пока он колебался, раздумывая, не стоит ли их окликнуть, послышался сдавленный крик Воркен, а затем глубокий гул ручного барабана.

Люди внизу вскочили, словно их дернули за веревочки. Воины бросили женщин на седла ждущих ларнгов, и они в сопровождении одного мужчины поскакали: два оставшихся воина одной рукой натянули поводья, в другой держали обнаженные мечи. Раздался топот, и из кустов выскочил боевой ларнг. Кинкар, уже верхом на Симе, задержался, разглядывая новоприбывшего.

Ларнг гигантский; он должен быть таким, потому что сидящий на нем всадник тоже гигант. Его широкие плечи покрыты серебристым плащом, который блестит на свету раннего утра. Двое оставшихся воинов встали по обе его стороны, и все теперь ждали нападения.

Кинкар отыскал тропу, зигзагом спускающуюся по склону. Он не стал спешиваться, но поскакал на максимально возможной скорости, из-под когтей Симы отлетали камни и гравий. Тропа сделала резкий поворот, и перед Кинкаром открылась картина битвы на поляне у ручья.

Из кустов выскакивали люди в оборванной одежде и ржавых кольчугах, некоторые на худых ларнгах: их волна грозила захлестнуть троих обороняющихся. Но эти трое встретили волну обнаженными клинками. Слышались крики, вопли умирающих. Сим повернул, и Кинкар наклонился вперед, свистнул ему в уши — такой свист приводит ларнга в боевую ярость.

Они с брызгами пересекли ручей, взобрались на противоположный берег и устремились к схватке. Воркен, увидев перемещение Кинкара, нанесла ничего не подозревавшему противнику удар в лицо, тот с криком покатился по земле: клюв и когти Воркен достигли цели. Сим, как он обучен, поднимался на дыбы и передними лапами сбрасывал всадников, а Кинкар одной рукой держался за седло, а другой работал мечом. Последовало несколько минут жестокого боя, затем снова слышался бой барабана. Человек, которому Кинкар собирался нанести удар, повернулся и бросился в кусты. А когда Кинкар искал другого врага, он никого не нашел. Только тела на земле и трое воинов, на которых нападали. В остальном поляна пуста.

Один из воинов спешил, вытер меч о траву и вложил в ножны.

— Эти разведчики спрятали свои клыки, лорд Диллан...

Человек, вложивший меч в ножны, расхохотался хриплым невеселым смехом. Он возразил товарищу:

— Ненадолго, Джонатал. Будь они обычным сбродом, одного такого урока было бы достаточно. Но у них есть предводитель, и он не отпустит нас с миром, пока есть мечи, готовые подняться против нас.

Гигант в серебристой одежде мимо своих людей поглядел на Кинкара, лицо его слегка помрачнело, хотя его трудно было разглядеть под дорожной маской. Что-то в этом пристальном взгляде заставило Кинкара высоко поднять голову. Он вызывающе посмотрел в ответ.

— Кто ты? — Вопрос, адресованный ему, звучал коротко и резко, как удар меча.

— Кинкар с`Руд, — ответил он, не используя всех обычных форм вежливого обращения.

— ... с`Руд, — повторил тот, но произнес это имя странно, с такой интонацией, какую Кинкар не слышал. — А твой знак? — настаивал всадник.

Кинкар распахнул плащ и показал герб у себя на груди, герб, на который, казалось, у него нет права.

— ... с`Руд, — снова сказал гигант. — А кто твоя мать?

— Анора, Дочь Владения Стир.

Теперь все трое смотрели на него оценивающими взглядами. Но гиганта он, должно быть, удовлетворил, потому что лорд поднял над головой руку с раскрытой ладонью в обычном дружеском приветствии.

— Добро пожаловать на нашу дорогу, Кинкар с`Руд. Ты тоже пришел по вызову?

Кинкар оставался настороже:

— Я ищу место в пустыне...

Лорд в серебре ответил:

— Я Диллан, а это Джонатал с`Кинстон и Вулт с`Марк. Мы носители плоти молний и искатели звезд.

Его сородичи, полукровки. Кинкар с любопытством рассматривал их. Два воина на первый взгляд ничем не отличаются от обычных высокорожденных обитателей владения. И хотя они обращались к лорду Диллану с уважением, это обращение одного близкого родича к другому, а не рядового воина к хозяину крепости.

Физические отличия лорда Диллана от остальных были так заметны, что, чем дольше Кинкар ехал рядом с предводителем, тем сильнее ему казалось, что это не полукровка, а один из легендарных звездных повелителей собственной персоной. Его огромный рост и тембр голоса выдавали чуждое происхождение, хотя шлем, дорожная маска и плащ скрывали лицо и тело. Но ни Джонатал, ни Вулт не вели себя так, словно их предводитель — полубог. Никакого благоговейного страха, который заставлял Кинкара молчать и держаться немного в стороне, у них не было. Наверно, они всю жизнь провели в тени рожденных среди звезд и потому не удивлялись их чудесам. Но в битве лорд Диллан не убивал своих врагов молниями, он пользовался мечом, конечно, длиннее и тяжелее обычных, но меч такой же, какой висит на поясе самого Кинкара. А когда он говорил,

то о самых обычных вещах: о том, сколько выдержат ларнги, о наступлении дня — дела, о которых шел бы разговор среди самых обычных путников.

Воркен сверху просвистела предупреждение, и все посмотрели туда, где она парила, вытянув крылья, на невидимых восходящих потоках.

— Хорошие у тебя слуги, Кинкар. — Лорд Диллан обратился к нему впервые с тех пор, как они покинули поляну. — Отличный морд.

— Да, очень ценная боевая птица, — подхватил Вулт. — Когда нужно, быстро действует клювом. Сам обучал? — вежливо спросил он.

Кинкар смягчился:

— Я взял ее от яйца. Учил два года. За пять лет лучшей в Стире не было.

Показались те, о ком предупреждала своим криком Воркен. Три женщины на усталых ларнгах и их охранник, все время поглядывающий назад. Увидев группу, он приветственно поднял руки, но женщины не оглядывались, их ларнги продолжали идти вперед.

— Оскалили зубы? — спросил воин.

— Оскалили, — с мрачным удовлетворением ответил Вулт. — Они снова нападут на нас, но теперь их меньше откликнется на барабан.

И словно его слова послужили сигналом, сзади послышался зловещий звук. Но приглушенный расстоянием. Охотники далеко отстали от добычи. Лорд Диллан поскакал вперед, к женщинам. Они обменялись несколькими негромкими словами, и одна из женщин указала на запад. Звездный повелитель кивнул и посторонился, пропуская женщин. Взмахом руки он отправил вслед за ними стражника, а четверо уменьшили скорость, образуя арьергард.

Своим острым взглядом Кинкар заметил, что движутся они по тропе, которой недавно и часто пользовались: пыль с тропы покрывает соседние камни. Лорд Диллан, должно быть, увидел, куда он смотрит, потому что сказал:

— Мы последние из собирающихся. Мы прибыли из Гнарта.

Это в половине континента отсюда! Неудивительно, что их ларнги так истощены, а в фигурах женщин видна усталость. Но ведь не могли их преследовать на всем этом расстоянии? И тут же послышался барабанный бой — на этот раз гораздо ближе. Воркен испустила воинский клич, но, когда Кинкар не повернулся лицом к врагу, начала широкими кругами летать над его головой, внимательно следя за местностью и хозяином, ожидая от него приказа снова устремиться в яростное нападение.

Густой кустарник, с обеих сторон ограждавший тропу, после реки сменился небольшими искривленными кустиками, увядшими и сухими, как пересохшие кости этой безводной пустыни. Голубую почву начали покрывать полосы серебристого песка. Путники явно приближались к одной из подлинных пустынь. Но след тех, кто раньше проходил этой тропой, ясно ведет вперед, и те, к кому присоединился Кинкар, уверены в маршруте.

Встало солнце, оно принесло с собой болезненно теплый ветер, так не соответствующий времени года. Этот ветер поднял облака тонкой пыли. Кинкар соорудил импровизированную маску. Обычная дорожная пыль, которая горожанам кажется такой неприятной, его не беспокоила, но это нечто совершенно иное. Сим закрыл два глаза, а другие два прикрыл прозрачными внутренними веками, но никаких других признаков неудовольствия не проявлял. Воркен поднялась выше пыли.

Вдоль тропы возвышались причудливые скульптуры. Это работа ветра и песчинок. Похоже на руины разграбленного владения. Тропа вилась между этими столбами и башнями, и Кинкар постепенно утратил чувство направления, тем более что песок и пыль закрыли все ориентиры.

Он слепо следовал за лордом Дилланом, и только вера в этого предводителя помогала ему справляться с растущей тревогой. Он хотел есть и пить, мысль о воде причиняла настоящую пытку. Они движутся уже много часов. Сколько еще брести по этой голой пустыне?

Кинкар натянул поводья, заставив Сима встать на дыбы. Бой барабанов звучит прямо в ушах! Но Воркен не дает предупреждения! И тут он услышал приглушенный маской голос Вулта:

— Это эхо, парень! Бьют далеко за нами и зайти с боков не смогли. Но держи меч наготове: ему придется пить кровь еще до заката. Если найдем подходящее место для боя.

Глава 3**КОРАВЛЯ НЕТ, НО...**

Странное эхо барабана заставляло Кинкара вздрагивать. Ему действовало на нервы, что он слышит удары то с одной стороны, то с другой, ему хотелось побыстрее обнажить меч, положить его на колени и мчаться навстречу противнику. Но те, с кем он ехал, не готовились к бою, и ему стыдно было выдавать свою тревогу.

В то же время он думал о цели их пути. Небесный корабль в этой пустыне. О ней ходит много слухов, но такого — никогда. Огромные корабли, удивившие весь Горт, стояли на площадке за пределами теперь покинутого города Терраны. И они улетели, поднялись в светло-розовое небо Горта и больше не вернулись. Может, здесь остался один из них? Когда наступали передышки в пыльной буре, Кинкар поднимал голову, пытаясь разглядеть металлическую колонну небесного корабля, рядом с которой все будет казаться маленьким.

Но не видел ничего, кроме извивающейся между каменными столбами тропы — свидетельства того, что здесь побывали люди. Столбов становилось меньше, и теперь, когда они не окаймляют дорогу, появилась опасность сбиться с пути в этих облаках летящего песка. Лорд Диллан замедлил скорость, иногда ненадолго останавливался, прижимая руку к груди, словно пользуясь каким-то талисманом. И после каждой такой остановки чуть изменял направление направо или налево.

Потом, так же быстро, как поднялся, ветер стих, песок улегся наносами тонкой пыли, и стало видно местность впереди. Они оказались на подъеме, и далеко впереди Кинкар увидел движущиеся точки — женщины со своим охранником. Неожиданно эти точки исчезли. Должно быть, спуск, сообразил Кинкар, и крутой, так как исчезли они сразу.

Подъехал Джонатал, тыльной стороной ладони стирая пыль с маски. Хрипло сказал:

— Ну и сухость! А мне никогда не нравилось драться, если перед этим не выпить чего-нибудь холодного...

— Драться? — Кинкар уже какое-то время не слышит барабан. Он надеялся, что буря сбила преследователей с пути.

— Они сейчас должны напасть. — Джонатал пожал плечами. — Последний бросок костей в игре. Когда перевалим через вершину, — он указал вперед, — они до нас не доберутся. Мы последние из своих. Когда переберемся, ворота закроются...

Кинкар не понял, о каких воротах идет речь, но зато хорошо понял значение крика Воркен, увидел ее стремительный нырок над песчаными дюнами к столбам, мимо которых они только что проходили. Наконец-то он обнажил меч, закутал левую руку в плащ, который будет использовать как щит, готовый бросить его в лицо противнику, если возникнет необходимость.

От столба к столбу перебегали фигуры, молчаливые, темные, искаженные. Кинкар с застывшим ртом следил за этим зловещим бесшумным приближением. Уже пять лет сражается он с разбойниками, а однажды участвовал даже в настоящем набеге на крепость Горм. В последних двух битвах, несмотря на молодость, он держал флаг Стира как заместитель Вурда. Он знает это молчание перед схваткой с тех пор, как под терпеливым присмотром Регена впервые взял в руку меч. Но здесь что-то не так. Кинкар чувствовал какую-то перемену, угрозу, смысла которой не понимал.

Воркен вернулась к нему, испуская воинственный клич. Но не приближалась к врагу, так как хозяин не двигался. Сим переступал с ноги на ногу. Они, должно быть, тоже чувствуют это отличие, эту странную угрозу, обещающую нечто хуже удара мечом или копьем, обычной стычки вооруженных людей.

Оставив меч висеть, Кинкар правой рукой снял маску и вдохнул больше воздуха, которого неожиданно стало не хватать. Джонатал был слева от него, он свободно сидел на своем гигантском ларнге. И с легкой улыбкой смотрел на столбы взглядом часового. Справа Вулт тщательно обматывал плащом руку, проверяя каждый виток. Но лорд Диллан, одной рукой держа поводья ларнга, другой — все тот же таинственный та-

лисман, не обнажал оружие и не снимал дорожную маску. Его странно светлые глаза были устремлены к столбам и к тому, что двигалось в их тени.

— Медленно уходим, — сказал он. — Если нас не вынудят, сражаться не будем...

— Они не выпустят нас из челюстей, — предупредил Вулт.

— Может, и выпустят... если тот, кто их ведет, не подтолкнет их... — Все стали выполнять его приказ, но сам лорд Диллан не отрывал взгляда от столбов и не поворачивал своего ларнга.

Последним неохотно двинулся Кинкар. И в этот момент начала действовать Воркен. Кинкар не знал, чем это было вызвано: то ли она неверно поняла смысл движений Сима, то ли взяла верх свирепость морда. Но Воркен в последний раз крикнула и устремилась по спирали к ближайшему столбу.

Кинкар не видел, что ударило ее в воздухе. Никто не смог бы увидеть этот быстрый неслышный удар. Но Воркен закричала от боли, одно ее крыло опустилось, и она упала на песок. Не задумываясь, Кинкар послал Сима назад, туда, где лежала Воркен. Она была здоровым крылом, пытаясь снова подняться в воздух. Ее крики боли и гнева становились все громче, всеми четырьмя лапами она выбрасывала в воздух тучи песка.

Кинкар соскочил с Сима. Не успев коснуться земли, побежал, на ходу разматывая плащ, чтобы схватить обезумевшего морда. Сделать это голыми руками значит получить глубокие раны от клюва и когтей. Ему удалось подхватить плащ с бьющимся животным: он прижал Воркен к груди, а она продолжала яростно бить клювом и когтями.

Из-за столбов послышался торжествующий крик: грязная волна выплеснулась из-за укрытия и устремилась к Кинкару. Он отступал, внимательно наблюдая. Меч у него наготове, но Воркен мешая свободно им действовать. Быстро приближающиеся враги размахивают дубинами и копьями, и Кинкар понял, что его тревога перешла в настоящий страх. Открытое нападение настолько отличается от обычного метода действий этих разбойников, что это подействовало на Кинкара не меньше зловония немых тел, от которого выворачивало желудок.

Кинкар криком подозвал Сима. Ларнг послушно подбежал к нему, но с бьющимся мордом сесть верхом очень трудно. И все же Кинкар не оставит Воркен.

— Йа-а-а-а!.. — Крик разбойников заглушил бой барабана. А за пехотинцами показались всадники, лучше одетые и вооруженные. Они готовы присоединиться к нападению.

И тут мимо Кинкара, фонтаном вздымая песок, пронесся ларнг с всадником. Вулт ударил мечом и поднял оружие для нового удара. Из-за столбов к ним обоим устремлялось все больше врагов.

Но благодаря этой передышке Кинкар сумел сесть на Сима и взять на изготовку меч. Натянул поводья. Ларнг достаточно обучен, чтобы не требовать руководства в схватке. Он рычал и бил лапами песок. Почувствовав на себе тяжесть всадника, Сим встал на дыбы и передними лапами ударил копейщика.

Воркен, должно быть, начала задыхаться. Она перестала биться, и Кинкар был доволен. Предстояло прорубаться мечом, чтобы обеспечить отступление.

Послышался громкий возглас на каком-то непонятном языке. Лорд Диллан ответил коротким предложением, столь же непонятным. Меч его был обнажен, и он ехал рядом с Джонаталом, словно они две руки одного воина. Разбойники дрогнули, рыча, как звери, и побежали, но всадники за ними оказались другой породы. Ларнг Джонатала фыркнул и повернул, несмотря на отчаянные попытки всадника справиться с ним. Потом упал, уже мертвый, и придавил Джонатала. Только мягкий песок спас его от смертельного увечья.

Кинкар успел разрубить мечом череп разбойника, нацелившегося копьем в горло Джонатала. Тот пытался высвободиться из-под ларнга. И тут, перекрывая гул барабана и шум схватки, послышался резкий, как вопли Воркен, крик. От перевала, к которому они стремились, мчалась группа всадников. Когда Кинкар смог разглядеть, оказалось, что их всего пятеро, но ударили они с такой яростью, которая удваивала их количество и силу.

Всадники пронесли мимо четверых, обрушились на разбойников и потеснили их. Но не стали их преследовать дальше столбов, быстро развернулись, так что их ларнги встали на

дыбы. Повернувшись, всадники направились назад. Один задержался, посадил за собой Джонатала и поскакал дальше, ведя остальных за собой — через перевал и вниз, в глубокую долину, похожую на оспину на теле пустыни.

Когда они проскакивали через верхний пик перевала, Кинкар покачнулся, чуть не свалившись с седла. Частично шок объяснялся ощущением, словно он проходит через невидимую преграду. Но в тот же момент и гораздо сильнее подействовала на него обжигающая боль. Ему показалось, что брошенное кем-то копьё догнало его, и потому он тупо смотрел на грудь, к которой прижимал закутанную Воркен. Ожидая увидеть торчащее из нее острие, он смутно удивлялся тому, что еще жив. Однако никакого копья не увидел и, снова распрямившись, понял, что не ранен. Только... что это была за боль, которую он по-прежнему ощущает под кольчугой и плащом?

Связь! По какой-то непонятной ему причине она ожила в тот момент, как он пересек верхнюю точку перевала. Но Кинкар не решился задавать вопросы. Хранители Связи Именем Трои держат свое сокровище в тайне и никогда не жалуются на трудности, которые оно вызывает. И Кинкар не решился даже притронуться к груди, где по-прежнему билась боль, обещающая впереди еще худшее.

В центре долины лагерь, торопливо сооруженные из одеял и плащей укрытия. Их так же торопливо разбирали, бросали связки на спины ларнгов. А за лагерем находилось нечто совершенно отличное от примитивных убежищ, как звездный корабль отличается от фургона торговца.

Два столба из яркого голубого металла установлены на каменных плитах; поддерживающие их камни сплавлены так, что никакая буря их не сдвинет. Столбы находятся на удалении в пять футов друг от друга, а между ними висит паутина из какого-то вещества, которое Кинкар не сумел бы назвать. По паутине пробегают радужные волны, однако сквозь нее хорошо виден противоположный край долины.

Кинкар сунул Воркен под мышку и внимательней посмотрел на новое чудо. Он ожидал увидеть здесь звездный корабль. А обнаружил сеть, натянутую между металлическими столбами. Во что втягивают его случайно встреченные попутчики?

Насколько он может судить, они в ловушке. Разбойникам нужен еще один натиск, и их сметут. Ведь внизу ждет всего шесть человек.

Из этих шестерых четверо в такой же серебристой одежде, как лорд Диллан, и того же гигантского роста. Дорожные маски они сняли, и Кинкар видит чуждый темный цвет их лиц, а сами эти лица лишены подвижности, знакомой ему с детства. Один из этих людей приветственно поднял руку, и лорд Диллан ответил на приветствие. Тогда ожидающий лорд взял в руки поводья трех ждущих ларнгов и повел их к радужной паутине. И на глазах у Кинкара прошел между столбами.

Паутина не разорвалась. На мгновение фигура звездного повелителя оказалась окруженной радужным ореолом, потом цвета пробежали к краям паутины. А звездный повелитель и ларнги, которых он вел, исчезли! Они не появились на противоположной стороне. Кинкар недоуменно смотрел на камни за столбами: там никого нет.

Воркен слабо крикнула у него на руках; из складок плаща показался ее клюв. Сим с шумом выдохнул воздух, очищая свои широкие ноздри от песка. А сам Кинкар в этот момент не мог ни говорить, ни двигаться.

Похоже, что рассказы о волшебстве звездных повелителей, нелепые рассказы, над которыми снисходительно смеялись разумные люди, — они все-таки правдивы! Он только что своими глазами видел, как исчез звездный повелитель, шагнул в ничто. Наверно, звездные повелители это могут. А остальные?

— Это врата, парень! — Вулт, проезжая мимо, задел Кинкара коленом. — Врата в новый мир.

Это объяснение ни о чем не говорило Кинкару. Корабль, летящий к звездам, — да, такое он понять может. Он не невежественный крестьянин, чтобы верить, что небо над головой — это большой щит Лора, которым тот ограждает людей от ужасной тьмы. Кинкар знает, что звездные повелители прилетели с другой планеты, похожей на Горт. Но они прилетели в кораблях, в которых может жить человек, в них все можно потрогать руками. А как отправиться в другой мир, просто пройдя через сверкающую сеть?

Кинкар положил руки на Связь и неслышно произнес Три Имени Власти. Этого волшебства у звездных повелителей нет, это волшебство Горта. А в такие моменты гораздо лучше держаться за привычный талисман, чем поверить в паутину, за которой люди мгновенно исчезают из вида.

Кажется, Вулт знал, чего ожидать, и удивительное зрелище для него не чудо. Вслед за ларнгом Вулта Сим пробирался между палатками, Кинкар не подгонял его, но и не удерживал. Один из полукровок взял в руки поводья еще двух ларнгов. И, как и звездный повелитель перед ним, пошел вперед с уверенностью человека, шагающего по городской улице. Он погрузился в паутину, она на мгновение вспыхнула, и он исчез вместе с животными.

Вулт повернулся и схватил обвисший повод Сима. Подбадривающе улыбнулся Кинкару:

— Это лучше любого набега, даже набега на Хлафс Дан, парень. Лучше звездных полетов...

Кинкар, держа одной рукой Воркен, другой прижимая обжигающую Связь, не протестовал, когда воин повел его ларнга прямо к воротам. Он едва заметил пристальный взгляд стоявшего рядом со столбами звездного повелителя: все его внимание было устремлено к паутине. Не мог избавиться от мысли, что идет прямо в западню, недоступную пониманию. Внутренне сжался, готовясь к толчку, который оттолкнет его и от ворот, и от тех, кто ими управляет.

Вулт впереди исчез, исчезла голова Сима. Кинкар погрузился в море цвета. А на груди Связь вспыхнула с такой силой, словно готова прожечь тело. Кинкар сдержал крик боли и ошеломленно открыл глаза. Он увидел мир серого камня, мир, которому всякая жизнь кажется чуждой, мир не мертвый, нет: ведь здесь никогда не было и жизни; просто мир, никогда не знавший живых существ. Кинкар не мог бы сказать, откуда он это знает. Может, это знание пришло от Связи.

Он с трудом выпрямился, заметив ожидающую группу. Но не увидел тревоги во взгляде Вулта. На лице старшего гортианина появилась тень, когда тот заметил явные мучения Кинкара. Вулт опустил повод Сима и поехал навстречу ожидающим. Те стояли у вторых врат примерно в полумиле.

Вторые врата — такие же металлические голубые колонны и радужная паутина между ними. Но возле этого сооружения еще какое-то устройство в виде ящика, и около него толпятся звездные повелители. Один из них склонился к ящику, положил на него руки; его напряженная фигура свидетельствовала, что он занят каким-то очень важным делом.

Сим двинулся вперед, опустив голову. Кинкар с трудом перевел дыхание. Боль от Связи слегка уменьшилась. Только когда он непосредственно соприкасается с волшебством звездных повелителей, она становится непереносимой. Выдержит ли он переход через вторые врата? Он пытался думать только о Трои. Связь принадлежит Им, право носить ее дано ему Тремя, неужели Трое не помогут своему слуге?..

Он попытался разглядеть окружающих, догадаться, что ему полагается делать. Тут женщины, выючные ларнги, настоящий караван. Но в целом не больше тридцати человек, и только шестеро из них — звездные повелители, остальные, должно быть, смешанной крови.

Между ними явно отношения членов одного клана, они родичи. И только он стоит особняком. Если бы он смог понять, что происходит, куда ведут эти врата, что ждет их всех! Но одно он чувствовал со все растущей уверенностью: они направляются в изгнание, которое будет вечным.

Из первых врат показался звездный повелитель. Он побежал к товарищам. Собравшиеся у ящика подняли головы, у них были осунувшиеся напряженные лица. Если он собирался предупредить их, то не успел: через первые врата хлынула толпа всадников и пехотинцев, размахивающих сталью; на двух ларнгах скакали по двое всадников.

Звездный повелитель у ящика с силой ударил ладонью. По второй паутине пробежала зеленая рябь, потом стала синей, пурпурно-красной.

В первых вратах показался лорд Диллан. Сделав два шага, он покачнулся и поднял руку. Кинкар не видел, что в ней, но из его кулака вырвалось огненное копьё, прорезавшее полумрак серого мира. Копьё ударило в паутину первых врат. Паутина свернулась, сморщилась, вспыхнула. И теперь между столбами видны были только голые скалы.

Ожидавшие занялись лихорадочной деятельностью, как будто разрушение первой паутины не обеспечивало их безопасности. Кинкар оказался в ряду стоящих для прохода через врата, он не решился возражать, нужно было собрать все силы для прохода через вторые врата.

Боль оказалась сильнее и длительнее, чем при первых двух приступах. Кинкару казалось, что он закричал, но никто на него не взглянул; наверно, всем было не до него. Небо над головой стало не серым, а знакомо розовым. Сим брел по высохшей траве. Воркен зашевелилась и раздраженно крикнула.

Кинкар ошеломленно оглянулся. Это не пустыня. Он увидел обширную равнину, на расстоянии невысокие холмы, а за ними горы. Холодный ветер пахнул в лицо, принес с собой ледяные снежинки. Сверху падал все более густой снег.

Глава 4

НОВОНАЙДЕННЫЙ МИР

Кинкар вздрогнул. Можно ли выпустить Воркен из-под плаща, чтобы закутаться им обоим? Раненный и испуганный, морд может искалечить его: в маленьком теле, которое прижимает к себе Кинкар, скрывается большая сила. А боль в груди отняла и силы и решимость бороться.

Кинкар так глубоко погрузился в свои проблемы, что не обращал внимания на растущий вокруг шум. Он понял только, что нападение на внешние врата вынудило звездных повелителей принять торопливое решение, которое может оказаться опасным. Последовал спор, закончившийся разрушением и вторых врат, тех, что привели их на эту равнину. Теперь они оказались привязаны к этому месту.

Кинкар склонился к Воркен, негромко разговаривал с ней, подражал ее крикам, осторожно распустил плащ. К его огромному облегчению, она не ответила немедленным ударом лап, вооруженных острыми когтями. А когда Кинкар решился совсем снять плащ, Воркен посмотрела на него так, словно события последних часов смягчили ее свирепый характер. Протянув

лапу, она вцепилась в плащ, как цепляется за ветку дерева, выbranного для насеста.

Кинкар накинул на них обоих плащ, хотя двигался медленно, потому что боль от Связи растеклась по плечу и руке. Хорошо, что не нужно больше держать меч. Он сомневался, что выдержал бы сейчас его тяжесть.

Осмотрев крыло Воркен, он обнаружил на кожистой поверхности свежий ожог. Воркен позволила ему это, потом повернула голову и принялась облизывать рану. А когда Кинкар хотел взглянуть еще, предупреждающе зашипела. Пришлось позволить ей лечить рану по-своему. Кинкар был доволен, что Воркен едет под плащом спокойно и не протестует.

Звездные повелители выстроили всех в ряд. Открытая местность, осыпаемая снегопадом, не подходит для лагеря, и все сквозь порывы снега направились к холмам, где легче найти убежище. На взгляд Кинкара, местность казалась необычной. Почва слишком хорошая, чтобы не быть включенной в чье-нибудь владение, однако никаких признаков стен, полевых укреплений, ничего вообще. Кинкар уверен, что они на Горте. Небо светло-розовое, высохшая трава, покрытая снегом, знакома ему с детства. Да, они где-то на Горте. Но где?

Он занял свое место в ряду. Вокруг ни одного знакомого лица. А он слишком устал, слишком измучен Связью, чтобы искать Джонатала или Вулта, попытаться найти в этом обществе лорда Диллана.

К счастью, снег не перешел в буран. Уставшие, голодные, замерзшие, люди старались не терять друг друга из виду. Но почти не разговаривали. Ехали молча, и по выражению их лиц было видно, что их долго преследовали и теперь они думают только об убежище. Когда холмы стали видны яснее, вперед скакали два разведчика, в двух чуть различных направлениях.

Сим шел с трудом. Он не ел с того времени, как они покинули лагерь. Неужели это было только сегодня утром? Ему нужен отдых, нужно его покормить, и очень скоро. Кинкар думал, не выйти ли из ряда и не сделать ли передышку. Покормить ларнга дорожной лепешкой. Но тут галопом вернулся один из разведчиков. Его взволнованный голос слышался ясно, хотя слов Кинкар не разбирал. И тут же, словно подчер-

кивая необходимость торопиться, сильнее завыл ветер, бросая в лицо снег, а небо затянули тяжелые тучи. Приближалась буря.

Ветер, словно метлой, смел их в узкую долину. Но ни ветер, ни сумерки не могли скрыть или уменьшить величие того, что предстало их взорам. Кинкар видел уже немало чудес с тех пор, как покинул Стир. И это было не последнее из них.

Крепость, какая может быть мечтой владыки бесчисленных акров. Квадратные башни вздымаются в небо; стены кажутся такими же крепкими, как скалы, на которых они стоят. Крепость перегородила узкую долину от склона до склона, словно сама служит вратами на пути к еще более величественной твердыне.

В воротах крепости, таких широких, что в них могут рядом пройти три вьючных ларнга, стоит один из звездных повелителей, в руках его ослепительный желто-красный луч, который, как маяк, влечет к себе путников сквозь снег. Но выше, в окнах башен, на стенах, ни одного огонька, только темнота и мрачная тишина, которая приглушает звуки, сопровождающие движение путников по долине. Кинкар понял, что крепость эта давно мертва и покинута.

И не просто покинута. Она чем-то отличается от знакомых ему крепостей — отличается не только размером, но и конструкцией. Ее строители ориентировались не на Стир, у них были другие образцы. Кинкару показалось, что он понял. Это тайная крепость звездных повелителей. Вероятно, она охраняет поле, на котором стоят их последние звездные корабли. Кинкар знал, что город Террана сильно отличался от крепостей Горта. А вот в вопросе о вратах еще нужно было разобраться. Тем не менее впереди ясная цель. Кинкар слез с Сима, неся в руках Воркен. Чтобы не упасть, ему пришлось держаться за седло: земля под ним покачивалась.

По-прежнему держась за Сима, Кинкар медленно шел вперед, и вот над ним ворота, а он в проходе, освещенном огнем звездного повелителя. Никаких боковых проходов нет, а за коридором оказался двор, окруженный стенами; сюда уже наметло снега, хотя стены защищают от бури. При свете еще двух фонарей видна крыша сооружения, которое может быть толь-

ко стойлами ларнгов. Кинкар, по обычаю, прежде всего направился туда.

Вероятно, воздействие Связи привело к тому, что он шел, как в тумане. Механически принялся исполнять обязанности, к которым привык с детства. А любопытство и настороженность странно притупились. Как будто в этом месте есть только Сим, Воркен и он сам.

Сим с готовностью вошел в одно из стойл. На полу нет соломы, сапоги Кинкара ступали по голому камню. Он распустил плащ, и Воркен принялась жаловаться и хлопать здоровым крылом. Кинкар поднял ее и посадил на перегородку — не очень подходящий насест, но Воркен он, кажется, удовлетворил.

Потом Кинкар снял с Сима седло и сумки. Достал из своих скудных запасов нижнюю рубашку и растер ею бока ларнга, выжал влагу из шерсти, и Сим довольно зафыркал. Но Кинкар чувствовал такую усталость, что ему приходилось надолго прислоняться к стене и отдуваться. Он упрямо продолжал выполнять обычные необходимые действия, закончив тем, что накормил ларнга крошками дорожной лепешки, а Воркен протянул кусок сушеного мяса.

Сим сложил передние лапы, приняв неуклюжую позу отдыхающего ларнга. А Кинкар, не успев дожевать черствую лепешку, скорее упал, чем лег рядом с Симом. Накрылся плащом и больше ничего не помнил, сон поглотил его, и он затерялся в бесконечной тьме.

Боль, тупая, не острая, как раньше, все еще ощущалась на груди. Кинкар попытался поднять руку, чтобы ослабить боль, и тут же почувствовал другую, словно укол в палец. Он сразу проснулся. У него под подбородком острый клюв, красные глаза смотрят на него, слышно жалобное шипение: на груди у него лежит Воркен. Греется теплом его тела. Дыхание самого Кинкара морозным облачком застывает в воздухе.

Должно быть, кто-то закрыл дверь в стойла. Перед глазами у Кинкара дерево, изъеденное насекомыми, разъеденное трещинками временем. Но все же дверь. Воркен, убедившись, что Кинкар проснулся, обошла его, волоча за собой крыло, и села на одну из сумок. Требуется, чтобы ее накормили.

Туман, окутавший мозг после прохода через ворота, рассеялся, но Кинкар по-прежнему двигался неуклюже. Он потянулся и принялся выполнять требования морда.

Хотя дверь в плохом состоянии, сквозь ее щели набился снег, но само сооружение прочное, как скала, на которой оно стоит. Кинкар удивился огромным каменным блокам, из которых сложены внешние стены. Блоки пригнаны друг к другу так плотно, что щели почти не заметны. Лорд, построивший эту крепость, имел в своем распоряжении искусных каменщиков. А может, это новое волшебство звездных повелителей. Весь Горт знает, что чужаки могут, если захотят, подчинить себе стихии и укротить ветры. Террана была настоящим чудом. Но Кинкара удивляло ощущение древности, окутывавшее эти камни.

Конечно, гортианское время мало что значит для звездных повелителей с их почти бесконечной продолжительностью жизни. Они могут погибнуть в битве, умереть от болезни. Но в остальном никаких признаков старения не проявляют, и многие из них прожили уже пять-шесть продолжительностей жизни обычного гортианина. Триста лет — обычный возраст этих людей, и они не кажутся старыми. А среди них до отлета были и такие, кто высадился на Горте в первой партии, почти пятьсот лет назад.

Но хоть живут они долго, детей производят мало. Сначала об этом шептались, потом стали смело говорить вслух. А когда они начали брать в жены аборигенок, от таких браков тоже редко происходило потомство, в лучшем случае два ребенка в браке. И поэтому количество звездных повелителей оставалось примерно одинаковым с того времени, как они вышли из своих кораблей. Небольшое количество новорожденных едва уравновешивало число погибших в стычках или несчастных случаях.

Если они построили эту крепость, то, должно быть, сразу после своей высадки на Горте, в этом Кинкар был уверен. Камень со временем темнеет. И Кинкар не помнит, чтобы видел где-то, кроме старых гробниц, такое потемнение. Но звездные повелители никогда не селились вдалеке от места сво-

ей первоначальной высадки — Терраны. А где находится эта крепость?

Мысли Кинкара прервал требовательный крик Воркен; начался он как шепот, но скоро превратился в пронзительный вопль; одновременно морд захлопал здоровым крылом. Кинкар опустился на колени и принялся рыться в сумке с пищей; в это время со скрипом раскрылась дверь, впуслав дневной свет и порыв ледяного воздуха.

Ларнги в своих стойлах заволновались и зафыркали, требуя еды и питья. Двое вошедших несли полные до краев ведра. Несмотря на протесты Воркен, Кинкар встал. Первый вошедший, увидев молодого человека, испустил удивленный возглас. Кинкар тоже очень удивился, видя, что обычную работу крестьянина исполняет один из одетых в серебро звездных повелителей.

— Кто ты такой?

— Кинкар с`Руд.

Воркен, совершенно рассвирепев, цапнула его за палец, и он бросил ей кусок мяса из сумки.

— Судя по твоему виду, скоро ты станешь сосулькой, — заметил звездный повелитель. — Ты что, ночевал здесь?

Кинкар не понимал его удивления. Конечно, он ночевал с Симом. А где еще должен спать воин в пути, как не со своим ларнгом? Да, камни жесткие, но воин на такие мелочи не обращает внимания, он должен быть готов к худшему.

Полугортианин, вошедший вместе со звездным повелителем, поставил на землю ведра и усмехнулся.

— Лорд Бардон, он следует обычаю. На вражеской территории нельзя добровольно разлучаться со своим ларнгом. Верно, парень? Но это не вражеская территория. Покорми свое животное и пойдем с нами в зал. Тебе незачем мерзнуть здесь. — И добавил с грубоватым юмором, как офицер новобранцу: — Меня зовут Лорпор с`Джакс, а это лорд Бардон из Хамила.

Хамил — еще одна далекая местность на западе. Действительно, на странный призыв собрались со всех концов планеты. Накормив Воркен, Кинкар помог позаботиться о ларнгах. Животным, привыкшим к скудному питанию в холодное вре-

мя года, из-за тяжелого перехода дали увеличенную порцию дорожных лепешек. Но большинство уже погрузилось в полуспячку, в которой они могут находиться весь холодный сезон, если не нужна их служба. Когда Кинкар вернулся в стойло, чтобы прихватить свои сумки и Воркен, верхние глаза Сима были уже закрыты, а нижние уставились на хозяина с полным отсутствием интереса.

Воркен разрешила поднять себя, но вырвалась из рук, вскарабкалась на плечо и там осторожно села, опустив раненое крыло. Лорпор осмотрел ожог на кожистой поверхности и негромко свистнул.

— Лучше покажи ее леди Асгар, она умеет лечить. Может быть, сумеет ее подлечить, чтобы она снова могла летать. Хороший морд. Сам обучал?

— Да. С самого яйца. Она была лучшей в Стире.

Они прошли по заметенному снегом двору к двери в средней части крепости. Лорпор шел рядом с Кинкаром. Лорд Бардон приостановился, и они его догнали.

— Ты пришел с Дилланом? — неожиданно спросил он.

— Да, лорд. Но я не из его спутников. Я из крепости Сир в горах... — Больше сведений Кинкар не стал сообщать. Его смущала резкость лорда Бардона; словно намек на то, что у него нет права здесь находиться. Но лорд Диллан принял его с готовностью; может быть, резкость — особая манера лорда Бардона. Кинкар никогда не жил среди людей со звездной кровью, поэтому ему приходилось наблюдать, прислушиваться и пытаться привыкнуть к их обычаям. Однако он не чувствовал себя в их присутствии так уверенно, как остальные полукровки: Джонатал, Вулт или Лорпор. Напротив, эта странная близость заставляла Кинкара сторониться полукровок. Впервые он серьезно задумался о своем отце. Почему его, Кинкара, отправили из Терраны, еще ребенком увезли назад, в Сир?

Правда, по обычаю, сын Дочери владения живет в том владении, которое должен унаследовать. Но такого мальчика никогда не держат в стороне от клана и родственников отца. Кинкар всегда считал своего отца мертвым, но... Он поскользнулся на снегу, и Воркен пронзительно крикнула.

А что, если его отец жив? Почему-то Кинкар предпочел бы встретиться с обнаженными мечами, чем спросить о Руде, чье имя носит.

— Крепость Стир... — Лорд Бардон повторил это, словно что-то припоминая. — А твоя мать...

— Анора, Дочь владения, — коротко ответил Кинкар. Пусть лорд знает, что он не простого рождения.

— Сын Дочери владения! — Если на лорда Бардона это не произвело впечатления, то Лорпор поразился. Он удивленно посмотрел на Кинкара. — Но...

— Я полукровка, — против воли объяснил Кинкар, — и не мог унаследовать знамя Стира. Мое право оспаривал Джорд с`Вурд, брат Дочери владения.

Лорпор кивнул:

— Это правда, со всеми этими разговорами о нас. А брату сражаться с братом — злое это дело. Ты хорошо поступил, что отправился искать другое будущее, сын Дочери владения.

Но лорд Бардон промолчал. Он пошел быстрее и скоро исчез. Лорпор провел Кинкара в зал, вдвое больше любого из тех, что ему приходилось видеть. Огромные очаги в противоположных концах зала давали тепло. Но главным образом тепло исходило от небольших ящиков у стен — еще одно волшебство звездных повелителей. Седла превратили в сиденья, груды вещей и одежды обозначали места отдельных путников или семейств; слышался гул, в котором звучали, как отдаленный гром, низкие голоса звездных повелителей.

— Оставь сумки здесь, — Лорпор указал место рядом с седлами, — и отнеси своего морда леди Асгар.

Кинкару в зале стало жарко, он сбросил плащ, и Лорпор провел его в боковое помещение. Полукровка остановился перед плащом, которым был завешен вход, и сказал:

— Здесь Лорпор и тот, кому нужно твое лекарское искусство, моя леди.

— Входите, и побыстрее, — последовал ответ; Кинкар вошел в помещение и увидел женщину.

На ней дорожная одежда, но головной убор и верхнее платье она сняла, оставив только зелено-золотую шаль, набро-

шенную поверх простого зеленого платья. Кинкара поразило ее лицо, поразило так, что он забыл о вежливости. Это была первая увиденная им звездная повелительница.

Вместо длинных прядей гортианских женщин волосы ее были коротко подстрижены, почти так же коротко, как у него самого, и лежали золотыми волнами, яркими, как золото ша-ли. Они казались вдвойне яркими на фоне темной кожи. Гла-за ее, устремленные на Кинкара из-под прямых бровей, были темные, и Кинкар не мог определить ее возраст. Впрочем, он решил, что она немолода.

Она сразу поняла цель посещения и протянула руки к Воркен. Зная, как реагирует морд на попытки притронуться к нему, Кинкар попытался предупредить ее. Но Воркен удивила его, она прошла по его руке и вытянула ужасную голову на длинной шее к этим коричневым рукам.

— Не бойся, мальчик, — улыбнулась ему леди Асгар. — Она мне не повредит. Как ее зовут?

— Воркен.

— Ага... по имени демона высот! Несомненно, подходит. Давай, Воркен, посмотрим твою рану.

Морд, махнув здоровым крылом, перескочил ей на колени.

Леди поднесла морда к свету окна, осмотрела опущенное крыло, не притрагиваясь к нему.

— Ожог от бластера. Но, к счастью, луч задел самым кра-ем. Можно вылечить...

Она поднесла Воркен к стене, и морд, словно подчиняясь неслышному приказу, всеми четырьмя лапами ухватился за камень и повис, а леди Асгар принесла несколько мешочков и металлическую трубку. Она направила трубку на рану Воркен и подержала так несколько секунд.

Кинкар не понимал, что она делает и зачем. Он чувствовал только, как снова ожила Связь, гневно впилась в его тело. И, может быть, потому, что это уже четвертый приступ, он при-слонился к стене, не подозревая, что его лицо превратилось в маску страданий, что Лорпор с удивлением, близким к ужасу, смотрит на него. Он лишь смутно почувствовал, как его схва-тили за плечи, поддержали. Леди Асгар повернулась, ее удив-ление тут же сменилось озабоченностью.

Глава 5

ВОПРОС О ПРАВЕ РОЖДЕНИЯ

Кинкар оставался неподвижным недолго. Боль от Связи ослабла, он отстранился, оглянулся и увидел, что его держит лорд Диллан. Неподвижная коричневая маска, которая, на непривычный взгляд Кинкара, служит лицом звездным людям, приобрела новое выражение. И голос Диллана был полон тревоги.

— В чем дело, Кинкар?

Молодой человек рывком высвободился и стоял, прижав руку к груди, напрягаясь, полностью овладев собой. Тот, кто хранит Связь, не просто отличен среди других, ему не только труднее. Его ноша должна оставаться тайной, особенно для этих, рожденных среди звезд. И потому Кинкар смотрел на всех троих с настороженностью, с какой во времена клановых распрей смотрят на незнакомцев, пока не установят, друзья это или враги.

Когда он не ответил, лорд Диллан обратился к женщине:

— Что случилось?

Он пользовался обычной речью и делал это, как догадался Кинкар, сознательно. А сам Кинкар ничего не хотел больше, чем уйти из этой комнаты, подальше от этих внимательных взглядов.

— Я применила к морду атомар, у него бластером обожжено крыло.

— Атомар, — повторил лорд Диллан, снова глядя на Кинкара, как будто мог одной силой воли вырвать у молодого человека правду.

— Он боится звездных машин... — Говорил кто-то новый, и в голосе его слышалось презрение. В дверях стоял Вулт, он смотрел на Кинкара, как на лесного зверя, пойманного охотниками. — Он дергался, проходя врата. Я видел. Должно быть, в его крепости еще верят в ночных демонов и воющий ужас...

Кинкар готов был дать резкий ответ, но промолчал. Достаточно хорошее объяснение, если им оно нужно. Конечно, оно не делает ему чести, но он скорее готов выдержать их презрение (хотя ему больно), чем открыть правду.

Коричневая рука сжала его запястье, удержала на месте, и леди Асгар оказалась рядом с ним. Каким-то образом она отда-

ла приказ, потому что Вулт и Лорпор, переведя взгляд с ее бесстрастного лица на лорда Диллана, повернулись и вышли. Вулт опустил за собой плащ-занавеску, оставив Кинкара наедине со звездными людьми.

Кинкар попытался уйти вслед за ними, но коричневая рука удержала его. Теперь он мог уйти, только вырвавшись. Но когда леди Асгар заговорила, он потерял это желание.

— Тяжело нести Связь Трех... — Рука Кинкара конвульсивно дернулась. Он машинально дал требуемый ответ:

— Быть носителем — не тяжесть, а облегчение тяжести, укорочение путей, от этого светлее делаются ночь и день.

Она убрала руку.

— Так я и думала!

Ее пальцы быстро начертили в воздухе знак, и Кинкар с удивлением посмотрел на нее.

— Но ты звездной крови! — В голосе его звучали недоверие и протест. — Ты не ходишь дорогой Трех!

— У каждого народа своя вера. — Теперь она говорила, как учитель с учеником. — У нас она тоже есть, хотя, может быть, наше поклонение ей другого рода. Но в Свет верят все. Я считаюсь среди своего народа мудрой женщиной и отчасти разделяю учение Трех. Разве иначе я могла бы дать эти знаки? — Снова она сделала в воздухе знак пальцами, десятью, в отличие от его двенадцати. — Но, Кинкар, ты должен кое-что знать для собственной защиты. Силы, которые мы используем, воспринимаются Связью, если она находится поблизости. Связь становится их передатчиком. И чем мощнее сила, тем сильнее воздействует она на Связь. Пересечь паутину... — Она покачала головой. — На тебе должны быть раны, глубокие, словно от удара мечом. Мы должны заняться ими, чтобы не стало хуже.

— Как ты лечила Воркен?

Она покачала головой:

— Эта сила только увеличила бы твои муки. Тебя нужно лечить наукой Горта, а не звезд. Но я и это могу. Потерпишь?

Он может воспользоваться ее знанием, она доказала, что многое знает. А как же лорд Диллан? Должно быть, она прочла его мысли, потому что улыбнулась и сказала:

— Разве ты не знаешь, что лорд Диллан тоже целитель... в нашем клане? Хотя он лечит не больное тело, а больной мозг. Он прошел внутренней Тропой, был послушником Леса, испытал Семь Пиров и Шесть Постов.

— Я был учеником Кормала с`Варна, — впервые заговорил лорд Диллан. — Хотя это было много лет назад...

Кормал с`Варн! Предводитель Пути, который жил задолго до бабушки Вурда! Снова на Кинкара обрушилось сознание, что прошлое, окутывающее эти стены, — часть жизни звездных людей. Но он согласен подчиниться им, их уверенность убедила его.

Лорд Диллан помог ему расстегнуть пряжки, снять кольчугу и рубашку под ней, а леди извлекла из сумки несколько небольших сосудов, открыла два из них, и сразу запахло цветами и травами в холодном древнем воздухе этого места.

Связь свободно свисала на цепочке, но там, где она касалась кожи, образовался сильный ожог, клеймо, такое глубокое, словно к телу прикладывали раскаленный добела металл.

Леди Асгар достала тонкий листок, который, как паутину, разложила на ладони. Потом с бесконечной осторожностью начала покрывать его мазями из своих флакончиков, сначала из одного, потом из другого, втирая масло, работая с бережностью художника, накладывающего последние мазки на шедевр. Воркен спустилась со стены и подошла к ее ногам. Голова морда раскачивалась на длинной шее, Воркен словно наслаждалась запахами мазей. Время от времени она просительно кричала.

Леди Асгар рассмеялась, увидев возбуждение морда.

— Это не для тебя, крылатая.

Но морд продолжал держаться поблизости, следя за ней голыми глазами.

Листок-паутина, покрытый мазями, наложили Кинкару на грудь, и он прилип прочно, словно превратился в еще один слой кожи. Но ни лорд Диллан, ни леди не касались Связи. Леди внимательно разглядела ее и спросила:

— Ты Видящий, Кинкар?

Он торопливо ответил:

— Я никто, леди. Я всего лишь Кинкар с`Руд. Когда-то я был сыном Дочери Стира, а теперь я лишен владения и зем-

ли. Связь мне передал Вурд, который раньше был Стиром. И передал в тайне. Я нашел ее среди своих вещей, когда уехал из крепости. У меня нет наследственной власти, и я думаю, Вурд дал мне ее потому, что я должен был унаследовать Стир, и только несчастное стечение обстоятельств лишило меня наследства...

Но лорд Диллан медленно покачал головой, а на лице леди Кинкар увидел согласие с ним.

— Связь не переходит случайно, Кинкар, ты это знаешь. Если Стир был ее хранителем, он должен был выбрать того, кто его сменит, и этого человека выбирают не по родству и не праву рождения, а по тому, что находится в нем самом. И Связь всегда передают тайно, чтобы никто злой не узнал о ней и не использовал в своих целях ее власть. Возможно, ты еще не владеешь ее силой, но кто может сказать, что ждет впереди?

Леди прервала его. Она потирала свои тонкие пальцы, распространяя в холодной комнате цветочный аромат.

— Связь существовала в Горте, который мы знаем. Интересно, будет ли она действовать на этом Горте...

Кинкар поднял пояс. Мазь не только смягчила боль ожога; с того времени, как прошел сквозь ворота, он не чувствовал себя так хорошо. «Горт, который мы знаем... Этот Горт...» Странно прозвучали эти фразы. Застегивая пояс, он задумался над их смыслом.

— Мы на Горте? — спросил он наконец.

И почувствовал облегчение, когда лорд Диллан кивнул. Но, к его удивлению, звездный повелитель продолжил:

— Это Горт, но не тот Горт, на котором ты родился, Кинкар. И не тот, который мы выбрали бы для себя. Этот Горт нам незнаком, мы в нем чужие и не имеем друзей.

— Ты хочешь сказать... ваше волшебство, лорд, перенесло нас через горькие воды на другой конец мира?

Леди Асгар села на одно из седел, и тут же Воркен взобралась ей на колени. Леди позволила Воркен обнюхивать свои пальцы, время от времени поглаживая гротескную голову морда.

— Да, мы переместились, Кинкар. Но не за море. Объясни ему, Диллан. Он присоединился к нам поздно и ничего не знает. А мы все должны встречать будущее с пониманием.

— Вот каково оно. — Бессознательно лорд Диллан начал с зачина сочинителя сказаний, но серьезность лица говорила, что это не выдумка. — Когда настало время уходить с Горта...

Тут Кинкар набрался решимости, чтобы задать вопрос, который мучил его с тех пор, как новость об отлете звездных повелителей пришла в Стир.

— Но почему, лорд, вам нужно было уходить с Горта? Да, злые люди подняли голоса. Но мы никогда не слышали таких разговоров, пока сами повелители не сообщили, что улетают. До вас народы Горта жили в лесу, как варвары. Почему вы оставляете их без щита своей защиты, если так много дали им? Ваше волшебство, разве им нельзя поделиться?

И опять оба покачали головой.

— Вместо того чтобы быть защитой, это знание станет проклятием Горта, Кинкар. Когда ребенок, еще неуверенно стоящий на ногах, приходит в зал, разве ты дашь ему в руки меч и оставишь играть? Или еще хуже: попытаешься научить его пользоваться мечом, прежде чем он сумеет отличить добро от зла? В своем мире мы древний народ, и за нами тянется от начала истории долгий и пыльный след столетий. Мы зрелые воины, хотя и нам не хватает рассудительности, и на Горте мы дали острые мечи в руки малым детям. Мы думали, что помогаем гортианам лучше жить: ведь люди получили многое, чего у них не было. И мы учили, и прилагали руки, и распространяли плоды нашего знания, делали их доступными для всех желающих. Но, как детей, гортиан прежде всего привлекали блестящие вещи: металл, из которого делаются мечи, вмешательство в мозг, которое может натравить одного человека на другого. Если бы мы не высадились на Горте, не вмешались бы в его жизнь, этот мир был бы счастливей...

— Или здесь продолжали бы жить только звери, — сказал Кинкар.

— Такой аргумент мы часто слышали в последние годы, — сказала леди Асгар. — Но он слишком поспешен. Мы боимся, что повели детей по неверной дороге. Да, печаль, печаль... —

Послышались слова ее родного языка, медленные и тяжелые, как слезы, а лорд Диллан продолжил свой рассказ:

— И вот мы разделились на три группы. Одни говорили, что хоть уже поздно, но, если мы сейчас улетим, память о нас постепенно исчезнет, умения, которым мы научили людей, со временем забудутся, и Горт сможет строить собственный мир, конечно, искаженный тем, что мы так торопливо и неосторожно дали, но все же вернется к своему наследию, пойдет по естественному для себя пути. Были и другие, державшиеся противоположного мнения. К счастью, их оказалось немного. В каждом народе, Кинкар, всегда есть те, кто стремится к власти. Для них чуждая, менее развитая раса — только слуги. Эта группа тоже была недовольна положением, но по совсем другим причинам.

Она хотела власти над всем Гортом, хотела, чтобы жители Горта превратились в слуг, в рабов. Втайне представители этой группы начали распространять слухи среди безземельных людей, которые всегда готовы стать приспешниками лорда, дающего им добычу и роскошную жизнь. Кого могли из них, мы тайно судили. — Рот его превратился в тонкую линию, и сила воли ощущалась почти осязаемо, когда он говорил. — Но они заставили нас поторопиться с решением. Большинство нашего общества проголосовало за отлет в кораблях. Мы должны были снова уйти в космос и искать другую планету, такую, на которой мы не могли бы разложить своим вмешательством аборигенов. Но...

И тут снова вмешалась леди, как будто эта часть рассказа была ей ближе:

— Но были среди нас и такие, Кинкар, кто принял Горт близко к сердцу. Хотя у нас и не смешанная кровь. И мы не могли вынести расставания с Гортом. И потому принялись искать другой путь бегства. Двое наших, которые много лет, много продолжительностей вашей жизни, работали над этой проблемой, подумали, что нашли решение. Его трудно объяснить, но оно давало возможность перенестись на другой Горт, где мы могли бы жить, как хотим. И мы принялись работать, чтобы практически осуществить это решение. Это лучше рассказать тебе, Диллан: ты ведь один из этих двоих. — Она улыбнулась звездному повелителю.

Он присел на корточки и концом указательного пальца принялся чертить линии на пыльном полу.

— Эта теория существует давно, но до самого последнего времени у нас не было доказательств. Объяснить ее... Подумай вот о чем, Кинкар. В жизни каждого человека бывают моменты, когда его решение определяет будущее. У тебя был выбор: присоединиться к нам или остаться в Стире и попытаться защитить свои права. Таким образом, перед тобой были две дороги, два разных будущих, вероятно, очень разных.

Кинкар согласился.

— Так вот, будем считать, что мы доказали, что это на самом деле так. Сейчас для тебя существует два Горта: в одном — ты с нами, в другом — остался в Стире.

— Но как это возможно? — сразу возразил Кинкар. — Я здесь, я не сражаюсь с Джордом в Стире, не лежу мертвым от его меча!

— Один «ты» здесь, другой «ты» в Стире.

Кинкар недоверчиво замигал. Множество «ты»... или «я», все действуют независимо, живут по-разному? Как может разделиться Кинкар с Руд? И снова на помощь пришла леди Асгар.

— Кинкар, оставшийся в Стире, — мягко сказала она, — уже не тот Кинкар, что прошел через врата вместе с нами, потому что своим решением он сделал себя другим человеком другого мира. Он — не ты, и ты не имеешь с ним ничего общего, потому что тот мир для тебя исчез.

Лорд Диллан рассматривал нарисованные им линии.

— Но так не только с людьми, но и с народами и с целыми планетами. Бывают времена, когда они разделяются, и с этого момента будущее идет двумя путями. Таким образом, Кинкар, существует множество Гортов, каждый из них создан каким-то историческим решением, эти миры лежат слоями, один рядом с другим, но каждый идет своим путем...

Кинкар смотрел на слабые линии. Много Гортов, существующих рядом друг с другом, расходящихся от какого-то перекрестка в прошлом? Воображение его ожило, хотя сразу поверить он не мог.

— Тогда, — заговорил он медленно, пытаясь подобрать нужные слова, — существует Горт, на котором нет звездных повелителей, на котором люди по-прежнему живут в лесу, как звери. А может, и Горт, на котором звездные повелители решились не улетать.

Лорд Диллан улыбнулся; лицо его оживилось.

— Ты прав. И есть также Горты — или по крайней мере один Горт, как мы надеемся, — на котором разумная жизнь вообще не возникла. Именно такой Горт мы искали, проходя через врата.

— Но нам не дали времени его найти, — сказала леди Асгар. — Это доказывает крепость.

— Если бы нас не преследовали до конца, если бы у нас был еще день, может быть, даже еще только один час, мы могли бы найти его. Но ведь мы можем снова открыть врата. Нам нужно только время.

Но даже Кинкар ощутил, что лорд Диллан совсем не уверен в своих словах. И задал вопрос:

— А где мы сейчас? Кто построил эту крепость? Она не похожа на знакомые мне. Я думал, это тайная крепость звездных повелителей.

— Нет, она не наша. Но она даст нам необходимое убежище на время. Если бы только у нас было время!..

Леди Асгар осторожно опустила Воркен на пол у ног.

— По крайней мере разрушение врат дало нам преимущество. И если нам они не послужат, зато послужат Горту. Ведь во взрыве погиб Херк.

Лорд Диллан откинулся.

— Да, Херк, к счастью, мертв. А те, кто следовал за ним, быстро рассеются, их разъединят жадность и тщеславие. Он был последним из мятежников, так что Горт теперь может свободно идти своим путем, а мы пойдем своим.

Он встал и тепло и по-дружески улыбнулся Кинкару.

— Нас горстка, но это наше приключение, и мы пойдем до конца. Поищем необходимые материалы. Со временем у нас будут новые врата, которые откроют перед нами нужный нам мир.

— Лорд! — Из-за дверного занавеса появился Вулт. — Собрали ящик врат...

— Вот как! — Диллан исчез не прощаясь, но леди Асгар рукой остановила Кинкара, когда он тоже собрался уйти.

— Не так быстро. — Она говорила серьезно. Чувствовалось, что за спокойствием ее тревожит какая-то проблема. — Пройдет немало времени, прежде чем мы сможем соорудить новые врата.

— На Горте... на старом Горте, — заметил Кинкар, — у лордов было волшебство Терраны, оно помогало в таких делах. Но они вынуждены были уничтожить его. А здесь можно найти такое волшебство?

Она стояла неподвижно.

— На тебе то, что дает возможность видеть ясно. Да, среди наших плодов есть и камни: возможно, мы никогда не сможем снова соорудить врата. Диллан, конечно, попытается: для него в этом вся жизнь. Но его усилия могут ни к чему не привести. Нужно больше узнать об этом Горте, для нашей собственной безопасности. Далеко ли в прошлом развилка, после которой миры разделились? Кто построил эту крепость и почему она покинута? Мы на планете, опустевшей после катастрофы, или она плотно населена? Все это мы должны узнать — и побыстрей.

Кинкару показалось, что он понял, на что она намекает.

— У меня нет Видения, — напомнил он.

— Нет. Но ты ближе к Горту, чем мы, у кого только звездная кровь. И носишь то, что еще больше приближает тебя к Горту. Если к тебе придет Видение, не отказывайся, говори вслух — со мной или с лордом Дилланом. Мне кажется, что Херк вынудил нас сделать плохой выбор, и зло ожидает нас здесь. И хоть у меня тоже нет Видения, дурное предчувствие усиливается. А у тебя?

Кинкар покачал головой. Он не стал делать вид, что обладает чувствительностью. Да он в глубине души и не хотел, чтобы она появилась. Пока воздействие на него Связи было только физическим. Он готов выполнять роль хранителя, но хотел бы отказаться от нее, как только появится возможность передать талисман тому, кто лучше сумеет им воспользоваться. Вурд

никогда не был ясновидящим, но ведь он всю жизнь хранил Связь. Хранение не всегда сопровождается применением.

Кинкар думал о том, что услышал, об этих мирах рядом друг с другом. Но самому ему они не нужны. Он благодарен за лечение — и свое, и Воркен, — но пока не готов объединиться с леди Асгар. А она, должно быть, поняла это, потому что устало улыбнулась и не пыталась больше его задерживать.

Глава 6

ОЖИВШАЯ ЛЕГЕНДА

Дул резкий ветер, но снега не было; порывы размели тот снег, что выпал раньше, и он оставался только в углублениях между деревьями и скалами. Воркен раскачивалась на ветви, неодобрительно разглядывая местность. Если здесь есть что-нибудь живое, она заметит его путь.

Кинкар прислонился к стволу большого дерева, осматривая окрестности крепости. Таким владением гордился бы любой вождь. За узкой долиной, которую от стены до стены перегородила крепость — эффективное препятствие на пути любого врага, — открывалась обширная равнина, со всех сторон окруженная горами. В горах должны быть перевалы, тропы, по которым можно пройти на равнину, минуя крепость, но пока пришельцы их не обнаружили. И все свидетельствует, что на равнину ведет только один удобный путь — через крепость.

Со склона одной из окружающих гор можно разглядеть границы полей, старые древесные пни, опавшие ветви и несколько искривленных стволов на месте сада. Да, богатая земля, дававшая возможность прокормить много людей — когда-то.

Но сейчас в кладовых крепости нет урожая с этих полей и садов. Приходится охотиться, бродить по лесистым склонам в поисках дичи. И пока результаты охоты разочаровывают. Временами удается добыть суарда или какую-нибудь лесную дичь. Но добычи мало.

Сегодня Кинкар впервые решил, что Воркен достаточно подлечилась, и надеялся на удачную охоту. Но хоть Воркен в

своей обычной манере летала широкими кругами, она ничего не обнаружила. Периоды отдыха, когда она цеплялась за какую-нибудь ветвь повыше, так что он не мог ее достать, и что-то ворчливо бормотала про себя, становились все чаще и продолжительней. Если не повезет, морд станет совсем мрачным и откажется охотиться дальше.

Со слабой надеждой обнаружить дичь Кинкар пошел вперед, трогая кусты и пучки травы. Но наградой ему служили только царапины и более близкое знакомство с местной растительностью. Однако он продолжал упорствовать.

Ручей он услышал до того, как нашел: впереди журчала проточная вода. Потом увидел поднимающиеся с поверхности воды клочья тумана, как дыхание гигантского животного.

К его удивлению, у берегов не было ледяных закраин, а пар поднимался с самой поверхности. Заинтересовавшись этим явлением, он осторожно спустился с крутого склона. Его окружил теплый воздух и неприятный запах, острый и едкий, отчего начали слезиться глаза; когда ветром принесло пар, Кинкар закашлялся. И очень осторожно притронулся к воде пальцем. Вода не бесцветная, она красновато-коричневая и очень горячая. Кинкар поднес влажный палец к носу и ощутил зловонный запах, который не смог опознать.

Ему захотелось увидеть исток ручья, и он пошел вверх по течению, пока не добрался до места, где вода вырывалась из-под земли. Но это не ключ, а круглая дыра в обточенном водой красновато-коричневом камне — доступ в недра гор. Кинкар пока не видел пользы от своей находки, но, несмотря на запах, теплая вода казалась приятным открытием, и поэтому он задержался здесь, поднеся руки, плохо защищенные неуклюжими обертками от холода, к теплу.

Он не особенно внимательно смотрел на коричневые волны — не хотелось возвращаться на холод, — когда на поверхности маслянистого потока появился какой-то предмет, ударился о камень и уплыл бы, если бы Кинкар не схватил его. И произнес несколько гневных ядовитых слов, потому что здесь вода была еще более горячей, чем ниже по течению. Но он крепко держал свою находку — предмет, явившийся из глубины гор.

Кусок дерева, плавучий, легкий, все еще светло-желтый, значит, древесина земдола срезана недавно. Но в то же время не просто кусок древесины. Кто-то работал над ним, вырезал, как часто поступают в Стире в холодное время года, чтобы ради удовольствия поработать руками или проверить новый нож. И дерево приобрело грубое, но вполне отчетливое сходство с суардом. Вот витые рога, какие бывают у животного в теплое время года, вот мощные задние ноги, тонкие стройные передние — этого суарда вырезал не просто любитель резьбы, но и знаток животных!

Но ведь он выскочил из самого сердца гор! И Кинкар уверен, что его вырезали не беглецы. Куда девались строители крепости — ушли под землю? Кинкар вскочил на ноги, рассматривал участок камня и земли, из которого вырывается ручей, искал какой-нибудь вход или жилище охотника на суардов, который таким образом испытывал свой нож.

Они все гадали об истории крепости. Никаких признаков штурма и разграбления, никаких следов тех, кто жил под защитой этих стен, возделывал окружающие поля. А звездные повелители говорили, что нелегко захватить такое место, даже их оружием, которое они держат в тайне. Они склонны были считать, что какая-то эпидемия без предупреждения обрушилась на жителей долины. Только и от нее не осталось никаких следов. Все помещения, от келий на верху сторожевых башен до подземных каморок в основании этих самых бешен, вероятно, предназначенных для каких-то темных целей, о которых не догадывались нынешние исследователи, — все помещения были пусты, в них только пыль. Если жители крепости погибли в эпидемии, они прихватили с собой все свои пожитки.

Кинкар поворачивал в руках статуэтку. Это доказательство существования жизни в горах, хотя он не знает, откуда вода принесла дерево. Но ему казалось, что источник недалеко от поверхности: слишком высокая у воды температура. И, возможно, именно у этого источника резчик потерял свою работу.

Кинкара охватило сильное желание разгадать эту загадку. Но невозможно передвинуть тонны камня и земли. И вот, положив статуэтку в карман, он выбрался из расселины, по дну которой течет горячий ручей, и сразу его окутал морозный воздух, а ветер после тепла показался вдвойне более резким.

Кинкар свистнул Воркен, и ответ послышался с дальнего склона. Приближаясь, Кинкар заметил, что Воркен летает по снижающейся спирали, и достал оружие, которое дал ему лорд Диллан, предупредив, что пользоваться им нужно осторожно и бережно, только для смертельного удара. Нужно уравновесить трубку — вот так — и нажать указательным пальцем на кнопку. Невидимый смертоносный луч убивает, не оставляя на теле никаких следов. Кинкару это не нравилось; для него это злой способ по сравнению с честным мечом или копьем. Но сейчас, когда пища означает жизнь, такой способ лучше.

Воркен больше не кружила, висела на уровне вершины склона. Она явно видела добычу. Кинкар ждал ее нападения; если двинется сам, может спугнуть добычу.

Морд с хлопком свел крылья вместе, звук этот отчетливо был слышен в сухом холодном воздухе. И Воркен устремилась в атаку, вытянув вперед все четыре лапы с когтями, воздух с шипением вырывался из ее клюва. Она исчезла за вершинами деревьев, послышался высокий крик, и Кинкар побежал.

Он услышал топот в кустах и присел. Между двумя стволами показался суард с широко раскрытыми от ужаса глазами, и Кинкар использовал оружие, как его учили. Животное упало в середине прыжка и покатилося в кусты. Кинкар подбежал: на теле никаких ран. Но не это добыча Воркен. Может, им повезло и они набрели на небольшое стадо? Иногда суарды, которые обычно держатся поодиночке, собираются вместе, особенно когда мало пищи. Зачаточный разум подсказывает животным, что, объединив силы, можно сваливать небольшие деревья и питаться их корой.

Кинкар задержался, только чтобы выпустить кровь из убитого суарда, и заторопился дальше — проверить, верна ли его догадка. Дерево вывернуто с корнями, и большая часть его коры обглодана. Рядом лежит второй суард, и Воркен впиалась в него когтями. Она криком приветствовала Кинкара, требуя еды: часть добычи по справедливости принадлежит ей. Кинкар принял свежевать тушу.

Подготовив суарда к перевозке в крепость и оставив Воркен есть отбросы, Кинкар пошел ко второй туше. Как опытный охотник, он шел неслышно, так неслышно, что захватил

врасплох странное существо, занимавшееся там работой. Увидев склонившуюся к суарду фигуру — животное теперь лежало на окровавленном снегу, — заметив руки, занятые той же работой, которую он сам только что выполнял, Кинкар застыл. Это не житель крепости. Может, кто-то из детей сбежал и выследил его...

Но тут работающий повернулся, снимая полоску кожи. Это не ребенок, несмотря на свое маленькое тело. Руки, вполонину меньше рук Кинкара, действуют быстро и уверенно, что говорит о большом опыте. Лицо под нависающим мехом головного убора принадлежит молодому мужчине — широкое лицо, свидетельствующее о трудной жизни. Но когда этот человек встал, чтобы обойти суарда, Кинкар понял, что тот едва достигает ему до плеча. Как сам он кажется ребенком рядом с звездными повелителями, так и этот человек мал по сравнению с ним. Но маленькое тело в меховой одежде не свидетельствует об уродстве: у карлика прекрасные пропорции, и ведет он себя как опытный воин.

Но даже если бы он был ростом с лорда Диллана, Кинкар все равно напал бы на него. Видеть, как этот карлик свежует убитую им добычу, забирает мясо, так нужное жителям крепости, все равно что подвесить перед мордом свежую печень и не давать ему ее схватить. Кинкар спрятал звездное оружие и одним прыжком выскочил на открытое место, нацелившись руками в плечи вора. Но то, что произошло чуть позже, он совсем не планировал.

Незнакомец мог быть ростом с ребенка, но в его стройном теле оказалось не меньше сил, чем у Кинкара. Он был ошеломлен, но действовал автоматически, как хорошо обученный воин. Плечи его напряглись, он дернулся, и Кинкар, к собственному изумлению, оказался на земле, а противник склонился к нему с ножом, покрытым кровью суарда и нацеленным ему в горло.

— Лежи спокойно, низинная крыса, — говорил он с необычным акцентом, но Кинкар понимал его, — или у тебя будут два рта, второй я сделаю сам.

— Какая громкая речь, вор чужого мяса! — Кинкар ответил со всем достоинством, какое мог проявить в своей позе. — Ты

разве не знаешь, что только охотник должен свежевать свою добычу?

— Твою добычу? — Карлик рассмеялся. — Покажи мне рану, которая вызвала смерть, мой смелый охотник, и я отдам тебе мясо.

— Можно убивать не только мечом или копьем.

Карлик оскалил зубы и зарычал, чуть отодвинувшись.

— Да, житель низин. — Теперь он говорил негромко, почти ласково. — Есть такие способы убийства. Но у вашего брата их нет, только «боги» так убивают. — Произнеся слово «боги», он плюнул, как плюет человек после имени своего кровного врага. — Ни один «бог» не отдаст рабу свою палку власти! Ты разбойник, за которого назначена цена. И тебя используют для развлечения «богов» в их проклятых играх.

На Горте, знакомом Кинкару с рождения, тоже есть разбойники. Он может принять идею, что и здесь живут такие люди. Но вот эти «боги» — нечто совершенно новое. Однако прежде всего нужно спастись от ножа. Прием, примененный карликом, вызывает опасливое уважение.

— Я не разбойник. Я охотник. Мой морд обнаружил суардов на их охотничьей территории. Одного убил, второго я убил, когда он бежал. Если тебе нужно доказательство, загляни за те кусты и увидишь мясо, подготовленное к переносу. Или еще лучше... — Он свистнул, и лезвие тут же коснулось его кожи.

— Я тебя предупреждал, — начал карлик, и в этот момент на него обрушилась Воркен. Только мех головного убора спас его лицо. Морд вцепился когтями ему в куртку и бил крыльями по голове. Кинкар откатился и вскочил на ноги. Только потом отозвал он Воркен от жертвы. И в его руке теперь было смертоносное оружие звездных повелителей.

Воркен взлетела на ветку дерева, не отрывая гневного взгляда красных глаз от карлика. Но тот не поднимался с земли, смотрел на оружие, которое нацелил на него Кинкар. И выражение у него было, как у человека перед лицом неминуемой смерти.

— Кто ты, с телом раба, но со смертельным оружием «бога»? — спросил он. — Зачем ты пришел в эти холмы?

Теперь, захватив пленника, Кинкар не знал, что с ним делать. Привести его в крепость, чтобы он увидел, как их мало, как многого им недостает, глупо. С другой стороны, отпустить его на свободу, чтобы он мог поднять свое племя, — еще большая глупость. Но убить только потому, что это целесообразно, — нет, на такое Кинкар не способен.

Воркен зашевелилась, испустила предупреждающий крик, и через мгновение они услышали музыкальный свист, не похожий на резкий крик морда. Кинкар с облегчением ответил. Показавшийся в кустах человек шел не легкой охотничьей походкой, как Кинкар. И, увидев его серебристую одежду, карлик застыл, как застывает детеныш суарда под крыльями морда: видит перед собой смерть и понимает, что от нее не уйти.

Лорд Бардон, ведя на поводу вьючного ларнга, остановился; с его плеча свисала голова животного, остальная добыча небольшого охотничьего отряда — в связке на спине ларнга. Он с явным удивлением осмотрел сцену.

— Что у нас тут, Кинкар?

— Вор охотничьей добычи! — ответил тот. — И сказочник. А еще кто, понятия не имею.

Лицо карлика исказилось от ненависти, побледнело от чего-то большего, чем страх, от тупого отчаяния. Но он молчал, только удивленно перевел взгляд с звездного повелителя на Кинкара, как будто не ожидал таких дружеских отношений между этими двумя.

— Кто ты? — Лорд Бардон сразу перешел к делу. И добавил, словно про себя: — И что ты такое, мой маленький друг?

Карлик продолжал упрямо молчать. Он выглядел так, словно готов выдержать любую пытку, но не открыть свою тайну.

— У него есть язык, — раздраженно сказал Кинкар. — Он свободно говорил, пока ты не появился, лорд... говорил о «богах» и «рабах»! Но не знаю, кто он и откуда взялся. Воркен убила одного суарда. А второго, бегущего, я свалил молчаливой смертью. А пока свеживал добычу Воркен, этот работал здесь. Я увидел, как он ворует...

Впервые с появления на сцене лорда Бардона заговорил карлик:

— Если бы не твой морд, ты был бы тоже мертв, грязь низин!

— Может быть, — вынужден был согласиться Кинкар. — Он воин, лорд. Он свалил меня каким-то приемом, когда я пошел к нему. Но появилась Воркен, и я освободился, чтобы воспользоваться этим, — он протянул трубку смерти. — Он понял угрозу, хотя как, не понимаю.

Глаза лорда Бардона были подобны холодному металлу, они смертоносно блестели на его смуглом лице.

— Итак, он узнал лучевой бластер. Это очень интересно. Я думаю, его нужно прихватить с собой и спокойно поговорить...

Карлик постепенно подбирал под себя ноги. Неожиданно он вскочил и со скоростью летящего копья устремился к ближайшему укрытию. Но Кинкар на этот раз был готов. Он прыгнул вслед пленнику, и оба они тяжело упали на мерзлую землю. А когда Кинкар встал, карлик лежал так неподвижно, что молодой человек испугался.

Но их пленник всего лишь был ошеломлен и позволил погрузить себя вместе с мясом на спину ларнга. И вот с таким грузом они двинулись назад к крепости, сделав только короткий крюк, чтобы взглянуть на открытый Кинкаром горячий ручей. Лорд Бардон осмотрел статуэтку, потом посмотрел на связанного пленника.

— Может быть, наш друг больше расскажет нам об этом. Он хорошо одет, здесь он явно у себя дома, однако мы не встретили никаких жилищ. Если они живут не на горах, а под ними, тогда все бы объяснилось. Но для меня это совершенно новый вид. А как ты считаешь, Кинкар: это просто гортианский карлик?

— Не знаю, лорд. У него правильная фигура, как будто для него такой рост нормален. Ведь и я гораздо ниже тебя. Я кое-что вспомнил... старую песню о Гартале с`Даре.. — И он запел балладу, сочиненную древним сказителем:

В утреннем свете поехал Гартал,
С мечом в руке, с плащом на руке.
Белый щит на другой руке.
Он поднял свой меч навстречу внутренним людям,
И вызвал на бой их вождя,

Заставил их свободно пропустить его
по подземным путям,
Чтобы он смог догнать своего кровного врага
И скрестить с ним металл,
С тем, кто насмеялся над ним
В крепости Грам на пиру в середине года...

— Внутренние люди, — повторил он. — Они жили давным-давно, если жили вообще. О них говорится во многих старых песнях, лорд. В песнях многое рождено сказителями такого, чего с нами и не было. Однако эти «внутренние люди» жили в горах, они были маленького роста, но велики в своих деяниях, это был народ смелых воинов. Такими увидел их Гартал...

— Есть и другие сказания о «внутренних людях»?

Кинкар улыбнулся.

— Малышам часто говорят, что, если они будут путаться под ногами, придут в темные часы «маленькие человечки» и унесут их в свои подземные норы, из которых человеку никогда не выбраться.

— Да, — задумчиво произнес звездный повелитель. — Но даже в сказках иногда бывает зерно истины. Может быть, «внутренние люди», исчезнувшие с лица знакомого нам Горта, здесь не исчезли, и мы встретились с одним из них. Во всяком случае, он сообщит нам много нового, и мы используем его рассказ для своей безопасности.

— Не думаю, что он станет говорить, если мы просто попросим его.

— Он скажет все, что знает, все, что представляет для нас интерес.

Кинкар оценивающе взглянул на большое тело звездного повелителя. В его коричневых руках карлик будет как игрушка в руках ребенка. Но полукровка постарался отогнать мрачную картину, нарисованную воображением. Убить человека в битве — одно. Но мучить беспомощного пленника — совсем другое. Он даже и думать об этом не хочет. И опять звездный повелитель словно прочел его мысли, потому что взглянул на него с легкой улыбкой, хотя прямая линия рта и челюсти не смягчилась.

— Мы не вырываем тайны с помощью ножа и огня, не используем и других грязных трюков, чтобы развязать язык!

Кинкар покраснел.

— Прости меня, лорд, обычаи твоего народа еще не знакомы мне. Я вырос в горной крепости, а не в Терране. Что я знаю о жизни звездных повелителей?

— Верно. Но не «твоего народа». «Нашего народа», Кинкар. Мы в этом, как и во всем остальном, едины с тобой, мальчик. Ты наследник не только Стира, но и наш. Не забывай об этом. А теперь отведем этого героя сказаний к лорду Диллану и леди Асгар. Посмотрим, какую выгоду они из него извлекут ради нашего будущего.

Глава 7

ЛОЖНЫЕ ВОГИ

Способы, при помощи которых звездные повелители извлекали сведения из неразговорчивого пленника, оказались действительно незнакомыми Кинкару. Вопросы вообще не задавались. Пленника усадили перед одним из нагревателей в большом зале крепости и оставили в покое, хотя поблизости всегда находились люди, которые исподволь следили за ним.

Через несколько минут, когда подозрения его улеглись, пленник в свою очередь стал открыто разглядывать обитателей крепости, и на его лице ясно читалось недоумение. Он просто не мог понять их поступков и поведения. Широко открытыми глазами смотрел, как лорд Джон учит своего полукровку-сына владеть мечом перед внимательной и доброжелательной аудиторией, состоящей из матери и сестры мальчика. Женщины вязали, а младший брат смотрел с завистью и готов был в любое мгновение сменить старшего.

А когда леди Асгар подошла сзади к Кинкару и, чтобы привлечь его внимание, положила руку ему на плечо, пленник, видя этот дружеский жест, вздрогнул, как будто ждал какого-то ужасного отмщения.

— Ты нашел нам кое-что новое и интересное, младший брат, — сказала леди. — Диллан скоро придет, ему не хочет-

ся отрываться от своих расчетов. Итак, ты считаешь, что наш гость явился прямо из саги о Гартале Двумечном?

— Мне кажется, леди, он похож на «внутренних людей» сказаний.

Воркен спустилась со своего насеста высоко под потолком и вцепилась в плащ леди. Асгар улыбнулась морду.

— Ну, что, Воркен, из-за своего нетерпения хочешь изорвать меня в клочья? Ты ведь сама самка и не должна рвать одежду, которую так трудно возобновить. Ха! Поднимайся, вот что тебе нужно! — Она наклонилась, и морд прыгнул ей в руки, потом вцепился в плечо, прижался головой к лицу и стал что-то нашептывать на ухо.

— Ты сегодня хорошо поработала, Воркен, — заключила Асгар, словно морд понимал каждое ее слово. — Лучше, чем мы ожидали. Потерпи, крылатая, у нас есть важные дела.

Но когда она остановилась прямо перед пленником, карлик сжался, словно готов был свернуться в клубок под ударами бича. И не поднимал головы, не смотрел в глаза леди. Вся его поза говорила, что он ожидает смерти, и нелегкой. И это так противоречило смелости и силе духа, которые он проявил раньше, что Кинкар был изумлен.

— Так что у нас тут? — К ним подошел лорд Диллан, одобрительно потрепав Кинкара по спине. — Это и есть твой вор мяса, мальчик?

— Он не просто вор, — сказала леди. — Но есть здесь одна загадка. Почему он нас так боится?

— Да. — Лорд Диллан протянул руку и мягко, но с силой, которой невозможно сопротивляться, поднял голову карлика и посмотрел ему в глаза. Глаза пленника были крепко закрыты. — Посмотри на нас, незнакомец. Мы не враги тебе... если ты сам этого не захочешь...

Он словно коснулся свежей раны. Глаза пленника распахнулись, но никто не готов был к черной ненависти, отразившейся в их глубине.

— Да, — закричал карлик, — «боги» никогда не бывают врагами, они желают нам только добра! Слушайте меня, «боги», я преклоняюсь перед вами. — Он соскользнул с седла на пол и склонился перед звездным повелителем. — Вы можете убить

меня по своим злым обычаям, «боги», но Оспик не будет умолять вас сохранить ему жизнь!

Первой заговорила леди:

— Мы не боги, Оспик, и нам это звание не нравится, даже в шутку. Почему ты называешь нас так?

Он широко и презрительно улыбнулся, ненависть в нем боролась с инстинктом самосохранения.

— А как еще мне вас называть? Ведь вы сами так научили Горт. Вы «боги» с далеких звезд. Хотя воображение простого охотника не может подсказать, что вы делаете в этих развалинах. Что вы делаете здесь и с ними... — Он указал на Кинкара, на семейство лорда Джона, занятое в отдалении своими делами.

— А почему бы родичам не быть вместе? — мягко спросила леди.

— Родичам! — Оспик недоверчиво повторил это слово. — Но молодой воин — гортианин с низин, а вы «боги»! Между рабом и хозяином не может быть родства. Для раба даже подумать о такой кровной связи означает смерть!

Глаза лорда Диллана становились все холоднее и мрачнее. Он слушал, дружески положив руку на плечо Кинкара, но рука его сжималась все сильнее. Только леди Асгар продолжала с невозмутимым видом расспрашивать.

— Ты ошибаешься, Оспик. Все собравшиеся здесь имеют общее прошлое, по крайней мере отчасти. Те, кто кажется тебе гортианами, тоже несут в себе звездную кровь. Джон, на которого ты смотрел, учит своего старшего сына, а это его жена, дочь и младший сын — для нас очень большая семья. А это Кинкар с`Руд, — она указала на Кинкара. — Его отцом был Руд, а брат Руда Диллан стоит перед тобой. У нас нет ни рабов, ни хозяев, только родственники.

— Сын лорда Руда. — Оспик смотрел на Кинкара, позвериному оскалив зубы, словно готов был с яростью морда вцепиться ему в горло. — У лорда Руда сын раб! Какая прекрасная новость! Значит, он опозорился! Великий Руд нарушил первый закон своего рода! Отличная новость, отличная! Но мне никто не поверит... — Голова его поворачивалась из стороны в сторону, как у загнанного животного.

Кинкар удивился и задумался над тем, что понял. Лорд Диллан — его близкий родич. Почему-то от этой мысли становилось тепло, как от нагревателя. Но что это за слова о лорде Руде, нарушившем первый закон? Откуда Оспик знает его отца? Снова заговорила Асгар:

— Руд, брат Диллана, мертв, Оспик. Он погиб двадцать теплых сезонов назад, когда пытался спасти моряков, попавших в бурю на рифы с потерпевшего крушение судна...

Оспик посмотрел на нее, потом плюнул.

— Я не слабоумный, еще нет. — И снова плечи его согнулись под ударом невидимого бича. — Лорд Руд правит в У-Сиппаре, и так было всегда на памяти людей. Ни один «бог» и пальцем не пошевелит, чтобы спасти гортианина в бурю!

У леди Асгар перехватило дыхание.

— Что мы нашли? — спросила она, сжимая руки так, что побелели костяшки пальцев. — На каком Горте мы оказались, Диллан?

— Похоже, оправдываются наши худшие опасения, — мрачно ответил он. — Мы старались о таком не думать, но всегда этого боялись.

Она ахнула:

— Неужели случай так жесток к нам!

— Случай? Ты думаешь, это случай, Асгар? Я бы сказал, что это часть глобального замысла, выходящего за пределы нашего понимания. Мы пытались исправить зло, причиненное одному Горту. Но здесь это зло гораздо страшнее. Неужели мы всегда будем встречаться с результатами нашего вмешательства?

Оспик переводил взгляд с одного на другого, посмотрел снова на лорда Джона, на остальных занятых своими делами в зале. Он встал, протянул руку к двоим перед собой, странно скрестив пальцы.

— Вы не «боги»! — обвинительно провозгласил он. — Вы демоны, принявшие их облик. Именем Лора, Лоя и Лис заклинаю вас принять ваше истинное обличье.

Кинкар ответил на заклинание собственным:

— Именем Лора, Лоя и Лис говорю тебе, Оспик, что это звездные повелители, хотя, наверно, не такие, каких ты зна-

ещь. Может ли демон выдержать, когда я говорю это? — И он произнес священные Три Имени на древнем языке, как его научили, чувствуя ответное тепло талисмана на груди.

Оспик был потрясен.

— Не понимаю, — сказал он слабо. Кинкар готов был подхватить его слова, но у него хватило здравого смысла обратиться за объяснением к лорду Диллану.

— Оспик, мы действительно звездной крови. — Звездный повелитель говорил искренне. — Но мы не те, кого ты знаешь. Мы пришли с другого Горта. И по духу мы противоположны лордам этого мира... во всяком случае, я так заключаю по твоим словам.

— «Боги» здесь многое сделали, — ответил Оспик, — но никогда это не приносило Горту добро. Не понимаю, какую странную историю вы мне рассказываете...

Позже Кинкар сидел в кольце воинов, полукровок и звездных повелителей, и слушал лорда Диллана.

— Вот каково оно! На этом Горте наш род принес с собой зло, гораздо большее, чем то, от которого мы бежали. Здесь наш род высадился и захватил всю планету, превратив аборигенов в рабов. Вся наша мудрость была направлена на то, чтобы удержать планету в железном кулаке. Только немногие сбежали в пустыни. Свободны и аборигены в этой местности, как племя Оспика. Это злой Горт, каким мог бы стать и наш.

— Нас горстка против множества, — задумчиво сказал лорд Джон.

— Да, горстка. И вот что я скажу. С военной точки зрения, разумно не давать о себе знать, пока мы не ознакомимся лучше с обстановкой. — Это лорд Бардон. Он один из всех звездных повелителей родился еще на корабле, до высадки на Горт. И решил остаться, потому что у него есть дети и внуки гортиане. Слева среди женщин сидит его дочь, справа, среди детей, два мальчика.

Кинкар слушал краем уха, оценивая боевые возможности их группы. Через ворота прошло около пятидесяти человек. Двадцать женщин и девушек, десять детей. Из мужчин восемь — звездные повелители, от лорда Бардона до самого молодого Джона. Сим, Диллан, Родрик, Томм, Джок и Франс. Трудно

определить их возраст, но ни у кого нет внешности гортианина, миновавшего сороковое лето. Загадочная перемена, происшедшая с ними во время полета в пустоте, оставила на них свой неизгладимый отпечаток.

Все двенадцать полукровок молоды, но они испытанные бойцы, и к ним вскоре сможет присоединиться старший сын лорда Джона. Хорошая, сильная боевая группа, не всякий решится на нее напасть. А у звездных повелителей есть свои способы сражения. Да, если бы они собирались напасть на крепость, Кинкар, не колеблясь, присоединился бы к ним.

Но они не нападают на крепость, им противостоят не гортиане, а звездные повелители, злобные мстительные звездные повелители, которые использовали все свое тайное знание, чтобы сохранить власть над планетой. А это совсем другое дело. И никто не решится начать военные действия, прежде чем будут установлены силы врага.

Но им удалось заручиться поддержкой Оспика. Горец в конце концов вынужден был признать очевидное. И теперь готов был способствовать заключению союза между своим народом и обитателями крепости. Ему было трудно думать о звездных повелителях как о друзьях, но, как только он поверил, что такая дружба возможна, согласие его было полным и искренним. Он решил, что должен вернуться в свою подземную крепость и организовать встречу между хозяином пещеры и звездными повелителями.

До наступления ночи Оспик ушел. Но Кинкара одна загадка делала молчаливым. Он был в стойле Сима, расправлял подстилку из сухой травы, когда луч света от двери сказал ему, что он не один. Лорд Диллан одобрительно кивнул, видя его усилия сделать стойло более удобным для ларнга.

— Хороший ларнг. — В таком начале чувствовалась нерешительность. Звездный лорд пришел совсем не для того, чтобы говорить о ларнгах, и Кинкар чувствовал это.

— Это Сим. — Кинкар ласково провел руками по заостренным ушам стоящего на коленях животного, погладил мозоли там, где кожи касаются поводья. — Я нашел его в загоне, и с тех пор он мой.

Внутренне он испытывал такую же нерешительность, что и лорд Диллан. С того разговора у смертного одра Вурда, когда

его упорядоченная жизнь, какую он всегда вел, кончилась, когда мир его раскололся, а безопасность исчезла, он старался не думать о правде. Легче оказалось принять изгнание из Стира, перспективу стать разбойником, чем поверить, что он не полностью гортианин.

И он не хочет признавать, что его отец был таким, как Диллан, может, очень походил на него, ведь они братья. Почему? Неужели он боится звездных повелителей? Или негодует на ту часть крови, которая уничтожила его благополучную жизнь в Стире? Он никогда не почувствует себя легко в обществе звездных повелителей, как Джонатал, Вулт и остальные, которые живут с чужаками с самого рождения.

Может быть, нежелание признать свою смешанную кровь подкрепляется тем, что он, единственный из всех полукровок, внешне ничем не отличается от гортианина. Другие выше аборигенов, у них странного цвета глаза, волосы, необычные черты лица... И в такие минуты, когда ему приходится признать свое родство с чужаками, самой первой его реакцией становится настороженность человека, который должен скрываться, но понимает, что его обнаружили.

Диллан поставил на пол лампу и прислонился к перегородке, засунув пальцы за пояс.

— Сын Руда, — сказал он негромко, произнося это имя с тем же странным акцентом, что и при их первой встрече.

— Ты не видишь его во мне! — выпалил Кинкар.

— Внешне нет, — с готовностью согласился Диллан, и Кинкар испытал непонятное недовольство. — Но в других отношениях...

Кинкар задал вопрос, который весь день был у него в голове:

— Оспик сказал, что лорд Руд правит одной из областей звездных повелителей. Но как это может быть? Если лорд Руд, который был моим отцом, уже много лет мертв... Другой лорд? Может быть, сын Руда со звездной кровью?

Диллан покачал головой:

— Не думаю. Мы не рассчитывали, что столкнемся с таким запутанным случаем. Возможно, на этом Горте есть наши соответствия, мы такие, какими стали бы, идя по другой до-

роге. Но это ужасно, и мы действительно оказываемся в кошмаре!

— Как человек может столкнуться с самим собой в битве? — Кинкар довел эту мысль до логического конца.

— Вот это мы и должны установить, младший. Предположим, что Руд, который правит здесь, не тот, кто зачал тебя... он не может им быть...

— Да, Оспик ясно дал понять, что на этом Горте звездные повелители и аборигены не скрещиваются...

— И не только это. — Диллан нетерпеливо отбросил его замечание. — Руд, который со своим образом жизни, со своим темпераментом удовлетворен тем, как обстоят здесь дела, совсем не Руд нашего мира. У них нет ничего общего. Руд родился на нашем Горте через три года после посадки наших кораблей, таким образом он старше меня на двадцать теплых времен года. И он сын другой матери. У него было четыре жены: две звездной крови, две гортианки. Последней из них была Анора из Стира, и она пережила его меньше чем на год. У него было два сына и дочь звездной крови, они улетели на одном из наших кораблей, и один сын-полукровка — это ты. Но ты не знал о своем происхождении. Три месяца назад Вурд прислал нам послание, в котором говорил о том, какая судьба может ожидать тебя из-за вражды с Джордом. Он держал тебя вдали от нас, хотел сделать тебя только гортианином, чтобы ты лучше служил Стиру, поэтому у тебя нет воспоминаний, которые помогли бы тебе привыкнуть. Но Руд, твой отец, был таким, с которым легко стоять рядом, и мы рады, что с нами его потомок!

— Но в тебе тоже кровь Руда.

— Да. Но я не такой, как Руд. Он был прирожденный воин, человек действия. А в мире, где нужны действия, это много значит. — Диллан чуть устало улыбнулся. — А я скорее такой человек, который делает то, что видит в мечтах. Я владею мечом, но с готовностью откладываю его в сторону. Руд был как морд на охоте, он вечно искал приключений. Его страстью скорее был сам меч, чем сказания. Но трудно описать Руда тому, кто его не знал, даже его собственному сыну. — Он вздох-

нул и снова поднял лампу. — Скажу, что Руд, каким мы его знали, достоин верности и любви. Помни об этом всегда, если судьба столкнет тебя с другим Рудом, который правит здесь, на Горте...

Он задержался у выхода из стойла:

— Теперь Симу удобно. Пойдем со мной в зал. У нас военный совет, и каждый имеет на нем право голоса.

Ели все вместе, разделяя со скрупулезной точностью результаты охоты и уменьшающиеся припасы. Кинкар подумал, что голодный морд всегда охотится лучше. Сейчас никто не наедается так, чтобы не владеть мечом в нападении. Он тщательно прожевал мясо суарда, наслаждаясь его вкусом.

Военный совет принял решение. Сейчас будут охотиться, собирать запасы в крепости, может, торговать с «внутренними людьми» излишками пищи. Никуда за пределы долины, охраняемой крепостью, пока выходить не будут. Оспик заверил их, что они далеко от низин, которые контролируют звездные повелители этого Горта, где их могучее оружие держит в узде рабов. Но мысль о том, что их двойники с такими дурными намерениями пользуются своей силой, заставляла лордов мрачно задумываться. И Кинкар считал, что, даже если лорд Диллан соорудит новые ворота, откроет дорогу на новый Горт, он обнаружит, что другие лорды не захотят следовать за ним. Они чувствуют свою ответственность за этот мир и вину за то, что сделали ложные боги.

Теперь на сторожевых башнях всегда будут находиться часовые. На утро наметили патрульные маршруты вокруг крепости, распределили обязанности, чтобы все участвовали в охоте и в караульной службе.

Когда обед кончился, леди Асгар подошла к Кинкару, держа в руках маленькую доску со струнами, какими пользуются бродячие сказители.

— Кинкар, говорят, ты хорошо помнишь сагу о Гартале и о его встрече с «внутренними людьми». Сегодняшняя встреча доказала, что по крайней мере отчасти этот рассказ правдив. И мы хотим услышать все сказание о набеге Гартала на крепость Лок.

Он, смущаясь, положил на колено доску. В Стире ему приходилось петь, но он никогда не думал, что будет петь в таком обществе. Однако «Набег Гартала» сейчас не очень хорошо известен, хотя это была любимая песня Вурда, и Кинкар хорошо запомнил ее длинные плавные стансы. И вот он ударил по струнам и начал — сказание о том, как Гартал выехал в путь лишенным крепости человеком, как он приехал в крепость Лок и как его обманули и ему пришлось бежать в горы с гневом в сердце. Сидящие вокруг Лорпор, Вулт, лорд Джон, Джонатал извлекли мечи и сопровождали его пение ритмичным звоном, ударами лезвия о лезвие, глаза их сверкали в свете ламп, и сказание подхватывали сладкие голоса женщин. И никогда, с тех пор, как он выехал из Стира, Кинкар не чувствовал так сильно, что здесь его место.

Глава 8

ПЕРВАЯ СТЫЧКА

Прошла встреча с вождем «внутренних людей». Он пришел настороженный и вооруженный, с охраной, которая благоразумно оставалась в укрытии. Все эти предосторожности показали обитателям крепости, с каким недоверием и ненавистью относятся аборигены этого Горта к чужакам, правящим планетой. Но к концу встречи вождь вынужден был признать, что есть две разновидности звездных повелителей и что более поздняя разновидность — это не гневные «боги», каких он всегда знал. Он не зашел так далеко, чтобы знакомить пришельцев с тайнами своей крепости, хотя на торговлю и обмен согласился — он предоставит сухие фрукты и жесткое мясо в обмен на один из вечных звездных факелов.

«Внутренние люди» занимались работой по металлу. Восхищенным обитателям крепости они продемонстрировали кольчуги, удивительно прочные и обманчиво легкие, но, к несчастью, скованные по размерам их собственных маленьких тел, как и прекрасно уравновешенные мечи, которые слишком легки и коротки для пришельцев. Лорд Бардон, с сожалением осмотрев все эти сокровища, перешел к другим планам. А на

следующий день, охотясь с Кинкаром, он предложил, чтобы Воркен была предоставлена свобода, а молодой человек помог бы ему в другом деле.

— Деревце? — удивился Кинкар. — Может, древко для копья? Но такое, какое мы ищем, слишком тонкое, при первом же ударе сломается.

— Не для копья. Для другого оружия, какое было в прежние времена на старой планете, на которой родились наши отцы. Это было любимое оружие первобытных людей. Говорят, если умеешь им владеть, оно дает преимущество перед воинами в доспехах.

К концу дня они вернулись в крепость с набором прочных упругих ветвей, нагруженных на ларнга поверх дневной добычи. Воркен, которой не нужно было разыскивать подходящие стволы, оказалась более удачливой охотницей, чем люди.

Так как у лорда Бардона были только неясные воспоминания о новом оружии, они испортили много стволов. А некоторые были неудачно подобраны. Однако к концу третьего дня появились уже первые луки. За ними последовали стрелы. Все учились на собственных ошибках умению готовить наконечники и оперение. В работе приняли участие три четверти населения крепости, и зал после наступления темноты превращался в мастерскую по изготовлению луков.

Было обнаружено, что натяжение тетивы зависит от физической силы стрелка. Могучий шестифутовый лук, которым пользовался лорд Бардон, ни один полукровка не мог натянуть, но Кинкар со своим меньшим и более легким оружием поражал цель с такой же скоростью и точностью, хотя и не с такой пробивной силой, как звездный повелитель.

Странно, но из звездных повелителей только лорд Бардон, лорд Джон и лорд Франс обнаружили способности к стрельбе из лука, и по поводу их товарищей было отпущено немало шуток. Они никак не могли попасть в цель.

— Слишком привыкли к машинам, — заметил лорд Бардон, когда стрела Диллана в третий раз подряд прошла далеко от цели. — Здесь не просто нажимаешь кнопку: нужно настоящее мастерство.

Лорд Диллан рассмеялся и бросил лук хозяину.

— Мастерство, к которому не способны моя рука и глаз. Но о наших братьях этого не скажешь.

Ибо если большинству звездных повелителей учеба давалась с трудом, полукровки овладели луками играючи, словно Трое с рождения наградили их этим даром и он ожидал только пробуждения. От стрельбы по неподвижной цели во дворе они перешли к охоте, и в награду увеличилось поступление мяса, росла груда шкур суардов, из которых предполагалось к зиме создать запас плащей и другой одежды.

Холод наступил внезапно. В течение пяти дней все оставались в крепости, от внешнего мира их отрезали сильный ветер и снег. Теперь все планы о разведке в низинах следовало отложить до более теплых дней.

Лорду Диллану и его помощникам пришлось отложить сооружение врат, которые откроют дорогу на другой Горт. Слишком много важных деталей было уничтожено вместе с прежними воротами. И хоть обратились к помощи кузнецов и шахтеров «внутренних людей», обнаружили, что необходимое невозможно достать даже в виде руды. В крепости об этом не говорили, хотя все знали. И начали готовиться к длительному пребыванию здесь. Заговорили о необходимости возделывать поля в покинутой долине. Почва, кормившая когда-то большое население, прокормит небольшую группу пришельцев.

Наконец наступил период затишья между бурями, когда солнце ослепительно отражалось от наста, а деревья отбрасывали длинные тени. В этот день воздух обжигал легкие, но в то же самое время вызывал тоску по простору.

Кинкар стоял на одной из сторожевых башен, по парапету высотой по пояс перед ним расхаживала взад и вперед Воркен, широко расправив крылья и вызывающе крича. В это время года морды спариваются, и Воркен было одиноко, как никогда в жизни. Кажется, на этом Горте ее вид встречается редко или вообще не отделился от огромных злобных чудовищ горных высот.

Она так нервничала, что Кинкар встревожился. Если отправится на поиски своих, может никогда не вернуться. Но он знал, что, если попытается посадить ее в клетку и удержать, ее беспокойство перерастет в дикую манию, в стремление осво-

бодиться, и она может погибнуть, разбившись о стены своей тюрьмы. Чтобы удержать ее, ей нужно предоставить свободу и надеяться, что со временем она вернется сама.

Издав еще один странный крик, Воркен взлетела и начала подниматься в небо по крутой спирали, так что вскоре он потерял ее из виду. Кинкар ждал, растирая руки и расхаживая по площадке, чтобы согреться. Но Воркен не показывалась, не свистела. Как будто морд исчез сквозь какую-то дыру в небе.

— Улетела? — Снег скрипел под подошвами лорда Бардона. — Я подумал, что она в лихорадке, когда увидел ее утром.

— Я не мог запереть ее в клетку, — сказал в свою защиту Кинкар. — В клетке она бы сошла с ума.

— Верно. И хоть мы ее родичей здесь не видели, не нужно думать, что здесь их вообще нет. Может быть, в низинах она найдет крепость с птичником.

Слабое утешение, но это его единственная надежда. И Кинкар знал, что, отпустив ее на свободу, спас ей жизнь.

— Нехорошо ограничивать свободу живого существа, человека или животного. — Лорд Бардон положил руки на парапет и стоял, глядя вниз на вход в долину, ведущий к равнине. Если все, что они слышали, правда, там, в низинах, рабство худшее, чем служба морда у охотника. — Служба должна быть основана на взаимной необходимости. Только так достигается безопасность разума, если не тела. Воркен служит тебе по-своему, но и ты в обмен даешь ей то, что ей нужно. Сейчас ей важно быть свободной, и это ее право. А теперь, Кинкар, — он с улыбкой посмотрел сверху вниз, — я хочу предложить тебе одно дело. После многих отговорок наши друзья в горе решили, что нам до определенной степени можно доверять. Они прислали сообщение, что проведут нас безопасным тайным путем, чтобы мы могли из укрытия взглянуть на главную дорогу, ведущую в низины, и оценить движение на ней.

— В такую погоду?

— Кажется, холодное время года на низинах проявляется не так сильно, как здесь. И у лордов низин есть причины держать линии связи всегда открытыми. Там, где люди живут в недоверии и страхе, часто возникает необходимость передвигать-

ся быстро. Во всяком случае, мы увидим больше, чем отсюда. Если хочешь, можешь поехать с нами.

Из крепости вышел небольшой отряд. Проводниками служили Оспик и его соплеменник Тоси. За ними ехал лорд Бардон, огромный лук у него на плече уставился в небо, как указательный палец. Далее лорд Франс, Джонатал и Кинкар. Ехали верхом на ларнгах, которые протестовали против выхода на холм. Вели с собой еще одного ларнга, выючного, с продуктами и запасной одеждой, на случай бури.

Оспик привел их к горе недалеко от того места, где Кинкар обнаружил теплый ручей, потом тропа начала виться среди скал. Идти стало трудно, пришлось спешиться и вести ларнгов за повод. Тропа, если можно ее так назвать, кончилась в кустах у каменной стены. Но за кустами оказалось темное отверстие, похожее на расселину в скале.

Когда они вошли в нее и лорд Бардон зажег факел, Кинкар заметил следы орудий, которые превратили природную щель в дорогу для людей. Но хоть на прокладку этого пути был затрачен огромный труд, жители пещер пользовались им редко. Путники оказались в пещере, уходящей далеко во тьму, их факел вызвал ответные вспышки кристаллов на стенах. Потом еще один узкий проход, несколько пещер, переходящих одна в другую. Никого не встретили и ничего не слышали, кроме журчания воды и звуков собственных шагов. Кинкар подумал, что весь хребет, должно быть, пронизан, как муравейник, пещерами, ущельями, трещинами и пустотами, и «внутренние люди» хорошо ими пользуются.

Однажды пришлось пересекать горячий поток. Кашляя и задыхаясь от едких паров, они прошли по мосту, предназначенному для карликов, прошли в своих тяжелых сапогах и провели ларнгов. Раз или два доносилась вонь падали, слышался какой-то шорох, как будто какое-то кошмарное чудовище отползло в сторону, испугавшись света факела.

Время потеряло здесь всякий смысл. Они могли провести в глубине часы или целые дни. Дважды останавливались, отдыхали и ели, оба раза в гротах из призматических кристаллов, среди драгоценностей, а кружева, созданные за многие столетия каплями воды, составляли декорации и занаве-

сы. Кинкар не подозревал о существовании такого мира, и они изучали его с Джонаталом, показывая друг другу все новые и новые чудеса вокруг и наверху. Фонтаны, замерзшие, прежде чем капли успевали упасть, дерево, лоза, полная плодов, — здесь можно было увидеть все. Были здесь и существа словно из сказаний: прекрасные, гротескные, отвратительные.

Оспик посмеивался над их удивлением, но незло.

— Их можно найти во многих местах. — В его словах звучала гордость обладания. — Кое-где они гораздо лучше. Есть Зал Встреч...

— Драгоценные камни в стене! — Джонатал поднес конец факела к древесной ветви.

Проводник покачал головой:

— Драгоценные камни тоже можно отыскать. Но здесь они не настоящие, просто куски горного хрусталя. Вынесите их из пещеры, и в них не будет ничего особенного.

— И подумать только: такая красота под землей! — воскрился Кинкар.

Лорд Франс улыбнулся. Он не сдвинулся с места, сидел скрестив ноги, прижимаясь спиной к отдыхающему ларнгу. Но с интересом разглядывал окружающее.

— Все это создано землей, Кинкар. И, как сказал Оспик, вырви его из окружения, и все волшебство исчезнет. Действительно, это чудо, и стоит проехать далеко, чтобы его увидеть. — Он достал из кармана блокнот и ручку и быстро набросал рисунок замерзшей лозы.

Они вышли из последней пещеры кристаллов, впереди снова темный проход, стены в трещинах. В растущем напряжении Кинкар забыл о своем удивлении. Время от времени он оглядывался через плечо. И хоть видел только знакомые очертания Сима, а за ним, рядом с ларнгом, лорда Франса, его не оставяло ощущение, что за ними следят. Если повернуться достаточно быстро, то обязательно увидишь что-то нехорошее.

Он положил руку на грудь, прижал Связь. Не для того, чтобы убедиться в целостности талисмана, а чтобы успокоиться самому. Словно Связь давала ощущение безопасности от этих прячущихся в темноте существ.

Начался крутой подъем. Следы инструментов на стенах говорили, что этот проход проделан искусственно, но он очень узок, пришлось идти цепочкой, и во многих местах звездным повелителям и ларнгам нужно было нагибаться, и гребнем шлемов люди задевали за каменный потолок.

После очередного крутого подъема они вышли в пещеру, широкую, с маленьким отверстием впереди, через которое наметало снег. Слышался свист ветра в наружном мире.

Оспик подошел к этому отверстию и остановился, пригнувшись, как какое-нибудь подземное подозрительное существо.

— Ветер, но не буря, — уверенно сообщил он. — К восходу солнца у вас будет отличный насест для подсматривания. Но до этого еще несколько часов. Отдохните.

Тоси уже отошел подальше от выхода из пещеры. Достал из трещины в стене запас сухих дров, легких и белых, как старые кости. Из глиняного горшка извлек уголь и разжег костер. Все столпились вокруг огня. Укрывшись плащами, поставив вокруг ларнгов, все задремали и проспали остаток ночи.

Пещера выходила на северо-восток, так что с рассветом стало светлей. Когда Джонатал растолкал Кинкара, было еще довольно темно. Кинкар потер глаза и проглотил несколько кусков дорожной лепешки, которые ему сунули в руки. Ларнгов оставили в пещере, Тоси вызвался остаться с ними. И вот четверо из крепости и проводник Оспик вышли на широкий карниз и словно оказались на насесте морда высоко над долиной.

Внизу все было покрыто снегом, разглаженным ветром. Но в одном месте снег утопан, смешан с грязью. Это дорога. И чтобы остался такой заметный след, дорогой должны пользоваться часто. Однако вокруг дикая местность, никаких следов цивилизации.

— Ваша дорога на равнины, — указал Оспик. — Но тех, кто пользуется ею, придется подождать, лорды. По ней движутся только при дневном свете.

Поэтому бросили жребий, кому оставаться на посту, а остальные вернулись в пещеру. Первым караулить выпало Кинкару, и он забавлялся тем, что создавал план засады, как делал Реген. Тут отличное место для засады, особенно для лучников. А вот для старомодного способа, схватки один на один,

это место подходит хуже. Отсюда, с карниза, можно воспользоваться неожиданностью и оставить тех, кто находится внизу, без офицеров.

Снег приглушал звуки, и процессия внизу появилась совершенно неожиданно. Кинкар, считавший себя опытным воином, был пристыжен. Его предупреждающее шипение вызвало остальных.

Кинкар, привыкший к торговым караванам, с их неторопливыми фургонами, или к быстрым всадникам, с удивлением разглядывал отряд внизу. Были там люди верхом на ларнгах, все гортиане, конечно, хотя одеты и вооружены они несколько по-особому. Но за всадниками виднелось нечто совершенно неожиданное. Шли два вьючных ларнга на расстоянии в десять футов друг от друга, к ним привязана металлическая цепь. От нее через равные промежутки отходят другие цепи, потоньше. Их четыре пары, и каждая заканчивается ошейником, а ошейник на горле спотыкающейся, качающейся, стонущей фигуры.

Показалась вторая пара ларнгов, и к ним привязана еще одна группа пленников. Один из них упал, и его потащило по земле. Подъехал всадник и ударил хлыстом так, чтобы было побольнее. Но, несмотря на удары, упавший не поднимался. Понесся крик, ларнги остановились, всадники собрались на совещание.

— Кто это? — горячо спросил лорд Франс у Оспика.

Горец искоса взглянул на него.

— Разбойники или рабы, те, кто бежал с равнин. Их не возвращают домой. Те, кому повезет, умирают, не добравшись сюда.

Всадник, использовавший хлыст, слез с седла и расстегнул ошейник. Откинул тело, пнул его, и оно покатилося в кювет.

Четверым на карнизе не потребовался приказ, не нужно было сговариваться. Четыре стражника упали. Запели тетивы, четыре руки потянулись за новыми стрелами, глаза уже выбирали новую цель.

Крик, хриплый изумленный крик, звон металла о металл. Это извлекают мечи. Но упали еще четыре стражника, а один из пленников перехватил хлыст и стал его ручкой сбивать свои цепи.

Это была бойня, а не битва. Лучники снова и снова доказывали, что хорошо овладели оружием, они подстреливали ларнгов, чтобы всадники не смогли бежать. Оспик опасно склонился с карниза, голодными блестящими глазами глядел на смерть внизу.

Дважды стражники пытались перебить пленных. И дважды умирали, не успев нанести удар. И в конце концов в живых остались только прикованные к цепям. Первым нарушил молчание Оспик:

— Многих перебили, лорды. Такая добыча для мордов запомнится надолго. Но она приведет к нам и охотников.

Лорд Бардон пожал плечами:

— Можно ли спуститься с этого твоего небесного насеста, Оспик? Нужно что-то сделать для этих несчастных внизу.

— Если у тебя ясная голова, можно! — Горец свесился с карниза, ощупью поискал опоры и начал спускаться, перенося руки и цепляясь за стену, как насекомое. Остальные последовали за ним — гораздо медленнее и с дурными предчувствиями — во всяком случае, у Кинкара.

Глава 9

ДОВРОВОЛЕЦ

Они оказались на открытой площадке рядом с дорогой.

— Когда освободите пленных, — приказал лорд Бардон, — соберите стрелы.

— Это очень мудро, лорд, — отдал должное Оспик. — После того как здесь побывают дикие звери, никто не поймет, как умерли эти люди.

Джонатал прошел вперед и бродил среди тел стражников, разглядывая их пояса. Но вот он крикнул и показал запирающий стержень. Однако когда они направились к пленникам, тот, что пытался снять цепи, протяжно крикнул и присел, в глазах его горела ненависть. Свистнул хлыст, задев руку лорда Франса. Лорд Бардон успел оттащить товарища.

— Надо было догадаться. Укройся, Франс. Для них мы дьяволы, которых они больше всего боятся!

Джонатал с помощью стержня снял цепь с мертвого ларнга. Ошеломленные пленники постепенно приходили в себя. Они отступили и попытались снять ошейники. Теперь они не были прикреплены к убитым животным.

Большая их часть просто лежала на снегу, они тупо глядели, совершенно без сил. Но тот, кто схватил хлыст, смотрел на своих спасителей-гортиан вызывающе. Лицо его распухло, рубцы покрылись засохшей кровью. Он мог быть любого возраста, но вел себя, как обученный воин, и голову держал высоко поднятой. Тело его было избито и измучено, но дух оставался сильным.

— Кто вы? — Слова доносились с перерывами из окровавленных губ.

Джонатал сорвал плащ с мертвого стражника и набросил на дрожащую женщину, потом ответил:

— Мы вас освободили.

Пленник повернул избитое лицо с одним открытым глазом от Джонатала к Кинкару. Очевидно, разум и любопытство не покинули его после такого грубого обращения. Но он либо не хотел, либо не мог воспринимать их как друзей. Кинкар решил показать мирные намерения лучшим способом, какой смог придумать. Он достал из ножен у ближайшего мертвого стражника меч и протянул рукоятью вперед.

Единственный раскрытый глаз недоверчиво расширился, затем рука устремилась вперед, меч был вырван у Кинкара. Пленник дышал так тяжело, словно взбежал на гору.

— Вот каково оно, — одобрил Джонатал. — Освободиться и получить меч в руки. А дальше все зависит от тебя и твоего меча.

Но Кинкару казалось, что пленник не слышал этих слов. Он был слишком занят, снимая цепи. Большая часть остальных оставалась апатичной, и у всех, и мужчин и женщин, на теле были следы такого жестокого обращения, что Кинкар, сражаясь с упрямыми ошейниками, подавлял тошноту. Наконец Джонаталу удалось разгадать секрет их замка — и цепи были отброшены. Некоторые из освободившихся схватились за сумки стражников с провизией. И Кинкару и Джонаталу пришлось отгонять их, чтобы справедливо разделить еду.

Кинкар опустился на колени рядом с женщиной. Он пытался заставить ее попробовать черствую лепешку, а она с полным

отсутствием разума в глазах смотрела на него. В это время подошел человек, которому Кинкар дал меч. На пленнике теперь были куртка и шлем стражника, он сосал сушеное мясо. Жевать не мог из-за сломанных зубов. Но обнаженный меч держал в другой руке. И бдительно следил за Кинкаром.

— Кто ты? — с набитым ртом спросил он, но в голосе его звучали повелительные нотки. — Зачем вы это сделали? — И он указал обнаженным мечом на дорогу, на которой мертвых раздевали ради живых.

— Мы враги любых правителей, которые заковыывают людей в цепи. — Кинкар тщательно подбирал слова. — Если хочешь знать больше, обратись к нашему вождю...

— Пойду, но только с мечом, приставленным к твоей спине. — Восходящее солнце отразилось от лезвия.

— Хорошо. — Кинкар закутал женщину в плащ и встал. — Мои руки пусты, капитан крепости. — Он назвал так пленника, видя его поведение.

И, не оглядываясь, пошел за кусты, где укрылись звездные повелители. Но кто-то другой сумел обнаружить этот путь раньше. Кинкар отвел лишние ветви и увидел лорда Бардона и лорда Франса, которые рассматривали стрелы. Рядом стоял Оспик, одну за другой передававший эти стрелы. Но эти трое, занятые своим делом, были не одиноки. Один из стражников пережил нападение и не только пережил, но и выследил источник неожиданной смерти.

Вероятно, удивление при виде тех, кто возглавил нападение, — звездных повелителей, — вначале заставило его стоять неподвижно. Но теперь он присел за лордом Бардоном, на лице его ясно читалась ярость, в руке он держал тонкий, как игла, нож. И Кинкар, хорошо зная, какое это страшное оружие в руках опытного бойца, бросился вперед.

Он ударил затаившегося стражника на уровне пояса, но не свалил на землю, как планировал. Тот высвободился и готов был нанести удар оружием, предназначенным для лорда Бардона. Кинкар перехватил его руку и удержал, ощутив, как лезвие застыло, коснувшись его кожи. Он пытался сбить стражника с ног. Кинкару обожгло подбородок, острое застряло в кольчуге и сломалось. Но прежде чем обломанное лезвие впилось ему

в глаз, их обоих схватили могучие руки и растащили. Потом Кинкара отпустили.

— Он до тебя добрался, мальчик!

Кровь капала с подбородка Кинкара, струйкой текла по куртке. Лорд Бардон пальцами поднял ему подбородок с одной стороны, с другой осмотрел ущерб.

— К счастью, всего лишь царапина! — воскликнул чуть погодя звездный повелитель. — Остановим кровотечение, и будешь жить, младший... — В голосе его слышалось облегчение. Но когда заговорил снова, прозвучал лед: — А этого побереги, Франс. Он может ответить на вопросы. — Лорд Бардон, двигая Кинкара к скале, чтобы заняться его ранами, вдруг увидел бывшего раба, последовавшего за молодым человеком. — А ты откуда выскочил?

— Он один из пленников, — начал объяснять Кинкар, но тут же под пальцами лорда Бардона вынужден был замолчать.

— И он не прочь увидеть цвет нашей крови, — предположил лорд Франс. Он искусно связал стражника и положил у скалы. А теперь с пустыми руками смотрел на пришельца.

Но даже если этот человек и хотел убить своих хозяев, он не нападал. Прочсть выражение его избитого и распухшего лица было невозможно, но он стоял, смотрел на то, что делает лорд Бардон, все время переводя взгляд на бранящегося пленника, бывшего стражника. А когда заговорил, то задал тот же вопрос, что и перед этим Кинкару.

— Кто вы? — И тут же разразился потоком слов, ясно выдававшим его недоумение. — У вас внешность Черных, но вы убили их верных людей, освободили нас, приговоренных рабов. А теперь ты занимаешься ранами этого жителя низин, словно он твой родственник. А стражник, твой верный припешник, который нес нам мучения и смерть, он лежит в оковах. И я снова спрашиваю, кто вы?

— Скажем так: мы те, кто прислан, чтобы положить конец несчастьям этого мира. Внешне мы похожи на ваших правителей, но мы не из их числа. Можешь ты поверить в это?

— Лорд, сегодня я стал свидетелем трех великих чудес. Я видел нападение на караван рабов. Я видел, как люди моего народа и Темные действуют в единстве, как родичи, и заботят-

ся друг о друге, как боевые товарищи. И я видел, как тот, кто командовал нами, связанным лежит у твоих ног. Может ли свидетель таких невероятных событий не поверить?

А теперь, увидев тебя вблизи, я могу сказать, что ты не Темный, хотя носишь его тело. Клянусь Лором, Лоем и Лис... — он опустился на одно колено и протянул меч лорду Бардону, — я ваш человек... я, который у Лесного алтаря поклялся никогда не служить чужеземным повелителям.

Лорд Бардон прикоснулся к рукояти меча, но не стал брать его в руки, и глаза бывшего пленника сверкнули. Он был принят не как слуга, а как свободный человек, и то, что лорд Бардон знает это правило, больше всего поразило гортианина.

Он встал и вложил меч в ножны.

— Я жду приказов, лорд...

Это напомнило лорду Франсу о предстоящих делах.

— Мы не можем просто отпустить этих людей. Они погибнут, или их задержит другой патруль.

— Как ты думаешь, Оспик? — спросил лорд Бардон у маленького горца. — Разрешит твой вождь всей группе пройти вашим тайным путем?

Оспик потянул себя за нижнюю губу.

— Ты нанес сильный удар по «богам», чужеземец. А эти, если их снова схватят, могут проболтаться. Когда «боги» хотят, люди начинают говорить. Мы сохранили свою землю, потому что о нас не знают...

— Но если удастся провести их в долину крепости, Оспик, не думаю, чтобы они снова попали в прежние руки.

Оспик кивнул:

— Надо подумать. Но не мне принимать решение; я могу быть только посыльным. Пойдем со мной, и сам поговоришь с вождем.

— А что делать пока? Вдруг покажется еще один отряд? — спросил лорд Бардон.

— Укройте в боковом ущелье. Это место легко защищать и не показываться открыто.

И вот освобожденных пленников, имущество стражников, все, что могло оказаться полезным, унесли в небольшое боковое ущелье, которое показал Оспик. Лучники, расположив-

шись над ним, отразят любое нападение. Бардон с Оспиком ушли в гору, а все остальные скрылись в ущелье.

Постепенно шок от неожиданного спасения проходил, и горстка пленников под руководством принятого лордом Бардоном их предводителя начала заботиться о слабых и раненых и вооружаться. Видя, что он справляется с делами, трое из крепости держались в стороне, помогали, лишь когда в этом возникла необходимость. Но когда импровизированный лагерь приобрел некое подобие порядка, предводитель подошел к лорду Франсу и приветствовал его поднятой рукой ладонью вверх.

— Мы в твоём распоряжении, лорд. Но тебе, пожалуй, лучше пока не подходить к нам; среди нас есть такие, кто еще не разобрался. Они боятся и ненавидят тех, кого ты напоминаешь внешне, а нам очень редко удается приблизиться к Темному на расстояние удара мечом. И кто-нибудь, с помутившимся рассудком, может попытаться проверить твоё бессмертие металлом...

— Но ты теперь этого не желаешь?

— Нет, лорд. Я Капал, некогда я был командиром отряда свободных в пустыне. Но потом меня захватили и умили (так они считали) ошейником слуги Темных. С тех пор как Темные навязали нам своё правление, мы прячемся, сражаемся и снова прячемся в пустыне. Умираем мы почти всегда в битве с мечом в руке. Нас теперь осталось совсем мало. Когда они захватили Кваар, осталось лишь несколько наших постов, и их захватывают один за другим. Мы умираем, но умираем свободными! — Его единственный глаз устремился на большой лук звездного повелителя. — Но если у нас окажется это оружие, которое убивает бесшумно и на расстоянии, нам не нужно больше будет умирать безнадежно...

— Может быть. Посмотрим...

Капал принял это как обещание лучшего будущего.

— Отпусти меня в пустыню, лорд, с этим известием, и я приведу тебе сотню бойцов, хороших бойцов, под твоё знамя! Уйду сразу, как только ты пожелаешь.

— Нет. Не мне решать такие дела, Капал. А как же эти? — Лорд Франс указал на недавних пленных. — Многие ли из них поднимут оружие против прежних господ?

— Может, они и захотят, — ответил Капал. — Но у большинства сломлен дух. Двое, может быть, трое еще откликнутся на боевой призыв. Остальные... — Он пожал плечами. — Они слишком долго носили рабский ошейник.

— Я тоже так считаю. Но если им пообещать безопасность, предоставить участок земли, где они могут жить без страха, станут ли они сеять и убирать, охотиться и выполнять работы, которые не требуют использования меча?

— Станут, лорд. Если ты знаешь такое место, куда не доберутся Темные. Но, наверно, ты сам оттуда! — Он перевел взгляд с лорда Франса на Кинкара и Джонатала. — Ясно, что эти твои стражники никогда не знали цепей или хлыста, и в то же время на них нет клейма слуг...

— А что за клеймо слуг?

— Те, кто един в духе с Темными, лорд, носят такое клеймо, чтобы все его видели. Смотри сам.

Он подошел к пленнику. Бывший стражник плевался, но Катал схватил его за волосы, поднял голову и показал знак на лбу чуть выше бровей. Глубоко выжженный раскаленным металлом символ, знакомый Кинкару и Джонаталу. Священный треугольник, но перевернутый! Оба полукровки, увидев такое святотатство, одновременно подняли скрещенные пальцы, чтобы отвратить это зло. Капал заметил их жест, а когда и лорд Франс повторил его, сказал:

— Трое... Ты служишь Лесным, лорд?

— Я служу тому, во что верю. А Трое — иное проявление того, во что я верю, Капал. Добрую веру уважают все, будь она собственная от рождения или вера твоих друзей и родичей. Но мне кажется, этот символ сознательно извращен...

— Верно, лорд. Только те, кто полностью отдает себя Темным, позволяют так пометить себя. Они гордятся тем, что все видят их знак и боятся. Но есть такие, кто не боится, а ненавидит! — Он разжал руку, и голова пленника упала на землю.

— Очень старый способ. — Лорд Франс говорил словно сам с собой. — Высмеивать и унижать то, что может стать надеждой раба. Да, старый, старый способ. Пора покончить с этим.

Они так и не узнали, каким образом лорду Бардону удалось убедить вождя. Но к концу дня он вернулся с известием, что все могут по тайному пути вернуться в крепость. Переход был долгим и медленным. А под землей остались две груды камней, обозначая могилы. Умерла женщина, которую пытался убедить поесть Кинкар, и свихнувшийся старик. Никто не знал, как его зовут и откуда он.

Переход занял больше дня, потому что приходилось часто отдыхать. Там, где позволял туннель, самых слабых сажали на ларнгов. Те, на кого указал Капал, образовали отряд под его командой. Только они интересовались окружающим.

Пленник все время оставался в окружении людей из крепости. Только так можно было обеспечить его безопасность. Но по мере углубления под землю его вызывающее поведение сменилось покорностью, он с радостью оставался возле своих победителей, шел рядом с Кинкаром или Джонаталом, как боевой соратник.

Во время пятой остановки лорд Бардон подозвал к себе Кинкара.

— По словам Оспика, мы сейчас недалеко от выхода в долину крепости. Тоси пойдет с тобой как проводник; бери своего ларнга и отправляйся за помощью. Многие уже без сил, и мы не сможем нести их в крепость. Приведи ларнгов ихвати еды...

Так уставший отряд пришел в крепость. Освобожденных рабов перевязали, накормили, а они лишь тупо удивлялись окружающему. Потом лорд Диллан созвал военный совет в верхнем помещении, которое выбрал для себя. И из всех освобожденных на этот совет был приглашен только Капал.

— Стражник открыт перед нашими методами, — сказал лорд Диллан. — Несомненно, хозяева не раз применяли их к нему. Этот человек — сейчас его нельзя считать таковым — погиб, когда на него поставили клеймо. Он отказался от собственной воли, и они могли использовать его, как хотят. Это ужасно!

— В этом у нас нет сомнений. Мы не можем думать о прошлом. Надо думать о том, что нас ждет. Вопрос в том, посмеем ли мы, с нашими ограниченными силами, выступить против тиранов? — спросил лорд Бардон.

Затянувшееся молчание нарушил лорд Джон. Он самый молодой из звездных повелителей и, по их представлениям, должно быть, такой же юный и неопытный, как Кинкар в обществе Вурда и Регена. Именно он задал простой вопрос:

— Посмеем ли мы не вмешаться?

Лорд Диллан вздохнул:

— Так оно и есть. Мы, такие, какими стали, с нашими взглядами и целями, мы не можем не вмешаться.

— Да. Но глупо отказываться от преимуществ, — заметил лорд Бардон. — Нас немного, но мы должны считать, что в нашем распоряжении армия. И должны больше знать о низинах, прежде чем решимся выступить. Вытяни у стражника все, что он знает, Диллан. И нужно установить пост на дороге, чтобы освобождать другие караваны рабов. И еще — направить разведчика в низины... Капал!

Повязка окутывала всю голову бывшего жителя пустыни, но он быстро вскочил.

— Капал, каковы шансы у разведчика в низинах?

— Очень малые, лорд. На всех дорогах выставлены посты. И все проезжающие должны отчитаться о себе. Для того, кто не знает местность, это просто невозможно.

Лорд Бардон поправил его:

— Невозможного не существует. Просто вначале нужный способ может быть неясен. Предположим, едет Темный. Посмеет ли кто-нибудь останавливать его?

Капал покачал головой:

— Лорд, Темные *никогда* не ездят по дорогам. Они не умирают от старости, но металл так же легко впивается в их плоть, как и в нашу. Они живут под охраной и передвигаются только по воздуху благодаря волшебству, известному только им. Лишь немногие могут попробовать проехать...

— Кто именно?

— Те, на ком знак зла... Такой человек может выдать себя за посыльного.

Рука Кинкара устремилась к талисману, который он держит в тайне. Глаза его по очереди переходили от одного к другому в круге, внимательно изучая собравшихся. Он уже знал ответ. Из

всех обитателей крепости только у него нет внешних признаков звездной крови. Разведчиком может стать только он.

— Я пойду...

Он не сознавал, что произнес это вслух, пока не увидел устремленный на него взгляд лорда Диллана и одобрительный кивок лорда Бардона. Кинкар попытался закрыть рукой рот, но было уже поздно.

Глава 10

БУРЯ, НОЧЬ И СВАТИЛИЩЕ

Кинкар стоял у узкого окна в комнате леди Асгар. Небо в окне приобрело светло-розовый цвет. День будет ясный, а ветер, который сметал снег со двора, стих.

— Ведь это только временно, — сказал он, не поворачивая головы.

Ему не ответили. Ответ может быть только один, а произнести его никто не решился.

— Ты не можешь это сделать... не можешь, пока на тебе Связь. — Лорд Диллан выразил в словах то, что Кинкар уже чувствовал с того времени, как сделал импульсивное предложение. — Я не уверен, что ты вообще сможешь это сделать. Такой поступок может вызвать немыслимый травматический шок...

Теперь Кинкар повернул голову.

— Это всего лишь знак...

— Знак, который отрицает все, во что ты веришь. А для носителя Связи...

Впервые за долгие минуты шевельнулась леди Асгар:

— Знак дьявола должен быть поставлен с определенными церемониями. Сам церемониал при этом воздействует на нового слугу зла. Здесь, как и всегда при преклонении, дело в эмоциях... темных или светлых. Если то же самое сделать без церемонии или сделать совсем по-другому...

— Что ты хочешь сказать?

— Этот знак наносится раскаленным металлом, верно? Я думаю, что нужно воспроизвести его другим способом — и без всяких церемоний. А Кинкар в это время должен думать о

том, что знак фальшивый, и о том, ради чего он его принимает. Пусть при этом в обеих руках держит Связь и проверяет, не оттолкнет ли она его.

Кинкар вскочил и подошел к ней.

— Леди, давай попробуем! — Если это ответ, если он может получить знак без внутреннего конфликта...

Она улыбнулась ему.

— У меня много форм волшебства, Кинкар. Посмотрим, что могут дать знания. Держи Связь в руках и думай, что ты делаешь это ради нас и почему делаешь. Если все пройдет благополучно, мы превратим тебя в послушного слугу.

Он уже был в одежде одного из стражников; одежду отобрали из добычи. Теперь Кинкар извлек камень, свое наследство, доверенное ему владыкой Стира. Держа камень в ладонях, он прошептал слова власти и почувствовал ответное тепло талисмана. И закрыл глаза.

Сосредоточившись на Связи, он ждал. Вздогнул, почувствовав прикосновение ко лбу. Три нажатия. И ничего. Связь спокойна, она не умерла, как он опасался.

— Все? — спросила леди Асгар.

— Все, — ответил лорд Диллан.

Кинкар открыл глаза и рассмеялся.

— Никаких перемен. Связь не изменилась!

Лорд Диллан облегченно вздохнул.

— Ты права, Асгар. Он может идти. Отдай ей талисман, Кинкар, она его сохранит... — Но он замолчал, увидев, как Кинкар отрицательно покачал головой:

— Нет, лорд. Он меня не отверг. Поэтому он по-прежнему на моей ответственности, и я не могу никому передать его.

— Если его найдут у тебя, если только заподозрят, что ты его носишь... Результат будет хуже, чем ты можешь себе представить. На нашем Горте его нужно было хранить в тайне, хотя все почитают этот талисман. А здесь?

Но Кинкар уже вернул камень на обычное место у себя под одеждой на груди.

— Все это, наверно, правда, лорд. Но я знаю только, что не должен никому отдавать камень, если он не будет готов к этому. Такова природа Связи. Если бы я оставил его здесь, меня

бы тянуло назад и я не смог бы завершить свое дело. Он часть меня, пока я хранитель, и кончиться это может только с моей смертью — или раньше, но по его желанию.

— Он прав. — В голосе леди Асгар звучала тревога. — Вы знаете, мы так и не смогли установить, в чем тайна Связи. Это его долг и его судьба. А может быть... — Она помолчала и добавила: — А может быть, и его спасение!

Вместе они вышли из зала во двор. Было еще очень рано, и их никто не видел. Сим был оседлан и стоял наготове. Капал подвел ларнга.

— Карта у тебя есть? — спросил он, когда Кинкар взял повод и сел в седло. — Подумай еще раз, молодой лорд, может, мне стоит надеть рабский ошейник и идти с тобой рядом?

Кинкар покачал головой и чуть криво улыбнулся.

— Возвращайся в свою пустыню, Капал, и поднимай людей. Будь уверен, я не стану рисковать. А все, что мы узнали от стражника, здесь. — Он поднес руку ко лбу, но не коснулся его, вспомнив, что там нарисовано.

Пленник все рассказал, и рассказал подробно. Лорд Диллан, лекарь больного разума, мог при желании заставить говорить любого. И все, что рассказал стражник, теперь в распоряжении Кинкара: пароли для прохода через посты, обычаи, манеры, все то, что позволит ему благополучно добраться до города в низине У-Сиппара и так же благополучно выйти из него.

Не прощаясь, Кинкар направил Сима в открытые ворота и выехал из крепости ясным утром прямо в проход, ведущий к низинам. И не оборачивался. Как уехал из Стира, так и теперь он оставил свой новый безопасный дом ради будущего. Это будущее возможно, но отчасти оно зависит и от него.

Но утро недолго оставалось ясным. Ветер, развевавший полы плаща, был поразительно теплым. А это для опытного охотника предупреждение об опасности. Возможно, близка одна из неожиданных зимних оттепелей, когда местность заливают дожди, превращая ее в болото. И дождь этот в секунды превращается в лед, и снова начинается холод.

Карта, составленная Капалом по собственным воспоминаниям и показаниям пленного, которая сейчас хранится в памяти Кинкара, свидетельствует, что впереди широкая открытая

равнина. Между ним и населенной местностью обширная лесистая низина. Он собирался ехать на юг по ее краю до одной из рек, потом вдоль реки повернуть к морю. Но, может, в связи с приближающейся бурей лес предоставит лучшее убежище.

У этого Горта иная история, чем у его собственного, еще до появления звездных кораблей. Это они узнали за последние два дня. На его Горте чужеземцы высадились тогда, когда местное население еще не вышло из варварства, Горт был миром кочевых племен, без городов, без деревень. Первые крепости появились под влиянием знаний звездных людей. И потому в обычаях, законах, образе жизни сохранилось многое от кочевников.

Но этот Горт уже далеко ушел от первобытной жизни, когда на нем появились звездные повелители, сокрушили развивающуюся цивилизацию, истребили местных вождей, тех, кто строил такие крепости, как эта, в соответствии со старыми обычаями и религией. На его собственном Горте звездные люди пытались возвысить аборигенов, здесь они действовали в противоположном направлении, старались низвести их до тупого рабства. Чтобы люди стояли ниже суарда, морда и ларнга. Ведь это дикие животные, и их свирепая независимость возрождается с каждым поколением.

Здесь пришельцы не только не скрещивались с аборигенами — они считали такую связь невероятно непристойной, святотатственной; именно поэтому Капалу труднее всего было понять, что большинство обитателей крепости полукровки. Но это обстоятельство могло стать и преимуществом: Темных очень мало. В каждом поколении всего горстка новорожденных, а смерть в несчастных случаях и на дуэлях друг с другом все больше уменьшает число господ.

Каждый Темный находится в состоянии хрупкого перемирия со всеми остальными; их приближенные по капризу повелителя или из-за непонятого им оскорбления всегда готовы к схватке. Темные боятся друг друга, и их страх не проходит ни во время битв, ни при разорении крепостей. Но при первых же признаках восстания — а таких восстаний, по словам Капала, было много — взаимное недоверие и ненависть чужаков забываются, они объединяются и расправляются с восставшими. И в последние годы искры свободы можно найти только

в пустыне. А правители-чужаки методично уничтожают и эти остатки, один за другим, как человек топчет подошвами сапог насекомых, безнадежно прячущихся в пыли.

Сим шел быстро. По покрытой снегом равнине идти легче, чем по извилистым тропам в холмах, и к середине утра эти холмы превратились в слабую пурпурную линию на северо-востоке. Продолжал дуть устойчивый теплый ветер, снег под его прикосновением таял, полосами показалась трава.

Но ларнг не был доволен. Он все время принохивался к ветру и фыркал. И дважды без приказа всадника удлинял шаг. Они остановились передохнуть на вершине небольшого холма, и Сим испустил дрожащий крик. В отдалении двигались тени, и Кинкар ухватился за рукоять меча. Не в первый раз пожалел он, что пришлось оставить новый лук. Но эти далекие ларнги без всадников. Табун диких животных. В теплое время года здесь неплохо бы отловить их. Сим и еще несколько подготовленных ларнгов отведут их в загон... Да ведь так можно будет всех жителей крепости снабдить запасными верховыми животными!

Но доживет ли крепость до наступления теплого времени? Охотничий энтузиазм сменился дурным предчувствием. В последние дни ничего не говорили о новых воротах, о новых Гортах. После того, как все узнали о судьбе этого мира, такие разговоры прекратились. И Кинкар был уверен: звездные повелители намерены исправить причиненное этому миру зло, прежде чем снова начнут пересекать время. А это означает, что мирной охоты на ларнгов не будет.

Кинкар дернул Сима за ушные поводья, чтобы призвать его к порядку, и ларнг снова двинулся своим размеренным, пожирающим расстояния шагом. Всадник был уверен, что темная линия на юго-западе означает край леса, который он ищет. И вовремя увидел он лес, потому что теперь теплый ветер стал горячим. Полосы снега встречались все реже и становились меньше по размерам.

А на небе появились тучи, пригнанные слишком теплым ветром, тяжелые темные дождевые тучи, которые распирает от воды, как водяные мешки путешественников.

Первые капли упали Кинкару на плечи, смочили зимнюю шерсть Сима. Кинкар плотнее запахнулся в плащ и наклонил

голову. Ему хотелось бы совсем спрятать ее между плечами, как это делает ящерица лакер. Сим покачал длинной шеей, с отвращением фыркнул и буквально полетел, как стрела, к отдаленному лесу, обещающему убежище.

Они насквозь промокли, пока добрались до деревьев. Их листва давала бы хорошее укрытие, но теперь дождь пробивал голые ветви и резал, как ножом. И ветер перестал быть теплым, в нем чувствовался лед. Влага на древесной коре быстро замерзала, превращаясь в ледяную корку.

Где-то нужно найти убежище. Раздражение Кинкара перешло в опасения. Тучи превратили утро в ночь. Если они пойдут слепо вперед, могут оказаться на территории, не нанесенной на карту. Но стоять под ледяным дождем значило самим замерзнуть.

Кинкар попытался направить Сима на юго-запад, надеясь, что извилистая тропа приведет их к реке. В любом случае нужно двигаться. Он теперь шел пешком, держал повод в руках и находил дорогу между стволами. И уже, наверно, несколько минут шел по старой дороге, прежде чем обратил внимание на следы, оставленные когда-то людьми. Большие деревья расступились, древняя дорога заросла кустами и молодыми деревцами. И тут сверкнула молния, и Кинкар в ее свете увидел гладкие каменные блоки, вдавленные в землю. Он на мощеной дороге!

Она идет как будто прямо, и он свернул на нее, потому что не решался больше бродить бесцельно в поисках реки. По крайней мере дорога приведет куда-нибудь. И он, если пойдет по ней, избавится от судьбы многих путников, не будет ходить кругами. Дорога, связывающая горы с морем. Вполне логично, что она существует. Может, идя по ней, он даже минует сторожевые посты. Приободрившись, Кинкар двинулся по дороге, таща за собой Сима. Кусты, сквозь которые приходилось пробираться, обдавали его потоками воды.

Но очень скоро стало ясно, что найти древнюю дорогу и воспользоваться ею как проводником еще недостаточно. Нужно убежище, защита от усиливающейся бури. Кинкар начал оглядываться в поисках упавшего дерева, рядом с которым можно было бы соорудить охотничий шалаш.

Все это изменил Сим. Ларнг закричал и дернул головой, чуть не вывернув Кинкару руку. Потом встал на дыбы, гро-

зя всаднику когтистыми передними лапами. Так он приучен встречать врага при нападении. Захваченный врасплох, Кинкар выпустил повод и спрыгнул назад, чтобы не упасть.

Освободившись, Сим поскакал вперед, сразу превратившись в еле заметную тень. Он промчался между двумя деревьями и исчез, прежде чем Кинкар успел догнать его. Тяжело дыша, спотыкаясь, гортианин побежал вперед, пытаясь не упустить ларнга из вида. И время от времени ему удавалось увидеть корпус животного.

Потом Сим совершенно исчез. Чуть не плача от раздражения и гнева, Кинкар побрел в том направлении, где последний раз его видел, и столкнулся с преградой.

Пальцы протянутой руки скользнули по обледеневшему камню. Стена... здание!.. Потом рука встретила пустоту, и Кинкар увидел отверстие. Он бросился вперед и оказался под крышей, которую не видел. Наконец он избавился от дождя. Впереди фыркнул Сим. Он нашел это убежище раньше.

Кинкар пробрался через груды листвы. Под его тяжестью трещали мелкие ветки. Сбросив промокший плащ, он сгреб в груды сухую листву и только тогда достал глиняный горшочек горцев с его приветливым горячим углем.

Вначале он был слишком занят огнем, чтобы обратить внимание на строение, в которое привел его Сим. Но когда костер разгорелся, Кинкар огляделся в поисках топлива — и понял, что его запасы очень ограничены. Груда высушенных листьев и немного прогнивших ветвей, все маленькие. Кинкар собрал все это и только тогда заметил, что есть еще одна дверь, ведущая внутрь.

Мало надежды отыскать там дрова, но надо проверить. Поэтому Кинкар протиснулся мимо Сима и прошел во внутреннее помещение. Свет костра сюда не проникал. Но не темнота заставила его заколебаться.

Когда Кинкар проходил врата чужаков, талисман, который был на нем, воспринял их энергию, и к его телу словно приложили раскаленное клеймо. Но здесь он почувствовал нечто совершенно другое.

Мягкое тепло, а не обжигающий жар. Но прежде всего возбуждающее, щекочущее ощущение жизни, обострения чувств, новая глубина сознания. И вера в праведность всего этого...

Сколько времени он стоял так, поглощенный ощущением благополучия? Время потеряло всякий смысл. Забыты костер, необходимость раздобыть дрова, барабанная дробь дождя по крыше. Кинкар двинулся в темноту, теплую, живую, зовущую, безопасную. Он чувствовал себя, как ребенок, закутанный в покров из шкуры суарда и спящий рядом с матерью.

Теперь здесь светло. Темнота по-прежнему висит перед глазами, но у него открылось новое, истинное зрение. Пальцы его быстро и уверенно расстегнули куртку, потом кожаную рубашку. И в руках его оказалась Связь. Она горела неярким синевато-зеленым свечением, как светится плодородная земля, покрытая молодой растительностью.

Перед ним алтарь, квадратный каменный стол, без резьбы, сделанный с той простотой, с какой делаются гробницы. Просто каменный стол. Но Кинкар видел такие и раньше, хотя никогда ему не приходилось пробуждаться и быть призванным к такому алтарю.

На поверхности стола три ямки, три небольших углубления. Кинкар остановился, прижавшись к камню. Ему не нужно было наклоняться, чтобы проделать со Связью необходимые движения. Связь — это ключ, который человек может применить только раз в жизни, и сам человек после этого становится иным.

— Лор! — Он отчетливо произнес Имя и опустил камень в углубление слева.

— Лой! — Теперь направо.

— Лис! — В центр. И эхо Трех Имен музыкой повисло в помещении.

Неужели на стене появились три огненных круга? Три головы, три лица, спокойных, нечеловечески серьезных? Его мозг, усвоивший сотни легенд, должно быть, подводит его. Он видит то, чего не может быть.

Лор... Тот из Трех, кто дает силу человеку, кто направляет его руку с мечом... прекрасный юноша...

Лой... Тот, что дает мудрость, силу разума... мужчина средних лет со спокойным лицом, на котором написаны ум и опыт...

Лис... Дающая дары сердца, приносящая детей в руки матерей, связывающая сердца людей дружбой. Неужели между двумя мужскими лицами женское?

Кинкар впоследствии никогда не мог описать увиденное. Он стоял на коленях, положив руки на алтарь, Связь ярко светилась в углублении, посвященном Лис. Опустив голову, он коснулся постыдным знаком камня, но свечение Связи не ослабло.

И Кинкар уснул. Он видел много снов. Ему показывали такое, что он никак не сможет вспомнить, проснувшись. Он понимал это в своем сне и был печален. Но есть причина для этой забывчивости, и он признавал ее.

Наверно, этот алтарь давно не знал посетителей, в нем накопилась огромная сила и теперь волной устремилась к Кинкару, поглотила его. Он изменился и в своем сне понимал это, сторонился того, кем был раньше, как сторонился некогда смешанной крови.

Наступило утро. Серые каменные стены, плоский стол под головой с тремя небольшими ямками, в одной ямке камень с цепочкой. Кинкар встал и вышел, не оглядываясь на мертвое помещение. Да, теперь оно мертво. То, что оживило его ночью, исчезло, выдохлось.

Глава 11

ЗЛОПОЛУЧНАЯ ВСТРЕЧА

Странное чувство отчужденности от повседневного мира прошло, когда Кинкар вышел во внешнее помещение святилища. Воспоминания о ночи гасли, ослабло ощущение единства с Тремя, ощущение их поддержки.

Почерневшее пятно на полу обозначало место, где он несколько часов назад разжег костер. Сим стоял у стены; защищенный от дождя и ветра, он грелся теплом собственного тела и был доволен. Когда Кинкар подошел к нему, ларнг открыл верхнюю пару глаз, пошевелил толстыми губами, предлагая поделиться припасами. Кинкар размял в руках дорожную лепешку, и Сим слизал все до последней крошки, а сам Кинкар поел совсем немного, скорее по обязанности, чем из чувства голода.

Буря набросила на весь мир хрустальную ледяную пленку. Но солнце уже взшло, и было достаточно холодно, чтобы не опасаться новой неожиданной оттепели. За такими бурями, как

вчерашня, обычно следует хорошая погода. Однако ледяная корка заставила Кинкара отказаться от езды верхом, он осторожно пошел к старой дороге, и Сим послушно шел за ним.

Действительно, очень давно никто не пользовался этой дорогой. Она быстро зарастала лесом, ее поверхность разрывали корни, сквозь нее прорастали деревья. Но строители дороги не уступали в мастерстве тем, кто соорудил крепость, и их работа была рассчитана не на один год. И лес еще не вполне покорил дорогу.

Благодаря своему охотничьему чутью Кинкар знал, что направляется на запад, не отклоняясь к югу, как первоначально планировал. И так как забытая дорога его устраивала, он намерен был держаться ее, чтобы проехать лес и выйти на открытое пространство, где придется с большей осторожностью добираться до У-Сиппара.

День приближался к концу, когда деревья начали редеть и Сим прошел через последние кустарники пограничной с морем местности. В сущности, лес подходил к самому берегу океана. Но порт, к которому некогда вела дорога, теперь лежал в развалинах, лишённые крыш здания свидетельствовали о долгих годах воздействия бурь и дождя, а место, где когда-то находилась пристань, было обозначено единственным столбом.

Но все же жизнь цеплялась за этот участок берега. На песке вверх дном лежала лодка с недавно починенными бортами. А из хижины, сложенной из камней разного размера, тянулся дым.

Насколько мог видеть Кинкар, никакого сторожевого поста здесь нет. Ничто не свидетельствует, что здесь командуют наемники Темных. Он решил, что какой-то рыбак нашел убежище в древнем порту, чтобы закинуть свою сеть в эти пустынные воды.

Кинкар опустил повод, и Сим шел по заросшей, покрытой почвой дороге, пробираясь между грудками прошлогодней листвы. Осмотрев привычным взглядом здания, окна которых походили на глазницы черепов, Кинкар решил, что здесь проходила битва. Жители города сражались безнадежно, но решительно, переходили от дома к дому, от стены к стене. Даже многолетние дожди не могли уничтожить следы огня. Расколо-

тое дерево свидетельствует о том, что двери и окна домов рубили топорами.

Неудивительно, что с того дня город покинут. Немногие пережили разграбление, и если победитель решил не восстанавливать город... Наверно, его оставили как предупреждение и угрозу на все времена. На его собственном Горте купцы умело орудовали мечом. Им приходилось этому учиться: большинство торговых маршрутов пролегает через пустынные местности. Торговцы не бросают вызов каждому встречному, но умело обороняются; многих честолюбивых владельцев крепостей, мечтающих обложить их новым незаконным налогом за то, что торговый маршрут пролегает через их земли, они заставили отказаться от своих намерений. Если это был город торговцев, нападающие не добились своего. Кинкару хотелось в это верить, хотя он не знал, что произошло здесь на самом деле, мог только догадываться.

Морские птицы, стервятники приливов, кричали над головой. Но если не считать лодки и струйки дыма из хижины, на берегу нет никаких признаков жизни. Кинкар не знал, далеко ли он от У-Сиппара. Но это тоже порт, и ему нужно только идти вдоль берега, чтобы найти его. Однако куда идти, на север или на юг? Да и двигаться по ночам неразумно. Заблудившийся путник по всем законам имеет право попросить убежище на его Горте. Может, этот обычай существует и здесь.

Кинкар направил Сима к хижине на берегу. Больше всего его привлекла мысль о пище, которую могут готовить на этом огне. Рыбак, вероятно, живет результатами своих трудов. Кинкар представил себе блюда, которые на берегу должны быть обычными, но в горах считаются деликатесом, например моллюски.

Когтистые ноги Сима ступали по песку бесшумно, но, должно быть, за Кинкаром все время следили через одну из многочисленных щелей в стенах хижины. Прежде чем он смог спешиться или просто окликнуть тех, кто в доме, оттуда вышел человек, захлопнул за собой деревянную дверь и прислонился к ней спиной, словно готовый защищать ее ценой собственной жизни.

В правой руке он держал оружие, которое Кинкар видел всего раз, его как диковинку демонстрировал проезжий купец.

Длинное древко, заканчивающееся зазубренным наконечником, напоминающим гигантский рыболовный крючок. В сущности, так оно и есть. Торговец наглядно показал изумленным жителям Стира, как пользуются этим оружием. Брошенное опытной рукой, оно пробивает кольчугу и плоть, сбрасывает всадника на землю, где его можно ударить кинжалом или топтать. А этот рыбак держит свое странное оружие так, что видно: он к нему привык.

Кинкар взял поводья Сима в одну руку, а другую поднял в старом универсальном жесте мира. Но на лице человека, в его мрачных глазах не было мира. Его одежда, несмотря на холодную погоду, всего лишь грязные тряпки, руки и ноги, исцарапанные, с растрескавшейся кожей, голые, а худые щеки свидетельствуют о постоянном голоде. Если он добывает себе пищу в море, то не очень успешно.

— Я пришел с миром, — медленно сказал Кинкар, с уверенностью, с какой привык разговаривать с крестьянами Стира.

Ответа не было. Человек его словно не слышал. Только крюк поворачивался в руках, а мрачный взгляд не отрывался от всадника и ларнга, словно это не только враг, но и — пища!

Кинкар сидел неподвижно. Может, никакой это не рыбак, а разбойник, доведенный до отчаяния. Таких людей нужно опасаться, потому что отчаяние приводит их на грань безумия; такого человека не останавливает никакая опасность. Кинкар почему-то был уверен, что, если извлечет меч, если хоть ненадолго приблизит руку к рукояти, крюк взметнется...

Но слабость подвела человека. Кинкар сжал колени, и ларнг правильно истолковал движение рук противника, его напрягшую челюсть. Крюк, ударившись о плечо, застрял в складках плаща. Кинкар мгновенно дернул его, вырвал трос, привязанный к крюку, из рук противника, так что тот потерял равновесие и упал лицом в песок. Обезоруженный не издал ни звука. Он мгновение лежал неподвижно, затем с поразительной быстротой откатился и снова прижался спиной к двери хижины. Стоя на коленях, прижимаясь к посеревшему от соли дереву, держась руками за раму, он явно подставлял свое тело как преграду на пути Кинкара.

Кинкар высвободил крюк из складок плаща и бросил его на землю. Оружие теперь далеко от прежнего владельца, а са-

мому Кинкару совсем не хотелось пускать его в ход. Но меч он не обнажил.

— Я пришел с миром, — снова твердо сказал он. Он надеялся, что это подействует на обитателя хижины, пробьет туман его отчаяния. Кинкар снова протянул пустые руки. Вероятно, можно уехать и найти убежище где-нибудь в другом месте. Но этот человек может выследить его и устроить засаду на берегу. Сейчас уже поздно уезжать.

— Муррен?..

Это призыв изнутри хижины. Ее сторож прижался к двери еще сильнее, быстро поворачивая голову по сторонам в тщетной попытке найти несуществующий путь для бегства.

— Муррен?.. — Голос тонкий, как крик призрачной морской птицы. Но тем не менее перекрывающий шум волн.

— Я не причиню тебе вреда... — снова заговорил Кинкар. Он забыл, что на нем одежда стражника, на лбу ложный знак. Он знал только, что не сможет уехать — не только ради собственной безопасности, но и потому, что нужно узнать, что так отчаянно и безнадежно пытается защитить рыбака и кто зовет из-за закрытой двери.

— Муррен?.. — В третий раз тот же призыв. И кое-что еще, какой-то глухой удар о дерево, словно тот, кто внутри, пытается освободиться. — Муррен... умер? — В голосе звучали истерические нотки, и человек как будто впервые услышал его. Он прижался щекой к дереву и испустил собственный хриплый звук, подобный реву животного.

— Выпусти, Муррен... — просил голос. Удары о дерево стали громче. — Выпусти меня отсюда!

Но человек упрямо оставался на месте, прижимаясь плечами к двери, как будто неповиновение этому приказу само по себе причиняло ему боль. Кинкар дернул повод, и Сим сделал шаг вперед. Человек сжался, зарычал, глаза его стали дикими. Он, должно быть, узнал обученного для битвы ларнга и ожидал, что вот сейчас когти начнут рвать его. Но остался на месте.

Он мог охранять дверь, но не всю хижину. Послышался звук раскалываемого дерева, и человек вскочил на ноги. Слишком поздно, потому что из-за угла хижины показался другой. В такой же изорванной одежде, но совсем иной. Тот, что защищал

дверь, плотный, с толстыми руками крестьянина. Он мог быть смотрителем ларнгов, стражником в какой-нибудь крепости, может быть, младшим офицером. Но он не военный предводитель и не наследник крепости.

А вот второй — совсем другое дело. Гортианин благородного происхождения, насколько мог судить Кинкар, а не забитый раб. У него силы явно подходили к концу, он покачнулся и одной рукой ухватился за стену хижины. Его тонкое юношеское лицо было истощенным и измученным, но плечи расправлены, словно на них тяжелая кольчуга.

Он остановился возле человека, и оба повернулись к Кинкару, безоружные и вызывающие. Юноша откинул голову и заговорил:

— Ты нас поймал, слуга. Зови своих людей. Если ждешь, что мы будем умолять о быстрой смерти, то будешь разочарован. Муррен не может просить. Да и не стал бы, если бы мог. А я так же лишен голоса, как и он после ваших ножей. Пусть лорд Руд получит свое удовольствие полностью. Но даже Темный не может навсегда оттянуть смерть!

— Поверь мне... я не служу лорду Руду, я не из его приспешников. — Кинкар пытался говорить как можно искреннее. — Я путник, ищу убежища на ночь...

— Кто может ждать, что слуга заговорит прямо? — В каждом слове слышна усталость. — Хотя и не могу понять, какую выгоду тебе приносит такая ложь. Возьми нас, и покончим с этим!

Муррен положил руки на плечи юноши, пытаясь отодвинуть его назад, прикрыть своим телом. Но тот сопротивлялся.

— Все кончено, Муррен. Свисти своих людей, слуга зла!

Кинкар спешил, протянул вперед пустые руки:

— Я не охочусь за вами.

Наконец это дошло до молодого человека. Он прислонился к Муррену, держась за него рукой.

— Значит, ты не охотишься за нами: тебя не послали из У-Сиппара, чтобы загнать нас. Но тогда мы будем твоим даром лорду Руду. Надевай на нас ошейники и веди, и лорд Руд наградит тебя.

Кинкар сделал жест, который, как он надеялся, смягчит их позорения. Он достал из сумки дорожную лепешку и сушеное мясо

и бросил на землю между этими двумя. Лепешка ударилась о ногу Муррена. Тот смотрел на нее, словно это огненная стрела из оружия звездных повелителей. Потом выпустил юношу, наклонился и поднял лепешку, удивляясь тому, что нашел в обертке.

Кусок лепешки он сунул юноше в руку и свой собственный голод выразил стонущим криком. Они набили едой рты. Кинкар был потрясен. Пленники, которых он помогал освободить на дороге, все, кроме Капала, были так заняты своими несчастьями, что почти не казались людьми. Он заботился о них, как заботился о Воркен, когда у нее было обожжено крыло, как заботился бы о Симе. Но эти двое, не рабы, апатичны, подобны животным в своем принятии боли и унижения.

— Кто ты? — Юноша проглотил лепешку и теперь жевал мясо, разглядывая Кинкара, как сам Кинкар мог бы смотреть на лорда Диллана, занятого звездным волшебством.

— Я Кинкар из Стира... — Лучше не называть себя с`Рудом здесь. И все время нужно помнить, что это не его Горт. Лорд Руд, тиран из У-Сиппара, совсем не тот лорд Руд, который был его отцом.

— Стир... — Юноша покачал головой. Это название явно ничего ему не говорило.

— В горах. — Кинкар указал расположение Стира. Может быть, здесь его вообще нет.

Юноша, по-прежнему держа в руке мясо, но словно забыв о нем, подошел и остановился прямо перед Кинкаром. Он изучал лицо полугортианина так внимательно, как будто намерен был на всю жизнь его запомнить. Потом коснулся пальцем знака и тут же убрал руку.

— Кто ты? — снова спросил он, на этот раз с властью лорда.

— Я тебе сказал правду: я Кинкар из Стира... в горах.

— Ты очень смел, горец!

— Как это?

— Ты носишь это и одновременно не носишь... Нет. — Он покачал головой. — Я ни о чем не спрашиваю. Не хочу знать, что привело тебя сюда. Мы можем быть опасны друг другу.

— А ты кто? — в свою очередь спросил Кинкар.

Тот ответил с сухой усмешкой:

— Тот, кто не должен был родиться. И кто не будет существовать, как только лорд Руд меня найдет. А он нас найдет обязательно, мы с Мурреном уже в конце пути. У меня нет имени, Кинкар из Стира, и тебе лучше забыть, что наши дороги скрещивались. Конечно, если не хочешь заработать хороший прием в У-Сиппаре, отвезя меня туда...

— А тем временем, — с намеренной небрежностью спросил Кинкар, — не пустите ли вы меня переночевать?

Если юноша готов был принять его — не как друга, а как небольшую помеху, — Муррен был настроен совсем иначе. Когда Кинкар сделал шаг вперед, Муррен оскалил зубы, как морд в своей голодной улыбке. Импульсивно полугортианин сделал то, что могло поставить его жизнь в опасность, но это была единственная демонстрация доброй воли, какую он смог придумать. Он вернулся, поднял крюк и послал его по песку и гравию.

Муррен мгновенно наклонился, пальцы его сжали древко. Но юноша так же быстро перехватил его руку.

— Не понимаю, как ты бросаешь кости в игре, — сказал он Кинкару, — но готов признать, что ты не будешь действовать, как другие с этим грязным знаком. Муррен, не этот!

Старший выразил хриплый протест, и в этот момент Кинкар испытал подлинный ужас: он увидел, что у Муррена отрезан язык! Юноша отвел его от двери.

— Если тебе нужно убежище, незнакомец, входи. Мы оба можем помолчать.

У них не было еды, зато был огонь, и в хижине теплее, чем снаружи, и за стенами безопасней. Кинкар привязал поблизости Сима и покормил его. Муррен не отходил от него и не расставался с крюком. Только власть юноши не давала ему воспользоваться оружием. Когда все трое вошли в хижину, Муррен остался у двери, он неотрывно смотрел на Кинкара, ожидая малейшего ложного движения.

Но Кинкар был доволен возможностью сесть у костра из плавника и надеялся со временем кое-что разузнать у своих случайных знакомых. Слова юноши о лорде Руде ясно свидетельствуют, что за ними охотятся, как за преступниками, но они знают У-Сиппар и могут направить Кинкара к нему. Однако надо задать вопросы так, чтобы не вызвать подозрений.

А Кинкар не изучал специально ум человека. Нужно быть лордом Дилланом или леди Асгар, чтобы развеять опасения собеседника и заставить его свободно говорить. Времени для этого у него очень мало. Странно, но начало положил юноша.

— Ты едешь в У-Сиппар?

— Да...

Юноша рассмеялся.

— Ты не мог явиться оттуда. Нас ищут. Следи за тем, что говоришь... и как едешь, человек из Стира. Морды лорда Руда проголодались, и им скармливают тех, кто не может объяснить свои действия.

— Даже тех, у кого это? — Кинкар указал на свой лоб.

— Теперь, может быть, даже этих. Тайна стала известна в У-Сиппаре. — Губы юноши дернулись, на лице его появилась улыбка, которая не была улыбкой. — Хотя все знающие тайну убиты, раздавлены, как сапогом, лорд Руд не уверен. Много дней и ночей будет он допрашивать всех. Подумай трижды, прежде чем ехать в город без правдоподобной истории, Кинкар.

Сделал ли он ударение на слове «трижды»? Кинкар решил рискнуть. Он протянул руку к костру; пальцы его, отчетливо видные в красном свете, сделали определенный знак.

Юноша ничего не сказал, может быть, не понял. Лицо его приняло бесстрастное выражение, он довольно долго сидел молча. Потом протянул правую руку и дал правильный ответ.

— Тем более тебе нужно сторониться У-Сиппара.

Но предупреждение это запоздало. У Сима нет острого зрения Воркен, но все равно он чувствительней людей. Он крикнул, как кричит самец ларнга, бросая вызов другому самцу. Все трое вскочили на ноги.

— Злополучная была встреча, человек из Стира, — сказал юноша. — Тебя захватили вместе с нами. Но ты еще можешь спастись... — Он напряженно ждал, и Кинкар догадался, о чем он думает.

Заявить, что эти двое его пленники. Конечно, этим можно заслужить милость. Но он достал из-за пояса кинжал и бросил безоружному юноше, который ловко поймал оружие в воздухе.

— Посмотрим, для кого злополучная! — ответил Кинкар.

Глава 12

ВСТРЕЧА С ЛОРДОМ РУДОМ

Кинкару казалось, что нет смысла оставаться в хижине, дожидаясь, пока их выкурят, как мальчишки выкуривают крысу кау из норы. Для боя на мечах нужно место. Ему пришлось отодвинуть Муррена, чтобы выйти. Юноша последовал за ним. Лишенный языка по-прежнему лепетал протесты, когда они вышли в сумерки.

Но света оставалось достаточно, чтобы увидеть, что их везение кончилось. Хижину окружили всадники, все держали наготове копыя. На Симе Кинкар мог бы вырваться на свободу. Его ларнг хорошо выучен и быстр, на нем можно уйти от погони. Однако Кинкару не пришлось в голову покинуть этих двоих.

Но Муррен не упустил такую возможность, доказав, что он не крестьянин, а воин. Это он прыгнул на голую спину Сима и, наклонившись, подхватил юношу. Ударил кулаком в подбородок, и юноша обвис. Муррен бросил хозяина себе на колени и поскакал в глубину суши, размахивая крюком. Он пронесся через стену всадников. Неожиданность и ярость нападения ошеломили всадников, как и Кинкара.

Крюк взметнулся, опустился. Ошеломленный всадник упал, в стене образовалась брешь. Муррен воспользовался ею, Сим прыгнул, как загнанный суард. Послышались крики офицера, и несколько всадников устремились в погоню.

А четверо или пятеро оставшихся направились к Кинкару, который стоял у хижины, напряженно ожидая. Может, удастся отговориться, сказать, что Муррен и юноша были его пленниками, но сумели убежать? Но факты слишком ясны. Муррен был вооружен и сумел воспользоваться Симом.

Копья против меча. В лучшем случае неравный бой. Кинкар напряженно держал плащ, готовый обернуть острие копыя. Если бы встреча происходила ночью, у него оставалась бы слабая надежда скрыться в темноте. Но они преградили ему дорогу к морю, уплыть никакой надежды, а до ближайших развалин старого города большая открытая береговая полоса. Однако сдаваться без боя — об этом он и думать не хочет.

А они этого ждут. Ближайший воин окликнул его.

— Опустить меч, незнакомец! Мир Богов между нами...

Не мир Трех, а мир Богов. Ложных богов. И такое предложение ничего не значит. Кинкар не ответил.

— Заколоти его! — проворчал один из копейщиков.

— Нет! — возразил другой. — Лорд Руд захочет поговорить с человеком, встреченным в обществе... — Он смолк, словно опасаясь, что сказал лишнее. — Прихвати этого пленника, если не хочешь, чтобы лорд Руд поговорил с тобой, слабоумный!

К нему направились с трех сторон. Кинкар бросил плащ, мечом отвел одно копьё. Но тут встал на дыбы ларнг со своими рвущими когтями. Кинкар бросился в сторону и упал на колени. И прежде чем смог встать, тупой конец копья ударил его в спину, воздух вырвался у него из легких, и он упал на песок. Через мгновение все набросились на него, прижали лицом к песку и камню, связали руки за спиной. Потом ненадолго оставили его, кашляющего и задыхающегося, а сами стали совещаться.

На какое-то время Кинкара занимало одно трудное дело — дыхание. Он не успел отдышаться, как его подняли и грубо бросили на загривок потного ларнга.

Кинкар замерз во время ночной поездки, у него не было плаща. Но эти всадники, похоже, хорошо знакомы с дорогой, если решаются ездить по ночам. Или так боятся своего господина, что торопятся доставить ему сообщение. Однако путешествие головой вниз не способствует логическому мышлению или обдумыванию планов на будущее. К концу пути Кинкар едва не потерял сознание. Когда его сбросили с ларнга, он был вял, как пара седельных сумок.

Сквозь туман он ощутил тупую боль. Кто-то сапогом перевернул его на спину. В глаза ему ударил ослепительный свет.

— ... он?

— ... знак...

— Чей человек?

Отрывки вопросов, не имеющих смысла. И приказ:

— Заприте его в камеру и доложите. Если он был с парнем, лорд Руд должен об этом узнать.

Его не стали ставить на ноги. Схватили за руки и потащили по каменному покрытию, потом вниз по лестнице. Кинкара окутало зловоние влажного подземелья и глубокая тьма. Его

толкнули так, что он прокатился еще по нескольким ступенькам. Потом грохнула дверь, и свет совершенно исчез.

Молодой гортианин оказался в неловкой позе, ноги выше головы, и постарался занять более ровное положение, цепляясь ногами за ступеньки. Все тело болело, голова кружилась от поездки, Кинкар онемел от холода. Но серьезных ран не было, и скоро он снова смог рассуждать логично.

Они упомянули лорда Руда, так что, по-видимому, он в У-Сиппаре. И Кинкар оказался здесь в самом худшем положении, задержанный в обществе тех, кого разыскивает местный правитель. Его знак заметили, но то, что он фальшивый, не обнаружили, так что у него есть еще возможность выдать себя за слугу лорда, живущего где-нибудь далеко. Очень слабая надежда, но это все, что у него осталось, и Кинкар принялся сочинять свою легенду, проверяя ее слабые места.

Когда эту легенду сочиняли в крепости, никто не думал, что ему придется встретиться лицом к лицу с Темным. Он должен был под видом слуги, ищущего найма, проникнуть в У-Сиппар. В его сумке достаточно добра, чтобы он мог не торопиться и поискать службы повыгоднее. От крепости и дежурных стражников ему следовало держаться подальше. А он оказался в самом сердце места, которого должен был опасаться.

Предположим, лорд Руд — местный лорд Руд — не хуже Диллана умеет обращаться с человеческим мозгом. Или может призвать тех, кто умеет это делать. Впервые у Кинкара появилась новая мысль. Если на этом Горте есть лорд Руд, почему бы не быть и лорду Диллану? Каково будет встретить другого лорда Диллана? Эта мысль начала медленно поворачиваться в сознании Кинкара.

Он сказал себе, что должен всегда помнить: эти звездные повелители совсем не те, кого он знает, и внешнее сходство не должно его обманывать. И еще не доказано, что догадка лорда Диллана верна, что у людей могут быть двойники-соответствия на других мирах.

Время в темноте не измеряется минутами и часами. Оно измеряется холодом, растущим голодом, болью в затекших руках и во всем теле. Кинкар пополз по полу, пока не наткнулся на стену, и потом, затратив бесконечное количество энергии,

встал. Теперь он может движениями бороться с холодом, чтобы в лучшей форме встретить испытание, которое, несомненно, его ожидает.

Держась за стену, он обошел свою камеру. Никакой мебели, только в одном углу гряда гнилой соломы, вероятно, постель многих несчастных, которые побывали здесь до него. Кинкар снова подошел к ступенькам. И посидел на них, пока холод опять его не поднял.

Кинкар не считал, сколько раз он начинал ходить, отдыхал, снова обходил камеру. Но он сидел, когда дрожь в камне подсказала ему, что идут тюремщики. Он встал и повернулся лицом к двери. Она распахнулась, ударилась о стену, и свет ударил в него сверху, снова ослепив.

— Ты на ногах, подонок? — послышался голос, в котором звучала усмешка, более зловещая, чем проклятие. — Ведите его, и пусть начальство решит, пора ли его свежевать!

Из-за света показались фигуры, Кинкара схватили и потащили вверх по лестнице и в каменный коридор. Снова ступеньки, потом дневной свет. Они вышли во двор.

Люди, которые вели его, — обычные стражники, с тупыми грубыми лицами, с пустыми глазами, в которых почти не видно искры разума. А их офицер — человек огромного роста. Кинкар чуть не решил, что это звездный повелитель, но увидел гортианские черты лица и дьявольский знак на лбу. Офицер улыбнулся, продемонстрировав отсутствие многих зубов, и склонился к Кинкару, так что тот ощутил его зловонное дыхание. Большая рука впиалась в волосы пленника и болезненно отдернула голову.

— Знак правильный, — заметил гигант. — Но ты обнаружишь, что он тебя не спасет, малыш.

— Приколоть его, Сууд? — спросил один из стражников.

Гигант выпустил Кинкара и открытой ладонью ударил спрашивающего по лицу, так что тот покачнулся и прислонился к пленнику.

— Попридержи язык, грязь! Приколешь, когда прикажет Сууд, но не раньше. Он сам будет просить об этом, прежде чем мы поднесем к нему сталь, будет! Нет, помет ларнга, он пой-

дет в зал! Ты его туда отведешь! Ты знаешь, что тот, кто там, не любит ждать!

Человек, которого он ударил, плюнул кровью. Но не протестовал против грубого обращения, даже не бросил вслед уходящему Сууду возмущенный взгляд. Кинкара провели по двору и втолкнули в другую дверь.

Пройдя под грубой каменной аркой, они оказались в совершенно другом мире. Тут не было ни камня, ни местных гобеленов, которые в крепости Стир покрывают каменные стены и спасают от холодных сквозняков. По обе стороны гладкие стены, матово блестящие, как лезвие меча. Они как будто покрыты металлом. И на их серой поверхности непрерывно пляшут радуги. Если присмотреться, то видно, что они образуют бесконечные и постоянно меняющиеся причудливые изображения.

Ничего подобного Кинкар не видел, ни о чем таком не слышал. Он решил, что это рождено чужеземным волшебством звездных повелителей. Но постарался не проявлять удивления. Если он хочет казаться слугой лорда, ищущим нового хозяина, такие картины должны быть ему знакомы.

Перед ними занавес из мерцающего материала. Стражники не коснулись его, но он сам разошелся, пропуская их. Они оказались в просторном помещении. Солнце заполняло его, оно проходило сквозь кристаллы, расположенные в сложном рисунке на крыше. От кристаллов на полу было еще множество радужных отблесков. Через равные промежутки расположены несколько дверей, все они закрыты такими же занавесами из мерцающего вещества, а в центре квадратная яма и возле нее несколько скамей. На ближайшей к Кинкару скамье неподвижно сидят два гортианина. Видно, как они напряжены. Они похожи на крестьян, которых пригласили к столу лорда по какому-то его капризу, и они не знают, что ждет их дальше. Они не поворачивали головы, не смотрели на Сууда и остальных вошедших в зал — неотрывно смотрели на человека по другую сторону ямы, как ученик смотрит на мастера, преподающего урок фехтования.

И Сууд здесь, несмотря на свой гигантский рост, выглядел незначительным. Теперь это не буйный горлопан, которого

нужно бояться, а слуга, послушный могучему лорду. Он подошел к занятой скамье и остановился в ожидании приказа.

Владыка крепости, которого так боятся стражники и который своим ростом заставил Сууда выглядеть малышом, лениво лежал на диване по ту сторону ямы. Лежал он, вытянувшись на мягкой обивке, голову положил на скрещенные руки и смотрел куда-то вниз. И ошибиться в том, кто он по рождению, невозможно. Этот человек звездной крови.

До сих пор Кинкар видел чужеземцев только в серебристой одежде, в простом платье, предназначенном для повседневного употребления. Этот человек в одежде из какого-то легкого материала, под которым видна игра мышц. Он массивен, как лорд Диллан, но четкие прекрасные линии тела Диллана здесь расплываются, словно кто-то сделал копию по той же форме, но не рукой мастера. Подбородок не твердый, а смягченный, и губы мягкие. Но самое чуждое — волосы, темно-рыжие, густые и прямые.

У Кинкара было время все это разглядеть, потому что Темный лорд внимательно смотрел в яму. Наконец оттуда послышался тонкий писк, лорд рассмеялся и опустил голову, чтобы видеть лучше.

— Прекрасно! — Он словно оценивал дуэль воинов. — Я опять выиграл, Кальпар!

Оба сидящих на скамье гортианина согласно поддакнули. Но смотрели они не в яму, а на лорда. Но вот лорд поднял голову — и увидел Сууда.

— А, Сууд... — Голос у него был бархатистый, почти ласковый, но Кинкару неожиданно стало холодно, как будто он босиком вошел в ледяную воду. Перед ним нечто такое, чего он никогда не встречал раньше. Он благоговел перед лордом Дилланом и еще больше — перед леди Асгар. Восхищался лордом Бардоном, как воин восхищается знаменитым вождем. Но никто из них не производил такого пугающего впечатления, ощущения, что ты для этого человека меньше ларнга. В этом человеке не чувствовалось даже простого интереса, какой может вызвать морд, Кинкар для него незначительнее обученного животного.

Но одновременно Кинкар ощутил растущий жар, внутреннее тепло, словно Связь снова восприняла волшебную энер-

гию звездных повелителей. Возможно, на этом Горте аборигены привыкли к такой оценке себя. Но он не привык. Кинкар смело посмотрел на Темного лорда, стараясь держать под контролем и свое отвращение, и вызов.

— Что у нас тут, Сууд... — Почти мурлыканье из-за ямы.

— Он был захвачен в убежище *тех*, лорд.

— Тот, кто помог им бежать, да. Подведи ближе героя...

Кинкара толкнули вперед, на самый край ямы. Но те, кто толкал его, остались сзади, прятались за ним от внимания своего владыки.

— И кто же ты такой? — Лорд обратился непосредственно к Кинкару.

— Я с гор, лорд... Кинкар из Стира, который был слугой лорда Симона... — Он выбрал лорда, который был хозяином плененного стражника, и надеялся, что сделал правильный выбор.

— И почему, мой добрый слуга, ты оставил службу у лорда Симона?

— Была ссора, лорд. Я убил человека, но у него есть братья, они поклялись отомстить...

Лорд Руд рассмеялся.

— Не везет тебе, Кинкар из Стира. Сначала убиваешь человека, у которого есть готовые отомстить братья, потом совершаешь очень долгое путешествие, только чтобы вмешаться не в свое дело и быть доставленным в У-Сиппар. Скажи мне, Кинкар из Стира, почему ты подружился с этими едоками грязи, которых встретил на берегу?

— Лорд, я ничего о них не знал, они сказали, что спасаются из-за кровной вражды...

— *Они* сказали? Но мне кажется, один из них не способен говорить или у него чудесным образом отрос орган, который у него отняли?

— Это сказал молодой человек, лорд, — поправился Кинкар. Он хорошо понимал, что лорд Руд играет с ним, что рано или поздно прикажет прикончить его.

— Итак, они бегут от кровной вражды? Неплохо придумано. Но они обнаружат, что от вражды уйти невозможно. Они в моих руках, как и эти...

Он указал на яму, и Кинкар впервые заглянул в нее. И увидел гортианский пейзаж в миниатюре: ручеек, деревья не выше его пальца, поляна, которую он мог бы накрыть ладонью. Но вода течет, деревья и трава растут, и какие-то существа движутся. На поляне пасется суард размером с жука. А на утоптанном участке лежит...

Кинкар глотнул. Велико звездное волшебство — но это! Он не верил собственным глазам. Внутренние люди гор — карлики, но тогда кто же эти существа? Люди по форме, люди в своей смерти, но они не могут быть людьми! И тут он понял, что изумление выдало его, потому что лорд Руд внимательно наблюдал за ним.

— Я был бы готов поверить, что ты никогда раньше не видел «малышей», Кинкар из Стира, — послышался его ласковый голос. — Но я знаю, что у лорда Симона есть отличный набор их, и войны в яме часто его забавляют. Как странно, что об этом не знают его люди! Наверно, следует еще раз спросить тебя, и спросить убедительно, кто ты такой и что делаешь в У-Сиппаре, Кинкар из Стира. Для верного слуги ты оказался в дурной компании, твое прошлое не совсем ясно, и это еще не все. Далеко не все...

— Лорд, не все, кто служит твоему величию, допускаются во внутренние помещения. — Кинкар ухватился за довод, который может спасти его. — Я не вождь, не капитан, я всего лишь молодой воин. И не мое дело, чем развлекаются старшие.

— Быстро соображаешь, это точно. — Лорд Руд зевнул. — Сообразительные аборигены — это хорошо. Сууд, перед нами загадка...

Гигант дрожал в своем стремлении услужить, как дрожит морд перед тем, как его выпустят на охоту.

— Да, лорд. Пригвоздить его?

— Сууд, Сууд! — Лорд рассмеялся. — Ты всегда торопишься. Сломаешь человека, а потом добиваешься ответа от кровавых кусков. Нет, Сууд, тут не только сообразительность, но и кое-что еще. — Лорд Руд помолчал. Глаза его, темные, жесткие, но с внутренним огнем, устремились на Кинкара. — Интересно, очень интересно. Может, Симон случайно ошибся в темноте? — Он негромко рассмеялся, словно эта мысль его позаба-

вила. — Не пригвоздить, Сууд. Во всяком случае, пока еще нет. Как я устал вечно жить в стенах. Мне нужно развлечься. Уведи этого Кинкара, но держи его в хороших условиях, чтобы он был в форме, Сууд. Когда я призову его снова, он должен быть цел душой и телом. А тебе, Кинкар из Стира, тем временем лучше подумать о своей совести, вспомнить, сколько раз ты искажал правду ради собственной выгоды, потому что у нас еще будет время для вопросов, и тогда мне нужны будут правдивые ответы! Да, я получу их, Кинкар из Стира. Ибо разве я не бог?

У него есть передышка, пусть небольшая. Кинкар ухватился за эту мысль. Каждый выигранный час — для него небольшая победа. Он представляет проблему для лорда Руда и, пока он продолжает интересоваться скучающего правителя, может надеяться на некоторую безопасность.

Выйдя из помещения с радугами во двор, Кинкар вздохнул облегченно. Сууд не вернул его в мрачное подземелье, в котором он оказался после прибытия. Кинкара провели по лестнице в комнату наверху башни. Хоть она тоже была голая, но все же с примитивной кроватью, столом и скамьей и могла бы служить жильем младшего офицера. Руки ему развязали, на стол поставили грубую еду, потом ушли. Потирая запястья и морщась от боли, вызванной возвращением кровообращения в посиневшие распухшие руки, Кинкар подошел к окну и посмотрел на У-Сиппар.

Глава 13

ИСПЫТАНИЕ МОРДОМ

Хотя смотрел он под необычным углом, не снизу вверх, а сверху вниз, на крыши и башни, все же У-Сиппар казался нереальным городом, в котором, как во сне, самое естественное и обычное сочетается со странным и причудливым. Видны были древние каменные здания, работа местных гортиан, которые своими башнями и наклонными деревьями-крышами устремились к звездам до того, как звезды с такими катастрофическими последствиями спустились к ним сами. А рядом совсем другие сооружения, наросты явно чуждого происхождения.

Их немного, но достаточно, чтобы исказить общие очертания У-Сиппара, превратить в нечто извращенное и позорное.

И крепость — часть этого смещения, чудовищный гибрид, скорчившийся на искусственном подъеме, так что тень его с восходом и заходом солнца угрожающе движется по теснящимся внизу домам. Половина крепости каменная, остальное новое. Эта вторая половина металлически блестящая, холодно, гладко, как меч, нацеленный в небо.

Кинкар насчитал четыре... нет, пять одинаковых сооружений в У-Сиппаре. Они не могут все быть жилищами лорда Руда. Но в каждом звездное волшебство. Самое дальнее от него расположено таким образом, что морские волны лижут его основание. И хотя в гавани немало кораблей, которые проводят здесь холодное время года, когда ни один опытный моряк не решится выйти в капризные воды, ни один корабль не стоит вблизи башни. Кинкар не мог догадаться, с какой целью она сооружена.

Посмотрев на У-Сиппар, вернее, на ту его часть, что видна в узкое окно, Кинкар занялся более неотложным делом: стал искать возможность выхода, и не только из этой комнаты, но и вообще из крепости. Окном воспользоваться нельзя. Разве удастся уменьшиться до размеров Воркен и вдобавок получить ее крылья. Единственная попытка показала, что дверь закрыта снаружи. Осмотр кровати привел к выводу, что ее нельзя разобрать и использовать части как импровизированное оружие. То же самое оказалось справедливым для стола и скамьи. Верхнюю куртку с нашитыми на ней металлическими кольцами и пояс у него отобрали, так что не осталось не только оружия, но даже ножен. И так как он не легендарный герой сказаний, он не может выйти при помощи испытанного заклинания.

Но есть он может. Подойдя к столу, Кинкар этим и занялся. Пища грубая, такой рацион бывает у рядовых стражников. Но это не тюремная пища, и он подобрал до последней крошки черствый хлеб и допил кислый франгаловый сок. Потом лег на кровать и постарался оправдать мнение лорда Руда о своей сообразительности.

Лорд Руд! Такой ли это человек, каким был его отец на альтернативном Горте? Странно... Кинкар взял в руки Связь. Мог-

до ли изменение в истории привести к изменению характера человека? Лорд Диллан говорил, что могло. Этот лорд Руд не может быть человеком, похвалы которому он слышал в крепости. Это испорченный злой правитель, несущий страх и смерть: и от него веет злом по всей крепости.

Кинкар подумал, что произойдет, если Темный узнает правду. И в то же мгновение понял, что никакое действие, никакое предательство не может для него быть опасней. Что бы ни случилось с Кинкаром из Стира, пока может, он должен не говорить того, что знает.

Сбежали ли Муррен и юноша? Сим лучше любого ларнга, каких он видел у пленивших его солдат. И отчаянный рывок Муррена прорвал кольцо и дал ему необходимое преимущество. Сим отдохнул и поел, а ларнги стражников устали к концу долгого перехода. Бегство было целиком импровизацией Муррена, юноша не оставил бы Кинкара в руках слуг лорда Руда. Но беглецы из-за знака на его лбу могли подумать, что Кинкару не грозит опасность. В каком преступлении обвиняли этих двоих? По тому немногому, что он слышал, это должно быть серьезное преступление, способное поднять для их поисков весь У-Сиппар. Кинкар жалел, что беглецов не встретили раньше обитатели крепости.

И вот, вместо того чтобы заниматься планированием, он переходил от одной мысли к другой, пока наконец не уступил усталому телу и не уснул, а снаружи небо над У-Сиппаром потемнело, наступила ночь; о Кинкаре из Стира словно забыли.

Разбудил его знакомый крик. Кинкар некоторое время глядел в потолок, уверенный, что лежит на своем матрасе в Стире. Резкий пронзительный крик доносился из птичника наверху сторожевой башни: несомненно, это Воркен восстанавливает свою власть над непокорными. Воркен правит в птичнике Стира, остальным мордам опасно бросать ей вызов.

Воркен! Вспомнив, Кинкар сел. Воркен исчезла, и Стир далеко, не за морями, а еще дальше! На полу его тюрьмы квадратное солнечное пятно. Должно быть, уже позднее утро. И во время сна к нему заходили, потому что на столе тарелка и кув-

шин, оба полные. Очевидно, лорд Руд еще не принял решения относительно Кинкара и его люди продолжают выполнять приказ хорошо содержать пленника.

Кинкар поел по обязанности. Нет смысла верить, что его всегда будут содержать в таких условиях, и лучше есть, пока дают. Опять самая обычная пища, но сытная, предназначенная для насыщения людей, которым предстоит трудный бой.

Жуя, он еще дважды слышал вызывающий крик морда. Но в окно ни одного не видел. Птичник, должно быть, наверху той же самой башни, в которой содержат его, но морды, взлетая, всегда устремляются вверх. Крик заставил его беспокойно расхаживать по камере; проходило время, солнечное пятно медленно передвигалось по полу, и нетерпение Кинкара росло.

Нет сомнения в том, что лорд Руд готовит для него что-то ужасное. Почти ничего не зная об У-Сиппаре, об этой крепости, Кинкар ничего не может предпринять в свою защиту. В руках Сууда он как ребенок, и гигант с радостью воспользуется возможностью унижить его физически. А что касается ума — кто может соперничать в уме со звездными людьми?

Солнечное пятно исчезло. Кинкар снова подошел к окну, разглядывая город. В это время открыли дверь. Он увидел Сууда и тех двоих, что привели его сюда накануне.

— Выведите его! — приказал Сууд подчиненным с высокомерием звездного повелителя, как он его понимает. И стоял, облизывая губы, пока двое остальных связали Кинкару руки и толкнули к двери, заставляя двигаться.

Когда он проходил мимо Сууда, гигант протянул руку и остановил его. Его пальцы впились в тело, Сууд шупал его, как человек, покупающий ларнга. И невозможно было увернуться от этой хватки.

— Неплохое мясо, — заметил Сууд. — Небесным дьяволам достанутся не одни кости.

Двое его подчиненных нервно рассмеялись, словно хотели поддержать хорошее настроение офицера. Но никто из них ничего не добавил к словам Сууда.

Они спустились по лестнице и пересекли двор. Большинство тех, кто их видел, пошли за ними. И они направились не к внутренней части крепости, а к другим воротам, а оттуда на

дорогу, миновав три кольца стен со сторожевыми башнями и бастионами.

Крепость У-Сиппара располагалась не в центре города; она занимала узкий перешеек уходящего в море полуострова. Очевидно, те, кто сооружал первоначально город, не ждали опасности из океана, но хотели, чтобы между их домами и сушей существовала прочная преграда. И вот отряд вышел из крепости на широкое открытое поле.

Поле замечено снегом, но сугробы сглажены ветром. Оно отлично подходит для военных маневров или для устройства зрелища. Кинкар подозревал, что его ждет второе. По краям поля собрались гортиане, вооруженные всадники держали центр незанятым.

Когда отряд с пленником свернул с дороги, на поле прибыл еще кое-кто. От верхней части крепости устремился летающий предмет. Без крыльев, не живой, но какое-то волшебство держало его в воздухе, и он парил на высоте человеческого роста, на высоте роста звездных повелителей, над головами. Сделал круг, пролетев над аборигенами, которые упали на землю лицом вниз. Потом перелетел к Кинкару и его охране. В одном из кресел сидел лорд Руд, в другом...

Кинкар был предупрежден, но до этого момента не мог поверить! Это лорд Диллан! Нет, свирепо сказал себе Кинкар, это не лорд Диллан из крепости! Лорд Диллан *этого* мира! Не будь он подготовлен, Кинкар выдал бы себя. Лорд Руд улыбался ему сверху вниз, и эта улыбка, веселая, очаровательная, была холоднее зимнего воздуха, в котором дыхание вилось белым паром.

— Хороший предметный урок, брат, — сказал лорд Руд своему спутнику.

Но лорд Диллан наклонился и внимательно и напряженно разглядывал Кинкара. И заговорил глубоким голосом, резко отличающимся от голоса Руда:

— Он не слуга.

— На нем знак...

— Это не настоящий знак. Ты! — Лорд Диллан обратился к Сууду и бросил гиганту небольшую шкатулку, которую достал из-за пояса. — Нанеси на ткань и попробуй стереть знак.

Сууд оторвал край рубашки Кинкара, окунул ткань в мазь и стал яростно тереть лоб пленника. Клеймо, выдержавшее дождь и небрежное обращение с того времени, как его нанесла леди Асгар, поддалось. Изумление Сууда перешло в торжество, а лорд Диллан — этот лорд Диллан — удовлетворенно кивнул.

— Как я тебе сказал, брат, это не наш человек. Надо допросить его. Если кто-то посмел нанести этот знак, он решится и на большее. А это его преступление относительно незначительное. Ну и что с того, что его застали в обществе бежавших рабов? Разве преступники не собираются вместе, чтобы нам удобнее было схватить их? Или было что-то особенное именно в этих рабах?

Он пристально смотрел на брата. Лорд Руд покраснел. Он высоко поднял голову:

— Ты правишь в Ярте, брат. Я — в У-Сиппаре. Я тебя сюда не приглашал: ты приехал по собственному желанию. Во владениях другого лорда не стоит задавать вопросы о его правосудии. Это разбойник, он пришел в мою землю, чтобы разузнать, как помочь отребью, скрывающемуся в горах. Я поступлю с ним так, чтобы его примеру никто не смел последовать. Сууд, готовься!

Под его управлением флаер поднялся выше в воздух, так что лорду Диллану пришлось схватиться за сиденье; потом машина повернула в сторону и повисла.

Но Кинкару было не до действий лорда Руда и его брата, потому что стражники принялись срывать с него одежду. Куртку его разрезали, чтобы снять, не развязывая руки, так же поступили с рубашкой. Но тот, кто срывал ее, остановился с округлившимися глазами и торопливо отступил.

Сууд тоже увидел талисман на груди Кинкара. Рослый человек стоял, шевеля губами, словно ему не хватает воздуха, темное пятно появилось у него на горле и поползло на щеки. У этих людей клеймо, которое отлучает их от Связи, но страх перед талисманом у них сохранился так же, если не больше, как и у истинных верующих. И у Кинкара появилось ощущение, что он обладает над этими людьми властью, тем более что они сами отказались от всего, что символизирует Связь.

Гигант был сильным человеком, сильнее того, кто срывал с Кинкара рубашку, но обратился в паническое бегство. Бросил обрывки рубашки и слепо побежал по полю.

Его товарищ реагировал не так сильно, но убрал руки от пленника — Кинкар как будто превратился в раскаленный уголь — и отшатнулся, полными ужаса глазами глядя на молодого гортианина, словно ожидал, что тот вот-вот отбросит маскировку и предстанет каким-нибудь чудовищем. А когда рука Сууда медленно потянулась к талисману, чтобы сорвать круглый камень, стражник громко закричал.

Только Сууд сохранил храбрость. Нужно быть очень уверенным в себе, чтобы командовать бандитами из крепости У-Сиппар. И свое положение на службе у лорда Руда он завоевал не только благодаря росту и огромной силе. Теперь ему предстояло иметь дело с человеком, против которого не решится выступить ни один гортианин из сотен, из тысяч. На Сууде клеймо, и тем не менее он готов был положить руку на Связь. Это не головорез из барачков, он гораздо более опасен.

— Именем Лора, Лоя и Лис, — сказал Кинкар, — подумай, что ты делаешь, Сууд.

Мягкое тепло, которым ответил камень на упоминание Трех Имен, подсказало Кинкару, что он жив. Он не мог догадаться, что сделает талисман с заклеянным, потому что, насколько ему известно, на Горте его рождения такого просто никогда не бывало.

На краю шлема Сууда повисли маслянистые капли; он оскалился в улыбке черепа. Пальцы его приблизились. Вокруг все смолкли. Ветер стих; не было слышно ни одного удара ноги ларнга по земле. Жители У-Сиппара застыли, но не от холода.

Сууд сделал наконец усилие. Он схватил камень, потянул, так что Кинкар наклонился, цепь врезалась ему в шею. Но цепь не порвалась, и камень снова упал на кожу Кинкара, опалил нестерпимым жаром, но мгновенно остыл.

Офицер Руда стоял неподвижно, согнув пальцы, словно все еще держал в них Связь. Еще секунду простоял он так; потом, прижав к себе руку, заревел от боли и ужаса, как раненый зверь, потому что пальцы его почернели и сморщились, это больше не было человеческой рукой. Но, будучи Суудом,

он, страдая, стремился убить. Левой рукой он неуклюже достал нож, начал слепо рубить им, потому что слезы заливали его глаза.

Боль обожгла плечо Кинкара; потом острие ножа коснулось Связи. На этот раз Сууд закричал, и крик его был слишком высоким и тонким для такой мощной глотки. Нож выпал у него из руки, гигант покачнулся, тряся головой, поднял руки, одну черную, обожженную, другую красную, словно освежеванную.

Он был ранен, но слепая ненависть к Связи — к человеку, носителю этой Связи, — подавила все остальные чувства. Руки Кинкара были связаны, он мог двигаться с трудом и вынужден был отступать, а гигант пытался своей тяжестью сделать то, что не смог сделать ножом. Пользоваться руками он не мог, но для Кинкара по-прежнему был грозным противником.

Судьба гиганта, должно быть, ошеломила остальных стражников. Никто из них не пытался вмешаться в то, что происходило на поле. Кинкар был так занят необходимостью уворачиваться, что слышал свист только как далекий звук, не имеющий смысла.

Но для двоих кружащих друг вокруг друга людей этот свист означал очень многое. Лорд Руд, ошеломленный случившимся, но не желающий потерять контроль, решил безжалостно пожертвовать Суудом вместе с пленником, знающим слишком много. Планировалось, что жестокая смерть постигнет одного обнаженного человека. Теперь их двое. Но смерть уже в воздухе и готова ударить. Может, это и к лучшему. Сууд, похоже, был известен в У-Сиппаре, и, если его постигнет сверхъестественная месть, рассказ об этом распространится по всей округе и воспламенит местность. Пусть лучше он умрет быстро, при помощи знакомых средств, а все, что происходило раньше, будет забыто.

Вначале Кинкар не осознал смысл этого свиста, но через несколько секунд все понял. Невозможно не узнать крик морда, стремящегося к мясу — живому и движущемуся мясу, способному наполнить его вечно голодное брюхо. И догадался, к какой смерти его приговорили. Даже если бы у него были свободные руки, а в них меч, долго он бы не продержался. Всадник, с мечом, в доспехах и с плащом, еще может надеяться

справиться с одним мордом. Но против стаи этот всадник бессилен, его кости будут очищены от плоти, не успев упасть на землю.

Сууд был слеп и нем, он ничего не видел, кроме Кинкара. Вся боль, весь шок собрались в стремлении убить. Он двигался тяжело, но со смертельной угрозой. Но так как пытался время от времени воспользоваться руками, Кинкару удавалось уворачиваться. Гигант громко кричал — бессловесный крик, наполовину боли, наполовину гнева, безумного гнева из-за того, что он никак не может схватить добычу.

Наверно, именно этот крик привлек к нему мордов. Запах крови из раненого плеча должен был привлечь их к Кинкару. Но их удар обрушился на Сууда.

Крик гиганта перешел в рев; почти не осознавая опасности, он отбивался от хищных пожирателей мяса. Сначала пытался просто отбросить их, чтобы снова напасть на Кинкара. Потом в нем проснулся инстинкт самосохранения, и он забил руками, лицо его уже превратилось в кровавую маску.

Кинкар попятился от этого ужаса, споткнулся и упал. Его падение привлекло нескольких мордов, и они устремились к нему. Когти впились ему в руку, клюв нацелился в глаза, и Кинкар не сдержал крика отвращения и страха.

Но клюв не ударил, когти острые, но они его не ранили. Послышалось голодное шипение другого морда, но тот, что сидел на Кинкаре, отогнал нападающего клювом.

— Воркен!

Она зачирикала, откликаясь на свое имя. Воркен, искавшая напарника в сезон спаривания, нашла его — в птичнике крепости У-Сиппар! И, зная Воркен, Кинкар не сомневался, что, оказавшись здесь, она немедленно установила свое господство над всеми насестами. Теперь нужно только выбежать на поле Симу, и тогда приключение будет поистине достойно лучших сказаний.

Но не Сим пришел к нему, чтобы отвезти от ужасной окровавленной дергающейся массы дерущихся мордов. Подлетел флаер Темных лордов. И лорд Диллан собственной рукой втащил Кинкара в флаер, который тут же устремился назад в крепость.

Глава 14
ГОРОД ВАШЕН

Послышалась быстрая речь на языке звездных повелителей. Кинкар, по-видимому на время забытый, прислонился к столбу, а Воркен, очень довольная собой, полукругом расхаживала вокруг него.

Ссора продолжалась. Лорд Руд сидел на скамье и гневно отвечал на поток вопросов лорда Диллана; тот ходил взад и вперед по залу, иногда с резким хлопком сводя руки, словно подчеркивая свои слова. Вначале Кинкар был так поражен своим чудесным избавлением от ужасной смерти, что не задумывался над тем, зачем его забрали с поля. Но теперь, по жестам, по мрачности лорда Руда, по возбуждению лорда Диллана, он догадывался, что это было сделано вопреки желанию лорда Руда.

И эта догадка тут же подтвердилась. Ложный лорд Диллан отошел от брата и остановился перед Кинкаром, оглядывая его с ног до головы.

— Ты жрец демонов, приятель?

Кинкар покачал головой.

— Я не иду Тройным Путем, — так ответил бы он на своем собственном Горте.

Лицо — он знает каждую его черточку, узнает каждое выражение! Смотреть на него и знать, что человек с этим лицом не тот, с кем он дружен и кому верен... Это гораздо труднее, чем он мог подумать.

— Итак... мы еще не истребили эту глупость! — Лорд Диллан повернулся и что-то гневно сказал лорду Руду. Тот на этот раз не промолчал с мрачным видом. Встал и стремительно пошел к ним.

— Он с гор, — сказал он по-гортиански. — Смотри внимательно, Диллан. Похож он на жителя низин? Несомненно, разведчик из какого-то гнезда разбойников, пытающийся выведать наши тайны. Надо было скормить его мордам...

— Скормить мордам, глупец! — Раздражение Диллана было так велико, что Кинкар ожидал: вот-вот он ударит брата. — После того что он сделал с Суудом перед лицом всего города? Теперь тебе придется с большим трудом искоренять это вредное

верование. Разве ты не понимаешь, что слухи о происшествии распространятся и с каждым пересказом будут становиться все страшнее? Через несколько дней повсюду снова возникнут тайные алтари, снова зазвучат направленные против нас заклинания, и все это сплотит повстанцев! Ты не можешь стереть из памяти тысяч смерть Сууда. Нет, этого нужно доставить на совет. Мы должны вытянуть из него все обрывки знаний, а потом он превратится в жалкого пресмыкающегося раба в глазах собственного народа. Презренная жизнь, а не мученическая смерть — разве ты не понимаешь этого? Или, Руд, он... — И он снова перешел на чужой язык, а брат мрачно смотрел на него.

— Мы сами отвезем его, — заявил Диллан. — Не нужно, чтобы его видели аборигены, чтобы они слышали то, что не предназначено для их ушей. Пошли сообщение, что мы вылетаем на флаере...

Лорд Руд выпятил подбородок:

— Ты слишком легко отдаешь приказы в чужой крепости, Диллан. Допустим, я не хочу сейчас покидать У-Сиппар. Как ты справедливо заметил, сцена на поле подольет масла в огонь восстания. И мое место здесь; я должен растоптать недовольство, прежде чем оно распространится.

— Хорошо. Оставайся и гаси свой пожар, хотя если бы У-Сиппар был под должным управлением, необходимости в этом не было бы. — Лорд Диллан коварно улыбнулся. — Я сам отвезу пленника для допроса...

Совершенно очевидно, это также не понравилось лорду Руду.

— Он мой пленник, его захватили мои люди.

— Верно. Но ты не понял его важности, пока я не указал. А твое нежелание предоставить его совету говорит о том, что у тебя есть для этого какие-то тайные причины. Ты заинтересован в его быстрой смерти. — Лорд Диллан снова взглянул на Кинкара: — Что за великая тайна, парень, заставляет желать, чтобы губы твои закрылись навсегда? Интересно...

Он схватил Кинкара за плечо и подставил его лицо под луч света. Смотрел внимательно, с какой-то смертоносной злобой.

— Великий Закон, Руд, — негромко заговорил Диллан. — Интересно, сколько раз его нарушали и кто именно нарушал?

Великий Закон... Обычно плоды его нарушения легко отличимы. Но, может быть, не в этом случае. Кто ты, приятель?

— Кинкар из Стира...

— Кинкар из Стира, — повторил Диллан. — Это может означать что угодно. Что такое Стир и где он находится? Может, тебя следует называть Кинкар с`Руд?

Он догадался, но не совсем. Однако удивление в глазах Кинкара, должно быть, убедило спрашивающего, что он на верном пути, потому что лорд Диллан негромко рассмеялся.

— Еще одно дело, в котором должен разобраться совет...

Лицо лорда Руда превратилось в гневную маску.

— За это ты ответишь мне, Диллан, хоть мы и братья! Он не мой сын, и ты не сможешь приписать мне нарушение закона! У меня и так достаточно врагов, в том числе и близких родственников, — он гневно посмотрел на брата, — которые готовы сами приготовить орудие и с его помощью вовлечь меня в такую историю. Берегись, Диллан, если выдвинешь такое обвинение перед советом!

— Во всяком случае, из него нужно извлечь всю информацию. И чем быстрее, тем лучше. Тебе же выгоднее, Руд, если он расскажет всю правду перед нами всеми. Если он не плод нарушения Закона, давай побыстрее убедимся в этом.

Как будто стремясь отвлечь брата от опасной темы, лорд Руд спросил:

— Но от чего пострадал Сууд? Давай посмотрим на эту вещь, которую он носит.

Он протянул руку. Кинкар отступил. Это единственная защита, которая у него есть. Но прежде чем пальцы Руда сомкнулись на камне, лорд Диллан ударил его по руке.

— Если тебе дорога твоя шкура, не трогай! — предупредил он.

— Думаешь, я сгорю, как Сууд? Я не невежественный абориген...

— Сууда постигла такая судьба, потому что на нем был знак, — объяснил с почти отсутствующим видом лорд Диллан. — Но мы не знаем, какая энергия скрыта в этом предмете и как она подействует на тело чужака. И пока не будем знать, лучше не трогать. Я видел такой только раз, и то на мгновение перед тем, как его уничтожил колдун, который его носил. Мы

ночью наткнулись на его святилище и застали его врасплох. Но когда мы доставим этот предмет... и его носителя... в башни, у нас будет возможность с ними разобраться. И мы должны немедленно направиться туда.

Они говорят так, с горечью подумал Кинкар, словно он не человек, у него нет собственной воли, только их воля важна. И тут же мрачно вынужден был признать, что так оно и есть. Единственная уступка тому факту, что он все же живое существо из плоти и крови, заключалась в том, что, посадив его в флаер, ему на полуголоое тело набросили плащ. Он лежал у их ног, связанный по рукам и ногам.

Воркен протестовала против такого обращения, и на мгновение Кинкару показалось, что ее уничтожат за эту дерзость. Но ложный лорд Диллан решил, что связь морда с Кинкаром тоже должна быть тщательно исследована. Воркен завернули в другой плащ и бросили рядом с Кинкаром; ее непрерывные попытки освободиться заставляли подпрыгивать импровизированный мешок.

Полет в воздухе — ужасное испытание. С тех пор как Кинкар достаточно подрос, чтобы сидеть в седле ларнга, он ездил по горам, охотился с Вурдом до того, как старый вождь отказался от выходов в горы и в конце концов почти все время оставался в постели. А Вурд отлично знал крутые обрывы, глубокие пропасти и острые утесы. Но стоять на твердом камне и смотреть вниз — одно дело, и совсем другое — лететь в пустоте, зная, что под ногами у тебя только тонкая платформа флаера.

Кинкар боролся с паникой, со своим воображением, которое продолжало рисовать картину, как платформа растворяется, его беспомощное тело, поворачиваясь, падает вниз. Как могли звездные повелители летать в небе, в глубинах космоса? Или они совершенно чужды знакомым ему страхам? Он поворачивался, но увидел только ноги братьев. У звездных повелителей на его собственном Горте таких флаеров не было. Но они могли счесть такой полет вполне естественным.

В передней части платформы ветровой щит, а Кинкар лежит за сиденьями. Но холод вгрызается ему в тело, и плащ — плохая защита. Проходили минуты, паника Кинкара постепенно проходила, и ему показалось, что от Связи исходит мягкое теп-

ло, которое отгоняет холод. Он испугался на поле, когда на него накинлись морды, но это естественный страх, он понятен. Однако теперь он испытывает странное предчувствие, необычное покалывание в нервах, какое бывает у воина перед тем, как ему прикажут идти в наступление. Кинкар пытался укрепить себя сознанием, что для него, вероятно, это полет без возврата.

Плен у гортиан можно предвидеть, против него можно бороться. Но какие шансы у него среди звездных повелителей? На его стороне только одно — удивительная судьба Сууда и осторожность лорда Диллана при обращении с талисманом. Слабое преимущество — возможно. Он слышал разговоры в горной крепости. Существуют невидимые силы — «энергии», как называл их обычно лорд Диллан. Какая-то энергия привела в действие врата, через которые они попали на этот Горт. И во время перехода Связь тоже оказалась проводником этой энергии, о чем свидетельствует шрам, который сохранялся у Кинкара до его ухода в Лес.

Вдобавок Связь может иметь собственную «энергию», вредную для чужаков. В ту ночь в забытом святилище талисман зарядился, получил естественную для него силу. Сейчас он заряжен полностью. Если бы только лучше знать его возможности! Но Кинкар не захотел идти по Тройному Пути, не хотел учиться быть человеком Силы. Он понимал, что не может иметь одновременно Путь и Стир, а Стир был ближе его сердцу. И теперь у него нет проводника, каким послужили бы верующему заклинания, легенды и даже слухи. Если бы он был хорошо знаком со Связью, чего бы он не достиг, чего не смог бы сделать?

Флаер пошел вниз, и Кинкар боролся с приступом паники и головокружения. Они падают, разобьются о землю?

Но вот быстрый спуск замедлился. Показались стены, отрезавшие свет. Они как будто погрузились в отверстие колодца. Флаер остановился с толчком, более легким, чем удар ноги о пол при шаге, и оба звездных человека встали. Они достигли цели.

Лорд Руд не приближался к пленнику. Ему как будто не хотелось дотрагиваться до него. Но лорд Диллан поднял гортианина, разрезал пути у него на ногах и, как ни удивительно, на руках тоже. Руки Кинкара упали по бокам, запястья вспухли.

Лорд Диллан подобрал мешок с Воркен и сунул Кинкару. Тот схватил неуклюже, молча решив не показывать боли, которую причиняло ему каждое движение.

— Молча иди, куда тебе скажут. — Лорд Диллан говорил отчетливо, как со слабоумным ребенком. — Если не послушаешься, тебя сожжет этот стержень силы. — Он достал из-за пояса оружие, такое же, какое использовал сам Кинкар при охоте на суадра. — Оно не убьет, но боль будет сильнее, чем при смерти от мордов, и ты никогда от нее не избавишься. Понял?

Кинкар кивнул. Он верил, что Темный лорд говорит серьезно и не обманывает. Может ли он надеяться на скорую смерть, если попытается бежать? И побегит ли, если будет знать, что это конец? Пока человек живет, он надеется, и Кинкар еще не дошел до того, чтобы стремиться к смерти, как охотник к добыче. Неся Воркен, он послушно пошел за лордом Рудом. Они вышли из помещения, в котором остался флаер, прошли по коридору, а сзади с оружием в руке шел лорд Диллан.

Жилые помещения в крепости У-Сиппара были чуждой работы и из чужих материалов. Но узкий коридор, по которому они шли, не похож ни на эти помещения, ни на постройки гортианской архитектуры. Никаких бегающих радужных цветов, всюду серый блеск. Прикоснувшись к стене, Кинкар подумал, что она металлическая. Через несколько футов коридор кончился спиральной лестницей с узкими ступенями. Кинкар схватился за перила, держа Воркен в левой руке. Он не отрывал взгляда от ног лорда Руда, который все поднимался и поднимался, отказываясь посмотреть в головокружительную бездну внизу.

Они прошли множество уровней, от которых отходили коридоры, потом вышли на одном таком уровне, только чтобы подниматься дальше через его потолок. Кинкар даже подумать не мог о назначении этого здания, сердце которого образует эта необычная лестница. На третьем таком уровне лорд Руд повернул в сторону и углубился в коридор, и Кинкар пошел за ним. Они словно находились в покинутом здании. Гул от их шагов глухо отдавался в колодце вверху и внизу, но больше никакие звуки не нарушали тишину, никаких признаков стражников или слуг. И странный, непостижимый запах — не влажные ис-

парения стен, как в крепости У-Сиппара, запах древний, напоминающий о чем-то, давно не знающем ветра и очистительного солнечного света.

Коридор, в который свернул лорд Руд, оказался коротким. Лорд Руд прижал ладонь к закрытой двери, и при его прикосновении она отодвинулась и ушла в стену, так что они смогли войти в странное помещение. Полукруглое, но с одной стороны прямая стена; все это по форме напоминает натянутый лук; дверь расположена в прямой стене. Вдоль изогнутых стен на равных интервалах расположены круглые окна, покрытые прозрачным веществом, незнакомым Кинкару.

Вдоль стены под окнами проходит мягкая скамья, пол и стены тоже покрыты мягким материалом. В остальном комната лишена обитателей и мебели. Лорд Руд осмотрелся и отступил в сторону, давая возможность Кинкару войти. Когда гортинин прошел внутрь, дверь за ним закрылась, и пленник остался один.

Выпустив Воркен и увернувшись от раздраженного удара ее клюва, Кинкар посадил ее на скамью, по которой она принялась расхаживать своей необычной раскачивающейся походкой; когти у нее при этом застревали, и она на каждом шагу с трудом их вытаскивала. Кинкар тоже сел на скамью и посмотрел в окно.

Снаружи не У-Сиппар. Такого сооружения он никогда не видел. Несколько башен, но не из прямоугольных камней, какие он знает всю жизнь. Сделанные из металла, они ослепительно блестят на солнце. Все совершенно одинаковые, круглые, с заостренными концами, высоко уходящими в небо. Кинкар предположил, что находится в такой же башне. Прижавшись лицом к окну, он разглядел, что все башни соединены стенами, достаточно толстыми, чтобы внутри могли быть коридоры и даже комнаты. Но стены из природного камня. Металлические башни... заостренные...

Распухшими руками Кинкар вцепился в оконную раму, так что стало больно. Не башни, нет, не башни. Корабли! Небесные корабли звездных людей, навсегда вставшие на поверхности, превращенные в причудливую крепость. Он много раз слышал, как их описывали люди, побывавшие в Терране на его

собственном Горте, и потому не мог не узнать. Может быть, он видит Террану этого Горта? Это самое сердце владений Темных.

На его Горте корабли снова улетели — к звездам. Здесь это невозможно. Их поставили на якорь, приковали к земле, чтобы навсегда овладеть Гортом.

Разглядывая странное соединение металла и камня, Кинкар нигде не видел признаков жизни. Ничего не двигалось вдоль этих стен, не показывалось у круглых иллюминаторов, служивших теперь окнами. И во всем чувствовалось давнее отсутствие жизни. Кладовая — Кинкар не мог бы сказать, почему ему в голову пришла эта мысль, но все больше усиливалось убеждение, что он прав. Кладовая чужаков. И она должна хорошо охраняться — если не воинами, то волшебством звездных людей. У народа, который свободно летает по воздуху, найдется более мощное оружие, чем меч слуг, для защиты своих тайн.

Кинкара охватила древняя жажда, которая охватывает любого человека при мысли о сокровищах. Город, крепость — что бы то ни было, здесь нет населения. Если бы он мог освободиться и поискать... Но дверь прочно закрыта. Воркен шипела на скамье. Она не привыкла находиться в закрытом помещении, в крепости так никогда не бывало. Кинкар переходил от одного окна к другому. В трех окнах виднелись корабли, но два давали вид окружающей местности.

Деревьев нет, только необычно изогнутые скалы. Некоторые, прикрытые сверху снегом, кажутся странно знакомыми. Он определенно видел такие раньше. И тут он вспомнил переход по пустыне к первым вратам. Тут не видно никакой растительности. Может быть, она под снегом. Но на расстоянии синеватая линия холмов, признак гор. И при виде всего этого у Кинкара неожиданно ожили надежды.

Воркен прижала к нему голову. Подняла лапу и поцарапала, привлекая его внимание. Народ Кинкара всегда считал мордов разумными существами, но обычно признавалось, что их мыслительные процессы настолько чужды, что коммуникация между видами строго ограничена немногими простыми понятиями, имеющими отношение к еде и охоте. Но сейчас было очевидно, что Воркен пытается что-то сообщить ему. И Кинкар сделал то, что обычно не делал, потому что морды не тер-

пят прикосновений к себе. Он сел и посадил Воркен себе на колени.

Она пожаловалась, пошипела. Потом села, глядя на него красными глазами, как будто передавала какое-то сообщение. Захлопала крыльями и испустила резкий крик, как при виде дичи.

Неожиданно Кинкар ощутил тепло на груди. Ожила Связь. Где-то в корабле высвобождается энергия, на которую отвечает чувствительный талисман. Кинкар колебался. Снять, чтобы не обжечься, или продолжать держать на себе?

К его крайнему удивлению, Воркен вытянула костлявую шею и ударилась головой прямо о Связь, прежде чем он смог отстранить ее. Плотно прижалась, предупреждающе подняла когти, когда он попытался отстранить ее, и испустила гортанный боевой клич.

Морд прижимался все теснее, и температура Связи повысилась. Но это не тревожило Воркен. Она перестала кричать. Негромко заворковала, такие звуки она издает, когда довольна своим окружением. И сам Кинкар расслабился, успокоился, он совершенно утратил страх перед этим миром и своими похитителями.

Глава 15

ИСПЫТАНИЕ СИЛЫ

Чувство спокойствия сохранялось. Воркен зевнула. Закрывает глаза, прижала к нему свою уродливую голову. Но Кинкару не хотелось спать. Умственно и физически он был полон жизни, как никогда. Такого состояния он просто не помнил. Усиливалось ощущение, что нет такого дела, которое ему не по силам. Неужели так живут люди звездной крови? Должно быть! Абсолютная уверенность в себе, вера в то, что нет непреодолимых препятствий...

Кинкар негромко рассмеялся. И что-то в этом смехе нарушило ощущение полного удовлетворения, появилась тень сомнения. Может быть, из-за Связи он вдвое острее чувствовал опасность. Исходит ли это ощущение, это спокойствие и довольство от талисмана или это просто волшебство чужаков?

Легко воздействовать на мозг человека — если в твоём распоряжении возможности звезд, — внушить ему веру в собственные силы, чтобы он стал неосторожен и невнимателен. Очень легко.

Есть лишь один способ проверить это. Кинкар поднял за цепочку Связь, снял цепь с головы и положил камень на скамью рядом с собой. Тепло исчезло. Воркен зашевелилась. Она подняла голову и вопросительно посмотрела на Кинкара. Но он был слишком занят, чтобы наблюдать за мордом.

На него, как удар гигантского кулака, обрушилась всепоглощающая и опустошающая паника, страх такой полный и низменный, что Кинкар не смел пошевеливаться, мог только коротко и неглубоко дышать. Руки его стали влажными и скользкими, рот пересох, тошнота мучила его изнутри. Никогда в жизни не испытывал он такого ужаса. Его лишали собственной личности, превращали из Кинкара в безмозглое хнычущее существо! И хуже всего то, что он не мог назвать причины своего страха. Страх находился внутри его, а не снаружи, он заполнял всю выгоревшую оболочку его тела...

Воркен закричала, этот крик резал уши. Морд ударил, принялся рвать когтями. Боль этого нападения мгновенно разрушила чары. Кинкар сделал невероятное усилие и за цепь подтянул к себе Связь, снова взял ее в руки. Сжал потными ладонями, а Воркен продолжала рвать его. Но паника уже улеглась. Надев цепь на шею, Кинкар сидел, ослабевший и потрясенный, но снова в здравом рассудке. Он полностью владел собой и не мог поверить, что что-то неощутимое могло обрушиться на него яростно, как морд.

Из царапин текла кровь. К счастью, Воркен не рвала его глубоко. Она снова села к нему на колени, поворачивая голову из стороны в сторону, раздраженно жаловалась, поднимая лапу к Связи. Талисман спас их обоих от безумия — откуда оно шло и как, этого Кинкар не мог понять. Мог только радоваться спасению.

Кинкар покинул Стир не более образованным, чем любой юноша, домогающийся владения крепостью, в данном случае небольшой крепостью в горах. Он уехал в шоке от неожиданного открытия, что он полукровка и не может претендовать на наследство. Тайный дар Вурда — Связь, вместе со всем, что

она означает, — послужил добавочным толчком, направившим Кинкара на новую дорогу в жизни. Испытания при прохождении врат, принятие лордом Дилланом и леди Асгар его как истинного хранителя силы, которую они уважают, еще больше закалили его. Возможно, его предложение отправиться добровольцем в низины основано было на любви к приключениям, на том духе, что посылает молодых воинов в набеги. Но вместе с тем он сознавал, что только он один во всей крепости пригоден для этого похода...

Кинкар не понимал того, что произошло той ночью в лесном святилище. Он не посвященный, способный разобраться в делах Троих. Но теперь он верил, что уехал оттуда не совсем таким, каким был Кинкар, пришедший в это убежище. Нынешнее испытание может быть очередным верстовым столбом на его дороге. Он не звездный повелитель и не владыка Стира, каким мог бы стать, если бы Джорд не отобрал у него это будущее. Он тот, каким ему еще предстоит стать.

Кинкар был уверен, что он не мистик, не искатель видений, он не владеет необычными силами. А кто он, кем становится, не знал. У него нет времени приспособливаться. Лучше принять древнюю веру своего народа, народа его матери, что он инструмент, может быть, оружие Троих, и все, что он делает, — это служба Троим.

В этой вере ощущение безопасности. А сейчас ему больше всего нужна безопасность, ему необходимо поверить во что-то помимо своего потрясенного мозга и тела.

Он был прав, предполагая, что ему не дадут времени для раздумий. Дверь комнаты ушла в стену. Воркен зашипела, захлопала крыльями и взлетела бы в воздух для нападения, если бы Кинкар, опасаясь за ее жизнь, не схватил ее торопливо за лапы.

В дверях стоял лорд Диллан. Он не заговорил сразу, но, хотя внешне не проявил удивления, Кинкар подумал, что его живость и настороженность поразили вошедшего.

— Раб... — Резкий голос звездного повелителя должен был жечь, как хлыст, которым слуги бьют несчастных пленников.

Кинкар ответил ему уверенным взглядом. Неужели Темный ждет от него униженной мольбы о несуществующем милосердии?

Когда Диллан заговорил снова, в руках его был стержень власти.

— Кажется, мы недооценили тебя, приятель.

— Кажется, да, лорд. — Слова приходили к Кинкару словно от кого-то другого, стоящего в стороне и наблюдающего за этой сценой.

— Действительно отпрыск Руда! — Лорд Диллан засмеялся. — Только мы можем выдержать такой уровень обработки. Пусть попробует теперь отнекиваться перед советом. Пошли... ты!

Он сделал жест, и Кинкар пошел. Воркен высвободилась из его рук и теперь сидела на плече, вцепившись когтями. Но он был рад, что она с ним, она напоминала ему о другом Горте, где человека не преследует такое волшебство.

— Вверх! — Это единственное слово заставило его снова подниматься по спиральной лестнице. На следующем уровне они вышли на то, что Кинкар не заметил из окна. На высоте звездные корабли соединял воздушный мост, временный, решил Кинкар, потому что такое легкое сооружение не выдержит первой же бури.

Но каким бы хрупким ни был этот мост, им предстояло пройти по нему. Кинкар изо всех сил ухватился за веревочные перила, к нему вернулся страх, испытанный на летающей платформе. Но остановиться, понимал он, значит погибнуть. И потому шаг за шагом преодолел мост, глядя только на дверь впереди.

В одном-двух футах от нее он вдруг вспомнил о Воркен. Он сбежать не может, не видит такой возможности, лорд Диллан готов сжечь его. Но нельзя ли спасти Воркен? По-прежнему держась за трос левой рукой, Кинкар полуобернулся, развернул плащ и одновременно сделал морду сигнал искать в небе.

Может, это чистая удача, но плащ закрыл звездное оружие. Кинкар хорошо умел использовать плащ, чтобы обезоружить противника, но сейчас, в таких сложных обстоятельствах, и не пытался это сделать. Удача или мастерство, но оружие оказа-

лось бессильно, когда Воркен взлетела вверх и не стала подниматься своей обычной спиралью, а устремилась стрелой в окружающие холмы.

Странно, но лорд Диллан не сделал попытки наказать его. Он высвободился из плаща, который полетел вниз, в пропасть; Кинкар не смел туда заглянуть. Ему не удалось отобрать оружие, и теперь оно нацелено на него.

— Пошли, — приказал лорд Диллан, и Кинкар, убедившись в спасении Воркен и радуясь этому небольшому успеху, прошел в башню второго звездного корабля.

Здесь его ждали еще два звездных повелителя, но ни один из них не был двойником знакомых ему по крепости. Увидеть лорда Франса, лорда Бардона или лорда Джона, которые на самом деле ими не были, — такое испытание добавило бы напряжения. Эти двое моложе лорда Диллана, насколько он может судить о возрасте звездных людей, и оба кажутся изнеженными, им не хватает гибкости и живости ума и тела, какими обладает его сопровождающий. Но и лорд Руд тоже проявлял признаки вырождения. У обоих высокомерное выражение лица, которое происходит не от сознания права руководить другими благодаря силе своего характера, а основано на том, что твоей воле никто никогда не противился, на праве распоряжаться жизнью и смертью других только по своему происхождению.

Они не скрывали своего изумления, один задал лорду Диллану вопрос на своем языке. Тот нетерпеливо ответил и знаком велел им идти.

— Следуй за мной! — кратко приказал он Кинкару.

Они должны были спуститься по другой лестнице. Спуститься! У Кинкара зарождался план, фантастический план, такой фантастический, что сможет сработать! Успех зависит от того, насколько быстро он будет действовать, сумеет ли захватить своих охранников врасплох. Он не очень высоко ставил двоих молодых людей, но лорд Диллан — другое дело. Однако плащ все-таки подействовал. Как ни отчаян этот план, Кинкар может попробовать. И, делая первый шаг, он крепко схватился за перила лестницы. То, что он собирается сделать, сорвет ему кожу с ладоней. Надо как-то защитить их... Он обнажен по по-

яс, а оторвать полоски от меховых брюк невозможно. Если бы только у него оставался плащ!

Один из молодых звездных повелителей уже миновал первое отверстие в колодец. Он оставался единственным препятствием между Кинкаром и исполнением его плана. И на лорде был надет не облегаящий защитный костюм, как на лорде Диллане, а свободная рубашка из какого-то легкого материала.

Кинкар с покорностью, которая должна обезоружить сопровождающих, двинулся по лестнице. Ступеньки такие узкие, лестница такая крутая, что лорду Диллану поневоле придется следить за собственным спуском, и потому он опоздает на секунды и не сможет помешать пленнику.

Молодой лорд уже спустился на следующий уровень, лорд Диллан по пояс погрузился в колодец, Кинкар находился на лестнице между ними. Гортианин бросился вперед, опираясь на руки. Наблюдателю могло показаться, что он оступился и пропустил ступеньку. Ногой он ударил молодого лорда сбоку по голове. Тот сдавленно крикнул и схватился за ступеньку. Это инстинктивное движение, направленное на собственное спасение, помогло Кинкару. Он приземлился рядом с чужаком и сорвал с него рубашку. Тонкий материал разорвался у него в руках. Перешагнув через полубессознательного чужака, Кинкар поехал вниз, держась только за перила.

Он вертелся, гадая, сможет ли затормозить спуск. Сзади слышались крики, может, призывы на помощь, топот башмаков. От трения ткань разогрелась, ладони обожгло болью, но Кинкар держался. Под ним в двух уровнях находился прочный пол, и он подготовился к встрече с ним. Смутно припомнив свои первые падения во время обучения езде верхом, он расслабил мышцы, попытался свернуться и молился, чтобы не сломать кости.

От удара в глазах у него потемнело, но даже в полубессознательном состоянии он продолжал пытаться спастись. И когда снова начал осознавать окружающее, пополз на горящих руках и ноющих коленях по узкому коридору.

Хвала Троиам, он не разбился, приземлившись, хотя все тело болело от ушибов. Морщась от резкой боли, Кинкар встал и

заковылял, стремясь только как можно дальше уйти от звуков преследования.

Он переступил через высокий порог, и стены вокруг изменились. Теперь они каменные, а не металлические. Должно быть, он внутри стены, связывающей корабли-башни, гораздо ближе к уровню земли. Теперь нужно найти выход во внешний мир.

Хотя он этого не знал, Кинкар был, вероятно, первым пленником в этом лабиринте с не сломленным кондиционером разумом. Для тех, кто его преследовал, он был чем-то совершенно новым и неизвестным, и они не были подготовлены к такому повороту событий. И не думали, что он способен на инициативу, энергию и быстроту.

Каменный коридор не прерывался ни окнами, ни дверями. Кинкар бежал как мог быстро, прижимая обожженные руки к Связи, потому что ему казалось, что талисман обладает исцеляющими способностями. По крайней мере он смягчал боль.

К своему отчаянию, Кинкар увидел еще один каменный порог и через него прошел в другой корабль-башню. Но повернуть назад нельзя. На кораблях очень много помещений, и он либо сможет спрятаться, либо найдет окно, выходящее на верх соединяющей стены. В тусклом свете, исходящем от металлических стен, он увидел еще одну спиральную лестницу. Но вначале обошел все вниз. Увидел две двери, обе закрыты, и он не смог их открыть. Не осмеливаясь задерживаться дольше, он начал подниматься.

На первом уровне еще много дверей, но все закрыты, все не поддаются усилиям взломать их. Еще один уровень, та же самая история. Кинкар, тяжело дыша, прислонился к перилам. Он боялся, что попал в ловушку, и теперь Темные схватят его, когда захотят.

Третий уровень. И когда голова его высунулась из лестничного колодца, он готов был закричать от радости. Открытая дверь! От нетерпения он споткнулся и опустился на колени. И в то же мгновение услышал топот внизу.

Он скорее упал, чем прыгнул через дверь. Потом, как это делал лорд Диллан, прижал ладони к ее поверхности. Дверь

двинулась! Она закрылась за ним! Он не видел возможности закрыть ее на какой-нибудь замок, но то, что между ним и лестницей закрытая дверь, давало призрачное ощущение безопасности.

Коридор впереди оказался коротким, и Кинкар вбежал в маленькую круглую комнату. И вверху над стенами открытое небо... Он уже видел это... видел такое помещение... вот стоит флаер, такой же, в каком он сюда прилетел.

Он в ловушке. Подняться по гладким стенам невозможно. Скоро — в любое мгновение — Темные пройдут через дверь, которую он не сумел закрыть, только прикрыл, и возьмут его легко, как связанного в загоне ларнга. Он не понимал, почему они уже его не догнали. И ощутил легкую дрожь от бегущих ног. Но двери не открылись. Кинкар догадался, что преследователи поднялись на следующий уровень, что закрытая дверь на время спутала его след. Может, выйти и вернуться назад? Но он не мог заставить себя сделать этот ход. Дикий спуск по лестнице в другой башне и бегство по коридорам истощили его, энергия быстро исчезала.

Что делать? Остаться на месте, пока ищущие не прочешут все помещения и не обнаружат его? Он забрался во флаер, упал на одно из сидений, положив руки на колени. Если бы он знал, как управлять машиной, сумел бы уйти — и без труда. Кнопки на панели впереди вызывали раздражение — если бы он только знал, какая именно...

Вибрация от шагов преследователей слабо достигала его. Они возвращаются. А может, прибыло подкрепление снизу? Кинкар тупо разглядывал приборы управления. В его встречах со звездными людьми ничего не говорилось о том, как управлять их машинами. Но его не должны захватить, не должны! Лучше разбить флаер и самому разбиться, чем покорно сидеть, дожидаясь их.

Кинкар закрыл глаза, мысленно обратился к тем, кому служит, и слепо нажал кнопку. Но выбор оказался неверным. Его окружило тепло, словно кто-то накинул на его дрожащее тело плащ. Тепло ответило на эту кнопку. Радуясь, что первый его выбор не привел к катастрофе, Кинкар нажал другую кнопку.

Луч света ударил в стену перед ним, отразился и ослепил Кинкара. Это так поразило его, что он сразу, не задумываясь, нажал еще одну кнопку.

И ухватился за сиденье вопреки боли в обожженных руках. Ахнул, едва не закричав: флаер мимо стен устремился вверх из колодца, и от неожиданного толчка воздух вырвался из легких Кинкара. Машина выскочила из колодца и продолжала подниматься в небо. Ее нужно остановить, иначе он окажется в пространстве меж звезд. Но как управлять ею, он не представляет.

У него была слабая надежда, что следующая кнопка действует в противоположном направлении. Он нажал ее. И оказался прав, поскольку подъем прекратился. Но не полет. Флаер полетел по горизонтали с огромной скоростью, как стрела, выпущенная из гигантского лука. Однако Кинкар был доволен. Он не летит в космос и с поразительной скоростью удаляется от башен. Он скорчился на сиденье, еще не веря в свою удачу.

Немного привыкнув, он решился посмотреть вниз, крепко ухватившись за край сиденья и борясь с головокружением. Тот же случай, который заставил его нажать нужную кнопку, выбрал и направление полета. Машина летела над обширной равниной, но не к морю и городам, управляемым Темными, а к отдаленному горному хребту — теперь уже не такому отдаленному, — и у Кинкара есть надежда не только остаться в живых, но и найти крепость.

Остается проблема посадки. Но в данный момент у него не было желания экспериментировать. Сначала между ним и преследователями должна встать хоть одна гора. Вспомнив о преследователях, он, прищурившись, оглянулся. У Темных должен быть не один такой флаер. Может, они летят за ним? Но над быстро уменьшающейся точкой крепости в воздухе ничего не видно.

То, что для ларнга потребовало двух-трех дней пути, машина преодолела за короткое время. И вот он над горами, которые видел из окна башни, чуть не задевает за покрытые снегами вершины. Если бы он умел управлять флаером! Скорость машины не снижается. Возбуждение сменилось тревогой. Кинкар представил себе, что произойдет, если машина наткнется на гору, возвышающуюся над уровнем его полета.

Глава 16
СПАСЕНИЕ

Если из башен не поднялся другой флаер, чтобы перехватить сбежавшую машину, то появилась другая угроза. Кинкар узнал об опасности, услышав гневный голодный крик, который перекрыл гул двигателя. Сравнительно с этим криком самые пронзительные вопли Воркен кажутся шепотом. Кинкар посмотрел вперед и вжался в сиденье, потому что к нему устремилась смерть, знакомая смерть, которую знает любой гортианин, побывавший в горах.

Воркен — морд, но в своем виде она карлик. На вершинах гор живут ее родичи, гиганты, способные легко унести ларнга. И аппетит их огромен, как и тело. Их можно поймать в тройную сеть, если этим займутся опытные охотники, но такая охота требует многих дней терпеливого выжидания. К тому же нужна приманка, чтобы привлечь гигантское существо на землю. На горном склоне или плато эти гиганты утрачивают свои преимущества, и их можно захватить, но это всегда рискованное дело, и никто не удивляется, если с охоты возвращается на одного или двух человек меньше.

И никто не устоит против са-морда в воздухе. Никто не переживет нападение, когда нападающий свободен и находится в полете. И у Кинкара тоже не было надежды выжить.

С обычным эгоизмом человека он подумал, что на него нацелены эти когти. На самом деле для са-морда он лишь незначительная часть существа, на которое он нападает. Са-морд спускался с высоты, вытянув когти, чтобы схватить флаер, но неверно рассчитал скорость этого дерзкого пришельца и промахнулся на целый фут.

Он пролетел с яростным криком и исчез, прежде чем Кинкар понял, что грозные когти до него не добрались. Если бы он умел управлять машиной, мог бы улететь или утомить хищника так, чтобы тот отказался от преследования. Но он не умеет уклоняться. Может только оставаться на месте, защищенный спинкой сиденья и ветровым щитом; флаер продолжал лететь вперед. А сзади са-морд поднимался в небо для второго удара.

Подобно своим меньшим родственникам, са-морд обладает разумом, и весь этот разум направлен на то, чтобы накормить своего владельца. Са-морды — одинокие существа, у каждой самки своя охотничья территория, где она верховный правитель, готовая отогнать любого другого са-морда, который попытается вторгнуться в ее небо или землю. И в таких схватках са-морды используют уклонения, нападения и искусное применение своей силы.

Поэтому когда са-морд ударил вторично, с большей высоты, он верно рассчитал скорость флаера и упал в пике таким образом, чтобы оказаться немного впереди машины, ожидая ее приближения с вытянутыми когтями — излюбленная боевая позиция этих гигантов.

Но механическая скорость снова подвела его: он ударился прямо о нос машины. Ветровой щит врезался в мягкое брюхо на суммарной скорости этого столкновения. Когти скользнули по щиту, ухватились за сиденье, са-морд гневно закричал. Кинкар, скорчившись, скорее почувствовал, чем увидел, как разинутый клюв ударил всего в дюйме над его головой. Из разорванных артерий са-морда хлестала кровь.

Машина дрогнула, нырнула, сражаясь с тяжестью, повисшей у нее на носу. Она быстро теряла высоту, а са-морд продолжал биться и рвать ее. За те несколько мгновений, пока они не врезались в заснеженные кроны деревьев, Кинкара спасло только то, что флаер сделан из прочного материала. Тело са-морда смягчило удар, и они остановились.

От сильного удара воздух вырвался из легких Кинкара. Он лежал, ощущая зловоние са-морда. Тепло, окружавшее его, исчезло. Дрожа на горном ветру, он выбрался из-под ужасных останков и побрел вдоль борозды, проделанной флаером. Обычно са-морды живут и охотятся в одиночку. Но в горах есть и другие существа, меньшего размера, которые издали чувствуют запах крови и мяса. А он безоружен и не сможет сопротивляться таким стервятникам. И вот, руководствуясь скорее инстинктом, чем планом, Кинкар начал спускаться по склону.

К счастью, флаер разбился не на самой вершине, а спуск оказался не очень крутой. Идти приходится сквозь невысокий кустарник, и можно замечать ориентиры, чтобы не ходить по кругу.

Поддень давно миновал, нужно отыскать убежище. Сверху доносились неясные звуки, потом рычание и вызывающие вопли. Стервятники добрались до добычи, и вернуться к обломкам невозможно. Этот шум заставил Кинкара двигаться быстрее, он споткнулся, упал и покатился в сугроб.

Охая, тяжело дыша, он поднялся, понимая, что лежать нельзя, это означало бы призывать смерть. Лишь пока он держится на ногах и идет, у него остается ничтожный шанс. К счастью, небо чистое, бури не будет.

Падение и дальнейшее скольжение по снегу привели его в долину, по дну которой протекал небольшой ручей. Вода темная, с быстрым течением и без ледяных закраин. Кинкар подошел к ней и опустил на колени. И почувствовал слабое, очень слабое тепло, исходящее от поверхности. Это один из горячих ручьев, как тот, что он обнаружил в долине крепости. Надо только дойти до его источника, и тепло будет увеличиваться, обещая защиту от холода наступающей ночи.

Трудно снова встать, заставить измученное тело двигаться. Но Кинкар пошел, смутно осознавая, что над водой появился пар и температура в долине постепенно поднимается. Задышавшись от едких паров и кашляя, он споткнулся и вцепился в камень. Тепло ему нужно, но выдержит ли он испарения воды, разъедающие легкие?

Он медленно опустился у камня, понимая, что идти дальше не может и даже не хочет пытаться. Все приобрело очертания сновидения, он оказался в плену кошмара. Твердый камень под щекой, и больше ничего.

Над ним нависает са-морд. Кинкар ошибся. Чудовище не погибло при столкновении с флаером и выследило его. Через мгновение когти и клюв начнут его рвать. Но оно несет его, несет выше гор! Они летят в пустоте над кораблями-башнями. И несет его флаер — не са-морд, а флаер! Машина поднимает нос, сейчас она перевернется, расколется...

— Поднимите его, даже если придется его связать! Мы не можем рисковать при подъеме...

Слова в воздухе, слова без смысла. Тепло, снова тепло. Он не погиб при падении этого флаера. Погрузился в теплую воду ручья, и его понесло течением. Он видит мир неясно, сквозь

воду, и перед ним появляется какая-то туманная фигура. Она поворачивается, он видит ее лицо и понимает, что спасения нет. Лорд Диллан! Его выследили, и он снова пленник.

— Нет! — Он слышит собственный крик, пронзительный, как крик са-морда, и тщетно пытается выбраться из течения, уйти от Темного. Бесплезно: он не может пошевелиться, и ручей продолжает нести его. Ночь, но вокруг не темно, как в подземелье У-Сиппара; над ним видно созвездие Щита Лора. И эти звезды движутся. Или движется он сам? Он пытается разрешить эту проблему. Знакомый запах ларнга отгоняет зловоние ручья. Но он продолжает покачиваться, словно его несет течение.

— Маяк! Мы почти добрались...

Куда? В У-Сиппар? В корабли-башни? Он решил загадку своего перемещения: он лежит, укутанный в охотничью сеть, подвешенную между двумя шагающими ларнгами. Но он не может сказать, насколько это реально. Может, тоже сон? Кинкар опустил отяжелевшие веки, он настолько устал, что окружающее перестало его интересовать.

Но, наверно, слишком устал, чтобы заснуть, потому что сознавал, что они оказались во дворе. Приподнявшись, он взглянул, кто высвобождает его из сети.

Бесплезно! Вся его отчаянная попытка сбежать оказалась бесплезной: его поднял и понес к теплу, свету и звукам лорд Диллан. Они вернулись в корабли-башни, и сейчас начнется допрос...

Должно быть, его принесли в комнату с мягкой обивкой. Он лежит в ней на удобной скамье. Но упрямо не открывает глаза. Пусть считают, что он не пришел в себя.

— Кинкар...

Он напрягся.

— Кинкар...

Невозможно не узнать этот голос. Лорд Диллан имеет двойника, но леди Асгар? Кинкар открыл глаза. Она слегка улыбалась, но смотрела на него с вниманием лекаря. Одетая она в теплую зимнюю одежду, волосы убраны под меховой капюшон. На плече ее сидит Воркен и так же внимательно смотрит на Кинкара.

— Это крепость? — Он не верил собственным глазам: ведь он был уверен, что находится совсем в другом месте.

— Крепость. Ты в безопасности благодаря Воркен. Верно, крылатая?

Воркен наклонила голову и потерлась гребнем о подбородок леди.

— Мы охотились в горах, и она прилетела и повела нас на пир... — На лице Асгар появилось выражение легкого отвращения. — А оттуда нетрудно было по следу отыскать тебя, Кинкар. А теперь... — Она склонилась к нему с роговой ложкой в руке; в то же время кто-то другой сзади приподнял его голову и плечи, чтобы он смог пить... — А теперь выпей это, чтобы ты мог рассказать нам свою историю, потому что мы опасаемся, что время не ждет.

Поддерживал его лорд Диллан. Но их лорд Диллан, а не Темный хозяин кораблей-башен. Удобно упираясь в его сильное плечо, Кинкар рассказал свою историю, рассказал сжато, без тех словесных украшений, к которым прибегают сказители. Он только одно не мог описать ясно: что произошло с ним в разрушенном святилище. И его об этом не спрашивали. Когда он рассказывал о встрече с беглецами на берегу, лорд Диллан впервые заговорил:

— Отчасти мы об этом знаем. Муррен не справился с Симом, и животное пошло своей дорогой. Сим привез их к нашим воротам, и их отыскали Капал и охотничья группа. Мы выслушали их историю. Она мрачная. — В глазах его была боль. — Ты сам услышишь позже. Итак, тебя захватили люди правителя, — повторил он, и Кинкар продолжил.

Чудесное появление Воркен на поле, где он был приговорен к смерти, и вмешательство Темного лорда Диллана...

Человек, поддерживавший его, напрягся при описании.

— Не только Руд... я тоже там?..

— Разве мы не предвидели, что это возможно? — спросила леди Асгар. — И это может оказаться нашим оружием. Но куда они отвезли тебя, Кинкар?

Он так хорошо помнил корабли-башни, что его описание должно было быть очень ярким. Оба рожденных звездами вздрогнули, услышав его рассказ о борьбе со страхом.

— Обработка! — сказал лорд Диллан. — Так извратить использование медицинского оборудования!

— Но это всего лишь одно извращение из многих, — заметила Асгар, — потому что сама их жизнь здесь — извращение, в нашем представлении. Эта машина тебе особенно хорошо знакома, Диллан, поэтому на тебя так подействовало, но мне кажется, что они все свои знания — наши знания, — направили на укрепление цепей рабства. И заметь: она не справилась с рожденным на Горте! Кинкар считает, что он был направлен на этот путь, и я думаю, что он прав, очень прав! Но ты сбежал из этих прикованных к земле кораблей. Как тебе удалось? — спросила она у молодого человека.

В пересказе его полет из необычной крепости казался легким и обыкновенным, хотя сам Кинкар сильно сомневался, чтобы смог выдержать его еще раз. Легче действовать импровизированно, чем когда точно знаешь, какие трудности тебя ждут.

Когда он закончил, начал действовать напиток. Боль в измученном теле стихла, и Кинкар погрузился в глубокий сон.

Проснулся он внезапно, без постепенного перехода к действительности. И, открыв глаза, увидел сидящего рядом юношу с морского берега; тот опирался подбородком на руки и смотрел на Кинкара, как будто ожидал ответа на какой-то беспокоящий вопрос. Кинкар подумал, что такого взгляда достаточно, чтобы разбудить. И спросил:

— Чего тебе нужно?

Тот странно улыбнулся:

— Хотел увидеть тебя, Кинкар с`Руд.

— Что ты и сделал без помех. Но в твоем взгляде еще что-то...

Юноша пожал плечами:

— Может быть. Хотя само твое существование — чудо в этом мире. Кинкар с`Руд, — повторил он серьезно, не адресуясь к носителю, а как заклинание. — Кинкар с`Руд... Катал с`Руд...

Кинкар сел на койке. Тело затекло и побаливало, но он чувствовал себя отдохнувшим и полным энергии.

— Кинкара с`Руда я хорошо знаю, — заметил он. — А кто такой Катал с`Руд?

Юноша рассмеялся.

— Только посмотрите на него! Мне много странного рассказывали здешние хозяева, и поверить в это может только тот, кто верит всем сказочникам. Но, глядя на тебя, я готов поверить каждому их слову. Мы оба можем утверждать, что наш отец лорд Руд, но это не один и тот же лорд Руд. И это смахивает на правду, потому что мы с тобой не похожи.

— Сын лорда Руда... — На секунду Кинкар почувствовал замешательство. Лорд Диллан говорил о братьях, нет, сводных братьях, которые могут называть себя его родственниками. Но они улетели в звездных кораблях. Потом он понял. Не его отец... лорд Руд с этого Горта, человек, изнеженный легкой жизнью, развращенный абсолютной властью, с которым он встретился в У-Сиппаре. — Но я думал...

— Что здесь нет полукровок? Ах! — Юноша горько вздохнул. — Они говорят, что такое рождение невозможно, как помесь морда с суардом. Но это неправда. Хотя большинство родившихся тут же убивают... если отцы о них узнают. Жить под угрозой вечного смертного приговора — не только со стороны отца, но и от своих же — это нелегко!

— Лорд Руд узнал о тебе. Поэтому ты бежал?

— Да. Муррен, стражник из рода моей матери, дважды спасал меня. Но, как ты видел, его за это наказали. Лучше бы он сам убил меня! Я никто, не принадлежу ни к той, ни к другой крови.

Как раньше он изучал Кинкара, так теперь рассматривал его Кинкар. Не его повторение, не физический двойник, как два лорда Диллана. Какие-то законы случайности вмешались в их рождение. Кинкар решил, что Катал моложе его на несколько сезонов, у него худое изможденное лицо, напряженное, никогда не расслабляющееся тело, как у человека, живущего в постоянной опасности. У него нет счастливых воспоминаний о Вурде и о безопасности в Стире. Неужели он был бы таким, как Катал, если бы родился на этом Горте?

— Сейчас ты в безопасности, — попытался успокоить его Кинкар.

Катал смотрел на него, как на ребенка, который не понимает, какую глупость сказал.

— Неужели? Для сына Руда тут нет безопасности — пусть даже ты пришел из другого мира.

— Лорды изменяют это...

Снова горький смех.

— Да, твои лорды удивляют меня. Мне сказали, что тут все звездной крови или полукровки, кроме освобожденных рабов и беглецов. Но какое оружие есть у твоих лордов? Выстоят ли они против мощи всего Горта? Потому что, как только станет известна правда, весь Горт выступит против этой крепости. Лучше построить другие врата, о которых тут говорят, и уйти в них, пока не почувствовал у себя на горле пальцы лорда Руда!

И Кинкар, вспомнив корабли-башни и флаер, вполне согласился с ним, что в руках Темных могучее оружие. На мгновение он потерял уверенность.

— ... отличный из меня слуга! — Этот конец фразы произнес лорд Диллан, проходя сквозь дверную занавесь. Он осторожно держал обеими руками чашку, испускающую пар и запах пищи. Кинкар сразу вспомнил, как давно он не ел. Сзади шел лорд Бардон, держа в руке несколько разного размера рогов для питья. А дальше все остальные звездные повелители, великаны рядом с окружившими их гортианами.

Катал соскользнул с сиденья и прижался к стене. У него было выражение человека, которому предстоит сражаться с намного превосходящим противником. Лорд Джон поставил кожаную бутылку, которую он принес, и улыбнулся.

— Оба в одном гнезде. Корми своего, Диллан, а я займусь этим, чтобы у него язык развязался. — Он опустил руку на плечо Катала, как сына, и тот хоть и не утратил подозрительности, но не пытался вырваться.

Кинкар зачерпнул полную ложку густого супа и принялся есть. Такой еды у него не было с самого Стира. Дорожные лепешки и сушеное мясо хороши для путника, но они не такие вкусные.

— Это военный совет, — провозгласил лорд Бардон. Говорил он легко, и тон его противоречил смыслу слов. — Мы пришли выслушать все, что вы можете сообщить нам, сыновья Руда.

Катал вздрогнул при этих словах, означающих в его мире стыд и ужас. Но Кинкару они показались естественными, и ему нравилось, что он может считать себя родственником спокойных и уверенных людей, стоящих рядом с ним. Уверенность вернулась к нему. Он видел Темных, и, по его мнению, они не сравнятся с теми звездными повелителями, которых он знает.

— Начнем с перечисления имен, — по обыкновению, повел заседание лорд Диллан. — Расскажи нам, Катал, кто эти Темные... перечисли нам все их имена.

Глава 17

ВТОРЖЕНИЕ

— Никогда нам не сложить одно с другим!

Кинкар откинулся. На щеке у него широкая полоса жира суарда, он случайно задел щеку рукой. Перед ним головоломка из металлических обломков флаера. Все эти обломки принесли в крепость, и звездные повелители и полукровки пытались восстановить машину, но получится ли, никто не был уверен.

Лорд Диллан вздохнул.

— Ты, наверно, прав, — согласился он. — Я ученый, но как у техника у меня много ограничений. Если бы только я помнил больше! — И он провел своей вымазанной в жире рукой по коротко подстриженным темно-рыжим волосам. — Пусть это будет уроком для тебя, мальчик. Изучай все, что можно, в юности. Потом может пригодиться. Я летал на таком... но восстановить его — совсем другое дело.

Лорд Джон, который лежа осматривал части рамы, улыбнулся.

— Сплошная теория и никакой практики, Диллан? Нам нужно руководство...

— С таким же успехом можно пожелать новый флаер, лорд. — Вулт встал и потянулся, чтобы размять затекшие мышцы. — Дайте мне хороших мечников, и я возьму крепость. Не нужно будет собирать эти куски металла и обрывки проводов.

Лорд Бардон, который не принимал участия в их трудах, заявив, что никогда не обладал склонностью к машинам, рассмеялся.

— А где мы возьмем этих мечников, Вулт? Попробуешь заклиниванием превратить в них деревья? Судя по всему, прямое нападение не приведет к успеху. Интересно... — Он разглядывал лежащие перед ним части. — Этот рычаг слева у твоей ноги, Диллан... Он кажется мне связанным со стержнем, который только что прикрепил Джон. Только предположение, конечно.

Лорд Диллан подобрал рычаг и поднес его к стержню. Потом серьезно спросил:

— Еще какие-нибудь предположения, Бард? Ясно, кто здесь механик.

Кинкар заволновался:

— Смотри, лорд! Если это подходит, тогда подходит это и это. — Он сложил части. Ему незнакомо звездное волшебство, но когда части соответствуют друг другу, он это видит.

Диллан в знак поражения насмешливо поднял руки:

— Похоже, совершенно не обученные для такой работы подходят лучше. Малые знания не помощь, а помеха. Давайте, дети. Посмотрим, что вы можете сделать без моего вмешательства.

В конце концов после долгих трудов им удалось собрать флаер.

— Остается вопрос, полетит ли он, — сказал лорд Бардон.

— Есть только один способ проверить это. — Прежде чем кто-либо успел возразить, лорд Диллан сел за приборы управления. Но когда его рука протянулась к кнопкам, рядом оказался Кинкар, который чувствовал, что должен принять участие в испытании.

Может быть, Диллан приказал бы ему выйти, но было уже поздно: звездный повелитель небрежно нажал нужную кнопку, и они поднялись — не с той ужасающей скоростью, как в прошлом полете Кинкара, но медленно; машина негромко гудела.

— Ну, по крайней мере не взорвалась сразу, — заметил лорд Диллан. — Но я не стал бы на ней участвовать в гонках...

Теперь они были над башнями крепости. И Воркен, видя, как они пролетают мимо ее насеста, тоже поднялась в воздух и принялась летать вокруг машины, испуская удивленные крики. Людей идущих, людей, едущих на ларнгах, она понимает, привыкла с детства. Но люди в ее собственной стихии — это совсем другое дело.

Кинкар, слишком хорошо помнивший нападение горного са-морда, пытался отогнать ее. Воркен не может своим весом разбить флаер, как тот гигант. Но если вцепится лорду Диллану в лицо, может всех погубить. Ее круги становились все меньше, любопытство побеждало осторожность. И вот она села на спинку сиденья и просунула между ними длинную шею, интересуясь, что будет дальше.

— Одобряешь? — спросил у нее Диллан.

Она что-то пропищала, словно отвергая глупый вопрос. Видя, что она спокойна, Кинкар не пытался убрать ее.

Диллан начал испытывать восстановленную машину. Она не очень отзывалась на повороты и изменение скорости, но поддавалась управлению. И Диллан считал, что ею можно воспользоваться для осуществления их плана. Пролетев над долиной, которую сторожит крепость, и сделав круг над горами, он с толчком, но достаточно спокойно посадил флаер во дворе.

— Не в лучшей форме, но нас доставит... — был его вердикт, сообщенный жителям крепости и аборигенам из четырех освобожденных партий рабов. Лучники из крепости теперь постоянно следили за горной дорогой и освобождали всех несчастных, которых проводили по ней.

Этими людьми командовал Капал. Из тех освобожденных, в ком оставалась сила духа и стойкость, он постепенно создавал боевую группу. Часто приходил в отчаяние, но тем более упорно обучал их, чем меньше они соответствовали его представлениям и надеждам. Он с готовностью ухватился за луки и теперь тренировал своих людей, в том числе нескольких женщин из числа освобожденных рабов, и требовал изготовить еще. Он настаивал, что пришла пора ему возглавить поход.

— Вот в чем дело, лорд. — Он накануне вечером отыскал лорда Бардона и принялся уговаривать его. — Эти люди слишком долго были рабами. Они думают, как рабы, считают, что

никто не устоит перед Темными. Но дайте им только раз захватить этих слуг — погонщиков рабов или, еще лучше, окрасить свои стрелы кровью этих пожирателей грязи, и они станут совсем другими. Они должны испытать вкус победы и тогда снова смогут считать себя людьми!

— Если бы у нас было время, я бы согласился, Капал, потому что ты говоришь, как вождь, понимающий, как вдохновить людей и научить сражаться. Но времени у нас нет. Если Темные обнаружат нас, мы будем уничтожены и у нас не будет даже возможности встретиться в честной схватке. Нет, мы должны действовать быстро, уверенно и безжалостно. И как можно скорее!

Катал дал им ключ к тому, что может стать их единственным преимуществом. Изредка все Темные собираются в своих кораблях-башнях. Несмотря на междоусобицы, на вражду и ссоры, они по-прежнему поддерживают общение, обмениваются припасами, новостями и людьми.

Над местными традициями они смеются, топчут их, когда обнаруживают, но сами не свободны от символических празднований. И наиболее устойчиво отмечают они годовщину своей высадки на Горте. Для этого они собираются со всей планеты и устраивают двухдневный праздник. Он редко проходит без кровопролития, хотя дуэли не одобряются. Аборигены в этом празднике не участвуют, им даже запрещено приближаться к кораблям-башням на день пути. И они знают, что иногда лорд не возвращается с такой встречи, и его владения переходят к другому.

— Мы надеемся, что они таким образом истребят друг друга, — сказал Катал, — используют свою мощь против своих же. Но такие перемены всегда заканчиваются для нас плохо, потому что не возвращаются обычно те лорды, которые правят нами более мягко и терпимо, а их владения получают самые безжалостные. А в последние годы таких перемен стало совсем немного...

— А сколько лордов осталось? — спросил лорд Франс.

Катал вытянул пальцы, как будто хотел подсчитывать с их помощью.

— Кто может сказать, лорд? Пятьдесят владений, у каждого свой хозяин. Примерно у трети есть сыновья, младшие бра-

тъя, родственники. Об их женщинах мы почти ничего не знаем. Они живут тайно, под сильной охраной. Так тайно, что сейчас ходят слухи, будто их осталось совсем мало. И поэтому некоторые лорды... — Он замолчал, и его худое лицо покраснело.

— Так мало, — подхватил лорд Диллан, — что у таких, как лорд Руд, есть запретные связи. И, наверно, он не один такой. Но своим детям-полукровкам они не разрешают жить.

Катал покачал головой:

— Если лорды нарушают закон, лорд, их презирают остальные. Для них мы животные, существа, с которыми нельзя считаться. Может, и есть полукровки, рожденные втайне. Они даже могут прожить несколько лет. Но в большинстве их убивают при рождении. Я вырос до возраста мужчины только потому, что меня спрятала сестра матери.

— Итак, около сотни? — Лорд Бардон подвел итог подсчетам противников.

— Раза в полтора больше, — ответил Катал.

— И все они через двенадцать дней соберутся в кораблях-башнях?

— Да, лорд, это время их сбора.

Крепость начала подготовку, работая весь день и далеко за полночь. Следующее собрание Темных очень не скоро, и потому они должны ударить сейчас. Еще один год ждать невозможно, а победить в войне против всех крепостей Горта у них нет никакой надежды.

Как только убедились, что флаер снова поднимется в воздух, выступила первая группа на ларнгах, она была вооружена и готова к долгому переходу по горным тропам, показанным «внутренними людьми».

Капал во главе своих лучших людей с Оспиком в качестве проводника пошел подземными путями в условленное место встречи, откуда видны корабли-башни.

Кинкар думал, что поедет вместе с остальными полукровками по земле. Но он был единственным, кто побывал в кораблях, и потому его включили в группу звездных повелителей.

Флаер поднимает за раз четверых — с трудом, но он полетит и быстрее, чем ларнг на полном галопе, перенесет их к послед-

ней вершине, с которой видна цель. Все в серебристой одежде, предохраняющей от холода; в ней движения свободней, чем в кожаных и меховых одеяниях гортиан. Кинкар в костюме, топорливо подогнанном по его размеру, казался рядом с ними мальчиком среди мужчин.

На высоте они оставались в укрытии, передавая друг другу четыре пары биноклей. Кинкар тоже получил бинокль в свою очередь. Так они наблюдали за прибытием флаеров в крепость.

— Всего сто десять, — сообщил наконец лорд Бардон. — Но в каждом может быть по несколько пассажиров.

Лорд Диллан опустил на время бинокль.

— Я вот думаю, Бард...

— О чем думаешь?

— Дезактивированы ли их корабли?

— Ну, конечно! Иначе они не встроили бы их в стены...

— Наши не были дезактивированы. И если помнишь, Роттерберг говорил, что это вообще невозможно.

— Ты хочешь сказать, что они могут улететь, как звездные повелители с нашего Горта? — спросил Кинкар.

— Если бы они так поступили, это решило бы множество наших проблем. Но не думаю, что они будут так любезны.

Лорд Диллан не ответил. Он продолжал держать бинокль у глаз, как будто запоминал каждую подробность увиденного.

— Больше никаких прилетов, — заметил лорд Бардон. — Как ты думаешь, они все собрались?

— Похоже на то. Для уверенности подождем до утра. — Лорд Диллан продолжал наблюдать. — Разобьем лагерь и оставим постоянного наблюдателя.

Лагерь устроили временный, разбили его в ущелье, грелись не у костра, а у отопительного ящика, ели сухой рацион. Очередь Кинкара дежурить настала на рассвете. В темноте новые флаеры не прилетали, и отряд заключил, что все Темные собрались в крепости.

— Мы можем удвоить свою численность, — заметил за завтраком лорд Бардон.

— Лучше бы с нами был Роттерберг.

— Гм... — Лорд Бардон пристально посмотрел на лорда Диллана. — По-прежнему думаешь об этом? Но среди нас нет инженеров... Мы бы не остались, если бы были ими. Те, у кого это в крови, улетели на кораблях.

— Тем не менее я считаю, что от этой мысли не стоит отказываться.

— Конечно. — Лорд Бардон рассмеялся. — Если я увижу нужные приборы, тут же установлю их на старт. А тем временем лучший доступ для нас — через спасательные люки. Мы сможем до них добраться с верха той стены. Пойдем к ближайшему?

— Да. И до того, как станет слишком светло.

Снова флаер начал по очереди перевозить небольшой отряд к основанию одной из стен у ближайшего корабля-башни. Лорд Сим забросил веревку с крюком, точно такую же использовал Муррен. Крюки вцепились в верх стены и держались, когда за них с силой потянули. Все по веревкам поднялись наверх.

Лорд Томм спиной прижался к борту древнего корабля, чуть расставил ноги, чтобы удержать тяжесть, и более легкий лорд Джон встал ему на плечи лицом к кораблю. Так он смог коснуться краев люка. Инструментом, снятым с пояса, он провел по этим краям, потом толкнул. Потребовалось еще две попытки, но наконец люк открылся, и они оказались в корабле.

Кинкар вошел третьим и снова ощутил затхлый воздух и странный запах этой молчаливой башни. Но последовавший за ним лорд Франс, оказавшись в коридоре, удивленно воскликнул:

— Это «Моррис»!

— Их «Моррис», — поправил лорд Диллан. — Можешь вести нас, Франс. Это двойник корабля твоего отца...

— Контрольная рубка... — Лорд Франс нахмурился. — Столько лет прошло. Да, туда нужно в первую очередь!

— Зачем? — спросил лорд Джон. Он оглядывался с таким же любопытством, как Кинкар. Он на два поколения моложе первых высадившихся на планете звездных путешественников, и корабли для него почти так же необычны, как и для полукровок-гортан.

— Если корабль можно активировать, мы бы использовали его сканнер.

Для Кинкара это ничего не значило, но лорд Джон, по видимому, был удовлетворен.

Лорд Франс повел их, но не к центральной спиральной лестнице, которую использовали Кинкар и его сторожа, а к более узкому и незаметному проходу. Звездные повелители пользовались им с трудом. Лестница из металлических прутьев, на которые можно поставить ногу. Они поднимались все выше и выше, пока лорд Франс не исчез в отверстии в стене, а лорд Бардон за ним. И Кинкар оказался в самом удивительном помещении.

Четыре мягких, с подушками, предмета, нечто среднее между креслом и койкой. Каждый висит на сложной системе пружин и рычагов, а перед ними ряды шкал и кнопок. По сравнению с ними панель управления флаера словно игрушка. Над каждой такой доской широкое продолговатое непрозрачное окно, похожее на зеркало, которое, впрочем, ничего не отражало. Кинкар оставался на месте, пораженный этой выставкой звездного волшебства. Он подумал, что, если нажмет не ту кнопку, может забросить их всех в космос.

Лорд Диллан прошелся по помещению.

— Астрогатор. — Он положил руку на спинку одного странного сиденья, оно задрожало под легким прикосновением. — Пилот, — указал он на другое. — Астропилот. — Третье. — Связист. — Четвертое и последнее. Именно в него лорд Диллан и сел.

Как только кресло под ним перестало дрожать, приборная панель наклонилась и выдвинулась, так, чтобы ему было удобно доставать до любой кнопки. Но он не торопился, долго выбирал, прежде чем нажать кнопку. Окно над контрольной плитой вспыхнуло желтым светом, и лорд Джон воскликнул:

— Он жив!

— По крайней мере, связь действует.

Опять слова эти ничего не значили для Кинкара. Но он не обращал на них внимания. Слишком заинтересовал его экран. Как будто лорд Диллан открыл окно. Появилась картина пустынной местности и гор, какая видна из корабля.

Лорд Диллан что-то сделал, и они увидели помещение, полное механизмов и машин, совершенно незнакомых Кинкару.

— Машинное отделение, — удивленно выдохнул лорд Джон.

Еще одно движение пальца лорда Диллана, и перед ними новая картина — пространство, полное баков, пустых, давно не используемых.

— Гидропонные...

Так они осматривали внутренности корабля, помещение за помещением. Но нигде никого живого, никаких указаний, что недавно здесь кто-то был. Наконец лорд Диллан откинулся назад, и его кресло задрожало.

— Он ведь не единственный...

Лорд Бардон изучал приборы перед креслом пилота.

— Скорее всего, они собираются в «Гэнги». Ведь это был флагман. Гм... — Он не сел в пилотское кресло, просто передвинул один рычаг. Вспыхнула красная лампа, и откуда-то слышалась речь на языке звездных людей.

— Он горяч! — воскликнул лорд Джон.

Лорд Диллан улыбнулся — холодной улыбкой; не хотел бы Кинкар, чтобы она была обращена к нему.

— И будет еще горячей. — Он встал и подошел к лорду Бардону. — Пяти часов нам достаточно. Посмотрим... — Он отсчитал кнопки, внимательно взгляделся в шкалы, потом руки его замелькали в сложном рисунке над доской. — Пошли отсюда. Попробуем теперь «Гэнги».

— Он взлетит? — спросил лорд Томм.

— Попытается. Во всяком случае, эта часть крепости будет разрушена.

Все вернулись на верх стены, на солнечный свет раннего утра. Лорд Диллан поворачивался, разглядывая остальные башни.

— Пожалуй, нам лучше разделиться. Джон, ты и Родрик, Сим и Томм, идите в эту сторону. Если эти корабли пусты, устанавливайте их на старт — на пять часов с этого момента. Если отыщете... — последовала цепочка слов на звездном языке, непонятном Кинкару... — принесите с собой. Мы пойдем на «Гэнги».

Все кивнули и разошлись в разные стороны.

Глава 18
СНОВА ВРАТА

В «Гэнги» было какое-то другое «чувство». Никто не заметил, как они вошли в корабль через люк. Но когда стояли у подножия ведущей в контрольную рубку лестницы, даже Кинкар почувствовал слабое тепло, исходящее от стен. Здесь не было ощущения затхлого, давно не менявшегося воздуха.

— Это он... — Лорд Бардон был доволен.

— Снова в рубку? — спросил лорд Франс.

— Да... — Ответ прозвучал не очень уверенно, словно лорд Диллан опасался подниматься. Может, он думает, что рубка занята?

Но вот он начал быстро подниматься, лорд Бардон за ним, остальные вытянулись сзади. Они поднимались мимо закрытых дверей на всех уровнях. Дважды Кинкар, прижимаясь к стене плечом, ощущал легкую дрожь корабля.

На первый взгляд контрольная рубка ничем не отличалась от рубки «Морриса» — те же четыре кресла, те же ряды приборов, те же экраны над ними. Снова лорд Диллан сел в кресло связиста и нажал кнопку. Они увидели внешний мир, потом картина сменилась. Снова машинное отделение, но на этот раз не покинутое, покрытое пылью. На шкалах приборов, установленных на большом корпусе, двигаются стрелки. Гидропонный сад полон зелени, и звездные повелители удивились.

— Как вы думаете, они собираются стартовать? — спросил лорд Джон.

— Более вероятно, держат «Гэнги» в стартовой готовности как символ, — ответил лорд Диллан. — И, может, сейчас в этом их спасение...

Снова картина сменилась. Кинкар вздрогнул. Такая яркая и отчетливая, словно он смотрит сквозь открытое окно в набитое людьми помещение. Потому что помещение полно народа.

Раздались восклицания лорда Франса и лорда Джона. Они увидели собрание Темных.

— Ты... Великий Дух Космоса! Диллан, это ты! — Голос лорда Бардона дрожал. — И Руд! Это настоящий Руд! Лейси... Мак... Барт... но Барт мертв! Он умер от вертящейся лихорадки

много лет назад. И... и... — Лицо его посерело, глаза приобрели дикое выражение. — Элис, Диллан, это Элис! — И он бросился к выходу из рубки.

Лорд Диллан отдал резкий приказ, и Кинкар двинулся. Остальные звездные повелители застыли, загипнотизированные открывшимся зрелищем. И только для Кинкара это было просто сборище чужаков.

— Останови его! Не дай ему выйти из рубки!

Лорд Бардон на треть выше его, и Кинкар не знал, как ему выполнить приказ, но невозможно было не услышать его лихорадочной настойчивости. Он бросился к двери, схватился за обе стороны выхода, преградив его своим телом. Лорд Диллан кинулся к нему, но не успел. Лорд Бардон обрушился на гортанина, прижал его к стене, тащил, пытаясь оторвать.

Рука ухватила лорда Бардона, развернула его, ладонь ударила по одной щеке, потом по другой так, что только дергалась голова.

— Бардон!

Лорд Бардон пошатнулся, глаза его приобрели осмысленное выражение. Лорд Диллан быстро заговорил на их языке, лорд Бардон негромко вскрикнул и прикрыл лицо руками. И тогда лорд Диллан повернулся к остальным.

— Это не они там, понятно? — Говорил он медленно и подчеркнуто, чтобы каждое слово достигло не только ушей, но и сознания. — Там внизу не те, кого мы знаем — знали. Я не тот Диллан, и он не я.

Лорд Джон прикусил дрожащую нижнюю губу. Он по-прежнему с тоской смотрел на экран, и лорд Диллан обратился непосредственно к нему.

— Это не своего отца ты там видишь, Джон. Не забывай об этом! Вот что еще. — Он повернулся ко всем. — Мы не должны с ними разговаривать — ради нас самих и, может, ради них тоже. Нам остается только одно. Они отравили этот Горт, как мы в меньшей степени наш. И теперь они должны уйти с него...

Он положил руку на спинку пилотского кресла, и в этот момент хрипло заговорил Бардон:

— Ты не можешь отправить их без предупреждения!

— Конечно. Но времени у них будет только на обеспечение безопасности старта. Они должны расплатиться за все, что здесь сделали. И в новое изгнание они отправятся с риском.

Звездные повелители были заняты своими проблемами, но Кинкар снова смотрел на экран. И решился прервать:

— Лорд, а они могут нас видеть, как мы их?

Диллан, подняв голову, повернулся к экрану. Ошибиться было невозможно: собравшиеся в том помещении стихли, и все лица были обращены к экрану. Явное недоумение на этих лицах уже сменялось озабоченностью. Другой лорд Диллан двинулся, приблизился к ним, так что его голова закрыла три четверти экрана.

Словно в кошмаре, один Диллан смотрел на другого через экран. Огромная рука двинулась поперек экрана и снова исчезла. Потом загредел голос, он говорил на звездном языке. Диллан, их Диллан, переключил что-то под экраном и ответил. Потом рука его разорвала контакт, изображение на экране и голос исчезли.

— У нас мало времени, — неторопливо сказал он. — Задрайте эту дверь, чтобы они не могли войти. Им придется прожигать ее...

Его приказ начали выполнять лорд Франс и лорд Джон. Лорд Бардон остался у пилотского кресла. Диллан повернулся к нему:

— Мы дадим им не просто шанс, Бард. Они смогут начать сначала. Мы их не обрекаем...

— Я знаю, знаю! Но поднимется ли корабль? Или... — Голос его перешел на шепот.

— А теперь уходим, — обратился ко всем Диллан. — Прочь отсюда, и как можно быстрее!

Кинкар был уже на лестнице. Страх застрять тут и быть унесенным в небо был совершенно реален. За Кинкаром бежали лорд Джон и лорд Франс. Все трое уже выбежали на открытый воздух, когда к ним присоединился лорд Бардон. Он задержался у люка, положив руку на веревку, и ждал.

Их окликнули другие группы. Лорд Джон рукой махал им, сигнализировал, чтобы уходили. Тут лорд Бардон отскочил от люка, и в овальном отверстии появилась последняя серебря-

ная фигура. Диллан захлопнул за собой люк и скользнул по веревке.

— Бегите, глупцы! — закричал он, и Кинкар вместе с остальными побежал по стене. Он не представлял себе, как взлетает космический корабль, особенно вделанный в постройку, но мог догадаться, что последует небольшое землетрясение.

Сильная рука ухватила его за талию, и лорд Диллан крикнул:

— Прыгай, сынок!

Все спрыгивали со стены. Сильно ударились и покатались. Кинкар свернулся комком, на него навалился кто-то другой, а земля под ними дрогнула и покачнулась. Послышался стон разрываемого металла, со всех сторон доносился грохот, потом ослепительно яркая вспышка, затем гром — и тишина, такая полная, как будто все звуки исчезли навсегда.

С неба бесшумно падали осколки скал. Вообще ни звука. Кинкар высвободился из-под тяжести. Потрясенно сел, в голове звенело; когда он пытался сосредоточить на чем-то взгляд, перед глазами начинали мелькать красные и оранжевые круги. Рука коснулась теплого тела, потом чего-то липкого. Он нетерпеливо потер глаза, пытаясь прочистить их. Но больше всего пугала мертвая тишина.

Теперь он мог видеть, правда неясно. Рядом с его коленом по серебристому полю бежит что-то красное. Ошеломленный, он снова потер глаза. В ушах зазвенело, звон становился громче, когда он пытался пошевелиться, он мешал думать...

Однако он может двигаться. Кинкар склонился к неподвижному телу рядом с собой. Рана на плече, разорван и серебристый материал, и плоть под ним. Кровотечение уже останавливается. Он осторожно попытался повернуть лежащего и увидел бледное и расслабленное лицо лорда Диллана. Но звездный повелитель дышит. Кинкар рассмотрел тяжелую голову у себя на руке и раскрыл замок костюма. Сердце бьется ровно, хотя как будто медленно. Флаер... если только он найдет флаер и припасы на нем...

Кинкар снова опустил голову Диллана на землю. У него появилось странное ощущение, что если он резко повернется, то взлетит на воздух.

Прежде чем он смог отвернуться, с земли поднялась еще одна серебристая фигура. Кинкар видел, как открывается и закрывается рот на грязном лице лорда Джона, но не слышал ни слова. Потом вокруг собрались остальные.

Как ни удивительно, все выдержали старт «Гэнги», хотя долго опасались, что Бардон потерялся. Наконец нашли и его, оглушенного, но живого, по другую сторону треснувшей и обвалившейся стены.

Кинкар оглох, он не мог понимать остальных, собравшихся у флаера. Диллан, пришедший в себя, перевязанный, сидел, прислонившись спиной к груде обломков, и отдавал приказы. Джон и Бардон не могли передвигаться без поддержки, а остальные деловито обыскивали оставшиеся корабли и подходили к Диллану с отчетами. Дважды приносили полные ящики и ставили в импровизированном лагере.

Лорд Франс на флаере перенес добычу и раненых подальше в пустыню, на несколько миль от кораблей-башен. Там, где «Гэнги» образовывал центр этого странного сооружения, теперь был обширный кратер; звездные люди его обходили; он дымился в утреннем воздухе. А стены, которые соединяли его с другими кораблями, обвалились, местами превратились просто в груды щебня. Кинкар, глядя на разрушения, удивлялся, что все остались живы. Обладая он знаниями звездных людей, он удивлялся бы еще больше.

— ... улетел к горам...

Он смотрел на беззвучно двигающиеся губы так долго, с таким растущим раздражением, что вначале даже не понял, что услышал слова, как негромкий шепот сквозь гул в голове. Лорд Франс докладывал о какой-то важной находке, судя по поведению окружающих.

Побежали к кораблям, вернулся флаер. Лорда Диллана и Кинкара усадили в него, чтобы унести подальше. Должно быть, стройные серебряные башни последуют за флагманом, брошенные и лишенные экипажей.

Слух прочистился, и Кинкар услышал резкий окрик. В пустыне показался отряд всадников, это группа из крепости. Они скакали галопом, словно в битву, а Вулт далеко вырвался вперед, выкрикивая на ходу новости. Он соскочил с ларнга и за-

тормозил рядом с Дилланом. На лице его было дикое выражение.

— Демон... тот, что в твоём теле, лорд... он обратил против нас освобожденных рабов!

Кинкар заметил пустое седло в приближающемся отряде. Где Джонатал? Двое подъезжающих ранены.

Лорд Диллан резко оборвал:

— Да, это был самый разумный ход. Мы должны лететь туда побыстрее. Франс, садись за управление... Сим...

— Не ты, Диллан! — возразил лорд Бардон.

— Именно я! Кто еще сможет справиться с ним и показать, что он — не я? — Глаза его устремились к Кинкару. — И ты, Кинкар. Настало время, хранитель, использовать твою силу...

Диллан приказал всадникам идти по равнине к крепости вместе с остальными звездными повелителями, раненых вместе с лордом Бардоном и лордом Джоном оставить в лагере, чтобы они наблюдали за стартом остальных кораблей.

Флаер поднялся над хребтом и полетел к крепости. Лорд Франс пустил его на максимальной скорости, и сидевшие в нем не разговаривали. Знакомая вершина встала на фоне неба: они почти у долины.

— Он использует твоё лицо как пропуск, — заметил лорд Сим.

— Асгар поймет правду.

Да, леди Асгар сможет отличить ложь от правды, но успеет ли она сделать это вовремя? И как ложный лорд Диллан сумел уйти из «Гэнги» до старта? Кинкар думал об этом; видя замкнутость своих спутников, он не задавал вопросов.

С воздуха крепость казалась обычной, пока не стало заметным тело, лежащее у входа в главный зал со двора. Кроме этого мрачного зрелища, нигде ни следа жизни — или смерти.

Франс посадил флаера во дворе. Теперь звон в ушах Кинкара не заглушал шум в зале. Кинкар вскочил на ноги, с мечом в руке, но двигался он не быстрее лорда Диллана. Вдвоем вступили они в крепость.

Горсть гортиан, среди них и женщины, прижимались к дальней стене. В их центре леди Асгар. Она стояла перед се-

ребристой фигурой, двойником стоявшего рядом с Кинкаром человека. За ложным лордом веером располагались освобожденные рабы. Капал, слабо дергаясь, словно еще размахивая мечом, лежал в ногах леди Асгар. А за ней, полупригнувшись, словно собираясь вцепиться в горло ложного лорда Диллана, стоял Катал с`Руд.

Обитатели крепости были в западне, их удерживало оружие ложного лорда — бластер, каким он когда-то угрожал Кинкару. Один из рабов за ним увидел появившуюся группу. Рот его раскрылся в крике неприкрытого ужаса, он бросился на пол, бил кулаками по камням и продолжал нечленораздельно кричать. Его товарищи отскочили — сначала от него, потом от своего ложного господина, увидев настоящего лорда Диллана.

Даже человек с железной волей не смог бы не обратить внимание на такое вмешательство. Ложный лорд оглянулся, давая шанс тем, кого удерживал перед собой. Леди Асгар яростно набросилась на него, пытаясь вырвать бластер, а Катал и старший сын лорда Джона устремились ей на помощь.

Подбежали прилетевшие на флаере. Диллан, со свежими пятнами крови на повязке, стоял перед самим собой, но сходство между ними больше не было зеркальным, потому что Диллан этого Горта рычал, лицо его исказилось гримасой гнева. Асгар вырвала у него оружие. И он голыми руками потянулся к горлу соперника.

Кинкар, как и в тот раз, когда спас лорда Бардона от ножа-иглы, втиснулся между ними, левой рукой сильно ударив ложного лорда по бедру, подставив меч, так что тот не удержался на ногах. Они оба упали на каменный пол, а остальные полувровки навалились на них.

Когда Катал и еще двое прочно прижали ложного лорда, Кинкар сел.

— Кто ты? — спросил пленный у своего стоящего двойника.

— Я тот, кем стал бы ты, если бы история Горта пошла по другому пути...

Ложный лорд Диллан лежал неподвижно; рот его шевелился, будто ему было трудно произносить слова.

— Но кто... где...

— Мы нашли путь между параллельными мирами...

Диллан смотрел больше не на пленника, а на гортиан. Бывшие рабы, следовавшие за ложным лордом, теперь отступали. Один или два из них скулили. А тот, что упал на пол, бессмысленно смотрел в пустоту, из угла его рта текла струйка слюны. Все остальные были близки к этому.

Леди Асгар заговорила с Кинкаром, обеими руками подняв его на ноги, чтобы он побыстрее исполнил ее просьбу.

— Это твоя задача, хранитель. Дай им что-нибудь... знак... чтобы они смогли сосредоточиться на чем-то другом. Иначе они у нас на глазах потеряют рассудок!

Кинкар разорвал замок своего серебристого костюма и извлек Связь. У него на ладони камень слабо засветился, пробуждаясь. Кинкар запел и увидел, что сияние стало ярче. Полукровки подхватили его песню. Мелодичные звуки заполнили высокий сводчатый зал. Камень продолжал нагреваться. Кинкар протянул его леди Асгар, и та накрыла талисман своей ладонью и подержала так немного. Сияние не изменилось, и леди Асгар не испытала никакого вреда.

Кинкар повернулся к лорду Диллану из крепости. В свою очередь рука, широкая, смуглая, без колебаний накрыла талисман. И еще один звездный повелитель прошел испытание.

Наконец хранитель нагнулся к ложному лорду. Этому Диллану тоже не занимать было храбрости. Он невесело улыбнулся, и рука его, освобожденная Каталом, устремилась к камню.

Но, несмотря на свою храбрость и решительность, взять талисман он не смог. Тот вспыхнул, запульсировал — не синезеленым, а зловещим желтым свечением, как будто необычное пламя языком лизнуло протянутую руку.

— Демон!

Щелкнула тетива лука, и в широкую грудь вонзилась оперенная стрела. Человек на полу изогнул спину и закашлялся, пытаясь еще что-то сказать своему двойнику. Капал, прижимая к себе лук, рассмеялся.

— Одним демоном меньше, — плюнул он. — Хорошо бы за ним стояли все остальные. Одним демоном меньше!

— Больше никого не будет, — сказал живой Диллан над мертвым. — Они все вернулись к звездам, с которых прилете-

ли. Только этот вырвался с корабля до старта, улетел на флаере. Горт теперь свободен от его племени.

Откуда в сознании Кинкара возникли слова, которые полились потоком в диком ритме? Он понимал, что никогда не учил их наизусть, но вместе они образовали страшное проклятие, наложенное на людей этого мира и на Лес за ним, на приход и уход, на живых и мертвых. Само звучание этих слов вызывало странные тени, а бывшие рабы впитывали его слова, ползли за ним по пятам.

Но вот проклятие сменилось обещанием, какие иногда Трое вкладывают в уста тех, кто вдохновлен их мудростью.

— Лорд... — Капал нарушил тишину, воцарившуюся, когда он кончил. — Что ты прикажешь нам?

— Я ничего не приказываю. — Кинкар покачал головой. — Живите как свободные люди в открытом мире... — Но роковая одержимость по-прежнему жила в нем. Нужно сделать еще одно, он должен это сделать. Связь умерла, превратилась в безжизненный камень. И для него она такой навсегда и останется. Она должна перейти к другому, может быть, лучше подготовленному для ее использования. Он всего лишь посыльный, а не настоящий властитель Тройственной Силы.

— Я покажу вам человека, одного из вас, который поведет вас... — И он повернулся к другому с`Руду.

Катал медленно поднял руку, словно она двигалась помимо его воли. Кинкар бросил талисман в воздух. Он пролетел разделяющее их пространство к ожидающей руке. И когда коснулся ее, камень снова засветился! Он прав: Связь решила уйти от него. И теперь, даже если захочет, он не может удерживать ее.

Камень за спиной чуть потеплел в обещании приближающегося теплого времени года. Кинкар вдохнул свежий воздух двора. Воркен сидела у него на плече, время от времени покрикивая.

— Оставайтесь с нами, лорды... вы нам нужны...

За последние месяцы они много раз слышали эту мольбу. И, как всегда, последовал тот же терпеливый ответ:

— Нет. Мы нужны вам меньше всего. Это ваш мир, Катал, Капал; прокладывайте ему собственную дорогу. Мы не хотим,

чтобы одни правители-чужаки сменились другими. Делайте будущее собственными руками и радуйтесь, что оно принадлежит вам!

— Но... куда вы пойдете, лорды? В лучший мир?

В долине мерцали новые врата, воздвигнутые из материалов, снятых с улетевших кораблей. Когда утром они пройдут в них и отправятся в новое добровольное изгнание, будут ли они искать лучший мир? Кинкар взял свой лук. Найдут ли они Горт своих снов? Или это не имеет значения? Иногда ему кажется, что по какой-то причине им сужден вечный поиск и что подлинная их награда — поиски, а не находки. И это его устраивает.

**ОПЕРАЦИЯ
«ПОИСК ВО ВРЕМЕНИ»**

Глава 1

— Атлантида? Сказка! — Человек, стоявший у окна, обернулся. — Не можете же вы всерьез... — Он начал возражать уверенно, но смолк, заметив, что выражение лица его собеседника не изменилось.

— Вы видели записи трех первых попыток. Похожи они на результат чьего-то воображения? Вы сами проверили все меры, принятые против возможности обмана. Сказка, говорите? — Спокойный седовласый человек чуть откинулся в кресле. — Меня всегда интересовало, что лежит в основе самых традиционных сказок. Давно установлено, что норвежские саги, если лишить их сказочных элементов, представляют собой описание путешествий. Большая часть нашего фольклора — это искаженные клановые, племенные или народные предания. Драконы... Ведь на нашей планете действительно когда-то жили драконы...

— Но не на памяти человечества! — Харгривз отошел от окна, положил руки на бедра и выпятил подбородок, словно готовился к схватке, пусть словесной.

— А вы никогда не задумывались, почему такие легенды сохраняются, держатся многие столетия, рассказываются снова и снова? Дракон, пожирающий людей...

Харгривз улыбнулся.

— Я всегда считал, что настоящий дракон предпочитает диету из нежных юных дев, пока какой-нибудь доблестный рыцарь с помощью меча или копья не отучит его от этой привычки.

Фордхэм рассмеялся.

— Драконы, несмотря на свои диетические привычки, встречаются в фольклоре народов всего мира. И их копии когда-то жили на Земле...

— Но это было, повторяю, задолго до того, как появился наш самый первобытный предок.

— Насколько нам известно, — поправил Фордхэм. — Я хочу сказать, что некоторые сюжеты в сказках постоянно повторяются. Начиная этот проект — вы знаете, что послужило его причиной, — мы должны были установить отправную точку. Одна из наиболее устойчивых наших легенд — Атлантида. Она до такой степени стала частью нашего культурного наследия, что многие, наверно, воспринимают ее как установленный факт...

— И все это основано на нескольких строках Платона, приведенных как один из аргументов в споре...

— Но, предположим, Атлантида действительно существовала. — Фордхэм подобрал карандаш и принялся вертеть его на блокноте, однако писать не стал. — Не в этом мире...

— Где тогда? На Марсе?.. Наверно, атланты взорвали себя и оставили эти кратеры в пустыне...

— Как ни странно, но в соответствии с легендой атланты действительно взорвали себя или что-то в этом роде. Нет, прямо на нашей планете. Вы слышали о теории альтернативной истории — что после каждого серьезного исторического решения возникают два альтернативных мира?

— Фантастика... — прервал Харгривз.

— Вы думаете? А что, если это факт, если на одной из таких альтернативных временных линий существует Атлантида, тогда как на другой драконы совпадают по времени с человечеством?

— Но даже если бы это было так, откуда бы мы узнали об этом?

— Верно. Мы отделены от этих линий целой сетью выборов и решений. Но, допустим, когда мы были еще близко друг от друга, существовало взаимное соприкосновение. Может, отдельные индивидуумы могли даже переходить черту. У нас имеется множество странных, но вполне подтвержденных случаев необъяснимого исчезновения людей из нашего мира, и необычные люди иногда появляются при очень своеобразных обстоятельствах. Атлантида — такая живая легенда, она так захватывала воображение многих поколений, что мы решили сделать ее нашим проверочным пунктом.

— А как именно?

— Мы скормили Ибби все сведения, которые известны современному миру об Атлантиде — от отчетов геологов, утверждающих, что когда-то морское дно было хребтом затонувшего континента, до «откровений» служителей культов. В ответ Ибби выдал нам уравнение.

— Вы хотите сказать, что ваш «поисковый луч» основан на этой теории?

— Совершенно верно. А результаты записей вы видели. Они получены благодаря расчетам Ибби. Вы сами признали, что изображения не похожи ни на что современное.

— Да. Я это сказал. А где они были сделаны?

— Прямо здесь, на той местности, которую вы разглядывали. Сегодня мы предпримем десятиминутную попытку, самую длительную из всех. В качестве начального ориентира используем этот курган.

— У вас по-прежнему из-за него неприятности?

Фордхэм нахмурился.

— Мы распространили слухи, что расчищаем местность для строительства новых лабораторий. Но этот Вильсон поднимает шум из-за любого правительственного проекта. Под лозунгом «Спасем наш исторический курган» он затеял настоящий крестовый поход, чтобы попасть на страницы газет и затормозить проект. В прошлом году он кричал, что мы начинаем новый эксперимент, в результате которого целый округ может быть сметен с карты. Служба безопасности тогда его предупредила. Он отлично знал, что работы совершенно безопасны. Но лозунг «Спасем наш исторический курган», конечно, вызывает не такой интерес, как «Спасайтесь, яйцеголовые собираются всех нас взорвать!». Сейчас его кампания уже пошла на убыль. Однако курган — прекрасный ориентир, потому что он старше всех остальных созданных человеком особенностей местности.

— А что, если вы обнаружите не Атлантиду, а строителей этого кургана?

— Тогда у нас появятся дополнительные записи для привлечения внимания к проекту, хотя для работы те, что у нас уже есть, подходят больше.

— Да, — согласился Харгривз. — А если получится?.. Если мы сможем пройти сами?..

— У нас будут такие природные ресурсы, о которых сейчас и подумать невозможно. Большую часть сокровищ своего мира мы истощили и разграбили. И теперь должны попытаться пограбить кого-то еще. Ну что, посмотрим на Атлантиду?

Харгривз рассмеялся.

— Увидеть — значит, поверить. Один снимок стоит многих томов слов. Дайте мне с собой в Вашингтон хороший фильм, и я смогу поддержать вас. Ну хорошо, покажите мне Атлантиду!

Погода для начала декабря была удивительно теплая. Рей Осборн расстегнул воротник кожаной куртки. Сапоги парашютиста-десантника приминали пожухлую траву. Теперь его накрыла тень индейского кургана. Раннее воскресное утро — Вильсон правильно подобрал время. И в ограде дыра, как он и пообещал. Видно только одно здание — верхний этаж этого совершенно секретного сооружения. А по эту сторону кургана никто его не увидит, даже если там кто-то есть на дежурстве.

Что тут собираются сделать? Сровнять курган бульдозерами? Что будут делать люди, когда не останется свободного места? Рей повернулся к кургану и подготовил фотоаппарат к съемке. Нажал кнопку...

И словно нажал красную кнопку конца света, потому что мир сошел с ума. Рей пошатнулся, сознавая только невыносимую боль в голове, боль, связанную с яркими фиолетовыми вспышками, которые ослепили его. Тишина... Он потер слезящиеся глаза. Туман разошелся, и он стоял, пьяно покачиваясь, ошеломленно и недоверчиво глядя по сторонам.

Свежая яма, землеройные механизмы и даже сам курган — все исчезло! Он в тени, но не у высокой земляной могилы, а в тени гигантского дерева. А за ним еще одно и еще!

Рей протянул дрожащую руку. Ощутил грубую кору — она реальна! И побежал по мягкому ковру мха между этими деревьями с невероятным по ширине обхватом. «Беги назад!» — кричало что-то у него в голове. «Назад?» — спрашивала другая часть ошеломленного сознания. Но куда это — назад?

Несколько минут спустя он выбежал из полумрака этого необыкновенного леса на травянистую равнину. Споткнулся о

торчащий корень, упал и лежал, тяжело дыша. Скоро Рей ощутил на себе солнечный луч, слишком горячий для зимы. Он приподнялся и огляделся.

Впереди, без всяких перерывов, равнина, сзади лес — ничего этого он никогда здесь раньше не видел. Где... где он? Дрожая, хотя земля под ним была теплая, Рей заставил себя сидеть спокойно. Он Рей Осборн. Он воскресным утром отправился к кургану, чтобы оказать услугу Лесу Вильсону — сделать несколько хороших снимков кургана для статьи, которую сейчас тот пишет. Снимки... У него в руках ничего нет! Аппарат? Должно быть, он его выронил, когда это произошло... Произошло что?

Рей обхватил голову руками. Он боролся с самой примитивной паникой и старался рассуждать логично. Но как можно думать логично о чем-то невероятном? Только что он стоял в обычном нормальном мире, а в следующее мгновение оказался здесь. И где это — здесь?

Рей медленно встал, сунул руки в карманы куртки. Надо вернуться назад. Он повернулся к неподвижному лесу и понял, что это невозможно. Пока еще нет. При одной мысли об этом сердце заколотилось. Открытая местность казалась меньшим из двух зол. Поэтому он пошел дальше и вскоре обнаружил в равнине узкое ущелье, на дне его ручей, а вокруг — высокие кусты и деревца.

Пока он искал спуск вниз, там затрещали кусты. Из зеленой чащи прямо на почти отвесный склон устремилась темная фигура. Острые копыта в лихорадочной спешке заскребли по стене, обрушивая почву и камни. Потом, поняв, что подняться невозможно, существо, взмахнув рогатой головой, повернулось к тем, кто за ним охотился.

Рей ухватился за траву на краю откоса, чтобы не соскользнуть вниз. Загнанное животное находилось непосредственно под ним, оно наклонило голову и дышало тяжело, с фырканием. Но Рей не мог поверить в его реальность. Лось, если только это огромное чудовище могло быть лосем, — дикий лось не может бегать по южному Огайо. Рога у него были больше шести футов в размахе, а само животное выше Рея, вполне соответствует по пропорциям деревьям леса.

Из кустов выскочили мохнатые звери, похожие на волков. Уклонившись от удара рогов лося, первый зверь попытался ухватиться за его переднюю ногу. Он был явно не новичок в этой злой игре. Звери прыгали, рвали плоть зубами и тут же отскакивали, прежде чем огромное животное успевало защититься.

Рей пришел в себя, услышав крики. Собаки сразу отскочили. Одна из них хрипло залаяла. И через мгновение появились двуногие охотники. У них не было никакого оружия, насколько мог видеть Рей, но один держал в руках короткий металлический стержень. Он направил его в горло загнанному лосю, и из конца стержня ударил красный луч. Взревев, лось встал на дыбы и рухнул, чуть не придавив собак. Они набросились на дрожащее тело, рвали его на куски, но охотники оттащили их от добычи, отогнали крепкими пинками и ударами.

Достав из ножен на поясе кинжал, один из охотников принялся свежевать пойманное животное. Другой прикрепил к ошейникам собак поводки, а третий завернул огненный стержень в ткань и сунул за пазуху короткой кожаной куртки.

Все трое были среднего роста, но мощные руки и плечи делали их ниже ростом и придавали внешность гномов. Жесткие черные волосы длиной до плеч были смазаны жиром и перехвачены кожаными ремешками. Цвет кожи был чем-то средним между медным и оливковым. Широкие рты с толстыми губами и крепкими желтыми зубами, темные глаза и крючковатые носы — характерные черты их внешности.

У всех одежда из серой кожи, хорошо выделанной и мягкой, как ткань; эта верхняя одежда доходила до середины икр. Поверх нее куртки без рукавов с металлическими нашивками. Ноги в кожаных сапогах до колен с толстыми подошвами, руки обнажены, на них металлические браслеты, украшенные тусклыми камнями. На широких поясах кинжалы в ножнах.

Рей смотрел, больше не пытаясь сопоставить увиденное с реальностью. Сон, это, наверно, сон. Скоро он проснется...

И тут одна из собак обнаружила его. Ее красные глаза отыскали источник странного запаха, бившего ей в ноздри. С воем она натянула поводок. Кожаный ремень остановил ее прыжок. Но она тут же прыгнула снова. На этот раз ремень не выдержал.

Однако, как и лось, собака не смогла подняться на откос. Она тщетно скребла лапами по гравию и лаяла как сумасшедшая.

Рей, ошеломленный, оказался легкой добычей. Один из охотников с криком показал на него. Предводитель развернул стержень и прицелился. Рей повернулся, но добраться до укрытия не смог. Что-то в нем застыло, он не мог даже шевельнуться.

Не в состоянии двинуть даже пальцем, он бессильно ждал появления охотников. С помощью своего необычного оружия они выжгли на стене ущелья ступени. А Рей только знал, что не умер сразу, как лось.

Вот они подошли к нему. Рей смотрел на них. Беспокоила неподвижность окруживших его лиц и неспособность увидеть на них хоть какое-то чувство. Маски, подумал Рей, злые маски. С ледяным спокойствием он понял, что встретился с чем-то совершенно чуждым, находящимся за пределами его старого безопасного мира.

Они осторожно приблизились и принялись разглядывать пленника. Предводитель нарушил молчание, задав вопрос на гортанном свистящем языке. Когда Рей не ответил, он озадаченно выпятил подбородок.

Снова задал вопрос, на этот раз певуче. Другой язык, догадался Рей. Его молчание слегка смутило похитителей.

Наконец предводитель отдал приказ. Один из охотников снял с пояса кожаный ремень, зашел Рею за спину и крепко связал его беспомощные запястья. Рей, все еще под действием незнакомого оружия, вынужден был подчиниться. Но при прикосновении охотника испытал необъяснимое отвращение.

Как только его связали, предводитель поднял стержень. Никакого луча на этот раз не было, но Рей обрел способность двигаться. Не оглядываясь, владелец стержня ушел. Охотник, связавший Рея, концом ремня хлестнул его по плечам и знаком приказал идти. Отвращение Рея перешло в гнев, и не только на похитителей, но вообще на все происходившее с ним. Он не знал, где находится и почему, но чувствовал, что рано или поздно узнает и разберется с виновниками, и эта мысль подбодрила его. Он черпал силы в своем гневе, цеплялся за него, как тонущий цепляется за камень посреди бурной реки.

Они прошли примерно с полмили вдоль ущелья, пока не показался более отлогий спуск. Связанный, Рей не мог бы спуститься по их лестнице и потому заколебался перед спуском. Охранник ударил его кинжалом по ребрам, ударил плашмя, чтобы заставить двигаться. Но после первого же шага Рей потерял равновесие и покатился в облаке пыли и гравия. Остановился он, ударившись о ствол, голова с поцарапанным лицом оказалась ниже ног.

Конечно, мрачно подумал он, если это сон, то такой удар должен разбудить его. Голова тупо болела. Беспомощный, не в состоянии самостоятельно встать, он лежал, ожидая своих похитителей.

Они спускались неторопливо. Один подошел и пнул Рея. Когда Рей не смог встать в ответ на такое подбадривание, двое охотников поставили его на ноги. И сильно толкнули, так что он едва не упал снова.

Из порезов на губах и подбородке текла кровь, она привлекала маленьких жалящих мух, а он ничего не мог сделать. Попытался отмахиваться головой, но это вызывало головокружение. Когда добрались до лося, Рея привязали к дереву, и охотники продолжили свежевать тушу. Обрубив мясо, они бросили куски собакам, а остальное завернули в снятую шкуру. Потом один из них взял внутренности и протащил по траве, оставляя красный след.

Недалеко была видна черная дыра в откосе с грудой песка под ней. Бросив здесь внутренности, охотник отломил прут, сунул его в дыру и начал вертеть им и тыкать. Потом отпрыгнул, и из отверстия показалась волна черных муравьев.

Остальные отвязали Рея и рычащих псов и, прихватив мясо, двинулись вниз по течению. Рей оглянулся на остатки туши. Они были накрыты шевелящимся черным одеялом.

Как он оценил позже, шли они около часа, прежде чем ущелье расширилось и превратилось в долину. Кусты, царапавшие ему кожу и оставлявшие кровавые полосы на обнаженных руках охотников, сменились рощицами и полосками высокой, по пояс, травы.

С каждым шагом состояние Рея ухудшалось. Лицо его, разбитое и исцарапанное, распухло. Глаза превратились в

щелки в измученной плоти. Боль из головы распространилась на плечи и вниз по спине. Он перестал ощущать затекшие руки. Но он приветствовал эти мучения: они не давали задумываться. Где он? Что случилось? Он больше не мог верить, что это сон, как ни пытался отчаянно цепляться за эту надежду.

Наконец не нужно было больше шагать, спотыкаясь. Долина неожиданно превратилась в берег, а ручей с миниатюрной дельтой устремился в волнующееся море. Море?

Свежий соленый воздух заставил Рея очнуться. Море? Посреди материка? Он с тупым ужасом смотрел на песчаный полумесяц пляжа.

Здесь не может быть моря. Значит, он не в своем мире! Он застрял в каком-то кошмаре.

Крик с берега заставил его похитителей ускорить шаг, они подхватили Рея с обеих сторон и потащили с собой. На берегу этого невероятного моря от древесного костра поднимался дым, редкий и тонкий, как утренний туман. У костра охотников приветствовали несколько темных фигур.

— По-прежнему сказка? — Фордхэм не отрывал взгляда от экрана.

Когда Харгривз не ответил, он оглянулся. Его собеседник гневно хмурился. Фордхэм встречался с такой реакцией и раньше. И радовался признакам сомнения, вызванным очевидностью.

— Ну хорошо. Я вижу кое-что... деревья... как на других ваших лентах.

— Деревья? — Фордхэм помолчал. — Вы такие видели когда-нибудь?

— Нет... — неохотно признал Харгривз.

Фордхэм продолжал упорствовать.

— Такие деревья, — указал он, — в этой части мира не видели уже несколько столетий. Первопоселенцы столкнулись с ними, когда нужно было расчищать землю. Иногда требовались годы, чтобы свести девственный лес, пни и корни.

— Ну ладно! Признаю: у вас тут есть что-то, мы с помощью вашего луча видим местность такой, какой она не может быть сейчас и не была уже много лет. Но путешествия во времени...

Атлантида... Мне нужны более веские доказательства, прежде чем я дам рекомендации...

— Можете взять с собой фильмы. Я говорил об Атлантиде только как о возможности, я ведь не обещал ее. Возможно, вы видите доколумбовское или дореволюционное Огайо. Мы не можем ни доказать, ни опровергнуть уравнение Ибби. Но вы должны признать, что начало впечатляющее...

— Я хочу посмотреть запись того, что мы только что видели, — сказал Харгривз. — Хочу проверить, можно ли заметить изменение, когда включается луч.

— Нам понадобится некоторое время...

Харгривз еще сильнее нахмурился.

— У меня его достаточно — для этого. Я должен точно знать, что везу с собой. Мне придется отвечать на множество вопросов.

— Вот... — Фордхэм сел в проекционном зале. — Начинаем. Это раскопки...

Свежая земля под слабым зимним солнечным светом, бульдозер, от которого падает тень, курган...

— Признаю, что видел перемену. Надеюсь, она будет видна и на записи!

Фордхэм рассмеялся.

— Гипноз? Вы думаете, это я делаю? Какой смысл? Или считаете, что я совсем спятил? Мы впервые смогли удержать луч так надолго, теперь будет больше доказательств.

Харгривз смотрел на экран.

— А нельзя ли... — Он замолчал.

— Пройти туда самим? Пока мы можем только смотреть. Насчет того чтобы пойти — не знаю. Придется намного увеличить энергию...

— Эти деревья... — Харгривз смотрел на гигантский лес, застывший на изображении. — Тут, наверное, много других ресурсов. Похоже на пустой мир...

— Да, будем практичны. Допустим, мы сможем открыть дверь и черпать оттуда ресурсы. Как воспримут это в комитете, если вы подчеркнете такую возможность?

— Захотят быть уверенными, что вероятность успеха хотя бы пятидесятипроцентная. А скоро ли возможен реальный эксперимент?

— Послать туда кого-то? Не знаю. Нам потребовалось два года, чтобы добиться хотя бы этого.

Харгривз покачал головой.

— Давайте ваши фильмы, я хочу их показать. Мы, возможно, сможем дать вам половину того, что вы просите.

— Щедро. Но, вероятно, следовало этого ожидать. — Фордхэм совсем не был огорчен. Внутренне это половинное доверие его удовлетворило.

Они снова прокрутили фильм. Харгривз сидел в кресле впереди. Вот разрез раскопок, курган, потом мерцание — и деревья. Но резкое восклицание Фордхэма заглушило гул проектора.

— Лангстон, — крикнул он оператору, — прокрутите назад! И давайте замедленно...

— Что?.. — Харгривз замолчал, взглянув на Фордхэма. У того совершенно изменилось лицо.

Снова показался шрам раскопок.

— Левее от кургана... вот здесь... смотрите!

Харгривз посмотрел. Фигура. Разглядеть трудно, но, несомненно, человек, он сделал шаг в пределы действия луча. Мерцание, которое только мигнуло при нормальной скорости, теперь стало вспышкой. И вот деревья, а рядом с одним из них — человек.

— Пошли! — Фордхэм с невероятной для своего возраста и привычек скоростью устремился к двери. Они на самом деле побежали по коридору и выскочили на стоянку для машин. Фордхэм рывком распахнул дверцу своей машины и сел на место шофера. Едва Харгривз успел сесть рядом и хлопнуть дверцу, как машина понеслась по бетону, направляясь к воротам.

Охранник при виде ее не потерял присутствия духа, он вовремя переключил затвор с автоматической стрельбы. Харгривз шумно и с облегчением перевел дух. Фордхэм не налетел на ворота, как, по-видимому, собирался.

Они шли на запретной скорости, но, к счастью, дорога оказалась пустынной. Где-то по пути к Фордхэму вернулась осторожность, он повернул у раскопок не так стремительно, и дальше они запрыгали по неровной дороге, проложенной тракторами.

Но вот директор проекта выскочил из машины и опять побежал — к кургану. Возбуждение или страх придали ему силы, он опередил Харгривза на несколько шагов, но когда тот достиг кургана, то наскочил на остановившегося Фордхэма. Директор держал в руках фотоаппарат. Но фигуры, которую они видели на записи, не было видно.

— Он исчез! — выразил очевидное Харгривз.

Фордхэм с мрачным лицом смотрел на аппарат.

— Исчез, да... туда... — И он через плечо оглянулся на то место, над которым они видели ряды деревьев. И Харгривз вздрогнул, понимая, как исчез этот человек, но не зная — куда.

Глава 2

— Где он? — услышал Харгривз собственный голос.

Ответ Фордхэма прозвучал почти шепотом:

— Может быть, в Атлантиде.

— Но... вы сказали, что лес может быть доколумбовым... или еще более поздним, — возразил Харгривз.

— Конечно. Может быть все, что угодно. Вы видели это, видели фильм, а теперь — вот это... — Фордхэм помахал фотокамерой. — Бедняга вошел внутрь... или назад... или прошел — можете выразиться, как хотите, и мы отправили его.

— А вернуть его можно? — Харгривз отбросил посторонние размышления, как всегда, ухватившись за самое главное.

— Потребуется не менее четырех дней, может, и больше, чтобы накопить энергии для нового запуска луча. Такие запуски нужно тщательно рассчитывать. Почему, вы думаете, мы избрали именно этот день и час? Тут не просто нажимаешь кнопку или открываешь дверь. Нужно обработать данные. Четыре дня... — Он осмотрелся. — И мы не можем знать, как там протекает время. Он ведь не будет сидеть четыре дня на месте, не знает, что мы постараемся вытащить его. Когда мы будем готовы, он может находиться в нескольких милях отсюда.

Харгривз отвернулся от кургана и взглянул на свежие раскопки.

— Но это нужно сделать. И чем быстрее, тем лучше...

— Конечно. — Но Фордхэм говорил так, будто считал задачу безнадежной. Харгривз продолжал смотреть на канаву.

— А Атлантида — это сказка! — В голосе его звучала уверенность.

Рей споткнулся и упал лицом в песок вблизи грубого очага, сооруженного из камней. Он устал и согласен был просто лежать, не обращая внимания на охотников и тех, кто ожидал их в этом лагере. Лишь бы его не трогали.

В его ограниченном поле зрения показались слегка кривые ноги в сапогах из жесткой кожи с клочками волос. Один сапог просунулся под него, его перевернули лицом к небу. Подошедший был тоже в кожаной одежде, но поверх нее в юбочке из металлических полос, которые звенели на ходу. Вместо куртки с металлическими нашивками на нем грудная и спинная черные защитные пластины, плотно облегающие бочкообразную грудь и широкие плечи. Левая рука от запястья до локтя спрятана в металлическом обшлаге, но правая голая, на ней только два браслета с камнями.

Человек был с непокрытой головой, и ветер развевал длинные черные пряди. На согнутой руке у него висел шлем с двумя крыльями летучей мыши на центральном гребне. На поясе меч. Выше охотников, менее смуглый, он казался принадлежащим к другой расе. Но лицо его — такая же лишенная выражения маска.

После долгого разглядывания Рея он отдал приказ, после чего один из охотников подошел и перерезал ремень на запястьях американца. Офицер задавал вопросы, охотник отвечал, словами и жестами объясняя, как все произошло. Когда он кончил, офицер попытался расспросить пленника: сделал широкий жест рукой, указав на запад, и произнес одно слово:

— Му?

Рей покачал головой. Офицера его ответ как будто обеспокоил. Он нахмурился, показал на восток и задал другой вопрос, который Рей не расслышал. Неожиданно он понял: они хотят знать, откуда он. Должно быть, так.

Он указал назад, в направлении мрачного леса. А что касается остального, они знают столько же, сколько он. Но он был совершенно не готов к реакции на свой ответ.

Глаза офицера сузились как у кошки. Толстые губы разошлись в рычании, обнажив пурпурные десны и желтые зубы. И он разразился насмешливым хохотом. Совершенно очевидно, не поверил.

Повернувшись к своим подчиненным, он велел другому охотнику рассказать о захвате Рея. Все повторилось. Но вот охотник указал на непокрытую голову Рея, на его развеваемые ветром короткие каштановые волосы, коснулся рукой, еще грязной после свежевания лося, кожаной куртки, привлекая к ней внимание офицера. Тот сделал Рею знак снять куртку. Охотник порылся в ее карманах и достал носовой платок, записную книжку и запасную фотопленку.

Через несколько минут пленник дрожа стоял на ветру, а вся его одежда была разложена на песке. А похитители продолжали рыться в карманах, словно были убеждены, что там должно быть что-то очень важное. Один из них завладел карманным ножом, другой вертел в руках часы, но офицер резко приказал все отдать ему. Развернув платок, предводитель сложил в него содержимое карманов Рея, связал и спрятал в плетенную из прутьев корзину.

Рей наклонился к одежде, но офицер ударом тыльной стороны ладони отбросил его. Охотник швырнул пленнику кожаную связку. Вне себя от злости, Рей развернул скудное одеяние в виде юбки, совершенно не подходящее для защиты от становящегося все более холодным ветра. И подумал, что произойдет, если он набросится на офицера.

Воображение еще рисовало ему приятные подробности такой попытки, а стальные пальцы уже схватили его, развернули, отогнув правую руку. На бледной коже предплечья у него был небольшой синий кружок с расходящимися от него линиями — детская попытка татуировки, так и не стершаяся с годами. Офицер оскалится, глядя на нее. Отбросил от себя руку Рея и плюнул.

— Му. — На этот раз это был не вопрос, а утверждение.

Наступила ночь. Очевидно, ему что-то готовили в будущем, потому что Рею дали кусок жареного мяса лося. Потом снова связали ему руки — и ноги тоже, — и один из охотников на-

бросил на него шкуру, когда Рей попытался для тепла зарыться в песок.

Где он? Неожиданно это стало более важным, чем то, как он оказался здесь. Древний курган, потом деревья — и это... Индейцы? Но даже если путешествия во времени возможны не только в фантастике, это не индейцы. И в Огайо нет моря и... Рей пытался подавить возникающую панику, от которой хотелось закричать, броситься бежать...

Ну ладно, он не знает, как он попал сюда и где находится. Но самый главный вопрос сейчас — что собираются с ним сделать охотники?..

Спустя какое-то время усталый мозг оцепенел, как и тело, и Рей, измученный, уснул.

На рассвете его разбудил резкий крик птицы. Под импровизированным навесом из плащей храпел офицер, часовой клевал носом у костра. И так, сон продолжается. Рей попытался сесть, но ремень резко впился в тело. Опираясь пятками на песок, он начал двигаться, пока его плечи не оцарапал камень. Рей осторожно сел.

На востоке усиливалось розовое свечение. Серая птица отыскивала в волнах добычу для завтрака. Часовой, резко мотнув головой, проснулся и шумно плюнул в костер. Потом встал и со злобной улыбкой взглянул на Рея.

Ткнув пленника в ребра носком сапога, он развернул Рея, осмотрел ремни на руках и ногах и толчком отбросил его назад на камень. Выполнив свои обязанности, вернулся к костру и принялся раздувать его.

Рей покачал головой. Лицо его было покрыто свернувшейся кровью и пылью. В висках резко стучал пульс. Если бы освободить руки...

Офицер выбрался из-под навеса и расстегнул пряжку пояса. Бросив одежду рядом со снятыми вечером доспехами, он нырнул в волны. Поплескался там и неожиданно крикнул. Все остальные вскочили, начали переговариваться и указывать в открытое море, где сине-зеленые волны разрезала черная тень.

Вернувшись, офицер растерся и оделся, одновременно отдавая множество приказов, вызвавших у его людей лихорадоч-

ную деятельность. Один из них развязал Рею ноги и поднял пленника.

Приближался корабль, но таких Рей никогда не видел. Примерно в полумиле от берега он остановился, из его бортов выснулись весла, и корабль снова двинулся, как водяной жук.

Рей видел рисунки римских галер, но у них были мачты и паруса. У этого только кормовая и носовая надстройки под крышами; крыши эти в то же время служили верхней палубой. Шкафут был низкий, а в открытой гребной яме сидели гребцы. Острый нос украшала ярко раскрашенная голова. А на корме на тонком столбе развевался ярко-красный флаг.

В этом стройном корабле чувствовалась сила и мрачная уверенность. Кем бы ни были похитители Рея, они явно умели за себя постоять в этом странном мире.

Корабль бросил якорь, и через несколько мгновений с него на воду спустили шлюпку. Ритмично размахивая веслами, шлюпка устремилась к берегу, где ждали охотники, забросав костер песком и приготовив свои свертки.

Теперь офицер перерезал ремень и на запястьях Рея. Он очень понятным жестом положил руку на рукоять меча. Для удобства похитителей пленника нужно развязать, но с его стороны будет глупо пытаться убежать.

Экипаж шлюпки состоял из офицера и шести моряков. Прыгая за борт, чтобы подвести шлюпку к берегу, они расспрашивали охотников. Командир отряда подтолкнул вперед Рея. Очевидно, он теперь ценная добыча, и офицер в лодке явно завидовал. Офицер-охотник показал на сушу и задал какой-то вопрос, собеседник кивнул в знак согласия.

Взяв собак на поводок, три охотника ушли, остальные направились к лодке. Рей неуклюже забрался в нее, руки и ноги у него еще были онемевшими от ремней. Его толкнули вниз, между двумя сиденьями. И шлюпка двинулась назад к кораблю.

Приблизившись к его борту, моряки остановили шлюпку. Сверху сбросили веревочную лестницу. Двое охотников поднялись по ней, потом лестницу сунули в руки Рею. Он неловко поднялся, от качки кружилась голова, мучил страх сорваться и упасть, быть раздавленным между кораблем и лодкой. За ним

следовал офицер из лагеря, нетерпеливо подталкивая пленника.

Пленник упал на тесный шкафут, идущий за ним офицер приветственно поднял руку, обращаясь к человеку в красном плаще. Плащ, похожий на горящий уголь, привлекал внимание. Рей увидел, что это, в сущности, не плащ, а длинная мантия цвета свежeproлитой крови, которая покрывает высокого худого мужчину от горла до пят.

Волосы мужчины были коротко подстрижены, сморщенные губы плотно сжаты, тусклые черные глаза, крупный клювообразный нос и подбородок, напоминающий острый задраный крюк, — весь его облик внушал невольный ужас. Рукой, коричневой, как земля, человек гладил костлявый подбородок, глядя не на докладывающего офицера, а на Рея.

И под взглядом этих черных тусклых глаз пленник неожиданно почувствовал себя грязным, словно по его телу проползло что-то скользкое и омерзительное. Офицер и охотники были грубы, но этот человек, неожиданно подумал Рей, ему совершенно непонятен, он абсолютно чужд его собственному миру. Пленник испытал внутренний ужас под этим взглядом и потребность сопротивляться носителю красной мантии и всему, что тот воплощает. И такое сильное отвращение охватило его, что Рей испугался.

— Итак... муриец...

Рей вздрогнул. Он не должен понимать эти слова, но каким-то образом понял. Или он «слышит» только в глубине сознания?

— Итак, муриец, подобно всему твоему племени ты восстанешь против Темного? Жалкий поклонник умирающего пламени, ты считаешь, что мы не можем связать твою волю нашей? Помни: Бык может затоптать пламя. Кто устоит перед его волей?

Рей покачал головой — не в знак отрицания, а пытаясь избавиться от головокружения, вызванного осознанием, что он понимает говорившего. Кто такой Темный? Муриец... кто такой муриец?

Легкая тень сомнения легла на неподвижное, как у мумии, лицо человека в красной мантии.

— Не пытайся улизнуть с помощью таких жалких трюков. Ты хорошо понимаешь, что тебе сказано. Отправляйся вниз к своему товарищу и учись унижению.

Чтение мыслей? Что ж, ничем не хуже остального в этом нелепом сне. Рей не сопротивлялся, когда три солдата повели его по шкафуту. В дальнем конце они прижали его к стене и прикрепили к железным скобам, вделанным в борт.

Когда они ушли, он повернул голову и увидел, что у него действительно есть товарищ по заключению. Рядом, так близко, что можно почти соприкоснуться пальцами, привязан другой пленник. Он бессильно висит на скобах, голова его упала на грудь и длинные волосы закрывают лицо. Но в остальном по внешности он совсем не такой, как экипаж корабля.

Кожа у него не темнее, чем у Рея, и он такого же роста. Длинные пряди волос цвета полированной бронзы спутаны и в одном месте окровавлены. С плеча свисают обрывки желтой туники, достигающей в длину середины бедер. На талии незнакомца туника перехвачена широким, украшенным камнями поясом. На поясе пустые ножны свидетельствуют о том, что когда-то пленник был вооружен мечом. Как и у охотников, на нем высокие сапоги, но гораздо лучшего качества.

Рей подумал, что пленник без сознания. Беда у них общая, и, может быть, дело тоже общее. Он негромко свистнул, ожидая ответа. Послышался стон, слабый, как вздох. Рей снова свистнул, и пленник шевельнулся, медленно повернул голову.

Рею показалось, что совершенное лицо пленника — это совершенство теперь портили порезы и зеленоватые синяки — отдаленно напоминает греческие статуи. Но ни у одного сына Аргоса не было таких широких скул, таких тяжелых век, наполовину скрывающих голубые глаза. Пленник удивленно смотрел на Рея, его разбитые губы зашевелились. Негромко, на языке, которым пользовались охотники, незнакомец задал вопрос. Когда Рей покачал головой, тот заметно вздрогнул.

— Кто ты, не владеющий языком матери-земли?

Снова прямой обмен мыслями! Рей пытался не уклоняться. На этот раз контакт не вызывал отвращения.

— Рей... Рей Осборн... пленник... — медленно ответил он по-английски. Собеседник как будто понял его.

— Откуда ты? Вспоминай... думай медленно, чтобы я мог прочесть твои воспоминания, увидеть через твои глаза...

Рей послушно принялся вспоминать свое удивительное путешествие, с посещения кургана к необъяснимому лесу, равнине, встрече с охотниками. И снова его охватила паника. Что случилось? Где он? Что это за море? В каком он мире?

— Вот как — ты прошел черту. Но я не узнаю твое время.

— Мое время? — повторил Рей.

— Да, ты из далекого будущего — или прошлого. Накалам известно, что человек может так перемещаться. Но, по нашим записям, тот, кто делал такую попытку, никогда не возвращался. Однако у тебя это получилось случайно, и это удивительно, потому что только посвященные первого ранга думают о таких делах... да и то после многих лет обучения и подготовки.

Рей глотнул. Незнакомец без всякого удивления воспринял этот безумный факт, он говорит, что такое уже бывало. Прошел... через что... куда? Где... если бы ухватиться за что-то имеющее смысл. И он задал первый пришедший в голову вопрос:

— Кто эти люди, на корабле?

Незнакомец с готовностью ответил:

— Мы пленники атлантов, детей Темного. Взгляни на их знак.

И он подбородком указал на красный флаг наверху на палубе.

Но это невозможно! Атлантида никогда не существовала, это лишь легенда о континенте, исчезнувшем задолго до того, как был уложен первый камень великой пирамиды. Эта легенда дала название одному из великих океанов его мира, но ведь это вымысел.

— Ты думаешь, плен свел меня с ума? — спокойно спросил пленник. — Я говорю правду. Мы захвачены сыновьями Ба-Ала, Темного из Великой Тени. И через пять дней корабль подойдет к берегам самой Красной Земли...

— Но это не может быть правдой! — возразил Рей. — Атлантида — это миф, греческий миф...

— Я ничего не знаю о греках. Но говорю тебе: Атлантида существует. Сам увидишь, когда мы причалим в Пятистенном городе. Она так же реальна, как эти скобы, выкованные в огне

кузниц, которые сейчас удерживают нас, как ненависть сына Ба-Ала, который распоряжается на этом корабле и отдает приказы его капитану, как следы ударов на наших телах. Красные теперь правят ветрами и волнами западного моря. И позор нам, детям Пламени. Атлантида крепнет. И считает себя сейчас такой сильной, что готова выступить против всего мира.

Бред, конечно...

— Почему ты пытаешься закрыть свое сознание от правды? Ты жив, ты не спишь. Разве ты не чувствуешь, не ощущаешь, не дышишь, не видишь, как я? Признай очевидное, прими свидетельства твоих чувств — ты перешел из своего времени и мира в наши. Наверно, правы посвященные, которые говорят, что человек может проделать такой переход без подготовки. Потому что ты не можешь поверить в правду.

— Не смею, — прошептал Рей. Во рту у него пересохло, он дрожал, но не от холодного ветра, обжигавшего полуобнаженное тело.

— Неужели ты ничтожество, которое не может обуздать свои мысли и страхи? — резко и презрительно спросил пленник.

— Безумие... это безумие... — Но гнев, вызванный этим презрением, придал Рею силы.

— Нет. Так бывало и с другими. Говорю тебе, посвященные это делали...

— И не возвращались, — сказал Рей.

— Верно. Но, может, и не погибли. Скажи, разве не правда, что ты жив? А пока человек жив, все возможно. Если бы ты очутился в городе Солнца, там тебе показали бы истинные тропы времени. Разве люди твоего мира настолько невежественны, что не знают: время подобно гигантской свернувшейся змее и кольца этой змеи могут касаться друг друга? Следовательно, можно проскользнуть из одного кольца в другое. Те, кто туда уходил, не возвращались, но наши искатели заглядывали в другие времена и места. Они видели поля Гипербореи, которые исчезли тысячи, тысячи лет назад и теперь превратились в легенду. Не бойся прошлого, смотри в будущее, потому что вокруг нас черные псы Великой Тени, и схватили они нас здесь и теперь. А такой опасности ты еще не видел! — Слова

его холодно и жестко раздавались в сознании Рея. — Клянусь в этом клятвой Пламени!

Если он действительно прошел в другое время, здесь он совершенно, абсолютно один, невероятно одинок. И американец снова почувствовал приступ паники.

— Тебя назвали мурийцем; лучше бы тебе быть им. Если догадаются о правде, тобою займется жрецы. А они принадлежат Великой Тени...

— А кто такие мурийцы? — прервал Рей.

— Сыновья великой матери-земли, такие, как я. Я Чо из дома Солнца с матери-земли. Один из мечников самого Ре Му.

— Мать-земля? — Узнавай, узнавай как можно больше! Прими как факт, что это правда. Попытайся добыть все знания, какие можно. Они послужат оружием, инструментами, защитой.

— Земля на далеком западе. Легенды говорят, что там из многих семян снова началась жизнь после гибели Гипербореи. Му произвела жизнь, и с ее берегов происходят народы майякс, уйгуры и атланты. Миром правит Ре Му, вернее, правил, пока атланты не углубились в запретные знания и их не притянула к себе Тень, а может, они пришли к ней добровольно!

Первый из Посейдонов — предводителей атлантов — был сыном Солнца с матери-земли. Со временем его род вымер, и жители выбрали нового правителя. Он был человек с сильной волей и страстным стремлением к власти и использовал свою власть, чтобы преодолеть стену между нашей жизнью и Тенью. Стену эту ограждает Пламя, защищая человека от всего, что живет во тьме. Этот Посейдон упивался властью, как пастухи с гор упиваются грезами от сока тракмона.

И Посейдон не хотел стоять в Зале Ста Королей и слушать слово Ре Му, но пошел своим путем...

Слушая, Рей забыл страх; он стремился представить себе картину этого нового мира, воздвигая тем самым преграду на пути опасных мыслей.

— Так началось царство Ба-Ала, отца зла, ненависти, похоти, всех тех мыслей и желаний человека, которые приносят ему вред. Началось оно тайно, подпольно, в пещерах, потом стало более открытым. Оно разлагало ряды воинов и моряков. Толь-

ко рожденные Солнцем оставались верны Пламени. Но вот в один день рожденных Солнцем перебили, и с тех пор Атлантида осталась в одиночестве против всего мира.

— Значит, идет война?

— Чо покачал головой.

— Еще нет. Мать-земля опасно ослабла, она была так щедро к своим детям, что от нее осталась почти пустая оболочка. Лучшие ее люди и природные материалы оказались в колониях. Но нынешний Посейдон, внук первого последователя дьявола, готов разорвать ткань мира. Он ведет себя вызывающе — в этом одна из причин того, почему я оказался здесь...

— Тебя захватили в схватке?

— Нет, такой чести у меня нет. Я был отправлен в Бесплодные Земли в поисках тайных укреплений атлантов, гаваней, где могут скрываться их корабли между рейдами. Мы проводили разведывательную экспедицию на берегу, когда попали в засаду пиратов. Узнав о моем звании, они не прикончили меня на месте, а продали Красной Мантии за три меча чалибианской работы и четыре изумруда. Это больше, чем дали бы за меня на рынке проклятого Санпара, где королева-ведьма правит отбросами всех народов. Это произошло сегодня на рассвете.

— И что с тобой сделают?

— Если спасусь от алтаря Ба-Ала, буду гнить в подземелье — на это они рассчитывают. За один месяц исчезли три наших корабля, и никто из членов экипажа не спасся. Но если Пламя будет мне благоприятствовать... — Он неожиданно смолк.

Глава 3

Кто-то спускался по лестнице в гребную яму. Рей услышал звон оружия и топот нескольких пар сапог. Перед ним прошли два охотника, неся огромный рогатый череп — череп лося? Опустив ношу на палубу, они вышли. Но офицер, пришедший за ними, остался; наклонившись, он накрыл череп тканью. И Рей уловил торопливую мысль:

— Готовься, товарищ! Как только освободишься, спрячься в тени лестницы. Если я не смогу к тебе присоединиться, прыгай в море. Это гораздо лучше, чем то, что ждет на корабле...

Чо не спрашивает, умеет ли он плавать, подумал Рей. Муриец смотрел на офицера. Атлант под этим взглядом не поднимал головы, он как будто не чувствовал, что на него смотрят, но движения его становились все менее уверенными. Он немного покопался, потом посмотрел на пленников. И когда его взгляд встретился с глазами Чо, офицер медленно встал. Двигался он словно по принуждению.

Повинуясь взгляду мурийца, он приблизился к пленникам, медленно, делая по одному шагу за раз. Остановившись перед Реем, он занялся железными наручниками. Освободив ему руки, атлант опустил на одно колено и принялся освобождать ноги. Но работал все время на ощупь, не отрывая взгляда от Чо. Рей освободился. Он мгновение постоял в нерешительности, потом метнулся в тень, указанную мурийцем. И обернулся. Атлант уже освобождал Чо.

Неожиданно офицер распрямылся. Покачал головой и неуверенно прижал руки ко лбу. Рей переступил с ноги на ногу, держась за поручень. Очевидно, то, что заставляло офицера подчиниться воле Чо, слабело. Сможет ли муриец восстановить свою власть? Возможно. Офицер снова склонился к кольцу.

Покачнулся. Восстановив равновесие, ударил мурийца кулаком в лицо. Второй сильный удар разбил Чо губу. Рей прыгнул, но не в море.

— Уходи! Стража идет...

Но американец конца этого приказа не слышал. Он напал. Сжал руками горло офицера, оттащил и сильно ударил в основание черепа. Атлант упал, а Рей вытащил из ножен его меч и ударил офицера по голове тяжелой рукоятью.

— Уходи... — снова приказал Чо.

Рей не ответил. Поташил кольца, мечом принялся их раскрывать.

— Пошли!

Вместе они побежали к лестнице. Чо дернул крышку люка в борту.

— Это для огнеметателя. Будем надеяться, что сумеем пройти. Вперед! Плавать умеешь?

— Самое подходящее время для вопроса. Умею.

— Тогда иди. И постарайся не выныривать сколько сможешь.

Рей протиснулся в узкий люк, обдирая кожу с плеч. Оказался в воде, руки и ноги автоматически начали двигаться.

— За мной! — Он увидел светлое тело.

Кровь стучала в висках. Он должен вдохнуть, должен! Ребра обожгло болью. В тот момент, когда ему показалось, что он больше не выдержит, голова его вынырнула из воды на свет и воздух. Перед ним разрезало волны гладкое плечо, и он двинулся за ним. Мышцы спины болели, вода жгла лицо и царапины на плечах. Он наглотался соленой воды, и от этого тошнило. Но он плыл, хотя гребки становились неровными. Берег... корабль... он не видел ни того, ни другого, только иногда пловца впереди.

Рей упрямо продолжал двигаться, держа голову над водой, сокращая время очередного гребка. Только бы передохнуть! Ноги начало сводить судорогой, к рукам словно прикрепили тяжелый груз.

Коленями он больно ударился о что-то твердое. Скала! Ноги коснулись песка. Собрав все оставшиеся силы, он бросился вперед, чтобы его подхватило волной прибой. Рот и глаза забило песком. Кашляя, Рей выбрался из воды и лег на берег лицом вниз.

Но вот он шевельнулся. Соль, разъедающая царапины на лице и теле, привела его в себя. Солнце жгло. Он приподнялся и попытался оглядеться.

Чуть левее лежит Чо, частично в тени скалы, положив голову на руку. Рей сел и принялся сметать песок с тела. Потом подполз к мурийцу, взял за плечи, попытался поднять.

— Пошли... нам лучше уходить... — прохрипел Рей. — За нами пошлют шлюпку, снова схватят. — Трудно поверить, как им везло до сих пор.

— Не нужно, — ответил Чо на его настойчивость, сел и посмотрел на море. — Сыновья Ба-Ала уходят...

Рей рукой заслонил глаза от яркого солнца на воде. По бортам корабля мелькали весла. Как ни невероятно, находясь совсем рядом с беглецами, атланты даже не пытаются снова захватить их, они уходят.

— Почему?..

— Потому что приближаются охотники...

Рей посмотрел туда, куда показал пальцем Чо. Далеко, на самом горизонте, появилась тень, похожая на иглу.

— Военный корабль. Эти стервятники в открытый бой не вступают. Смотри. Они сменили курс и убегают.

Корабль атлантов резко повернул на восток. А новое судно держалось прежнего курса. Между ними появился широкий промежуток, и он все увеличивался.

— Мурийцы погонятся за ними?

— Нет. Нападать первыми запрещено. Мы можем защищаться, если они нападут; но это все. Однако атланты в этом не уверены, они бегут от равного по силе врага, как крысы разбегаются, когда крестьянин поджигает сухую траву. — Чо весело рассмеялся.

— Но откуда здесь мурийский корабль?

— Он пришел за нами.

— Откуда он узнал?

Чо удивленно развел руки.

— Как тебе объяснить? Неужели люди вашего времени настолько незнакомы с самыми обычными силами? Это все равно что жить калеккой. Похоже, так и есть. С того момента как меня схватили, я мысленно зову на помощь. И меня услышали, ко мне идут.

— Зовешь мыслью?

— Как говорю сейчас с тобой без слов. Но ты должен изучить наш язык, потому что пользоваться внутренней силой для самых обычных дел утомительно. Мы можем позвать тех, кто нас знает, и они будут нас отыскивать. — Он вздохнул и, в свою очередь, задал вопрос: — Почему ты не сделал, как я сказал, когда я перестал контролировать атланта?

Рей покраснел.

— А что я должен был, по-твоему, делать? Убежать?

Чо внимательно смотрел на него, но ничего не сказал. А когда заговорил, то совсем о другом:

— Смотри, обитатели Тени включили свой приемник энергии на самую большую мощность. Не думают, что их будут преследовать, но все равно бегут, как зверь от собак.

По бокам корабля больше не было видно весел, но судно с поразительной скоростью исчезало на востоке. Корабль муррийцев не изменил курса, чтобы перехватить врага. Он направлялся к берегу и был уже высоко над водой, так что стал виден оранжевый флаг.

— Теперь они должны идти на веслах, — сказал Чо.

Показались алые весла, опустились в воду, корабль замедлил продвижение. Цвет у него — серебристо-серый, и он величественно режет волны. Хотя, на взгляд Рея, кажется каким-то незавершенным без мачт. Достигнув прежней стоянки атлантов, корабль лег в дрейф, с него спустили шлюпку. Ее тут же заполнили матросы, и она направилась к берегу.

И вот мощные удары весел провели шлюпку через прибой, два человека прыгнули с нее и потащили. Рей с любопытством разглядывал прибывших. Ясно, что эти высокие молодые люди принадлежат к другому народу, чем его прежние похитители. Кожа их под золотым загаром светлая, а длинные волосы от светлого, почти белого до рыжего цвета.

На всех надеты кожаные туники, и у каждого меч. На браслетах и широких воротниках блестят камни. Двигаются эти люди с легкостью и изяществом, какие Рей наблюдал у опытных бойцов дзюдо, которых знал в своем времени.

Но они, забыв о достоинстве, бросились к Чо, ухватились за него, как за потерянную и найденную драгоценность. Поздоровавшись с ними, Чо повернулся к Рею.

Не отрывая взгляда от американца, он протянул руку в какой-то просьбе. Предводитель группы моряков достал меч из ножен и дал его Чо рукоятью вперед. Муриец глубоко вонзил его в песок между собой и американцем. Взял правую руку Рея в свою и вместе со своей положил на рукоять меча.

По-прежнему не отрывая взгляда от американца, пропел какую-то фразу, которую подхватили все окружающие. Вперед выступил предводитель с коротким кинжалом в руке. Оцара-

пал запястья обоих, так что струйки крови смешались на рукояти меча.

— Объявляю тебя своим братом по мечу и щиту, новый сын двора моей матери, отныне у нас с тобой одна кровь...

Слова клятвы отчетливо прозвучали в сознании Рейя. На мгновение он заколебался; у него появилось ощущение, что, принимая это родство, он переступает через какой-то порог. Но другая часть сознания жадно ухватилась за предлагаемую безопасность в чужом мире. Что ждут от него? Он видел, что это какой-то формальный обряд, который принесет с собой... — звучало внутреннее предупреждение — новую и гораздо большую ответственность, о которой он может только гадать. Но вслух он сказал:

— Да. — И знал, что Чо его понял.

Снова Рей оказался в длинной корабельной шлюпке. Но на этот раз рядом с ним сидел Чо. И он не пленник. Но так ли это? Есть ли у него на самом деле выбор? Надежда боролась с тревогой, когда он вслед за Чо поднимался по лестнице, прошел по палубе, заполненной людьми, которые приветствовали появление мурийца, спустился в большую каюту. Каюту привлекла все его внимание.

По стандартам его собственного века, подумал Рей, ее сочли бы варварской из-за щедрого использования драгоценных металлов и ярких цветов. Но она не «восточная», и вообще такой стиль ему незнаком. А Рей кое-что знает об искусстве благодаря своему увлечению фотографией.

Стены покрыты панелями черного дерева, с инкрустацией из сложных рисунков, состоящих из драгоценных камней и росписи по эмали. На стенах занавеси из ярких тканей. В противоположном конце стол из того же дерева, что и панели, по обе его стороны длинные скамьи, а в торце кресло с высокой спинкой.

С балок над головой свисают два розовых светящихся шара в корпусе из филигранной резьбы. Цепи, на которых они висят, покачиваются при движении корабля, и свет то вспыхивает, то угасает.

Рей остановился, оглядываясь, а Чо направился прямо к столу. Налил из кувшина жидкость в сверкающий кубок, слу-

шая в то же время молодого офицера, которого представил Рею как Хана. Неожиданно муриец со стуком поставил кубок и издал протестующий возглас. И оглянулся на Рея.

— Нас отзывают. Северное море и моря на востоке закрыты, что означает...

— Войну? — предположил американец. Один мир или другой, то или иное время, тупо подумал он, война везде.

Чо кивнул.

— Если и когда пожелает Ре Му. А теперь мы идем домой. — Он повернулся к Хану, по-видимому, еще о чем-то спрашивая.

Рей чувствовал дрожь стен и пола каюты. Неожиданно потеряв устойчивость, он ухватился за стенную панель. И посмотрел на скамью — она более надежная опора, — когда Хан резко повернулся. Молодой офицер поднял руки, словно защищаясь от удара; рот его искривился от боли. Потом, чуть кивнув Чо, он вышел. Чо печально смотрел ему вслед.

— Ланор был его братом по мечу. Он пал рядом со мной с кинжалом пирата в горле. Сегодня у Хана горький день. Но он рассчитается за этот долг. Мы вспомним о нем, когда будем стоять перед мечами последователей Ба-Ала, и расчет будет справедливым. Теперь ешь и пей. А потом ляжем спать. Человек не может долго жить голодным и усталым.

Они пили вино из красивых кубков тонкой работы. И ели с тарелок — произведений искусства. Впрочем, Рея больше интересовало их содержимое. Только наевшись, он обратил внимание, что панель за головой Чо покрыта не рисунками. Это карта!

Он наклонился вперед, дыхание вырывалось с трудом. Рей смотрел на линии этой невероятной карты. Некоторые из них — очень немного — знакомы ему. Два континента, один на севере, другой на юге, но они лишь отдаленно напоминают знакомые Рею материки. Миссисипи, Огайо, почти вся северо-восточная и южная части Северной Америки под водой, Аляска прочно соединена с Сибирью. В сердце Бразилии, на юге, внутренний океан, окруженный сушей. Уравновешивая отсутствие знакомых ему затонувших земель, видны два новых континента: один на востоке, другой на западе, так что суша на карте по форме напоминает ромб, составленный из материков.

Больше чем что-нибудь другое за последние два дня эта карта показала ему, что он в чуждом мире.

— В чем дело? — Чо поставил свой кубок и поднял руку. Рей не знал, что прочел на его лице муриец, но, по-видимому, там отразился испытанный им шок.

— Это... Это карта!

Муриец оглянулся через плечо.

— Скорее украшение. Особой пользы от нее нет, — заметил он.

— Значит... значит, мир не таков? — Американец облегченно вздохнул.

— Таков, только по этой карте не проложишь курс корабля. Но в целом она верна. Смотри... — Чо подошел к стене. — Вот Бесплодные Земли. — Кончиком пальца он указал на оставшуюся часть долины Северного Огайо. — Сюда приходят охотники, здесь скрываются преступники, но постоянных поселений нет. Жить тут трудно, и сюда тянет только тех, кто должен скрываться или кто любит риск. А мы сейчас примерно здесь. — Палец его уткнулся в море. — Движемся на юг, чтобы пересечь Внутреннее море... — Палец его быстро передвинулся к Бразилии. — Это Майакс, колония, верная матери-земле, сильная и богатая. Потом мы пройдем западными каналами в западный океан, а оттуда к Му... — И он указал на материк на западе.

— А Атлантида находится на востоке, — не спросил, а утвердительно сказал Рей.

— Верно. Неужели мир так отличен от твоего, что ты боишься взглянуть? Почему это так?

— Потому что... — Рей искал слова. — Потому что трудно поверить, что человек может заниматься своим обычным делом в мире, который он всегда знал, а в следующее мгновение оказаться в другом мире, где ничто ему не знакомо. Вот здесь карта показывает море... — наступила его очередь подойти к карте, — но для меня здесь суша. Она плотно заселена, в ней много больших городов — слишком много. Рост населения становится угрозой. А здесь — здесь тоже суша. — Он положил ладонь на море в Бразилии. — А Атлантиды нет. Му тоже нет, на их месте океан и разбросанные острова...

Он услышал негромкое восклицание Чо:

— Какое огромное время, должно быть, разделяет наши миры, брат! Такие изменения на поверхности планеты происходят нелегко. Ты говорил об Атлантиде как легенде твоего мира. Легенда на этом кончается или в ней говорится о материк-земле Му?

— Об Атлантиде есть рассказы. Считается, что это только вымысел, не факты. Говорят, она в землетрясении и приливных волнах погрузилась на морское дно из-за злых дел своих обитателей. Океан этот в мое время называется Атлантическим, потому что сохраняется вера, что под ним лежит Атлантида. А о Му я никогда не слышал.

— А чем ты занимался в этой своей северной земле, брат? Ты воин? Когда сбил атланта, ты использовал незнакомый прием. Я такого никогда не видел.

— Какое-то время я был солдатом. Потом семейные неприятности, пришлось вернуться домой...

— Домой. Но теперь... теперь, когда ты не можешь вернуться домой?..

Рей покачал головой.

— Эта необходимость уже в прошлом. — Он не хотел об этом думать. — Я собирался вернуться в армию, когда со мной это случилось. По правительственному проекту должны были построить новые здания. — Он не знал, насколько поймет его Чо, но хотелось высказаться. — Когда начали расчищать территорию, возникли неприятности из-за старого индейского кургана. Люди протестовали против того, что его собирались сровнять, не исследовав предварительно. Лес Вильсон... мой знакомый... пытался добиться отсрочки работ. Он писал об этом статью и попросил, чтобы я сделал несколько хороших снимков кургана. Я пообещал их сделать. И как раз этим занимался, когда... когда оказался в лесу из огромных деревьев, каких я в жизни не видел. Вот и все. И я по-прежнему не понимаю, что случилось и почему.

Чо выглядел удивленным.

— Снимки индейского кургана, — медленно повторил он в недоумении.

— Устройство — оно называется фотокамера, — объяснил Рей. — Его используют, чтобы делать изображения окружа-

ющего. Очень распространенное занятие. А индейцы... они туземцы этого северного континента; когда мой народ пришел с востока, он застал здесь индейцев. Это было примерно четыре века назад, четыреста лет. Некоторые древние племена — они исчезли еще до того, как появились первые люди моей крови, — делали большие могилы из земли, и эти курганы сохранились. Мы изучаем их, чтобы узнать, как люди жили раньше.

— Если мир твоего времени настолько старше, — медленно сказал Чо, — должно сохраниться много-много следов исчезнувших народов.

— Да, во многих местах есть развалины и древние могилы давно забытых народов. От некоторых нам остались только разбросанные камни. Знаем лишь, что когда-то здесь жили и строили люди. И больше ничего...

— Тебе нравится изучать прошлое?

Рей пожал плечами.

— Я не археолог, но в таких поисках есть своя страсть, как при охоте за сокровищами. И я много читал об этом. У меня хватало времени для чтения. — И снова он отстранил печальные воспоминания.

— Брат, я могу попытаться сказать тебе много слов, — мурец серьезно смотрел на него, — но слова не прогонят мысли, какими бы добрыми ни были мои намерения. Ты теперь сражаешься на поле, где ни один брат по мечу не может встать с тобой рядом. Это только твоя битва. Но каждому дню свои заботы. Забудь о них на время, если можешь, — он прикрыл рукой карту, — и давай поспим.

Рей вслед за Чо прошел за занавес в небольшую боковую каюту, в которой стояли две койки. Чо уже снимал оборванную промокшую тунику.

— «Отдыхай, пока можно». Таков лозунг наших тревожных дней. Кто знает, что принесет нам утро?

Неохотно Рей забрался в теплое гнездо из мягких покровов. Закрыв глаза, но избавиться от мыслей не смог...

— Ну, что мы имеем? — Харгривз упал в кресло. Темная щетина подчеркивала круги у него под глазами; он медленно мигал, словно ему трудно было держать глаза открытыми.

— Теперь мы знаем, кто это. Его зовут Рей Осборн. Вильсон попросил его сделать снимки кургана. Он знакомый Вильсона, иногда фотографирует для местной газеты.

— Газетчик! — хрипло взорвался Харгривз. — Только газетчика нам здесь не хватало! Он нам нужен, как нейтронная бомба! — Он порылся в пачке сигарет, обнаружил, что она пуста, и гневно отбросил. — Вероятно, известие об исчезновении Осборна уже заполнило все телефонные провода на востоке и западе.

— Еще нет. В этом нам немного повезло. Осборн до сегодняшнего утра не должен был доставлять снимки. Я сообщил Вильсону, что мы их конфисковали, а Осборн арестован за проникновение на территорию, — ответил Фордхэм.

— Во имя Иуды, зачем? Да ведь теперь на нас набросится вся свора! Будут твякать о свободе прессы и всем остальном!

Директор покачал головой.

— Нет. Все привыкли к мысли, что эта установка совершенно секретная. Мы утверждаем, что Вильсон направил сюда Осборна, зная, что это закрытая территория, что он пытался проникнуть в тайну. Это дает нам выигрыш во времени: у Вильсона уже были неприятности со службой безопасности. К счастью, Осборн одинок...

— Насколько одинок? Как только Вильсон известит его семью, на нас насядут адвокаты и будут лаять у наших ворот.

— Вот насколько одинок. — Фордхэм взял в руки листок со стола и начал читать:

— Рей Осборн, сын Ленгли и Джанет Осборн, принадлежащих к самым старым семействам в этой долине, не имеет близких родственников. Самый близкий — троюродный брат. Родился в 1960 году, то есть двадцать лет назад. Год проучился в колледже, потом бросил. Служил в армии за морем шесть месяцев. Специалист в боевых единоборствах без оружия и в разведке, интересуется фотографией. Десять месяцев назад его родители попали в дорожное происшествие, отец погиб, мать тяжело ранена. Красный Крест добился для него демобилизации, так как некому было заботиться о его матери. Он вернулся, нашел работу на часть дня и ухаживал за матерью, ставшей инвалидом. Месяц назад она умерла. Издателю га-

зеты он говорил, что собирается вернуться в армию. Близких друзей у него нет; служба в армии и болезнь матери разорвали прежние знакомства. Парень спокойный, много читал, ездил по округе и снимал. Несколько фотографий сумел продать. Никаких неприятностей, его всюду хорошо принимали, но никаких прочных связей или привязанностей ни в городе, ни в других местах.

Харгривз чуть распрямылся.

— Ну что ж, если нужно было бы послать туда человека, с этим Осборном нам повезло. Ни семьи, ни друзей. Интересно...

Он смотрел на стену, но явно ее не видел.

— Да? — поторопил его Фордхэм после затянувшейся паузы.

— Вы говорите, он рассказывал, что собирается вернуться на службу? Я думаю, можно убедить всех, что он это сделал. Оформим документы, и он наш человек. Тогда мы прикроем всю эту историю, а тем временем попробуем его вытащить. Наши высоколобые хотят его — и очень. То, что он сможет рассказать, стоит больше двенадцати космических платформ и одной лунной станции. Нужно вернуть его и выкачать из него все, до последнего глотка воздуха!

— Если сможем...

— Придется — таков приказ. Не волнуйтесь. Вам пришлют любого человека, любые материалы, какие попросите. Нам нужно вернуть его. Вы разве не понимаете, что мы сейчас на тропе, о которой на Востоке еще не подозревают? Она принадлежит нам одним!

— А если он мертв?

— Тогда нужно извлечь его тело...

— Мы, вероятно, скоро сможем снова нацелить луч. Но он охватывает только ограниченное пространство. А что, если он ушел на много миль? Проследить его мы не сможем...

Харгривз немного расслабил галстук на помятой рубашке.

— Сейчас над этим работают в новом направлении. Вы откройте дверь, и, может, мы сумеем найти нашего человека. Но госпоже удаче лучше теперь быть с нами!

Глава 4

Сон о деревьях, о том, что он бежит между заросшими мхом стволами, его преследует кто-то невидимый... Рей проснулся. Снаружи, за узким иллюминатором, море и ночь. Вторая койка пуста, Чо исчез. На этот раз Осборн проснулся, полностью осознавая себя. Он здесь, а то был сон. Постепенно он принимает окружающее. Мир вокруг реален, как ткань под руками. Он сел на койке.

Он потянулся за юбочкой, которую бросил, ложась, но нащупал другую одежду. Возясь с незнакомыми пряжками и застежками, оделся. Обул легкие сандалии, неуклюже завязал высокие ремни. И вышел во внешнюю каюту.

С наступлением темноты розовый свет шаров стал сильнее. В каюте никого не было. Идти на палубу или ждать здесь? В нерешительности он взглянул на стену, увидел полированное зеркало и подошел к нему.

На него смотрел незнакомец, худой, загорелый, с непослушными каштановыми волосами. Легкая туника почти не скрывает тело, худое, но крепкое. На плечах серебряные пряжки, усаженные маленькими зелеными камнями, талию охватывает пояс с такими же камнями. Но Рей неожиданно почувствовал тревогу. Это не Рей Осборн. И уверенность, с которой он проснулся, начала таять. Он резко отвернулся от зеркала, и в это время в каюту кто-то вошел.

Глаза Рея расширились. Это явно Чо, но муриец больше не тот знакомый ему оборванный пленник. Красно-золотая туника окутывает его тело. Руки и предплечья в дорогих браслетах. На поясе меч, его рукоять холодно сверкает драгоценными камнями. Длинные волосы убраны назад и перехвачены металлической лентой над лицом, все еще со следами синяков. Подобно каюте и обстановке, на нем то же изобилие ярких цветов и украшений, которое время Рея считает варварским.

Муриец рассмеялся.

— Какой у тебя удивленный вид, брат! Неужели одежда так меняет человека? Она соответствует моему рангу. Да и тебе, — он критично взглянул на Рея, — наша одежда подходит. Ты выглядишь истинным мурийцем. Вернее, будешь выглядеть,

когда отрастут волосы. Для свободнорожденного воина они слишком коротки. А теперь — еда!

Чо хлопнул в ладоши, вошел человек с подносом, в простой тунике. Муриец знаком пригласил Рея к столу, на который начали ставить закрытые тарелки и блюда. Рею оказалось трудно и даже невозможно определить содержимое блюд. Раньше он ел как в тумане от усталости и голода, зная только, что это еда. Теперь он стал внимательнее. Мясо тушеное, мясо жареное, нарезанное маленькими кусочками. Маленькие лепешки, которые нужно макать в джем. И терпкое вино.

Когда они кончили, муриец вздохнул.

— Не хватает только свежих фруктов. Но на корабле во многих днях от порта их не может быть. Ты хорошо отдохнул?

— Мне снилось... — Рей не знал, почему сказал это, и удивился резкости ответа Чо.

— Что снилось, брат? — Голос его прозвучал как приказ, и Рей с готовностью ответил:

— Снились деревья, лес, какой я увидел, впервые оказавшись в этом мире. Снилось, что я бегу, а сзади...

— Сзади? — Голос мурийца по-прежнему звучал властно. — Что сзади? — спросил он Рея, когда тот не сразу ответил.

Американец пожал плечами.

— Не знаю что, знаю только, что я бежал от него. Неважно, это всего лишь сон... — Он удивился серьезности Чо.

— Всего лишь сон? Как ты можешь так говорить, брат? Сны — духовное руководство. Они предупреждают, они показывают чувства, которых мы не видим в бодрствующем состоянии. Неужели люди твоего времени не думали о значении снов?

— Ну, не так. Да ведь и совершенно естественно, что я во сне видел лес и бежал от какой-то загадочной опасности. Все у меня так и началось.

— Может, ты и прав. — Но Рею показалось, что Чо не убежден. — Пойдем на палубу?

Он протянул Рею плащ и взял себе другой. Над кораблем повисла круглая полная луна, время от времени ее закрывали легкие облака. Весла были убраны, но корабль двигался вперед, хотя парус у него отсутствовал. Рей понял, что постоянная

вибрация корабля, вероятно, исходит от какого-то двигателя. Чо подошел к рулевому, Рей присоединился к нему.

— Что движет корабль сейчас, когда нет весел?

— Вот что... — с готовностью ответил Чо, спускаясь на шкафут. В проходе между рядами скамей для гребцов находился полуоткрытый люк. Заглянув в него, Рей увидел небольшую каюту с металлическими стенами. Апу, второй после Чо по старшинству на корабле, прилаживал рычаг к гудящему ящику. Именно от него исходила вибрация.

— Наш приемник энергии. Волны энергии посылаются станциями на берегу, их улавливают на кораблях. Вблизи берега или гавани им нельзя пользоваться, а на некоторых старых кораблях нельзя даже во Внутреннем море. В таком случае используют весла. У каждого корабля своя длина волны, из которой он извлекает энергию, и то только в строго установленное время, конечно, если нет чрезвычайной необходимости...

К ним подошел с сообщением Хан. Рея раздражало незнание языка, и Чо перевел для него:

— Корабль к западу. Но он не может быть нашим, потому что наши давно отозваны. Возможно, пират — или атлант. Мы не будем обмениваться с ним сигналами, чтобы не спровоцировать нападение...

Его прервал возглас Хана. Далеко в черноте моря над водой скользнул оранжевый свет. Чо отдал приказ, и на борту корабля мгновение спустя вспыхнул зеленый огонь. Свет в море потускнел, потом покраснел.

Чо отдавал приказы. Рей сошел с пути моряков, которые разбегались по своим местам. Свет корабля из зеленого стал жемчужно-белым, превратив ночь в день. И далекий свет тоже стал белым.

Чо чуть успокоился:

— Это один из наших. Корабль атлантов не может подделывать такой сигнал. Мы должны узнать, почему он задержался здесь после отзыва.

Их свет превратился в серию вспышек. Другой ответил тем же, и Чо прочел Рею:

— Корабль флота «Огненная змея». Поврежден бурей. Может идти только на веслах. А вы кто?

— Ответьте, что мы им поможем, — сказал муриец Хану. И на этот раз Рей, к своему удивлению, его понял.

Снова замелькал далекий свет.

— Корабль сильно поврежден. Мы не доберемся до Внутреннего моря. Рожденная Солнцем Эйна прощается...

Снова Чо отдал несколько приказов. Корабль сменил курс и двинулся на запад, ориентируясь на луч.

— Мы примем экипаж на борт и потопим корабль, — сказал Чо. — Нельзя нянчиться с поврежденным кораблем, когда по морю рыщут волки с Красной Земли! Не повезло леди Эйне при первом выходе...

— Женщина командует кораблем? — спросил Рей.

— Конечно. У всех рожденных Солнцем долг перед Ре Му. Женщина может быть послана по приказу Ре Му в колонию. Как же она сможет командовать флотом, если до этого не командовала кораблем? — удивленно спросил Чо. — А разве у твоего народа не так, брат?

— Нет. По крайней мере в моей стране.

— Велики, должно быть, наши различия. Когда-нибудь мы с тобой сравним. Эта леди Эйна из дома Солнца в Уйгуре. Я никогда не встречался с ней, но слышал о ее уме и храбрости. Она собственной рукой уничтожит свой корабль, если потребуются.

Они шли вперед, и огонь становился все ярче. Хан по-прежнему посылал вспышки, время от времени получая из-за волн ответ. Неожиданно Чо что-то крикнул Апу, работавшему у приемника. А потом сказал Рею:

— Их заметил рейдер. Теперь начнется гонка: кто из нас доберется первым.

От резавшего воду ножом носа корабля расходилась белая пена. На палубе люди заняли позиции для боя, прикрываясь высокими щитами, высвободив мечи. Некоторые возились с приземистыми машинами.

Теперь они видели «Огненную змею» в свете ее собственного сигнального луча. Она низко лежала в воде, палуба шкафута почти на уровне волн. И где-то в темноте подбирался для убийства рейдер.

Приказы Чо офицеры передавали солдатам. Рею были видны люди на обреченном корабле, по его наклонной палубе пе-

редвигались тени. Шлюпки спустили на воду. И вот все они оттолкнулись и двинулись к их кораблю. Чо показал на единственную оставшуюся:

— Она ждет леди Эйну. Леди должна сама потопить корабль.

По покрытой водой палубе пробежала стройная фигура, прыгнула в ждущую шлюпку. Могучими гребками моряки увели лодку от тонущего корабля. Наступила тишина. На покинутом корабле по-прежнему горел огонь, в его свете видны были устремившиеся к кораблю Чо лодки. Но вот вверх рванулся столб пурпурного пламени, заполнив море и небо своим гневным свечением. С ревом и огонь, и «Огненная змея» исчезли.

Первые уцелевшие уже поднимались на борт корабля Чо, и капитан приветствовал их. При его появлении моряки выкрикнули какой-то лозунг и приветственно подняли руки. Потом поднялся офицер. Он помог подняться следующему, и на палубу ступила рожденная Солнцем леди Эйна.

Стройная и не очень красивая, она держала себя с достоинством, как по представлениям Рея вела бы себя императрица. На ее темных волосах не было шлема. На лбу нить жемчуга, концы ее исчезали в волосах. Это обозначение ее ранга. Туника по колено, а поверх нее на груди и спине — защитная броня.

— Привет, лорд Чо! — громко сказала она. Голос у нее низкий, но звучный. — Так как «Огненная змея» больше не плывет по воде, прошу у тебя милости к моим людям.

И опять, к изумлению Рея, он понял произнесенные слова, хотя был уверен, что она не слала их ему мысленно.

Чо в ответ прикоснулся пальцами ко лбу.

— Леди Эйна, рожденная Солнцем из Уйгура, должна только высказать свои пожелания. Этот корабль и весь его экипаж в ее распоряжении.

Девушка рассмеялась и частично утратила оборонительную официальность в общении.

— Тогда давай уходить, лорд Чо, чтобы не случилось худшего. За нами идет один из Красных, привлеченный нашими сигналами.

Чо кивнул и отдал приказ. Леди Эйна подозвала своих офицеров.

— Это Хейк, а это Ромага.

Чо, в свою очередь, представил своих людей. Последним муриец положил руку на плечо Рею и привлек к себе американца:

— Это мой брат по мечу... Рей...

Леди Эйна улыбнулась.

— Я рада встретиться с вами, лорды, хотя предпочла бы, чтобы это случилось в лучшее время и по другой причине. Похоже, Атлантида начинает открытую войну...

— Да, об этом свидетельствует отзыв кораблей. Не пройдет ли в каюту?

Уверенной походкой, как человек, привыкший к морю, она спустилась в большую каюту. Чо усадил ее в кресло и приказал принести вина.

— Неужели это правда? Они осмелились открыто напасть на «Белую птицу»? — спросила она, прихлебывая из переданного Чо кубка.

— Такую причину указали в отзыве. Так что теперь они вызывают на себя весь гнев Ре Му.

Она нахмурилась, поворачивая кубок в пальцах.

— Обитатели Тени увидят, что хоть мать терпелива, наступает конец и ее терпению. И не скоро забудут — те, кто останутся в живых, — последующее наказание. Правда ли, лорд Чо, что ты был пленником Красных? Мы получили сообщение об этом.

В ответ муриец протянул руки. На его запястьях еще виднелись следы оков.

— Десять дней я был у пиратов, потом меня продали атлантам...

Она ахнула.

— Значит, это правда! Они осмелились наложить руки на рожденного Солнцем, обращались с ним как с преступником, как с бездомным человеком! А как ты освободился?

— С помощью Пламени, действуя на их темный разум...

Глаза ее сверкнули.

— Да! На это у них нет ответа, хоть они и пытались его найти. Сам Ба-Ал бессилен против этого. Так что ты сбежал...

— А также с помощью моего брата. — И Чо снова коснулся плеча Рея. — Потому что я почти лишился сил и не мог удерживать власть. А он освободил меня, несмотря на это.

— Ну, сначала ты освободил меня, — поправил Рей.

При этих словах леди Эйны вздрогнула и посмотрела на Рея.

— Кто ты, не говорящий на языках наших земель? С какого корабля ты пришел, лорд Рей?

— Ни с какого...

— Тогда откуда? Я не знаю колоний в Бесплодных Землях...

— Я думаю, сквозь время из далекого будущего. Конечно, это звучит невероятно, но, должно быть, так и есть. Другого объяснения нет. Я был в своем времени и неожиданно оказался в лесу, там меня захватили охотники-атланты. Отвезли на свой корабль... там уже был Чо.

Она продолжала смотреть на него прищуренными глазами, как будто проникала в мозг, читала и взвешивала каждую мысль.

— Это правда. Я слышала в храмовой школе, как о таких путешествиях во времени говорят наакалы. Но ведь никто из тех, кто отправился в испытание, не вернулся. А ты не похож на нас... Итак, ты пришел издалека. Неудачно же ты выбрал время, или случай сделал за тебя такой злополучный выбор.

Рей удивился ее спокойному принятию того, что он сам счел бы самым неправдоподобным объяснением. Какой прием ожидал бы мурийца в мире Рея? Он даже думать об этом не хотел. Может, все-таки ему повезло.

Леди Эйны встала.

— Благодарю за помощь сегодня ночью, лорд Чо. А теперь я должна связаться с матерью-землей. У вас найдется каюта для отдыха?

Чо отвел занавес и показал приготовленную для нее койку. Девушка вошла и остановилась, держа в руке готовый опуститься занавес.

— Доброй удачи нам всем, братья, с этого часа и навсегда. — И опустила занавес.

Час спустя Рей плечом к плечу с Чо стоял на носу «Властелина ветра». Их тяжелые плащи промокли от брызг. Луна скрылась за набежавшими тучами. Но они знали, хотя и не видели, что где-то в темноте рейдер пытается перерезать их курс.

— Если мы открыто нападём на них, когтем и зубом, они ускользнут, как трусливые пожиратели падали с равнин. Но сражаться, когда мы одни в море, которое они считают своим, было бы глупо. Насколько нам известно, это только пес, который подзовет флот, а тот набросится на нас, как кондоры Майакса слетаются на добычу пумы.

— А что, если они нападут?

Муриец коротко рассмеялся.

— Пусть только попробуют.

С того времени как они увидели «Огненную змею», экипаж ждал в боевой готовности. И хоть «Повелитель ветра» лег на прежний курс, стена щитов продолжала стоять, боевые машины были готовы, и люди оставались в позиции для боя. По приказу послышался слабый звон, и над скамьями гребцов подняли защитные экраны, вставшие в уровень с верхней палубой. Рядом с Реем из ящика высовывалась длинная труба, около нее в готовности стояли три моряка. Подошел с докладом один из офицеров леди Эйны.

— Да, все готово, — сказал муриец. — Моряки с «Огненной змеи» пришли к нам не с пустыми руками, они прихватили свои огнемататели. Теперь устанавливают рядом с нашими. Нам стоит только выстрелить огнем, и рейдер затупит свои зубы о смерть!

Чо перешел с носа на корму, Рей за ним. По дороге муриец осматривал приготовления, но, добравшись до юта, принялся расхаживать взад и вперед, дергая край плаща. Рей пытался увидеть что-нибудь в темноте.

— Если бы только они показались... — высказал он пожелание. Когда-то давно и очень далеко отсюда (ему легче было думать, что их миры разделены не временем, а пространством) его учили воевать. Не так, как здесь, но все войны похожи. И, произнося эти слова, он уже знал ответ: ожидание — старинное оружие, которым люди пользовались во многих местах и много столетий.

— Именно этого они не сделают, — сказал Чо. — Они хорошо знают, как отражается ожидание на противнике. Бдительность слабеет. И тогда начинается нападение. Нам нужно следить непрерывно. Если когда-нибудь я пересеку эти пять стен,

которые сыны Ба-Ала считают своим щитом, если встану лицом к лицу с ними, когда у них спина будет прижата к этим стенам и не будет никакой норы, куда можно улизнуть, — только тогда кончится ожидание, и они за все заплатят. Но эти тучи, закрывающие луну... Не дай Солнце, чтобы утром был туман!

Рей взглянул на низкие облака.

— Они означают плохую погоду?

— Возможно. Можем только надеяться, что Солнце не покинет нас. Пошли снова на переднюю палубу.

Гребные скамьи накрыли досками, образовав на шкафуте новую палубу, которая казалась достаточно прочной. Ее заполнили молчаливые люди. На передней палубе стояли три трубы с ящиками и рядом — их расчеты. Начинало светлеть.

— Ничего не видно, рожденный Солнцем! — доложил вперёдсмотрящий.

Снова Рей удивился тому, что понял его слова. Но сейчас не время для расспросов.

— Ничего... — словно про себя повторил Чо. — Как ты думаешь, на рассвете будет туман?

Хан высоко поднял голову, словно принюхиваясь к ветру, посмотрел на облака на небе, потом на воду.

— Обязательно туман, рожденный Солнцем, может, и дождь. Боюсь, мы должны будем плыть только по приборам.

Чо кулаком ударил по поручню.

— Прикрытие, под которым рейдер сможет подобраться незаметно!

— Да, рожденный Солнцем. Но и для нас это прикрытие... если судьба будет нам благоприятствовать.

Чо резко повернулся.

— Так должно быть. Они закинут сеть, и она останется пустой. Но не следует их недооценивать и думать, что судьба нам будет улыбаться. Я считаю, никто из нас не сможет вздохнуть с облегчением, пока мы не окажемся во Внутреннем море.

— Правда в твоих словах, рожденный Солнцем. Атлантам знакомы все хитрости Отца Теней, все злые мысли, порожденные им.

— Да будет так. — Голос Чо звучал мрачно и холодно. — Даже если судьба подведет нас и мы будем захвачены, в наших

руках еще самое последнее и могучее оружие. Леди Эйна показала нам его прошлым вечером.

— Взорвать корабль? — спросил Рей.

— Так мы уйдем к Солнцу с честью, прихватив с собой на последний суд множество врагов. Ни один корабль матери-земли не должен попасть в их руки, пока жив хоть один с подлинной кровью. И такой конец даст нам быстрый и чистый уход; мы хорошо знаем, что у атлантов для пленных такого не будет.

К ним присоединилась леди Эйна.

— Готовы, Чо?

— Ждем рейдер. Он придет. — Чо кивком указал на море, голос его звучал убежденно. — Ты доложила?

— Я сообщила о гибели «Огненной змеи», и Великий одобрил мои действия. Ре Му шлет привет и просит вас поторопиться: если на нас нападут, он не сможет прислать помощь. — Она колебалась. — Но произошло кое-что еще, лорд Чо, и это внушает мне страх...

Голос ее звучал негромко, и Рей заметил, что она кутается в плащ и костяшки пальцев у нее побелели, так сильно она его сжимает.

— Я... меня отрезали.

Чо развернулся, на лице его появилось удивленное выражение.

— Как это?

— Связь с матерью-землей прервалась, и прервал ее не Ре Му. Никогда раньше такого не происходило.

— Как прервалась?

Она вздрогнула, как будто теплый плащ исчез и ветер пронизал ее до костей.

— Как будто набросили черный занавес. Я задала мысленный вопрос — ответа не было. Я подождала два поворота серебряного указателя времени и попробовала снова. Никакого ответа, даже от наблюдателей в храмах на берегу Майакса!

И когда Чо ничего не сказал, она добавила, почти умоляюще:

— Что это может значить?

Лицо Чо оставалось замкнутым, словно мурiec глубоко задумался и не видел окружающего. Она коснулась его рукой, и он вздрогнул от этого легкого прикосновения.

— Что... что это? — снова спросила она.

— Это может значить, что атланты вмешались в Священные Мистерии, чтобы узнать тайны рожденных Солнцем... — сказал он.

Она отпрянула от него, словно он сказал что-то чудовищное. Хан громко вскрикнул. Но глаза Чо сверкали.

— Эти будущие обитатели вечного мрака и холода, как они осмелели! Но Ре Му будет предупрежден о случившемся. Это значит, что доступ к внутренней силе для нас закрыт. Мы должны рассчитывать только на свое оружие, чтобы не открыть им того, что должны защитить ценой жизни.

К леди Эйне вернулись спокойствие и самоконтроль.

— Может ли человек спорить с судьбой? Но мы должны быть достойны того, что нам доверено. А говорить о поражении до начала битвы не стоит. — Она улыбнулась Чо, словно не хотела, чтобы он считал ее слова порицанием. — Я попробую еще раз, но, если появится рейдер, вызовите меня. — И она ушла.

Чо посмотрел на Рея.

— Похоже, тебя действительно завлекли в сеть. Наши раздоры для тебя ничего не значат. И тебе было бы гораздо безопаснее в Бесплодных Землях, чем на воде, когда вокруг красные волки.

Он прав — это не его раздоры, подумал Рей. Они разрешены за много эпох до его рождения. Но есть еще кое-что... Раньше это были просто слова, ритуал чуждого народа. Но Рей вспомнил об этом.

— Ты сказал мне, что, когда наша кровь смешалась на рукояти меча, мы стали братьями.

— Да!

— Но разве это не значит, что мы должны стоять в битве рядом? Я пришел сюда не по своей воле, но теперь у меня есть выбор... и я его делаю... Не имея больше родины, я остаюсь с друзьями. Мне кажется, они у меня есть...

— Об этом можешь и не спрашивать! — ответил Чо.

— И враги тоже есть — там... — Рей указал на море. — Так что я выбираю...

Чо кивнул.

— Чтобы ты никогда не пожалел об этом, брат.

«Аминь», — подумал Рей, но вслух этого не сказал.

Глава 5

— Итак, они заблокировали ваше радио, — предположил Рей, по-своему интерпретируя то, что услышал от леди Эйны.

— Блокировали... радио? — переспросил Чо.

— Ну да, вашу систему связи.

— Ты думаешь, мы это делаем машинами? — Чо улыбнулся. — Я забыл, как мало ты о нас знаешь. Нам, рожденным Солнцем, не нужны машины, чтобы связаться с Ре Му. Даже его высшие офицеры обучены наакалами воспринимать мысли, как я сейчас касаюсь твоего разума. Именно так леди Эйна доложила о гибели «Огненной змеи». Но только рожденные Солнцем или специально обученные могут делать это.

— Но как же атланты вмешиваются в телепатию? — спросил Рей. Он по своему опыту частично мог в это поверить.

— Это мы должны выяснить. Никто, кроме специально подготовленных, не может посылать мысли, и число их хорошо известно. Так мы по крайней мере думали до сегодняшнего дня. Мы знаем, что у Красных Мантий есть нечто подобное, но считали, что в истинную передачу мыслей они вмешаться не могут. Оказывается — могут! Ре Му и мать-земля никогда не узнают о нашей судьбе, если мы не доберемся до Майакса. В нашей истории такого никогда не бывало. Мы считали, что и не может быть!

Небо на востоке медленно светлело, но только стало свинцово-серым; пошел дождь, проникая сквозь плащи, заставляя вздрагивать.

— Туман и дождь, как сказал Хан, — заметил Чо. — Будем надеяться, что сынам Ба-Ала так же трудно разглядеть нас, как нам их. Пошли позавтракаем.

Внизу они обнаружили леди Эйну. Она сидела за столом. Лицо ее в розовом свете выглядело измученным. Она принужденно улыбнулась и покачала головой в ответ на вопросительный взгляд Чо.

— Стена остается, лорды. Если придется сражаться, мы будем одни.

Чо тяжело опустился на ближайшую скамью.

— Да будет так. Но, может, до этого не дойдет. Если Пламя захочет. Давайте поедим... — Он хлопком вызвал слугу, и леди Эйна выпрямилась.

— Корабли матери-земли славятся своими обедами. Уйгур не может сравниться с деликатесами Му. Так говорили мне офицеры, которые возвращались оттуда, — заметила она.

— Уйгур — где это? — спросил Рей.

Она повернула голову и широко раскрытыми глазами посмотрела на него. Чо подошел к карте на стене каюты. Нажал пальцами на ее раму, часть, на которой Атлантида, сдвинулась вправо. Открылась остальная часть Му в Тихом океане, а за ней очертания Азии, но очень отличающиеся от знакомых Рею. И здесь море устремлялось глубоко в сушу, занимая весь Китай и часть пустыни Гоби. Новый берег образовывали высоты будущего Тибета. Чо указал на них:

— Вот Уйгур.

Но леди Эйна продолжала смотреть на Рея.

— Как может быть, что ты не знаешь Уйгура?

— По этой же причине два дня назад я не знал и о Му. Я из другого времени, если ты помнишь. У нас нет никаких воспоминаний об Уйгуре.

— Но об Атлантиде есть... — медленно сказал Чо. — Почему Красная Земля сохранилась как легенда в будущем, когда все остальное исчезло? Что сделали эти поклонники Тени, какой огромный костер разожгли, что его дым и жар прошли через неисчислимые столетия?

Взгляд леди Эйны стал мрачным.

— Могу подумать только об одной катастрофе. Что твой народ знает о Красной Земле, лорд Рей?

— Что она находилась в центре океана, но в наше время там только океан и небольшие острова на западе и востоке. Что она затонула в один момент от землетрясения и приливных волн в результате злых деяний своих жителей.

— Утерянная земля. А искали ли ее в твое время, пытались найти остатки?

— Искали так старательно, что научно доказали: ее никогда не было. Считается, что это только легенда.

Слуга принес поднос, и они принялись есть, утоляя голод. Но Рей все время посматривал на карту и удивлялся. Почему действительно не сохранилось никаких следов этой цивилизации? Конечно, мир, который он видит на карте, географически сильно отличается от мира его времени. Но некоторые районы остались прежними. А не могут же все, абсолютно все приметы высокой цивилизации исчезнуть бесследно.

— Показался рейдер! — В дверях стоял Хан.

Ложка выпала из руки Рея в тарелку, расплескав ее содержимое. Чо одним прыжком пересек каюту, но американец уже был рядом с ним, когда они достигли верхней палубы.

— Там! — Хан указал на темное пятно в тумане.

— По местам! — закричал Чо.

Кто-то присоединился к Рею у поручня — это была леди Эйна. Она должна оставаться внизу, подумал он, но потом вспомнил, что она командовала таким же боевым кораблем и знает о подобных делах больше его.

Но рейдер как будто их не заметил, он оставался на прежнем курсе и исчез в тумане. Однако после его исчезновения напряжение на «Повелителе ветра» не ослабло.

— Он вернется, — пообещал Чо. — Пытается вынюхать нас, как охотничья пантера вынюхивает след. Вернется!

Он оказался прав. Снова в тумане показались очертания вражеского корабля. Он частично повернул и оказался ближе к «Повелителю ветра». Рей обнаружил, что ему трудно думать об этом зловещем черном клине на воде как о другом корабле, с людьми такими же, что молча стоят вокруг него. Голосов не было слышно, лишь плескались волны о нос «Повелителя ветра», который держался прежнего курса.

Потом, словно он все время знал, где находится корабль мурийцев, и играл с ним в кошки-мышки, рейдер опять изменил курс и направился прямо к мурийскому кораблю.

Чо спокойно отдал приказ:

— Апу, держи нас на курсе и иди на полной скорости, что бы ни случилось. Попытаемся уйти с боем. Хан, огнеметателями пользоваться только вблизи, когда они точно достанут. До приказа никому не стрелять.

Офицеры разошлись по местам, Хейк и Ромага из команды леди Эйны заняли позиции на шкафуте. Слуга-солдат принес из каюты три длинных щита красноватого металла и такие же длинные манжеты на руки. Чо надел такую манжету на левую руку Рея и показал, как прикрепить к ней щит.

— Это защита от огнеметателей, — объяснил муриец. — Если увидишь, что на нас нацелят черную трубу, как те, что у наших людей, прячься за щитом. Не думаю, чтобы у них было дыхание смерти: на рейдерах таких аппаратов не бывает. Будем на это надеяться: против него защититься невозможно.

Укрываясь своим щитом, Чо пошел к рулю.

— Еще ночь и день, и мы будем во Внутреннем море — и свободны от преследования.

Леди Эйна пожалала плечами, словно сбрасывая с них тяжесть.

— Чего же нам тогда бояться? — почти весело спросила она. — Истинная кровь сможет удержать на такое время поклонников Тени. Смотрите, даже сейчас они опасаются напасть, хотя у них для этого удобная позиция...

Действительно, темный корабль словно колебался. Впрочем, туман скрывал и искажал его, так что это могла быть иллюзия. Но Рею действительно показалось, что нос рейдера чуть отклонился от продолжавшего идти прежним курсом «Повелителя ветра». Леди Эйна права: враг перестал приближаться, он отошел подальше. И они миновали место встречи, скрылись в тумане без боя.

— Они боятся нас! Не смеют проверить мощь матери-земли в открытом бою! — воскликнула девушка.

Чо покачал головой, он был явно встревожен.

— Мне это не нравится. По всем правилам они должны были бы напасть. Но они отвернули...

— На что может рассчитывать рейдер при встрече с кораблем флота, готовым к бою? — возразила она. — Просто его капитан разумный человек. Они будут рыскать поблизости, ждать, не пошлет ли им Ба-Ал какого-нибудь преимущества, но оскалить зубы не решатся...

В следующие несколько часов казалось, что она правильно оценила ситуацию, что рейдер опасается открыто напасть

на мурийский корабль. Он оставался в тумане, но на виду, шел параллельно, но не больше.

Хан, однако, разделял опасения Чо. Время от времени он отрывался от руля и смотрел на их зловещего спутника. Так продолжалось, пока в полдень водянистый солнечный луч не разорвал облака.

Чо приказал принести еду на палубу. Все поели, оставаясь на местах.

— Возможно, они ждут ночи и темноты. — Чо отряхнул крошки с пальцев.

— Будем надеяться на это, рожденный Солнцем, — ответил Хан. — Ночной бой — рискованное дело. Мы можем уйти...

Чо откинул плащ.

— Нет! Они приближаются!

Рейдер приближался со скоростью стрелы. Рей извлек меч, который дал ему Чо, и с любопытством взглянул на полированное лезвие. Оружие ему не по руке. Он держал его неуклюже, провел пальцем по острому краю. Во рту у него пересохло, он обнаружил, что чаще дышит. Наконец он снова вложил меч в ножны. Ему лучше послужат голые руки и знание единоборств. Несмотря на то что в своем мире он много тренировался, в настоящем бою он будет участвовать впервые.

Вокруг экипаж уверенно и привычно готовился к бою, проверял оружие. Рей завидовал знаниям и умениям моряков. У них есть занятие на время ожидания и защита, когда придет время боя.

— Не забывай о щите, — предупредил Чо.

Рей мрачно кивнул.

И вот неожиданно, как тропический шквал, началось нападение. С носа рейдера ударил зеленый луч, яркий даже на солнце, коснулся борта «Повелителя ветра». Рей почувствовал запах горелого.

— Слишком низко! — крикнула леди Эйна.

Дюйм за дюймом зеленый луч пополз вверх, туда, где ждали мурийцы. Чо пальцами впился в руку Рея.

— За щит!

Рей присел за щитом, чувствуя, что эта преграда неожиданно стала слишком легкой и бесполезной. Луч пополз по палубе, на которой они стояли.

Один из моряков, стоявший у дыхания смерти, ужасно закричал. Он конвульсивно поднял правую руку. По голой коже, извиваясь, как отвратительная рептилия, ползло зеленое пятно. Моряк снова закричал, отскочил от машины и упал на палубу рядом с Реем. Американец инстинктивно бросился к нему, вытянув руку, но Чо удержал его:

— Нет! Мы ничего не можем сделать. Он уже мертв, а оно нападает на все живое.

Человек еще раз крикнул и затих, остальные отступили от его тела.

— Смотри, оно ищет новую жертву. Еще не наелось, — прошипел Чо.

Зеленое пятно больше не казалось частью луча, оно стало чем-то осязаемым, живущим собственной злой жизнью. Со скочив с руки мертвеца, оно упало на палубу, удлинилось, как змея, и поползло вперед. Хан оторвался от руля. В руке он держал кристалл в форме жемчужины. Протянул его, из него вылетела искра и ударила прямо в змеиный свет. Послышался резкий писк, от которого заболело в ушах, и зеленое существо исчезло, оставив на палубе черное пятно, от которого поднялся дымок.

— Оно... оно живое! — выдохнул Рей.

— Это не та жизнь, какую мы знаем, — ответил Чо. — Одно из их любимых оружия. Они попробуют снова...

И снова с рейдера устремился луч, на этот раз нацеленный гораздо выше. Он ударил в щит Хана, прилип к нему, как будто пытался пройти сквозь него, преодолеть металлическую преграду. Но отступил и начал цепляться за другие щиты.

Когда он добрался до Рея, тот ощутил давление и от неожиданности отступил на один-два шага. Но остановился: давление на самом деле невелико. Край щита прижался к его телу, и за ним что-то дергалось, поворачивалось, пыталось найти щель в металле, добраться до него. Но вот оно исчезло, луч скользнул по щиту и ударил в палубу. Однако вторую жертву так и не смог найти.

«Повелитель ветра» не отвечал контратакой, и это удивляло Рея. Корабль не отклонялся от курса и не уменьшал скорость, как и приказал Чо. Теперь рейдер немного отстал, как будто необходимость выпустить луч замедлила его ход. Первый удар не удался, но он нанес второй. Этот второй удар походил на дождь.

Рей посмотрел вниз. У его ног в палубу воткнулись два металлических осколка, они еще дрожали. Хан закричал: из его плеча торчал такой же осколок. Чо подскочил к нему и принял руль.

— Выпускайте дыхание смерти! — крикнул он.

Один из моряков рядом с Реем установил трубу на ящик, а его товарищ вставил в нее шар ядовито-желтого цвета. Еще один надавил на небольшой рычаг.

Желтый шар лениво поднялся в воздух, полетел к рейдеру и разбился о его носовую палубу. Поднялся столб оранжевого дыма. Рейдер быстро повернул, но дым пополз по палубе, гуще тумана, закрывавшего корабль раньше. И накрыл все, кроме небольшой части над самой ватерлинией.

Чо передал руль одному из моряков.

— Это... это вопреки всем правилам, только на случай крайней необходимости. Как ты, Хан?

Офицер вцепился в Рея, который подскочил, чтобы поддержать его. Лицо Хана под загаром приобрело болезненно-зеленый цвет. Должно быть, на осколке металла был какой-то смертельный яд.

— Другой должен принять мои обязанности, рожденный Солнцем... я...

Он всей тяжестью повис на Рее, и американец, отложив шит, уложил его на палубу. Чо взял в руки его голову.

— Не горюй обо мне... я уйду к Солнцу. Зажги от Пламени свечу... ради...

Голова его в руках Чо повернулась, и муриец осторожно коснулся покрытого каплями пота лба. Потом посмотрел на рейдер, который покачивался на волнах, словно никто не держал его руль.

— Вы заплатили, последователи Тени... но плата с вас будет взята снова и снова! Клянусь в этом Пламенем! Плата за

кровь Хана будет взята в самом Пятистенном городе! Может, не в этом году, но будет взята!

Рей помог завернуть мертвого офицера в плащ. Когда они выпрямились, моряки осторожно собирали с палубы металлические стрелы, стараясь не коснуться обесцвеченного конца. Но для моряка, умершего от зеленого огня, и для Хана битвы словно не было.

— Рожденный Солнцем! Посмотри на рейдер!

Они отошли от вражеского корабля, и тот качался на волнах без управления. Но теперь им как будто снова управляла уверенная рука, и он, хоть и не на прежней скорости, снова шел за ними.

— Этого не может быть! — воскликнула леди Эйна. — Дыхание смерти должно было убить всех на борту!

— Наверное, у них есть защита, о которой мы не знаем, — ответил Чо. — Но корабль поврежден. Нам бы продержаться до утра, и мы будем в безопасности. Но если они позовут на помощь...

— Да, — подхватила леди Эйна, — остается только это. Смотрите, они ползут, но нас не оставляют.

«Повелитель ветра» опередил темный рейдер. Однако тот держался сзади и шел тем же курсом. Искалеченный пес, но не отказавшийся от охоты. И в этой целеустремленности было нечто неестественное.

Ночь под затянутым тучами небом наступила рано. Молчаливый корабль атлантов продолжал преследование, упрямо резал воду, хотя ни воли, ни энергии, чтобы догнать «Повелителя ветра», у него не было. Мурийцы зажгли белый фонарь — ответа не было. Но огонь осветил волны, и абордажная группа с рейдера не могла подобраться незаметно.

Рей потерял горящие глаза, слишком уставшие от напряженного слежения за морем. Как и все окружающие, он не убирал щит, и его тяжесть все более резала руку.

Завтра поздним утром, сказал Чо, они будут у входа во Внутреннее море и могут ожидать помощи, если она понадобится, из фортов при входе.

Черная тень у руля — это Хан и погибший моряк, они завернуты в плащи и готовы к погребению. А молчаливый враг в темноте продолжает идти следом.

Леди Эйна ушла вниз, но Чо остался у руля, и Рей решил тоже оставаться на вахте. Он никогда раньше настолько не уставал — ему так казалось. И не был, неохотно признался он себе, так испуган. Человек может смело встретить рукопашную, даже ответить сталью на сталь. Но этот ползучий зеленый огонь, подобный живому, этот дождь отравленного металла — всему этому в его подготовке не было места. Пальцы его тосковали по огнестрельному оружию, но до него еще целые эпохи. И еще гранаты — про себя он составлял список того, что нужно ему вместо бесполезного меча, лежащего на коленях.

Наконец Чо передал руль дежурному и сказал:

— Надо отдохнуть.

В каюте леди Эйны не было. Рей оставил щит и снял промокший плащ. Он видел, как Чо подошел к ближайшей койке и, споткнувшись о стол, чуть не упал на нее, положив голову на руки.

Рей повернулся лицом к стене и закрыл глаза. Ему хотелось только спать, закрыть глаза и забыть обо всем. Но, закрыв их, он увидел — деревья! Ряд за рядом, вздымающиеся к небу, с ветвями, начинающимися высоко над головой. Между ними взад и вперед, как вечные волны, металась тень. И глубоко внутри проснулась тревога. Захотелось идти, все глубже погружаться в тень деревьев. Где-то там врата, разрыв в ткани времени, и если он его найдет, то сможет вернуться...

Деревья становились все темнее и темнее, пока стволы, ветви и беспокойные тени не слились и не превратились в одно. Желание вернуться к вратам стихло. И Рей наконец уснул...

В кабинете директора теперь находились не двое, а пятеро. Но один из пятерых привлекал общее внимание.

— Я ничего не могу обещать, джентльмены. Психофизика — экспериментальная программа, как и эта ваша «Операция Атлантида».

Фордхэм опустил трубку.

— Я знаю, что одновременно осуществляется сотня экспериментальных программ...

— Скажите лучше — тысяча и будете ближе к истине, — поправил первый говоривший.

— Ну, хорошо, тысяча, доктор Бертон. А скажите, кто-нибудь знает все, что делается? Видит всю картину?

— Мы отправляем отчеты...

Фордхэм устало улыбнулся.

— Кто их читает? Вероятно, несколько разных комитетов. Но кто-нибудь пытается скоординировать всю картину?

— Вероятно, нет, пока не произойдет что-нибудь подобное и положение не станет чрезвычайным, — признал Бертон.

— Верно ли я вас понял, доктор Бертон? Вы считаете, что у вас есть возможность воздействовать на нашего человека и заставить его вернуться к месту отзыва — путем какого-то умственного процесса? Конечно, если Фордхэм откроет дверь — или как вы там это называете — откроет снова? — нетерпеливо спросил человек в генеральской форме.

— Выделите «может быть», генерал Колфакс, — ответил Бертон. — У нас есть некоторые поразительные результаты, но все зависит от испытуемого и обстоятельств. Одно обстоятельство говорит в нашу пользу: этот Осборн неожиданно оказался в ситуации, к которой совершенно не готов, и, следовательно, попал под сильнейший стресс. В соответствии с этими данными, — он подобрал листок бумаги, но не заглянул в него — у него никогда не было контактов с нашим типом подготовки. Но он, как утверждают, «одиночка», а это значит, что он умеет самостоятельно справляться с обстоятельствами и в панику не впадает. Никто не может догадаться, что он подумал о переходе. Можно основываться только на сведениях о наших испытуемых.

Он мог оставаться у пункта перехода, пытаться вернуться, если догадался о том, что произошло. Если это так, наша проблема решается относительно легко. Если он испугался и побежал, мы можем попробовать мысленный призыв. Я надеюсь на это, потому что в том времени он будет уникален. Итак, предполагая, что он не ушел слишком далеко, мы можем приблизительно настроиться на его умственный тип и вернуть его назад.

— Во всем этом множество «если», — заметил генерал Колфакс. — По-моему, надежнее отправить туда отряд...

— Предположим, нам удастся отправить отряд, генерал, — вмешался Фордхэм. — Отправить в дикую местность, какой бы-

ла Америка примерно четыре тысячи лет назад. Искать человека в такой стране нелегко. Если доктор Бертон сможет позвать его...

— Опять «если»! Почему вы считаете, что страна будет другой?

— Вы видели фильм, — просто ответил Фордхэм. — Похоже увиденное на южную часть Огайо, по-вашему? Таким деревьям...

— ... нужны столетия, чтобы вырасти. Да, знаю, — ответил Колфакс. — А если устройство доктора не работает?

— Нужно смотреть правде в лицо. — Харгривз помигал покрасневшими глазами. — Тогда мы больше никогда не увидим Осборна. Он мог погибнуть через мгновение после записи. Мы не уверены даже, что можно пережить такой переход. Но даже если мы его не найдем, рано или поздно нам придется посылать исследователей. Возможно, мысленный призыв доктора поможет в следующей попытке, если не получится с Осборном.

— Когда вы будете готовы? — спросил Фордхэм у Бертона.

— У нас еще нет приборов размером с уоки-токи. Придется все размонтировать, перевезти, снова собрать. Не могу даже приблизительно оценить. Будем работать круглосуточно и срезать все углы. Но потребуется не меньше нескольких недель...

— Несколько недель... — повторил генерал Колфакс. — Интересно, что произойдет тем временем с Осборном? Если он еще жив!

Глава 6

Рей проснулся и лежал, мигая, стараясь вспомнить что-то из своего сна, что-то очень важное. Но оно уже исчезло. Над ним стоял Чо, лишь частично видный в сером свете совсем туманного дня.

— Рассвет, — сказал муриец, как будто в этом сообщении был какой-то важный внутренний смысл.

Американец встал, морщась от боли в затекших мышцах, и вслед за Чо вышел на верхнюю палубу. Туман и облака исчез-

ли. Вокруг лежало гладкое море, словно не знающее, что такое волны. На востоке небо стало розовым и светло-золотым. Но на палубе лежали два зашитых в плащи тела.

Чо остановился...

— Хан... друг мой... — Он подошел к поручню. Моряки подняли доски, на которых лежали тела. Здесь собрался весь экипаж, по представлениям Рея; все стояли смирно. Флаг, развевающийся на ветру на корме судна, был наполовину спущен.

— Море... — голос Чо с каждым словом становился сильнее, — наше наследие с древних дней, откройся для них, твоих сыновей. Выполнив с честью свой долг, они теперь отдыхают. Укрой их тела, а дух их в залах Солнца...

Доски наклонили. Рей слышал, как перехватило дыхание у леди Эйна. Восходящее солнце окрасило воду, по которой устремился вперед «Повелитель ветра», в золото.

Ночью и в тумане накануне за ними шел тенью черный рейдер. Рей не знал, почему считал, что этим ясным утром его не будет, не понимал, почему так встревожился, снова обнаружив вражеский корабль в пределах видимости. Вероятно, перегнать их он все-таки не может. Но экипаж «Повелителя ветра» продолжал оставаться наготове, все поглядывали назад. Разговоры прерывались долгими паузами.

— Это неправильно! — Чо, глядя на далекого преследователя, опустил обе руки на поручень. — Они мертвы, должны быть мертвы. Корабль с экипажем из мертвецов!

Леди Эйна прикусила нижнюю губу, как будто хотела удержаться от высказывания. Ответил Рей:

— Может, ты прав: ты знаешь, какие силы в твоей власти. Но пока он не подходит ближе... — Он тоже чувствовал это нервное напряжение, вызванное постоянным присутствием тени на море, не приближающейся, не дающей возможности ударить, но остающейся постоянной угрозой, все время усиливаемой воображением.

— Да, пока он не подходит ближе... — повторила леди Эйна. — Мы должны быть совсем близко от морских ворот Майакса. Знаешь, лорд Чо, я никогда не видела мать-землю. Как и лорд Рей, я окажусь в незнакомой стране, когда мы причалим

в гавани города Солнца. Похожа она на Уйгур? — Она говорила быстро, пытаясь за словами скрыть мысли.

Чо вежливо поддержал разговор. Решительно отвернулся от кормы.

— Не похожа. Уйгур состоит из гор и узких долин, а на матери-земле широкие равнины, по которым протекают большие реки. Город расположен в устье такой реки. Иногда по ночам его жители ради удовольствия выходят на лодках в море. Они поют, арфистки играют...

Леди Эйна вздохнула.

— Так в мирное время. Да, наша продуваемая ветрами земля совсем другая. У нас табуны диких лошадей бродят свободно до самых пограничных постов, за которыми сбежавшие преступники сражаются с людьми-зверями и дьяволами Тьмы, чтобы сохранить жизнь...

— Значит, дьяволы Тьмы по-прежнему существуют? — спросил Чо.

— За месяц до отплытия «Огненной змеи» вместе с данью мехами принесли шкуру и клыки одного. Иногда молодежь устраивает на них охоту. У меня есть кинжал с рукоятью из клыка дьявола. Но этого дьявола убили во времена юности моего отца. Они живут на высотах и держатся в одиночку, а спускаются только в тяжелые годы, когда голод гонит их на поиски новых охотничьих территорий.

— Вот как. А в Му говорили, что все дьяволы давно убиты и сейчас ими только пугают детей. Дьяволы, Рей, похожи отчасти на человека, они заросли густой шерстью, но ходят прямо. Клыки у них длинные и изогнутые, верхние, вот так. И живут они высоко в горах, в самых диких местах. Охотятся в темноте ночей. И оставляют большие необычные следы на горном снегу...

— Снежный человек, — подсказала Рею память.

— Значит, они есть в ваше время? — оживленно спросила леди Эйна.

— Еще одна легенда — в той стране, которую вы называете Уйгуром. В мое время там самые высокие горы нашего мира. О ваших демонах существуют рассказы, видели их следы, но ни одного не удалось убить или захватить...

— Как странно! — медленно сказала девушка. — Дьяволы известны в ваше время, а такая страна, как Му, забыта. А много ли еще сохранилось?

— Спроси лучше, почему одно сохраняется, а другое забывается, — вмешался Чо. — Дьяволы Тьмы, Атлантида — почему именно они?

День был безоблачным, полным света. Стало тепло, и все сняли плащи. Над водой появились птицы, а сама вода стала сине-зеленой. Поверхность моря покрывали полосы водорослей. Вдруг из воды высунул голову большой дельфин и умными глазами посмотрел на проходящего «Повелителя ветра».

— Дельфин!

Леди Эйна взглянула, куда указал Рей.

— Морской плясун, — поправила она. — Значит, их ты тоже знаешь, лорд Рей?

— В мое время ими очень интересуются. Мы знаем, что они умны. И пытаемся установить с ними контакт.

Она перевела взгляд с американца на дельфина и обратно.

— Известно, что морские плясуны настроены дружелюбно, они помогают пловцам и находятся под защитой Солнца. Ни один человек не решится поднять на них руку. Но они морские создания, а мы по морю можем идти лишь по поверхности в наших кораблях и немного плавать. В остальном же оно для нас закрыто.

— Конечно, у вас ведь нет подводных лодок, — кивнул Рей, — нет аквалангов или водолазных костюмов.

Чо внимательно слушал.

— Значит, твой народ сумел открыть для себя глубины моря? Как?

Рей как мог описал подводные работы и исследования. Как люди в его время не только плавают под водой в кораблях, но и, вооруженные аквалангами, могут свободно находиться в море, став почти его частью, какой были до того, как первые амфибии выползли из воды и начали жить на суше.

— Но это удивительно! — воскликнула леди Эйна. — Ах, плавать под водой! Поистине ваше время — время чудес, когда человек раскрыл для себя весь мир! Нас учат, что когда-нибудь войны закончатся, наверное, и в будущем...

— Война по-прежнему с нами, — ответил Рей. — Многое из того, что мы узнали, вызвано необходимостью защищаться и нападать во время войны. Нет, мой век далек от золотого...

— Золотого? — вопросительно повторила она.

— Люди считают, что в прошлом был золотой век, век мира и счастья...

Чо сухо улыбнулся.

— Где же тогда этот век, брат? В наше время, которое для вас легенда? Нет, ты сам видишь, что среди нас нет мира. Во дни Гипербореи? У нас есть свои легенды, и в них рассказывается о смерти и разрушении из-за человеческой жадности и похоти. Если и существовал золотой век, где искать его? В прошлом — нет! Нас учили искать его в будущем.

— В мое время будущее тоже полно тьмы, — сказал Рей.

— Лорд, сигнал!

Они повернулись на юго-запад по крику впередсмотрящего. На фоне полуденного неба поднимался белый след полосой на голубом фоне.

— Сигнальная башня внешних ворот, — сказал Чо.

— Похоже, мы все-таки выиграли гонку, — заметила леди Эйна.

Рей поглядел за корму. Рейдер там, но едва виден. Он как будто остановился.

Именно это, подумал Рей, тревожило всех — ожидание нападения со стороны этого зловещего черного пятна.

Леди Эйна глубоко вздохнула.

— Воздух стал чище после его ухода. Смотрите теперь вперед, а не назад. Будущее по-прежнему ждет нас.

Моряки засуетились. Убрали металлические стены, защищавшие гребцов. Расчеты накрывали военные машины. Впереди, на узком полуострове, далеко уходящем в море и оканчивающемся острой скалой, показалась высокая башня.

Чо отдал приказы и вернулся на палубу.

— Пойдем прямо, — сказал он, вернувшись. — В Маноа останавливаться не будем, сразу поплывем к каналам. Смотрите, нас приветствуют салютом знамени.

Над вершиной башни показалось белое облачко, потом флаг чуть опустился и снова поднялся. На мгновение ветер

развернул его, и Рей увидел герб — восходящее солнце на зеленом фоне.

Обогнув рифы, корабль двинулся на запад, и вскоре южнее показался еще один полуостров. На нем приземистое, прижимающееся к земле здание, похожее на форт. Чо улыбнулся. Напряжение покинуло его лицо.

— Мы внутри. Теперь можно поесть и выпить не торопясь.

Еще было светло, когда они вернулись на верхнюю палубу. Чо беспокойно расхаживал взад и вперед, не обращая внимания на остальных.

— Мы плывем не одни, — сказал он леди Эйне. — Вот это перевозчик зерна, а дальше торговый корабль с матери-земли, еще дальше — корабль северного флота.

— Корабли этого флота отозваны сюда и бездействуют, ожидая, когда Северное море снова станет безопасным. У остальных дела в этих водах. Во Внутреннем море всегда безопасно, северные бури и южные шквалы здесь неизвестны.

— Почему они поворачивают? — спросил Рей. Два корабля впереди изменили курс, открывая дорогу «Повелителю ветра».

— Потому что мы идем под этим. — К ним подошел Чо. Он указал на их флаг с солнцем, окруженным лучами на алом поле. — Они видят, что у нас важные новости, и открывают нам проход по чистой воде.

Когда наступила темнота, на этот флаг направили свет, по-прежнему требуя беспрепятственного прохода. Так было и на следующий день, в тесных, полных судов водах вблизи гавани Маноа. Столицу имперской провинции Рей видел только с моря. Но плывущие в небе белые башни и огромные пирамиды производили впечатление древней цивилизации.

За эти дни Рей обнаружил, что хорошо усвоил язык матери-земли. По крайней мере легко понимал сказанное, хотя когда отвечал, язык не всегда справлялся с шелкающими согласными и сливающимися гласными. Он как мог практиковался под руководством Чо и в языке атлантов.

Первая задержка случилась в каналах, ведущих в Западное море. Рей не видел сходства с материком своих дней. Должно

быть, в будущем «хребет» Южной Америки поднимется, образуя Анды, но сейчас с палубы «Повелителя ветров» были видны только невысокие пологие холмы за портовым городом канала.

На борту началась суматоха, приплывали и уплывали чиновники. Но наконец корабль пропустили, и киль «Повелителя ветров» начал резать воды другого моря.

— Слава Солнцу, мы наконец свободны! — Чо вернулся, проводив с корабля последнего портового офицера. — После случившегося мне не нравятся задержки, да и портовые сплетни неинтересны.

— Ре Му... — начала леди Эйна.

— Да, ему мы должны доложить правду, не скрывать ее, чтобы не вызывать тревоги. А правда эта неприятная. Ре Му, может быть, решит, что мы могли бы справиться лучше. Мы не можем сравниться с ним в мудрости. И я в первый раз командовал кораблем...

— Да, но ты с ним и возвращаешься, — прервала леди Эйна.

— Этого могло бы и не быть, если бы судьба нам не улыбнулась, как не улыбнулась тебе. Леди, нет бесчестия в поражении, если действуешь изо всех своих сил и способностей — и пробуешь снова.

— Какое голубое море! — неожиданно сказала она, как будто мысли ее оказались заняты чем-то новым. — У берегов Уйгура оно серое, а на севере, где омывает Бесплодные Земли, темное...

— Почему вы называете эти земли Бесплодными? — спросил Рей. — Это дикие места, да, но не бесплодные. Леса... — Он замолк, думая о темных и высоких, но живых деревьях.

— Может быть, потому, что там нет колонии, — ответил Чо. — Для нас, жителей матери-земли, они кажутся запретными, вечно скрывающимися от людей свои тайны.

— Но в твоё время это не так? — спросила леди Эйна. — Расскажи нам об этом.

Он рассказал об огромных и все растущих перенаселенных городах, о том, как поверхность земли покрывается все новыми поселениями, рассказал о скоростных шоссе, об аэропортах, о полетах в космос...

— Вы стремитесь овладеть луной, отправить корабли на другие планеты?! — поразился Чо. — Человек многого достиг, но ты говоришь, что все это порочно.

— Да. Чем больше нового придумывает человек, тем более смертоносными становятся его оружие и находки. Машины поднимаются в небо, но они падают и разбиваются, и те, кто в них летит, погибают. Или эти машины несут смерть с неба, и женщины и дети погибают в своих домах. Люди могут поговорить с любым уголком мира, но нарушают все установленные ими же законы. У некоторых столько богатства, что они его и сосчитать не могут, другие умирают с голоду. Так оно у нас...

— И так было всегда, — сказала леди Эйна. — Но вы по-прежнему люди, одни добрые, другие злые. А тебе приходилось летать в небе?

— Да.

— И каково это? — спросил Чо.

— Немного похоже на плавание по морю. Видишь землю сверху, если она не закрыта облаками.

— Я бы хотела попробовать, — сказала леди Эйна. — Хорошо бы ты принес с собой такую птицу...

Рей рассмеялся.

— Я мог бы прихватить с собой много полезного, но о самолете и не думал.

Они плыли по западному океану, а он рассказывал о своем времени. Леди Эйна никогда не уставала от рассказов о самолетах, которые несут людей над облаками.

— Наакалы могли бы построить такой, — заметила она. — Нужно подсказать им, чтобы занялись поисками в этом направлении.

Чо удивился.

— Никто не подсказывает наакалам. Им решать, какие тропы мудрости открываются перед нашими ногами.

— Услышав рассказ лорда Рея, они пойдут по этой тропе, — настаивала она. — Приятно было бы поглядеть сверху на облака, летать как птица...

Ее настойчивость, очевидно, встревожила Чо.

— Да, Рей должен поговорить с наакалами. Так и будет, когда они узнают о нашем прибытии. Но мы не можем ничего предлагать им...

— А кто такие наакалы? — быстро спросил Рей, заметив, что леди Эйна готова спорить.

— Жрецы Пламени, хранители древней мудрости и искатели новой, чтобы научить ей человечество. Они ездят по колониям, распространяя знания, расширяют, когда могут, наши сведения о мире. Многие они рассказывают только Ре Му и, может, еще немногим рожденным Солнцем, которые умеют хранить тайны и подготовлены к принятию мудрости. Такой чести была удостоена моя мать, когда после смерти моего отца стала дочерью храма.

— Я тоже вступлю в храм, когда закончится моя служба на море, — сказала леди Эйна.

Чо улыбнулся.

— Так ты говоришь сейчас, миледи. Но готов биться об заклад, что не пройдет и года, как ты призовешь к своей правой руке воина. И мы больше не услышим о храмах...

Глаза ее сверкнули, губы изогнулись.

— Ты умеешь читать будущее, как наакалы или прошедшие Девять Мистерий? — Она отвернулась и ушла в каюту. Рей посмотрел на Чо в поисках объяснений.

Муриец по-прежнему улыбался.

— Так говорят все женщины — что не хотят иметь с нами ничего общего и предпочитают храм. Но быстро забывают об этом, когда приходит время надевать брачные браслеты...

— Мы теперь близко к Му?

— До наступления ночи бросим якорь в гавани и спать будем в доме моей матери. Не думаю, чтобы нас призвали на аудиенцию до завтра, хотя леди Эйна может быть призвана и вечером.

Через час послышался долгожданный возглас: «Земля!» Выпустили весла, и гребцы заняли свои места. Один из офицеров задавал ритм на небольшом барабане, и моряки с привычной легкостью повели корабль дальше.

— Портовая стража, — Чо указал на приближающийся к ним катер.

— Что за корабль? — окликнули их с катера.

— «Повелитель ветра», корабль северного флота, капитан рожденный Солнцем Чо, со срочными известиями для Ре Му.

— Проходите. — И катер направился к торговому судну.

Овальная гавань была полна кораблей. Тяжелые купеческие суда, стройные пассажирские, военные корабли, баржи, множество рыбацких яхт на якоре. А в доках копошилось множество рабочих.

А дальше терраса за террасой поднимался город, какой может привидеться только во сне. Белый блестящий металл, радужные краски, он все выше и выше уходил в небо своими башнями и стенами. По сравнению с этими дворцами дома Маноа казались деревенскими хижинами.

— Здесь сердце нашего мира. Что ты об этом думаешь, брат? — спросил Чо. — Есть ли такие города в твоем веке?

— Не думаю, чтобы нашелся ему равный. По размеру — да, но не по красоте.

Они причалили, и Чо передал командование помощнику. Их встречал почетный караул с обнаженными мечами. Его командир обратился к Чо:

— Быстрое плавание, рожденный Солнцем.

— Три дня от Внутреннего моря, — с гордостью ответил Чо.

— Прекрасное время, милорд. Леди Эйну ждут носилки. А вы, лорды, направитесь в дом леди Эйи?

— Да... — нетерпеливо сказал Чо.

К ним подошла леди Эйна.

— Наши пути расходятся, милорды. Друзья и боевые товарищи не нуждаются в прощальных церемониях. До нашей следующей встречи да хранит вас Пламя.

Она приветственно подняла руку и ушла со своим эскортом, быстро исчезнув в толпе. Но офицер остался.

— Каков будет приказ, рожденный Солнцем?

— Пошли побыстрее...

Офицер расчистил им дорогу. Рей пошел бы медленнее, чтобы осмотреться, но Чо торопил его. Два или три поворота с одной оживленной улицы на другую увели их из района напряжен-

ного движения. Конечно, и здесь экипажи, лошади, верблюды, но много и пешеходов. Рею, которого все время торопили, трудно было разобраться в типах одежды, ярких красках и расах. Но ему казалось, что он идет по улицам города, в котором встречается и смешивается весь мир. Он надеялся со временем в спокойной обстановке поближе познакомиться с этими звуками, видами и впечатлениями.

Чо свернул в узкий тихий переулок, обогнав эскорт, и прошел в небольшую калитку в левой стене.

— Благодарю за общество и помощь, милорд, — обратился он к офицеру, распахивая калитку. Рей на мгновение заколебался, а офицер улыбнулся.

— Все знают лорда Чо. Он хороший сын леди Эйи. Да упадет на тебя свет Пламени, лорд. — И, отсалютовав, он удалился.

Рей вошел в большой сад, закрыв за собой калитку, которую Чо оставил распахнутой. В саду росли пальмы и цветы, виден был бассейн, отделанный замшелым мрамором. В спокойной воде отражались папоротники. У бассейна стоял Чо. Он взглянул на Рея.

— Она идет...

Женщина, приближавшаяся по тщательно подстриженному газону, не смотрела на них. Она как будто была погружена в свои мысли. Высокая, почти с Чо ростом, с кожей почти такой же светлой, как жемчуга на шее и платье. Ее желтые волосы спускались густыми прядями до талии. Но Рей видел только спокойную красоту ее лица.

В нем ожили какие-то воспоминания, и он не мог с собой справиться. Повернулся и отошел к красной двери в белой стене. Шел слепо, ничего не видя перед собой. Дверь, однако, поддалась. И он сильно, до боли ударил по ней рукой.

— Сын мой...

Не слова — мысль, как при первой встрече с Чо. И от этих слов каким-то образом исходило облегчение, отступали воспоминания. Но он не поворачивался, не смел. В последний раз ударил кулаком по упрямой двери. Он не хочет... не может вернуться и увидеть...

— Рей...

Его собственное имя, но произнесенное не так, как он боялся услышать с возрожденной горькой болью. Голос другой. Он опустил руку.

— Рей...

Такому призыву он не мог не подчиниться. Неохотно, о, как неохотно он повернулся — и увидел глаза, всепонимающие глаза. Они смотрели на него, и не только на него настоящего, но и на того, каким он был месяцы назад. Глаза преодолели преграду между его миром и этим, они знали... Он уверен, что они знали...

— Рей... — прозвучало в третий раз. Не требование внимания, а приветствие. И рука на его руке. Он ощутил ее, как и эти всепонимающие, всевидящие, всезнающие глаза. Рука потянула его назад в сад и тем самым провела через какую-то другую — невидимую — дверь. И на время Рей освободился от мира, где он родился.

Глава 7

— Проснись!

Рей открыл глаза. Он дрожал от холода, все внутри превратилось в лед. Но лежал он не на снегу. Однако и не на койке, на которой уснул.

На полу перед ним полосы лунного света, такие яркие, что глаза на время ослепли. А под босыми ногами холодный пол. Как он оказался в этом зале и почему стоит здесь, держась одной рукой за дверной засов? Он понятия не имел, чувствовал только полное замешательство.

— Проснись! — снова негромкий приказ сзади.

Он повернулся и увидел фигуру в плаще с капюшоном — наполовину в тени, наполовину освещенную луной. Поднялась рука и откинула капюшон. Рей узнал леди Эйю. Она протянула к нему руку, и на ее ладони ожил маленький шар, загорелся ярким белым светом, от которого заболели глаза.

— Пошли... — Голос ее прозвучал негромко, еле слышным шепотом. Она повернулась, словно не сомневалась, что он послушается, и, беззвучно ступая по освещенному луной полу, направилась к полуоткрытой двери.

Там она положила шар на треножник, и шар мгновенно вспыхнул еще ярче, осветив комнату со стульями, кроватью и столом, заваленным свитками.

— Сюда! — Она знаком указала ему на стул у стола, и Рей сел. Он по-прежнему дрожал от холода, впрочем, не от холодного воздуха, а от какого-то внутреннего озноба.

Леди Эйя налила вина в белую чашку в форме цветка. Капнула в нее из флакона размером с палец.

— Выпей! — Она дала чашку ему в руки.

Рей снова послушался. Жидкость согрела горло, а когда он проглотил, стало тепло и внутри. Он поставил опустевшую чашку, а леди Эйя подошла к нему, положила руки ему на плечи и посмотрела в глаза.

Его словно подхватило силой, которую он не понимал и не мог контролировать. Слабое инстинктивное сопротивление Рея было мгновенно подавлено. Он не знал, что ей нужно. Однако она ждала от него какого-то ответа.

Наконец она разорвала контакт — убрала руки с его плеч. И только тогда Рей понял, какой сильной была ее хватка.

— Что?.. — впервые решился он задать вопрос, но не знал, о чем спросить. Как он оказался в этом зале? Чего она хочет от него?

— Ты шел во сне, — сказала она ему, — тебя вела сила, которой нет в твоём бодрствующем разуме. Мне нужно узнать происхождение этой силы, откуда она явилась...

— Шел во сне! Но...

— Ты хочешь сказать, что раньше этого не делал, — заметила леди Эйя. — Это правда, насколько ты ее понимаешь. Слушай, сын мой. Ты знаешь, что я принадлежу к храму. И у меня есть подготовка. В твоё время люди опираются на материальное, на знания того, что человек может увидеть, услышать, попробовать, ощутить. У нас другая мудрость, её не так легко продемонстрировать. Она имеет дело с невидимым, с неслышимым, с тем, что можно ощутить только косвенно, не при ясном дневном свете.

Но ты не нашей крови, ты вырос не в нашем мире, и многое из того, что в тебе, для нас ново. Ты можешь владеть неизвестными нам силами. Можешь подчинять себе силы, которые

мы не понимаем. У нас хождение во сне означает, что человек находится под контролем. Это злое происшествие, и жертва должна пройти очищение в храме...

— Под контролем?

— Им руководит чужая воля. Так поступают сыны Тени.

Рей покачал головой.

— Я не атлант. Я говорил Чо... и тебе... правду.

Леди Эйя кивнула.

— Я знаю это. Для человека из храма прикосновение к Тени подобно саже на лице. И если бы тобой владела чужая воля, я бы узнала это, когда несколько мгновений назад «читала» твой разум. Но что-то заставило тебя пойти, когда мозг отдыхал. И важно узнать, что именно. Возможно, твое время по-прежнему владеет тобой и требует твоего возврата. Или, возможно...

— Что? — Когда она говорит, все это кажется вероятным, хотя вся прежняя жизнь и подготовка делают ее слова такими же невесомыми, как этот лунный свет.

— Что кто-то другой стремится использовать тебя. Когда ты попал к атлантам, на тебя смотрел жрец в красной мантии, верно? И ему отдали твои вещи, которые отобрали, когда взяли тебя в плен. У него есть твой мысленный образ и то, что ты носил на себе, держал близко к телу. А на таком основании человек с сильным умом может многое построить. Однако сейчас ты в безопасности. Напиток, который ты только что выпил, на время сделает тебя недоступным такому вторжению. А те, что из храма, будут с тобой работать.

— Но... это колдовство! Так не бывает! Как если бы я стал втыкать булавки в куклу и представлять себе, как страдает мой враг...

У нее резко перехватило дыхание, и Рей поднял голову.

— Что ты знаешь о булавках, куклах и пожеланиях зла?

Голос ее утратил тепло, стал далеким и недружелюбным.

— Сказки моего времени. Разумные люди им не верят.

— Не верят? Значит, они не разумные люди, а глупцы.

Должно быть, древние силы почти забыты. Но они приходят на призыв желающего зла. Не презирай старые рассказы, человек из другого времени, потому что в них содержит-

ся истина. В мире есть свет и есть тьма, и каждый человек склоняется к тому или другому. Если он готов заплатить цену — ничто не дается без платы, — то обретет знания и силы путем трудного учения. Те, кто не прошел обучения, видят только материальные предметы. Они не понимают, что нужно бежать от того, что кроется за этими игрушками. В наше время это не игрушки. Слушай и верь. Насмешка может стоить тебе жизни!

Вопреки своему желанию Рей понял, что ее слова произвели на него впечатление. Она так верит в них, что он должен принять их как часть здешней жизни.

— Ты думаешь, жрец атлантов хотел как-то меня использовать? Но почему?

— Если подумаешь, сам назовешь несколько причин. Ты ведь не глуп. Прежде всего ты новый элемент, который может быть использован в критической ситуации. С такими новыми элементами нужно обращаться осторожно...

— Но я ведь всего один человек, никакими особыми знаниями не обладаю...

Она утратила свою отчужденность.

— И раньше бывало, что один человек нарушал равновесие, поворачивал ход истории на новый путь. То, что у тебя в сознании, может быть использовано теми, на чью сторону ты встал. Это одна причина, почему могут попытаться установить над тобой контроль. Хотя делать это в самой крепости Солнца — невероятная наглость! С другой стороны, ты среди нас, тебя приняли, ты в безопасности. И можешь послужить их ушами и глазами. Нет, — она верно поняла выражение его лица, — не сердись. Ты играл бы им на руку, сам того не сознавая. Может быть, — нахмурилась она, — в своей озабоченности я поступила неверно. Может, лучше было следить за тобой и ждать...

— Посмотреть, куда я иду? — Он понял ее мысль. — Если я попробую снова...

Леди Эйя покачала головой.

— Нет, по меньшей мере в течение нескольких дней. Разве я не сказала тебе, что напиток освобождает тебя от влияния? Но те, что в храме, будут знать больше. А теперь, — она

снова положила руки ему на плечи, — возвращайся в постель, ты будешь спокойно спать, а утром проснешься освеженным.

Повернувшись на койке и ощутив тепло солнца на плечах и голове, Рей подумал, не приснился ли ему этот ночной разговор. Но он помнил его во всех подробностях, как не бывает со снами.

— Хо! — В комнату вошел Чо. — Вставай, брат. Ждет не только еда, но и прекрасное утро!

Они плавали в бассейне с серебристым песком на дне и фантастическими чудовищами, вырезанными на бортах. Потом надели шелковые туники.

— Твои волосы отрастают, — заметил Чо. — Это хорошо. Свободнорожденный воин не ходит коротко остриженным, как раб или слуга. — Он пригладил свои длинные волосы и закрепил их у шеи зажимом с драгоценным камнем.

Леди Эйя уже сидела за столом на террасе над садом. Они присоединились к ней. Она крошила в ладони маленькие зеленые лепешки и бросала их ярко окрашенным птицам на каменной площадке внизу, смеясь над их жадностью. Она протянула Рею и Чо руку, отряхнув с нее крошки, и американец постарался скопировать поцелуй Чо.

— Прекрасное утро, мои сыновья. Но мы не сможем провести его по своему усмотрению...

— Вызов? — быстро спросил Чо.

— Да, во дворец. Может, потом покажем Рею город. — Но американцу показалось, что она серьезно смотрит на него, о чем-то думая. Возможно, считает его угрозой всему этому, шпионом не по своей воле? Возбуждение, охватившее Рея после пробуждения, улеглось. Солнце не закрыли тучи, но призрак ночного холода снова пополз по спине.

Чо стал объяснять ему, как нужно вести себя в соответствии с этикетом, и Рей заставил себя сосредоточиться на его словах. Полуофициальные встречи с мурийским императором как будто не следуют строгому протоколу, но все же есть некоторые правила.

Немного погодя леди Эйя прервала сына:

— Рей, Ре Му не похож на других людей нашего мира, да и вашего, я думаю, тоже. Он поистине особенный, отличный от всех рожденных Солнцем. Во время подготовки он проходит через такие испытания, какие не выдержит обычный человек. Правление у нас не переходит от отца к сыну, как в некоторых царствах, но после тщательного отбора из числа рожденных Солнцем определяется лучший в каждом поколении. И на троне Солнца восседает тот из нас, кто доказал свое право держать в руках бразды правления. Но не волнуйся в его присутствии. Он лучше других чувствует правду и ложь, и честному человеку с искренним сердцем нечего опасаться.

Она успокаивает его или предупреждает? Рей не мог понять. Но отступить некуда, а, насколько ему известно, он честен. Рей удивился собственным мыслям. Почему он должен сомневаться в своей честности? Предупреждения... колдовство... нужно забыть о них, сосредоточиться только на происходящем. Он ничего не скрывает, каждое его слово — правда.

Отправились они в занавешенных носилках. Рею этот способ передвижения не нравился, но таков обычай. Их сопровождала охрана, солдаты расчищали дорогу, чтобы путешествие было как можно более коротким. Когда носильщики наконец опустили носилки, Рей вышел во двор, где били фонтаны. Перед ним находилась широкая лестница, леди Эйя начала подниматься по ней, Рей шел на шаг-два сзади и слева от нее, а Чо справа. Часовому наверху лестницы она назвала их имена, и он отступил, пропуская их в зал.

В дальнем его конце висел занавес цвета слоновой кости, а рядом серебряный гонг с молотом из того же металла. Леди Эйя дважды ударила в гонг, и, прежде чем стихло эхо ее ударов, из-за занавеса послышался голос:

— Входи, Эйя, дочь моя, с сыном моего брата и незнакомцем извне.

Они вошли в большую комнату с полом и стенами из слоновой кости, без всяких украшений. Куполообразная крыша была открыта в центре, а прямо под этим отверстием расположились четыре человека. Вместо ярких шелков, которые Рей видел до этого, трое из них были в длинных белых мантиях с откину-

тыми капюшонами, какую он видел накануне ночью на леди Эйе. Это были пожилые люди, сутулые, с такими же белыми, как одежда, волосами.

Четвертый сидел немного в стороне. На нем была желтая туника с поясом из того же красноватого металла, который защищал их в бою. На голове корона в форме солнечного диска с девятиглавым змеем поверх.

Леди Эйя опустила перед ним на одно колено; Чо и Рей менее проворно последовали ее примеру.

— Приветствую тебя, Эйя. И тебя, Чо. — Темно-синие глаза человека, правящего большей частью мира, устремились к Рею. — И тебя, незнакомец, пришедший издалека. Идите сюда... — Он встал со своего кресла и провел их в другой конец комнаты, где стояли скамьи из слоновой кости, крытые шелком. Император усадил пришедших лицом к себе.

— У леди Эйи есть много что рассказать нам... — начал он.

Рей не мог не смотреть на императора. Его темные глаза, похожие на глаза леди Эйи, словно видели не только внешность человека, но и его мысли и душу. Старые глаза, очень старые. И мудрые. С такой мудростью американец не встречался в своем времени. Но ведь это человек среднего возраста.

Император смотрел на Чо.

— Ты считаешь, что этот рейдер не был обычным кораблем?

— После смерти двух членов экипажа мы выпустили дыхание смерти. Оно обволокло весь корабль, но он продолжал идти за нами. Как будто не все на борту погибли.

Наакалы тем временем подошли ближе. Один из них заговорил:

— По нашим сведениям, от этого оружия нет защиты. Наверное, они обладают знаниями, которых у нас нет.

— Если так, боюсь, они дорого заплатили за них и в будущем заплатят еще дороже, — ответил Ре Му. — Их стоит пожалеть... — Он помолчал и слегка улыбнулся. — Ты хорошо справился, Чо. А теперь... — И он снова взглянул на Рея.

— Думаю, ты уже оказал нам услугу, человек из будущего, когда освободил Чо от атлантов. Может быть, ты обладаешь неизвестными нам силами и способностями. Но встанешь ли ты на сторону Му?

— Мой собственный мир исчез. Если я и помог Чо, то вначале он помог мне. Что касается остального — не знаю. — Немного погодя Рей добавил: — Возможно ли мне вернуться в свое время?

Ре Му повернулся к жрецу, и наакал ответил высоким тонким голосом:

— Если бы юноша пришел к нам во сне, как мы сами посещаем во сне другие времена, наверное, это было бы возможно. Но физически — совсем другое дело. Никто из тех, кто уходил таким путем, не вернулся.

— Мне кажется, ты должен принять это, — сказал Ре Му. Глаза его всматривались все глубже, глубже. Он добавил: — Твое имя Рей, что на твоём языке значит «луч», и у нас это связано с Солнцем. Это могучий символ. Скажи, когда все считали, что корабль атлантов мертв, что ты чувствовал?

— Что от него исходит зло.

— С этим мы все согласны. Я тоже считаю, что в нём зло. А чтобы успешно противостоять новому злу, нужно хорошо подумать. — Он замолчал, а когда заговорил снова, голос его прозвучал официальнее: — Пусть юноша числится среди рожденных Солнцем, как сын нашего дома. И обязанности его будут соответствовать этому положению. Должен тебе сказать, сын мой, что у нас обязанностей больше, чем прав. И тебе может показаться, что наш мир жесток. Изучай его, как можешь, а мы будем изучать твой мир.

Аудиенция, по-видимому, подошла к концу, и они могли уходить. Выйдя в коридор и не видя Ре Му, Рей постарался понять, почему император так подействовал на него. Дело не в физической силе, не в остроте мысли и даже не в глубокой мудрости его слов. Не в том дело, что он говорил, а в том, что видится за ним, как будто огромный развевающийся плащ, и фигура императора вызывает благоговение и преклонение.

Они вернулись к носилкам и ожидающей охране. Леди Эйя улыбалась.

— Нас больше не призывают, — сказала она. — Я попросила, чтобы нас отнесли на рынок. Рей сможет увидеть деловое сердце города.

По-видимому, теперь можно смотреть в окна. Во всяком случае, Чо поднял занавески, и Рей смог разглядывать город. Улицы были широкие и хорошо вымощенные, с многочисленными клумбами в каменных оградах и множеством деревьев. Но вот носилки остановились, и леди Эйя с благодарностью отпустила эскорт и носильщиков.

Рей увидел толпы людей, одетых не так нарядно, как он и его спутники. Но в отрепьях никого не было, и все казались сытыми.

— Продавцы цветов... — Леди Эйя указала в сторону, где буйствовали яркие краски. Чо подошел к одному из киосков и вернулся, немного поторговавшись, с небольшим букетом, испускавшим сладкий аромат. Он отдал букет матери. Она понюхала цветы.

— Почему в нашем саду не растет дыхание весны? Видит Пламя, мы много раз пытались его вырастить, ухаживали и лелеяли. Но оно всегда засыхает и умирает. Одна из загадок, которой не решить никаким наакалам. А теперь, — она взяла Чо за руку, — мне нужно сделать подарки пришедшим в мой дом. Лучшего времени для этого не будет...

— Пока нас в него еще пускают? — рассмеялся Чо. — Ну, давай воспользуемся этим. Куда, миледи?

— Я думаю, к Крафити.

Они миновали ряды цветочников и прошли по боковой улице, занятой многочисленными магазинами. Солнце играло на выставленных в витринах подносах. Рей никогда не видел, чтобы открыто выставляли такие богатства. И смотрел ошеломленно, отстав от остальных. Многие камни были вправлены в красноватый металл, и Рей спросил о нем Чо.

— Это орихалк. Он обладает многими необычными свойствами и состоит из золота, меди и серебра, но точные пропорции кузнецы хранят в тайне.

Один из купцов встал, приветствуя леди Эйю.

— Пламя благоприветствует мне сегодня, если рожденная Солнцем леди и лорды удостоили своим посещением мой жалкий магазин...

— И правда, Крафити, если будешь продолжать торговать шедеврами, придется тебе нас терпеть. Я много слышала и о жемчужном головном уборе...

— Пусть рожденная Солнцем сядет, все будет ей показано. А-Хам, — обратился он к помощнику, — принеси корону номер сто десять.

— Сейчас увидим истинную красоту, — шепотом сказал Чо Рею. — Крафити искусный мастер, а его люди доставляют ему камни со всего мира.

Помощник вернулся с эбеновым подносом. На черной поверхности стоял женский бюст в натуральную величину, из того же черного дерева, с короной на голове.

Сеточка из розовых жемчужин покрывала волосы, а на лбу сверкала девятиглавая змея из драгоценных камней, некоторые размером с ноготь Рея. Леди Эйя погладила пальцем голову змеи и сказала:

— Хороши твои искушения. Теперь я не успокоюсь, пока корона не станет моей.

— Конечно! Создавая ее, я думал о рожденной Солнцем. И никому другому не отдал бы. Если ты не захочешь ее, я разобью корону, а камни пушу на другие изделия.

— Я ее беру. Пусть отнесут ко мне в дом. А теперь покажи браслеты, мне нужны подарки для воинов, вернувшихся в мой дом, исполнив свой долг. — Она улыбнулась Рею. — У нас есть обычай делать небольшие подарки вернувшимся после трудно-го пути. Выбери себе браслет и носи на счастье.

Рей посмотрел на груду ослепительно ярких браслетов. Потом снова взглянул на леди.

— Выбери ты, ведь это твой подарок.

Леди Эйя улыбнулась, и он понял, что она довольна.

— Вот этот. — Она взяла черный браслет в форме девятиглавой змеи с маленькими бриллиантами вместо глаз. — Змея означает мудрость, а в ней нуждаются все. И браслет отличается от остальных...

— Кроме вот этого, — сказал Крафити. И протянул молочно-белый браслет той же формы, но с глазами из рубинов.

— Это тебе, Чо, если он тебе нравится.

— Конечно, — ответил Чо.

— Нанесите на внутреннюю сторону их имена, — приказала леди Эйя. — На черном «Рей», на белом «Чо» и пришлите вместе с короной.

— Будет сделано, рожденная Солнцем.

Рей взглянул на лежащие рядом браслеты, белый и черный. Оба по контрасту казались еще ярче. Змеи... здесь как будто почитают змей, подумал он. Нет тех предрассудков, что в его время. Браслеты прекрасны, это настоящие произведения искусства и дружеские подарки. И все же... Он не знал почему, но ему захотелось, чтобы они остались в магазине, чтобы их носили другие. Как будто черный браслет таил в себе что-то мрачное.

Рей быстро встал, неожиданно заметив, что остальные смотрят на него. А леди Эйя — особенно пристально.

— В чем дело? — слегка резковато спросила она.

— Ни в чем. Контраст, белое на черном, особенно привлекает...

Она взглянула на браслеты.

— Да, верно. И все?

— Все, — твердо ответил он. Он не собирался прислушиваться к своему воображению, и без того в этом мире ему слишком много уделяют внимания.

Глава 8

Внешне жизнь в доме леди Эйи выглядела роскошно, но Рей обнаружил, что она совсем не праздная. Сам он должен был учиться читать свитки и писать по-мурийски. А это оказалось нелегко. С течением времени Рей начал замечать, что некоторые сферы мурийской жизни не так открыты перед ним, как свитки, которые он изучает.

Леди Эйя часто исчезала, исполняя какие-то обязанности в храме. Храм располагался в большом здании в центре городе, и это было единственное место, куда Рея не приглашали. Но, как он понял, именно оно было сердцем страны. Почему же его ему не показывают?

Или о нем просто забыли, думал однажды утром Рей, глядя в окно на зелень сада. Он слышал разговор Чо с матерью и по-

нял, что они идут в храм на церемонию, посвященную погибшим в море. Но Рею об этом ничего не говорили.

Может, он снова ходит по ночам, отвечая на призыв чужой воли, как считает леди Эйя? Если и так, он об этом не знает. Или его все же подозревают и потому не допускают в уважаемое всеми святилище?

Солнце — символ их верховного существа. Понять это оказалось легко, и оно одно из старейших верований человека. Но есть еще Пламя, о котором они постоянно упоминают как о символе религиозной власти.

Пока он держится в отведенных для него рамках, ходит только туда, куда его зовут: на рынок, на пристань вместе с Чо, однажды участвовал в приеме на реке, гостями которого были и леди Эйна, и его хозяйка леди Эйя. Рей запоминал увиденное и потом обдумывал. Но все сильнее становилось в нем ощущение, что ему показывают только поверхностное, внешнее, а главное, то, что составляет суть этой жизни, он не видит. Несмотря на то что все относится к нему по-дружески, он остается чужаком.

— Милорд...

Он так задумался, что вздрогнул, услышав эти слова от двери. И тут же ощутил подозрение. Может, он никогда не останется в одиночестве? Он посмотрел на слугу.

— Да, Тампро?

— Посыльный, лорд, от Великого.

— Но леди Эйя и лорд Чо ушли...

— Посыльный хочет говорить с тобой, лорд. У него срочное дело.

Императорский посыльный — к нему?

— Пусть войдет.

Но Тампро уже исчез, а мгновение спустя на его месте оказался человек в мундире дворцовой гвардии.

— Рожденному Солнцем приветствие. Великий просит, чтобы ты присутствовал в Небесном Зале.

Рей кивнул. Мысли его смешались, он забыл, какой формальной фразой полагается отвечать на такое приглашение. Прошел к носилкам, заметив, что занавески снова опустили и он не может ничего видеть, зато и его не видят. Почему? Вооб-

ражение подсказало несколько ответов, каждый нелепее предыдущего. Носильщики побежали рысцой. Значит, дело действительно срочное.

Он услышал негромкий окрик стражи, ответ своего сопровождающего. Шум улиц стих, вокруг относительная тишина. Наконец носильщики остановились.

Рей вышел, но не в тот двор с фонтанами, в котором уже был. Он оказался в узком промежутке между двумя стенами. Ни одно растение не смягчало строгость белых каменных поверхностей. Сама мрачность этого места разбудила подозрения. Прямо перед ним дверь, ведущая в башню.

Белые стены гладкие, на них ничего, кроме двери. Но, посмотрев вверх, Рей увидел золотые символы. И хотя многое он уже узнал, эти символы ему незнакомы. В дверях стоял офицер-посыльный, он знаком приглашал Рея войти.

— Великий ждет! — В голосе его слышалось нетерпение. — Наверх... — Он отступил, пропуская Рея на лестницу, которая шла по стене башни. Американец начал подниматься, а офицер остался внизу.

Внутри в башне удивительная простота, как будто она сознательно построена так, что повторяет какую-то более древнюю и грубую форму архитектуры, видимо, того времени, когда люди начинали строить каменные сооружения и учились в процессе строительства. Лестница привела в пустую комнату, занимавшую всю ширину башни. От нее вверх вела новая лестница — через вторую пустую комнату и третью.

И вот Рей оказался на самом верху. Здесь его ждал не только Ре Му, но и двое наакалов. Круглую стену через равные интервалы покрывали непрозрачные овальные экраны. Это явно не окна. Снаружи день, но через овалы не пробивается свет, он исходит от шаров, стоящих на треножниках вблизи трех сидений. Остальная часть комнаты пуста, как и все нижние помещения.

Рей склонился, чувствуя себя глупо, но выполняя придворный ритуал. Но его никто не приветствовал. Напротив, он почувствовал на себе пристальные взгляды, и его тревога усилилась.словно инквизиция, только он не знает за собой преступлений...

— Это правда. Мы призвали тебя не для ответа, — заговорил Ре Му. — Ты приглашен не из-за своих действий в прошлом, а ради будущего...

Рей удивился:

— Вы считаете, что я могу причинить вам вред? — Вот они, подозрения леди Эйи. Он был прав, испытывая дурные предчувствия.

— Нет. Ты можешь принести нам добро, а не зло. Расскажи ему, У-Ча.

— Вот в чем дело, — сказал один из наакалов. — Атланты действительно закрыли линии мысли, такого не бывало с тех пор, как живые существа снова вышли из моря после гибели Гипербореи.

В матери-земле всегда были люди, способные поддерживать мысленную связь с колониями. Так Ре Му отдает приказы вице-императорам во внешних землях. А теперь мы можем связаться только с внешними постами Майакса, не дальше. Те, кто добровольно избрал Тень, поставили преграду, которую мы не можем преодолеть. И какое зло готовят они за этим облаком — мы должны узнать об этом ради матери-земли.

— Это так. — Ре Му слегка наклонился вперед, и снова Рея окружила его могучая аура, окутывающая как плащом. Сделал ли это император сознательно или нет, американец не знал. — Мы не можем пройти через этот барьер. Но есть небольшая вероятность, что это сможешь сделать ты. Ты пришел из времени, в котором людям свойственны другие мысли и силы. То, что останавливает нас, может не остановить тебя. Хочешь ли ты помочь нам и попробовать увидеть, что готовит враг?

— Ты хочешь послать меня в Атлантиду? — медленно спросил Рей.

— Не физически, нет. Мысленно, — ответил наакал У-Ча.

— И у нас есть различная защита для таких путешествий, — добавил Ре Му. — А-а... — Он помолчал, глядя на Рея. — Я вижу, ты мало что знаешь о мозге и его возможностях. В ваше время сила основывалась на другом. И ты боишься, потому что не понимаешь и не контролируешь свой мозг. Но не будь таким подозрительным. Разве ты уже не научился общаться

мысленно? Когда тебя научат, ты, как все рожденные Солнцем, сможешь пользоваться своими внутренними силами. Но я уважаю твои колебания, потому что для тебя это неизведанная местность, на которой нет дорог и которая не отмечена на картах.

Я им нужен, подумал Рей. Они будут осторожно обращаться с нужным им инструментом. И правда, что он общался мысленно с Чо и другими и это ему не повредило. И все же... леди Эйя предупредила его... он уже мог быть испытан как орудие — другой стороной.

— Это не так. — Ре Му снова прочел его мысль. — Неужели мы стали бы тебя использовать, если бы сомневались? Ты сейчас же увидишь доказательство.

Второй наакал извлек из-под плаща кристалл, такой же, какой Рей видел в руке леди Эйи, когда ходил во сне.

— Держи обеими руками и притронься им сначала к сердцу, потом ко лбу.

Жрец не передал кристалл, а бросил в воздух, и Рей легко поймал его. Послушно сжал обеими руками. Кристалл был не холодный, как он ожидал, а чуть теплый. Он поднес руки с кристаллом сначала к груди, потом по сигналу наакала поднял ко лбу.

— Верни его мне... — Наакал протянул руку, и Рей бросил маленький шар. Тот слегка сверкнул, но в остальном остался прежним. Трое посмотрели на него и одновременно кивнули.

— Ни один запятнанный Тенью не смог бы этого сделать, — сказал Ре Му. — Так каков твой выбор? Он должен быть сделан свободно.

— Как я узнаю, что искать — если соглашусь? — спросил Рей.

— Тебя пошлют в нужные места, — ответил император.

— Когда?

— Немедленно. Задержка опасна.

Рей провел языком по губам. Да или нет? Он видел, что они верят в то, что собираются сделать. Но для него это сомнительно. И все же пусть попробуют, если это так много для них значит.

— Хорошо, — быстро сказал он, неожиданно испугавшись, что победит нерешительность.

Наакалы принялись за дело. При прикосновении повернулся камень в стене, обнаружив полный воды бассейн. Вода в глубине сверкала. Рея раздели и выкупали в этой воде, и тело у него при этом покалывало. Потом надели на него белую мантию, как у них, и посадили в кресло, в котором сидел Ре Му. Император встал за Реем и руками закрыл американцу глаза.

— Перед тобой висит темный занавес, — сказал правитель Му.

И Рей неожиданно увидел его, черный, толстый, осязательный, в тяжелых складках.

— Пройди через него — вперед! — прозвучал в его ушах приказ.

Рей повиновался. Он почувствовал пальцами гладкую поверхность занавеса, почувствовал в руке его вес и раздвинул его. И закричал от боли, обожженный пламенем.

— Назад! — где-то далеко прозвучал слабый голос.

Рей, спотыкаясь, двинулся вперед. Щель раскрылась, она обещала спасение от невидимого огня. Он устремился в нее и оказался в середине света.

Он стоял в конце длинного зала с колоннами, стены которого почти скрывались в тени. На стенах фрески. Неяркие, но подробные, на них изображены сцены, какие могут привидеться только дьяволам. Рей пытается отвернуться, испытывая тошноту. Но воля, которая приводит его в действие, заставляет смотреть на все эти ужасы, словно оценивая их непристойность и жестокость.

Проходя мимо колонн, Рей обнаруживает, что он не один в зале. Впереди, у черного каменного алтаря, группа, занятая какими-то действиями. Слышно пение, которого он не понимает. Он останавливается за столбом, зная каким-то образом, что должен быть свидетелем.

На поверхности алтаря стоит золотая статуя. У существа бычьей голова с широко разведенными рогами, не соответствующая его человеческому телу. И вокруг этой блестящей желтой статуи висит черное туманное облако. Рей без удивления узнает его: это зло, воплощенное в мыслях, а существо-зверь — символ этого зла.

У алтаря пятеро. Двое в красных мантиях, с бритыми черепами, как жрец атлантов, которого Рей видел на корабле. Они слуги этого отвратительного божества. На третьем доспехи воина, а четвертый — в богатой одежде со множеством драгоценностей.

У него маленький круглый рот с бледными губами, похожими на присоски осьминога. Крохотные глазки глубоко упряваны в складках нечистой кожи. Рей мгновенно испытывает инстинктивную ненависть и отвращение, как будто все его чувства так обострены, что ответ приходит немедленно.

На нижней ступени алтаря лежит пятый. Он раздет и связан, это беспомощный пленник. Но от него исходит какое-то свечение, которое Рей узнает. Это отражение отчаянной храбрости. По цвету его кожи и волос Рей понимает, что пленник — муриец.

Пение прекращается, один из жрецов поднимается, в руке его тускло блестит нож.

— Рыба! — выплевывает пленник на жреца в красной мантии. — Му выступит против вас и вашего бога-дьявола!

Лезвие опускается, тело пленника изгибается дугой, он захлабывается. Второй жрец ждет наготове, чтобы поймать хлынувшую кровь в чашу. Чашу передают из рук в руки, и собравшиеся пьют из нее...

Рей, испытывая тошноту, держится за стену, пока не осознает, что зал ужасов исчез. Теперь он стоит на высокой стене над гаванью, полной кораблей. Здесь он остается некоторое время, как будто гавань внимательно разглядывают его глазами, хотя сам он видит только множество судов разного размера, тесно поставленных рядом друг с другом.

Потом гавань, в свою очередь, исчезает, и он оказывается в другом зале, на этот раз в зале не храма, а дворца. Стены, тоже красного камня, украшены шпалерами с фантастическими рисунками.

На троне, окруженный придворными, сидит тонкогубый человек в драгоценной одежде, которого Рей видел в храме. И над всеми собравшимися висит черное облако. Рей понимает, что это эманация духа зла, и не сомневается в своей способности видеть ее. Перед Посейдоном — на троне сидит

правитель Атлантиды — группа закованных в цепи пленников-мурийцев.

Слабо и как будто издалека слышит Рей слова правителя. Теперь зрение у него гораздо острее слуха.

— Вы одни. Ваша мать-земля покинула вас. Сегодня вечером кровь вашего капитана утолила жажду Ба-Ала. Му теперь как пылинка на подоле нашего плаща, мы стряхнем ее, и ее унесет ветром. И вы увидите это...

Один из пленников откидывает голову, чтобы освободить лицо из-под прядей длинных волос.

— Последователи зла, Му будет жить вечно! Если ее воля, чтобы мы умерли здесь ради ее блага, мы умрем. Вы порождение пропасти Тьмы. Неужели вы верите, что сын Му будет по вашим приказам творить зло?

Посейдон жестоко улыбается.

— Вот как... — Теперь его голос звучит так тихо, что Рей с трудом различает слова. — У вас на устах высокомерие, на языке вызов. Нет, сейчас я больше никого из вас не убью. Хочу, чтобы вы обожгли ноги, когда вас заставят бежать по угольям того, что некогда было Му.

— Мать-земля не погибнет, пока дышит хоть один из нас. Если ты думаешь по-другому, ты большой дурак! — тут же последовал ответ пленника.

Жирные маслянистые щеки Посейдона темнеют, словно раздуваются в гневе.

— Уведите их! В ямы слизи!

Воля поддерживает Рея, когда он смотрит, как уводят пленников. Он оказывается в магазине купца, похожем на те, в которых он побывал на рынке города мурийцев.

— Больше мы не будем держаться в стороне от торговых путей Му. — В голосе человека, который поднимает ко рту стакан, пьет, а затем подносит к губам тонкую ткань, звучит удовлетворение.

— Мать-земля сильна... — В голосе его собеседника слышно сомнение.

— Ба! — Купец снова пьет и с удовольствием облизывается. — Разве у жрецов Ба-Ала тоже нет знаний?

И Рей оказывается в верхнем помещении башни или высокого здания, потому что в ближайшее окно свет идет снизу. Впервые с того момента, как он прошел через врата времени, его окружают предметы, имеющие родство с его собственным миром. Как ни странно выглядят эти трубы и другие предметы, это помещение можно назвать лабораторией. А в дальнем углу за столом сидят два атланта в красных мантиях.

— Нам снова нужен человек, чтобы накормить его, — говорит один из них. И хоть Рей стоит близко к ним, голоса их опять звучат словно издалека.

— Один ждет, мурийский пленник. Пусть узнает объятия Любящего, как узнали уже его соплеменники! — На лисьем лице жреца появилось голодное выражение, он оживился, и темное облако сгустилось над его головой.

Но его собеседник смотрит на свои руки, лежащие на столе, и на его смуглом лице ясно видно сомнение.

— А что, если мы открываем ворота, которые не сможем закрыть? Иногда я боюсь, что мы слишком далеко зашли, слишком поспешно...

— Разве повелитель Тени не защитит своих? День Пламени клонится к закату.

Какое злодеяние они после этого совершили, Рей не запомнил. И если воля смотрела его глазами, зрелище это было милосердно изъято из его памяти, когда он снова стоял перед темным занавесом. Снова прошел он через занавес, испытывая острую боль, чувствуя, как кулаки сжимают ткань. И потом, слабый и больной, открыл глаза в башне Му, а непрозрачные экраны на стенах глядели на него, как незрячие глаза.

На него смотрел Ре Му, но в лице его не было прежнего спокойствия. И наакалы тоже словно увидели свою судьбу, которую невозможно отворотить. Рей ощущал усталость как тяжелое бремя, что-то вроде болезни.

— Так вот что они делают... открывают врата, к которым нельзя прикасаться человеку... — прошептал Ре Му. — Разве они не знают, что то, что они пробуждают, всегда в конце концов оборачивается против своих якобы хозяев? Его можно вызвать, но вот отправить назад — это совсем другое дело. Да будет мир с теми, кого они отправили к Солнцу. А ты... — об-

ратился он к Рею, плотнее запахивая мантию на плечах американца, — наш долг перед тобой неизмерим, потому что, если бы мы не узнали, что они задумали, нас ждала бы катастрофа.

— А что произошло в той лаборатории?

— Будь благодарен, что не можешь вспомнить. Мы должны идти — готовить свой ответ. Но увиденное всегда будет отягощать нас, пока мы не упокоимся в своих могильных нишах. Они совершили грех, от которого нет искупления, и теперь должны ждать расплаты. У-Ча, принеси воду жизни...

Старший наакал протянул императору чашу со сверкающей водой. Поддерживая Рея за плечи, император приподнял его, и Рей выпил всю жидкость. И ощутил, как в нем снова появляется жизнь и энергия.

— Ты должен отдохнуть. А они проследят, чтобы тебя не тревожили. Потом мы отправим тебя домой...

Глаза Рея уже смыкались. Он почти не сознавал, что наакалы расстелили матрац на полу, что Ре Му собственными руками помог им уложить американца. Но, несмотря на страшную сонливость, Рей дрожал от непрошенных воспоминаний, от того, что он видел или думал, что видел. Тут рука коснулась его лба, послышались слова на непонятном языке. Воспоминания исчезли, и остался только сон.

Когда он проснулся, вокруг все было освещено мягким светом. Светились экраны, окутывая комнату, его... Что-то шевельнулось, и он медленно повернул голову. Даже такое легкое движение потребовало от него напряжения всех сил и воли. Ему улыбнулась леди Эйя.

— Мне рассказали, что ты сделал, и я пришла, чтобы увезти тебя в один из твоих домов.

Глаза Рея вопреки его желанию закрывались.

— В один из твоих домов. — Но какое отношение к нему имеют дома мурийцев? Это не его мир, не его время, и он тут чужак...

Деревья, высокие, высокие, как башни Му, поднимаются от земли. Между ними плывут тени, образуя на почве лабиринт. И где-то среди них... дальше... еще дальше... он должен идти туда...

— Рей! Рей!

Слабо, как голоса атлантов во сне, доносится призыв, но он повелительный, требовательный, и Рей прислушивается — и перестает бежать меж деревьев к неведомой цели.

— Рей!

Кто-то схватил его за руки. Он пытается высвободить их и не может.

— Вернись!

Теперь зов не слабый, а громкий, как удар грома, предвещающий бурю, и Рей укрывается, опасаясь молнии.

— Вернись! — снова приказ, отданный так, будто сопротивление невозможно.

Рей открыл глаза. К нему склонилась леди Эйя. Это она держит его руки. За ней стоит старший наакал, положив руки на плечи леди, словно они должны быть связаны.

— Останься! — это приказ наакала. Вот он снял руки с плеч леди Эйи и наклонился к Рею. И между его ладоней словно из воздуха появился хрустальный шар. Свет от экранов устремился в него, шар окружило светящееся облако и окутало американца.

Он снова закрыл глаза. Но теперь нет никаких деревьев, нет необходимости что-то искать — нет ничего, кроме целительного сна.

Глава 9

Длинноногая птица пробежала по самой границе прилива, отыскивая жертвы моря. Она уже нашла небольшого моллюска и предвкушала новые находки. Но, обогнув скалу, закричала и улетела.

Рей, встревоженный ее криком, поднял голову с рук и осмотрел крошечную бухту. Над его головой плясала бабочка с металлически синими крыльями, но тут же улетела. Берег был пуст. Он хотел этого. В каком-то смысле он всегда один. Несмотря на дружеское отношение мурийцев, он всегда ощущал преграду между ними и собой, чувство, что все окружающее нереально, по крайней мере для него.

Что произойдет с этой землей и ее жителями? Какая-то всемирная катастрофа изменила облик планеты, и она приняла такой вид, какой знают в его время. Спаслись ли остатки мурийцев, ушли ли на устойчивые земли, уцелели ли на островах, в которые превратились вершины гор Му? Цивилизация должна была погибнуть в таком хаосе. Выжившие погрузились в варварство, и забылось все, кроме легенд. Императоры Му превратились в полузабытых богов приходящих в упадок народов.

Что сейчас: последние дни Му или расцвет?

Бесплодные Земли — это его страна, если что-то тут может быть связано с ним. Когда-нибудь... когда-нибудь он туда вернется.

Жадная птица, обманутая и ободренная молчанием Рея, вернулась. Посмотрев на американца, птица обогнула скалу на другом краю бухты.

Метнулась назад с диким криком, и Рей услышал всплеск, словно кто-то или что-то брел по мелководью. Он надеялся, что никто к нему не подойдет, и никто не подошел. Но голоса он различал легко благодаря какому-то капризу природы и строению окружающих скал. Одно слово привлекло внимание американца:

— ... в храме Ба-Ала в ночь праздника середины года. Мы должны рисковать своей шеей ради Му? Если они в это верят, они глупцы. Я говорю: освободитесь, как освободились атланты. Изгоните рожденных Солнцем. Если они не уйдут, что ж, пусть встретятся с Ба-Алом. Как мне известно, он знает, как использовать их. — И говорящий рассмеялся.

— Когда ты плывешь на восток? — спросил другой голос.

— На третий день или раньше, если сможем освободиться. Эти глупцы мурийцы не сомневаются во мне — и почему бы им сомневаться? Я всего лишь торговец зерном из Уйгура, направляюсь в Майакс. Проходил по тому же маршруту два года назад. В этом плаще меня узнают. Есть только одно препятствие. Одна из этих проклятых рожденных Солнцем — леди Эйна — она теперь в городе и знает меня в лицо. Я был в ее доме, прежде чем раскрылось дело со спрятанным кораблем и меня приговорили к изгнанию. Если она встретит меня на за-

претной территории, она доложит об этом. Рожденных Солнцем — Ба-Алу, вот что я скажу!

— А как ты минуешь восточную стражу, чтобы попасть к своим друзьям?

— Это моя тайна. Передай мне, что ты узнал, и я все доставлю в целости, не бойся. Это у меня не первое такое плавание. И твои братья по Тени приветствуют меня.

— Я не смею слишком расспрашивать. Некоторые части храма мне недоступны, они защищены, и туда нельзя заходить. Эти жрецы Пламени умеют читать не только поверхностные мысли. Очень важно уже то, что меня приняли, пусть только как послушника.

— Ты узнаешь то, о чем тебя просят. — В первом голосе теперь звучала угроза. — Мы знаем, что недавно они каким-то способом сумели преодолеть завесу тьмы. И узнали о Любящем — так сообщили связанные сознания. Ты должен установить, как они это сделали и какую защиту создают, — это очень важно. А теперь возвращайся, прежде чем тебя спросят, почему тот, кто идет к больному отцу, оказался на берегу и разговаривает с капитаном торгового судна из Уйгура.

— Нас увидят? — В этом возгласе слышался страх. — Но ты сказал, что это безопасное место и мы встретимся тут, не боясь, что нас обнаружат.

— Совершенно безопасных мест не бывает, глупец! В нашем деле всегда есть риск. Если не веришь, тогда ты хуже глупца. Никогда не забывай, что идешь по натянутому канату над огненной ямой, несмотря на твой охранительный талисман. А теперь иди!

Рей спрятался за скалой в конце бухты. Но он опоздал и сумел увидеть только белую мантию наакала и кожаную куртку, некогда синюю, но теперь поблекшую и запятнанную солеными брызгами. Простой шлем без гребня скрывал волосы второго, и со спины он мог показаться капитаном маленького торгового судна.

Они исчезли на тропе, поднимающейся на утес, а Рей встал и отряхнул песок с одежды. Он пытался вспомнить, где ближайший пост стражи на дороге. Он проходил такой на пути сюда.

Когда он поднялся вверх, не было видно никого похожего на тех, кого он собрался выслеживать. Поднимая тучи пыли, прошли несколько слонов с крепко привязанным грузом. Всадник с повешенным на плече рогом императорского посыльного обгонял громоздких животных.

Всех останавливали у ворот города. Древний обычай, давно забытый, недавно возобновили, и многие ворчали, не понимая причины этого.

— Имя и звание? — спросил усталым голосом солдат. Он уже проделал это сегодня пятьдесят раз и проделает еще столько же раз.

— Рожденный Солнцем Рей со двора леди Эйи.

— Проходи. — Но солдат смотрел с явным удивлением. Рожденный Солнцем, пешком и один? Это настолько необычно, что вызывает подозрения.

Рей торопливо пошел по улице, не зная, что солдат доложил о нем командиру. Крепость... он должен как можно скорее добраться до крепости. У внешней стены дворца он снова назвал себя часовому.

— Рожденный Солнцем Рей с важным сообщением для Ре Му!

Он прошел во двор с фонтанами, и после некоторого ожидания его позвали в комнату для аудиенций. Там были не только император и наакалы, но и воины, с удивлением смотревшие на Рея. Но Ре Му подозвал его к себе.

— У того, кто приходит так торопливо, должно быть, действительно важное дело.

Рей взглянул на офицеров, и правитель мурийцев поднял руку. Военные отошли.

— Можешь говорить...

Американец быстро рассказал о своей встрече, и лицо Ре Му превратилось в маску власти.

— Ты хорошо поступил, что сразу пришел к нам. Можешь описать этих людей, их лица?

— Нет, Великий. Видел только, что на одном мантия наакала, а другой капитан торгового судна из Уйгура. Я думаю, что, снова услышав их голоса, узнаю.

— По твоим словам, леди Эйна знает моряка. Это хорошо. Но вот послушник...

Один из наакалов, стоявших рядом с императором, пошевелился. В голосе его звучала холодная ярость:

— Будь уверен, мы отыщем предателя и узнаем, как ему удалось обмануть Пламя. И то, что мы узнаем из его уст, будет тут же сообщено тебе, лорд Пламени.

— Значит, нам остается моряк. Будь готов, рожденный Солнцем, вернуться сюда и помочь опознать его. А теперь можешь идти...

Рей вернулся во двор леди Эйи. Ему хотелось пойти в порт и поискать капитана из Уйгура в грязной синей куртке. Но уже вечер, и здравый смысл говорил ему, что силы закона будут действовать гораздо эффективнее, чем он со своим любительским усердием.

— Рей! Где ты был? — Чо шел по садовой тропинке. — Мы тебя искали...

— Ходил на берег моря. — Рей заколебался. Можно ли рассказать Чо остальное? У него не брали обещания хранить тайну. Он поднялся на террасу и увидел там хозяйку дома.

— Простите, — торопливо сказал он. — Я не знал, что уже так поздно.

— Но мне кажется... — выражение ее лица изменилось, — у тебя есть более важная причина, чем забывчивость. Разве не так?

— Так... — И он повторно рассказал свою историю. — Потом я доложил Ре Му.

— Клянусь Пламенем! Предатели в городе! — воскликнул Чо.

— В самом храме! Но как зло может так хорошо маскироваться, что мы не смогли его обнаружить? — Леди Эйя была потрясена, Рей такой ее никогда не видел.

— Наакалы сказали, что найдут его. — Ее тревога, в свою очередь, обеспокоила Рея. За последние дни он привык считать ее совершенно уверенной в себе и во всех трудностях остающейся надежной поддержкой.

— Те, кто перечит наакалам, — сказал Чо, — не находят жизнь настолько приятной, чтобы долго продолжать ее. Можно его пожалеть.

— Нет! — Голос его матери звучал резко. — Нельзя жалеть того, кто сознательно искажает свет, чтобы служить Тьме. Ибо он знает добро и по своей воле служит злу. Он выбрал Тень, как ее выбрали атланты. Жалеть надо слабых духом, а не сердцем...

— Я думаю, мы теперь на один-два шага ближе к тому дню, когда флот двинется на восток. — Что эта мысль явно понравилась.

Рей вспомнил свое путешествие во сне. Было ли это сном? Для Чо битва — это сражение черного с белым, добро побеждает зло. Муриец так всегда говорит об этой борьбе в те редкие минуты, когда речь заходит о будущем. Но в башне атлантов была лаборатория, и ее стерли из памяти Рея. Теперь ему хотелось вспомнить, потому что воображение хуже фактов, и, когда он начинал вспоминать, ему представлялось множество ужасов.

— У них новое оружие, — сказал он, — необычное оружие...

Чо посмотрел на него.

— Не могу задавать вопросов, но ты говоришь как человек, который знает, что говорит.

Хотя его не просили и путешествие во сне хранить в тайне, Рей инстинктивно никогда не говорил о своем посещении башни. А Чо впервые коснулся этой темы, хотя и косвенно.

— Сам не понимаю, что я знаю и знаю ли что-нибудь вообще, — сказал теперь Рей. И хоть он говорил правду, муриец все равно воспринял его ответ как нежелание рассказывать.

Чо пожал плечами.

— Неважно. Над всеми нами действуют высшие силы.

Рей колебался. Слишком мало в этом мире того, на что он может опереться, только Чо благодаря случаю и поскольку муриец ему нравится, ну и леди Эйя... А если он утратит даже то небольшое, что имеет? Но прежде чем он заговорил снова, слуги принесли ужин, и разговор пошел о незначительных дневных происшествиях.

Американец ел то, что ему подавали, не чувствуя вкуса, просто потому, что хотел есть и утолял голод. Но он заметил, что

леди Эйя почти не притронулась к еде. Наконец она встала и отошла к краю террасы, глядя за стену на огни города.

— Сколько лет это еще продержится? — спросила она. Говорила она негромко, но все услышали. — Мы переживем эту войну — так говорят предсказания в храме. Но все равно со временем наступит конец. Может, не при нашей жизни и не при жизни сыновей наших сыновей. Но темное будущее все равно проглотит нас. И ты говоришь, Рей, что в твоё время о нас не знают. Атлантида пала, но люди смутно помнят об этом; Му исчезает, и даже легенды об этом не сохраняются. Море покрывает оба наших материка, встают новые земли, с новыми народами, которые не знают законов. И все начинается сначала. Из разбойничьих банд возникают государства, появляются новые города, новая наука, новые стремления — но нет конца боли и злу войны. Разве не так?

Рей кивнул.

— Так.

— Ты говоришь, в твоё время люди высадились на Луне, добрались до других планет. Но если они не могут победить войну у себя, значит, будут разносить ее повсюду, может быть, донесут до звезд. И что в этом хорошего?

— Ничего, — согласился Рей. — Однако...

— Однако, — подхватила она, — такова наша природа, война и в нас самих, и вне нас. И пока мы не победим самих себя, мы всюду с собой будем нести зло. Так что коснемся своими черными кровавыми пальцами даже ярких звезд. Но такие мысли приходят к нам от Тени, чтобы мы поверили, что бороться не стоит, чтобы легче было сдаться. Мы выступим против Атлантиды, чтобы в наше время и в нашем мире Тень не окутала землю — нашу землю. Му стара, стареют Майакс и Уйгур, Атлантиду разъедает зло. А что с Бесплодными Землями, Рей?

— Равнины и леса... — Он смолк, думая о лесе. — Деревья...

— Деревья? — Что повторил это слово, и Рей понял, что произнес его вслух.

— Таких деревьев не знают в мои дни, — объяснил он. — Не в этой части земли. В этой стране людей не приветствуют. — И он понял, что разгадал малую часть загадки. Действительно,

лес не приветствует человека, сопротивляется, пытается его изгнать.

— Но это твоя страна, — сказала леди Эйя.

— Будет моей. Теперь она не для человека, если он не хочет воевать с нею.

— Со временем будет воевать. — В голосе ее звучало обещание.

В сгущающемся сумраке подошла Лисса, служанка леди Эйи.

— Посыльный из крепости. Рожденных Солнцем лордов просят немедленно явиться.

— Идите с миром. — Леди Эйя одновременно протянула им руки. — Хотя я думаю, что мира у нас осталось мало. Тем более нужно его ценить.

На этот раз не было носилок, но был отряд охраны. И на тихих боковых улицах резко звенели мечи, ударяясь о доспехи, а на главных улицах этот звон заглушал общий шум.

Ре Му сидел на троне в зале для аудиенций, с ним были два наакала и группа военных. Отряд вместе с Чо и Реем отдал приветствие обнаженными мечами, и звон металла о металл заставил человека, стоящего перед тронном, злобно оглянуться.

— Скамью рожденным Солнцем. — Ре Му принял их приветствия. Двое военных принесли узкую скамью.

Правитель Му снова обратился к стоявшему перед ним человеку.

— В твоих документах говорится, что ты плывешь с грузом зерна в Майакс.

— Да, Великий.

Рей удивленно вздрогнул. Это предатель из Уйгура — он готов поклясться в этом.

— Твой родной порт Чан-Чал?

— Да, Великий.

Он моложе, чем ожидал Рей. И в нем чувствовалась уверенность — либо умелая маскировка человека, привыкшего к опасности, либо безрассудная смелость и решимость противиться врагу до конца.

— И сколько лет ты служил во флоте?

— Пять, как положено, Великий. Я ведь не рожденный Солнцем, чтобы ходить по палубам только три года...

Это не маскировка, понял Рей. Он знает, что ему конец, но готов умереть, сражаясь. Теперь он говорил явно вызывающим тоном.

— Ты слышал о некоем Сидике?

— Да. Офицер флота, осужденный за присвоение государственных средств.

— Он приговорен к пяти годам изгнания. Однако ходит по нашим улицам. Ты его не видел?

— К чему загадки, Великий?

Один из стражников шевельнулся, словно хотел проучить пленника за дерзость. Но легкий жест императора удержал его на месте. Темно-синие глаза Ре Му сверкнули на спокойном неподвижном лице.

— Никаких загадок. Тебя опознала рожденная Солнцем леди Эйна. Она хорошо знала Сидика.

— Она права. Кто я такой, чтобы спорить с рожденной Солнцем? Я вернулся вопреки приговору, как бывало с другими и раньше. Продай меня на рынке в соответствии с законом.

Рей удивился. Почему этот человек из Уйгура так храбр? Считает, что его подозревают только в нарушении запрета на возвращение и больше ничего не знают? Но разве Ре Му занимался бы таким ничтожным случаем? Если бы Сидик не вызывал подозрений, его бы не привели сюда.

— Лорд Рей!

Американец вздрогнул, потом встал в ответ на жест императора.

— Ты раньше слышал голос этого человека?

— Да, Великий. Это тот, о ком я говорил.

— Ты готов поклясться в этом?

— Готов.

По кивку Ре Му Рей вернулся на место. Если Сидик и заподозрил худшее, то никак не выдал себя внешне.

— Предатель!

Сила этого обвинения пробила невозмутимость Сидика. Он побледнел под морским загаром.

— Твой сообщник выдал ваши планы. И получил достойную награду от служителей Пламени, которых пытался осквернить самим своим присутствием в храме. Мы знаем, зачем ты явился сюда. Жалкий глупец! Думаешь, Ба-Ал придет тебе на помощь? Поднимут ли его обманутые последователи меч в твою защиту? Говори, и, может быть, сострадание облегчит твою участь...

Сидик пошатнулся мгновением раньше, но теперь снова скрылся за щитом отчаяния и решимости.

— Если я умру — значит, умру. Но от меня мало что узнают...

— Ты думаешь? — Ре Му улыбнулся — еле заметно. Видя эту улыбку, Рей содрогнулся. Не хотел бы он, чтобы ему так улыбнулись.

— Ты пойдешь с наакалами.

Тень промелькнула по лицу человека из Уйгура, потом исчезла.

— Значит, пойду с наакалами. Но, пока смогу, буду молчать.

— Ты полон зла и добровольно служишь злу. Однако ты храбр, хоть и в злом деле. Но сейчас время одному страдать ради многих. Солнце Му провозглашает, — голос Ре Му снова прозвучал официально, — да будет так!

Сидика увели. Проходя мимо американца, он взглянул на него.

— Помни обо мне, рожденный Солнцем. — Слова его звучали презрительно. — Ба-Ал узнает, с чьей помощью умер его верный слуга. И ты еще побываешь в его храме. Мы перед смертью умеем видеть, и я знаю, что говорю. — Он резко рассмеялся, и солдаты утащили его.

Чо вскочил и смотрел ему вслед.

— Он видел... видел тебя в Красном храме. Человек, близкий к смерти, действительно иногда видит будущее. Пусть тот, что наверху, позволит, чтобы ты вошел в храм как победоносный воин, а не как пленник!

— Мы стали слишком самодовольны в последнее время, — послышался голос Ре Му. — Еще день, и предатели были бы вне нашей досягаемости. Может, от Сидика мы узнаем боль-

ше. Послушник оказался робок и лишь недавно переметнулся к ним.

Он, казалось, о чем-то задумался и забыл о них. Рей ожидал, что теперь, когда их роль выполнена, их отпустят, но этого не произошло. Потянулись долгие минуты, в комнате было тихо, только время от времени со слабым скрипом менял позу стражник. Чего они ждут? Рей поерзал на скамье. Он хотел привлечь к себе внимание и освободиться от этого бесцельного присутствия. Ему казалось, что даже в этой комнате с белыми стенами сгущаются тени и наползают на трон, словно ночная тьма наступает не естественно, а как угроза.

Занавес на двери распахнулся, вошел стражник, приветствовал императора и передал ему писчую табличку. Ре Му прочел ее и поднял голову.

— Сидика не знают лично те, кому он служит. И сегодня вечером, перед тем как его схватили, ему запретили рисковать и связываться с ними. Лорд Рей, что он сказал, когда его уводили?

— Что видит меня в храме Ба-Ала.

— В храме Ба-Ала. Но не видит, как ты там оказался. Молись своим богам, чтобы он видел только часть правды.

Чо выступил вперед.

— Великий, Сидик неизвестен своим хозяевам на востоке, и какое-то время они не будут его разыскивать. Нельзя ли одному из нас занять его место и вступить в сердце вражеской земли?

— Те, кто посылает шпионов, сами их ждут и готовы к этому лучше нас. Как ты считаешь, У-Ча? Обдумаем эту возможность?

— Так написано в звездах.

— Тогда... — Чо чуть не задохнулся, — тогда позволь мне выполнить эту задачу!

Ре Му медленно покачал головой.

— Не будем торопиться. Посмотрим, посмотрим...

— Великий... — заговорил старший наакал, голос его перешел на шепот, так что слышал только император. Рей заметил, как он кивнул.

— Лорд Чо, ты должен поискать на картах Бесплодных Земель удобные пристани, в которых могли бы скрываться разведчики флота.

— Да, Великий!

— А ты, лорд Рей, иди с А-Камом и ознакомься со сведениями, сообщенными Сидиком.

Младший наакал отошел от трона и подождал, пока Рей присоединится к нему.

Они прошли во вторую дверь и оттуда в пустой коридор. Рей решил, что это тайный ход для Ре Му. Он вопросительно взглянул на своего проводника и увидел блеск кристалла в его руке. Оттуда ему в глаза ударил ослепительный луч.

Глава 10

— ... Сидик из Уйгура, со двора леди Ма-Лин, сын гофмаршала, родом из У-Вала. На пятнадцатом году ты начал обучение во флоте и служил на корабле под командованием...

Имена, длинный список имен звенит в голове Рея. Голос продолжает монотонно излагать события жизни Сидика, и, хотя Рей пытается заткнуть уши, закрыть мозг, он обнаруживает, что не может сделать это. Голос держит его в рабстве, то, что он сообщает, не может быть стерто. Рей узнает мельчайшие подробности жизни Сидика. В то же время, хоть и не может открыть глаза, он чувствует на себе руки, ощущает влагу на коже и холодные, странные запахи.

— Тебя схватила мурийская стража, но ты сумел вывернуться, сложив всю вину на послушника Ру-Гена, сказав, что это он обратился к тебе с просьбой помочь ему сбежать из Му, а ты отказался. Экипаж «Рассекающего волны» тоже будет подвергнут обработке. Ты будешь выполнять следующий приказ. Через два часа после того, как твой корабль бросит якорь в пристани поста У-Ма-Чал, ты должен один уйти на берег. Пройдешь вдоль берегового изгиба, пока не дойдешь до двух высоких вертикальных скал. Здесь ты подождешь небольшую лодку. Тот, кто приплывет на ней, скажет: «Восток поднимает-

ся». Ты ответишь: «Запад опускается». Сядешь в лодку и сделаешь то, что должен сделать.

Что... почему? Он запутался в сети и тщетно пытается освободиться.

— В течение месяца ты будешь наблюдать и делать то, что тебе велят. Затем в гавани Пятистенного города три дня будет стоять корабль флота, замаскированный под перевозчика фруктов с юга. На нем будет флаг — сигнал чумы, чтобы отпугнуть пограничников. Ты должен до наступления четвертого дня подняться на его борт. Понятно?

Рей не понимает, но чувствует, как утвердительно кивает.

— Ты Сидик из Уйгура!

Рей открыл глаза. В зеркале он увидел мужчину с желтой кожей и черными волосами, падающими на лицо, которое благодаря какому-то чуду стало старше и грубее его собственного.

— Твоя одежда...

В зеркале появилась рука и указала на связку, ожидающую на стуле. Рей надевает кожаную куртку, грязно-синюю и в пятнах от соленой воды, пахнущую потом и солью. Вместо сандалий морские кожаные сапоги, отороченные мехом сверху. Ногти у него ободраны, под ними грязь. Грязь глубоко въелась в кожу рук. На месте маленькой татуировки на предплечье широкий медный браслет. На поясе ножны из черной кожи, на голове бронзовый шлем без гребня.

— Мы сделали, что могли, — слышится голос из-за него, хотя никого за собой в зеркале он не видит. — Помни, что ты должен сутулиться при ходьбе: теперь ты с далекой пограничной местности и не обладаешь хорошими манерами. Что ты делаешь? — Голос резкий, встревоженный. Рей провел ладонью вдоль правой руки, потом вдоль левой. Он не может вспомнить, что ищет. Черное, да, оно было черное! И оно должно быть здесь, это очень важно!

Он снова пытается разогнать туман, в который погружен мозг.

— Черный... — Он видит в зеркале, как его губы произносят слова. — Черный браслет... мой!

Неожиданно он видит его мысленно так же ясно, как отражение в зеркале. Черный браслет принадлежит ему. Он не тро-

нется с этого места, пока ему не отдадут браслет! Он цепляется за это со странным упрямством, как будто в этом гарантия безопасности.

За ним начинается движение, хотя в зеркале он по-прежнему ничего не видит. Но теперь он в состоянии повернуться; ему трудно заставить упрямое тело повиноваться даже в таком небольшом деле.

Их трое. Первый, судя по одежде, офицер, потом человек в тунике слуги, он возится со множеством баночек и бутылочек, через плечо у него висит полотенце в пятнах того же желтого цвета, что и кожа Рея, и, наконец, наакал. И в руке жреца Рей видит то, что ему нужно, — черный браслет в виде змеи с бриллиантовыми глазами. Он протягивает к нему руку.

— Это выдаст его первому же увидевшему его атланту! Ни один торговец не станет носить такое сокровище... — Офицер делает шаг, чтобы помешать ему.

Но наакал смотрит на Рея.

— Не знаю. Он хочет его очень сильно, и в таком деле не нужно вмешиваться. Зачем он тебе, сын мой?

Для Рея черный браслет превращается в дымящееся живое существо. Оно ему нужно; он должен взять его — оно принадлежит ему, и они не должны его отбирать!

— Мой! — Голос его похож на рычание, рука тянется к кинжалу на поясе. Комната, весь мир сужается до браслета и необходимости получить его.

Но, кажется, драться ему не придется, потому что наакал, по-прежнему глядя на него пронзительным взглядом, протягивает ему браслет, другой рукой делая офицеру знак отойти.

— Есть для этого причина, хотя сейчас ни он, ни мы ее не знаем. Но не носи его открыто, сын мой.

Рей радуется прохладному ощущению на руке. Нет, носить его открыто слишком опасно; он должен хранить его в тайне... в безопасности. Он удовлетворенно прячет браслет под одеждой.

— Теперь слушай. — Голос жреца звучит властно, и Рей внимательно смотрит на него. — Возможно, ты будешь считать, что мы нехорошо поступили с тобой сегодня ночью. Но время и судьба не оставили нам выбора в час нашей нужды.

Ни один человек с матери-земли не может принять обличье Сидика и открыть закрытые для наших глаз врата. Мы знаем, что Тень не смогла помешать тебе, когда ты в прошлый раз проник в ее логово. Поэтому мы снова должны использовать оружие, которое ты даешь нам в руки. И вот что... Под властью Пламени мы читаем будущее по искрам и звездам. И хотя смерть нависнет над тобой облаком, будет плащом висеть на твоих плечах в предстоящие дни, по нашим предсказаниям, она не сможет взять тебя. То, что есть в твоих руках, сильнее любого меча. Мы используем тебя без твоего согласия, потому что мы в отчаянном положении. И ты можешь возненавидеть нас за это. И все же... — Он помолчал. — Иди с миром, и пусть девять раз благословит тебя Пламя. — Он сделал рукой жест, как будто извлек из воздуха нечто невидимое, заполнил этим невидимым свои ладони и пролил незримым душем на американца.

Офицер сделал шаг вперед.

— Твой корабль уходит на рассвете. Через десять дней ты будешь в месте встречи. Во время прохода по каналу оставайся внизу, не выходи на палубу. Скажи, что заболел. Твой помощник поведет корабль. Теперь... пора...

Ранним утром в сопровождении офицера и нескольких стражников Рей вышел из дворца. Он понимал, что не может отказаться. Принуждение, наложенное на него в крепости, заставляло идти. Он движется, как шахматная фигура, и будет так двигаться, пока не сделает нужное им дело. Выиграв битву за браслет, он снова погрузился в туман, мозг его оцепенел и отупел. В нем не осталось сил для сопротивления.

Они пришли на пристань, подошли к перевозчику зерна. С темной палубы их окликнул человек. Рей замигал в свете лампы.

— Капитан... — приветствовал его моряк. — Все готово...

«Это помощник, Ра-Пан», — подсказала какая-то часть сознания.

— Выходим на рассвете, — ответил Рей.

— Есть, сэр.

Офицер из крепости и стражники не стали задерживаться. Они ушли, не прощаясь, а Рей остался стоять у поручня.

Над гаванью раскинулся город. Тут и там виднелись огни, но их было немного. Город еще спит. Рей беспокойно поерзал. Где-то там... Он нахмурился... ему трудно думать. Сидик из Уйгура, он Сидик из Уйгура. Он не должен, не смеет думать о другом.

Наступал рассвет. На палубе появился Ра-Пан. Рей повернулся к нему и произнес слова, как будто язык сам подготовил их за него:

— Я плохо себя чувствую. Прими команду.

Помощник не увидел в этом ничего особенного. Рей спустился в маленькую темную каюту. В ней была ниша без занавеса. Там койка Сидика. Рей упал на нее. И хоть пытался уснуть, в сознании все время всплывали воспоминания и мысли Сидика, и от этого он действительно почувствовал себя больным. Напился затхлой воды из кувшина. Но наконец пришел сон, на этот раз без сновидений.

Проснулся Рей, дрожа от холода. На столе его ждала деревянная доска для резки хлеба с двумя лепешками и куском мяса. Он проглотил хлеб, но от запаха мяса его замутило, он оставил его и поднялся на палубу. Дул свежий ветер, они шли в открытом море. У руля стоял Ра-Пан. В распоряжении Рея знания Сидика о корабле и его действиях, и он уверен, что экипаж принимает его за настоящего капитана. Но все же легко допустить ошибку и тем вызвать подозрения. Рей взглянул на восток. Там, в полумире отсюда, лежит Атлантида. А он даже не знает, что должен сделать, когда прибудет туда — если вообще прибудет. Но в то же время он уверен, что не сможет сделать ни одного движения, которое отдалило бы его от Атлантиды.

Они прошли по каналу. Пришлось дожидаться своей очереди, и поэтому Рей провел три дня в душной каюте. И вот они во Внутреннем море.

— Остановимся в Маноа, — это было одно из редких высказываний Ра-Пана за вечер.

Это не предположение, а утверждение. Мгновенно проснулось чувство опасности. Это не запланировано. А Рей уже понял, что инстинкт самосохранения требует, чтобы он выполнял приказ.

— Нет. Мы идем в У-Ма-Чал.

Ра-Пан нахмурился.

— Мы обычно этого не делаем.

Может, кончается контроль наакалов над экипажем? Если так, команда может взбунтоваться.

— Неважно. — Рей попытался взглянуть на помощника тем же повелительным взглядом, каким смотрел на него жрец. Он должен проявить свою власть, иначе его придется списать еще до того, как начнется его миссия.

— Ты отказываешься выполнять мои приказы? — резко спросил он.

Помощник как будто хотел отвести взгляд и не смог. Он облизал губы.

— Но мы всегда заходили в Маноя.

Показалось ли Рею, что голос помощника звучит неуверенно? Отныне нужно быть настороже, чтобы ни Ра-Пан, ни другие не могли в нем усомниться.

— А в этот раз зайдем в У-ча-мал! — четко сказал он. Ра-Пан кивнул, глаза его снова затуманились.

Американец стал следить за экипажем. Ел только то, что попробовал помощник, спал с мечом наготове и старался отдыхать как можно меньше.

Еще семь дней, и они у восточного выхода из Внутреннего моря. И как будто кончалась хорошая погода: ночью небо затянули тучи. Рей стоял у поручня, пытаясь разглядеть городской маяк. Под одеждой что-то острое прижалось к его коже. Пальцы его сомкнулись на браслете. Во всем мире есть еще только один такой же...

Кто это сказал? Когда? Белая полоса — принадлежащая кому-то, кого он хорошо знал. Он достал браслет и принялся поворачивать его в руках, пытаясь вспомнить. Искорками вспыхивали алмазные глаза.

— Ах!..

Рей зажал браслет в кулаке. Рядом с ним стоял Ра-Пан. Оцепенение в его взгляде исчезло. Он смотрел на сомкнутые пальцы Рея, как будто мог проникнуть сквозь плоть и кости.

— Что тебе нужно? — спросил американец. — Ты должен быть у руля.

— Я пришел спросить, будем ли мы причаливать вечером... — Но он смотрел не в лицо Рею, а на его руку.

— Разве я уже не сказал? Возвращайся на свой пост!

Несмотря на опасения американца, помощник отошел. Рей вздрогнул. Эта часть дела была почти закончена, а что дальше, не хотелось думать.

— Портовый сигнал, капитан! — Впередсмотрящий указал на вспышки на берегу. — Спрашивают, куда мы идем.

— Ра-Пан, — Рею показалось, что это подходящая возможность, — отправляйся к ним.

Он ожидал, что помощник возразит, но уйгур повиновался, прихватив с собой двоих матросов. Рей торопливо начал готовиться. Спустил шлюпку, один сел за весла и начал грести, ориентируясь на линию берега. Голоса с берега, разнесшиеся по воде, заставили его вздрогнуть.

— Стоит шестимесячного жалования, а он носит его под одеждой. Кто узнает? Убить его или связать и оставить жрецам Ба-Ала. Может, они даже заплатят за него.

Негромкий ответ и резкое возражение:

— Сидик? Нет, они что-то с ним сделали. Это не Сидик, говорю вам! Вместо него подставили одного из своих людей. А такая новость стоит на востоке большой награды!

Рей перестал грести. И так, помощника больше не сдерживает обработка. А оставить его на берегу нельзя. Теперь он их видел — темное пятно на песке. Они спорят там. Один удар весла уведет его далеко, а их там только двое...

Он сделал последний гребок, вложив в него всю силу. Выпустив весла, Рей выпрыгнул на мокрый песок. Увидел, как те ни повернулись, одна скользнула в сторону, но у другой в руке блеснул меч.

— Я думаю, тебе ничего не удастся продать сегодня Ба-Алу! — воскликнул Рей. Наклонившись, он набрал песка и швырнул в лицо мечнику. И устремился ко второму, ударил ребром ладони — способом, к которому враг был совершенно не готов.

Его противник упал. Рей инстинктивно пригнулся и развернулся, готовый к встрече со вторым врагом. Столкнулся с ним, оба упали, и Рей услышал удар головы противника о ка-

мень. Он поднялся невредимый, но запыхавшийся. Один из моряков неподвижно лежал на камне, другой вытянулся на песке.

Рей подошел к нему. Пальцы американца не нащупали пульс. Он подтащил одно тело к другому и принялся забрасывать их песком. Неизвестно, есть ли у них соучастники, но по крайней мере немного времени он выиграл.

И только когда он, приняв некоторые предосторожности и затопив лодку помощника, пошел по берегу, он ощутил реакцию. Его учили искусству единоборств, но впервые он собственными руками убил человека. Он брел по песку, отыскивая условное место встречи. Внутри все застыло, но повернуть он не может, не может вернуться та личность, какой он был до того, как в сознание ему вселили Сидика из Уйгура.

Становилось холодно, а он оставил плащ в лодке, на сиденье, — безмолвный ответ на вопрос, что случилось с капитаном Сидиком. Резко похолодало, и Рей, чтобы согреться, принялся размахивать руками.

Берег повернул, и Рей увидел две заостренных скалы. Они хорошо видны даже ночью, ошибиться невозможно. Несомненно, это место встречи. Но он пришел слишком рано, еще никого нет.

Рей сел у ближайшей скалы и посмотрел на море. Сегодня он убил своими руками. Он обнаружил, что сгибает пальцы, трет их, словно пытается стряхнуть не только песок. Они убили бы его, может, не сразу, но гораздо более жестоким способом, выдав атлантам. Рей смутно помнил человека на алтаре в храме с красными стенами, ожидающего смертельный удар. Такова была бы его судьба, если еще не хуже. И все же... Он продолжал оттирать руки.

Но вот с моря послышались звуки — еле слышный скрип весел. Рей подошел к краю воды. Через прибой пробирается скиф, в нем две закутанные фигуры.

— Восток поднимается. — Голос гортанный, низкий.

— Запад опускается, — почти шепотом ответил Рей.

— Быстрее уходим. Крысы Му следят, мы слишком близко к форту, чтобы быть в безопасности.

Рей вброд добрался до скифа.

— Хорошо, что ты поторопился, — заметил атлант. — Тут усилили патрули, и мы не можем задерживаться. Ты пришел один?

Это подозрительно? Но наакал не предупредил его...

— Меня предали...

— Кто? И... за тобой следили?

— Предал Ра-Пан, мой помощник. Его подкупили мурийцы, — импровизировал Рей. — Но он мертв.

— Да? Это хорошо.

Гребец вел лодку сильными частыми ударами весел. Они вышли из-под защиты берега, а на море воздух еще холоднее. Рей не мог сдержать дрожь, хотя и пытался. В темноте показался корпус корабля, на фоне неба видна острая крыша каюты. Они ударились о борт, в руки Рею сунули веревочную лестницу. Он поднялся на палубу. Ни одного огня, не горит даже затененный палубный фонарь. Должно быть, действительно опасаются, что их заметят. Один из людей со скифа взял его за руку и повел.

— Вниз. Мы должны уходить.

Они спустились по крутой лестнице и через кожаный занавес прошли в главную каюту. Их окружили красные стены, увешанные поразительной коллекцией оружия. Пол из чередующихся черных и белых квадратов в пятнах грязи. Пахнет пролитым вином, немывтыми телами и еще более неприятными доказательствами того, что аккуратность не входит в привычки капитана.

Но здесь же находится и груда добра, которое могло бы быть добычей пиратского корабля. На одном столе металлические тарелки и глиняные кружки. На скамьях рваные и грязные шелковые покрывала. Сам стол — произведение искусства, он из черного дерева с инкрустацией из серебра и слоновой кости, хотя сильно поцарапанный и побитый.

Атлант — проводник Рея бросил на скамью свой плащ и налил вина в кубок с отломанным краем.

— Выпей. Ночь холодная. Нужно добавить тепла в вены.

«Неужели я дрожал так заметно?» — подумал Рей. Он надеялся, что это припишут холодному ветру. Рей выпил, подавившись, но сделал вид, что закашлялся. Поверх кубка изучал

своего хозяина. Атлант на один-два дюйма ниже его самого, у него могучие предплечья и плечи, но их ширина уравновешивается заметным брюшком. Длинные руки кончаются волосатыми ладонями.

В отличие от мурийцев, которые всегда гладко выбриты, у этого густая черная борода. Она щедро смазана жиром, и ее острый конец касается груди. Губы поразительно толстые и красные, такие яркие, что можно подумать, он их нарочно красил.

Несмотря на густую бороду, у атланта — он снял бронзовый шлем без гребня — бритый череп. Только на макушке оставлена черная прядь. Она тоже смазана жиром и извивается по коричневому куполу черепа.

Он улыбнулся, показав желтые зубы, похлопал по своей шелковой тунике, покрытой пятнами от еды. Рей подумал, что его золотой пояс не предназначался для такого брюха. К нему была добавлена цепь, так что он стал на несколько дюймов длиннее.

— Добро пожаловать на «Черный ястреб», брат. Я капитан Таут. В Му меня не любят, хотя сейчас я у них отбираю меньше. Все торговцы толпятся в охраняемом Внутреннем море.

Рей опустил кубок и знаком отказался от повторения.

— Я Сидик из Уйгура.

— Хо... но ты ведь моряк. Разжалованный офицер флота? Такие иногда к нам присоединяются. Как поживает мать-земля?

Рей заставил себя усмехнуться.

— Ты как будто был раньше рейдером, капитан. Му... начинает просыпаться. Я едва успел уйти.

Капитан Таут кивнул.

— Ну, я всегда говорил, что мурийцы слишком доверчивы, но совершенно ослепнуть не могут. Ты как будто промок, Сидик... Долой эти мокрые тряпки! — Он порылся в сундучке и вернулся с новой одеждой. — Хорошее барахло. Мы его взяли на корабле в Северном море еще до отзыва. Принадлежало офицеру. Он встретился с Ба-Алом, как я слышал.

Рей неохотно, но не смея проявить свое нежелание, надел одежду мертвеца. Украдкой переложил браслет в новое укрытие.

— Ложись, если хочешь. — Капитан Таут указал на одну из ниш. — Землю увидим только утром.

Он вышел, оставив Рея одного. Выбрав менее вонючую койку, Рей устало вытянулся на ней. Он далеко зашел, но что ждет его через час или на следующий день?

Глава 11

Этой ночью Рею не снились деревья, но он пробегал и проходил мимо сцен, которые странно сливались одна с другой, а он становился одновременно их участником и сторонним наблюдателем. Он был Сидиком из Уйгура и вспоминал свою жизнь. Но он был и кем-то другим, стоял в стороне и наблюдал за Сидиком, потому что ему отчаянно нужно было знать и помнить все, что тот делал.

Наконец Рея разбудил крик: «Земля!» Он немного полежал, чувствуя, что не отдохнул. На палубе слышались шаги, раздавались команды. Таут сказал, что утром они причалят. Должно быть, он долго проспал, погрузившись в эти видения.

Рей медленно сел. На соседнем стуле лежала просоленная одежда Сидика, теперь сухая, но мятая и еще больше поблекшая. Но он предпочитает ее, чем награбленное. Застегивая пояс с мечом, он поднялся на палубу.

— Холла! — Капитан Таут стоял у руля. — Ты, должно быть, сильно устал, друг. Проспал много часов. Хочешь первым увидеть Красную Землю? Нам благоприятствовал Ба-Ал, он послал нам попутный ветер. Я поставил пять серебряных монет, что до вечера буду в гавани. И войду в нее с радостью. Крысы Му обладают острым зрением, зубы у них тоже острые... — Он улыбнулся и подошел ближе к поручню, чтобы плюнуть в море. — Когда купцы не заходят в Северное море, добычи мало. Служба Посейдону обещает больше выгоды. Но быстрее бы он исполнял свои щедрые обещания. И, друг, мне все равно, если ты даже повторишь мои слова в уродливое лицо Кроноса, нынешнего Посейдона. Мы, волки севера, не его подданные, мы становимся его союзниками лишь иногда. И нам нужны не просто обещания. А теперь что скажешь по поводу хлеба и

другого добра, чтобы набить живот? Никакого черного варева, которое пахнет пылью и жуками, как на кораблях самого Кроноса...

Он снова отвел Рея в каюту. И пища, хотя подавали ее в разномастной посуде, была лучше всего того, что ел Рей после Му. Похоже, капитан Таут любил поесть и гордился своим столом.

— Я думал, — Рей отклонил очередное блюдо, предложенное капитаном, — что ты служишь во флоте атлантов...

— Во флоте? — удивился капитан Таут. — Я, Таут? Конечно, нет, я вольный капитан. Десять таких, как я, бросают якорь в гавани Пятистенного города. Но только на время, заметь, только на время. Добычи не было, а у Посейдона большие планы. Но мы никому не подчиняемся, воюем только с толстыми купцами и мурийцами, которые своими мечами мешают нам до них добраться. Но если бы они поговорили с нами громко и ясно, как Кронос, пообещали бы добычу в Красной Земле, мы предпочли бы сторону Му. Мурийцы выполняют свои обещания. Но Му мы не нужны. И нам придется принимать сторону Атлантиды. У нас есть и собственный вольный город Санпар. Кронос отправил туда посла для откровенного разговора с нами — настолько откровенного, насколько это вообще для него возможно. Мы хорошо знаем, что в Красной Земле нужно смотреть в оба и часто оглядываться через плечо. Но Кроносу мы нужны и потому подняли его флаг. Но, конечно, все время следим, чтобы с берега до нас не дотянулась его тень. Мы не любим Кроноса. Он слишком легко приказывает сделать то или другое. Довольно скоро учишься быть чуть глуховатым в этом отношении. И он отдает людей Ба-Алу и новому дьяволу, которого призвали красные мантии, — Любящему.

Мы словно волки, встретившиеся в Бесплодных Землях. Оба рычат, принюхиваются, оскаливают клыки, но не нападают, чтобы не вызвать собственную смерть. Страх и ненависть одинаково влияют на судьбу. Поэтому мы ждем и наблюдаем, готова клыки для того дня, когда он решит, что стал достаточно силен...

— У вас десять кораблей?

— Десять, а на этом есть место для тебя, друг, если пожелаешь. Нам пригодился бы моряк, который не присягал в верности Красной Земле. Должен тебя предупредить, Сидик. Не думаю, чтобы Кронос оказался таким щедрым хозяином, чтобы ты долго оставался у него на службе. Когда тебе надоеет запах страха в его земле, приходи к морским волкам. Предупреждаю тебя: хоть ты истечешь кровью у него на службе, все равно останется день, когда он выбросит тебя без единой серебряной монеты. И хорошо еще, если не отдаст Ба-Алу. Когда понадобилось отправить за тобой корабль, он выбрал мой, потому что я обладаю весом среди вольных капитанов. Но если бы меня захватили мурийцы, он бы засмеялся и даже капли вина не пролил, чтобы напоить мой жаждущий дух.

Мы возвращаемся — значит, он что-то проиграл. Но ради тебя самого смотри, чтобы твои новости его не разочаровали. И помни: у нас ты всегда сможешь найти убежище.

— Почему ты его мне предлагаешь? Ты ведь ничего обо мне не знаешь, — удивился Рей.

Тяжелые плечи капитана поднялись и опустились в подчеркнутом пожатии.

— Почему? Не знаю. Может, потому, что ты молод и моряк, как все мы. Мне не нравятся Ба-Ал и красные мантии, которые каркают в его храмах. А может, потому, что так я хоть немного позлЮ Кроноса. Слушай! — Они услышали движение на палубе. — Пошли наверх. Кажется, я выиграл ставку. Мы в гавани.

Рею не терпелось увидеть главный порт Атлантиды. Он располагался в просторном заливе с узким входом. Дальше город, не такой яркий, как столица Му, и гораздо более мрачный из-за окружающих его темных стен.

— Крепость Кроноса. Говорят, ее нельзя взять штурмом из-за пяти стен и трех каналов. — Капитан Таут снова улыбнулся. — Но это никогда не проверялось. Мне бы сотню хороших мечей и одну-две улыбки судьбы, и тогда... тогда мы могли бы доказать, что это не так.

Рей взглянул на волчий экипаж на шкафуте судна. Моряки бросали на береговую линию голодные взгляды.

— Я тебе верю, — сказал он.

Таут рассмеялся.

— А Кронос не поверил бы. Помни: если я тебе понадобится, приходи.

Рейдер прошел мимо множества кораблей и бросил якорь чуть дальше за торговым причалом. Спустили маленькую шлюпку, и в нее сели два моряка. Рей кивнул капитану.

— Пусть Солнце... — Он смолк, понимая, что память его подвела. Положил руку на рукоять меча, хотя никто не бросал ему вызова.

Капитан рейдера лишь пристально взглянул на него.

— Попридержи язык, Сидик. Ты слишком долго был в Му. Тут сначала наносят удар, а потом задают вопросы, если услышат такое приветствие. Иди! Но помни, мы ждем здесь...

Рей перебрался через поручень, удивленный. Он тихо сидел в шлюпке, глядя на пристань, но мысли его занимал капитан Таут. Эта необычная настойчивость, неоднократные напоминания, чтобы в случае неприятностей Рей отыскал его, — почему это? Судя по внешности, пират скорее продал бы его, если бы догадался, что Сидик не тот, за кого себя выдает. Подозрительность — теперь необходимая защита Рея; доверчивость может обойтись ему слишком дорого...

На причале их ждал человек в простых доспехах.

— Откуда ты, незнакомец? — в этом вопросе слышалось высокомерие.

— Из Уйгура, — коротко ответил Рей.

— Не могут ли звать тебя Сидиком?

— Могут.

— Если тебя так зовут, иди за мной, — сказал солдат, — если же нет, ты поймешь, что опасно играть в детские игры с теми, кто тебя ждет.

Атлант пошел через толпу, и Рей заторопился за ним. Вскоре перед ними встала красная стена. Они повернули и дошли до открытых ворот с острыми зубьями опускаемой решетки. Солдат поговорил со стражником, и их пропустили по узкому мосту через канал, в котором плескалась темная вода.

Мост закончился у других ворот, на этот раз в стене из белого камня. За ним второй канал и мост через него к черной стене. Атлант заговорил:

— Видишь, какая защита у атлантов? Она хорошо продумана. Если враг посмеет напасть на нас, ворота закрываются, а мосты опускаются. Ни одна армия не пройдет здесь...

Рей вспомнил похвальбу капитана Таута, что с хорошими помощниками он показал бы жителям города, над чем задуматься. Но самому Рею линия обороны показалась непреодолимой для того оружия, которое он здесь видел.

Пришлось миновать еще две стены и последний канал, прежде чем они оказались в городе. Здания трех цветов: красные, черные и серо-белые. И тоже выглядят так, будто построены как крепости, в которых предстоит обороняться.

Совсем другой народ ходил по этим улицам. Ни светлой кожи, ни роста мурийцев. Среди прохожих много вооруженных. Говорили они на своем гортанном языке, как будто опасались, что их подслушают, даже соседи. В столице Кроноса пахло так, как не пахнет в городе, населенном обычными людьми, живущими вместе. Здесь пахло страхом. Рей удивился, откуда он это знает, почему уверен в своей правоте?

Проводник привел его на большую площадь. Прямо перед ними оказалось массивное здание из белого мрамора, которое раньше могло служить храмом. Но выглядело оно так, словно его сознательно обезобразили и осквернили. Рей заметил, что атланты избегали к нему приближаться. Перед широкой лестницей, ведущей к этому зданию, стояли два столба, завернутые в тускло-алые ткани, теперь порванные и грязные.

Солдат рассмеялся и показал:

— Видишь храм Пламени, построенный мурийцами? Когда Темный пришел к нам, наши отцы обошлись с этим храмом не очень вежливо.

— А почему столбы укутаны? — спросил Рей.

— Об этом говорить запрещено. — Солдат быстро посмотрел по сторонам. — Пошли... — И он торопливо пошел по площади. Им все равно пришлось пройти вблизи обезображенного здания, и солдат указал на неровную линию на уровне груди человека, идущую по стене. На камне видны были ржавые коричневые пятна.

— Здесь стояли рожденные Солнцем и те, кто им остался верен, когда наступил конец. Они не кричали, даже умирая.

Упрямы, эти рожденные Солнцем. Детей их отдали Ба-Алу, и говорят, даже самые маленькие из них не плакали. Они были храбры, но и только. Однако никакая храбрость не защитит и не укроет от воли Ба-Ала. Теперь они исчезли, кроме немногих, которых держат в ямах слизи и передают жрецам для экспериментов...

— А что делают с теми, кто в ямах слизи? — Рей больше не смотрел на стену. Он боролся с картинами, которые рисовало воображение, разбуженное словами солдата.

— Иногда их вызывают и допрашивают. Посейдон держит их для какой-то цели. Пошли, уже поздно.

— Скажи мне, — немного погодя снова заговорил солдат. — Ты видел Му, человек из Уйгура. Правда ли, что мать-земля богата, как об этом рассказывают?

— Мне кажется, да.

— И много ли в ней рожденных Солнцем?

Рей решил воспользоваться возможностью посеять сомнения.

— Очень много. Они очень сильны там. Это их древняя родина.

— Кронос пообещал отдать нам их женщин, когда мужчин отправят на алтари Ба-Ала. Мы нападём на Му, и вся их сила им не поможет. И все ее богатства будут принадлежать нам, а рожденные Солнцем станут нашими рабами. Так пообещал Ба-Ал! — В голосе атланта звучала полная уверенность.

Рей сжал кулаки. Память его больше не была затуманена. С того времени как он оказался в городе, поверхностный слой воспоминаний Сидика прорвался. Подумать о том, что так обойдутся с леди Эйей... с леди Эйной...

— Это будет нелегко. Я видел мурийцев. Они хорошие воины... не дети, которых легко смести с дороги.

— Да, но у них нет Любящего, — заметил солдат. — А это храм Ба-Ала.

В конце широкой улицы располагалось большое приземистое здание из красного камня. Но Рей успел только бросить на него беглый взгляд, как они свернули в боковую улицу и подошли ко дворцу Посейдона. Здесь атлант передал Рея офицеру дворцовой стражи.

Они прошли длинными темными коридорами, в которых было мало окон, все они располагались высоко и были узки, как бойницы. Потом поднялись по узкой винтовой лестнице. Во дворце было сыро и холодно, множество теней вызывало дрожь. Скорее мрачная крепость, чем дворец, никакого сходства с дворцом Ре Му. Наконец через небольшую арку они вышли во двор под открытым небом.

Офицер объявил о появлении Рея:

— Человек из Уйгура.

Рей подошел на несколько шагов, понимая, что именно сейчас проверяется его игра. Стоит ему сделать хоть небольшую ошибку, как тогда, с Таутом, и это будет означать его смерть. Он Сидик и должен быть только Сидиком. Другого выхода у него нет.

— Ну, где он, где он? — капризно спросил кто-то. — Пусть он подойдет, чтобы я его увидел, Магос.

— Иди сюда, человек из Уйгура, — раздался приказ. Рей вышел на свет солнечного заката.

— Ты опоздал, — пожаловался первый голос.

— Были задержки, Грозный Повелитель, — осторожно ответил Рей.

— Иди! Иди сюда!

Рей приблизился к золотой кушетке и опустился на колени, склонив голову. Он надеялся, что выглядит как самый покорный и испуганный слуга.

— Подними голову! Я хочу посмотреть, что ты за человек, Сидик из Уйгура!

Это Кронос, Посейдон Атлантиды, каким он и видел его во сне. Нет, сейчас опасно вспоминать это, сейчас, здесь, в этом обществе.

Маленькие глазки на опухшем лице с толстыми щеками под завитыми и надушенными курчавыми волосами, жирные руки, движущиеся в величественных жестах; время от времени они подносят к пухлым губам сладости, которые грудой лежат на блюде на маленьком столике сбоку. За правителем стоит жрец в красной мантии, с бритым черепом, с очень яркими глазами. Рей подумал, что его следует опасаться больше, чем Посейдона, которому он поклялся служить.

— Желает ли Грозный услышать слова своего раба? — Рей следовал официальной формуле, которую его заставили заучить.

— Он может говорить сейчас, Магос? — спросил Кронос у жреца.

— Это сэкономит нам время, Грозный. А если ты сочтешь необходимым, он повторит свой доклад позже на совете.

— Ну, говори, человек из Уйгура.

— В соответствии с приказом, отданным твоему рабу, я отправился в Му, — начал Рей. Слова всплывали легко, словно были помещены в его мозг и теперь слова правителя их высвободили.

Посейдон поерзал на своих подушках.

— Да-да! — нетерпеливо сказал он. — Но какая у них защита?

И снова слова легко пришли на язык к Рею:

— Все береговые форты усилены, призваны резервы. Флот отозван, он получает пополнение людьми и кораблями, чтобы потом отправиться в Западное море...

— Все это мы уже знаем, глупец! Неужели у тебя нет для нас ничего нового? А как те дела, которые ты должен был специально вынюхивать?

— Твой раб подкупил послушника в храме... он кое-что знает...

— Ах, так? Им известно о Любящем?

— Да. Наакалы прошли через завесу тьмы и видели Любящего... — По-прежнему слова у Рея возникали сами собой; он знал, что это не его слова, они внушены ему для ответа именно на эти вопросы. Хотя с какой целью, он не знал.

Кронос сжал руку в кулак и ударил по подушке.

— Вот как... — Он капризно посмотрел на жреца. — Ты говорил, что этот занавес невозможно пройти, а его преодолели. Неужели наакалы настолько сильнее вас?..

— Грозный! — Красная Мантия сделал предупреждающий жест, указывая на Рея. Но если жрец не хотел, чтобы здесь обсуждались эти проблемы, его хозяин не желал молчать.

— Значит, наакалы сильнее вас? — повторил он резким голосом.

— Как я тебе сказал, — жрец говорил спокойным уверенным голосом, — ни одно сознание, рожденное в Му, не может проникнуть сквозь этот занавес. Но мы кое-что почувствовали. Если они проникли в храм...

— Если! — прервал его Кронос. — Конечно, проникли. Ты... У них есть защита от Любящего? Что сказал этот твой щенок-жрец?

— Они работают над ней, Грозный Повелитель. Но он смог только узнать, что это луч черного света. — Откуда приходят к нему эти слова? Рей хотел зажать рот, заглушить собственный голос. Но голос больше не принадлежал ему; им пользовался кто-то другой. И в Рее проснулся новый страх. — Послушника раскрыли и взяли до того, как он узнал больше. Твоему рабу едва удалось бежать...

— Луч черного света, — задумчиво повторил Магос.

— Ты о нем слышал? Что это такое? — спросил Кронос.

— Мне нужно посмотреть в записях. — Жрец дал уклончивый ответ. — Что еще ты можешь нам сказать? — Он как будто хотел отвлечь внимание Кроноса от этой темы.

— Уйгур колеблется, — услышал Рей собственный голос. — Он больше не готов встать на защиту матери-земли, как верят в Му...

— Хорошо! Хорошо! — Кронос довольно присвистнул. — Видишь? — Он повернулся к жрецу. — Семена, посаженные нашими людьми, прорастают. Скоро они принесут плоды. В назначенный день Му обратится за помощью к союзникам, и никто ей не ответит. Она останется одна и станет для нас легкой добычей.

— Скажи мне, — снова обратился жрец к Рею, — слышал ли ты, будучи в Му, о незнакомце, который в последнее время пользуется вниманием Ре Му? О человеке не из Му, а издали, обладающем странными силами?

— О нем говорят. — Рей по-прежнему лишь орудие в руках тех, кто послал его сюда. — Но верно ли это, твой раб не может сказать. Жители говорят, что Ре Му и наакалы призвали себе на помощь силы извне... извне... — повторил он.

Кронос резко сел, и подушки полетели на пол.

— Может ли это быть правдой? — Он снова ожидал ответа от Красной Мантии.

— Кто может сказать, Грозный? Слухи ходят о многом, но в них мало правды. Однако это логично: у нас своя помощь, и она пришла не из того мира, который мы знаем. Может, и наакалы тоже позвали на помощь. Это объясняет, почему оказался пройденным занавес... так они смогли использовать призванного.

— Неужели он сильнее нашего? — спросил Кронос.

— Мы призвали из Тьмы, они обратились к другим силам — если это произошло. И можно ли сказать, кто сильнее, пока они не встретятся в битве? Но кто бы ни встал под знамена Му, у нас есть Любящий и его родичи, которые постоят за атлантов. Ты еще что-нибудь об этом знаешь? — спросил он у Рея.

— Нет, сын Ба-Ала! В городе много слухов. Но, как ты сам сказал, не во всех слухах есть правда.

— Но их достаточно, чтобы мы подготовились. Человек из Уйгура, ты нам хорошо послужил. Верно, Грозный? — спросил Магос у Посейдона.

Казалось, вопрос оторвал правителя от какой-то мысли.

— О... о, да-да. Ты можешь идти. Офицер покажет отведенное тебе помещение.

Рей попятился, по-прежнему на коленях, и не вставал, пока не добрался до двери. Но он заметил, что Посейдон и жрец зашептались, и ему показалось, что Магос успокаивает своего хозяина.

Глава 12

Рей опирался на широкий подоконник. В верхнем этаже дворца окна шире, чем бойницы внизу. Ночь, но в гавани много огней. Окно находится настолько высоко, что Рей может видеть почти всю гавань.

Где-то там рейдер, на котором он сюда приплыл. Рей думал о неожиданном предложении капитана Тауга в случае не-

обходимости искать помощи на его корабле. Почему капитан сказал об этом, и не один раз, а несколько?

Рея поместили в пустой, почти не мебелированной комнате. Кажется, Посейдон не очень заботится о своих верных слугах. Четыре красных стены, пыльный пол, старая койка, скамья... Даже одежду у Рея отобрали, на нем теперь мундир младшего офицера армии атлантов. Но его хоть не заперли, а он этого ожидал. Надев черный шлем без гребня, Рей вышел в тихий коридор. Коридор выглядит так, словно им и вообще этой частью большого дворца пользуются очень редко. Но Рею это подходит.

Он прошел в другой, лучше освещенный и заполненный людьми коридор внизу. На скамьях в его дальнем конце сидели солдаты и младшие офицеры. Рей слышал гул их голосов, изредка смех. Но у него не было желания присоединиться к их обществу. Однако несколько слов привлекли его внимание:

— ... мурийцы. Да, сегодня вечером. Редкое зрелище в помещении для аудиенций.

Мурийские пленники! Он должен их увидеть. Это... это еще одно проявление воли, которая управляла им во время встречи с Кроносом. И сопротивляться ей невозможно.

Гулко ударил гонг, атланты у двери построились и пошли. Рей не раздумывая встал в конец отряда.

Вот красный зал, который он видел в своем путешествии во сне, и на золотом троне снова сидит Кронос. Рей задержался за колонной, принял застывшую позу стражника, надеясь, что на него не обратят внимания. Посейдон поднял скипетр — символ власти, данный первому правителю Атлантиды здесь, на востоке. Когда-то император Му вручал очередному правителю этот бронзовый трезубец. Шум в зале стих.

— Пусть приблизятся Двенадцать Дающих Законы! — В огромном зале голос Кроноса прозвучал резко, ему не хватало достоинства, к которому он, несомненно, стремился. Двенадцать человек заняли места по шесть с каждой стороны трона.

— Слушайте, люди Атлантиды! Такова воля Посейдона, любимого Ба-Алом. На третий день месяца убивающего ве-

тра, через двенадцать дней, флот Атлантиды выступит к земле, которая ложно называется матерью. Му, наш угнетатель, подчинится огню и мечам. Так сказано и так будет записано...

Двенадцать подняли руки.

— Такова ли ваша воля, представители провинций? — спросил Кронос.

— Да, Грозный, — ответили все как один.

— Да будет так. И слово закона не может быть изменено. Все в зале пропели в один голос:

— Таков закон, и слово закона не может быть изменено.

Кронос чуть склонился вперед. Облизал бледным языком выпяченные губы, словно готовясь насладиться новым изысканным блюдом.

— Приведите мурийских крыс, которые уже попали в наши сети!

Рей видел, как из противоположного конца зала вышел отряд. Между солдатами шли десять человек, закованных в цепи. Пленники с трудом держались на ногах. Они были выпачканы какой-то зеленой слизью и шли, помогая друг другу. Но когда их поставили перед Кроносом, они не приветствовали его и держали головы высоко поднятыми, насколько могли.

— У вас как будто еще сохранился дух и силы. Наверное, наше гостеприимство было слишком щедрым, — усмехнулся Кронос.

Один из пленников ответил хрипло и с трудом:

— Что тебе нужно от нас, ложный повелитель?

— Может, пора сказать не «ложный», а «истинный» и сменить службу?

Рей знал, что это не настоящее предложение, а грубая насмешка. Но муриец покачал головой.

— Мы предлагаем свободу и честь всем, кто присоединится к нам, — с улыбкой продолжал Кронос.

— Честь? — Ответ мурийца прозвучал резко.

Щеки Посейдона побелели.

— Вот как. — Теперь злоба в его голосе слышалась отчетливо. Он долго молчал. Магос потянул его за рукав. И Кронос кивнул Красной Мантии.

— А, Магос. Да-да, помню. Тебе нужны люди для лабораторий, верно?

Рей услышал короткий приглушенный возглас одного из пленников. Остальные молчали.

— Магосу и Ба-Алу нужны люди, сильные люди. Можешь получить их, Магос. Они как будто сильны, так как им хватает духа так стоять перед нами. Может быть, я приду взглянуть, как ты их используешь. Мне говорили, это любопытно.

Теперь Рей знал, зачем послала его сюда эта несгибаемая воля. Но может ли он — один человек — совершить такое? Пока нужно наблюдать и ждать, быть готовым использовать малейшую возможность. Его ли это мысль или опять действует чужая воля? Слишком рискованно полагаться на случай...

Пора! Они идут сюда. Он стоял неподвижно как статуя в тени колонны и смотрел, как проходят пленники и стража. Потом воспользовался возможностью и пошел в хвосте отряда. Окружающие ничего не заподозрили. Они ждут побега пленников, а не помощи извне в самом сердце дворца Кроноса.

Вверх по лестнице... Да, этот путь ведет в крыло, в котором расположена его комната. Он быстро поднялся, вошел в комнату и оставил дверь приоткрытой. Отсюда ему видно продвижение отряда в дальнем конце коридора. Вот... они помещают пленников... снаружи часовой...

Рей стащил покрывало с койки и подождал, пока стражники пройдут мимо. Потом выскользнул из двери и добрался до следующей ниши. Достал из сумки на поясе две квадратные металлические монеты, какими его снабдили, и бросил на пол. Они с громким звоном ударились об пол, и часовой подошел посмотреть.

Американец ударил его ребром ладони в горло между нагрудной броней и шлемом. Подхватил атланта, прежде чем тот упал, и беззвучно опустил на пол. Накрыл неподвижное тело покрывалом и втащил в свою комнату сверток с потерявшим сознание человеком. Потом подошел к двери, которую охранял часовой, и открыл наружный замок. Предводитель мурийцев, тот, что говорил с Кроносом, взглянул на него.

— Что... кто ты?..

— Пошли! — Рей занялся цепями, используя ключ, снятый с пояса часового. Но муриец отшатнулся от него.

— Ложная надежда... новая попытка. Не поддавайтесь, друзья...

— Я вас освобождаю... — раздраженно сказал Рей. — Нужно действовать быстро, сейчас не время для споров.

— Кто ты?

— Я из Му.

— Легко сказать, но трудно доказать.

— Может, решишься довериться мне или подождешь удовольствий Магоса? — спросил Рей. — Раздумывать некогда...

— Он прав, — сказал один из пленников. — У нас будут свободны руки, мы уйдем из этой комнаты и постараемся, чтобы нас захватили только мертвыми. Для меня такой надежды достаточно!

— Это наша единственная надежда. Даже если доберемся до гавани, там нет корабля. А уходить в глубь суши глупо...

Рей вспомнил о Тауте. Непрочная надежда, но это все, что у него есть.

— Возможно, и корабль есть. Но идемте!

Они вышли в коридор. Предводитель мурийцев остановился и поднял меч, который выронил часового.

— Знает ли кто-нибудь этот дворец? — спросил Рей. — Я только сегодня появился здесь...

Один из пленников вышел вперед.

— Меня присылали сюда раньше, но Магос меня не использовал. — Он не мог сдержать дрожь худого тела. — Могу провести к выходу.

— Тогда пошли!

Но шли они медленно, постоянно прислушиваясь. Проводник не пошел по лестнице, по которой раньше спустился Рей, а провел в боковой зал и дальше по более узкому спуску, неожиданно остановившись возле двери.

— Караульная стражников, которые служат Магосу, — прошептал он. — Там, возможно, есть оружие...

Рей протиснулся мимо мурийцев. Он выглядит как один из дворцовых стражников и может войти без задержки. Он открыл дверь. На него удивленно взглянули три человека.

— Вы! — Рей постарался говорить властно. — Вставайте! Мурийские пленники сбежали!

Двое стражников продолжали смотреть на него. Третий вскочил.

— Как?

Рей нетерпеливо ответил:

— Откуда мне знать? Приказ всем искать их.

Но стражник настороженно следил за ним.

— Тревоги не было...

— Еще не успели. И неужели нужно предупреждать их о погоне? Пошли...

Двое, те, что ничего не спросили, послушно направились к двери, а третий повернулся и протянул руку к молоту у гонга. Но Рей ударил его раньше, резко и точно, как и раньше, вверху. Не стал ждать, когда жертва упадет, а пнул ближайшего стражника, свалив его с ног, в то же время заметив, как муриец мечом прикончил того, что успел дойти до двери. Секунду спустя все мурийцы оказались в помещении и принялись снимать со стражников оружие и одежду. Нашли и другое вооружение, наверное, принадлежавшее свободным от вахты солдатам, и вскоре больше половины мурийцев переоделись в мундиры стражи.

Когда они были готовы, Рей заговорил:

— Слушайте меня внимательно. Я командую отрядом. Мы доставляем рабов на корабль в гавани. Но у нас еще одно поручение — арестовать капитана Таута с рейдера из Северного моря, которого подозревают в измене. Вы пленники, — кивнул он тем, кто остался в прежней одежде. — Сможете выдержать это?

— Лорд, выдержим! — В ответе звучала свирепая решимость. Плохо придется тем, кто сегодня встанет у них на пути. Рей сорвал гонг, подающий тревогу, и прихватил его с собой. Двух потерявших сознание стражников связали и сунули под стол, а мертвеца спрятали за дверью, где его трудно было увидеть.

Потом построились в коридоре. Рей был поражен. Эти люди были совсем не похожи на солдат Кроноса, но неожиданно они ими стали! Длинные волосы убрали под шлемы, отрепья

сменили на мундиры, а в полутьме лица их было трудно разглядеть. Шли они как обученные солдаты.

С возрожденной уверенностью Рей отдал приказ выступить. Между стражниками шли теперь четыре пленника, держа за спиной руки, так, что они казались связанными. Отряд вышел во двор и здесь впервые встретился с часовыми. «Веди себя уверенно, по крайней мере внешне», — приказал себе Рей.

— Кто идет? — спросил стражник у ворот, к которым Рей подвел свой отряд. Это не главный вход во дворец, а боковой; муриец-проводник предложил воспользоваться им.

— Командир Сидик по приказу Посейдона, — ответил Рей. Во рту у него пересохло, так, что трудно даже стало говорить, и слова его звучали хрипло и низко. Наверное, так было больше похоже на речь атлантов, хотя Рею показалось, что слышны и удары его сердца.

— Куда?

— На пристань. Мне повторять приказы на ветер? — Он позволил себе легкий приступ гнева, почти уверенный, что здесь их везение кончится. Придется сражаться. Но часовой знаком велел им проходить.

Они быстро зашагали. Рею хотелось перейти на бег. Он в любую минуту ожидал услышать сзади окрик или удар гонга. Гонг, который он прихватил из караульного помещения, полетел в ближайший куст.

Они на городских улицах. Ночь, и потому улицы пусты. Но им предстоит еще миновать пять стен и пересечь три канала. Глупо ожидать, что им будет и дальше так поразительно везти. Он сказал об этом мурийцам.

— Вот в чем дело, — заметил их предводитель. — Они ждут неприятностей снаружи, а не изнутри, и если во дворце не поднимут тревогу... Ну, — он пожал плечами, — мы можем только попытаться.

Они пошли дальше, миновали разрушенный храм Пламени, вышли на нижние улицы и наконец оказались перед первыми воротами в стене. Рей подошел к часовым.

— Кто идет?

Рей почувствовал, что они не насторожены и не удивились, увидев отряд.

— Командир Сидик по приказу Посейдона.

— И каков твой приказ, командир? — По-прежнему ни следа тревоги, ни признака, что это не обычные вопросы стражи у ворот.

— Доставить рабов-гребцов в гавань. И арестовать капитана рейдера... — Ему самому этот блеф показался слабым.

— У тебя есть письменный приказ, командир?

Вот оно! Рей подошел на шаг ближе.

— Конечно. Хочешь взглянуть? Вот... — Он подошел еще на шаг, будто к свету, и протянул руку. Офицер двинулся ему навстречу. Рей ударил другой рукой, подхватил падающего человека и развернул его. К горлу атланта был приставлен кинжал с пояса Рея.

— Вы... — начал он, обращаясь к остальным стражникам.

— Давайте! — услышал он негромкий приказ предводителя мурийцев. Люди из отряда набросились на стражников. Те были сметены, лишь один успел сдавленно крикнуть. Муриец отдал приказ, и упавших оттащили с дороги. Он повернулся к Рею.

— Тебе он нужен?

— Он может послужить ключом к нашему выходу.

Муриец поднял опущенную голову офицера.

— Он без сознания...

— Придет в себя, — ответил Рей. — Но пошли дальше...

Они прошли в ворота, закрыли их за собой и заклинили. Рей несильно ударил офицера по лицу, а один из мурийцев принес из караульной воды и плеснул на атланта. Тот ахнул, открыл глаза. Рей зажал ему рукой рот, чтобы он не смог крикнуть. И снова прикоснулся кинжалом к его горлу.

— Ты пойдешь с нами, — медленно, чтобы тот понял каждое слово, сказал он, — и будешь делать то, что я скажу. Тогда будешь жить. Но если не послушаешься — что бы с нами ни случилось, ты об этом не узнаешь. Понятно?

Тот кивнул.

— Давай. — Рей опустил руку и развернул атланта так, что они стояли теперь рядом. Но предводитель мурийцев встал сзади и прижал меч к спине пленника.

— Пошли, — приказал Рей.

И они пошли ко вторым воротам, а по пути Рей шепотом отдавал приказ пленнику. Послушается ли тот, это еще предстояло узнать. Но Рей не сомневался: атлант понимает, что имеет дело с людьми, которые выполняют свою угрозу.

— Кто идет? — слышался вопрос от вторых ворот.

Пленник откашлялся и ответил:

— Командир Ву-Хан. По приказу... провести этого командира с его отрядом в гавань.

Наступила тишина, Рей услышал легкий звук и почувствовал движение Ву-Хана, к телу которого сильнее прижали острие меча.

Если у часового и возникли сомнения, он их не высказал. Возможно, Ву-Хан действительно окажется ключом. Но, проходя через вторые ворота, Рей знал, что сможет вздохнуть свободнее, только когда они окажутся в гавани.

Третьи ворота, первый мост, мурийцы идут строем, Ву-Хан исполняет предназначенную ему роль. Четвертые ворота, еще один мост. Слишком хорошо, все идет слишком хорошо. Внутри Рея звучит сигнал тревоги. Кто мог подумать, что им это удастся?

Последний мост, а за ним — последние ворота. По-прежнему никакой тревоги, при помощи Ву-Хана они проходят свободно. Но правильно, что они не слишком понадеялись на удачу, потому что на середине узкого моста над мутным каналом атлант неожиданно навалился всей тяжестью на Рея, одновременно закричав. Американец получил предупреждение только потому, что они шли рядом и он почувствовал, как напряглось тело офицера. Рей бросился вперед, и атлант, вместо того чтобы сбросить его в воду, сам с криком упал туда. Предводитель мурийцев, перескочив через Рея, побежал к воротам, сзади слышался крик, мост дрожал. Часовые у ворот поднимают мост, раздавят беглецов между ним и опускающей решеткой.

Рей встал на четвереньки, подниматься на ноги у него не было времени. Кто-то потащил его за плечи, и он оказался у разрыва в мосту, который уже начали поднимать. Но половина отряда уже миновала это место и сражалась у ворот, и только поэтому остальные сумели перепрыгнуть с дрожащего конца моста на безопасную площадку. Мосты предназначались для того, чтобы остановить нападающих, а не как препятствие для беглецов, у ворот был карниз. На него они и прыгнули.

Они пробились через ворота и только тут услышали сигнал тревоги. Оказавшись на темной дороге, они побежали.

— Куда теперь? — спросил предводитель мурийцев.

— Все умеют плавать?

В темноте послышался смех.

— Мы все с флота.

— Тогда к морю.

Они бежали, придерживаясь теней, пробегали мимо груд ящиков и корзин на пристани. Рей остановился, осматриваясь. На пути отсюда он запомнил для приметы корабль флота, который должен помочь ему найти стоянку Таута.

— Стража!

Ему не нужно было это предупреждение, он сам услышал тяжелый топот и крики.

— К воде...

Все сбросили доспехи. Те, кто выдавал себя за рабов, уже нырнули и плескались в воде, поджидая остальных. Море было холодное; Рей охнул, погрузившись в воду. Потом поплыл, зная, что мурийцы последуют за ним. Но он совсем застыл, когда добрался до веревки, свисавшей с борта корабля. На мгновение замер, потому что каждое движение давалось с трудом и потому, что надеялся получить сигнал сверху от дежурного. Но ждать этого слишком опасно. Придется действовать так же безрассудно, как всю эту ночь. Он поднялся, осторожно перебрался через поручень и ступил на палубу.

— Стой спокойно, приятель! — Фонарь осветил обнаженное лезвие и темную фигуру, державшую его.

Рей узнал этот голос.

— Капитан Таут!

— Глубоководная змея! Похоже, Сидик из Уйгура... — слышалось в ответ, но лезвие не исчезло, оно по-прежнему готово было нанести удар.

— Явился по твоему приглашению, капитан...

— Вместе с целой сворой, — фыркнул Таут. — А еще что? Даже сюда доносился шум в гавани.

— Что за змеиное яйцо ты тронул, человек из Уйгура, и какое мне до этого дело?

— Какое дело, не знаю, — так же резко ответил Рей. — Но ты сам предложил мне убежище. Можешь отправить нас... или некоторых из нас... назад в руки стражи Кроноса. Но предупреждаю тебя: это будет нелегко. Или... — он помолчал, прежде чем выстрелить вслепую... — или можешь дожить до того, когда поведешь своих людей во дворец Посейдона с обнаженной сталью в руках.

— Так. У тебя готов план, и ты хочешь, чтобы рейдеры выполнили грязную работу. Вы... кто вы такие, что являетесь ко мне на палубу без спроса и приглашения? — ворчал он, встречая поднимающихся из воды мурийцев. Те построились за Ре-ем, у всех в руках были мечи, которые они не бросили и в воде.

— Грязная работа, как ты говоришь, капитан, уже сделана. Помоги мне, и у тебя будет могучий союзник...

— Му. — Это было утверждение, а не вопрос. — И что предложит мне Му за то, что я потащусь за полмира?

— Включение в ее армию, прощение всех прошлых грехов, возможность разбогатеть в Атлантиде...

— У тебя есть полномочия на все это? — прервал его Таут. Рей достал из-под одежды браслет.

— Возьми это. Вместе с этими людьми плыви в Майакс. Ты увидишь, что будет выполнено все, что я обещал.

— Ты очень уверен в себе..

— И в тебе! — смело ответил Рей. Настало время, когда нужно пользоваться самыми невероятными возможностями, других все равно нет.

Он увидел отблеск на лезвии. Капитан сунул оружие в ножны. И американец услышал, как Таут рассмеялся.

— Клянусь железными когтями Ба-Ала, если ты сумел вывести ночью десять мурийцев из города, я сумею вывезти их из гавани. И, если позволит бог моря, твои люди вступятся за меня в Майаксе, чтобы нас не затопили недруги.

— Вступятся.

— А ты?

Рей потер рукой лоб. Он чувствовал не боль. Знание, холодное и четкое. Он не может вырваться вместе с Таутом на свободу. Та воля, что привела его в Атлантиду, еще не отпускает.

— Я еще не кончил здесь свои дела, — медленно сказал он, зная, что говорит правду.

— Но ты возвращаешься на верную смерть, — возразил офицер-муриец.

— У меня нет выбора. — Голос Рея звучал уныло. — Когда вернетесь к матери-земле — если вернетесь, передайте, что они подготовили правильное оружие для защиты.

— Если ты должен остаться, — вмешался Таут, — иди к парусному мастеру. Его мастерская возле винной лавки в конце третьей верфи. Назови ему мое имя. Может, получишь помощь.

— Мы вернемся с тобой... — начал один из мурийцев.

Рей покачал головой.

— Му пригодятся десять мечей и люди, владеющие ими. Вы теперь знаете город и его защиту.

— Это верно, хотя признавать трудно, — согласился офицер. — Но помни: когда вернешься к Солнцу, у твоего знамени тебя будут ждать десять верных бойцов, лорд. И пусть Пламя озарит твою тропу!

Рей повернулся к лестнице, ему хотелось побыстрее уйти, хотя на этот раз он, возможно, шел прямо в руки Ба-Ала.

Глава 13

Рей вцепился в сваю под пристанью. Он слышал голоса, хотя слов различить не мог. И знал, что охота началась. Из укрытия ему не виден рейдер. Сможет ли Таут выйти в море? Ему придется пройти сквозь весь флот. Будет ли он пытаться?

Слишком легко перешел он на сторону Му, и это вызывало у Рея подозрения. Может, он просто дождался ухода американца, а теперь призовет стражу и сдаст ей мурийских пленников? Но если таков его план, зачем он дал уйти Рею? За него он получил бы еще большую награду.

Но могут решить, что он приведет к другим контактам с мурийцами в городе, и захотят выследить его... Однако ведь сам Таут дал ему связь. Впрочем, у этого парусного мастера его может поджидать стража...

Он плотнее втиснулся в узкую щель, но продолжал дрожать, и не только от холода и промокшей одежды. Почему он вернулся? Что послало его? Превращая его в Сидика, ему каким-то образом внедрили в сознание приказы. И он не понимает цели этих приказов...

Движение над головой прекратилось. Должно быть, начали поиски в другом месте. Рей поплыл назад — не к тому началу, с которого они уходили, а к другому, немного западнее. Но куда теперь идти? Пытаться вернуться в город все равно что подойти к ближайшему стражнику с поднятыми руками. А он так устал, что хочется только заползти в какой-нибудь темный угол и, может быть, немного поспать.

Здесь слишком стеснительные условия. Рей сомневался, что сможет уйти, если на него внезапно нападут. Лучше выйти на открытое место, где у него, возможно, будет шанс. Он неуклюже передвинулся вдоль одной из верхних балок, перешел к другой, выбираясь на поверхность, а вода вокруг него лениво плескалась. Он часто останавливался и прислушивался к шуму наверху или к звукам весел в гавани.

Подождав немного, он наконец выбрался на пристань. Тут лежали груды тюков, и он пробрался к ним и втиснулся в щель между двумя грудями. Они защищали от ветра, но Рей все равно дрожал. Должно быть, он задремал, не сознавая этого, потому что увидел в щели между тюками не тьму, а серость, и услышал шаги. Утро? Идут портовые рабочие?

Рей выбрался из убежища со стороны моря, готовый нырнуть в маслянистую воду, если потребуется. Впервые он оглядел себя, пытаясь определить, какое впечатление будет производить, если выйдет.

Когда они прыгали в воду, он оставил на берегу юбочку, шлем и латы стражника. Теперь на нем только нижняя рубашка, но такая грязная от пребывания в не слишком чистой воде гавани, что напоминает рабочую одежду. Сапоги... Он хмуро взглянул на них. Нет, от них отказаться он не может. Может быть, они не похожи на военные.

В качестве оружия у него только кинжал и две руки. Он оценивающе посмотрел на них. В стране, в которой неизвестны те виды единоборств, каким он научился в своем мире, руки служат лучшим оружием защиты, чем сталь. Он потерял их о грязную одежду.

Он голоден, в животе ноющая боль. Облизнув соль с губ, Рей постарался не думать о еде.

— Подставляй спину, медуза! Думаешь, груз можно сдвинуть взглядом?

Крик сопровождался шелканьем кнута. Рей вздрогнул, готовый прыгнуть в пенистую воду. Но вместо этого пробрался к краю тюков и выглянул. В сопровождении надсмотрщика с бичом по гавани шла группа рабочих. Вероятно, рабы, подумал Рей. Если не считать того, что на них веревочные сандалии, а на нем сапоги, разницы между ним и этими сумрачными сутулыми работниками нет.

Если он присоединится к этой группе, заметят ли его? Возможно, надсмотрщик внимательно следит за рабами и так же быстро заметит, что один лишний, как заметил бы отсутствующего. Лучше не пробовать.

Рей добрался до конца пристани и нашел место, откуда можно было выбраться на набережную. Тут лежала груда ящиков, которые грузили в повозки, и длинная цепь грузчиков ждала своей очереди. Рей подождал в тени и увидел худого человека с лицом, наполовину скрытым растрепанной бородой. Одетый в рваную тунику, он тоже старался не попасться на глаза надсмотрщику; взгляд его метался между ящиками и тем, кто присматривал за погрузкой. Но человек быстро встал в хвост очереди и вскоре подошел, чтобы взять ящик. Однако не пошел за предыдущим, а побежал в сторону с ящиком в руках.

Рей воспользовался возможностью, которую давал ему этот отчаянный поступок.

— Вор! Держи вора! — Американец не знал, так ли полагается кричать в подобных обстоятельствах. Но в ответ услышал крик надсмотрщика. Несколько человек бросили свой груз и побежали за воров. Рей присоединился к ним, будто бы догоняя бегущего, который метался между повозками и грузчиками. Потом увидел дверной проход и нырнул в его тень. Дверь подалась, когда он оперся на нее, и пропустила его.

Здесь было темнее, чем ранним утром снаружи. Много дурных запахов, но пахло и едой, и у Рея свело живот. Он шел неслышно, задерживаясь на секунду у каждого дверного занавеса. Слышались негромкие звуки, шорохи, скрипы — достаточно, чтобы понять, что дом обитаем. Но Рей дошел до конца коридора, никого не увидев. Здесь оказалась еще одна дверь с наружным затвором. Он осторожно отодвинул его.

За ней тянулся узкий переулок, усыпанный мусором. Рей осмотрел его справа налево. Человечество за столетия не меняется. Это может быть задний двор любых трущоб. Некоторые запахи слегка экзотичны для его времени — вот и вся разница.

В переулок выходит множество окон. Но заинтересуется ли им тот, кто выглянет?.. В таком районе люди занимаются своими делами, ничего не видят, ничего не слышат, если это их не касается.

Пробираясь сквозь груды мусора и отбросов, Рей уже почти достиг конца переулочка и вдруг застыл на месте. Стон? Кажется, это стон. И слышится он из-за той гнилой корзины, полной мусора. Рей прижался к стене и пнул груды разлагающихся отбросов.

У него были только одна-две секунды, чтобы пожалеть о своей глупости. Из-за корзины на него набросился человек с ножом в руке, блеснувшим ярко, как солнце. Хорошо подготовленный к таким внезапным нападениям, Рей уклонился. Рука его сомкнулась вокруг запястья, нож отлетел к стене, но чуть с опозданием.

Рей прижал руку к боку. Нож попал не в сердце, но просто потому, что ему повезло. Он чувствовал, как теплая кровь

течет по рубашке. Однако серьезна ли рана, осмотреть не решился. Не болит пока, и то хорошо.

Он наклонился и подобрал нож, который выронил противник. Держа его в руке наготове, ногой толкнул расслабленное тело. Должно быть, нападавший ударился головой о стену...

Тело перевернулась, но голова двигалась странно, она легла под необычным углом к плечам. У Рея перехватило дыхание. Умер, подумал он. Сломана шея. Атлант молод, почти мальчик, очень худ, кости отчетливо проступают под желтой прыщавой кожей. Одежда у него лучше, чем у рабочих в гавани, и пояс с серебряными пряжками. А на нем сумка.

На пальцах два кольца и серьга в ухе. Вор... вероятно, удачливый. Может, этот трюк не раз срабатывал в прошлом. Стон, словно он сам жертва нападения, привлекает внимание тех, кто не заботится только о своих делах. И можно уходить с добычей, доставшейся от слишком любопытного или глупого зеваки.

Рей крепче прижал руку к боку. Рана начала жечь. А ему нельзя допускать, чтобы даже легкая рана осталась необработанной. Прислонившись к стене, он осмотрел порез. Ему показалось, что он неглубокий, скорее царапина, чем настоящая рана. Но ему нельзя терять кровь, чтобы не ослабеть и не привлекать внимания темными пятнами на и без того грязной одежде.

А это не оставляет ему выбора. И он принялся за работу.

Немного погодя он вышел из переулка с большей уверенностью, чем входил в него. Сапоги, которые могли его выдать, исчезли. На нем теперь коричневая одежда мертвого вора, а под ней рана плотно перевязана обрывком рубашки. Обувь, похожая на мокасины, чуть велика, но это лучше, чем если бы она была мала. И еще у него сумка с серебряными монетами. Больше ничего не связывает его с Сидиком из Уйгура.

Топот ног сзади... Рей заметил, что прохожие оглядываются, некоторые скрылись в дверях. Он решил, что благоразумнее последовать их примеру, и не допустил ошибки, оглядываясь через плечо, — увидеть, от кого все прячутся.

Судьба и нос привели его в какое-то заведение вроде таверны. В ней пахло кислым вином и едой. Раньше смесь этих

запахов могла бы вызвать у Рея отвращение, теперь ему просто хотелось есть. Из таверны видна улица. По ней прошел отряд солдат, они остановились у входа, и Рей понял, что на этот раз судьба подвела его. Придется подвергнуться проверке. Он осмотрелся.

Три стола со скамьями по обе стороны. И дверь, ведущая в другую комнату или комнаты, откуда доносится запах пищи. В таверне два посетителя. Один выглядит так, будто провёл здесь всю ночь. Он положил голову на руки и спит на столе. Слышен его громкий храп. Видно, осушил слишком много стаканов, таких, как тот, что стоит перевернутый вверх дном с ним рядом. Пальцы одной руки все еще расслабленно лежат на стакане.

Второй сидит за другим столом лицом к Рею. На нем такая же куртка в пятнах от соленой воды, какая была на Рее, когда он играл роль Сидика, и он жадно ест. Набирает ложкой подливку и откусывает большие куски от ломтя хлеба, который держит в левой руке. Но Рей заметил, как он бросил быстрый взгляд на солдат снаружи, и решил, что посетитель не так заинтересован в еде, как старается показать.

Из внутренних помещений вышла женщина. Волосы у нее перевязаны кожаными ремешками и собраны на голове в нелепом подобии сложных причесок, которые Рей видел у женщин при дворе Посейдона. Платье без рукавов, с кружевами спереди, мешком висело на ее костлявой фигуре, доходя до середины икр. Когда-то оно было ярко-оранжевым, но теперь от грязи стало неопределенного цвета. Ее лицо, жирное и распухшее, не соответствовало худому телу. На руках, ниже плеч, блестели широкие медные браслеты, в одну ноздрю был вставлен позолоченный гвоздь.

Она оперлась кулаками на стол перед Реем, наклонилась к нему и спросила:

— Что закажешь? — Говорила она, завывая, и Рей едва догадался, что она говорит, так сливались у нее слова.

— Еду... вино... — Он не знает, какие блюда можно заказывать в таком заведении. Рей показал на другого обедающего. — То же, что у него. Если готово.

Ее хмыканье можно было принять и за согласие, и за отрицание. Однако она повернулась и направилась внутрь. Но еще до того, как она успела подойти до двери, послышался резкий звук, и все повернулись к входу.

Там стоял командир отряда, за ним два солдата. У офицера был вид человека, который знает, что ему нечего опасаться сопротивления. Требуя внимания, он ударил мечом плашмя по ближайшему столу.

«Вот оно», — подумал Рей. Он измерил расстояние между собой и дверью во внутренние помещения, но на пути стояла женщина. К тому же он не был уверен, что там есть выход. Можно броситься туда и оказаться в ловушке.

Женщина тыльной стороной ладони обтерла губы. Потом улыбнулась.

— Вина для лордов?

— Не твое гнилое пойло, — ответил офицер. — Эй, ты... — Он указал на моряка. — Кто ты и откуда?

Тот проглотил пищу во рту.

— Риссак, помощник с «Морского коня». Я в этом порту бываю больше лет, чем у тебя растет волос на подбородке...

— Для слишком быстрых языков есть ответ — нож поперек языка, — ответил офицер, но не стал продолжать. — А ты... — Он уже повернулся к Рею.

— Ран-Син, — импровизировал Рей, — с севера.

— Встань! — приказал офицер.

Рей встал. Допустим, он перевернет стол — сможет ли он выбраться на улицу? Едва ли, там ждут солдаты, они, несомненно, готовы остановить всякого сомнительного посетителя, который попытается скрыться.

Но, к его удивлению, офицер не приказал схватить его. Он осмотрел американца с ног до головы, потом снова с головы до ног. Возможно... этим группам дали его описание, и смена одежды теперь сыграет на руку Рею.

— А этот? — Один из солдат указал на храпящего.

Офицер нетерпеливо покачал головой.

— Ничего похожего...

Итак, подумал Рей, он прав. У них есть его описание. И, похоже, этот офицер принимает во внимание только то, что

говорится в официальных бумагах. Но откуда они знают, думал Рей, глядя вслед уходящим солдатам, кого надо искать? Если капитан Таут выполнил свою часть договора, неужели они считают, что не все сбежали или что не все на рейдере, пытающемся уйти в Северное море?

С другой стороны, капитан мог обмануть его, и это вполне вероятно. Или Таут потерпел неудачу, его корабль захвачен и пленники на допросе сообщили, что Рей остался в районе набережной. Ему следует считать, что произошло худшее.

Но что ему остается делать? Воля, руководящая им, больше никаких приказов не давала. Зачем этот невидимый и неслышимый контролер, очевидно, помещенный так глубоко, что с ним невозможно бороться, зачем он вернул Рея назад? Наверное, для чего-то большего, чем игра в кошки-мышки с солдатами Посейдона. В этом Рей был уверен.

Женщина ушла на кухню и вернулась с подносом. На нем стояли миска с тушеным мясом и куском хлеба и графин со скверно пахнувшей жидкостью, которая в этом заведении, видимо, выдается за вино.

Рей достал монету из сумки вора и увидел, что женщина широко раскрыла глаза. Слишком много, сказал он себе. И не пустил монету по столу, как вначале собирался, а зажал в пальцах, так что остался виден только ее край.

Она улыбнулась с тем же заискивающим выражением, с каким смотрела на офицера.

— Тебе нужно еще что-то, милорд?

— Комната... где человек может спокойно отдохнуть...

— Отдохнуть... — повторила она. — О, мы найдем тебе такую. — Глаза ее переместились с монеты на его лицо. Потом она указала подбородком. — Туда и вверх по лестнице. — Она показывала на внутреннюю дверь. — Заходи в комнату с синим занавесом.

Рей выпустил монету. Женщина ладонью прижала ее к столу и спрятала в складках одежды. А Рей прихватил поднос и пошел, стараясь идти не слишком быстро, чтобы не вызвать подозрения.

Комната за синим занавесом находилась на втором этаже, к ней вела крутая лестница. Из кухни двое смотрели, как он

поднимается: еще одна женщина, постарше и еще менее приятной наружности, чем карга-официантка, и горбатый мужчина, который резал какие-то овощи и так наклонялся во время работы, что едва не задевал ножом за подбородок.

За синим занавесом оказалась крохотная каморка. Ни стола, ни стула, только кровать, точнее, просто матрац, приподнятый на четырех ножках над грязным полом, и полка с кувшином у стены. Но было окно со ставнями, сейчас закрытыми. Рей поставил поднос на полку и подошел к окну. Оно не поддавалось его усилиям, но он поработал кинжалом, распахнул ставни и открыл окно.

В нескольких футах глухая каменная стена, вероятно, соседнего здания. Рей посмотрел вниз. Узкий проход между двумя стенами заполнен мусором, предательская западня ждет любого, кто попытается быстро уйти отсюда. Но с открытым окном Рей почувствовал себя спокойнее.

Он сел на край грязного и дурно пахнущего матраца и принялся есть. У еды оказался странный вкус, она была горячей и сильно наперченной, вероятно, для того чтобы заставить посетителей заказывать больше выпивки. Но голод утоляла, и Рей съел все до последней крошки и подобрал остатки хлебной коркой.

Потом прислонился спиной к стене и задумался. Во время разговора с Кроносом внушенная ему воля взяла верх и диктовала ответы. Он остро это ощущал. Он был уверен также, что не сам по себе освободил мурийцев, хотя способ осуществления этой задачи ему предоставлялось найти самому. Итак, оба эти происшествия — причина его пребывания здесь. Но что еще он должен сделать? И долго ли сможет скрываться, дожидаясь, пока его снова призовут к выполнению своих обязанностей? Негодование, что его так используют, перестало быть просто горячим и мимолетным, оно превратилось в неяркий, но жгучий огонь. Но он должен сдерживаться, пока не увидит пославших его. Гнев ослепляет, и человек может легко допустить ошибку.

Рей пристально посмотрел через окно на стену.

«Ну хорошо. — Он подбирал слова, но не произносил их вслух. — Я здесь. Жду. Если буду ждать долго, мне конец, и

то, чего вы ждете от меня, не будет сделано. Кто бы вы ни были, намекните, что вам от меня нужно?»

Он пытался думать об этом, посылать беззвучный призыв, словно мог преодолеть три океана и добраться до мозга наакала — или Ре Му. Или того, кто внедрил в него эту зависимость.

Ему показалось, что камни стены потемнели. Деревья! Рей закрыл глаза, потом снова медленно открыл. Он словно смотрел через перевернутый бинокль. Ряды деревьев, но крошечных. Однако мозг говорил ему, что на самом деле они огромны...

Нет! Это не ответ — не деревья! Он плотно закрыл глаза. Деревья тут ни при чем. Он не станет смотреть на них, думать о них...

«Давайте! — Он думал о внушенной ему воле, словно о радиопередатчике, работающем на уходящей волне, так что ловить ее можно только время от времени. Опустил голову на руки, глаза его оставались закрытыми. — Давайте! — молил он. — Дайте знать, что мне делать! Дайте знать, пока не поздно!»

Фордхэм держал в руке полоску перфорированной бумаги. Итак, Бертон считает, что здесь ответ?

— Не мните, не сгибайтесь, не рвите, — процитировал Харгривз. — Вероятно, мы должны обратиться теперь к черной, белой, красной, зеленой или синей магии, но я отказываюсь признать, что человек способен до этого опуститься! Откровенно говоря, я в это не верю. Это... это просто неприлично!

— Не человек, нет... — поправил Бертон. — Мы запросили уравнение. С его помощью определенный тип мозга ответит на призыв. Ваш собственный компьютер выдал его нам. Точно так же, как раньше выдал уравнение для Атлантиды.

— Которое могло оказаться совершенно неверным! — вспыхнул Харгривз. — Все, что мы видели и записали, был лес, помните? Я поверю в Атлантиду, когда увижу более веские доказательства.

— Ну хорошо, никто ведь и не настаивает, что это действительно была Атлантида, — возразил Фордхэм. — Но доктор Бертон прав. Мы ввели данные, получили уравнение, ис-

пользовали его, а результатом было то, что вы сами видели, то, что мы записали. И потеряли там человека. Логично считать, что он не остался на месте. И если это сработает...

— *Если* сработает, — подчеркнул Харгривз.

Фордхэм провел рукой по лицу. Он устал, так устал, что трудно сделать даже малейшее движение. Когда он в последний раз высыпался? Он не смог вспомнить.

— Это не все, что нам нужно, — вмешался Бертон. — Вы должны это понять. У нас есть данные из его армейского досье, отчеты людей, знавших его, медицинские сведения и прочее. Я совсем не уверен, что получится, но нужно попробовать. Чтобы действовать увереннее, нужны были бы карты его поведения, гораздо больше отчетов хотя бы за двухлетний период...

— Но поскольку у нас этого нет, — устало сказал Фордхэм, — попробуем так. Чудеса случаются...

Харгривз пожал плечами.

— Я начинаю думать, что прав был генерал Колфакс. Послать поисковую группу...

— И потерять и ее тоже? — спросил Фордхэм. — Нет, пока существует другая возможность. — Он снова взглянул на полосу бумаги. По мнению компьютера, это уравнение и есть человек — живой, дышащий, ходящий, разговаривающий, думающий, ненавидящий, любящий человек. Так ли это? Они так и не узнают, если выстрел наудачу не попадет в цель и Рей Осборн выйдет из леса гигантских деревьев, вернется в свой мир в ответ на призыв экспериментальной установки.

Глава 14

Опасность? Рей поднял голову, внимательно прислушался. Из коридора не слышно ни звука. Рей встал, неслышно пошел к окну и выглянул в узкий проход. Никого. Но у него было такое ощущение, будто его внимательно разглядывают. Если он повернет голову, то увидит человека в углу комнаты.

И одновременно пришло лихорадочное стремление окатиться под открытым небом. Он не мог ему сопротивляться.

Стены вокруг словно сдвинулись, отрезали воздух. Над всем нависла угроза, какую ощущаешь в кошмаре. Не забывая об осторожности, Рей понимал, что не может больше оставаться в этом временном убежище, что его вытряхивают отсюда, как он сам вытряхнул бы испуганного зверька из корзины.

Но это не то принуждение, которое заставило его остаться в порту. Он уверен, что это действует враг. И все же не может сопротивляться.

Ну ладно, он уйдет отсюда. Иначе, — Рей облизал губы, — если давление будет возрастать, он просто закричит, выдаст себя и враги его схватят.

Подчиниться принуждению — так он может сохранить хотя бы частично собственную волю. А пока она у него есть, он будет сражаться, уклоняться, бежать! Если бы только он знал, зачем его оставили здесь, у него были бы цель и причина держаться.

Капитан Таут упомянул парусного мастера. Нужно ли идти к нему? У Рея нет причин верить в добрую волю капитана рейдера. Но это все, что у него есть, — тень надежды.

Он резко повернулся и прижал руку к боку. Поморщился от боли. Оказавшись один в комнате, он осмотрел рану. Она подсыхала. Рана чистая, и заживление уже началось.

Рей снова подошел к окну и осмотрел проход внизу. Высунувшись, но так, чтобы не потерять равновесия, он увидел, что слева, к фасаду таверны, выхода на улицу нет, там высокий забор и тупик. Он посмотрел в другую сторону — да, вероятно, выход там. Быстро сняв покрывало с постели — он обнаружил, что оно единственное, — Рей привязал его к ножке. Получилась не очень длинная веревка, но этого достаточно, чтобы приземлиться благополучно. И вот он выбрался в окно и повис над отбросами. Выпустил веревку и упал, как его учили, свернувшись, чтобы не пораниться. Но на занятиях ему никогда не приходилось прыгать на свалку.

Пробив верхний слой мусора, американец с силой ударился обо что-то твердое. Несколько мгновений лежал, ощущая боль в боку и опасаясь обнаружить сломанные кости.

Наконец, все сильнее ощущая, что за ним охотятся, Рей выбрался из груды мусора. Одной рукой держась за стену,

чтобы не поскользнуться, он начал продвигаться к тыльной стороне таверны. Если шум от его падения и встревожил кого-то из обитателей, очевидно, они решили не интересоваться его причиной.

Узкий проход достиг конца здания, но справа по-прежнему тянулась стена из высоких прогнивших досок. Слева шла стена другого здания без окон. Доски забора сухие и непрочные, и Рей подумал, что смог бы проломить забор, но пока необходимости в таких решительных мерах нет.

Он перебрался через вонючую лужу и наконец оказался у края забора. Потребность попасть на свободу, иметь пространство для маневра настолько усилилась, что Рей забыл об осторожности, набросился на забор, бил ногами, рвал гнилые доски, пока не выбрался в переулок, очень похожий на тот, в котором встретился с вором.

Отряхнув прилипшую грязь, Рей посмотрел направо, потом налево в поисках безопасных путей. Если в этом лабиринте портовых трущоб вообще возможна безопасность.

Сориентировавшись, он понял, что парусная мастерская должна находиться слева. Впереди кто-то рылся в мусоре, переворачивал его длинной палкой и время от времени что-то укладывал в мешок, который тащил за собой. Рей видел только худые как палки руки, торчащие из тряпок, таких старых и грязных, что они утратили всякий цвет. Чем ближе подходил Рей к мусорщику, тем меньше тот походил на человека. Но когда Рей оказался на расстоянии длины палки, повернулся с невероятной для такого ходячего скелета скоростью, взмахнул этой палкой, чтобы сбить Рея с ног, высунул голову из лохмотьев и резко захихикал.

Тренированные рефлексy Рея снова спасли его. Он увернулся от удара. А мусорщик, потерявший равновесие, когда палка не коснулась Рея, отступил на шаг-два.

— Яаааххх! — Первая неудача не помешала ему напасть вторично. Рей не мог заставить себя приблизиться к этому существу. Это не человек, как тот вор, он настолько ниже человека, что внушает только отвращение.

Рей пнул мешок, в который существо собирало добычу, и опять уклонился. Размахивая палкой, мусорщик пошатнул-

ся, зацепился за мешок и упал с пронзительным криком. Рей убежал.

Он тяжело дышал, добежав до конца переулка. Переулок был узкий, едва ли шире его расставленных рук, и выходил на оживленную улицу. Здесь двигались тяжелые повозки, в порт они шли нагруженными, обратно — пустыми. Ими правят люди в форме, на некоторых повозках есть и дополнительная стража. Рей прислонился к стене, выбрав, как он надеялся, незаметное место в тени, смотрел вначале без интереса, потом, постепенно приходя в себя, с вниманием.

По-видимому, это военные припасы, их грузят на корабли флота. Подготовка к нападению на Майакс или Му. Наверное, вначале попытаются справиться с Майаксом, прежде чем примутся за Му. Но как надеется Кронос вовлечь в войну весь мир? Может, есть способ добраться до Му не с запада, а с востока? Полную карту этого мира Рей не видел. А где же Африка? Если этот материк существует, кто им владеет? Как мало полезного он знает!

Но он тут же забыл о возможных географических изменениях. Он ушел из таверны, избежал нападения мусорщика, но за ним продолжали наблюдать, и это заставило его двигаться.

Необычное поведение сразу привлечет внимание стражников на повозках. Рей пошел, держась поближе к стенам зданий. Он направился в сторону гавани. Если... если воля, держащая его здесь, пожелает его возвращения в город, может быть, ему помогут эти телеги. Он пытался незаметно осматривать их, искал возможности спрятаться на одной из возвращающихся.

Как будто такой возможности нет — во всяком случае, не днем. Рей дошел до перекрестка и оказался на широкой улице. Она словно хребет, а доки служат ребрами. Здесь повозки останавливались и ждали, Рей миновал их, стараясь идти спокойно, борясь со стремлением пригнуться, ожидая каждое мгновение крика и удара.

Переулок, по которому он прошел, тянулся вдоль гавани. И сейчас Рей приближался к ее западному концу. Он принялся отыскивать парусную мастерскую или винную лавку.

— Стой! — Прошло несколько мгновений, прежде чем Рей понял, что приказ этот не был произнесен вслух, а прозвенел у него в голове. И одновременно ощутил давление, заставляющее подчиниться.

— Иди! — Он остановился от удивления, так неожиданно, что прохожий налетел на него и отскочил с бранью. Рей не понял его слов.

— Иди! — Снова это принуждение, которому он должен подчиниться.

Рей отвернулся от ругающегося атланта. Он ничего не может сделать, он должен ответить на этот властный призыв. И это не призыв воли, которая удержала его здесь. Он подчинился призыву, а та, другая воля съежилась, сжалась. Словно два эти приказа не уживались в нем.

— Иди!

Куда идти? Сознание не знает этого, но тот, кто контролирует его тело, уверен в себе. Рей пошел на восток, не торопясь, спокойно, как шел раньше. Но не мог освободиться от принуждения, заставлявшего его делать шаг за шагом.

Доки полны народу, и Рей пробирался между людьми, повозками, выючными животными. Миновав таверну, из которой сбежал совсем недавно, продолжал идти дальше...

Впереди яркие краски — одежда, попоны. Но Рей увидел красное пятно, которое, казалось, светилось каким-то внутренним пламенем. И ждало — ждало его. Он оказался в плену, он заключен в собственном теле, которое подчиняется не ему, а этому одушевленному красному столбу... Нет, это не столб, это мантия цвета крови, и одет в нее не простой человек.

Страх живет в каждом человеке с рождения до смерти. Существуют мелкие страхи, но есть и ужасы, от которых человек готов закопаться в пыль или бежать с криком. Страх может побудить к действию, но он же бывает врагом в битве или затмевает здравый смысл. Рей считал, что много раз в прошлом встречался со страхом. Но такого, как на этой дороге в пристани Атлантиды, — никогда!

— Иди!

Он идет. У него нет выбора, ему неоткуда ждать помощи. Он загнипнотизирован ужасным облаком страха, его тянет туда...

Они теперь в нескольких шагах друг от друга, он и этот, в красной мантии, с непроницаемым лицом, на котором нет ни тени торжества или радости битвы. Вся воля жреца сосредоточена на одном: удерживать и привлекать. И он это делает.

Рей смотрел на худое лицо с крючковатым носом, с заостренным подбородком и понял, что оно ему знакомо. Жрец поднял руку, и взгляд Рея упал на сверкающую блестящую полосу. Ремешок от часов, сообщил какой-то участок его мозга. Ремешок от часов... часы... здесь... Его часы! Его часы, те, что отобрали атланты в самом начале этого дикого приключения. Это... это жрец с корабля.

Рука, держащая часы, сделала жест. В голове Рея взорвалась боль, он упал под ударом воина, который шел за ним.

Рей лежит в темноте, под ним жесткая поверхность, такая холодная, что от нее ноют кости. Он попытался притронуться к голове, в которой пульсирует боль, и услышал скрежет. Что-то дернуло его за запястье и помешало завершить движение.

— Проснулся наконец, друг? — послышались слова из темноты. Рею потребовалось немало времени, чтобы понять их смысл. — Я думал, что тут лежит только пустая оболочка, а ты ушел от них...

— Кто... кто ты? — Рей взглянул в направлении голоса, но было слишком темно, и он ничего не увидел.

— Как и ты, пленник, который должен доставить удовольствие Кроносу. Да сгниют кости под его плотью, и да будет его бездомный дух вечно носиться по ветру!

— Ты муриец? — Рей попытался приподняться, но снова опустился, потому что боль в голове усилилась.

Послышался звук, похожий на смех, но только в таком месте не может быть смеха.

— Нет, я прирожденный атлант, хотя и не друг Кроноса и его приспешников. А ты?

Рей колебался. Кто он? Надо сказать: шпион.

— Я пришел из Му. — Это он сказать может. Они и так это знают.

— Что это значит? — энергично спросил тот. — Была высадка? Война?

— Еще нет.

— Но, может быть, скоро? Лучшее известие для того, кто провел здесь пять лет...

— Здесь? — Рей не мог поверить. Эта дыра... Как можно отмечать здесь время и сохранить рассудок?

— Нет. В этой камере я недолго. В темноте, где дни не отличаются от ночей, трудно определять время. Но мне восемь раз приносили еду. Однако до того, как меня притащили сюда, я был в камере наверху, где есть день и иногда даже видно солнце. Но что происходит за стенами камеры, я не знаю.

— Атлантида выступила против Му.

— Долго же они не могли на это решиться. Сто лет жрецы Ба-Ала своим колдовством готовились к этому. Пять лет назад, когда я попытался уплыть отсюда, они приближались к завершению. Ходили слухи...

— Но как тебе удалось выжить?

Снова раздался звук, похожий на смех.

— Кронос считает себя храбрым, но против древнего пророчества идти не решается. Не смеет пролить кровь, пока не стал хозяином всего мира... А до этого еще очень далеко. Он не смеет убить подлинного владельца трезубца, так как давно предсказано, что это навлечет на землю гнев моря.

— О чем это ты?

— Считается, что род истинных Посейдонов кончился сто лет назад, но на самом деле это не так, потому что дочь последнего Посейдона не согласилась выйти замуж за подобранного ей жрецами жениха, а сбежала в горы, заставив всех считать себя погибшей. Там она обменялась браслетами с капитаном своей стражи, рожденным Солнцем, который остался ей верен. А я прямой потомок этого брака, и Кронос об этом знает. Он убил всех рожденных Солнцем, которые попали ему в руки, закрыл храм Пламени, но не смеет убить меня... ибо написано в звездах и даже жрецы Тени могут прочесть это, что Атлантида будет стоять, пока жива истинная кровь. Кронос держит меня под рукой, но не убивает.

— Но ты верен Му?

— А как может быть иначе? — просто ответил тот. — Я из дома Солнца Атлантиды; сын не может выступить против матери. Кронос не из рожденных Солнцем, именно поэтому его ненависть к ним такая черная и горькая. Но скажу тебе, друг: пусть Солнце поторопит корабли Му. Не могу поверить, что они ждут, пока сыновья Тени нападут первыми...

— Надеюсь, они придут, — ответил Рей. Но что он-то делает в этой ссоре, до которой ему нет дела? Он надеялся, что какое-нибудь чудо спасет его от судьбы, уготованной ему атлантами, но понимал, что слишком надеяться на это не следует.

— А ты, друг? Тебя привели сюда недавно. Говоришь, ты из Му, но при свете их факелов я заметил, что ты не похож на жителя матери-земли...

— Меня зовут Рей, и я из Бесплодных Земель...

— Из Бесплодных Земель? Разве там основали колонию?

— Я не из народа Му, но Ре Му даровал мне звание рожденного Солнцем, — медленно сказал Рей. Даровал? Нет, усыпил его подозрения, чтобы сделать своим орудием... Чтобы им управляла эта воля. Воля... Рей неожиданно понял, что ее нет больше. Либо изгнана жрецом в красной мантии, который завлек его сюда, либо ушла сама, потому что он больше ей не нужен.

— Бесплодные Земли, — повторил заключенный. — Подожди... Идут!

Раздался резкий щелчок, и на стене появилась полоска света. Рей попытался защитить глаза. Вошли два солдата со светящимися стержнями.

— Добро пожаловать, псы Кроноса! — воскликнул его товарищ по камере. — Как дела? Напали ли на вас люди Му или вы по-прежнему готовите грязное волшебство Тени, надеясь отгородиться новыми стенами от мурийской стали?

Рей повернул голову. К стене рядом с ним был прикован худой молодой человек, и его веселый тон противоречил глубоким морщинам у рта прекрасной формы. В длинных черных волосах блестела седина.

Один из солдат хмыкнул, поставив на пол кувшин с водой и положив несколько кусков хлеба. Его товарищ сунул

световой стержень в железное кольцо на стене, и они вместе вышли.

— Интересно, что бы это значило? — Пленник указал на свет. — Они задумали какую-то хитрость. В тюрьме перестанешь доверять даже камням стен. Кронос ничего не делает без причины. Он научился этому у Магоса.

Он взял кусок хлеба и протянул его Рею.

— Поешь, пока можно, друг. Кронос любит эксперименты и может захотеть проверить, долго ли мы протянем без еды. Ты уже назвался, позволь и мне назвать себя. Меня зовут Уранос.

Съешь половину, — посоветовал он Рею. — Лучше иметь сегодня меньше, чем ничего не иметь завтра. В своем неправильном черепе Кронос вынашивает план, который ничего хорошего нам не сулит. Меня он боится, но боится не того, что я могу сделать, а просто потому, что я есть я. А ты, должно быть, тоже чем-то для него опасен, иначе он не стал бы держать нас вместе. Обещание звезд не спасет меня...

— Я встретил человека, капитана рейдера. Он поклялся, что, имея подходящих людей, сумел бы взять город. Несмотря на все эти стены и каналы, — медленно сказал Рей, сам не понимая, почему вспомнил об этом.

Уранос нахмурился.

— Очень может быть. В стенах Кроноса есть секреты, которые созданы в такой тайне, что неизвестны и ему.

— Как это?

— Помещения и проходы под землей, в которых сотни лет не бывал человек. Я о них слышал, и, может, твой капитан тоже. Или знает не только по слухам. Если он обнаружил такой ход, город открыт перед ним. Но капитан верен Тени, так?

— Уже нет. Я на это надеюсь. Он уплыл со сбежавшими пленниками-мурийцами на борту...

— Тогда в будущем Кронос может ожидать незваных посетителей. — Уранос улыбнулся. — Хотел бы я взглянуть на него, когда это случится. И еще мне кажется, сегодня Кронос не будет спать спокойно...

— Почему?

— Я думаю, нас подслушивают, и отчет о нашем разговоре тут же принесут Кроносу!

— Подслушивают? — Рей взглянул на стены.

— Годы такого гостеприимства выработали у меня острый слух. Такое случается не впервые. Теперь начнется суматоха, будут искать подземные пути. Только шепни предупреждение на ухо трусу, и он сразу почувствует нож у своего горла. Но проходов сотни, они давно запечатаны, и все он никогда не обнаружит. Так что будет потеть от страха...

— Но вдруг найдет ход и устроит в нем засаду? — Рею казалось, что его товарищ по камере слишком оптимистично настроен.

— Как решит судьба. Но я думаю, этого не произойдет.

Неужели эти люди способны видеть будущее или хотя бы часть его? Как сказала леди Эйна? Они видят будущее, но не способны принять решение, которое его изменит.

— Откуда ты знаешь?

Уранос пристально взглянул на него.

— Если ты прошел Первые Мистерии — а, судя по твоему возрасту, ты их прошел, — как ты можешь спрашивать? Что ты за человек? Говоришь, из Бесплодных Земель, Ре Му даровал тебе звание, но ты не колонист. Кто же ты?

— Я не из этого времени...

— Как это?

— Я родился в мире далекого будущего. И прошел сюда сквозь время. Как и почему, не знаю сам.

Уранос долго молчал. Рей подумал: а поверил бы он, если бы ему рассказали такую историю?

— Вот как... Наакалы тоже послали призыв? И ты ответил на него?

— Нет, я оказался здесь случайно. — Он в нескольких словах рассказал свою историю.

— А что, если ты не сможешь вернуться?

— Не знаю. Не знаю вообще, есть ли у меня будущее — после этого часа или дня. Судя по нашему нынешнему положению, вероятно, нет.

Уранос покачал головой.

— Надо быть готовым к худшему, но не отказывайся легко от будущего, мой друг. Забудем об этом ненадолго и дадим возможность послушать тем, кто нас слышит. Расскажи мне о своем мире. Нет, сначала я о своем...

И он рассказал о своей юности в горных долинах, о том, как ловил лошадей на равнинах.

— Друг, нет ничего в мире прекраснее бегущей лошади, когда ее грива развевается на ветру, копыта стучат, как боевые барабаны. Моряки говорят о кораблях, охотники — о загнанных лосях, но мое сердце полно лошадьми. Пять раз скакал я на Дышащем Пламенем к победе! — Страстное желание прозвучало в его голосе.

— Скажи мне... — начал он после паузы и тут же резко указал на дверь. — Снова идут, — прошептал он.

И Рею показалось, что первой вошла злая тень, нависла над ними, приглушив свет.

Глава 15

На этот раз в сопровождении стражников вошел жрец в красной мантии.

— Привет, брат Тени, — обратился к нему Уранос. Стражники высвобождали цепи из колец на стене. — Зачем слуга Ба-Ала тревожит нас?

Жрец перевел взгляд с Рея на Ураноса, потом снова взглянул на рожденного Солнцем. Американец подумал, что никогда не встречал такого холодного пронзительного взгляда.

— Выводите их.

Им трудно было стоять. Их держали на коротких цепях, и мышцы спины и бедер затекли. Но стражники подтолкнули их и вывели в узкий коридор.

— Нас считают могучими героями, — заметил Уранос. — Смотри, брат, за нами прислали восемь воинов и жреца.

Но если он пытался подтолкнуть атлантов на какие-нибудь действия, никто не отозвался на его насмешки. Солдаты сомкнулись вокруг них и быстро повели вслед за жрецом. Они поднимались и опускались по темным переходам, и Рею по-

казалось, что он в какой-то гигантской паутине, а в середине ее, как раздувшийся паук, сидит Кронос. Но вот они оказались в более широком и лучше освещенном коридоре и остановились перед дверным занавесом, металлическим, а не из ткани.

Стражники беспокойно переминались, смотрели на занавес. Рей подумал, что им здесь не по себе. Жрец положил правую руку на занавес, и тот от легкого прикосновения открылся. Со вздохом облегчения ближайший к Рею солдат толкнул его вслед за жрецом. Ураноса тоже подтолкнули внутрь.

Внутри ждали два жреца в красных мантиях, они привычно подхватили цепи. Рей не успел опомниться, как ему прочно связали сзади руки.

— Вперед! — приказал приведший их жрец.

Они прошли через пустую комнату и вошли в помещение со стенами цвета засохшей крови. Тут стояло большое кресло из цельного куска черного камня, не очень удобное на первый взгляд. Но человек сидел на нем так же привычно, как Кронос на своих подушках. Магос о чем-то думал. У него был довольный вид, как у стервятника, сидящего на стене бойни.

Он улыбался, если эту гримасу тонких губ можно было назвать улыбкой, и чуть наклонился вперед, слушая, что шепчет ему на ухо другой жрец. Но вот взгляд его остановился на пленниках, а улыбка стала шире и злее.

— Итак, милорд, рожденный Солнцем, Посейдон, который никогда им не станет, ты наконец пришел ко мне, — обратился он к Ураносу. — Помнишь нашу прежнюю встречу, когда я говорил с тобой о воле нашего Темного хозяина, а ты отказался слушать? В тот день ты отказался от будущего, Уранос. Теперь ты сожалешь об этом?

Уранос высоко поднял голову.

— Магос, ты называешь себя сыном Ба-Ала на земле. Интересно, согласна ли с этим Тень? Но я верю, что ты старательно играешь свою роль. Иначе зло не могло бы проникнуть в здравый мозг. И если собираешься снова уговаривать меня...

— Уговаривать тебя — *тебя!* — Верховный жрец разразился холодным смехом, который мог бы доноситься из костлявых челюстей черепа. — Магос не спрашивает повторно.

Да ты мне и не нужен больше. Теперь ты послужишь другой цели.

— Как решит Солнце. Будущее в храме...

— В святилище Ба-Ала.

— Не думаю. В городе еще стоит другой храм.

Улыбка Магоса исчезла. Глаза его горели. Рей не думал, что у человека может быть такой взгляд.

— Пламя давно погашено. Ты заплатишь долг...

— Как я сказал тебе, Магос, в конечном счете платить будешь ты. И такой платы мир еще не видел.

В голосе Ураноса звучала такая уверенность, словно он ясно видел будущее и не угрожал, а пророчествовал.

— Как ты смеешь верить в это? Ты насекомое, на которое слуга Ба-Ала наступит сандалией и даже не заметит, что раздавил тебя. Ты смеешь так говорить со мной, со мной, правителем мира под Тенью!

— А слышал ли твои слова Кронос, Магос? Он себя считает правителем мира.

Улыбка вернулась на хищное лицо жреца.

— Кронос? Кто такой Кронос? Когда человеку нужно что-то сделать, он пользуется инструментом. Но когда дело сделано, инструмент выбрасывают. Может, ломают. Когда понадобится, Кронос исчезнет. И не думай обратиться к Кроносу...

Настала очередь Ураноса рассмеяться.

— И опять скажу, Магос: Кронос может не согласиться с твоими словами. Я думаю, о них ему донесут, и в твою комнату ночью может явиться посетитель, умеющий неслышно пользоваться сталью...

Но Магос продолжал улыбаться.

— Это неважно. И не твое дело.

— Тогда зачем ты послал за нами, сын ямы?

— Подобно другим людям, Уранос, иногда мне нужно развлечься. И меня интересует игра случая. Мой друг Гонт, — он указал на жреца, который шептал ему на ухо, — заполучил интересное кольцо из Уйгура. Говорят, оно дает своему хозяину большие возможности. Я получу кольцо, если человек проживет семь дней в моих лабораториях, испытывая некоторые изменения. Я горжусь мастерством своих работников

и хочу получить это привлекательное кольцо. И потому подумал, а каких пленников в этих стенах можно потратить, и призвал тебя...

Уранос, возможно, не сломался, но был потрясен. Он воскликнул:

— Дьявол!

— Меня так называли и другие, проходя в ту дверь. — Верховный жрец указал на проход в дальней стене комнаты. — А потом благословляли меня, когда я посылал им смерть — много, много позже. Ты силен, Уранос; этот второй тоже кажется сильным. Я думаю, что выиграю пари.

Он встал, жрец сзади ледяными когтями толкнул американца в спину, заставил идти вперед. Магос сделал два шага, потом повернулся и пошел назад.

— Я истинный сын Тени. Мне пришло в голову, что в деле должен участвовать и Ба-Ал. Поэтому вы сделаете выбор между черным и белым камнями. Тот, кому мой повелитель пошлет черный камень, выиграет мне пари, а тот, кто получит белый, немного подождет. Да, так гораздо лучше.

Остальные жрецы подхватили его смех. Рей видел, как Гонт принес чашку и демонстративно бросил туда два камня: один белый, другой черный. Магос снова поднял руку.

— Положи еще один белый. Если оба вытянут белые, я буду знать, что Ба-Ал желает их получить для себя. Воля Тени — наше высшее желание. Гонт будет тянуть от лица Ураноса, а Па-Тан — за чужестранца. Тяни, Гонт...

Магос взял чашку и поднял ее выше уровня глаз младшего жреца. Гонт протянул руку и показал на ладони белый камень.

Вперед вышел Па-Тан и, в свою очередь, запустил пальцы. Потом бросил камень на пол, тот покатился и остановился у ноги Рея. Тоже белый.

— Наш господин сказал, — нарушил молчание Магос. — Так будет по его воле.

Остальные жрецы подхватили его слова. Но Рей думал, не трюк ли это. Зачем Магосу угрожать, а потом откладывать исполнение приговора? Или действительно камни выбраны слу-

чайно и Магос настолько суеверен, чтобы остановиться, считая, что сам Ба-Ал руководил ищущими пальцами жрецов?

— Уранос... — Верховный жрец сделал шаг вперед. — Чего ты ожидаешь: алтаря и ножа или... — Он помолчал... — Или объятий Любящего?

— Неважно, как умирает рожденный Солнцем воин, если умирает он с Пламенем. Умирает тело, но не то, что делает человека человеком. И в смерти я побеждаю тех, кто выбрал тропу Тени. Алтарь этого дьявола, о котором ты говоришь... Любящего...

— Дьявол, о котором я говорю? — повторил Магос. — Не следует так легкомысленно отзываться о вещах, которых не знаешь, Уранос. Пусть будет Любящий, и ты призовешь в тот час свое Пламя, и оно тебе не ответит. И тогда ты будешь молить о смерти, но она придет лишь в свое время и по своему желанию. И для тебя тоже! — Впервые с того времени, как они оказались в этой комнате, верховный жрец посмотрел на Рея. — Отведите их в храм, чтобы они были под рукой, когда наступит час...

Снова прошли они по темным коридорам, в которых словно царил вечная ночь. Рей видел маслянистые капли на стенах и слизистые следы, оставленные безымянными обитателями этих подземных путей.

Потом они начали подниматься по лестнице, все выше и выше, миновали по меньшей мере два этажа и оказались в коридоре с красными стенами, со светящимися стержнями, расставленными через равные интервалы, потом прошли через зал с росписями, который Рей видел в своем сне.

— Мы в храме Ба-Ала. — Уранос заговорил впервые после того, как они ушли от Магоса. — Видишь, брат, как владыка Тени забавляется на глазах у своих поклонников?

Рей бросил на непристойные сцены взгляд и отвел глаза.

— Молчи! — Жрец злобно ударил Ураноса по губам. — Позже наступит время речей, и воплей, и призывов к давно угасшему Пламени. Говорят, рожденные Солнцем не знают, как просить о милости. Ты будешь кричать, как и тот муриец, что последним попал в объятия Того, Кто Ползет!

Их поместили в маленькую каморку, снова приковали к стене, и жрецы вышли.

— Какова цель Магоса? — спросил Рей, когда они остались одни. — Он разыграл представление с камнями или действительно верит, что выбор сделал Ба-Ал?

— Кто знает? — ответил Уранос. — Но если это игра, то нацеленная не на нас, я думаю. Этот Любящий... хотел бы я знать больше.

Рей решил, что не солидарен с ним: ему бы этого не хотелось. Он прислонился головой к стене, и старая проблема встала перед ним с прежней силой. Почему воля удержала его в сердце вражеской страны? Какое дело он еще не завершил? С тех пор, как его призвал жрец на набережной, место, которое занимала в нем воля, опустело. Может, бежала или ее изгнала сила жреца?

Зачем он здесь?

Камень за спиной холодный. Рей заблудился. На этот раз он не в лесу из гигантских деревьев, но в месте, которое не может описать, где находится не его тело, но какая-то другая его часть, плывет бесцельно и неуправляемо. Заблудился, да. Он считал, что это невозможно...

Потом... то, чем он стал... этот плывущий почти несуществующий клочок... он удержан... его притягивает в другом направлении... притягивает воля!

Рей снова в своем теле, кожу покалывает, становится тепло, как когда-то от сверкающей воды в мурийской крепости. И снова в нем твердо укрепилась воля... она ждет... хотя он не знает, чего она ждет.

— Брат!

Рей повернул голову и взглянул на товарища. Уранос натянул цепь до предела и пытался коснуться Рея рукой. На лице его отражались забота и беспокойство.

— Что с тобой? — спросил он Рея, встретив его взгляд.

— Теперь все в порядке, — ответил американец и понял, что сказал правду. С волей к нему вернулась уверенность. Но не надейся на нее, предупреждала осторожность.

— Ты... ты как будто ушел из своего тела... — прошептал Уранос.

— Но я вернулся, — ответил Рей. — И еще... — Он заколебался.

— Да? — спросил Уранос.

— Мне кажется... Слушай! — Он прижался головой к стене, и ему показалось, что сквозь камень проходит звук, далекий и слабый.

Атлант тоже повернул голову, прижал к стене правое ухо и прислушался.

— Похоже на морской прибой, — спустя время сказал он.

— Что это?

Но долго рассуждать им не пришлось. Вернулись жрецы и сняли цепи со стены. А когда их вывели в главный коридор храма, звуки стали слышнее, резче, словно какое-то акустическое свойство здания усиливало их. Теперь это был рев. Уранос крутил головой.

— Это... это битва! — неожиданно воскликнул он.

— Му! — Но как? Рей задал вопрос самому себе. У матери-земли не было времени собрать армию и нанести удар в самое сердце вражеской территории. Но может ли он быть уверен и в этом?

— Возможно. — Уранос взглянул на жреца, который держал его цепи. — Смотри внимательно на крылья своей Тени, брат из ямы. Когда Пламя пляшет, тьма уходит. И когда мать-земля очистит эту местность, негде будет укрыться твоему Темному богу...

Жрец ударил его.

— Ба-Ал не улетит, как перо на ветру. Любящий заставит тебя забыть обо всем... скоро!

Уранос выплюнул кровь из разбитой губы.

— Позаботься о себе. Собираются духи убитых! Думаешь, они не смогут провести мстителей, не кричат на улицах о конце правления Ба-Ала? Говорю тебе: Пятистенный город пропадет с лица земли, и само название его забудется в памяти человечества. Ба-Ал снова исчезнет в яме, из которой выполз, и те, кто ему служит, останутся перед лицом света, которого боятся больше меча. А тот, кого вы призвали, будет хозяином, а не слугой, прежде чем и его отправят назад!

Он говорил, не угрожая, а уверенно, словно пророк, который убежден в том, что видит будущее.

Жрец снова замахнулся, но не ударил. Рев слегка стих, слышался топот, словно кто-то бежал по коридорам. Жрец в латах поверх мантии, с бронзовым шлемом в руке появился из-за колонн.

— Мурийцы!.. — Он задыхался. — Они затопили корабли у выхода из бухты. Две их горящие галеры пробили строй флота. Их силы высадились на севере, и кочевники с равнин восстали и присоединились к ним. Магос приказывает привести эту падаль на вершину пирамиды, чтобы он смог показать, как наша сила пожрет их.

Вот... вот что он должен сделать, сказала воля в Рее. Это битва, в которой он послужит оружием.

Но осознание этого постепенно ослабло. Жрецы торопливо повели их с Ураносом. Вокруг них сомкнулись люди, одетые отчасти как жрецы, отчасти как воины в кольчугах. Их вывели из храма.

Здесь шум битвы слышался отчетливее, он доносился из-за стен и каналов, раздавался в доках. В городе чувствовалось напряжение, улицы заполнили солдаты, и продвижение отряда из храма замедлилось. Отчасти это напряжение объяснялось шоком, понял Рей. Атланты не ожидали удара — такого молниеносного и в таком месте. Но как сумели силы мурийцев собраться так быстро и в такой тайне, как сумели захватить врага врасплох, запереть атлантов в их собственном городе?

Рассвет позади, но небо затянуто темными тучами. Один из стражников указал на это:

— Смотрите, ваше Солнце скрылось. Ба-Ал так же закроет нас своей защитой сегодня!

Уранос столкнулся с Реем, и американец заметил, что он глубоко дышит, втягивает в себя воздух, хоть и насыщенный испарениями города. И вспомнил, что его товарищ долго пробыл в камере и для него этот воздух свеж, как свобода.

— Нас ведут к западной стене. Смотри, вон пирамида, — заметил Уранос.

Впереди возвышалось сооружение из чередующихся черных и красных блоков, оно казалось очень темным под низким небом. На вершине его была площадка метров на десять выше прилегающей стены. На ней их ожидала небольшая группа людей.

Лестница, ведущая наверх, очень крутая, ступеньки узкие. Дважды Рей спотыкался, и его хватали и тащили дальше жрецы.

Наверху стоял Магос. А рядом с ним, по-прежнему в золотом дворцовом наряде, без оружия и доспехов, Кронос. Он не взглянул на пленников, когда их втолкнули на площадку. Он кусал ногти на толстых пальцах и смотрел не на пламя и дым над гаванью, а на низкие тучи. По лестнице на площадку вбежал офицер.

— Грозный, — доложил он, — тех, кто вошел в город через разрушенный храм, оттеснили снова...

Кронос повернул голову. В углах его мясистых губ были видны белые клочья пены. Он словно ничего не осознавал, глаза с диким выражением были устремлены внутрь. И Рей понял, что этот якобы владыка мира полон страха.

— Убивайте! Убивайте! — закричал он. — Пусть будут кровь и огонь! Пусть ни один не уйдет! Не возвращайся без их голов!

Офицер прошел мимо Рея. И американец заметил, что у него осунувшееся, измученное лицо, словно принес он дурные новости, сообщил о поражении, а не о частичной победе.

Следующий приказ отдал Магос. Кронос снова устался на тучи, откуда доносился звук, похожий на сердитый прибор. На самом деле шумело не море, а яростная битва.

— Поставьте их у столбов и прочно привяжите, — приказал Магос жрецам.

Платформа, на которой они стояли, была окружена столбами. Крепкими, прочно установленными и на несколько футов выше человеческого роста. Ураноса и Рея привязали к ним. Уранос кивнул Рею, когда Магос подошел и осмотрел их пути. Потом верховный жрец обратился к Кроносу:

— Все готово, Грозный! Начнем?

Внешне он держался почтительно, но злобная улыбка искривила его губы. Кронос неохотно повернулся.

Пальцы его, окровавленные в тех местах, где вместе с ногтями он грыз плоть, были прижаты к выпирающему животу. Как будто он испытывал боль в нем. Но он собрался с силами и рассмеялся, глядя на Ураноса.

— Ха! Истинная кровь умирает. Атлантида гибнет. Разве не так говорили все эти годы? Ну, те, кто так говорил, незнакомы с Любящим! — И он взглянул на Рея.

— Сидик из Уйгура... а может, и еще кое-кто, как сказал мне Магос. Если тебя призвали наакалы из другого мира, сейчас время проверить, кто призвал большую силу. Я думаю, что меньшая — ты. Ведь Тедор сумел призвать тебя, колдуя на том, что было когда-то на тебе. Такое колдовство действует на слабых. Подчинившись ему, ты доказал, что ты не из тех страшных существ, которых мы призываем из потустороннего мира. И ты станешь их пищей и поможешь вызвать новых...

Кое-что из сказанного имело смысл, кое-что нет. Очевидно, атланты догадались о его происхождении и считали, что он представитель какой-то новой неизвестной силы, — но так ли это на самом деле? Рей попытался обратиться к таящейся в нем воле. Она по-прежнему в нем, но его призыв остался без ответа.

— Видят ли те, кто за стеной? — спросил Кронос.

— Да. У них видящие стекла, и они все направлены на нас.

— Тогда начинайте, начинайте! Чего вы ждете? Или это опасно для нас? — Посейдон отступил на шаг-два, направляясь к лестнице.

— Нет, Грозный. Любящий не обратится против своих хозяев. Подготовьте их к его объятиям...

К Рею подошли стражники, разрезали одежду, обнажив его по пояс. Один из них достал кинжал и сделал надрез на груди американца. Мелкий порез в форме креста, но из него обильно полилась кровь. Этот порез не опасен, и Рей не догадывался, зачем он сделан. Он заметил, что с Ураносом проделали то же самое.

— Идите! — Получив разрешение Магоса, стражники быстро удалились с этого злополучного места. Кронос отступил

к самому краю площадки. Очевидно, несмотря на уверения Магоса, он не решался приблизиться к своему абсолютному оружию.

Магос поднял грубую коричневую чашу. Ее словно слепили когда-то из речной грязи. Он бросил в нее тускло тлеющие уголья, которые взял из жаровни. Установив чашу на равном расстоянии от столбов с пленниками, он принялся раздувать угли, а потом бросил на них горсть черного порошка.

Поднялся вьющийся коричневый дым, а с ним такая вонь, что Рей закашлялся и слезы потекли у него по щекам. Как будто нечистоты всего города сжались в единую пригоршню и вспыхнули.

Дым разошелся, но тошнотворный запах не рассеивался. Кронос еще дальше отступил к лестнице. Но Магос улыбался, и всю оставшуюся жизнь — если еще останется что-то, подумал Рей, — он будет помнить эту улыбку.

— Ваше зло не отвечает на призыв? — спросил Уранос. — Ты произвел только дым и вонь. А что дальше, Магос?

— Смотри, Уранос. Тот, Кто Ползет, идет принимать наши подношения, чтобы стать сильным и распахнуть дверь для своих родичей! — ответил жрец.

Рей посмотрел на камень, указанный жрецом. На нем появилась странная тень. И она росла! У него на глазах она приобретала форму, словно вытягивала материю из того места, на котором лежала. Она не только увеличивалась, но и становилась осязаемой. Теперь это уже была не тень.

Глава 16

Для Рея весь мир сузился до этой тени, которая больше не была тенью. Раздутые бока стали еще больше, выдвинулась голова, слепая, без следа глаз. Но она раскачивалась, как будто обладала и зрением, и слухом. Появились черно-зеленые рога, они, как черви, выдвинулись из головы.

Ног нет, но внизу зияющая пасть, она сжимается и расслабляется ритмично, дрожит, утолщается, растет. Два щупальца, а на них присоски. Цвет в основном черный, но местами от-

вратительные зеленые пятна, и от них исходит тошнотворный запах. Гигантская улитка без раковины, слизняк... В сознании Рея возникали сравнения, но ни одно не было таким выворачивающим желудок, как это существо.

Магос прошел вперед, и то ли на звук его шагов, то ли на вибрацию от них существо повернуло голову. Его длинная шея еще больше вытянулась, рога энергично зашевелились.

— Ищи добычу, житель Тьмы, — приказал жрец. — Кровь привлечет тебя. Ищи добычу!

Существо высоко подняло голову. Рей хотел закрыть глаза, но не смог. Еще мгновение, и порезы на его теле и теле Урана привлекут эту тварь.

Рога продолжали гибко извиваться, словно искали что-то в воздухе. Потом неожиданно существо опустило голову и согнуло спину, как слизняк при движении. Как поток грязной воды, оно скользнуло к пленникам.

Рей видел, что оно сделало выбор. И его парализовало от ужаса: оно выбрало его. Проползло немного и снова собралось. Снова поднялась голова, размахивая рогами, словно проверяя запах. Зловоние стояло ужасное. Рею хотелось, чтобы все кончилось быстрее. Пусть оно набросится на него. Но оно ждало, словно наслаждалось в предвкушении пиршества, поглощало отвращение и ужас жертвы, сознательно не торопилось.

Потом подплыло ближе. И от него не спастись. Не спастись? Или спасение есть? Сам Рей Осборн подумал это или ожила пославшая его воля? Предположим... Что «предположим», он не знал, но ухватился отчаянно — так человек, попавший в зыбучие пески, хватается за любую свисающую ветвь, — ухватился за что-то внутри себя, чем можно сражаться.

Черное... черное... ползущее существо из Тьмы... чернота. Но что сражается с чернотой? Белое — свет! Белизна храмовых стен в Му, белизна мантий наакалов, белизна — Пламени! Но огонь красный... желтый... Нет! Пламя бело, белизна ослепительной чистоты! Белое! Воля в нем, все в нем, что боится смерти, как человечество страшится уничтожения, все напряглось для защиты. Белое пламя...

А это существо из ямы — оно боится Пламени. Рей почувствовал, как оно остановилось, ощутил его колебание. Голова его стала быстрее поворачиваться из стороны в сторону. И оно больше не молчало. От низкого воющего звука резало уши. Но звук ли это?

Пламя... устремляющееся вверх Пламя... Пламя, которое движется и образует стену перед тварью. Оно здесь... он видит его... белое пламя, которое могло бы своей яркостью сжечь ему глаза, но не делает это. А пламя растет и расцветает... но только благодаря ему, через него. Так вот в чем дело... Он инструмент, через который... И тут воля перекрыла все его собственные мысли. Он должен целиком участвовать в битве.

Тварь еще немного отступила, вой ее стал выше и резче. Страх... ее страх растет! Он должен использовать его, как дрессировщик дикого зверя использует хлыст, чтобы предотвратить нападение. И словно хлыст ударила его мысль: «Назад, безмянное зло, назад в тот мир, который тебе отведен! Не смей приходить в этот! Назад в грязь, принадлежащую тебе!»

Но тварь больше не отступала, оставалась на месте, голова ее металась из стороны в сторону, словно билась о стену. Рей понял, что ее удерживает Магос, пытается подтолкнуть своими силами. И он черпает силы из какого-то источника. Рей дрогнул. Любящий устремился вперед. Пламя... Пламя здесь...

Снова продвижение слизняка замедлилось, громче стал гневный вой. Под принуждением Магоса тварь раскачивалась взад и вперед, ее вопль становился все громче. Но на этот раз Рей держался. Сколько он еще продержится?

Они сошлись в молчаливой схватке. Магос и это создание из Тьмы пытались отыскать какое-нибудь уязвимое место, Рей служил каналом для воли, которая щедро тратила его силы. Он слабел. Тварь поплыла... остановилась, поплыла опять.

— Брат, отдай ей мое тело! — слышался слабый далекий крик. — Отдай меня и выиграй время...

— Нет! — Рей собрал все силы. Тело его дрожало; он чувствовал, что только цепи, приковывающие его к столбу, удерживают его на ногах. А Любящий снова пополз вперед...

— Вперед! — приказывал Магос.

— Назад! — приказывала через Рея воля.

Шум... крики...

Сосредоточенность Рея дрогнула. Любящий прыгнул. Американец попытался снова поставить преграду, но поздно. Щупальца хлестнули по его телу; присоски жадно прикипили к кровоточащим порезам. Рей отпрянул, но не смог уйти от этого оскверняющего объятия.

Пламя... Пламя... но Пламя не касается этой твари, сходящей с ума от кровавого голода. Однако он еще не побежден! Он в самом себе встал перед волей, так много потребовавшей от него, и потребовал в свою очередь.

Рей поднял голову. Иди, приказывал он воле, будь сейчас со мной! И как она сделала его слугой и оружием, так и сейчас в минуту крайней необходимости он превратил в оружие ее. Через одну-две секунды в него хлынула поразительная сила и способность к сопротивлению. Никогда раньше он не чувствовал себя таким сильным.

Отвратительная плоть, прижимающаяся к нему, дрогнула. Медленно, вызывая страшную физическую боль, щупальца разомкнулись. Неохотно, сопротивляясь, чудовище начало отползать. Магос ослабил свое влияние. И слишком поздно понял, что происходит.

— Пламя! — Рею показалось, что он выкрикнул это вслух. Это приказ — приказ собственной силе, приказ воле, которую он перехватил. — Пламя!

И снова возникло ослепительное пламя.

— Держись... мурийцы поднимаются по лестнице! — Слова — без смысла. В мире существует только Пламя, созданное его мыслью, и его нужно удерживать, удерживать, удерживать...

Любящий дергался и поворачивался, шипел, но отступал перед Пламенем. С лестницы послышались крики.

— Держись! — снова крикнул Уранос. — Продержись еще немного, брат!

Магос был в отчаянии. Рей чувствовал, как сила жреца дрогнула. Он силен, может, слишком силен. Но если победит, снова нужно будет сражаться — оружием.

Верховный жрец расхаживал взад и вперед по площадке, своей мыслью, острой и быстрой, он подталкивал тварь. Любящий отпрянул, задергался, заизвивался, пополз вперед...

И снова Пламя опустилось. Не дух Рея, но тело его слабело. И снова щупальца сомкнулись вокруг него.

— Рей! Рей! — раздался призыв. Он пытается привлечь волю, но сил не осталось...

Белый огонь... снова Пламя? Рей поднял голову.

Нет, просто луч коснулся рогов Любящего. Тот задергался. Но щупальца отпали, разрывая при этом плоть. В голове послышался рев, Рей все видел искаженно, как сквозь густой туман.

Звон стали о сталь. И вот он падает, освобожденный от цепей. Кто-то подхватил его, мягко опустил. Он увидел лицо, дрожащее и не в фокусе. Чо... откуда-то издалека, из далекого прошлого... Чо...

— Любящий... — Он попытался предупредить и подумал, что слова его даже не прозвучали шепотом. Но эти ледяные голубые глаза поняли; губы изогнулись в улыбке, холодной, как зимняя буря.

— Смотри, брат.

Муриец поднял голову Рея. В его ладони был кристалл, отбрасывающий радужные огни. И из его центра ударил белый луч. Чо снова направил его на рога твари и начал отгонять ее назад. Она не могла уйти от луча.

Магос стоял сзади, лицо его так исказилось, что в нем не осталось ничего человеческого. Рей чувствовал силу в нем... Она направлена на Любящего, но тварь вышла из-под его контроля.

— Дьявол! — закричал Магос.

— Кровопийца, — ответил Чо. — Слушай теперь своего зверя. Я думаю, он проголодался. А ведь когда он приходит на твой зов, его следует накормить. Смотри, вот расплата!

Любящий, словно потеряв терпение, бросился — но не на мурийцев, а на жреца. Его щупальца сомкнулись вокруг Магоса. Жрец высвободил одну руку и ударил по отвратительной округлости тела слизня. Кинжал его пробил черную шку-

ру, но, когда он отдернул руку, на скользкой коже не было ни следа. А Любящий кормился.

Голова Рея упала на руки Чо. Он едва не стал жертвой и потому не мог смотреть. Но муриец не отвел взгляда, и, когда чудовище пыталось отвернуться, Чо удерживал его лучом.

Последний вопль. Чо крепче сжал американца. Потом в последний раз поднял кристалл.

— Сделано, — сказал он. — А теперь уничтожим сделавшего.

Рей снова посмотрел. Груда грязных тряпок лежала на камне. Над нею скользило чудовище, оно что-то тихо напевало. И как раньше чувствовался гнев Магоса, так сейчас до Рея дошло ощущение отвратительного удовлетворения.

Луч превратился в сверкающий меч. При его прикосновении тварь перестала удовлетворенно петь и неловко шевельнулась. И завывала, резко, жалуюсь.

Луч изменил цвет, из белого стал светло-розовым, а потом красным. Потом зарыбил, словно по нему пробежали волны из невидимого источника. И Рей всем телом ощутил ритм этой ряби.

Любящий продолжал дергаться, извиваться, его вой стал таким высоким, что человеческое ухо не воспринимало его колебания. И вдруг он начал растворяться. Его очертания потеряли резкость, черная жидкость потекла из тела. А зловоние отравило воздух.

Но Чо не отводил луч от дергающегося тела. Тварь как будто сделала последнее отчаянное усилие, чтобы уцелеть. Она подняла голову, тело ее напряглось, она попыталась наброситься на мурийца, но луч приковал ее к месту.

И она погибла, тело превратилось в лужу разъедающей черной жидкости, которая, в свою очередь, была поглощена лучом. На площадке раздались крики, их подхватили внизу на улицах.

— Город пал, — сказал Чо. — Его защитники бросают мечи и просят о милосердии. А теперь нужно заняться твоими ранами, брат...

Еще один муриец в латах склонился к американцу. Под его шлемом... Рей нахмурился... знакомое лицо. Да... это предводитель пленников.

— Ты... Значит, Таут выполнил обещание...

— Конечно, лорд, и даже сделал гораздо больше... — начал тот, но Чо покачал головой.

— Поговорите позже. А сейчас нужно сделать вот это... — Он растер грудь Рея мазью. — Теперь плащ. Необходимо как можно быстрее передать тебя в руки наакалов...

— Лорд! — заговорил один из мурийцев. Его рука лежала на плече Ураноса. — А что делать с атлантом?

— Чо, — Рей собрал все оставшиеся силы, — это подлинный Посейдон, Уранос. Он тоже был их пленником. Выслушай его...

— Обязательно.

Рей опустил на плащ. На платформе осталась небольшая группа: восемь мурийцев и четверо дико выглядящих бродяг, которые пришли, должно быть, с корабля Таута. Уранос склонился к нему.

— Высшие воинские почести тебе, друг. А за то, что вспомнил обо мне, спасибо. Что касается захваченного атланта — не думаю, чтобы кто-нибудь вступился за него...

Рей посмотрел, на кого он показывает. Два мурийца связывали за спиной руки Кроносу.

— Он захвачен...

— Да. Собственная ненависть и трусость удержала его здесь. Он хотел быть свидетелем нашего конца и боялся сражения. Для него игра теперь проиграна, и я не думаю, чтобы ему понравилось последующее.

Рей слушал с сонной отрешенностью. Мазь Чо сняла боль. Он чувствовал себя странно легким и опустевшим. Воля снова ушла, на этот раз навсегда — так ему казалось. Все вокруг было как в дымке, как будто место, люди, все вокруг, кроме него самого, нереально. Он жив; Любящий, кем бы ни был этот ужас, исчез, прихватив с собой Магоса. А Кронос в плену.

— Кажется, придется тут задержаться, — сказал Чо, возвращаясь с лестницы. — На улицах идут бои; есть отчаянные, которые не желают сдаваться. — Он сел у ног Рея, снял с руки

черный браслет и надел его на руку американца. — В некотором роде это наш ключ к городу.

— Каким образом? — Прикосновение браслета оказало странное действие на Рея. Оно сделало мир устойчивым, сфокусировало его.

— Его принес капитан Таут, и мурийцы согласились поговорить с ним. А Таут знал проход, по которому можно было провести войска в город.

— Как я сказал, — заметил Уранос, — есть тайны, о которых не знает Кронос, которые не исследовали даже красные мантии.

— Но как Му сумела добраться сюда так быстро?.. — Рей коснулся браслета, провел по нему пальцами.

— Спроси Ре Му, спроси наакалов, спроси тех, кто казался нам слепым и не готовым к опасности. Легионы Уйгура пришли с востока, пришел флот из Майакса. Но я плыл с Таутом в авангарде, предъявляя свои права.

— Твои права?

Чо удивился.

— Разве мы не братья по мечу? Ре Му сказал, что ты выполняешь поручение в Красной Земле, и поэтому я пришел. Думаю, мы поставили рекорд. Посмотри... — Он протянул руку и показал свежие волдыри на ладонях. — Даже офицеры садились за весла, когда нужно. Командовал Таут, я по сравнению с его опытом таких рейдов новичок. Он знает берег лучше любого пограничника. Однажды, когда его преследовал корабль стражи, капитана которого не удалось подкупить, Таут наткнулся на нечто необычное. Он увидел разрыв в береговых утесах, такой узкий, что никто бы не поверил, что в него стоит заглянуть. Но там оказалась бухта, пляж, а дальше туннель, прорубленный людьми еще в незапамятные времена. Туннель ведет в город, прямо в подземные помещения храма Пламени.

Мы высадились ночью. Оставили группу, которая позже должна была провести главные силы. Таут поклялся, что сыновья Тени настолько верят в свои стены и каналы, что появление врага внутри уже будет означать их поражение. И я считаю, он оказался прав.

На рассвете мы захватили красную мантию, и он, кажется, принял нас за духов убитых рожденных Солнцем, потому что все нам рассказал. Что Магос собирается вызвать Любящего и накормить его. А природа этого чудовища такова, что, накормленный, он сможет вызвать других. Против такого оружия мы бы не устояли.

Мы считали, что то, о чем он нам рассказал, произойдет в храме Ба-Ала, и заторопились туда. Только потом увидели, что происходит здесь, и поняли свою ошибку. За стенами вступили в действие легионы из Уйгура, а вместе с ними те атланты, которые не принимали правления жрецов Создателя Тьмы. Сейчас очаг за очагом подавляется сопротивление, а по подземному проходу вводят новые войска.

— А это? — Рей указал на кристалл.

— Изготовлен наакалами, их всего несколько. Его передали мне перед тем, как я вошел в проход. Нас предупредили, что нужно быть очень близко к чудовищу, чтобы применить его. Но, Рей, мы видели, как тварь дважды отступала, а ведь ты был связан и безоружен!

— Готов поклясться: то, что он сделал, не смог бы сделать никто другой! — воскликнул Уранос. — Он своей волей отогнал страх, удержал Тьму.

— Нет, — ответил Рей, по-прежнему глядя браслет. Это прикосновение привязывало его к реальности. — Я сделал то, за чем меня послали, призвал Пламя...

— Пламя? — переспросил Чо.

— Белое Пламя, — повторил Рей, снова соскальзывая в состояние странной отчужденности.

— Бессмертное Пламя, — сказал Чо. — Но оно... оно не для людей! На него невозможно смотреть! Поистине щит матери-земли был перед тобой в этот день!

— Некогда Пламя горело в святилище этого города, — говорил Уранос.

— Больше никогда не загорится, — ответил Чо.

— О чем ты говоришь? — спросил принц атлантов.

— Ре Му приказал после взятия уничтожить этот город, чтобы имя его не сохранилось в памяти людей. Потому что

тут открыли врата между двумя чуждыми друг другу мирами, чтобы Любящий и его родичи высвободились в нашем мире...

Два чуждых друг другу мира. Рей запомнил эти слова.

— А жители? — сразу спросил Уранос. — Что с ними будет?

— Злые должны будут встретиться с плодами своего зла. Остальные отправятся в глубь суши. А флот атлантов исчезнет с морей этого мира...

— Внутренние равнины богаты, и места хватит для всех, — заметил Уранос. — Возможно, мы снова станем великими.

— Говорят, так и записано, — печально согласился Чо. — Ибо со временем мать-земля падет. И Атлантида будет править сушей и морем, как хотел Кронос. Но все это в будущем.

— Но со временем и это пройдет...

Чо кивнул.

— Тоже пройдет.

— А кто придет потом?

— Возникнут новые земли. И среди них твоя, Рей.

— Очень не скоро, — сказал Рей. — Очень, очень не скоро. Много земель, много правителей, Вавилон и Крит, Египет, Греция, Рим и множество других. Даже в мое время миром правит не одна власть, он по-прежнему разделен на множество государств, которые иногда воюют.

— Война с Ба-Алом и Тенью никогда не прекратится. — Чо встал и снова отошел к лестнице.

— Я думаю, теперь можно идти, — сказал он, вернувшись. — К храму...

Рей попытался сесть, обнаружил, что не может, и наконец закрыл глаза, а его тем временем подняли и понесли вниз по крутой лестнице. Дважды им приходилось отбиваться, прежде чем они достигли разрушенного храма. К Рею вернулась боль. Каждый шаг людей, которые несли его в импровизированных носилках, отдавался у него в груди. Но вот они под рухнувшей крышей, и один из наакалов заторопился к ним. Рея положили на груды матрацев, и мурийский жрец осмотрел его.

— Как он? — спросил Чо.

— Поправится. Занимайся своими обязанностями, сын мой. Твой брат по мечу в безопасности.

Рей застонал.

— Да, это болезненно, — кивнул жрец. — Но раны такого происхождения нужно очистить...

— Я тебя знаю, — медленно сказал Рей. — Ты... ты ждал в коридоре... со светом... перед тем... перед тем...

— Перед тем, как ты направился сюда, — закончил тот. — Да, это так.

— Воля...

— Не моя, — ответил жрец. — А теперь отдыхай в мире. Со временем ты поймешь. Спи... — Это был приказ, и палец, коснувшийся лба Рея, словно приложил к нему печать. Рей уснул...

— Все готово. — Бертон смотрел на покрытую снегом землю, спускающуюся к кургану. — Но все сделано наспех. Ничего обещать не можем. Вы это понимаете?

— Вы так часто это повторяете, что все уже поняли, — проворчал Харгривз. — Что дальше?

— Мы можем повысить напряжение и удерживать его в течение пяти интервалов, — ответил Фордхэм, — начиная с часа. Последующие промежутки будут уменьшаться. В последний раз продержимся только пять минут. Мы рассчитали все так, чтобы попытки происходили раз в неделю. Если мысленный поиск привлечет Осборна, он найдет дверь открытой каждые семь дней. Так будет пять раз. После этого понадобится перезарядиться. Это может занять месяц — если повезет.

— Игра, просто игра, — заметил Харгривз.

— Игра, да, но не просто. Это один из самых сложных экспериментов в истории. Полет на Луну — школьный опыт по сравнению с этим, — возразил Бертон.

— Когда сделаете первую попытку? — впервые заговорил генерал Колфакс.

— Точно через четырнадцать часов и пять минут. Откроем ворота и продержим их открытыми час. Доктор Бертон приведет в действие «искатель» в соответствии с уравнением...

— И будем ждать. — Генерал говорил словно про себя.

— Будем ждать, — повторил Фордхэм.

— Может быть, вечно, — добавил Харгривз.

Глава 17

Рей, приподнявшись на локте, смотрел в главный зал разрушенного храма. Часть крыши отсутствует, видно ночное небо; на стене развешаны светящиеся стержни. Они озаряют каменные блоки, которые служат мурийским военачальникам столами и сиденьями.

— Как ты себя чувствуешь?

Американец увидел подходящего наакала.

— Лучше...

Жрец улыбнулся.

— Тебе надоело наше лечение, и ты хочешь встать. Что ж... — Его пальцы коснулись запястья Рея, отыскиали пульс. — Наверное, если я не разрешу, ты все равно поступишь по-своему. — Он хлопнул в ладоши, и человек в короткой тунике храмового слуги принес одежду.

С его помощью Рей натянул кожаную тунику поверх повязок, которые окутывали его как мумию от подмышек до пояса. Поверх юбочка из металлических полос, но никаких лат. Их жрец жестом приказал убрать.

— Они тебе не понадобятся, а весят для твоих ран слишком много.

— Где Чо? — спросил Рей.

— На посту у западных ворот.

— А город?

— Сдался. Сопrotивляется еще внутренняя башня дворца. Когда солдаты узнали о захвате Кроноса, они побросали оружие. Сражаются красные мантии Ба-Ала и те, кто понимает, что им нечего ждать милости от нас.

— Рей! — По залу быстро шел Чо. Он остановился и осмотрел американца с головы до ног. — Хорошо, воин готов. Но у тебя нет меча. Возьми этот, я отобрал его у командира стражи ворот... — Он дал Рею в руки пояс с мечом в ножнах. Рукоять меча была украшена рубинами. — Вот так лучше. Ты должен быть готов...

— К чему? Наакал сказал, что бой почти окончен.

— Не к бою, нет. На рассвете в город войдет Ре Му. Теперь весь город, кроме внутренней части дворца, наш.

— А Кронос?

— Его охраняет личная гвардия Великого. Ре Му хочет видеть тебя.

А я, подумал Рей, хочу увидеть его. Есть вопросы. Но смогу ли я их задать? Его снова охватило ощущение нереальности. Он смотрел и слушал, но не был частью окружающего. И даже прикосновение браслета не соединяло его с этим миром, в котором он только зритель на представлении.

Он был с Чо, когда Ре Му вступил в Пятистенный город. Видел белую боевую колесницу Солнца, которую фыркающие кони везли по разрушенным битвой улицам. Он даже повторил воинское приветствие Чо императору и прошел вместе с мурийцем вперед, когда правитель подозвал их.

— Я вижу вас, милорды... — произнес официальное приветствие Ре Му, когда Рей вслед за Чо опустился на колени на пыльной дороге.

Чо склонил голову и дал требуемый ответ:

— Мы твои, Великий, со всей нашей силой и преданностью.

Но Рей смотрел в эти далекие синие глаза. И если Ре Му читает его мысли, то знает, что он не согласен с Чо и что это проявление уважения — только внешнее.

— Никогда Солнцу не служили вернее, милорды, — ответил император. — Идемте со мной...

— Слышим и повинемся, — сказал Чо, они встали, а колесница проехала мимо.

Да, слышим и повинемся. Он слышит и будет повиноваться, но не по желанию. И он хотел бы получить ответ... Вместе с Чо американец пошел за императорской процессией в сердце города. Войска мурийцев собирали горожан на центральную площадь полуразрушенной столицы.

Солдаты пытались навести какой-то порядок в толпе, построить людей, но дороги были забиты. Чо обратился к измученному офицеру:

— Мы вызваны Великим. Как нам быть?..

Офицер развел руками.

— Здесь не пройти, рожденный Солнцем. Идите по боковым улицам, может быть, по крышам. Все равно быстро не доберетесь...

Чо последовал его совету, они свернули и наконец окольным путем снова добрались до храма.

— Где Уранос? — спросил Рей, когда они оказались у цели. Он тяжело дышал от усилий. Пришлось прислониться к стене.

— Не знаю. Вчера вечером он был у Ре Му. Если он действительно тот, как утверждает... — Но Чо замолк, потому что теперь они стояли в толпе офицеров у торопливо сооруженного трона — сложили вместе каменные блоки храма и накрыли яркими военными плащами. Тут сидел Ре Му и совершал свой суд над городом. Вокруг находились люди в украшенных драгоценностями доспехах, среди них выделялись по контрасту простые белые мантии наакалов. Рядом с императором, но ниже его наакал У-Ча чуть склонялся вперед, словно он был близорук и с трудом видел сцену перед собой.

Когда Чо и Рей смешались с воинами, послышался громкий и требовательный гул боевых барабанов. Четыре барабанщика стояли на ступенях. Звуки барабанов стихли, и подобный прибою говор толпы тоже прекратился.

Лицо Ре Му оставалось бесстрастным. Но почему-то казалось, что он видит не только множество людей, собравшихся здесь, но и каждого отдельного мужчину и каждую женщину, которых собирается судить. Рей видел, как люди рядом с ним опустили головы, глядели направо или налево, но в конце концов словно по приказу, которому нельзя не подчиниться, посмотрели на императора.

Тот поднял руку, лежавшую на рукояти меча, который вертикально стоял у него между колен, и указал на треснувший и запятнанный камень у своих ног. По этому жесту слева от Рея вышел один из воинов. Рей увидел знакомое лицо под шлемом. Это был Уранос.

— Жители Атлантиды... — Голос императора звучал так же повелительно, как гул барабанов. — Вы жили под покровом Тени...

Дрожь пробежала по заполненной площади. Все опустились на колени, протянули руки: одни униженно, другие неохотно.

— Прости... — разнеслось что-то подобное воплю, который становился все громче.

— Не все можно простить. Смотрите, избравшие Тьму, на красные пятна на этих стенах. Они свидетельствуют против вас. — Император поднял меч, и восходящее солнце коснулось лезвия, вспыхнуло на нем огнем. Меч указал на стены, у которых погибали рожденные Солнцем.

— Мы выполняли приказ, Великий. Прости!

— А я говорю вам: люди с сердцем восстали бы и отказались выполнять такой приказ. Недостойно человека в день суда прятаться за злым приказом и говорить: «Я поступил так, как мне приказали». В каждом человеке с рождения есть знание добра и зла, и каждый день, каждый час он должен выбирать. Если выбрал зло — из страха или слабости, из похоти, алчности или гнева, все же у него был выбор, и он ответит за него в судный день. Когда ваши предки пришли в эту землю, им были даны два сокровища, чтобы они могли видеть их, и помнить о справедливости... — Снова сверкнул меч и указал на колонны, все еще закрытые пыльными изорванными тканями. — Смотрите, они теперь скрыты от глаз — из-за позора, ненависти и страха, потому что вы не смели смотреть на то, что предали. Вы вычеркнули символы справедливости и правосудия, избрали покров Тени, и некоторые последовали за ней в пропасть. Этот город должен исчезнуть с глаз людей, кровь покроем кровью. Разве не такую справедливость понимаете вы лучше всего, жители Атлантиды?

— Милости... милости... — Этот тонкий вопль, подумал Рей, исходит от женщин и детей. Мужчины в толпе молчали.

— А какую милость проявили вы, жители Атлантиды? Подумайте об этом! Нет, этот город прекратит существовать — наступлению ночи. А вы, превратившие его в нечестивое место, что делать с вами?

Все теперь молчали, слышался только детский и женский плач.

— Да, в нечестивое место превратили вы свой город. Смотрите, этот храм лежит в руинах, а храм Ба-Ала стоит гордо. Укажите мне причину, жители Атлантиды, почему вы не должны разделить участь своего города?

— Милосердия, Великий! Не ради нас, ради наших детей, — слышался одинокий голос из толпы.

— Слушайте мои слова. Есть разный суд и разная справедливость. Вы слабы и глупы, но зло было навязано вам — большинству из вас. Оно не во всех проявилось одинаково. И потому говорю вам: уходите из города, берите с собой только то из еды и одежды, что сможете унести в руках. И до заката вы должны быть за городскими воротами, чтобы вас не настигла высшая кара.

Уранос вышел вперед и встал на колени перед императором.

— Великий, это мой народ. Разреши мне идти с ним, вести его, пока мы не сможем построить заново...

— Уранос, в прошлом они отвернулись от твоего дома, отвергли правление твоей крови и приняли вождя по своему выбору. Еще один свободно сделанный выбор. В матери-земле тебя ждут достойные почести и служба. Неужели ты говоришь это в месте, где стены покрыты кровью твоих родственников? Ты хочешь вести этих людей?

— Великий, ты много говорил о выборе в жизни и о том, что нужно отвечать за свой выбор. Хотя я и рожденный Солнцем, но я из этой земли и един с этими людьми. И выбираю уход с ними. Это свободный выбор. И я отвечаю за его последствия.

Ре Му высоко поднял в воздух меч, коснулся им правого плеча Ураноса, повернул меч, и Уранос поцеловал его рукоять.

— Слушайте внимательно, люди Атлантиды, — приказал император. — Даю вам предводителя, какого у вас не было с древних дней в этой прекрасной чистой земле. Он рожденный Солнцем, но он и атлант, атлант из Атлантиды, а не иноземный завоеватель. Говорю вам: дорожите им, повинуйтесь ему и будьте верны своему выбору.

Уранос, Посейдон Атлантиды, клянешься ли ты снова установить жилище Пламени, идти со своим народом в свете,

воевать с Тенью и всеми ее легионами, поддерживать закон и справедливость под властью Солнца, быть мечом и щитом матери-земли в случае необходимости?

— Клянусь в этом на Пламени от себя и от своего народа, Великий.

Повторно поцеловал он рукоять меча Ре Му и повернулся к тем, кто смотрел на него снизу. Люди молчали, но, когда он начал спускаться по ступеням, протиснулись вперед. Они опускались на колени, целовали ему руки и край плаща. Окруженный ими, он снова повернулся лицом к трону.

— Мы исполним приказ и к закату уйдем из города, — сказал он.

Рябь снова пробежала по площади; Рей решил, что народ начинает расходиться. Но снова загремели барабаны, и все остановилось. В наступившей тишине снова заговорил Ре Му:

— Жители Атлантиды, вы пришли на суд. Теперь вы станете судьями. Что сделать с этим человеком?

Мурийцы у трона расступились, и появился отряд стражи. Солдаты тащили Кроноса, бледного, с дергающимся лицом. Он вертел головой и смотрел по сторонам.

Толпа издала звук, подобный рычанию, и Рей отступил на шаг. Он слышал и читал о ярости толпы, но никогда сам ее не видел. По-своему это так же ужасно, как Любящий...

— Нам, Великий, нам! — кричали сотни, а потом и тысячи глоток.

— Что скажешь, Кронос? Это справедливо? Хочешь этого?

К удивлению Рея, свергнувший Посейдон поднял голову, которая по-прежнему нелепо дергалась.

— Да, — ответил он. Может, решил, что сумеет сбежать? Или просто сошел с ума?

Ре Му кивнул.

— Это твой выбор. Да будет так.

Мурийские стражники отступили, толпа надвинулась волной, и Кронос исчез. Ни крика, ни звука, только шевеление, водоворот в толпе, потом толпа расступилась, устремилась с площади, и Ре Му встал с импровизированного трона и вернулся в храм, за ним ушли наакалы. К Рею и Чо подошел офицер.

— Великий призывает вас.

Они вошли в ту часть храма, где стоял камень, изрубленный и изуродованный огнем. Рей решил, что он служил центральным алтарем. Рядом с камнем стояли Ре Му и У-Ча. Император первым обратился к Чо:

— Ты просил опасного назначения, рожденный Солнцем. И хорошо с ним справился. Ты убил это порождение зла, тварь, призванную из другого мира. Чего ты просишь за это?

— Ничего. Это был мой долг.

Ре Му улыбнулся.

— Ничего — ответ молодости и храбрости утра жизни. Но этого недостаточно. Тебе — змея, а после тебя она перейдет к твоим сыновьям и сыновьям сыновей. Иди сюда...

Чо опустил на колени у ног императора. Ре Му отсоединил от своего шлема кольцо в виде разящей змеи и надел его на голову Чо. Все окружающие подняли мечи.

— Теперь ты... — Ре Му посмотрел на Рея. — Ах, да, у тебя есть о чем спросить нас. Даже потребовать. Ты не добровольно отказался от собственной воли, тебе не дали выбирать.

— Да, — коротко ответил Рей.

— Ты не нашей крови, это не твоя война. В момент величайшей опасности для нас мы выковали из тебя необходимое оружие. Подумав, ты поймешь, что это было сделано правильно. Я много говорил о выборе и о том, что нужно быть верным своему выбору. Мы выбрали за тебя, поверившего нам, и это плохо. Но на это у меня только один ответ: мой выбор был между благом одного человека и спасением всего моего народа.

Мы не могли достичь этой земли: ее слишком хорошо защищали преграды, и не только видимые людям — из стали, стен и воды, но и созданные Магосом и его приспешниками. Всякий человек нашей крови, оказавшийся здесь, попал бы в ловушку. Мне кажется, ты на себе испробовал их оружие, когда тебя наконец схватили. Но так как ты не один из нас, у тебя оказалась врожденная защита, какой мы не обладаем. И мы вложили в тебя то, что помогло тебе открыть для нас дверь. Ты стал ключом, единственным нашим ключом.

— Даже к Любящему? — спокойно спросил Рей. Он не склонился, как Чо. Смотрел глаза в глаза человеку, который правил большей частью этого мира. И во взгляде его не было благоговения или страха.

— Даже к Любящему, — согласился Ре Му. — Он был первым, если хочешь, разведчиком целой армии подобных, которую выпустил бы на нас Магос. Он тоже был ключом, потому что каждый раз, когда его призывали и кормили, он становился сильнее и каждый раз сильнее привязывался к нашему миру. Со временем он привел бы других таких же или еще худших. Место, откуда Магос призвал его, чуждо нам и всегда было оплотом нашего врага. И мы не знаем, какие еще ужасы таятся в той бездне. И ты должен был послужить наживкой, чтобы вытянуть его, когда с ним еще можно было справиться, а потом закрыть врата.

И скажу тебе: за всю нашу историю ни один человек не послужил матери-земле так, как ты, чужеземец. И не вставал перед таким злом, не делал его на время бессильным. Не в моей власти достойно вознаградить тебя, потому что разговор о наградах унижает сделанное тобой. Но проси чего хочешь...

— Верни меня в мое время и место, — ответил Рей.

Ре Му стоял молча. Потом медленно сказал:

— Все наши знания к твоим услугам. Но можно ли это сделать, не знаю. А что, если нельзя?

— Не знаю. Но я не из этого времени. — Наступила очередь Рея помолчать: ему трудно было выразить в словах то, что он чувствовал. — Может быть, вернуться не удастся, но я должен попробовать...

— Да будет так!

Рей отошел, и к нему приблизился Чо. Лицо мурийца было печально.

— Ты ненавидишь нас, брат? — спросил он. — Из-за того, что с тобой сделали? Я не знал об этом. Но понимаю, что такое способно разгневать...

— Ненавижу?.. — повторил Рей. Он ничего не чувствовал, только опустошение, странное отчуждение, как будто он больше не часть этой жизни и находится в месте, не предназначенном для него. Пловец в океане, глядящий на чуде-

са и цвета мира, который не принадлежит ему, в котором он чужак, испытывает нечто подобное, решил Рей. После ухода воли и смерти Любящего он стал просто зрителем. Снова попасть в реальный мир...

— Нет, не ненавижу, — сказал он скорее себе, чем Чо. — Просто я устал... устал...

— Ну а если ты не сможешь вернуться? — Муриец поднял руку, но не коснулся Рея, только время от времени поглядывал на него. Рей снова подумал, как он устал, пошел в то место храма, где его лечили, лег на койку. Чо бросился на грудь плащей по соседству и быстро уснул. Но американец, несмотря на усталость, уснуть не мог. Он закрыл глаза и попытался увидеть... да, на этот раз он старался увидеть деревья, молчаливый лес.

Ре Му предложил ему все, что он пожелает. Можно попросить корабль, идущий на север, потом пересечь равнину и оказаться в полутьме леса. Попасть на то место, где он вошел в это время. А что, если он встанет там и ничего не произойдет?

Он услышал легкое движение рядом и открыл глаза. У-Ча, выглядящий очень старым — старым и поблекшим в своей белой мантии, которая казалась более материальной, чем хрупкое тело в ней, смотрел на него сверху вниз.

— Ты был этой волей, — сказал Рей.

— Да, отчасти, — согласился наакал. — Но воля не все, что было в тебе, потому что сила за этой волей принадлежала тебе.

— Но я не хотел...

— Выполнять наши приказы? Да, это тоже верно. Но подумай: когда потребовалась эта воля, среди нас не нашлось человека, который мог бы придать ей силы. Ты другой, по нашим меркам ты очень сложен, сформировался в другие дни и жизнь, о которой мы ничего не знаем. Но я думаю, что сейчас ты не такой, каким впервые пришел из своего времени в наше. Кузнец извлекает из огня раскаленный металл и бьет по нему. Потом охлаждает, снова нагревает и снова бьет. И в конце своих трудов держит в руках совсем не то, с чего начал.

Рей сел. Раны под повязками слегка ныли. Эта боль почему-то успокаивала, делала его живым, а не просто отчужденным наблюдателем.

— Ты хочешь сказать, что эта перемена может удержать меня здесь?

— Возможно, тебе стоит помнить об этом, сын мой, потому что я уверен: ты теперь не тот человек, каким пришел к нам. Может быть, перемены начались, как только ты оказался в нашем мире, и все усиливались. Значит...

— Значит, я должен быть готов к неудаче. Хорошо, что ты меня предупредил. Но поможешь ли ты мне?

— Всем, чем могу... ты знаешь это... да.

— Не здесь, — сказал Рей, — и не в Му, а на севере...

У-Ча удивленно взглянул на него.

— На севере — в Бесплодных Землях? Но там нет храма, нет места для науки...

— Я знаю только, что пришел с севера и должен туда вернуться. И что это нужно сделать быстро либо совсем не делать.

У-Ча наклонил голову.

— Да будет так.

Потом поднял худую руку, на которой отчетливо выделялись голубые вены, и начертил в воздухе между ними знак, невидимый Рею.

— Пусть дух твой отдохнет, пусть мозг даст отдых телу, потому что не сегодня и не завтра мы сможем помочь тебе на твоём пути. А до того времени пребудь в мире.

И Рей, ложась, обнаружил, что его ждет сон, сон без сновидений, в котором не возникло и тени воспоминаний.

На закате он стоял за городом в обществе Чо и пиратов, которые провели силы Му в крепость. Последние жители города выходили в ворота, собирались семьями, группами и уходили, а повстанцы с равнин верхом охраняли их. В городе обыскивались дом за домом, чтобы никого не забыть. В сумерках пришли и те, кто искал. И когда они достигли холмов, с мурийских кораблей, стоявших у берега, на город устремились лучи. И когда они пересекались, слышался грохот сильнее грома, дрожала земля, и многие наблюдатели падали. Тучу пыли подхватил ветер, и небо еще больше потемнело.

— Храм Ба-Ала... — Чо схватил американца за плечо. — Посмотри на храм Ба-Ала!

В развалинах по-прежнему стояло приземистое здание с красными стенами. Внешне оно казалось нетронутым. Снова скрестились лучи, направленные только на это здание, но, когда погасли, оно стояло, как и раньше.

И тут с неба, как будто машины разрушения привлекли силы природы, сверкнул ослепительно яркий свет. Все оглохли от грома, а когда открыли глаза, храма не было.

Но у Рея появилось странное ощущение, которое он не мог объяснить и в которое сам почти не верил и не говорил о нем. Ему показалось, что он увидел черную тень, похожую на человеческое тело с головой быка. Она улетела в ночь, завернувшись в темный плащ мрака.

Все пошли к кораблям, и в это время от длинной колонны медленно уходящих атлантов отъехал всадник. Уранос склонился с седла и обратился к Рею:

— Друг, я ничего не забыл. Все мое принадлежит тебе, ты только скажи. И так будет с нашими сыновьями и сыновьями сыновей. Ты позовешь, и я приду. Если понадобится, приду на край света. А теперь я должен идти со своим народом. Но помни, брат...

Рей сжал его руку.

— Между нами нет долгов. — Тот должен это понять. — Иди с миром...

Рука сжала его пальцы, потом разжалась. Теперь рядом с американцем стоял Чо.

— Корабль ждет... ждет мать-земля...

И они вместе пошли на берег.

Глава 18

— Высаживались здесь? Ты уверен?

Рей едва не присоединился к сомнениям капитана Таута. На пустынном берегу никаких следов, а одно место на нем не отличается от другого. И все же Рей был уверен.

— Здесь, — убежденно ответил он. Повернул голову: трудно даже слегка ослабить эту нить, которая тянет его сюда, тянет тем сильнее, чем ближе они к Бесплодным Землям.

Ждет мать-земля, сказал тогда Чо. Но Рей знал, что возвращение не для него. Как он говорил У-Ча, для него существует только одна дорога, и ведет она на север. Таут, получивший приказ охотиться за сбежавшими судами из флота атлантов, согласился доставить его к нужному берегу.

Капитан рейдера плотнее запахнул морской плащ на мощных плечах. Дул холодный ветер, скорее похожий на зимние ветры этой земли, какой она станет. Рей видел белые полосы, снежные наносы.

— Мы отплывем восточнее. Зажги костер, когда захочешь, чтобы мы тебя подобрал...

Рей кивнул. Костер, подумал он, вероятно, никогда не будет зажжен. Лучше, чтобы Таут понял это.

— Я могу не вернуться, — сказал он. — Иду искать свой народ.

— Не задавай вопросов, и тебе не станут врать, — ответил моряк. — У каждого свои тайны. Здесь нет колонии, только дикие места и звери, с которыми лучше не встречаться. Тут плавали только корабли атлантов. Некоторые теперь станут пиратами. И разбойники устраивают здесь свои лагеря. — Он махнул рукой в сторону берега. — Иди осторожно, воин, и держи руку на мече. Мы будем ждать твоего сигнала.

— Если не увидите его через пять дней, занимайтесь своими делами и меня не ищите, — твердо ответил Рей.

— Договорились. Но что мне доложить по возвращении? Что высадил тебя в диком месте, что ты отказался от охраны и я оставил тебя одного? Думаю, мне не избежать боя на мечах, если скажу так. Особенно от рожденного Солнцем Чо, которого ты обманул, когда тайком ушел от него и явился ко мне на борт с приказом.

— Скажи ему, чтобы он расспросил наакала У-Ча. Есть такие, кто знает, что я должен сделать.

Рей испытывал нетерпение. Ему хотелось прыгнуть с борта корабля и уплыть. Но Таут, видимо, решил больше не спорить. Капитан отдал приказ, и Рея отвезли на берег. Он выпрыгнул из лодки на мокрый песок и повернулся, чтобы взять мешок с продовольствием, который бросил ему рулевой. И не стал ждать, пока лодка вернется на корабль.

Ветер и волны пригладили песчаные дюны, но поблизости он увидел почерневшие от дыма камни. Да, внутренний указатель привел его верно. Здесь был лагерь атлантов, куда его доставили, захватив в плен. Теперь...

Рей спрятал мешок с продуктами под скалой. Это лишняя тяжесть. Вероятно, он его больше никогда не увидит. Он пошел в глубь суши, словно по хорошо обозначенной дороге. Так уверенно шел, как будто тропа его была вымощена гладкими плитами.

Через какое-то время он оказался в ущелье, где лежали очищенные кости лося. Поднялся по откосу, по которому его спускали пленником. Перед ним на фоне неба темнела линия леса. Солнца сегодня нет. Небо холодное и страшное, зима здесь чувствуется сильнее.

В лесу темно: несмотря на время года, он не потерял листву, и над головой был темный навес. Рей высвободил зацепившийся гребень мурийского шлема, потом задержался, освобождая край плаща от колючего куста.

Под ногами его высоких морских сапог мягкий моховой ковер, зеленый и лишь едва тронутый коричневым. Посмотрев между рядами деревьев, Рей увидел только мрачные тени. Это лес его повторяющегося сна. А в нем то, что его ждет. Но это его путь, и он не может свернуть с него. Никакая воля не помогает ему победить страх и сомнения, как в Атлантиде, но он испытывает необходимость идти вперед, добраться до места, в котором он прошел сквозь время. Вначале эта необходимость была легким беспокойством, но постепенно становилась все сильнее и сильнее, влекла его, и он не мог сопротивляться и не хотел.

Кожаная куртка и рубашка, которые были тогда на нем, исчезли. Теперь он одет в кожаную тунику, хорошо выделанную и мягкую, как ткань, солдатскую юбочку с металлическими нашивками и в металлические доспехи. На талии пояс с мечом, ножны касаются бедра. Внешне он сильно изменился. Рей бегло подумал, что скажут, когда его увидят люди его времени. Его фантастическая история — может быть, одежда подтвердит ее.

Не обращая внимания на царапины, Рей прорвался через подлесок, растущий на краю леса, и пошел по проходу между деревьями. Отсюда он бежал в панике. Сможет ли он точно найти место своего прорыва? Но тяга не ослабевала, а Рей привык полагаться на нее как на указатель направления.

Он снова побежал, на этот раз в лес, а не из него. Пора... пора... пора...

— Что-то приближается! — Бертон снял один наушник.

Все видели на экране чуждый пейзаж: гигантские деревья, край лесной поляны. Харгривз взглянул на остальных собравшихся. Он подумал: они на самом деле не верят. До сих пор, несмотря на съемки, не верят. И невозможно поверить, пока не увидишь сам.

— Данные... дайте мне данные! — резко приказал Бертон одному из троих своих помощников.

Каждый из них назвал серию координат, Бертон, хмурясь, настроил приборы.

— Дальберг, повторите!

Помощник слева повторил свои числа. Бертон принялся писать, сильно нажимая на карандаш. Он хмурился все сильнее. Что-то дописал, перечеркнул яростным взмахом и написал другую строчку цифр.

— В чем дело? — спросил генерал Колфакс.

Бертон нетерпеливо махнул рукой, требуя тишины.

— Кемпбелл, попробуйте... — Сосед справа прочел еще несколько чисел. Пальцы замелькали на клавишах, поворачивались шкалы. Бертон ссутулился, наклонился вперед, почти касаясь носом маленького экрана, повторявшего изображение большого.

Впервые заговорил Фордхэм:

— Десять минут до конца попытки.

Бертон обернулся.

— Может не хватить. Он здесь... или кто-то... на луче. Вы должны продержаться дольше...

— Придется привлечь резервы. Но тогда снова попробовать мы сможем не скоро.

— Но он там, говорю вам!

— Вы сказали «он или кто-нибудь», — снова заговорил генерал. — Только что вы были не так уверены.

— Все это строится на предположениях, на уравнениях, выведенных без достаточной базы данных, — ответил Бертон. — Естественно, следует ожидать отклонений. Но мы удерживаем сознание, человек приближается, отвечая на наш призыв. И думаю, это ваш человек. Мы ведь построили свой призыв на том, что знаем о нем, и только о нем.

— Но вы не уверены. — Генерал поднял со стола собственный микрофон и принялся отдавать приказы:

— Смолл, подготовьте своих людей. Кто бы ни появился, берите его. Он должен быть здесь в ту же минуту, как появится.

Фордхэм справился со своими приборами.

— Шесть минут до конца попытки. Насколько он близок? — спросил он у Бертона.

— Меньше мили. Говорю вам, вы должны продлить время!

Фордхэм побарабанил пальцами по краю панели. Наконец взял микрофон.

— Ну, используем все возможности. Да, я переключусь на резервы, когда понадобится.

Деревья на экране — такая невинная картина, подумал Харгривз. Вокруг индейского кургана расположились военные, они готовы схватить то, что они притягивают назад, в свое время. Это Рей Осборн — или кто-нибудь... *кто-нибудь...* Человек, у него мозг человека, иначе Бертон не смог бы притянуть его. Но их человек или кто-то из того мира идет по этому удивительному лесу?

Носком сапога Рей зацепился за торчащую из земли ветку. Развел руки, пытаясь сохранить равновесие, и сумел устоять на краю поляны. Рука его ударилась о ствол, он ухватился за кору. И вдруг... дерево... оно расплывается! Он споткнулся и опустился на колено. Вокруг мелькают тени в головокружительном танце. Впереди тень большего размера — груда земли... курган... индейский курган!

С нечленораздельным криком Рей бросился к нему. Но руки его не коснулись земли, хотя он и видел ее. Он встал. Вот курган, но хоть он ударил его кулаком по прочной поверхно-

сти... Какая поверхность? Рука прошла насквозь... сквозь замерзшую землю, как утверждали его глаза.

Он попятился на один-два шага, по-прежнему держа руки перед собой. К нему из-за кургана устремились тени, они менее устойчивы, чем земля, которой он не может коснуться. Люди — он видит лица, мундиры, но словно сквозь туман. Смотрит, как они протягивают к нему руки, пытаются схватить и удержать. Один бросился на землю, чтобы схватить Рея за ноги, прокатился, хватая руками пустоту, ту же, что встретил Рей в кургане.

— Нет! Нет! — услышал Рей собственный дикий вопль. Это конец кошмара, тот конец, которого никогда не было во сне, но теперь он встретился с ним наяву. Он снова отступил. Теневые люди... один поднял пистолет... выстрелил.

— Нет! — снова закричал Рей. Лес, безопасность в лесу. Пусть все вернутся, пусть вернутся деревья!

Теневые люди и курган, все это есть и в то же время его нет... нет!

Дикое возмущение вспыхнуло в нем. И мгновенно порвалась нить, тянувшая его сюда. Деревья... деревья... Рей закрыл глаза и принялся думать о деревьях. Они неожиданно возникли в его сознании, высокие, сильные, живые. Стремись к ним, требовала какая-то часть его. Помни: ты продержался против Любящего; ты должен держаться сейчас — или превратишься в тень в несуществующем мире. Деревья!

Плечо коснулось чего-то твердого. Не смея открыть глаза, Рей протянул руку, она ударилась о грубую кору. Он прижал к ней пальцы, пытался задержаться на этом. Дерево!

Соленый пот тек по щекам. Деревья... вокруг него деревья, а не мир теней!

Теперь он решил открыть глаза. Да, вокруг него деревья. Но впереди — он словно смотрит через открытую дверь или окно — впереди курган, рядом с ним люди... солдаты. Теперь они реальны, не тени, но это потому, что они в своем мире, а он в своем и больше не пытается пересечь запретный барьер. Нить, тянувшая его сюда, порвалась. И он смотрит на чужаков в чужом мире.

Так продолжалось мгновение. Потом окно — в чем? во времени или в пространстве? — исчезло. Он один в лесу. Тяжело дыша, Рей прислонился к дереву.

Что произошло? Он почти вернулся в свое время. Курган, мундиры солдат — все это наглядные доказательства. Но полностью пройти он не смог. Увидел, но не смог коснуться — и никогда не сможет. Он должен признать, что для него нет возврата. Но в тот момент Рей испытывал только облегчение от того, что спасся из этого призрачного мира.

— Что произошло? — первым нарушил молчание генерал Колфакс.

Бертон сидел неподвижно, глядя на экран, вцепившись пальцами в панель перед собой. На лице его было выражение крайнего изумления. Ответил Фордхэм:

— Мы закончили наши попытки — и надолго. Установка сгорела — полностью. — Он постучал по шкалам перед собой. Их иглы оставались неподвижными.

— Вы его видели. — Бертон повернул голову, умоляюще глядя на Харгривза. — Вы действительно *видели* его?

— Тень... призрак... — Харгривз искал подходящее слово.

— На нем были латы, — подсказал генерал, — и меч. Это не ваш человек. Или если ваш, то что он там делал? Почему не прошел к нам?

— Не смог, — ответил Фордхэм. — Хоть мы и привлекли Осборна, он больше не человек нашего мира. Мы рассмотрели множество теорий, начиная операцию «Атлантида». Вы знаете старый парадокс, который всегда приводят, говоря о путешествиях во времени: человек может вернуться в прошлое, изменить историю своей семьи, и в результате он сам не сможет появиться на свет. Мы не пытались совершить такое путешествие во времени. Но, допустим, Осборн сделал что-то очень важное для истории того уровня, принял участие в событиях, которые укоренили его там. Тогда что ж... он мог оказаться прикрепленным к тому миру.

Генерал вскочил на ноги.

— Если вы правы, то же самое может произойти со всяким, кто попытается пройти?

Фордхэм кивнул. Генерал обратился к своему микрофону:

— Мне нужно доложить.

— Вы предложите отложить проект на неопределенное время, — не спросил, а просто высказал утверждение Фордхэм.

— Отложить. Наверное, заглянуть туда можно. Но я бы посоветовал не проходить... пока мы не узнаем больше, гораздо больше...

— А Осборн? — спросил Бертон.

— Если это был Осборн, он как будто нашел свое место. И пока не узнаем больше, пусть остается там... — ответил Фордхэм.

— Мне кажется, он не так уж плохо там устроился, — сказал Харгривз, — конечно, если это Осборн. Он исчез несколько недель назад, затерялся в неизвестном мире. А когда вернулся — или почти вернулся, — на нем латы, он вооружен. Очевидно, установил хороший контакт с обитателями того мира, нашел свое место в нем, раз ему дали одежду и оружие. И если доктор Фордхэм прав, он совершил там нечто значительное. Интересно, что именно? — И он посмотрел на пустой экран.

— Что ж... — Бертон медленно встал. — Мы, наверное, никогда этого не узнаем. Он там, куда нам не дотянуться... в безопасности.

На руке генерала Колфакса затрещало устройство связи. Он поднес его к уху.

— Колфакс слушает, давайте.

Послушал немного и повернулся лицом к остальным. На лице у него было изумленное выражение.

— Сообщение из Пентагона. Новые земли — одна в Атлантическом океане, другая в Тихом. Они не поднялись со дна, просто оказались там. Словно всегда там были...

— Атлантида, — прошептал Фордхэм. — Но как... почему?..

— Попросите у своих компьютеров новое уравнение. Мы случайно послали туда человека — и в обмен получили два новых континента. Похоже, что-то изменилось и на нашей стороне. Здесь и сейчас. И нам придется иметь с этим дело. Эти

земли... если они населены... или если открыты... ими придется заняться.

— Пригодны для захвата, конечно, если там нет жителей, — заметил Харгривз. — Пожалуй, нужно сразу этим заняться. Может быть, Осборн оказался в лучшем из двух возможных миров.

Высокие деревья, но теперь в них нет ничего тревожного, несмотря на полумрак под закрывающими небо кронами. Рей шел легко. Он надеялся найти путь назад к берегу, теперь, когда путеводитель, приведший его сюда, не действует. По-прежнему его не оставляло ощущение безопасности, которое появилось вместе с возвращением деревьев. Как будто он спасся из теневого полумира, и это было спасение от опасности, угрожавшей не только его телу.

Возврата нет. Он принимает это. То, о чем предупреждал его У-Ча, справедливо. Его действия поставили преграду между ним и прошлым. И теперь, когда он знает и принимает это, сознание нереальности окружающего, охватившее его в Пятистенном городе, исчезло. Здесь, теперь — все, что у него есть и в чем он нуждается. Собственное время мало что могло бы предложить ему — меньше, чем это.

Он вышел из леса и побежал рысцой. Далеко ли до берега? Вечер не скоро. Может, рейдер еще близко, и его сигнал заметят.

Рей бежал, как некогда бежал из этого же леса. Что обещал ему Ре Му — проси чего хочешь? Он знает теперь, чего хочет. Места на этой земле. Найдутся и еще желающие поселиться здесь. Это его собственная земля, последнее, что связывает его с прошлым. Бесплодные Земли — неправильное название. Они не бесплодные. Достаточно только взглянуть на этот лес, на эту равнину! Хорошие земли — и ждущие человека.

Над головой облака разошлись, пропуская свет солнца. Сухая трава под ногами стала золотой. Бесплодные? Нет! Когда-нибудь здесь будут города, жители...

Рей тяжело дышал. Приблизившись к берегу, перешел на ходьбу. И несмотря на боль в ребрах и усталость, принялся собирать плавник. Нужна большая груда, чтобы получился вы-

сокий столб дыма. И впередсмотрящий Таута обязательно его увидит.

Рей достал из сумки кресало и разжег костер. Раздул огонек.

Бесплодные Земли... настоящие земли... Он вспомнил о призрачном барьере и теньях за ним. Теперь он здесь и сейчас. А то было что? Другое *где-то*... нет, *когда-то*. И этого в его жизни больше нет. Он подбросил в костер дров и смотрел, как темный дым по спирали поднимается к солнцу, теплomu и дарующему утешение солнцу.

Содержание

ПЕРЕКРЕСТКИ ВРЕМЕНИ	5
ПОИСК НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ВРЕМЕН	159
ЗВЕЗДНЫЕ ВРАТА	321
ОПЕРАЦИЯ «ПОИСК ВО ВРЕМЕНИ»	481

Литературно-художественное издание

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

Андрэ Нортон

ПЕРЕКРЕСТКИ ВРЕМЕНИ

Ответственный редактор *Е. Березина*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *М. Белов*
Корректор *Л. Зубченко*

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно
законодательству РФ о техническом регулировании можно получить по адресу:
<http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 30.06.2014. Формат 84×108^{1/32}.
Гарнитура «Newton». Печать офсетная. Усл. печ. л. 35,28.
Тираж 3100 экз. Заказ № 6424.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.oaompk.pf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-699-74398-8

9 785699 743988 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*

international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.**

E-mail: vpzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД». Невский пр-т, д. 46.

Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», 603094, г. Нижний Новгород,
ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.

Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (032) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»

можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

ПЕЧАТЫ
ФУНДАТИКИ

Вся
НОРТОН
ПЕРЕКРЕСТКИ
ВРЕМЕНИ

ISBN 978-5-699-74398-8

9 785699 743988 >

ЭКСМО